КИТАЙСКИЙ ЭРОС

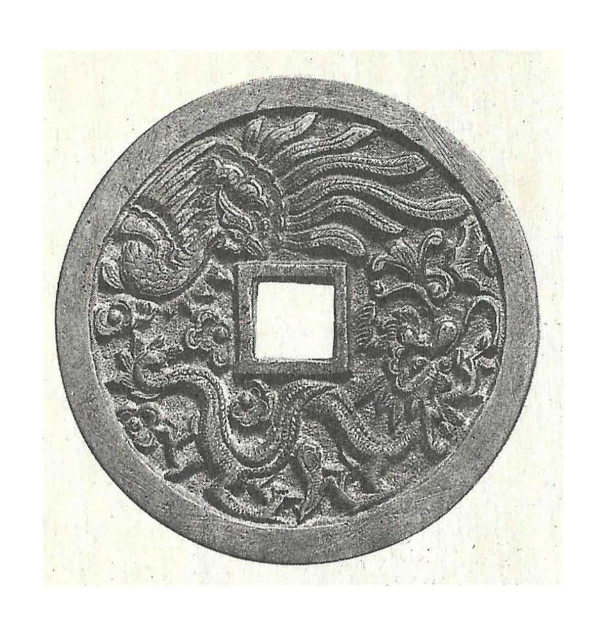
中國
色情

КИТАЙСКИЙ ЭРОС

КИТАЙСКИЙ ЭРОС

В работе над книгой принимали участие:
Блюмхен С. И.
Виногродский Б. Б.
Воскресенский Д. Н.
Голыгина К. И.
Городецкая О. М.
Дикарев А. Д.
Завадская-Байчжи Е. В.
Таскин В. С.

Авторский коллектив выражает глубокую признательность сотруднику Государственного Эрмитажа Ивочкиной Н. В. за помощь в работе.

В оформлении книги были использованы оригинальные предметы из коллекций:
— Государственного Эрмитажа, Ленинград (ГЭ);
— Государственного музея искусства народов Востока, Москва (ГМИНВ);
— Отдела рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения (ЛО ИВАН);
— Частной коллекции, Москва.

КИТАЙСКИЙ ЭРОС

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК

СОСТАВИТЕЛЬ И ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. И. КОБЗЕВ

СП «КВАДРАТ»
МОСКВА 1993

«Китайский эрос» представляет собой явление, редкое в мировой и беспрецедентное в отечественной литературе. В этом научно-художественном сборнике, подготовленном высококвалифицированными синологами, всесторонне освещена сексуальная теория и практика традиционного Китая. Основу книги составляют тщательно сделанные, научно прокомментированные и богато иллюстрированные переводы важнейших эротологических трактатов и классических образцов эротической прозы Срединного государства, сопровождаемые серией статей о проблемах пола, любви и секса в китайской философии, религиозной мысли, обыденном сознании, художественной литературе и изобразительном искусстве. Чрезвычайно рационалистичные представления древних китайцев о половых отношениях вытекают из религиозно-философского понимания мира как арены борьбы женской (инь) и мужской (ян) силы и ориентированы в конечном счете не на наслаждение, а на достижение здоровья и долголетия с помощью весьма изощренных сексуальных приемов.

ББК 84.(0)3
Ко 55

К $\frac{3010700000\text{-}034}{Л\text{-}66(03)\text{-}93}$ без объявл.

ISBN 5-8498-0026-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собой явление, редкое в мировой и беспрецедентное в отечественной литературе.

Интерес к древней китайской эротологии сейчас исключительно велик. Китайская культура много и серьезно занималась проблемами пола и сексуальности как в литературно-художественном, так и в религиозно-философском и медицинском аспектах. Однако ознакомиться с ней по первоисточникам довольно сложно.

Большая часть древнекитайских эротологических трактатов не переводилась на европейские языки, в КНР они находятся в спецхранах научных библиотек и мало кому выдаются для чтения. Основным источником для западных читателей являются популярные книги живущего в Швеции китайского ученого Чжан Жоланя «Дао любви и секса. Древнекитайский путь к экстазу» (1977 г.) и «Дао любящей пары. Истинное освобождение посредством Дао» (1983 г.). В последнее время эти книги стали распространяться и у нас, правда, в пиратских изданиях. Но не говоря уже о юридической стороне дела, переводить сложные китайские тексты с английского — то же самое, что изучать «Слово о полку Игореве» по американским комиксам.

Особенность настоящего сборника в том, что он составлен и подготовлен высококвалифицированными учеными-синологами на основе оригинальных китайских текстов. Это не вольный пересказ, а тщательно сделанный, научно прокомментированный и бо-

гато проиллюстрированный перевод важнейших эротологических трактатов и классических образцов эротической прозы Срединного государства, сопровождаемый серией специальных статей о том, как ставились проблемы пола и сексуальности в китайской философии, религиозном сознании, обыденной жизни, художественной литературе и в изобразительном искусстве. Таким образом, советский читатель получает не просто набор рецептов «секса по-китайски», а более или менее цельное представление о месте эротики и сексуальности в традиционной культуре древнего и средневекового Китая.

Однако не будем кривить душой. Как бы ни был интересен культурологический контекст книги, многие, вероятно, даже большинство читателей, все-таки подойдут к ней прагматически, с точки зрения возможного повышения собственной «сексуальной квалификации». Ничего постыдного в желании стать мастером «искусства спальни» нет, тем более что древние авторы обещают и продление жизни, и укрепление здоровья, и всякие прочие блага. Но, как и всякая народная медицина, китайская сексология требует осмысленного к себе отношения, а не слепого подражания.

При всей кажущейся универсальности сексуальной техники, её правила всегда ориентированы на определённый социо-культурный контекст, причём эти сексуально-эротические сценарии в разных обществах далеко не одинаковы.

В чём специфика древнекитайского понимания секса и эротики?

В отличие от христианской культуры, рассматривающей секс как нечто грязное, низменное и чрезвычайно опасное, китайская культура видит в сексуальности жизненно важное положительное начало, утверждая, что без благополучной и здоровой половой жизни не может быть ни личного счастья, ни здоровья, ни долголетия, ни хорошего потомства, ни духовного благополучия, ни даже социального спокойствия в семье и в обществе. Сексуальность и всё, что с нею связано, воспринималось китайской культурой очень серьёзно, и это было правильно.

Вместе с тем, в отличие от некоторых гедонистических индийских концепций, ориентированных преимущественно на индивидуальное наслаждение, китайская эротология чрезвычайно рационалистична. Здесь всё взвешено, выверено, регламентировано, разложено по полочкам, причём в основе всех этих предписаний и классификаций лежат не случайные ситуативные соображения, а религиозно-философские представления и тесно связанные с ними нормы сохранения здоровья и долголетия.

Если воспользоваться фрейдистским противопоставлением принципа реальности и принципа удовольствия, то придётся сказать, что китайская эротология ориентирована не на принцип удовольствия, а на принцип пользы. Но какая именно и чья польза имеется при этом в виду?

Читая даосские и конфуцианские трактаты об «искусстве спальни», очень важно помнить, что они написаны с мужской точки зрения и адресованы прежде всего и даже исключительно мужчинам. Женщина выступает в них не столько как равноправный сексуальный партнёр, сколько как объект мужского вожделения. Даже стараясь довести женщину до оргазма, мужчина заботится не столько об её удовольствии, сколько о том, чтобы получить драгоценную женскую субстанцию инь, не поделившись собственной жизненной силой — ян. В свете современных идей о равенстве и взаимодополнительности полов такая установка выглядит, мягко говоря, несколько эгоистичной и может вызвать у женщин чувство протеста.

Второе ограничение. Многие советы адресованы не просто мужчине, а императору, обладателю гарема. Однако подражать монархам не только не обязательно, но сплошь и рядом невозможно. Современный мужчина, который всерьёз воспримет рекомендацию жениться сразу на девяти женщинах, не только не укрепит своё здоровье, но будет иметь серьёзные трудности как в личной, так и в общественной жизни. Сегодняшние супружеские отношения, даже если ограничиться постелью, требуют не только отточенной эротической техники, но также психологической интимности и способности понять индивидуальность другого человека. Древние китайские авторы об этом практически не задумывались. Между тем очень многие наши любовные проблемы и трудности обусловлены не столько сексологической, сколько психологической некомпетентностью — эмоциональной заторможенностью, нечуткостью, неспособностью к самораскрытию или пониманию душевных состояний партнёра. Грамотный психолог или психоаналитик может помочь в этом случае гораздо лучше, чем авторы даосских трактатов. Не говоря уже о конфуцианцах с их призывами к порядку и дисциплине.

В описании некоторых сексуальных позиций и в иллюстрирующих их рисунках, помимо партнёрской пары, часто присутствует третье лицо — ребёнок или служанка. Отчасти это отражает реальный быт той эпохи, когда многие телесные отправления, которые ныне считаются сугубо интимными, осуществлялись более или менее публично (так было и в средневековой Европе). Отчасти же

в этом представлен некий эстетический принцип: наличие потенциального зрителя усиливает эротический эффект сексуального действия. Однако и это правило не универсально. Сегодня мы предъявляем гораздо более высокие требования к приватности и интимности сексуальных отношений, равняться в этом на древние китайские образцы явно не стоит.

Китайская эротология содержит множество полезных советов и рекомендаций — относительно техники полового акта, правильного дыхания, питания и т. п. Некоторые из этих советов принимает и современная западная сексология, другие же являются спорными.

Самый важный из этих вопросов — способность мужчины сознательно контролировать свое семяизвержение (эякуляционный контроль) и тем самым произвольно регулировать длительность полового акта. Проблема эта чрезвычайно важна. Преждевременная эякуляция — самая массовая мужская проблема — лишает сексуального удовлетворения очень многие супружеские пары. Особенно много психологических трудностей вызывает отождествление сексуального удовлетворения с семяизвержением у пожилых мужчин, которые не в состоянии поддерживать прежний уровень половой активности, а секса без эякуляции они не мыслят.

Исходные принципы китайской и западной медицины в этом вопросе долгое время были противоположными. Некоторые западные ученые-сексологи XIX в., обосновывая необходимость и полезность сексуального воздержания, утверждали, что количество семени, которым биологически располагает мужчина, ограничено; по подсчетам одного немецкого ученого его хватает на 5400 эякуляций, поэтому тот, кто раньше начинает половую жизнь или ведет ее более интенсивно, к старости неизбежно становится импотентом. Современная наука опровергла эти представления, выдвинув на первый план принцип индивидуального многообразия физиологических возможностей, наличие разных типов половой конституции, из чего вытекает также и разная интенсивность сексуального поведения. Похоже на то, что среднестатистический мужчина в большинстве случаев даже не исчерпывает своих сексуальных возможностей, если иметь в виду производство семени. Поэтому биологи и медики говорят, что количество семени у мужчины, в отличие от количества яйцеклеток у женщин, практически неограничено. Однако в последнее время на этот счет стали появляться сомнения. Кроме того, независимо от потенциальных возможностей мужского организма, некоторым мужчи-

нам, особенно не первой молодости, слишком частые эякуляции даются с трудом, заставляя воздерживаться от половой жизни.

Китайская, в частности даосская медицина, ставит этот вопрос иначе. Поскольку семя рассматривается в ней как носитель жизненной силы, мужчинам настоятельно рекомендуют расходовать его как можно бережнее, но не ценой полового воздержания, а с помощью специальной техники, так, чтобы на десять половых сношений, в каждом из которых женщина должна испытать оргазм, приходилось не более 2—3 эякуляций. Этой цели служат специальные упражнения, в частности, отсрочка семяизвержения путём краткосрочного сдавливания основания полового члена.

Насколько физиологичны эти рекомендации? До недавнего времени многие врачи утверждали, что любое половое сношение обязательно должно завершаться эякуляцией, в противном случае возникают неприятные ощущения, напряжение и боль в яичках и т. д. (так называемые «синие яйца»). Но фактически это явление наблюдается сравнительно редко; половое возбуждение, не завершающееся оргазмом, большей частью проходит совершенно безболезненно, особенно если сам мужчина хочет отсрочить семяизвержение. Американские сексологи Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон разработали специальную технику сдавливания полового члена у головки или у основания, которая мало чем отличается от даосской техники, последняя даже проще. Эта техника сейчас широко применяется во всём мире для лечения преждевременной эякуляции. Можно применять соответствующие упражнения и самостоятельно, без врача, они только улучшают сексуальный самоконтроль.

Вопреки распространённому мнению, что в половой жизни всё должно делаться спонтанно, само собой, современная сексология утверждает, что человек должен знать и осознавать свои сексуальные реакции, чтобы сознательно управлять ими. Поэтому китайские сведения о различных сексуальных позициях, технике «любовных толчков», дыхательных упражнениях и т. п. всё шире проникают в европейские и американские учебники.

Однако не нужно фетишизировать эти советы. Сексуальная жизнь—дело глубоко индивидуальное. То, что хорошо для одного индивида или пары, может быть совершенно неприемлемо для других. Как писал автор индийской «Камасутры», в делах любви каждый должен руководствоваться традициями и нравами своей страны, но больше всего—собственными склонностями.

Профессор **И. С. КОН.**

1. Традиционные благожелательные жезлы жу-и.

ЧАСТЬ I

СТРАННОСТИ ЛЮБВИ И ПРАВИЛА НЕПРИСТОЙНОСТИ

2. Омовение.

А. И. КОБЗЕВ

ПАРАДОКСЫ КИТАЙСКОГО ЭРОСА

(ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО)

Неопровержимым доказательством эротического преуспеяния китайцев может считаться само их количество, что является достижением более грандиозным, чем Великая китайская стена — единственное рукотворное сооружение на Земле, видимое невооружённым глазом с Луны. Но уже в этой, самой первой фиксации реальности, скрыт парадокс, подобный таинственному единству замыкающе-ограничивающей силы Великой китайской стены и преодолевающей любые ограничения плодотворной силы великого китайского народа. Китайский эрос парадоксальным образом сочетает в себе стремление к полной сохранности спермы с полигамией и культом деторож-

дения. Не менее удивительно и отделение оргазма от эякуляции, представляющее собой фантастическую попытку провести грань между материей наслаждения и наслаждением материей. Эта разработанная в даосизме особая техника оргазма без семяизвержения, точнее, с «возвращением семени вспять» для внутреннего самоусиления и продления жизни, есть один из видов «воровского похода на небо», т. е. своеобразного обмана природы, что также более чем парадоксально, ибо главный принцип даосизма — неукоснительное следование естественному (цзы-жань) пути (дао) природы.

Продление жизни, её пестование (чан шэн, ян шэн) в традиционном китайском мировоззрении связано отнюдь не только с почтением к роевым, родовым, надличностным проявлениям природной стихии. Иероглиф «шэн» («жизнь») в китайском языке является одним из средств индивидуализации и персонализации с выделительно-уважительным смысловым оттенком, что выражается в его значении «господин» (ср.: «урождённый»). Этот же иероглиф знаменует собой связь в человеческом индивиде жизненного начала с производительной функцией, т. е. не только рожденностью, или урожденностью, но и способностью порождать, поскольку он сочетает значения «жизнь» и «рождение». Поэтому полноценной личностью китаец признаётся лишь после того, как обзаведётся собственным ребёнком. И стоит ещё раз подчеркнуть, что в подобном взгляде на вещи отражено не только преклонение перед родовым началом и соответствующий этому культ предков, требующий производства потомства для служения праотцам, но именно глубинное представление о жизни-рождении как высшей индивидуальной ценности. Сам главный закон мироздания — Путь-Дао в классической китайской философии трактуется в качестве «порождающего жизнь» (шэн шэн), и соответственно тем же должен заниматься следующий ему человек.

Первородная стихия китайской иероглифики нагляднейшим образом запечатлела единство личностного и порождающего. Пиктограмма, прародительница иероглифа «шэнь», обозначающего личность, но также и тело как целостный и самостоятельный духовно-телесный организм, изображала женщину с акцентированно выпяченным животом и даже выделяющимся в животе плодом. Отсюда и сохраняемое до сих пор у «шэнь» значение «беременность». Для сравнения отметим, что носителям русского языка самоочевидна сущностная связь понятий жизни и живота («живот»), а носителям немецкого — понятий тела и живота («Leib»).

Понимание человека как субстантивированной и индивидуализированной жизни логически связано с китайским способом отсчитывать его возраст не с момента выхода из утробы матери, а с момента зачатия, ибо, действительно, тогда возникает новый комок жизни. Подобным пониманием человека обусловлено и традиционное для Китая представление (кстати сказать, достаточно проницательное и подтверждённое современной наукой) о том, что его обучение начинается,

как сказано в «Троесловном каноне» («Сань цзы цзин»), «во чреве матернем ещё до рождения» /4, с. 29/. Находящееся в материнском лоне существо может быть «обучаемо» хотя бы потому, что уже в самом его семени-цзин с телесностью слита воедино духовность.

«Цзин» — специфический и весьма труднопереводимый термин. Его исходное значение — «отборный, очищенный рис» (см., например, описание меню Конфуция в «Суждениях и беседах» — «Лунь юй», X, 8 /10, с. 56/). Расширившись, оно обрело два семантических полюса: «семя» (физическая эссенция) и «дух» (психическая эссенция). Таким образом, понятие «цзин» выражает идею непосредственного тождества сексуальной и психической энергий. Закреплённая термином «либидо», аналогичная фрейдистская идея, после многовекового освящённого христианством противопоставления сексуального и духовного начал как двух антагонистов, стала для Европы откровением, хотя для её «языческих» мыслителей она была достаточно очевидной. На подобной основе зиждились китайские, в особенности даосские, теории продления жизни посредством накопления анимосексуальной энергии.

Следует сразу отметить, что стандартный западный перевод иероглифа «цзин» словом «сперма» не точен, поскольку этот китайский термин обозначал семя вообще, а не специально мужское. Семя-цзин — это рафинированная пневма-ци, которая может быть как мужской (ян ци, нань ци), так и женской (инь ци, нюй ци). В книге книг китайской культуры «Чжоу и» («Чжоуские перемены», или «И цзин» — «Канон перемен», «Книга перемен», VIII — IV вв. до н. э., подробно см. /14/), например, говорится: «Мужское и женское /начала/ связывают семя (гоу цзин), и десять тысяч вещей, видоизменяясь, рождаются». («Комментарий привязанных афоризмов» — «Си цы чжуань», II, 5.) В целом же роль семени-цзин в «Комментарии привязанных афоризмов», важнейшем философском тексте «Чжоуских перемен», определяется так: «Осеменённая пневма (цзин ци) образует /все/ вещи» («Си цы чжуань», I, 4). Там же имеется и ряд пассажей, в которых иероглиф «цзин» обозначает дух, душу, разум: «Благородный муж... знает, какая вещь произойдёт. Разве может кто-либо, не обладающий высшей разумностью (цзин) в Поднебесной, быть причастен этому?» (I, 10); «Разумная справедливость (цзин и) проникает в дух (шэнь)» (II, 5).

Согласно даосским концепциям, выраженным в энциклопедическом сочинении II в. до н. э. «Хуайнань-цзы» («Учитель из Хуайнани»), семя-цзин и в космологической, и в антропологической иерархии занимает срединное положение между духом-шэнь и пневмой-ци, в космосе оно формирует солнце, луну, звёзды, небесные ориентиры (чэнь), гром, молнию, ветер и дождь, а в человеке — «пять внутренних органов» (у цзан), которые, в свою очередь, находятся в координации с внешними органами чувств /20, с. 100, 120—121; 9, с. 53/. Поскольку семя-цзин является квинтэссенцией пневмы-ци (на графическом уровне эту связь выражает наличие общего элемен-

3. Япония. XVIII в. Утамаро. Японцы менее философски и более житейски относились к эротике. На японских эротических картинках нередко изображался процесс семяизвержения — то, что обычно не встречается на китайских.

та «ми» — «рис» у знаков «цзин» и «ци»), его можно рассматривать как особый вид ци.

В данном контексте положение из «Хуайнань-цзы»: «Когда **цзин** наполняет глаза, они ясно видят» /20, с 121/ — полностью совпадает с мнением древнегреческих стоиков: «Зрение — это пневма, распространяющаяся от управляющей части (души — **А. К.**) до глаз», воспроизводящая часть души — это «пневма, распространяющаяся от управляющей части до детородных органов» /I, с. 491—492/, и в особенности Хрисиппа (III в. до н. э.): «Сперма есть пневма» или «Семя есть дыхание» (Диоген Лаэртский, VII, 159) /5, с. 293/, а также со взглядами на этот предмет Аристотеля: «Половое возбуждение вызывается пневмой (воздухом)»

(«Проблемы», I, 30, цит. по /8, с. 343, № 528/).

Древнегреческий термин «sperma», как и китайский «цзин», обозначал не только мужское, но и женское семя, в отличие, например, от термина «thoros» («thore»), относившегося только к мужскому семени. По-видимому, в древности общераспространённым было представление, что для зачатия требуется соединение мужского и женского семени (см., например, у Демокрита /8, с. 210, № 12, с. 343—345, №№ 529—533/). В качестве последнего Аристотель рассматривал месячные выделения. Древнегреческими философами, разумеется, обсуждался и вопрос о локализации спермы в человеческом организме. Как на места её зарождения они указывали на матку и perineos (мужской аналог матки), на головной и спинной мозг и даже на всё тело (см. /8, с. 343, №№ 523—525/).

Стояла перед древнегреческими философами также проблема соотношения спермы и души, но это была именно теоретическая проблема, а не факт языковой семантики. Пифагор считал сперму струёй мозга, а душу — присущим ей горячим паром (Диоген Лаэртский, VIII, 28) /5, с. 314/, Левкипп и Зенон Китийский (IV—III вв. до н. э.) утверждали, что «сперма — клочок души» /8, с. 343, № 522/ (ср.: Диоген Лаэртский, VII, 158 /5, с. 293/), а Гиппон (V в. до н. э.) прямо отождествлял душу со спермой (Аристотель. «О душе», кн. I, гл. 2, 405, в 1—6) /2, с 378/. С точки зрения Аристотеля, сперма потенциально предполагает душу («О душе», кн. II, гл.1, 412 в 26—30) /2, с. 396/, тогда как цзин, наоборот, потенциально предполагает тело.

Наконец, термин «сперма» в древнегреческих текстах имел и самое общее значение, сопоставимое со значением «цзин» в афоризмах «Си цы чжуани»: «Осеменённая пневма (цзин ци) образует /все/ вещи» — или «Гуань-цзы» («Учитель Гуань», IV—III вв. до н. э.): «Наличие семени (цзин) означает рождение всякой вещи. Внизу рождаются пять злаков. Вверху образуются ряды звёзд. Если /семя/ распространяется между небом и землёй, это будут нави и духи. Если же /оно/ сокрыто в груди, это будет совершенномудрый человек» /15, с. 268/ (ср. /6, т. 2, с. 51/). Но если в самом общем значении — «семя всех вещей» китайский термин «цзин» сближался с понятием воздуха или чего-то воздухоподобного (ци), то его греческий аналог «сперма» в сходном значении скорее сближался с понятием воды или влаги (Фалес, А 12; Гераклит, В 31; Эмпедокл, А 33) /12, с. 109, 220, 356/, хотя в более узком, сексуальном, смысле, как мы видели, мог связываться и с воздухоподобной пневмой.

Вероятно, всем культурам знакомо более или менее прояснённое разумом интуитивное представление о сперме как жизненно-духовной сущности, растрата которой — смертоносна, а накопление — животворно. В разных частях света обыденная логика из этой предпосылки выводила стремление к половому воздержанию, безбрачию (целибату) и даже самооскоплению во имя сохранения своих жизненных и духовных сил. А древнекитайские мыслители, и прежде

4. Игра на лютне. Согласно китайской традиции, музицирование ассоциировалось с любовными действиями. Музыка призвана не только возбуждать, но и задавать тон, ритм и характер чувственных взаимоотношений. Сама лютня воспринималась как воплощение женского органа. Проникая в женщину, «нефритовый стебель» (пенис) проходит сквозь «лютневые струны» малых половых губ.

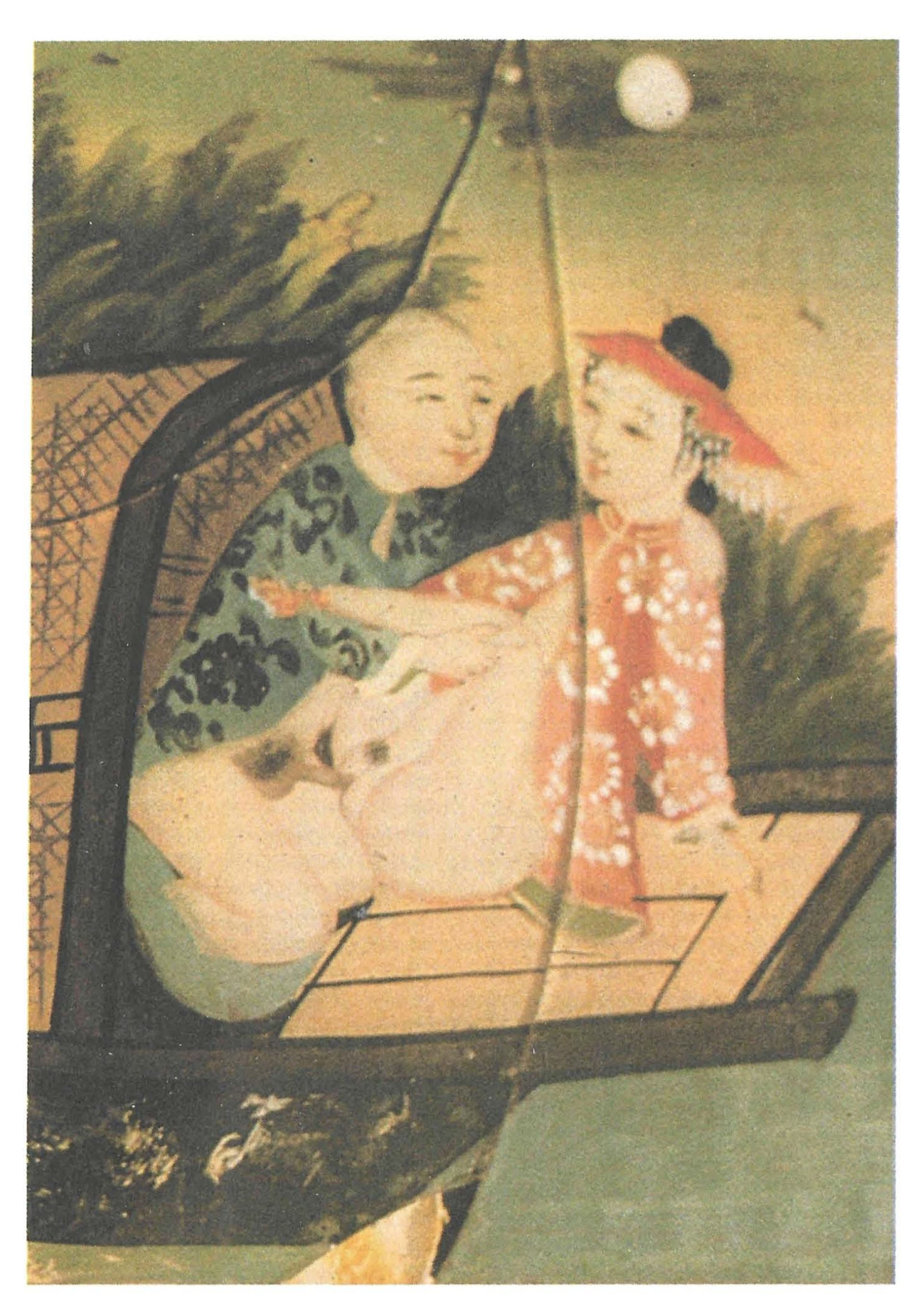
5. Двое во «внутренних покоях». Часто на китайских эротических картинках присутствуют атрибуты интеллектуальности — книги, свитки, тушечница, перья или кисти.

6. «Проникновение в лютневые струны» — одна из классических эротических поз.

7. «Нефритовый стебель» и «нефритовая пещера».

8. Лунной ночью на воде, или «Драконы свиваются в петлю» (поза).

всего даосы, выдвинули «безумную идею», предложив идти к той же цели, но обратным путём — максимальной интенсификации половой жизни, однако в чём состоит весь фокус — предельно минимализируя и даже сводя на нет семяизвержение. Поэтому глубоко ошибётся тот, кто усмотрит в даосской рекомендации совершать за одну ночь половые акты с десятком женщин выражение безудержной распущенности и непомерного сладострастия. Мало того, даже в публикуемых ниже специальных эротологических сочинениях секс не рассматривается как нечто самоценное (например, источник высшего наслаждения), но лишь как средство достижения более высоких ценностей, охватываемых понятием «жизнь». На первый взгляд, поражает конвергенция даосского витализма с христианским персонализмом Н. А. Бердяева, утверждавшего, что «победа над рождающим сексуальным актом будет победой над смертью» /3, с. 567/. Однако если всмотреться внимательнее, то обнаружится, что диалектическое единство любви и смерти отражено в древнейших мифах человечества и представлено фрейдистской метафорой тайного родства Эроса и Танатоса в современной сексологии.

Китай — страна самой древней в мире цивилизации, сохранившей прямую преемственность развития практически от самых истоков своего возникновения, и в наибольшей степени отличной от западной цивилизации. Уже один этот факт является достаточным основанием, чтобы ожидать от неё самобытности и высокоразвитости, даже изощрённости такой важнейшей сферы человеческой культуры, как эротика. Подобное ожидание легко превращается в уверенность после первого же знакомства с центральными идеями традиционного китайского мировоззрения.

Пожалуй, наиболее специфичными из таковых являются категории инь и ян, которые означают не только тёмное и светлое, пассивное и активное, но также женское и мужское. В традиционной китайской космогонии появление инь и ян знаменует собой первый шаг от недифференцированного, хаотического (хунь-дунь) единства первозданной пневмы-ци к многообразию всех «десяти тысяч вещей» (вань у). Иначе говоря, первичный закон мироздания связан с определённой половой, или протополовой, дифференциацией. Несмотря на свою специфичность, универсальные категории инь и ян, соединённые в символе Великого предела (Тай-цзи), оказались столь популярны и за пределами Срединного государства, что были водружены на государственный флаг Южной Кореи и даже стали эмблемой пепсиколы.

Завораживающая привлекательность этих символов неотделима от того факта, что иероглифы «инь» и «ян» служат важнейшими формантами китайской эротологической терминологии, в частности буквально обозначая соответствующие половые органы. Причём парадоксальным образом иероглиф «инь» способен обозначать не только женские, но и мужские гениталии, что, очевидно, связано и с его необычным первенством в паре с ян. Необычно данное первенство пото-

му, что, несмотря на кажущееся при первом взгляде равноправие инь и ян, в их соотношении имеется глубинная асимметрия в пользу второго, мужского, элемента, которая в китайской эротологии усилена до степени явного маскулецентризма. Последний находится в сложном, но, видимо, в конечном счёте гармоническом диссонансе с повышенной значимостью символа левизны, т. е. женской стороны, в китайской культуре и указанного приоритета инь.

В соотношении инь и ян нетривиальна не только их иерархия, но и взаимная диффузия, что на терминологическом уровне можно проиллюстрировать выражениями «инь цзин» — «иньский (женский) стебель» и «ян тай» — «янская (мужская) башня», обозначающими соответственно пенис и вершину влагалища. Основополагающая для Китая идея взаимопроникновения женского в мужское и мужского в женское, самым непосредственным образом воплощённая в символе Тай-цзи, где инь внедрено в ян, а ян — в инь, на Западе впервые была отчётливо сформулирована на рубеже XIX—XX вв., прежде всего О. Вейнингером в книге «Пол и характер».

Древнегреческий миф о Тиресии, превратившемся в женщину и с трудом возвратившем себе мужской облик, свидетельствует о восприятии подобной трансформации как аномалии, в которой, кроме того, оба состояния неравноценны. С одной стороны, превращение в женщину представлено в качестве наказания, но с другой — Тиресий заявляет богам, что женское сексуальное наслаждение в девять раз сильнее мужского. В отличие от подобного взгляда на транссексуализм как казуистическое исключение, китайская эротология признавала его нормальность, отвечающую самому общему мировому закону взаимоперехода инь и ян, что, однако, в подтверждение хитрости мирового разума и на удивление наших современников получило практическое осуществление на Западе.

Кстати сказать, не в мифе или натурфилософском умозрении, а в самой реальности транссексуализм асимметричен: в силу понятных естественных причин легче из мужчины сделать женщину, нежели наоборот. Поэтому символизируемый Тиресием переход из мужской ипостаси в женскую, если так можно выразиться, более естествен, чем китайский стандарт исходного превращения инь в ян. В свою очередь, такая первичность инь отражает вполне здравое представление о доминантности женского начала в детородном процессе, чему соответствует универсальный образ праматери всего сущего, или «таинственной самки» (сюань пинь), как сказано в основополагающем даосском трактате «Каноне пути и благодати» («Дао дэ цзин», § 6, ср. /6, т. 1, с. 116/).

В древнекитайских эротологических сочинениях подобный подход нашёл своё проявление в том, что главные тайны в них раскрывают женские персонажи (Чистая дева, Темная дева, Избранная дева и др.). Это очередной раз ярко контрастирует с общей ориентированностью данных произведений на мужчину. Вся парадоксальность ситуации отчётливо высвечена

в даосском апокрифе «Неофициальное жизнеописание ханьского государя Воинственного» («Хань У-ди нэй чжуань», IV—VI вв.), где сказано, что секретные способы сохранения спермы передавались только от одной женщины другой раз в четыре тысячи лет, а их первое раскрытие мужчине — ханьскому государю Воинственному (У-ди, 157—87 гг. до н. э., правил со 141 г. до н. э.) — произошло в начале нового временного цикла в 110 г. до н. э. при его встрече с женскими божествами Матушкой-владычицей-запада (Си-ван-му) и Госпожой Высшего Начала (Шан-юань фу-жэнь) (подробно см. издание /25/, включающее перевод и оригинальный текст). В эротологических трактатах рассматриваемый парадокс доведён до предела рекомендацией скрывать от женщин полученные от них же сведения, дабы они сами не оказались победительницами в сексуальной борьбе за животворную энергию.

Указанная в «Неофициальном жизнеописании ханьского государя Воинственного» дата — 110 г. до н. э.— традиционно считается фиксирующей начало китайской эротологии. До недавнего времени западная наука подвергала сомнению подобную датировку, связанную с легендой, подчёркивая также, что основной корпус сохранившихся до наших дней древнекитайских эротологических текстов был написан в III—VII вв. н. э. Однако современный научный взгляд на эту проблему изменился. Начнём с последнего аргумента. Во-первых, письменная фиксация в указанные века ещё не означает, что именно тогда данные произведения были созданы, а не просто переписаны (отредактированы, переделаны и т. п.).

Во-вторых, уже в древнейшем в Китае библиографическом каталоге «И вэнь чжи» («Трактат об искусстве и культуре») из «Книги о /династии/ Хань» («Хань шу», I в.) приведён специально выделенный список из восьми аналогичных произведений общим объёмом в 191 свиток (цзюань). Этому разделу дана следующая характеристика: «/Искусство/ внутренних покоев является пределом чувственности и природы (цин син), границей высшего пути (чжи дао). Поэтому совершенномудрые правители, наложив ограничения на внешнюю музыку-радость, дабы держать в узде внутреннюю чувственность, создали для этого регулирующие тексты. «Комментарий /Цзо к летописи «Весны и осени»/» («/Цзо/ чжуань») гласит: «Первые правители создали музыку-радость, чтобы регулировать /все/ сто дел» («Цзо чжуань», Чжао-гун, 1-й г., ср. /6, т. 2, с. 10/.— **А. К.**). Если музыка-радость регулируется, то наступают благоденствие и долголетие. Впадающий в заблуждение, пренебрегая указанным, тем самым рождает болезни и губит /своё/ природное предопределение» /19, с. 71/.

В-третьих, специальное исследование древнейших памятников китайской письменности обнаруживает в них различные следы эротологической традиции. Об этом, например, свидетельствует приведённая в «И вэнь чжи» цитата из «Цзо чжуани», которая там входит в состав натурфилософско-медицинско-эротологического текста, привязанного к истории о правителе, заболевшем от половых излишеств

(см. перевод /6, т. 2, с. 10—11). Данный текст может быть датирован VI—IV вв. до н. э., т. е. тем же периодом, когда был создан «Канон пути и благодати» («Дао дэ цзин»), в котором также присутствуют аналогичные пассажи (см., например, § 61 /6, т. 1, с. 133/).

Наконец, в-четвертых, среди выдающихся археологических открытий, совершённых в КНР в начале 70-х годов (курган Мавандуй, округ Чанша, провинция Хунань), одной из сенсаций явилось обнаружение самых древних из имеющихся на сегодняшний день китайских эротологических трактатов «Хэ инь ян» («Сочетание женского и мужского») и «Тянь-ся чжи дао тань» («Рассуждения о высшем пути в Поднебесной»), которые датируются началом II в. до н. э. (подробно см. /22/).

Следовательно, традиционная дата возникновения эротологии в Китае ныне не только научно подтверждена, но даже и удревнена. Таким образом, согласно достаточно достоверным свидетельствам древнекитайских письменных памятников, по крайней мере уже в эпоху Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.), в Срединном государстве получили широкое распространение эротологические трактаты, содержание которых охватывало весьма обширный круг вопросов: от философии космического эроса до практических наставлений о совокупительных (копулятивных) позах, любострастных телодвижениях (фрикциях) и связанных с половой функцией снадобьях (афродизиаках). Подобные сочинения по искусству «спальных (нефритовых, внутренних) покоев» первоначально имели серьёзный научный статус и ставились в один ряд с традиционной медициной.

Однако в эпоху Сун (960—1279 гг.) с формированием тотально моралистического неоконфуцианства, идеологически господствовавшего в Китае до начала XX в., эти трактаты стали исчезать, лишившись официального признания.

При династии Мин (1368—1644 гг.) они даже не были включены в официальную библиографию, хотя именно в конце этой эпохи возникли самые известные образцы китайской эротической прозы, в частности опубликованный у нас в наполовину усечённом виде роман «Цветы сливы в золотой вазе», или «Цзинь, Пин, Мэй» /13/. Описанные в нём и других подобных произведениях, например, столь же скандальном и никогда у нас ранее не переводившемся романе Ли Юя (1611—1679 гг.) «Подстилка из плоти» («Жоу пу туань»), весьма откровенные и «технологически» изощрённые сцены могут считаться косвенным свидетельством подспудного, «нелегального» существования в то время древних эротологических трактатов, однако, в отличие от их научно-рационалистического подхода, в китайской эротической прозе XVI—XVII вв. преобладал религиозно-моралистический взгляд на предмет, предполагавший осуждение необузданной похоти после пристального рассмотрения всех её проявлений.

Последний период истории традиционного Китая прошёл под властью инородной, маньчжурской династии Цин (1644—1911 гг.), и в это же время началось активное проникновение в страну западных веяний,

поэтому внутреннее, имманентное развитие культуры стало по-разному деформироваться, сопровождаясь борьбой противоположных тенденций. С одной стороны, бурно расцвела эротическая литература и связанная с нею область изобразительного искусства (прежде всего, иллюстративная графика), нередко с большим изяществом переходя в порнографию; с другой стороны, усилился морализаторский пуризм догматизированного неоконфуцианства, и в борьбе за чистоту нравов даже стали вводиться новые карательные санкции, в частности впервые в китайский уголовный кодекс были включены законы против мужеложства.

Конец этой противоречивой эпохи ознаменовался замечательным достижением в истории китайской эротологии. Остатки древнекитайской эротологической литературы, как будто канувшей в Лету, на самом деле сохранились в рукописном сборнике японского придворного врача китайского происхождения Тамба Ясуёри «И сим по» (по-китайски «И синь фан» — «Сердцевинные методы медицины», 984 г.). Около девяти столетий просуществовавший в рукописи, этот труд впервые был издан в Японии в 1854 г. врачом Таки Гэнкин, обслуживавшим гарем сёгуна. На основе данного издания выдающийся китайский учёный Е Дэхуй (1864—1927 гг.) реконструировал в более или менее целостном виде пять основополагающих текстов и в 1914 г. опубликовал их в книге, к составлению которой приступил в 1903 г. /16, т. 1/. За многие века, протекшие со времени создания этих произведений, интеллектуально-нравственная атмосфера в Китае настолько изменилась, что крупное научное достижение Е Дэхуя было воспринято с презрением, и даже его трагическая гибель от рук бандитов не вызвала достойного сочувствия.

Подобная реакция, да и сам факт столь резкого исчезновения текстов, фиксировавшихся в официальных династийных историях (реконструированные — в «Суй шу», «Книге о /династии/ Суй», VI—VII вв.) и хранившихся в императорской библиотеке, выглядят довольно необычно и нуждаются в объяснении. Китай всегда отличался идейной терпимостью и почтительным отношением к любому научному знанию. Дело доходило до того, что представители одного философско-религиозного учения включали в свой свод канонизированных произведений каноны противостоявших им учений. Например, в состав даосской «Сокровищницы дао» («Дао цзан») входит основополагающее моистское сочинение «Мо-цзы» («/Трактат/ Учителя Мо», V—III вв. до н. э.) (подробно см. /7/). Китайские учёные ревностно берегли всякое письменное слово, отождествляя его с самой культурой («письменность» и «культура» — два значения одного и того же иероглифа «вэнь»). После полулегендарного книжного аутодафе в 213 г. до н. э., при одиозном тиране Цинь Ши-хуан-ди, такого рода деяния всегда считались непристойными и приравнивались к крайним или даже запредельным мерам.

На таком культурном фоне проблема утраты эротологических трактатов выглядит ещё более острой,

если вернуться к началу нашего вступительного слова и повторить тезис о фундаментальном эротизме китайского мировосприятия. Развивая его, можно добавить следующее. Один из реконструированных Е Дэхуем трактатов «Тайные предписания для нефритовых покоев» («Юй фан би цзюэ», см. ниже его перевод) начинается цитатой из «Чжоу и»: «Одна инь, один ян — это называется путём-дао», свидетельствующей о двуполом характере высшего закона мироздания (дао). В оригинале («Чжоу и») приведённая фраза имеет такое продолжение: «Оформление этого есть природа (син)» («Си цы чжуань», I, 5). Данная связь пути-дао с индивидуальной природой-син отражена и в самом начале ещё одного классического трактата «Срединное и неизменное» («Чжун юн», V—IV вв. до н. э.): «Руководствование природой (син) называется путём-дао» (ср. /6, т. 2, с. 119/). В соответствии с этой подчинённостью «пути инь-ян» важнейший мировоззренческий термин «син» совмещает в себе обозначение индивидуальной природы всего сущего со значением «пол». Отсюда следует, что в китайской культуре, естественный язык которой не знает грамматической категории пола, последний тем не менее представлен в качестве онтологической универсалии, т. е. всеохватывающей характеристики. Эту универсальность подчёркивает синонимия иероглифов «син» («природа») и «шэн» («жизнь») в фундаментальном для китайской эротологии терминологическом сочетании «ян шэн» или «ян син», означающем «пестование жизни» или «пестование природы». Подобная взаимозамена выглядит ещё более естественной в оригинальной графике, поскольку иероглиф «син» состоит из знака «шэн» с добавлением элемента «си́нь» («сердце»).

Однако и тут скрыт очередной парадокс. С одной стороны, китайская эротология признавала транссексуализм, считала возможным прямой материально-энергетический обмен между мужчиной и женщиной, их полную или частичную трансформацию друг в друга. Это даже нашло своё отражение в эротической живописи и порнографических картинках, где изображения сексуальных партнёров порой настолько сходны, что с первого взгляда их трудно различить по половому признаку. Но, с другой стороны, понимание двух полов как двух разных видов природы, точнее даже разных «природ», различающихся между собой, подобно воде и огню, обнаруживает радикальную противоположность женщины и мужчины, которая в эротологической терминологии названа «враждой», или «соперничеством».

Для прояснения вопроса о соотношении сил в этой борьбе целесообразно обратиться ещё к одной центральной категории китайского мировоззрения. Прямым воплощением пути-дао в индивидуальной природе-син является благодать-дэ. Термин «дэ», образующий коррелятивную пару с «дао» (ср. «Дао дэ цзин»), обозначает основное качество, которое обусловливает наилучший способ существования каждого отдельного существа или вещи, а поэтому в применении к людям обычно трактуется как «добродетель» и на западные языки переводится словами,

производными от латинского «virtus». По поводу этого широко распространённого отождествления американский синолог П. Будберг заметил: «Филологов, однако, беспокоит отсутствие у китайского термина каких-либо дополнительных значений, принадлежащих латинскому этимону «vir», а именно: «мужественности» и «мужества». Они напоминают нам, что термин «дэ» свободен от какой-либо связи с сексуальными ассоциациями и отличается этим от парного ему термина «дао» — «путь», который в одном или двух выражениях, таких, как «жэнь дао» — «путь мужчин и женщин», внушает мысль о сексуальной активности» /21, с. 324/.

Теснейшая взаимосвязь дэ с дао, особенно в производительной функции, когда «дао рождает, а дэ взращивает» («Дао дэ цзин», § 51, ср. /6, т. 1, с. 129—130/), заставляет усомниться в абсолютном отсутствии сексуального смысла у этой категории самой по себе. Но так или иначе в даосизме она была привлечена к данной сфере человеческого бытия, в частности с помощью концепции непосредственной связи благодати-дэ с семенем-цзин. В «Каноне пути и благодати» «объемлющий полноту **дэ**» сравнивается с младенцем, которому «неведомо соитие самки и самца, но детородный уд которого подъят, что означает предельность **цзин**» («Дао дэ цзин», § 55, ср. /6, т. 1, с. 131/). В комментирующей текст «Канона пути и благодати» главе 20 «/Трактата/ Учителя Хань Фэя» («Хань Фэй-цзы», III в. до н. э.) сказано: «Для личности-тела (шэнь) накопление семени (цзин) является благодатью (дэ)» /18, с. 114/ (ср. /6, т. 2, с. 257/).

Таким образом, замечание П. Будберга требует уточнения. Прежде всего, следует разграничить два смысла определения «сексуальный»: 1) присущий **одному** из полов в отличие от другого, 2) связанный с отношениями **двух** полов. В приведённом рассуждении американский синолог говорит об отсутствии сексуальных ассоциаций у **дэ** в первом смысле и о наличии таковых у **дао** — во втором. Но в первом смысле асексуально и дао, которое поэтому может рассматриваться и как женский, и как мужской предок всего сущего (см., например, «Дао дэ цзин», § 4, 25 /6, т. 1, с. 116, 122/) будучи собственно единством женского (инь) и мужского (ян) начал («Си цы чжуань», II, 5). Второго же смысла не исключает и дэ, что явствует не только из связи этой категории с семенем-цзин, но и из определения рождения-жизни (шэн) как «великой благодати (дэ) неба и земли» в «Чжоу и», где также говорится о «соединении инь и ян» («Си цы чжуань», II, 1, 5), и даже из того, что разврат (цзянь) мог быть квалифицирован как дэ.

«Благодать» разврата — ещё один парадокс китайского эроса, сопоставимый с положением музыки в этом «государстве ритуала и музыки». В письменном языке китайской классики одним и тем же иероглифом (хотя и с разным произношением — «лэ» и «юэ») выражается как понятие «радость», так и понятие «музыка», охватывающее собой помимо музыки также массу других искусств вместе с соответствующими духовно-психичес-

кими состояниями, главное из которых — именно радость. Это семантическое сочетание древнекитайские мыслители возвели в ранг теории, основной тезис которой, выраженный в главе «Записки о музыке» («Юэ цзи») канонического трактата «Записки о благопристойности» (или «Записки о ритуале» — «Ли цзи»), гласил: «Музыка (юэ) — это радость (лэ), это то, чего человеческие чувства не способны избежать» /17, с. 1674/ (см. также /6, т. 2, с. 115—119/). В том же источнике музыка определяется как «благодатное (дэ) звучание» /17, с. 1656/. Однако неразрывная связь с чувственностью (цин) делает музыку и потенциальным источником разврата. Причём в сфере последнего её применения оказываются весьма экзотические объекты. Например, главный герой романа «Цветы сливы в золотой вазе» Симэнь Цин был обладателем специального набора сексуальных приспособлений, два из которых — «бирманский бубенчик» и «звонкоголосая чаровница» — явно придавали соитию музыкальную окрашенность.

Опасность чувственной природы музыки осознавали уже древнейшие оппоненты конфуцианцев — моисты, посвятившие этому специальное произведение «Против музыки» («Фэй юэ»), вошедшее в трактат «Мо-цзы» (см. /6, т. 1, с. 197/). Конфуцианцы также отдавали себе отчёт в её двойственном характере, одновременно чувственно-стихийном и гармонично-упорядоченном, но, не страшась алогизма, призывали обуздывать непристойную музыку и вообще регулировать музыку-радость, при этом в качестве главного регулятора выдвигая её же саму (см. приведённую выше цитату из «И вэнь чжи»). Компромиссная формулировка содержится в «Записках о музыке»: «Музыка (юэ) — это радость (лэ). Благородный муж с помощью музыки-радости следует своему пути-дао. Маленький человек с помощью музыки-радости следует своим страстям. Если посредством пути-дао обуздывать страсти, то будет музыка-радость и не будет смуты. Если же из-за страстей пренебрегать путём-дао, то возникнут заблуждения и не будет музыки-радости» /17, с. 1633/.

Но как бы ни были глубокомысленны и хитроумны конфуцианские толкования музыки-радости, остаётся непреложным фактом, что и этой универсалии китайской культуры присуща мощная эротическая подоплёка (илл. 6, 60).

Такие исходные духовные установки, естественно, находили то или иное выражение во всех культурных сферах, о чём, например, можно судить по высказыванию одной из героинь «Повести о красавице Ли» танского (618—907 гг.) новеллиста Бо Синцзяня: «Отношения между мужчиной и женщиной — самое важное, что есть на свете» /11, с. 93/.

И всё же китайское общество на протяжении многих веков выглядело пуританской обителью, где строжайший конфуцианский этикет запрещал мужчине и женщине несанкционированно даже соприкасаться руками (откуда происходит схоластическая проблема подачи руки утопающей незнакомке), не говоря уж о платонических поцелуях или о чём-то большем.

Классическая китайская литература поражает общим уровнем стерильности, что в свою очередь рождает два противоположных друг другу предположения: или столь эффективным было официально-конфуцианское табуирование, загнавшее весь словесный эрос в тёмное подполье подтекста, искусных намёков и многозначительных недомолвок, или же китайцы просто-напросто сумели успешно решить жгучие проблемы пола, лишив их необходимого для литературы ореола трагической неразрешимости. Последнее предположение может быть подкреплено сведениями о том, что в Китае издавна различались любовь, секс и брак, допускались многоженство и большая степень сексуальной свободы (правда, в основном для мужчин) во внутрисемейных отношениях, не применялись юридические санкции к так называемым половым извращениям и т. д. К определённому синтезу обоих высказанных предположений подводит сообщение крупнейшего английского синолога Дж. Нидэма о тайной, но предельно широкой распространённости эротологической информации в старом Китае /24, с. 147, примеч. с/.

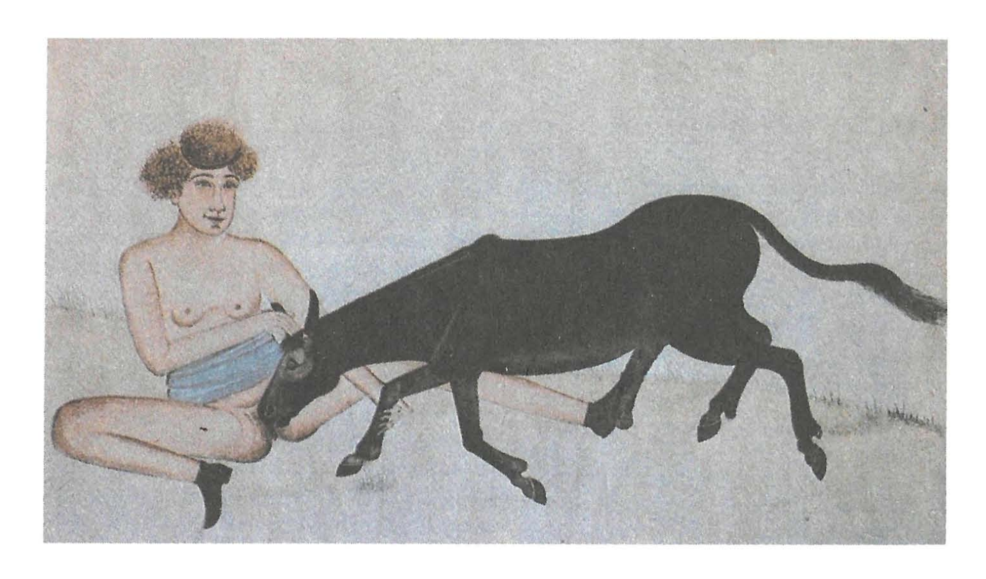
Настоящее издание представляет собой первую на русском языке попытку сделать это тайное знание явным. Раскрытие любых тайн может сопровождаться неудовольствием, однако без подобного риска недостижимо ни интеллектуальное, ни какое-либо другое удовольствие, поскольку оно, как утверждал Конфуций, составляет привилегию знания («Лунь юй», VI, 21) /6, т. 1, с. 152/.

* * *

Коллектив авторов считает своим долгом обратить внимание читателей на встречающиеся в нашем сборнике расхождения в переводе на русский язык некоторых основополагающих терминов китайской сексологии и эротики. Поскольку общепринятых нормативов на сей счёт чаще всего не существует, редакторы решили не унифицировать индивидуальное творчество членов авторского коллектива. При переводе терминологии и имён собственных с западных языков мы также стремились сохранить лексику и орфографию оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии.— Т. 1.— Ч. 1.— М., 1969.
2. Аристотель. Сочинения в четырёх томах.— Т. 1.— М., 1975.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества.— М., 1989.
4. Бичурин Н. Я. /Иакинф/ (пер.). Ван-бо-хэу. Сань-цзы-цзин, или Троесловие.— Пекин, 1908
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.— М., 1986.
6. Древнекитайская философия.— Т. 1, 2.— М., 1973.
7. Кобзев А. И., Морозова Н. В., Торчинов Е. А. Московская Сокровищница дао // Народы Азии и Африки.— М., 1986.— № 6.
8. Лурье С. Я. Демокрит.— Л., 1970.
9. Померанцева Л. Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве («Хуайнань-цзы» — II в. до н. э.).— М., 1979.
10. Попов П. С. (пер.). Изречения Конфуция, учеников его и других лиц.— СПб., 1910.
11. Танские новеллы.— М., 1955.
12. Фрагменты ранних греческих философов.— Ч. 1.— М., 1989.
13. Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй.— Т. 1, 2.— М., 1977.
14. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен».— М., 1960.
15. Гуань-цзы (/Трактат/ Учителя Гуаня) // Чжу-цзы цзи-чэн (Корпус философской классики).— Пекин, 1956.— Кн. 5.
16. Е Дэхуй. Шуан-мэй цзин-ань цун-шу (Собрание книг под сенью двух слив).— Чанша, 1914.
17. Ли цзи (Записки о благопристойности) // Ши-сань цзин (Тринадцатиканоние).— Пекин, 1957.— Кн. 24.
18. Хань Фэй-цзы (/Трактат/ Учителя Хань Фэя) // Чжу-цзы цзи-чэн.— Кн. 5.
19. Хань шу И вэнь чжи («Трактат об искусстве и культуре» из «Книги о /династии/ Хань»).— Гонконг, 1963.
20. Хуайнань-цзы (/Трактат Учителя из Хуайнани) // Чжу-цзы цзи-чэн.— Кн. 7.
21. Boodberg P. A. The Semasiology of Some Primary Confucian Concepts // Philosophy East and West.— Honolulu, 1953.— Vol. 2.— N 4.
22. Harper D. The Sexual Arts of Ancient China as Described in Manuscript of the Second Century B. C. // Harvard Journal of Asiatic Studies.— Cambridge (Mass.), 1987.— Vol. 47.— N 2.
23. Gulik R. van. La vie sexuelle dans la Chine ancienne.— P., 1971.
24. Needham J. Science and Civilisation in China.— Vol. 2.— Cambridge, 1956.
25. Schipper K. M. L'empereur Wou des Han dans la légende taoïste.— P., 1965.

9. Западная женщина и осел.

Ч. ХЬЮМАНА, ВАН У

СУМЕРЕЧНАЯ СТОРОНА ЛЮБВИ

Структура каждой цивилизации определяет присущую ей сексуальную практику. В Китае тремя наиболее очевидными источниками влияния на неё явились социальная приниженность женщин, рассудочная изобретательность мужчин и свободные от комплекса вины элементы языческих верований даосов. Представления о нормальном сексуальном поведении изменяются от эпохи к эпохе, от общества к обществу, и любое исследование, определяющее один подход как верный, а прочие — извращениями, всего лишь исходит из критериев своего места и времени.

Например, среди европейцев был широко распространен взгляд на китайский обычай бинтования ног как на проявление жестокости, в то время как китайцу беспомощность женщины доставляла удовольствие и пробуждала сопутствующее чувство превосходства, китаянка же демонстрировала мазохистское приятие этого неудобства и унижения. Китайцы, в свою очередь, не могли понять христианского неодобрения внебрачных связей, мастурбации и объявления греховными самых восхитительных удовольствий. Не разделяли они и ужас мусульман по поводу пролития девственной крови, а также

найм особых «жеребцов» для дефлорации девственниц — к этому занятию средневековые арабы явно питали отвращение. К обрезанию китайцы относились со страхом, их приводила в недоумение клиторидектомия, а поцелуи и случайные ласки, не ведущие к естественной и исступлённой кульминации, они считали оскорблением начал инь и ян.

Как в древних, так и в современных обществах природу того, что считается приемлемым, и того, что следует осуждать, определяют понятия греха и вины. Существование таких табу часто подвигает мужчин и женщин на поиск этих удовольствий лишь потому, что они запрещены. У китайцев не было непреодолимых религиозных и этических причин к осуждению гомосексуализма, мастурбации, «игры на флейте» (fellatio), трансвестизма, лесбиянства, полигамии, мазохизма или вуайеризма. Поскольку большинство из этих способов получить удовлетворение — если они практиковались с согласия всех участников — рассматривалось как вопрос личных предпочтений, то не было оснований расценивать их как преступления против общества. В случае садизма — извращения, способного привести к чрезвычайно разрушительным и болезненным последствиям,— число зафиксированных письменно случаев, позволяющих предположить, что китайцы прибегали к нему для сексуального возбуждения, крайне невелико. И уж, конечно, не в четырёх стенах спальни. Избиение и бичевание были обычными наказаниями за многие провинности, даже за незначительные отступления от «Книги правил» [1], публичная пытка была обычным зрелищем, однако получаемое палачом или зрителями удовлетворение никогда не проявлялось как открыто сексуальное.

Было бы вернее определить китайские половые извращения как общественно приемлемые отклонения и относиться к ним с терпимостью и добрым юмором, не говоря уже о присутствовавшей в них обычно игре ума. Как отмечалось выше, идея случайного поцелуя представлялась бессмысленной, сам поцелуй — бесполезным сексуальным столкновением. Когда европейцы начали селиться в Шанхае и других городах, то можно было увидеть, как мужья и жёны приветствуют друг друга поцелуем или заключают в объятия; китайцы, становившиеся свидетелями этих нежностей, ожидали, что европеец тут же извлечёт свой «яшмовый черенок» и бросится в битву. Ещё более конфузили вездесущих китайцев сцены, когда два француза приветствовали друг друга поцелуями в щёки,— это также казалось бесцельными сексуальными приготовлениями.

Такой свойственный китайцу неромантический подход, а также восприятие им любовницы в качестве, скорее, сексуальной рабыни, нежели партнёра, означали, что он не очень-то стремился ставить её удовлетворение выше собственного и не слишком уж беспокоился, как бы проявить галантность на западный манер. Таким образом, у китайца за подготовительным поцелуем в рот вскоре последовало бы требование к женщине «сыграть на флейте»; соответствующее искусство ставилось не ниже искусства

музыканта. Опытная любовница должна была иметь обширный и разнообразный репертуар «песен», исполняемых мягко или решительно, тремоло или басом — в зависимости от того, что соответствовало настроению господина. Такого рода занятия были обыденны в самых интимных отношениях, хотя любовницы, быть может, не заходили так далеко, как всегда исполненная желания Золотой Лотос из романа Ван Шичжэня «Цзинь, Пин, Мэй»[2] (XVI век):

10. Цзы Цзюань. Одинокая красавица держит в руках сосуд как знак своей открытости и готовности принять «янский дождь». За ее спиной из пены рыхлых и причудливых камней (среда инь) растёт крепкий и стройный бамбук (ян).

Двухнедельная разлука с мужем, Симэнь Цином, воспламенила её желание настолько, что утром она не позволила ему покинуть постель. Его член был в «яшмовой беседке» или у нее во рту всю ночь, и когда он сказал, что должен покинуть её, чтобы отдохнуть, она и слышать не захотела о расставании.

— Твоё тело такое тёплое, а снаружи так холодно,— запротестовала она,— я не хочу, чтобы ты простыл. Почему бы тебе снова не направить это мне в рот?

Симэнь Цин был тронут и польщён её предупредительностью:

— Я уверен, что ни одна другая женщина так бы обо мне не позаботилась,— сказал он.

Золотой Лотос приоткрыла рот чуть шире, и он направил туда свой член. Она торопливо глотала, не позволяя ни капле пролиться на лицо.

Закончив, он спросил: — Как было на вкус?

— Немного солоновато,— ответила Золотой Лотос.— У тебя

есть ароматные листья чая, чтобы отбить запах[3]*?*

— Чай в мешочке, в кармане рукава моей куртки. Угощайся.

Золотой Лотос потянулась к белой куртке, брошенной на стойку кровати, нашла мешочек и сыпанула листьев себе в рот.

Гарем неизбежно ассоциировался с любовью между женщинами. Иногда, когда сотни женщин жили вместе, методы взаимного удовлетворения были продуманы до мелочей, нередко с благословения понимающего господина, который мирился со своей ограниченностью, особенно если он был в годах. Кроме взаимной мастурбации и любовных объятий, женщины использовали набор разнообразных приспособлений. Самыми лучшими считались искусственные пенисы из полированной слоновой кости или лакированного дерева, имевшие волнистую поверхность. На изображающей любовную сцену картине эпохи Мин[4] изображена девушка, к бедру которой прикреплен ремешками искусственный пенис — такое расположение не совпадает с анатомией мужчин, но требует меньше усилий при работе с ним. Дальнейшее усовершенствование этого инструмента говорит об изобретательности китайцев. Двухконечный искусственный пенис длиной в 12 дюймов[5] с прикреплёнными к середине двумя петлями из шелкового шнура позволял поклонницам сапфической[6] любви получать удовольствие одновременно. Приняв положение, при котором их «яшмовые врата» оказывались обращенными друг к другу, по очереди притягивая петли шнурка, они

11. Си Жэнь. Одинокая красавица стоит за оградой балкона, покрытой кракелированным узором льда. На его фоне пышно раскинуло листья могучее янское растение.

добивались того, что каждое движение доставляло удовольствие обеим. После появления качественной резины последовало дальнейшее усовершенствование — была добавлена «мошонка», наполнявшаяся теплым молоком; нажатие на нее имитировало момент экстаза у мужчины.

Если бы требовалось определить ту единственную область сексуального своеобразия, в которой китайцы преуспели больше всего, то таковой, несомненно, явилось бы использование сексуальных вспомогательных средств и приспособлений. По мере развития их утончённого общества, по мере того, как похотливая наивность уступала изобретательности интеллекта, появился тот, кого можно назвать педантичным любовником. В своей сумке наряду с косметикой и шелком, предназначенным в подарок его женщине, он носил любовные трактаты; в его карманах наряду с предметами личного пользования хранился и мешочек с приспособлениями для занятий любовью. В их число входили «порошок для удовольствий на ложе» и другие стимуляторы, кроме того, возбуждающие мази для смазывания «петель» «яшмовых врат», серные кольца, серебряные воротнички, зажимы, колпачки и «полировщики яшмовой ступени» (приспособления для массажа клитора), а также довольно примитивный набор противозачаточных средств. Тем, кто страдал от утраты эрекции после начала сношения, рекомендовалось во избежание «возврата семени» использовать ленты, туго обвязанные вокруг основания пениса.

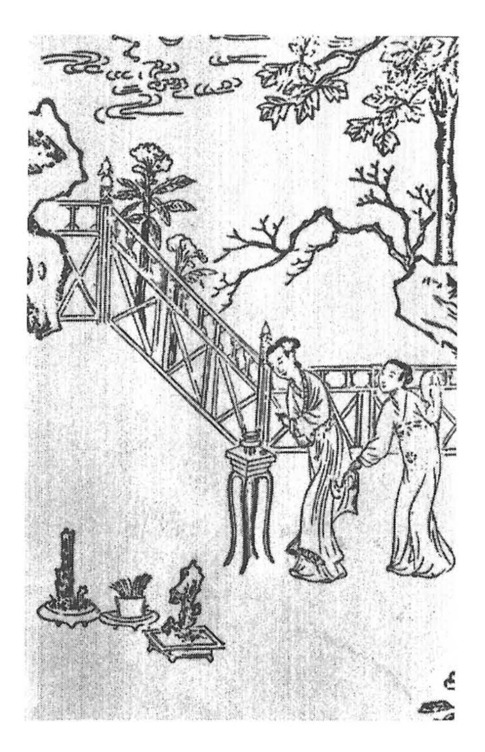

12. Сюэ Баочай. Одинокая красавица стоит рядом с треножником (магический янский сосуд) на фоне кракелированного узора льда.

Описание подобной сцены, серьезно-комическая перекличка животного и разумного в человеке, приведено в следующем отрывке из «Цзинь, Пин, Мэй»:

Госпожа Услада Сердца пригласила его пройти в спальню, где был уже накрыт стол для пиршества. На нем стояли разнообразные блюда из курицы, утки и мяса, а также острые блюда. Сев, он расстегнул одежды в предвкушении пира, и она поднесла ему чашу вина. Какое-то время они ели и пили, почти не переговариваясь, но ближе к концу пьянящее вино создало более свободную обстановку. Они сдвинули стулья и сидя обнялись, затем она забросила ему на колени свои ноги, и он дотронулся до них. С этим сигналом его готовности они встали и помогли друг другу раздеться, затем он отнёс её на кровать.

Она тщательно подготовила ложе. На нём лежала двойная подстилка с тем, чтобы им было удобно по ней кататься; покрывало было осыпано ароматным порошком с сильным запахом. Над изголовьем висела картина, изображающая резвящихся Зелёного Дракона и Белого Тигра[7]*, к стойкам кровати привязаны колокольчики. Госпожа Услада Сердца с удовольствием отметила, что эти роскошные приготовления были быстро и должным образом оценены, ибо ещё перед тем, как он лёг рядом, он был уже полностью возбуждён.— Через минуту я буду с тобой,— пообещал он, затем извлёк расшитый шёлковый мешочек.*

13. Дама в сопровождении служанки поклоняется треножнику.

14. Благопожелательная «нянь». Китайцами были хорошо осмыслены сексуальные возможности осла.

Осторожно открыв его, он разложил у края покрывала следующие предметы:

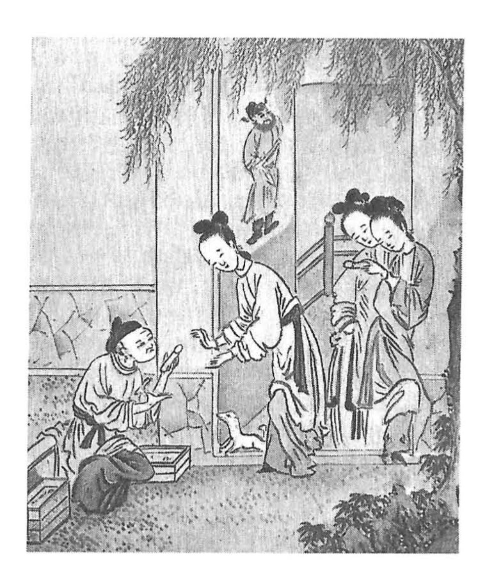
серебряный зажим
колпачок Вечного Желания
обработанные лекарствами
Ленты Желания
серное Кольцо Похоти
яшмовое кольцо для пениса
возбуждающие похоть притирания
татарский любовный колокольчик.

— Ну, как тебе нравятся мои приспособления для блуда? — спросил он.

Она почти утратила дар речи и не могла ничего сказать, лишь откинулась на подушку, являя собой картину страха и предвкушения. Рот её приоткрылся, дыхание участилось, руки ослабли, но колена уже поднимались в воздух.

Укрепив серебряный зажим на «яшмовом черенке», он смазал его притиранием и расположился между её колен. Оценив положение кратким нажатием на «яшмовые врата», он отодвинулся и добавил серное кольцо, а также жёлто-голубую ленту. Усилившись таким образом, он с трудом вошел в «беседку удовольствий», сразу заставив её вскрикнуть от боли и наслаждения, как будто лезвие все глубже и глубже вонзалось в нее.

Традиционный обычай «удержания **цзин**» (семени) с помощью метода прерванного сношения имел в глазах китайцев, кроме его предполагаемого терапевтического и омолаживающего эффекта, и два иных преимущества. Этот метод позволял китайцу продлевать сношение, и когда он был обязан распределять свои усилия между несколькими любовницами, ему было важно не изнурять себя непрерывным семяизвержением. Этой техникой отнюдь не пренебрегают и современные восточные любовники; китайцы и японцы попрежнему обладают уникальной репутацией за их изысканные и в то же время марафонские по длительности любовные игры.

15. Сцена с торговцем мастурбаторами. В условиях гаремной жизни подобная продукция была насущно необходима.

Практика «продления сношения», занимающая час или два, имела и социальный аспект, часто заставляя партнёров в процессе полового акта заниматься и другими делами. Жизнь в Китае всегда была социально ориентирована, причём как стремиться к уединению, так и ожидать его соблюдения можно было лишь в самых минимальных дозах; присутствие посетителей в спальне не вызывало того замешательства, которое оно вызвало бы в других странах.

Соответственно и занятый правитель, чиновник или торговец, имевший обычай часами проводить время в обществе любовниц, был в состоянии усердно заниматься делами. Как в романах, так и в придворных записях приводится немало случаев, когда мужчина для подписания бумаг не отстранялся от женщины, а обсуждение срочных дел с приглашенными сопровождалось время от времени движениями корпуса, чтобы убедиться, что эрекция еще не закончилась. Характерной чертой эротических гравюр эпох Сун, Юань и Мин[8] было присутствие служанок, либо читающих любовникам стихи, либо поглаживающих их, либо предлагающих освежающие напитки во время паузы при «продленном сношении». Пользовались также популярностью занятия любовью на свежем воздухе, особенно жарким летом, и в литературе описано не только немало забавных сцен под сенью деревьев, но и веселая пикировка между совокупляющимися парами и прохожими по ту сторону стены сада.

Другие звуки в подобные моменты мог издавать «бирманский колокольчик». Этот пустой серебряный шарик размером с ягоду помещался в вагину перед сношением и вследствие примечательного воздействия тепла и движений на находящийся внутри колокольчика маленький шарик было слышно постоянное позвякивание. Другая разновидность этого приспособления содержала каплю ртути и крохотный «молоточек». Два таких «колокольчика», обернутые в вату, часто помещались под большие половые губы и весело названивали, когда любовники начинали движения. Эту игрушку любили также лесбиянки. Ее внедрение вместе с другими приспособлениями при длительном использовании вызывало иногда деформации малых половых губ и растяжение клитора. Средневековые китайские книги по медицине описывают жалобу, характерную для наложниц, обойденных вниманием мужчин. Она обозначена термином «возгордившийся клитор», это один из признаков «гаремной нимфомании» (**вэй-тун-ши**).

Эта очаровательная терпимость по отношению к большинству человеческих слабостей не была, однако, всеобъемлющей, и среди тех немногих, к которым относились с отвращением или враждебностью, были те, кто имел репутацию лицемеров или людей, склонных к притворству. К этой категории относились монахи и монахини. Китайцы не были религиозными, по крайней мере, в общепринятом смысле, и буддийские монахи вызывали как презрение, так и недоверие, особенно у непримиримых конфуцианцев, считавших их пришельцами с Запада[9]. Однажды численность таких «чужаков», требовавших привилегий в силу принадлежности к монашеству, достигла полумиллиона, что вызывало появление таких едких стихов, как «Зловредность монахов и монахинь» («Сэн-ни не-хай»), принадлежащих кисти Тан Иня (XVI век):

По слухам, монахи ведут
  святую жизнь,
Это люди прямые и твёрдые,
  как колонна или луч.
Они бреют бороды и стригут волосы,
Всё у них блестит
  с головы до ног,

И всё же ничто не сияет,
как то орудие,
Которое они то и дело
извлекают из своих одежд.
Глаза монахов подобны крысам,
жаждущим воска,
Их руки загребают всё,
что приносится в жертву.
Они притворяются, что святые,
и стоят над плотскими утехами,
Рассказывают лживые басни
о Священном зубе Будды[10],
А сами поддаются похоти
при каждой возможности,
И их священные одеяния
колышутся между женских ног.

Поймаешь их в такой момент
—они тут же заявляют,
Что не боятся ни Неба,
ни Преисподней —
Однако придёт и для них
Судный день!

В обществе, где правосудие часто было скорым и безотлагательным, где «Книга правил» и другие авторитеты ясно определяли происхождение и последствия нарушений норм, вынесение телесных наказаний было обыденной чертой жизни. Бамбук произрастал в изобилии, как будто Природа предназначила его для использования в целях поддержания порядка, а фаталистический характер народа принял как эту, так и другие формы насилия. Такой фатализм опирался на абсолютную власть императора и его чиновников, а также на внутреннее чувство незыблемости порядка бытия и уважение к древним традициям.

Бесспорно, элемент садизма присутствовал в каждом ударе руки отца, палки учителя, меча палача или ноги солдата, и широкое распространение телесных наказаний вызывает сомнений не больше, чем иные аспекты общественной практики или семейных отношений. Они были всего лишь одним из элементов огромного целого. Древний китайский афоризм гласит: если сын оскорбил отца и знает это, единственное, что он может сделать,— принести отцу палку и принять от него наказание. Говорят, что 2000 лет назад Бо Юй горько плакал, принимая побои палкой от престарелой матери. Поскольку он был уже почти взрослым и не плакал до того долгие годы, мать спросила его о причине слёз. Тогда Бо Юй признался, что заплакал не от боли, а оттого, что удары бамбуковой палкой были так слабы — он понял, что мать слабеет от старости.

Эта и другие истории не только выражали сентиментальное отношение к возданию и освящённое временем приятие заслуженного и неизбежного, они были частью концепции соответствия наказания преступлению. По этой причине приговоры часто приводились в исполнение публично, и человеческое сочувствие к жертве совсем необязательно колебало веру в систему. Последняя включала в себя много сложных и жестоких разновидностей пыток. Свод законов (**«Да Цин люй ли»**) был составлен во время династии Сун (960—1127 гг.); количество ударов, к которым приговаривали в наказание, оставалось неизменным до XX века. Большинство преступлений, наказывавшихся палками, было скорее нарушением обычаев поведения или недостатком сыновней почтительности, нежели проступками более криминального свойства. 60

ударов «длинными палками» были наказанием за уклонение от соблюдения траура по умершему деду или бабке посредством сокрытия факта смерти, за непроявление скорби, за игру на музыкальных инструментах или за преждевременное снятие траура. 80 ударов были наказанием для жены или наложницы, выказавших неповиновение мужу (если он отведёт их в суд), подобное же наказание «короткими и толстыми палками» налагалось, если подсудимый уклонялся от созерцания некоторых общественных праздников. Считалось, что свод законов призван регулировать все случаи нарушений норм в жизни клана, племени или семьи и таким образом установить социальную гармонию и равновесие, причём ожидалось, что аристократия своим правильным поведением послужит образцом для низших классов. В этих условиях — ещё более усложнённых длительностью существования суровых традиций — природу и степень проявления садизма, бытующего в качестве средства поддержания дисциплины или наказания, определить трудно. Если сексуальный садизм был мало распространён среди мужчин, то сведения о его распространении в женской среде встречаются нередко — особенно там, где полигамное строение домохозяйства доводило напряжённость и ревность до невыносимой степени. Обычная ситуация, которая должна была повторяться очень часто, приведена в «Рисунках света и тени», романе раннего периода династии Цин. В сцене описано наслаждение, с которым старшая жена мучает одну из наложниц мужа по имени Сладкий Ручей. Двум слугам было приказано привязать Сладкий Ручей к деревянному столбу, затем началось зверское избиение. Оно продолжалось большую часть дня, за это время и жена, и наложница дважды принимали пищу. Страсть жены к применению бамбуковых палок и кожаных ремешков в конце концов довели жертву до беспомощности, после чего её остригли наголо, а жена испытала в этот момент приступ оргазма.

Подобное бывало и при дворе, где новые фаворитки правителей нередко выдавались на пытку ранее отвергнутым жёнам и наложницам. Обычно побои направлялись на половые органы, несчастных жертв забивали до полусмерти, засыпали им во влагалище раздражающие вещества (например, песок) или, что ещё более жестоко, вводили туда раскалённые докрасна металлические прутья и тому подобные предметы. Нередко у жертв отрезали груди и соски, девушек заставляли совокупляться с козлами, баранами и даже ослами — это представление устраивалось перед глумящейся толпой, причём наиболее шумно вели себя подруги жертвы.

Хотя надругательства самого худшего плана совершались при дворах правителей, членов правящего дома или деспотичных губернаторов, не обходили сцены насилия и жилища более скромных семейств. Тут, конечно, дело не доводили до крайностей кровавых пыток и убийств, но приводимая ниже сцена из **«Цзя чан е ши»** («Рассказы о необычайных семьях»), романа времён династии Мин, даёт картину неожиданной вспышки на-

силия в доме. Жена Ди-жэня, Ароматный Цветок, ревнует его к любимой наложнице, но не может направить свою ярость на эту находящуюся под защитой мужа женщину, и набрасывается поэтому на свою служанку, Чистый Хрусталь. Служанка имела несчастье пролить масло на новые туфельки хозяйки:

— Ах ты, неуклюжая ослица! — завизжала Ароматный Цветок,— посмотри, что ты сделала с моими лучшими туфлями!

Чистый Хрусталь наклонилась, чтобы посмотреть, и получила удар по щеке одной из туфель; потекла кровь. От потрясения и боли она отступила на шаг, но хозяйка подскочила к ней.

— А, ты от меня убегаешь! Я тебе неприятна, я тебе угрожаю! — кричала она.— Весенний Цветок! Весенний Цветок! — Старшая из двух служанок вышла из внешнего дворика.— Эта безмозглая рабыня оскорбила меня — принеси кожаный кнут!

Прекрасно понимая, что ярость хозяйки может столь же непредсказуемо обратиться и против неё, Весенний Цветок повиновалась. Когда она возвратилась с кнутом, ей было приказано раздеть плачущую Чистый Хрусталь.

— Держи её за руки, если вырвется, займешь ее место! — кричала в ярости Ароматный Цветок.

Чистый Хрусталь была, казалось, слишком напугана, чтобы сопротивляться стремлению Весеннего Цветка раздеть её побыстрее, но когда её затащили на высокую тахту и кнут в руках госпожи опустился, причиняя острую боль, на её обнажённую спину, она завизжала, как свинья, которую режут. После четвертого или пятого удара кнутом Ароматный Цветок сделала перерыв и сказала:

— Мне приходится больнее, чем тебе!

Это прозвучало так зловеще, что девушка закричала громче, чем обычно.

— Может быть, хватит? — отважилась спросить Весенний Цветок.

Кнут снова обрушился на спину Чистого Хрусталя, и в комнате поднялся крик, как на скотобойне. Этот крик разбудил в соседней комнате дедушку Вэя, и, когда он сел на ложе, Волшебный Коралл крикнула ему с соседней кровати: — Иди и уйми свою дочь, пока она не разбудила малыша.

Дедушка Вэй немедленно приказал своей жене встать с теплого кана и пойти прекратить шум. Когда старуха вошла в соседнюю комнату, Ароматный Цветок уже успела нанести тридцать или сорок ударов кнутом.

— Твоя старшая сестра боится, что ты разбудишь малыша! — сказала матушка Вэй.— Я не против, чтобы ты побила кнутом эту ослицу, но ты могла бы подумать и о ребёнке.

Это требование ещё больше взбесило Ароматный Цветок. Она толкнула свою престарелую мать так, что та рухнула в стоявшее поблизости «мандаринское кресло»[11], и нависла над ней.

— Уж не будешь ли ты указывать, как мне обращаться с моими собственными рабынями! Я не потерплю, чтобы кто-то являлся

ко мне в комнату и вмешивался в мои дела!

— Я зашла лишь за чашкой холодного риса,— робко произнесла старая женщина,— но что-то мне его уже не хочется.

Когда матушка Вэй вышла, Ароматный Цветок бросилась к рыдающей на тахте девушке, перевернула её на спину и расцарапала ей лицо. Ногти были такими острыми, что оставили на обеих щеках длинные глубокие раны, однако девушка ухитрилась скатиться за тахту, откуда виднелись лишь подошвы ее босых ног. Этого, однако, было достаточно для Ароматного Цветка. Она выхватила из очага бамбуковую трубку для раздувания огня и стала бить ею по виднеющимся ступням. Когда она довела до изнеможения скорее себя, нежели свою жертву, то бросилась на кровать, отослала служанку в ее комнату и стала лежа ждать возвращения Ди-жэня. Она чувствовала, что обливается потом, но не пот тревожил ее, а та часть души, которой она ждала возвращения своего заблудшего мужа.

Старая китайская пословица: *«Яд чёрного скорпиона или зелёной змеи не так опасен, как яд, находящийся в сердце женщины».*

Поскольку мужчина безоговорочно считался господином и поскольку нормальные запросы его жен и наложниц создавали немалый спрос на его энергию и склонность к сексуальным новшествам, расстройства, приводившие его к садизму, были минимальны. Проявления садизма имели место, скорее, при склонности мужчины к новизне, чем были выражением необузданной жестокости. В «Цзинь, Пин, Мэй» есть описание одного из этих, скорее, рассудочных случаев проявления спокойного садизма.

Вследствие столь многих дней непрерывных занятий любовью ноги Симэнь Цина ослабли настолько, что он понял — ему нужно либо отдохнуть, либо принять «зелье долголетия и сладострастия». Он выбрал последнее, но тут припомнил, что к травам следует добавить женского молока. Госпожа Как-Вы-Желаете находилась в своей комнате; волосы её были украшены цветами, и выглядела она очень привлекательно. Он тут же спросил, не может ли она нацедить немного молока, чтобы развести лекарство. Она с готовностью согласилась, и пока жидкость стекала в порошок, крикнула служанке принести чай и чего повкуснее.

Когда девушка ушла и выпитый чай смыл остатки лекарства, Симэнь Цин закрыл дверь и улегся на тахту. Затем он расстегнул белые шелковые штаны и извлек свой «яшмовый корень», закрепленный в серебряном воротничке. Он захотел, чтобы госпожа Как-Вы-Желаете возбудила его ртом, на что она согласилась, и пока занималась этим, он стал отведывать от разных блюд.

— Ты, конечно, хорошо работаешь ртом,— сказал он,— я куплю тебе самую лучшую вышитую кофту, какую смогу найти. Ты оденешь её на праздник 12-го дня первой луны [12].— Несколько мгновений понаблюдав, как она действует ртом, он добавил:

— Ты позволишь мне зажечь на твоём теле «фимиам страсти»?

— Как тебе хочется,— ответила женщина.— Я на всё готова.

Он сел, велел ей запереть дверь и из кармана на рукаве достал три маленькие пирамидки «фимиама страсти». Затем он снял с неё юбку и нижнее бельё, освободил её грудь и положил обнажённую женщину на тахту. Один кусочек фимиама он положил чуть выше пупка, ещё один — между грудями, третий — среди глянцевитых волос «шёлкового веера»[13]*. Затем он поджёг фимиам кончиком горящей ароматической палочки.*

Вида трёх крохотных спиралей дыма и действия снадобья, принятого раньше, оказалось достаточно, чтобы его «мужское остриё» напряглось; радость оттого, что он не настолько измождён, чтобы на день-другой отказаться от удовольствия, заставила его немедленно погрузиться во «внутренние покои». После нескольких минут интенсивной работы он потянулся за ручным зеркалом и положил его ниже поля битвы, чтобы лучше видеть ход сражения. К этому времени пирамидки фимиама наполовину выгорели, и женщина начала чувствовать жар.

— Прекрати, пожалуйста, жжёт! — вскрикнула она, прикусив от боли губу.

— С кем ты обычно блудишь? — потребовал ответа Симэнь Цин.

— Обычно с Сюн Ваном, но на сегодня можешь назвать меня своей,— выдавила она.

— Так ты шлюха Сюн Вана! — закричал он, будучи снова занят в «нефритовой беседке».— А мне ты предлагаешь только своё тело!

— Но я хочу стать полностью твоей... Ну, пожалуйста, жжётся ведь!

— Ты находишь, что я лучше Сюн Вана?

— У тебя величайшее орудие в мире!

Не без удовольствия поддерживая этот неприличный обмен репликами, Симэнь Цин продолжал нырять в «золотую долину» и изучать вид, открывающийся в зеркале внизу. Раздвинутые розовые губы влагалища выглядели, как открытый рот тропической птицы, а чёрные волосы по обе стороны от них были мокрыми и лоснящимися, как будто перья птицы намокли. Вдохновлённый этим вновь открывшимся видом, Симэнь Цин поднял её ноги выше обычного, в то время как она продолжала иступлённо вскрикивать от удовольствия и жгучей боли от горящего фимиама. Её удовольствие и боль достигли пика, когда его «облако» прорвало. Падая на неё сверху, он не забыл смахнуть последние тлеющие угольки.

— Ты непременно получишь самую лучшую вышитую кофту, какую я только найду,— пообещал он.— И ты должна быть в ней на праздник 12-го дня первой луны.

Уже сама по себе жестокость половой битвы была не без садистского значения, в частности, она ассоциировалась со сражением и необходимостью добиться триумфа. В таких любовных трактатах эпохи Мин, как «Боевые действия

на цветочном поле», женщины открыто назывались «врагами»; многое в беседах Жёлтого императора[14] с тремя его богинями было подчинено необходимости принуждать их к покорности. Идея превосходства ян над инь не была, однако, ограничена спальней: во Вселенной, разделённой на мужское и женское начала, идея сексуального доминирования распространялась и на неживое. Военачальник Фу Цзянь хвастал, что способен остановить течение потока (инь). Он выстроил на берегах отряд людей с кнутами в руках и приказал им сечь реку, пока она не покорится. К вечеру люди падали от усталости, а воды продолжали безмятежно течь. Есть ещё рассказ о Шихуане[15] (271—200 гг. до н.э.), пожелавшем построить каменную дамбу в море, чтобы наблюдать с дальней ее оконечности восходы и закаты солнца. Строительство дамбы было почти завершено, когда она неожиданно разрушилась. Её восстановили, но вновь случилось то же самое. Ши-хуан приказал бить камни кнутом, «пока на них не появится кровь», после чего «инь стала послушна» и дамба была завершена.

Красива девушка,
        которой нет шестнадцати,
Мягкие груди белы и гладки,
Но между ног у неё
        ужасная ловушка,
В которую попадается
        мужское стремление.

Её коварство именуется страстью,
За которую мужчина умирает
        с радостью;
Кровь и жизнь покидают его
За эту девушку в пьянящие
        шестнадцать лет.

Ван Шичэн

Самым жестоким в сумеречной стороне любви был обычай и героический, и трагический одновременно. Он был широко распространён до начала нашего века; говоря о нём, самое лучшее — привести соответствующий отрывок о сатизме[16] из работы Джастеса Дулитла об общественной жизни китайцев, вышедшей в 1867 г. Он писал:

А теперь опишу два уникальных обычая, касающихся, в частности, вдов, не выходящих снова замуж.

Некоторые вдовы по смерти своих мужей решают не жить без них и приступают к лишению себя жизни. Китайский сатизм отличается от индийского тем, что он никогда не осуществлялся через самосожжение. Способы его осуществления различны. Некоторые принимают опиум, ложатся и умирают у тела своего мужа. Другие морят себя голодом до смерти, топятся или принимают яд. Ещё один способ, к которому иногда здесь прибегают, это прилюдное самоубийство путём повешения поблизости от своего дома или в нём. Об этом намерении сообщается предварительно для того, чтобы желающие могли присутствовать и созерцать это деяние.

Истинные причины обращения вдов к сатизму различны. Некоторыми движет преданная привязанность к покойному, другими — чрезвычайная бедность их семей и трудность заработка на честный и уважаемый образ жизни, прочими — факт или перспектива грубого отношения со стороны родственников мужа. Иногда в бедных семьях братья усопшего мужа советуют или настаивают на повторном замужестве моло-

дой вдовы. В одном таком случае, происшедшем здесь около года назад, побудительной причиной к прилюдному самоповешению молодой вдовы стало то, что деверь настаивал на её повторном замужестве. Когда она ответила отказом, он внушил ей, что единственный для неё способ заработать на жизнь, принимая во внимание царившую в семье нужду,— пойти в проститутки. Такое бессердечие довело её до исступления, и она решила покончить жизнь самоубийством. Она назначила для этого определённое время. Утром назначенного дня она посетила некий храм, воздвигнутый для хранения табличек[17] и увековечения памяти «добродетельных и почтительных» вдов, расположенный близ южных ворот этого города. Её носили взад и вперёд по улицам в паланкине четыре человека, на ней было яркое платье, в руке она держала букет свежих цветов. После того, как она зажгла в храме ароматические палочки и свечи перед табличками, что сопровождалось обычным коленопреклонением и поклонами, она возвратилась домой и во второй половине дня лишила себя жизни в присутствии огромной толпы зрителей.

Обычно в таких случаях в доме вдовы или на улице перед домом воздвигается помост. В назначенный час женщина восходит на помост и брызгает водой на четыре его стороны. Затем она разбрасывает вокруг несколько видов зерна. Это своего рода залог приумножения и процветания её семьи. Вдову усаживают в стоящее на помосте кресло, затем обычно к ней подходят её братья и братья её мужа, которые поклоняются ей. Часто это сопровождается принесением ей в жертву чая или вина. Когда всё готово, она взбирается на табурет и, взявшись за верёвку, прочно укреплённую другим концом на возвышенной части помоста или на крыше дома, завязывает её на шее. Затем она отталкивает табурет и становится таким образом своим собственным убийцей.

Некоторые правительственные чиновники поощряли самоубийства вдов не только своим присутствием при этом, но и участием в поклонении. Говорят, однажды женщина, после того как ей были оказаны почести, вместо того чтобы взойти на табурет, укрепить на шее верёвку и повеситься, как ожидалось, вдруг вспомнила, что забыла накормить своих свиней, и заторопилась прочь, обещая вскоре вернуться, какового обещания не выполнила. После этого обмана ни один чиновник не присутствовал на сати в этом городе.

Публичное самоубийство вдовы всегда привлекает толпы зрителей. Общественное мнение поддерживает этот обычай достаточно, чтобы он считался почётным и ставился в заслугу, хотя не настолько, чтобы он стал очень частым явлением. Братья и близкие родственники вдовы, покончившей с собой после смерти мужа, считают это почётным для семьи и нередко испытывают удовлетворение, имея возможность представляться её братьями и родственниками.

Иногда девушка, помолвленная с умершим до свадьбы человеком,

решает скорее покончить с собой, повесившись публично, нежели быть вновь сосватанной или жить незамужней. Если не удаётся уговорить её изменить решение, ей разрешают назначить день самоубийства, она посещает вышеупомянутый храм, если он не слишком далеко, взбирается на помост, сооружённый у дома её наречённого мужа, и уходит в вечность таким же, в основном, образом, как и вдовы, решившие не жить дольше своих мужей. Гроб девушки в подобных случаях зарывают рядом с гробом её суженого и одновременно с ним.

Блаженное состояние невежества относительно связи между «небесным сражением» и венерическим заболеванием позволило многим поколениям китайцев вести свои любовные дела без оглядки на подобные соображения. Излюбленный мужской студень для смазки имел природные антисептические свойства, а полупрезерватив **(инь-цзя)**, применявшийся для сохранения «возбуждающего тепла», обеспечивал ещё большую защищённость. Венерические заболевания достигли тем не менее размеров эпидемии в XVI веке, и врач эпохи Мин Юй Бянь сообщал: «Жители северных частей страны страдают от заболевания половых органов и кожи, которое до настоящего времени было распространено только в Кантоне[18]. Эти «кантонские болячки» **(«гуан чуан»)** имеют форму цветов сливы...»

«Порча в виде цветов сливы», «кантонские болячки» и даже «нос, порченный сливой», позднее были определены как сифилис. Сведения о его широком распространении на юге содержатся в записях Хью Джиллана, врача британского посла в Китае лорда Маккартни в 1793—1794 гг. Он сообщал:

В Кантоне, где он встречается чаще всего, где лучше всего понимают его природу и способы лечения вследствие общения с европейцами, его называют ***«цао-би-тэн»****, что означает «половые органы мужчины больны», либо* ***«цао-цзи-ба-тэн»*** *— «половые органы женщины больны». В северных провинциях его называют* ***«бао-мэй»****, или* ***«тянь-пао-чуан»****, по различным симптомам этой болезни, соответственно их внешним проявлениям, таким, как нарывы, сыпь, и т. д. Но, кроме этих названий, его часто именуют «кантонской болячкой» — названием, подразумевающим начало распространения болезни по стране из этого города, где она впервые появилась, и куда она, быть может, была первоначально занесена европейцами, торгующими в этом порту. Многие миссионеры решительно придерживаются этой точки зрения, в поддержку чего добавляют: единственный используемый китайцами ртутный препарат попал к ним от одного из миссионеров.*

Поскольку Китай был одной из зон распространения чумы, оспы и других смертельных болезней, поскольку медицина, в чём-то преуспевая, была прискорбно несовершенна в остальном, многие симптомы венерических заболеваний отождествлялись с более привычными болезнями или причислялись

к тем физическим немощам, которые не поражают страждущего прямо и болезненно. Время от времени, начиная с XVI века, некоторые не определённые точно эпидемии назывались «чумой бегущих болячек», или «болезнью капающей жидкости», но преобладающее отношение к венерическим заболеваниям состояло в том, чтобы игнорировать их, где возможно, и наслаждаться «удовольствиями бамбуковых зарослей», не заботясь о возможных болезненных последствиях.

Возвращаясь к запискам доктора Джиллана, отметим, что у китайцев тем не менее была готовность признать заболевание и принять курс лечения, если он был доступным и не слишком болезненным. Вот что он пишет о поездке в Кантон в сопровождении группы высокопоставленных чиновников:

Чжоу и Ван подхватили болезнь у какой-то девицы из Ханьчжоуфу; приблизительно две недели спустя она проявилась в форме и язв, и гонореи. Военный чиновник Ван обратился ко мне первым и вскоре был излечен от своих недомоганий. Он, казалось, был чрезвычайно удивлён, когда я впервые предложил ему впрыскивание в мочеиспускательный канал. О таком он до того и не слыхивал, однако с достаточной готовностью согласился, а затем взял спринцовку и лекарство для впрыскивания и самостоятельно применял их в соответствии с моими указаниями. Его друг Чжоу, видя хороший результат от применяемых средств, очень хотел пройти такой же курс, но, будучи гражданским чиновником, более стыдился того положения, в котором оказался. Поэтому он по секрету попросил Вана возобновить запас лекарств, как будто бы для себя, а затем частным образом передать ему. Когда Ван потребовал от меня ещё лекарств, я сказал, что он полностью излечен, и предположил, что он собирается вернуться к той девице из Ханьчжоуфу. Он захохотал и признался, что лекарства предназначались для Чжоу, чья застенчивость не позволяет ему прийти. Чжоу справился вскоре со своей застенчивостью и был быстро и полностью излечен.

Небрежное отношение, преобладавшее среди китайцев в XVIII и XIX веках, отражено в следующем фрагменте из того же источника:

После того, как истечение из мочеиспускательного канала прекращается и внешние язвы исчезают, люди обычно считают себя излечившимися. Они редко продолжают применять ртуть достаточно долго, чтобы излечить органическую инфекцию, и вследствие такого пренебрежения венерические язвы, пятна и струпья часто выходят на поверхность тела; спустя некоторое время следуют экзостозы костей, и многие несчастные пациенты, ведя столь прискорбный образ жизни ещё несколько лет, умирают, чрезвычайно страдая.

В Китае общепринята точка зрения, что заражённый родитель передаёт заражение своему потомству; исходя из этого предполагается, что некоторые семьи имеют наследственное венерическое

заболевание. ...В Кантоне... используют ртутную мазь для лечения Lues venerea[19], *способ применения и изготовления которой они узнали от живущих здесь европейцев. Но в Пекине и во всех северных провинциях применяются ртутные пилюли... Чжоу (чиновник)... прекрасно знал об их сильном воздействии: они часто вызывают сильную рвоту, понос и острые боли в кишечнике. Эти неудобства и причиняемая пилюлями боль были главными причинами, мешавшими китайским пациентам продолжать приём лекарств достаточно долго для исцеления.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Книга правил» — **«Ли цзи»**, одна из классических книг средневекового Китая, входившая в состав «Пятикнижия». В ней говорится о церемониях, обрядах и правилах поведения, определявших образ жизни каждого китайца.

2 «Цзинь, Пин, Мэй» — эротический роман XVI в., приписываемый Ван Шичжэню. Дважды (в 1977 и 1986 гг.) издавался на русском языке в очень урезанном виде.

3 Чай в виде смеси листьев с ароматическими веществами или изготовленные из этой смеси лепешки применялись в Китае для удаления дурного запаха изо рта и отбития неприятного вкуса.

4 Мин, династия, правила в Китае с 1368 по 1644 гг. Последняя собственно китайская династия. С 1644 г. и до Синьхайской революции 1911 г. Китаем правила маньчжурская династия Цин.

5 12 дюймов — чуть больше 30 см.

6 Сапфо, или Сафо,— греческая поэтесса второй половины VII в. до н. э. Большую часть жизни провела на о. Лесбос. Основательница музыкально-поэтической школы. С её именем связывают становление сапфической, или лесбийской, любви — противоестественного сексуального общения женщин.

7 Зелёный Дракон и Белый Тигр — зооморфные символы востока и запада; через направления на страны света отождествлялись с божественными супругами Си-ван-му и Дун-ван-гуном.

8 Сун, Юань, Мин — китайские династии. Сун правила с 960 по 1279 гг.; на смену ей пришла монгольская династия Юань, становление которой связано с завоеванием Китая монголами: возникнув в 1280 г., династия пала в 1367 г.; о династии Мин см. примеч. 4.

9 Буддизм проник в Китай из Индии, поэтому долго монахи-буддисты рассматривались как явление, чуждое китайской культуре, противоречащее ценностям конфуцианства.

10 Священный зуб Будды — одна из основных святынь китайского буддизма.

11 «Мандаринское кресло» — имеется в виду «кресло в форме шапки чиновника» **(гуань-мас-ши и)** с жёсткой спинкой, подлокотниками, на 4 или 6 (в зависимости от прямоугольной или шестиугольной формы сиденья) ножках.

12 Двенадцатый день первой луны — день праздника фонарей, которым завершается празднование китайцами нового года. В ночь на тринадцатое число

проводились массовые гулянья с элементами карнавала и маскарада; женщины, в частности, надевали свои лучшие одежды и украшения.

[13] «Шёлковый веер» — лобок.

[14] Жёлтый император — Хуан-ди, мифический император, стоявший у истоков китайской государственности.

[15] Ши-хуан, или Цинь Ши-хуан, — основатель империи Цинь (221—207 гг. до н. э.), объединившей Китай после длительных усобиц I тысячелетия до н. э.

[16] Сатизм — название происходит от индийского обычая «сати» — самосожжения вдов.

[17] Речь идёт о поминальных табличках с именами усопших, устанавливавшихся в алтарях и храмах; таблички считались пристанищем душ усопших.

[18] Кантон — с XVII в. единственный разрешённый для торговли с европейцами порт; монополия Кантона (Гуанчжоу) на торговлю с Западом была нарушена лишь в XIX в.

[19] Lues venerea — сифилис.

Перевод и примечания С. И. Блюмхена по изданию: Ch. Humana and Wang Wu. The Yin-Yang. The Chinese Way of Love. — L.; N. Y., 1971.

16. Под сенью спелого винограда, или «Феникс парит».

Е.В.ЗАВАДСКАЯ-БАЙЧЖИ

СЕКСУАЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЫЙ КОЛОРИТ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ЖИВОПИСИ

Пить вино, любить женщину, писать иероглифы, создавать картину, сочинять стихи — всё это по природе своей одинаковые деяния.

Чэнь Хуншоу. «Мысли о разном».

Сексуальность как культурологическая или эстетическая проблема возникла в научной литературе сравнительно недавно, в начале 1960 годов, особую остроту она приобрела в 1970—1980 гг. Так, в энциклопедическом справочнике «Новая историческая наука», изданном в 1978 г. группой французских учёных, сексуальность рассматривается в кругу таких новых для историографии тем, как «смерть», «детство», «женщина», «аккультурация» и др.

Анализ «сексуального кода» китайской традиционной живописи представляет, на мой взгляд, особый интерес уже по той причине, что все исследователи этого искусства всегда отмечали подчёркнутую стыдливость китайских художников. Действительно, основные

жанры китайской классической живописи — пейзаж, цветы и птицы (травы и насекомые), бытовая живопись и портрет, если их сопоставить с классическим европейским искусством, предстают как лишённые эротических сюжетов и чувственных образов. Конфуцианскими правилами живописи предписывалось быть чисто интеллектуальным явлением (вэнь), очищенным от неблагопристойностей. Сексуальные сюжеты имели право на существование лишь в графике, которая почиталась искусством вульгарным (су).

В реальности далеко не все художники придерживались этих предписаний. Но даже и тогда, когда рамки конфуцианской морали бывали соблюдены, присущие китайской живописи суггестивность, особое искусство намёка и недосказанности позволяли выражать чувственность, вызывать сексуальные аллюзии весьма изощрённо и многообразно.

Живописные свитки с изображениями цветка и бабочки, пейзажа, архитектурного ансамбля, различных предметов, например вазы, стрелы, скипетра «жу-и» и т. п., как показывают исследования последних лет, содержат богатый образный мир, пронизанный сексуальностью (илл. 21, 10, 1).

То обстоятельство, что живописный свиток представлял собой единство символов, способствовало тому, что в сфере восприятия искусства развивалась система ассоциаций, ибо прочтение этих символов требовало ассоциативного мышления, которое создавало общность, целостность восприятия разрозненных символов, о чём мне доводилось писать ранее (см. /2/).

Китайской культурой в далёкой древности были выработаны архетипы, знаки вечности, которые в последующие столетия представали как основа, канва, по которой расшивался узор художественного стиля той или иной эпохи. В психологии К. Г. Юнга архетипы обозначены как знаки «коллективно-бессознательного» — это небо, луна, тень, вода, дерево и др. Именно эти образы-символы теснейшим образом связаны с сексуальным кодом китайской живописи. В фундаментальной работе «Человек и его символы», составителем и редактором которой был К. Г. Юнг, к названным архетипам примыкают ещё треугольник, дракон, змея, сердце, печень, огонь и др., связанные с сексуальностью /7/. Пожалуй, важно напомнить читателю, что китайский живописный свиток представляет собой особым образом организованный художественный текст — по-китайски говорят: «читать картину». И основные структурные особенности художественного текста, прежде всего многослойность и полисемантизм, присущи живописному произведению китайского художника /3/. Одним из многих смысловых пластов китайской живописи, обладающей повышенной семантичностью, которая объясняется также её близким родством с иероглификой, предстает слой, связанный с сексом.

В китайской литературе о живописи этот параметр специально не рассматривался. Суждения китайских исследователей о сексуальном смысле тех или иных живописных образов можно найти лишь в описаниях жизни художников, или в их

характеристике аналогичных мотивов в художественной литературе, или в книжной иллюстрации. В «Словаре китайской мифологии» /5/ не раскрываются сексуальные аллюзии мифологических образов; нет их и в известной работе А. С. Вильямса «Основные образы-символы китайского искусства» /9/. Английский учёный, по его собственному признанию, создавал свой труд на основе подробных консультаций китайских учёных традиционной выучки конфуцианского толка — книга писалась во время многолетней работы Вильямса в Шанхае.

17. Юнь Шоупин. Пион. В китайской живописи жанра «цветы и птицы» пион ассоциировался с вульвой.

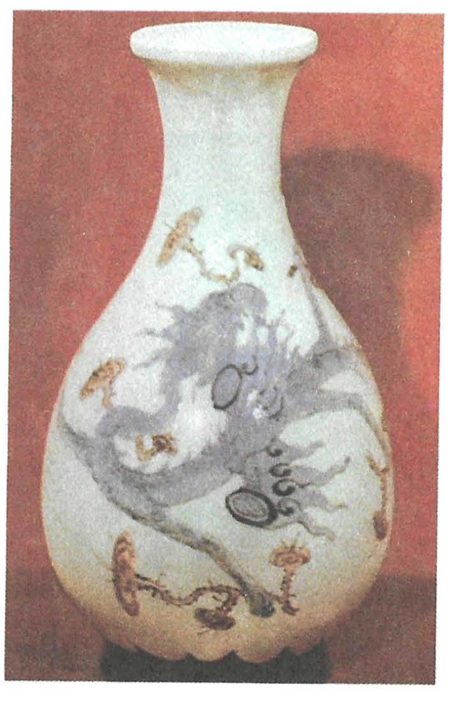
Книга Вильямса даёт ключ к чтению на уровне краткого энциклопедического словаря типа «Цы хай» орнаментики, пониманию символики и иконографии основных образов китайского классического искусства. Муравей и комар, меч и ваза, азалия и роза и т. п. выстроены в один ряд образов-символов. Вильямса интересует не миропонимание в широком смысле слова, его цель строже — он стремится выявить в океане различных идей те идеи и образы, на основе которых был выработан изобразительный код всей традиционной культуры Китая.

Разрушение границ между высокой культурой (вэнь) и, условно говоря, вульгарной (су) культурой со всей определённостью было проделано в многочисленных трудах крупного немецкого синолога В. Эберхарда /6/.

Значительный пласт в словаре Эберхарда составляет растительный код культуры старого Китая, он описан во многих (более ста) специальных словарных статьях. Об-

щая методологическая характеристика этого типа мифологического кода дана в работе В. Н. Топорова, в которой, кстати говоря, рассматривается в известной мере и сексуальный параметр этих образов, в частности символика грибов /4/. О символическом смысле божественного гриба лин-чжи я писала в специальной статье, в которой характеризуется и сексуальный смысл этого образа-символа /1/.

Образы-символы растений в китайском искусстве по своему значению являются, пожалуй, центральными. Так, согласно Эберхарду, практически все деревья, цветы, травы в той или иной степени могут вызывать в человеке эротические ассоциации и являться сексуальным возбудителем. Азалия — это воплощение женской соблазнительности, её называют «цветок кукушки», что наводит на мысль о непостоянных связях; баклажан же, напротив, имеет форму, напоминающую фаллос, и тем самым «работает» как сексуальный провокатор; даже буддийское священное дерево бодхи включено в сексуальный код — понятие вода-сок бодхи (пути шуй), т. е. воды просветления,— это метафора спермы; сердце-цветок (хуа-синь) — одно из названий женских половых органов; девственность обозначается как жёлтый цветок (хуан-хуа); лотос и пион (особенно красный) (хун-лянь) — это женские гениталии; нарцисс, как и орхидея, обозначает супружеские отношения; цветы сливы мэйхуа — это обычное название для девиц лёгкого поведения. Выражение «Цветы сливы цветут во второй раз» имеет эротический

18. Сосуд с голубым драконом и грибами лин-чжи. Голубой цвет дракона — одновременно цвет и неба (ян), и воды (инь) — знак активизации мужской силы. Гриб лин-чжи — женственный сосуд, наполненный эликсиром бессмертия. Но это не символ женщины, лин-чжи сам является священным сгустком теневого иньского начала. Употребление лин-чжи в пищу приводит к той же благой цели, что и «просвещенная» эротика.

смысл: «второе соитие в одну и ту же ночь» (илл. 17, 19, 131).

Изображения насекомых и птиц вызывают, согласно В. Эберхарду, сексуальные ассоциации. Так, бабочка и пчела, берущие нектар из цветка, символизируют соитие, которое описывается, как «любовное безумие бабочки и дикой пчелы». Слово «няо» — «птица» — обозначает и фаллос и вообще является бранным словом. Ласточкины гнёзда — это известный возбудитель мужской сексуальности, поэтому и изображения ласточек содержат эротические аллюзии, «курицей» кличут проституток; две сороки, символизирующие, как известно, радостную встречу сказочного Пастуха и Ткачихи, могут иметь и сексуальный оттенок: «уточки-мандаринки» («юань-ян»), являющиеся олицетворением супружеской верности, имеют и иной смысл: так называется одна из 30 поз при соитии. «Иволгой-куропаткой» иногда называют проституток; «перепёлочки» — устойчивое обозначение девиц лёгкого поведения; «воробей», «воробушек» — название фаллоса; «зимородок» («фэйцуй») — так называется одна из 30 поз при соитии. Две рыбки, играющие в воде, являются символом сексуальной удовлетворённости; «краб» («сушеный краб») считается прекрасным возбудителем мужской сексуальности; «угорь» обозначает фаллос, «жёлтый угорь» — это гомосексуалист. Заяц, особенно держащий пест и толкущий в ступе, символизирует мужскую сексуальную активность. Выражение «ловить зайца» обозначает «отправиться в публичный дом»; «зайчонок» — это нецензурное слово, «женский заяц» («инь-

19. Цветы инь — ян.

ту»)—название влагалища. Лошадь в Китае является воплощением женского начала, вместе с тем словосочетание «глаз коня» обозначает отверстие на головке фаллоса, выражение «конь бьёт копытом» характеризует одну из 30 поз при соитии. Священные мифологические животные—цилинь, дракон, тигр и черепаха (со змеей), символизирующие страны света, светила, первоэлементы, цвета, звуки, обладают также и сексуальным смыслом. Так, цилинь, известный тем, что приносит счастье при деторождении, является образом-символом одной из 30 поз при соитии. Черепаха, точнее иероглиф черепахи, представляет как графический символ фаллоса, а змея—женское начало,—слившаяся с черепахой, олицетворяющей мир воды и темного женского начала и одновременно мужской силы,—это один из центральных сексуальных образов китайского искусства. Дракон вида цин лун, сине-зелёный дракон, считается воплощением мужской сексуальности; лев или львы, играющие в мяч,—образ сексуальных «игр». Выражение «Два феникса танцуют в согласии» является названием одной из 30 поз при соитии. Изображение пары овец—двойное ян служит образом мужской сексуальности.

Многообразный мир вещей, воплощённый в китайской живописи, раскрыт В. Эберхардом как исполненный тонких игривых намёков, связанных с сексуальной сферой жизни человека. Так, кольцо (юаньби) означает девственность; мяч, часто вышитый, прочитывается как подобие магическому, животворному

20. Ма Синцзу.
Птица на лотосе.
Не пышный цветок, зовущий опылителя, но уже опыленный разбухший пестик.

21. Иллюстрация к роману «Сон в красном тереме». Сочетание жанровых сцен с изображениями цветов, птиц, насекомых — обычный прием китайской живописи. Присутствие на этом листке древнего бронзового треножника с цветущей веткой придает представленной рядом сцене особую значимость, усиливает ее лирическое звучание не без элемента чувственности.

яйцу — отсюда игра львов с мячом, драконов с жемчужиной (имеющей аналогичный мячу символический смысл) предстают как сексуальные образы. Выражение «хороший стрелок» осознаётся как эротическая метафора. Кисть для письма нередко символизирует фаллос; оплывание свечей может осознаваться как страстность соития; сеть для ловли рыбы обозначает женские половые органы. Музыкальные инструменты, такие, как флейта, лютня-пипа, цитра-цинь, обладают определённым сексуальным смыслом. Выражение «слушать звук лютни» означает посещение публичного дома, цинь выступает как метафора половых губ (титул, илл. 4, 34).

В пейзажных композициях с изображением гор и рек, деревьев, луны в небе, различных мостиков и павильонов, одиноких задумчивых рыбаков в лодке или странни-

**22. «Большое семейство довольно сиротой Бао Юем».
Сексуальная символика птицы, устремляющейся к цветку, накладывает определённый отпечаток на представленную рядом с ней жанровую сцену, заставляя в ней видеть намёк на эротические взаимоотношения. Однако, в отличие от цветка, стоящий перед господином на коленях юноша Бао Юй лишён «пестика». Господин держит коленопреклонённого за локти достаточно двусмысленно. Птичка же с цветком заставляет трактовать эту двусмысленность не как отеческое снисхождение, но как намёк на гомосексуальные устремления господина.**

ков В. Эберхард раскрывает определённый сексуальный смысл. Горами, вернее яшмовыми горами, нередко называют женскую грудь, горная долина — это впадина между ними, соски же подобны виноградинам и плодам лотоса. Мост в эротической литературе обозначает область между анальным отверстием и влагалищем. Картина с изображением одинокого мужчины, прогуливающегося по мостику над водным потоком, имеет эротические аллюзии, может означать и гомосексуализм. Изображение заднего сада в архитектурном ансамбле определенно связывается с гомосексуализмом, как и выражение «любоваться полной луной», «трёхэтажной башней» метафорически обозначает влагалище, треугольник — известный древний символ вульвы.

Особой чувственностью и сексуальной напряжённостью пронизаны различные природные стихии, взаимодействие объектов природы, функции предметов и т. п. Верховая езда, «скакать на коне» — это метафора соития; созерцать иву — значит посещать публичный дом; «шаг тигра» — название одной из 30 поз при соитии; любить ветер и луну означает сексуальную активность; облака и дождь символизируют сексуальное единство: облако — это взаимодействие партнёров, дождь — климакс, лететь, лететь вместе — означает взаимную любовь. «Дух вздымается до небес» — описание оргазма, выражение «есть жареную свинину» означает соитие. «Южным ветром» («нань фэн») называют гомосексуализм, так как это словосочетание звучит так же, как «нань фэн», означающее «мужской обряд», т. е. содомию.

Разумеется, выявленные В. Эберхардом сексуальные ассоциации, пронизывающие большинство образов-символов китайской живописи, не всегда воспринимаются зрителем. Возвышенные пейзажи Фань Куаня или виртуозные монохромные листы с изображением бамбука мастера У Чжэня, чистые, простые композиции Ни Цзаня не вызывают эмоций и мыслей из сексуального кода. Но подавляющая часть живописи цветов и птиц, жанровой и портретной живописи и частично пейзажа насыщена сексуальными аллюзиями в очень значительной степени. Думается, что в свитках Ци Байши с изображением крабов содержится намёк не только на японских захватчиков, как об этом обычно говорится, и известный живописный шедевр сунского времени «Лотос» выражает не только буддийский идеал чистоты и совершенства...

ЛИТЕРАТУРА

1. Завадская Е. В. Философско-эстетический смысл так называемого «божественного гриба» («лин-чжи») // Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока.— Вып. 9.— М., 1977.
2. Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая.— М., 1975.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста.— М., 1970.
4. Топоров В. Н. Растительный код // Мифы народов мира.— Т. II.— М., 1982.
5. Чжунго шэньхуа чуаньшо цыдянь (Словарь китайских мифов и легенд).— Шанхай, 1985.
6. Eberhard W. A Dictionary of Chinese Symbols./tr. by Cambell.— N. Y., 1984.
7. Man and Symbols./Ed. by C. G. Jung.— L., 1964.
8. La nouvelle Histoire.— P., 1978.
9. Williams C. A. S. Outlines of Chines Symbolism and Art Motives.— Shanghai, 1962.

23. Семейная сцена, или «Парный танец жар-птиц».

О. М. ГОРОДЕЦКАЯ

ИСКУССТВО «ВЕСЕННЕГО ДВОРЦА»

Эрос — одна из древнейших тем в искусстве, существовавшая и существующая всегда и везде, во все времена и у всех народов. Искусство и эротика часто дополняют (или заменяют) друг друга. Чувственное эротическое начало человека питает энергетически его художественное творчество. Подобное утверждение давно уже не вызывает сомнений даже у прирождённых ханжей.

Каждый актёр знает, что, выходя на сцену, он должен любить, хотеть, иметь и отдаваться своему партнёру, даже если происходящий между ними конфликт далёк от любовного. Должен уметь любить весь зал и каждого зрителя в отдельности, и лишь тогда можно рассчитывать на успех.

Но оставим театр, порождение, как известно, бесовское, и обратимся к так называемому «святому искусству» и увидим, что там всё то же. Даже в христианстве, которое почитает плоть низменным началом, экстаз духовного прозрения изображается порой так, что трудно его отличить от экстаза плоти. Удивительно похожи Св. Тереза (скульптура Бернини) и насилуемая женщина с рисунка Леонардо да Винчи.

Разумеется, и эстетическое признание обнажённой натуры напрямую связано с сексуальным пониманием того, что есть желанно и что есть прекрасно. Так, например, в Греции и Риме эстетизация, обожествление мужественного тела в искусстве сочетались с развитым гомосексуализмом в жизни. История греческого искусства вообще примечательна тем, что мужская обнажённая фигура появляется в нём значительно раньше женской и гармоничная мужественная красота наделяется божественной сутью. Этот греко-римский эстетический феномен — явление почти уникальное, равно как и греко-римская идеализация гомосексуальных отношений. Обычнее для человеческого общества поклонение телу женскому. Культ богини-матери, средоточии всех тел и душ рода, племени или человечества, находил своё отражение в искусстве ещё со времени палеолита. Каноном «Палеолитической Венеры» было изображение женщины с широким тазом и большим животом, содержащим зародыш самого существования, и с огромной грудью, предназначенной для вскармливания всего сущего. Подобные статуэтки выполнялись как в натуралистических формах, так и в знаковых. Иногда древний человек ограничивался только схематическим изображением женских гениталий — лона, принимающего и отдающего, дарующего успокоение, творящего жизнь, — «первобытная щель», «врата мира» — или, если отбросить всю громоздкую философию, то просто предмета мыслей и вожделений рисовавшего (или, вернее, высекавшего). Подобное искусство отражает не только «зарю человеческого сознания». Оно распространено широко как в пространстве, так и во времени. Возрождалось, например, и в Европе XX в. в качестве одного из направлений так называемого «авангарда».

В данном случае, имея в виду дальнейший разговор об эротике в искусстве Китая, для нас среди палеолитических статуэток наиболее интересны знаменитая «Венера Леспюг» и так называемые «стержневидные женские фигурки», ибо в них изображение женственных форм совмещается с формой фаллоса.

Одиночные фигурки богини-матери, может быть, когда-либо и существовали в китайской древности, однако нам подобные не известны, и в традиции они закрепления не получили. Ближе китайскому миропониманию оказались именно такие изображения, которые объединяют женское начало с мужским. Начиная с керамики Яншао (V—III тыс. до н. э.), можно проследить их развитие в знакомых формах и, начиная с Поздней Хань (I—III вв. н. э.), — в реалистических. Этим временем датируется наиболее раннее из известных нам изображений эротической сцены. Это достаточно грубо исполненный рельеф на камне, украшавший внутренние покои гробницы. Происходит он из районов юго-западной провинции Сычуань, не раз поражавшей археологов своими сокровищами.

Отказ от одиночных изображений женского тела и любовь к сюжетам, совмещающим оба начала, связаны в Китае с тем, что основой

миропонимания было разделение всего сущего на две стихии: теневую, лунную, мягкую, женственную инь и световую, солнечную, твёрдую, мужественную ян, высшей целью для которых было слияние. Гармоничное единство двух мировых составляющих — «Великое Единое» (тай и) — оно-то и обладало животворящей силой.

24. **Картинка «весеннего дворца», или «Феникс парит».**

В произведении искусства, которое во всех культурах мыслилось как модель мира, одинокое инь не могло быть самодостаточным. Иными словами, воде (стихия инь) неуютно без гор (стихия ян), раскрытому цветку (инь) — без птицы или мотылька (ян), птице-феникс — без дракона. Одинокая красавица не может не ждать, не томиться без возлюбленного. Женское томление на свитках или альбомных листах с одинокими красавицами передается, помимо общего настроения, множеством разнообразных деталей-символов. Рядом с феей реки Ло изображён улетающий дракон — сцена прощания (свиток Гу Кайчжи, созданный на рубеже III—IV вв. н. э.). Женщина убирает себя перед зеркалом (альбомный лист Су Ханьчэня XII в.). Женщина держит в руке открытый сосуд — знак её открытости и готовности принять «янский дождь» (рисунок XVII—XVIII вв. из серии иллюстраций к роману «Хун лоу мэн» — «Сон в красном тереме»). Дама на фоне кракелированного узора льда — знак активизации инь — стоит рядом с трёхногим сосудом — знак мужского полового органа (рисунок из той же серии). Дама поклоняется трехногому сосуду (гравюра начала XVII в.) и т. д. (илл. 10, 12, 13).

В отличие от многочисленных европейских «Томлений Венер» в китайской традиции женщина в подобных ситуациях почти никогда не изображается обнажённой, за исключением, разумеется, откровенных стилизаций под Запад. Не прихоть художника, но идея вселенской гармонии требовали обязательного изображения рядом с женской вульвой мужского фаллоса.

Именно по этой причине, когда в Китае начала распространяться западная порнопродукция, часто использующая одиночные изображения женских или мужских гениталий, то китайское традиционное наименование эротических сцен «чунь гун ту» (буквально: «картинки весеннего дворца») оказалось для неё неприемлемо. Таким образом, согласно китайской терминологии, эротические изображения следует различать двух типов: первый — «сэ цин хуа» (собственно: «рисунки плотских чувств») — это современные западного толка картинки, которые могут быть и одноначальны, т. е. с одиночным персонажем или со всевозможными лесбийскими сценами (как известно, лесбиянство, в отличие от мужского гомосексуализма, у нас не считается криминалом, и с точки зрения психиатрии это есть явление «в пределах нормы»); и второй — это интересующие нас «чунь гун ту» — традиционно китайские и почти всегда двуначальные. Именно «почти», поскольку реально среди картинок «чунь гун» не часто, но иногда встречаются и гомосексуальные сцены. Однако это отдельная проблема, и речь о ней пойдёт ниже, после того как попытаемся разобраться с различными

25. Юная леди с обнажённой грудью. Удивительно эклектична эта китайская стилизация под Европу. Тут всё вместе — и рококо, и барокко, и классицизм,— всё то, что чуждо самой китайской традиции. Это не картинка «весеннего дворца», а фривольное подражательное сэ цин хуа.

особенностями взаимоотношений инь и ян и их отражением в искусстве.

Поскольку весь мир двоичен, то перед лицом Неба и Земли всё равно: и возвышенный пейзаж «шань шуй» («горы и воды»), и широко распространённый жанр «хуа няо», «цао чун» («цветы и птицы», «травы и насекомые»), и «чунь гун» — картинки с изображением эротических сцен. То есть можно говорить и о сексуальности китайского пейзажа, и о философских идеях в тех сценах, которые принято с негодованием называть порнографией.

26. Любовная сцена за шёлковым пологом, или «Рыбы соединяют глаза». Завуалированность не была присуща китайской эротике.

Взаимоотношения. Взаимотрансформация. Соитие и распад. Перекачка, энергообмен двух сил. Своего рода качели. Эта идея, которая так прославила французского художника XX века Хуана Миро, в китайской живописи и графике известна с давних пор. Кстати, сами качели были одним из мощных эротических символов в Китае. Сцены, в которых мужчина (или мужчины) раскачивают женщин на качелях или сами женщины раскачивают друг друга в присутствии мужчины, нередко встречаются в литературе и искусстве. Согласно расказанному в романе «Цзинь, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе»), в результате подобных развлечений можно и невинность потерять (илл. 123).

* * *

Китайское эротическое искусство, в отличие от, например, южно-индийского или тибетского, при всей его натуралистичности лишено плотской мощи. Связано это вообще с особенностями исконно китайского отношения к человеческой плоти. В Греции преклонялись

перед мышечной силой атлета, в Индии — перед женственными плодородными формами. В Китае же не было культа плоти, мякоти человеческого тела. Древние с почтением относились к скелету, связывали его с небесным началом в человеке, но в искусстве этот интерес к костному остову проявлялся преимущественно в портрете. Твёрдая костная ткань в человеческом теле олицетворяла силу ян, меж тем как даосизм (а эротическое искусство Китая в основном связано с ним) был ориентирован на мягкое и теневое инь. Но и инь, и ян — это лишь две стороны единого неделимого мира, универсальной первосущностью которого является не кость и не мякоть, но эфир — «ци». В человеческом организме ипостасью ци, т. е. чистым сущностным веществом, почитались сперма и менструальная кровь.

27. Сексуальный союз на воде. В китайских эротических трактатах немало говорится об опасности такого союза.

* * *

В Китае, в отличие от христианского мира, духовные и телесные сущности воспринимаются нераздельно. Эфир ци — это одновременно и перводух, и первовещество. Все тела есть сгустки ци, и вместе с тем все тела есть спрессованный и заключённый в некую форму дух. Инь и ян — два полюса, между которыми циркулирует ци (эфир) или его ипостаси — ци (воздух), шуй (вода), цзин (сперма), сюэ (кровь), а также то (слюна), которую ещё называли «юй цзян» («нефритовый сироп»). Эротическое искусство Китая — это одно из идеальных и одновременно материальных выражений этой всеобщей циркуляции.

Глядя на гравюру XVIII в. «Возлюбленный брат улучает момент для тайной любви», принадлежащую большой серии иллюстраций к роману «Цзинь, Пин, Мэй», можно почти физически ощутить непрекращающееся взаимодействие двух сил, вечное движение эфира на грани двух составляющих (илл. 127).

Чтобы правильнее считывать композиционные построения китайских картин, нужно не забывать об одной особенности зрительского их восприятия китайцами. Европейцы, которые пишут и читают слева направо и сверху вниз, в том же порядке рассматривают и живописное произведение. Азбучные законы европейского искусства учитывают эту особенность. В Китае же тексты традиционно писались сверху вниз и справа налево, таким образом, начальной точкой для глаза был не левый верхний, но правый верхний угол картины.

28. Япония. Кёнэгэ. Присутствие постороннего обычно и для японской эротической живописи.

На рассматриваемой гравюре одновременно представлены две парные сцены. На верхней правой, с которой начинается движение взгляда, мужчина обнажился, ещё секунда — и женщина прильнёт к нему, однако движение её зрительно остановлено, ибо происходит по диагонали, противонаправленной движению зрительского взгляда,— слева направо и снизу вверх. Путь этот глазом воспринимается как медленный и трудный. Преодолеть его — всё равно что подняться на гору. Стремительного слияния, увы, не происходит.

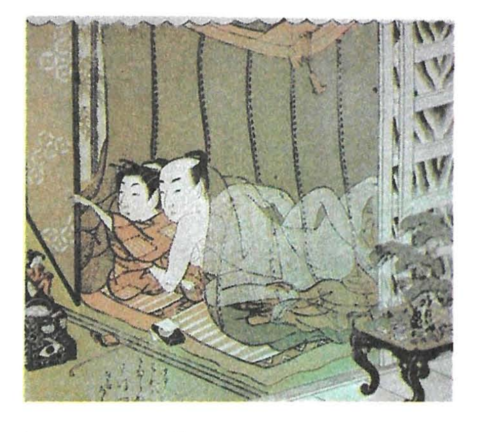
Во второй сцене дама наоборот удаляется от юноши, но и стремительного разрыва также не происходит. Линия её движения направлена слегка налево и вверх, к тому

же оно остановлено поворотом её головы и рукой, протянутой к юноше. Тот, в свою очередь, тоже протянул к ней руки, наклонился в её сторону. Лист буквально переполнен свободной нереализованной энергией. Одновременно недосоитие и недораспад.

Движение дамы наверх в сочетании с ритмом решёток ограды возвращают взгляд от второй сцены снова к первой и т. д. Коловорот энергий, коловорот желаний, и всё «почти», и всё «недо...». Вечно недореализованное стремление к гармонии. Одновременно и эротично, и поэтично. Что ж, в Китае, как и везде, поэтизировали таинство любви.

Приведём для примера небольшой поэтический текст из романа «Цзинь, Пин, Мэй»:

«Уточка и селезень сплели шеи — на воде резвятся. Феникс прильнул к подруге — в цветах порхают. («Два феникса» — название одной из классических эротических поз.) *Парами свиваясь, ветки ликуют, шелестят неугомонно. Сладки и прекрасны узы, связавшие сердца любовников. Его алые губы жаждут поцелуя, её румяные ланиты нетерпеливо ждут горячего лобзания. Взметнулись высоко чулки из шёлка, вмиг над плечами возлюбленного взошли два серпика луны.* («Два серпика луны» — метафора крошечных женских ступней, которые так культивировались и воспевались в Китае.) *Упали золотые шпильки, и изголовье тёмной тучей волосы обволокли. Любовники клянутся друг другу в вечной любви и верности, ведут игру на тысячу ла-*

29. Япония. Корусай. Прозрачный шёлковый полог любили изображать и японские художники.

дов. Стыдится тучка и робеет дождик. («Дождь, пронзающий тучи, или же дракон, пронзающий облака»,— наиболее хрестоматийные китайские метафоры соития двух полов.) *Всё хитрее выдумки, искуснее затеи. Кружась, щебечет иволга не умолкая. Оба упоены нектаром уст. Сладостно вздымается талия-ива, жаром пылают вишни-уста. Словно звёзды, сверкают глаза с поволокой, бусинки пота украшают чело. Колышется волнами нежная грудь, и капли желанной росы устремляются к самому сердцу пиона».* (Раскрытый пион в живописных произведениях часто встречается в качестве одного из основных символов вульвы, илл. 17.)

30. Сцена мастурбации. Даже мастурбирующая женщина, согласно законам жанра «чунь гун ту», изображалась в присутствии мужчины.

* * *

Любопытно, что обычное для многих народов ассоциирование полового акта с идеями плодородия оказалось малозначимым для Китая. Ещё интереснее то, что основополагающая для Китая идея преемственности, продолжения рода (дерево должно расти, и ветвей на нём должно быть много) и культура сексуальных отношений не имели между собой прямой зависимости. Более того, даосизм, с которым связано большинство особенностей китайской эротики, не ставил перед своими адептами цели деторождения, а даже, напротив, проповедовал техники, способствующие его предотвращению. Целью сексуальных отношений было совсем иное зачатие — не новое грубое человеческое тело, которое создано так, что его всю жизнь приходится преодолевать, и всё равно не факт, что

сумеешь освободиться от всех его «нечистот», но зародыш бессмертия — истинная небесная жизнь внутри самого себя.

Даосский поиск бессмертия не имеет ничего общего с христианской идеей бессмертия духа, ибо, как уже говорилось выше, всё, что духовно,— телесно, а всё, что телесно,— духовно. Однако человеческий организм, предназначенный для здешней жизни, слишком груб, топорен, нуждается в очищении, трансформации. В нём от рождения живут так называемые «три червя» («сань чун») или «три трупа» («сань ши»), способствующие его одряхлению и загниванию. Очиститься от этих смертоносных существ непросто. Для этого нужно отказаться от грубой пищи — и от мяса, и от злаков. Питаться плодами китайского финика (цзао), пластинчатыми грибами (лин-чжи), глотать киноварь (дань) в сочетании с разными допинговыми средствами типа женьшеня, сезама, корицы, наперстянки, лакрицы, конопли, аконита и т. д., пить собственную слюну и слюну возлюбленного или возлюбленной (юй цзян), дождевую воду и питать своё тело чистым ци, т. е. утренним воздухом и спермой.

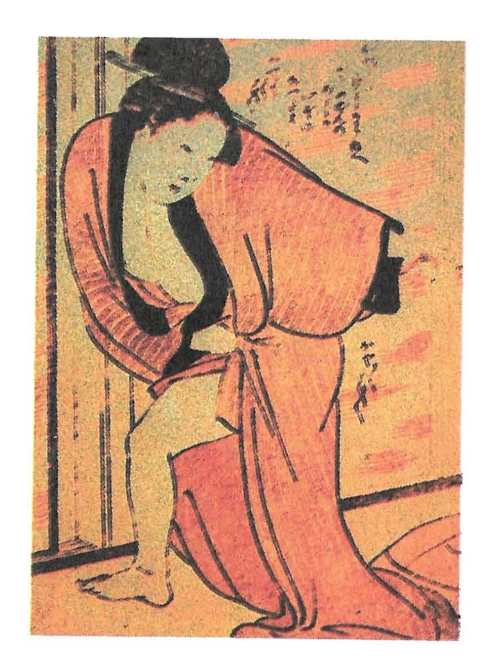
Таким образом, вырисовывается удивительно красивая идея: секс как один из способов самоочищения. Кстати, в даосизме издавна существовал праздник соединения (хо хэ), функцией которого было очищение участников от грехов и от болезней, что явилось следствием грехов. Согласно свидетельствам, мужчины и женщины в этом празднестве «смешивались подобно зверям».

31. Кошки. Присутствие постороннего при интимных сценах, подглядывание — обычно для китайской эротики. Однако на китайских фривольных картинках нередко подглядывают не только за людьми, но и за животными, а также за теми, кто сам подглядывает.

* * *

Совсем не странно, что китайские художники не любовались телесными формами. Не хочу говорить о примитивах, дабы оставить в покое вопрос умения. Важно понять, что самой потребности уметь не было. С одной стороны, даосский поиск бессмертия был связан с освобождением, трансформацией телесного в человеке. С другой стороны, в конфуцианстве, значимость которого для целостной китайской традиции трудно переоценить, физически сильными и гармонично сложенными представлялись, как правило, злодеи. С третьей, и у Лао-цзы: «Великое совершенство похоже на великий изъян». С четвёртой, пластическое мышление было в принципе чуждо китайскому искусству. Не объёмная антропоморфная скульптура, но плоскостная живопись была основным его видом.

32. Япония. Утамаро. Фрагмент гравюры.

В идеале тело представлялось как чистый сосуд, наполненный первозданным эфиром, в котором развивается эмбрион бессмертия.

Основной принцип живописи или графики «вэнь жэнь хуа» («рисунки интеллектуалов») звучал, как «се и» («писать идею»), т. е. отображать только суть, отбрасывая все второстепенное. Следуя этому принципу, художники в картинах «чунь гун» («весеннего дворца») сосредоточивали своё внимание именно на самой идее единения или битвы инь и ян.

Эротическое искусство западных стран любит пользоваться всевозможными намёками, недомолвками. Любовные сцены чаще происходят под покровом, под пологом

33. Япония. Утамаро. Две лесбиянки. Несмотря на большую распространённость лесбиянства в Китае, картин с подобной сюжетикой там не было. В Японии же их было немало.

ночи или будуара, сокрытые в драпировках или хотя бы в переплетении тел. И в Китае иногда (не часто) процесс любви изображался за шёлковым пологом. Но изображённый шёлк всегда столь тонок, прозрачен, что не скрывает ни одной детали, а только создаёт удивительный декоративный эффект. Красиво смотрятся лёгкие складки прозрачного шёлка, занавешивающего ложе, на картине XIX в. из коллекции Бердли. Ещё эстетичнее и как бы воздушнее выглядит альбомный лист «На бамбуковой кушетке» XVIII в. или свиток «Любовная битва» того же времени. На этих изображениях ткань задёрнута лишь наполовину, и поэтому возникает изящная игра фактур и освещений. Но всё это лишь красоты — реально никакой ширмы нет, ибо ничто не

сокрыто. Если в Европе хорошим вкусом считается, когда сочленение гениталий лишь подразумевается, но не изображается впрямую, «лобово», то на Дальнем Востоке подобная завуалированность не эстетизировалась и не культивировалась (илл. 26, 29).

Напротив, за редким исключением на китайских и особенно на японских картинках может быть прикрыто всё, но никоим образом не точка соития, которая-то и есть суть, идея изображения.

Согласно китайской философии на месте слияния инь и ян возникает Великое Единое (тай и). Граница, промежуток между двумя составляющими есть путь Вселенной (дао), равный самой Вселенной и Великому Единому, где силы инь и ян пребывают в гармонии.

Правда, существует и другая, более земная и конкретная причина, по которой точка соития на китайских эротических изображениях редко скрывалась. Дело в том, что большинство «чунь гун ту», хотя, конечно, не все, создавалось или в качестве иллюстраций к сексологическим трактатам, или же сами по себе, без текстов сшивались в альбомы и служили своего рода наглядными пособиями для практикующих. Разумеется, взаимное расположение гениталий, способ проникновения пениса в вульву на таких изображениях необходимо выделять.

* * *

Японские художники, будучи эстетами, часто покрывали все «неосновные» части тела сложным узором громоздких одежд. Глядя на их любовников, невольно удивляешься, как те не заблудились в клубах разноцветных тканей.

Нередко изображали любовников одетыми и китайские художники. Только одежд здесь, как правило, меньше, драпировки менее обильны, проще, скромнее, с более скупым линеарным рисунком. Очень часто это всего лишь коротенькая кофточка, как, например, на четырёх картинах, датированных 1280—1367 гг., которые изначально были гранями бумажного фонаря в «Саду Цветов». На одной из них кофточка присутствует на мужчине и на женщине, на других — только на женщине.

Вообще каких-либо законов о том, кого из любовников изображать раздетыми в тех случаях, когда сцена именно парная, т. е. только один мужчина и одна женщина, видимо, не было, разве что в комнатных сценах одежда присутствовала реже, чем в садово-парковых, что вполне естественно или, вернее, практично. О других, не парных случаях речь пойдёт особо.

Правда, у художников различных эпох были некоторые свои предпочтения. Например, в изображениях периода Цяньлун (1736—1796 гг.) фигуры чаще обнажали полностью, меж тем как изображения периода Канси (1662—1722 гг.) наиболее богаты красивыми разноцветными тканями, которые мягко обтекают тела, что достаточно эффективно, красиво и даже эротично (илл. 68, 69).

На маньчжурских рисунках XIX в. (маньчжуры были пришлым народом, с XVII в. по начало XX в. захватившим власть в Китае — ди-

настия Цин — и перенявшим многие, но не все особенности китайской культуры), равно как и на китайских, иногда на женщин надевали своеобразные нагрудники (или, скорее, «наживотники») на тоненьких завязочках. Такой «наживотник» можно видеть, например, на альбомном листе XIX в. из коллекции Пейрефитта, на современной ему акварельной картинке из Вашингтонского собрания и на многих других, принадлежащих тому же времени (илл. 57, 82, 78).

Среди поздних картин встречаются также любовники, одетые в европейскую одежду. Например, альбомный лист XIX в. «В беседке». Выглядит это в контексте китайской культуры достаточно неприятно. Возникает явная дисгармония между традицией и внешними напластованиями (илл. 117).

* * *

Чтобы завершить наш краткий разговор об элементах одежды в эротическом искусстве Дальнего Востока, необходимо указать на одну, принципиально важную и исключительную особенность китайских «чунь гун ту». Всегда, даже в случае полного обнажения тел, женские ножки оставались закрыты. Это связано с чисто китайским культом маленьких ступней, таких, что можно не только в руке зажать, но и во рту подержать. В литературе часто встречаются описания игры любовников с маленькими туфельками, с разбинтованием ножек, которые сравнивались с лотосами. Такие игры считались самыми волнующими и интимными. А изображение ножек в обнажённом виде было табуировано. Такой любопытный парадокс: всё можно, но кроме женских ступней. Для крошечных ножек существовали специальные ленты-бинтовки и изящные туфельки, в которых они могли выглядеть действительно очень красиво. Но когда художники стали изображать своих женщин обутыми в английские ботиночки, то опять возник тот же диссонанс, как и с европейской одеждой.

Многие китайские традиции перенимались соседними народами, не говоря уж о тех иноземцах, которые удостоились чести и счастья управлять Срединным государством (монголы, маньчжуры). Однако такой крайне болезненный и непрактичный с житейской точки зрения обычай, как бинтование ног, остался исключительной привилегией китаянок. По этому признаку в основном различаются маньчжурские и китайские эротические картинки (илл. 27, 79).

* * *

В Государственном Эрмитаже хранится удивительный альбом. Он, разумеется, никогда не изучался, не публиковался и никак не атрибутирован. Однако, судя по аналогии с Вашингтонским свитком, опубликованном в книге Брэдлея Смита, это произведение джунгарских монголов, заселявших северо-западные границы Цинской империи.

Время изготовления альбома — XVIII — XIX вв. (Вашингтонский свиток — XVIII в.).

Предложенные монгольской кочевой культурой эротические позы

настолько нетривиальны, что заслуживают внимания и даже почтения. Всего в эрмитажном альбоме двенадцать листов. На девяти из них общение любовников происходит на лошади, в восьми случаях — на полном скаку. На одной из картинок мужчина просто совершает какое-то чудо акробатики. Перекинув женщину через седло, он несётся вниз головой, держась за лошадь руками, а за женщину фаллосом. На двух картинках женщина использует хлыст, погоняя то ли лошадь, то ли партнера. На одной из них погоняется, по-видимому, лошадь, ибо сношающегося погонять бессмысленно — это старик с шишкой на лбу по типу Лао-цзы. Он пассивно лежит на спине.

При сопоставлении листов этого альбома с китайскими «чунь гун ту», кроме тех нетривиальностей, о которых говорилось выше, сразу бросаются в глаза две особенности: первая — это более чёткие, оформленные тела, без даосской расплавленности и мягкости, и вторая — обнажённые женские ноги вместо забинтованных «лотосов». Иногда, правда, ноги обуты в высокие сапоги, но в любом случае они крупные (илл. 98—109; 110—114).

У японок, разумеется, тоже никогда не бывает китайских ножек-«лотосов». На японских эротических гравюрах, ширмах или свитках любовники тоже, как правило, изображаются босыми, если, конечно, сюжетная ситуация не требует их обуть в дорожные сандалии, как можно видеть в одной из гравюр Харунобу. Гравюра сама по себе очень занимательна и выбрана, естественно, не случайно. Это ещё один «дорожный вариант» любовной сцены и тоже частично на лошади, правда, не на галопирующей. Здесь она скорее используется в качестве опоры, чтобы не так тяжело было нести женщину и с большим усердием любить её, не останавливаясь, на ходу. В правом нижнем углу гравюры сидит и курит любопытный персонаж, так называемый «рассказчик», «созерцатель». Постороннее лицо нередко присутствует в эротических картинках Дальнего Востока, но преимущественно в китайских. К этой теме мы обратимся чуть позже (илл. 115).

Любовь на ходу, вернее на бегу, встречается и на китайских изображениях, например на акварельной картинке XIX в. из Вашингтона. Правда, лошадь здесь отсутствует, хотя сам образ скачки верхом, как аллегория коитуса, применяется в китайской культуре достаточно широко (илл. 82).

* * *

Японское эротическое искусство в сравнении с китайским, в целом, жёстче и оформленнее. Оно к тому же грубее, натуралистичнее, телеснее. Эта телесность, конечно, не пластическая, как в средиземноморском язычестве или в тибетском тантризме. Она скорее физиологическая, чтобы не сказать патологическая. У неподготовленного европейского зрителя добрая половина японских работ легко может вызвать чувство физического отвращения. Половые органы на них порой, явно преувеличенные в своих размерах, бывают подробно выписаны со всеми их складками

и сосудами. Иногда даже наглядно показано, как изливается, брызжет сперма. В китайских изображениях эротических сцен такое вряд ли допустимо, даже, точнее, противопоказано, ибо, с даосской точки зрения, сперма — сущностное вещество человека, ипостась ци — не должна расходоваться впустую. Её лучше вообще не расходовать — сохранять, копить в сосуде собственного тела (илл. 3).

Китайская, а точнее, даосская идея сохранения спермы объяснялась не целью ограничения рождаемости. Она была связана с практиками достижения бессмертия, которые были многочисленны и многообразны.

Если человек не разливает сперму (цзин), а сосредоточивает в себе, грамотно смешивая с воздухом — сущностным веществом Вселенной ци, то вместо банального рождения ребёнка происходит рождение бессмертного — внутреннее самоперерождение.

Достижение бессмертия связано с самоуподоблением Великому Единому (тай и), т. е. с уравновешиванием внутри своего тела стихий инь и ян. Но это отнюдь не значит, что идеал — это стать гермафродитом. Громоздкие земные формы не почитались даосами. Не само тело, но развивающийся внутри него эмбрион бессмертия должен был абсорбировать энергии обоих полов.

Интересно, что на некоторых «чунь гун ту» в эротических сценах принимает участие ребёнок: на одной из картинок, выполненных в технике слоновая кость на шелку из серии 1850—1880 гг., на двух свитках из Эрмитажа приблизительно того же времени, а также на трёх традиционных «нянь хуа» из частной коллекции (в русской терминологии подобные картинки принято называть «лубком»). Не является ли изображение ребёнка знаковым изображением бессмертного эмбриона человека, т. е. не телесного потомка, продолжателя рода, но существа идеального, небожителя? (Илл. 75, 35, 36).

* * *

Воссоздание Единого через эрос имеет оборотную сторону. Два формирует Одно, и оба партнёра в процессе сексуального общения ведут борьбу за это Одно. Зародыш бессмертия одновременно не может поселиться в обоих — кто-то должен быть донором, а кто-то акцептором и аккумулятором, единящим в себе все энергии. Это-то и порождает отмеченный всеми вампиризм даосских сексуальных практик. Основной целью женщины, естественно, является получение спермы, целью же мужчины было воздержание от эякуляции, но при этом получение максимального количества так называемой «иньской жидкости», т. е. выражаясь языком медицины, «мукоидного секрета», который надо было впитывать в себя из влагалища; слюны, выпиваемой изо рта в процессе поцелуя, а также молозива, выпиваемого из грудей.

Выделение в период коитуса грудного секрета — явление, малоизвестное в нашей современной жизни, но связано это исключительно с её особенностями: на секс уделяется время, как правило, не достаточное для получения такого эффекта. У женщин, даже у не

рожавших, лактация может происходить в том случае, если она ежедневно имеет длительные и качественные сношения, дающие максимально сильные ощущения оргазма. Согласно исследованиям гормональных процессов в женском организме, установлено, что в среднем выделение молозива начинается после двух недель таких ежедневных сношений. Для этого от мужчины требуется немало умения, опыта, знания разнообразных техник, а также выносливости.

Предотвращение эякуляции и продление эрекции полового члена — вещи взаимосвязанные. Именно к ним и стремились просвещенные китайцы. Надо было любить так, чтобы, давая женщине возможность испытать как можно большее число как можно более бурно протекающих оргазмов с максимальным истечением плоти, при этом максимально сохранить, а желательно и вовсе не потерять своей собственной мужской боеспособности.

В некоторых картинках «чунь гун», видимо, с целью продемонстрировать сверхбрутальность сексуального контакта, женщину представляют настолько извернутой, что трудно понять расположение её тела. Так это, например, на одной из граней бумажного фонаря или на гравюре «Юэнян оповещена о прелюбодеянии» серии «Цзинь, Пин, Мэй» (XIII в.). Там дама, судя по её правой ноге и телу ниже поясницы, находится спиной к мужчине, однако грудь, плечи и лицо повёрнуты в фас. Но это ещё куда ни шло. Такой разворот тела реален, если бы не левая нога, которая поднята вверх так, как в подобном положении невероятно, это гораздо больше похоже на намеренно совмещённое изображение двух поз (илл. 120, 52, 108).

Интересно, что аналогичный изворот, или, вернее, подобное же совмещение двух поз, встречается и в работах японских художников, например, в одной из гравюр Харунобу (илл. 44).

Описание феноменального брутального секса, доводящего женщину чуть ли не до полусмерти (во всяком случае до обморока), даётся почти во всех главах романа «Цзинь, Пин, Мэй». Из текста явствует, что мужчине, помимо его общей натренированности и умения, помогают опорожнить женщину, т. е. испить всю её энергию, различные приспособления — снасти: колокола, шарики, подпруги, кольца, а плюс к ним ещё разнообразные снадобья, разжигающие страсть, «пилюли сладострастия» и т. д. и т. п. Кроме того, судя по акварели XVIII в., с целью приучения пениса к длительной эрекции головку его могли слегка раздражать лёгким касанием пёрышка.

Среди всех китайских сексуальных приспособлений наиболее известны кольца. Они изготовлялись из серебра, нефрита или слоновой кости, бывали часто с выступом или крючком. Помещенное у основания пениса, такое кольцо как раз препятствовало эякуляции и одновременно поддерживало эрекцию. Благодаря крюку происходило параллельное возбуждение клитора или ануса.

Кольца нередко искусно обрабатывались, покрывались изящным узором, т. е. были вполне полноценными произведениями декора-

тивно-прикладного искусства, и поэтому многие художественные музеи мира, включая Эрмитаж, их с удовольствием хранят и выставляют.

Приводимый нами образец был изготовлен из слоновой кости. Представленный на нём наитрадиционнейший сюжет драконов, играющих с жемчужиной, имеет помимо эстетической ещё и функциональную нагрузку. Панцири драконов, соприкасаясь с «пионом», раскрывают его (вернее, её), жемчужина же является тем самым выступом, который возбуждает клитор (титул).

Хвосты двух драконов переплетены, и это, естественно, заставляет вспомнить популярный с ханьских времён (III в. до н.э.—III в. н. э.) канон изображения двух великих первопредков — Фу-си и Нюй-вы, которые были полузмеи, полулюди. Согласно легенде, Нюйва изготовляла из глины людей и вдыхала в них жизнь, а Фу-си создал знаменитые восемь триграмм («ба гуа») — основу китайской мудрости, начало, фундамент «Канона перемен». Оба они были для китайцев древнейшим примером неделимого единства инь и ян.

В центре переплетения драконьих хвостов на кольце находится небольшая дырочка. В неё вдевалась крепкая нитка, которая, проходя назад и наверх, завязывалась на поясе. Делалось это с целью более чёткого фиксирования кольца и предотвращения возможных неприятных неожиданностей.

Так традиционные сюжеты, эстетизм и практицизм сочетались в китайских сексуальных вещицах.

* * *

В даосизме считалось, что помимо приспособлений и тренировок помочь человеку сохранить свою сущность нерастраченной может также практика сношений с большим количеством женщин при одной непрерывно длящейся эрекции. Даосы любили называть число 10 (иногда 8).

Однако среди китайских эротических картин часто встречаются такие, где мужчина одновременно общается не с 8 или 10 женщинами, но с двумя или тремя. Следовательно, ставшее уже привычным объяснение всех особенностей китайского эротического искусства исключительно идеями даосизма вряд ли достаточно. Не стоит, например, забывать и о причинах сугубо социального характера. Мужчина был главой дома, имел несколько жён и наложниц. Хотя жёны обитали в отдельных покоях, но это не мешало их порой совмещать. Такое совмещение представлено, например, на эрмитажном свитке «Две жены оспаривают друг у друга мужа» (илл. 37).

Кроме гаремных сестёр, каждая жена непременно имела при себе персональную служанку, которая, судя по роману «Цзинь, Пин, Мэй», тоже нередко становилась наперсницей своей госпожи в любовных утехах. Действительно, на китайских «чунь гун ту» одна дама относительно другой нередко находится в менее «привилегированном» положении — исполь-

зуется в качестве «подушки», как, например, на альбомной картинке «Любезная служанка» (начало XIX в.), или в качестве «подставки», как на свитке из Эрмитажа (вероятно, поздний XIX в.), или же она придерживает ветку, чтобы качели, на которых сидит госпожа, были бы точно на уровне пениса стоящего рядом господина (илл. 77, 23, 123).

Помимо социальных причин, весьма существенно метафизическое объяснение союза одного мужчины с двумя женщинами. Мужчина есть проявление ян, т. е. в числовом отношении нечет. Женщина — инь, т. е. чёт. Две женщины есть истинное целостное инь (чётное). На картинках «Послушная служанка ласкает маленькую ножку своей госпожи» (живопись на шёлке из альбома пер. Канси) или «Гармоничное трио» (XIX в.) обе дамы переплетены настолько, что действительно образуют неделимое Одно. А их сочетание с юношей даёт истинную гармонию. (Упомянутые картинки действительно весьма гармоничны.) Чёт и нечет, подобно инь и ян, образуют Великое Единое в его наиболее совершенном законченном варианте — в варианте одновременно единства и триединства. Идея о том, что «тай и» (Великое Единое) есть отчасти и «сань и» (Триединое), достаточно древняя. В текстах Сыма Цяня (II — I вв. до н. э.) она встречается как нечто давно очевидное и само собой разумеющееся. Кстати, что может быть древнее триединства триграмм «ба гуа».

* * *

О триграммах стоит поговорить особо. Трудно быть полностью уверенным в правомерности подобных рассуждений, однако если рассматривать каждого персонажа «Послушной служанки...» или «Трио» в качестве монограммы, где женщина — — (инь), а мужчина —— (ян), то целое можно будет описать триграммой «кань», т. е. «погружение». Сексуальный процесс, собственно, и есть процесс погружения. Кроме того, триграмма «кань» считается наиболее полноценным иньским знаком, ибо настоящее инь всегда содержит малое ян. Применение кань в качестве остова для эротической картины совсем не удивительно, ибо эрос всегда понимается китайцами как приобщение к стихии инь — погружение в «нефритовую пещеру», или в «недвижные воды». Кстати, вода описывается той же триграммой, что и женщина. Обе они — кань.

На китайских «чунь гун ту» нередко можно встретить любовные сцены, происходящие на воде. Например, на листе из маньчжурского (цинского) альбома XIX в. Альбом этот называем маньчжурским, ибо у изображённой на нём дамы крупные ступни, т. е. она не китаянка, а маньчжурка. Однако некитайскость данного листа на этом и заканчивается. «Варварская» династия Цин старательно и достаточно успешно перенимала если не способ мышления, то во всяком случае способ

жизни и основные идеи управляемого ими народа. Другой аналогичный альбомный лист XIX в. носит название «Посреди камышей». Любовь на воде также представлена и на одной из створок стеклянного складня (усл. XIX в.) из Эрмитажа (илл. 8).

Понимание китайских «чунь гун ту» станет однобоким, если забыть о том, что их созерцательная философичность почти никогда не мешает активно живущей в них жизнелюбивой иронии. Например, «наводный секс» может порой совершаться не на озере или реке, а на наполненном тазу, поверх которого лежит доска, видимо, исполняющая роль плота. Примером тому свиток XVII в. или гравюра «Пань Цзиньлянь в ароматной ванне принимает полуденный бой» серии «Цзинь, Пин, Мэй» (илл. 121).

Водяные игры, как известно, таят смертельную опасность. Опасно погружаться в стихию инь, не ведая правил игры, не умея беречь своё «главное» («цзин»). Об опасности говорит сам смысл иероглифа «кань» — «опасность». Лишь просвещённый способен извлечь из них пользу, сиречь гармонию, сиречь бессмертие.

* * *

Среди «чунь гун ту» нередко встречаются также картинки, где один мужчина одновременно общается с тремя женщинами. Но часто при этом истинным лоном, или «иньским промежутком», является лишь одна из них. Две же другие выполняют вспомогательную роль, т. е. «обрамляют» промежуток — мотив сольной иньской черты: — —.

На изображениях «обрамляющие» женщины, как правило, одеты.

На одном из свитков XVIII в. две служанки стоят с двух сторон от госпожи, которая совершает омовение, готовясь принять своего господина. Он, естественно, тут же рядом за просвечивающей циновкой, изображение обнажённой женщины в отсутствии мужчины противоречило бы законам жанра «чунь гун ту».

Небезынтересным представляется построение гравюры с тремя дамами «Бамбук у алтаря», принадлежащей серии иллюстраций к «Су Во пянь». На изображении спиной друг к другу стоят две одетые и абсолютно нейтральные служанки. Между ними на одной линии и чётко посередине стоит та, что играет роль «промежутка», «иньской пещеры». Однако на рисунке она, скорее, подразумевается, нежели действительно присутствует, ибо почти полностью перекрыта мужчиной. То есть вместо центральной дамы есть лишь нечто неопределённое, почти идеальное иньское Ничто, действительно промежуток. Он же, мужчина, есть тот, кто заполнил сей промежуток, восстановив тем самым непрерывность Небесного начала: ———.

Гравюра «Бамбук у алтаря» серии «Су Во пянь» очень любопытна математической выве-

ренностью представленной на ней позы, в которой ясно прослеживаются четыре стороны и центр. Что это, как не китайская модель мира? Причём центр здесь есть цель и суть (Единое). К тому же схематично изображённое можно представить в виде китайского иероглифа «чжун» («центр» илл. 59).

Прежде чем продолжить подобные размышления, хочу оговорить, что все они далеко не абсолютны. В них нет ни одного утверждения, и все «i» без точек. Живопись, к счастью, далеко не всегда можно «поверить» арифметикой — это всё-таки нередко высшая математика (безграмотность и эпигонство не в счёт).

* * *

Фланкирующее положение «вспомогательных» женщин не было единственно возможным и непреложным. Другая гравюра серии «Су Во пянь» предлагает, например, весьма своеобразный способ. Две дамы (они, как и в предыдущих примерах, одеты) присели и держат на поднятых руках третью (ту, что служит «лоном»). Мужчина же стоит рядом на небольшой тумбе. В результате создается эффект, близкий к качелям, которые так любили китайцы.

Отнюдь не всегда в сценах с тремя женщинами две оставались вспомогательными. Каноны в «чунь гун ту», как и во всех остальных жанрах китайского искусства, безусловно, существовали, но их было не два и не три — всё же несколько больше, они к тому же способны варьироваться и т. д. Например, на гравюре XIX в. «Мужчина, желанный для трёх сестёр» три женщины, совсем как лебедь, рак да щука, растягивают одного юношу, каждая в свою сторону. Несмотря на сюжетную курьёзность, по характеру рисунка это произведение, увы, лишено гротескной игры и живой иронии — явный признак вырождения художественной культуры, однако с сохранением философских идей. Вообще представленная сцена производит впечатление не столько эротичной, сколько символической, знаковой (илл. 79).

Во-первых, хотя всего женщин три, однако центральная на изображении (та, что и юношу тянет за центральную часть туловища) перекрыта им так, что её половой орган не виден, т. е. момент женственной четности, двоичности отчасти сохранён. К тому же на первом плане в рисунке даётся чёткая, ритмически выстроенная всё та же триграмма кань: две вульвы и фаллос посередине.

Во-вторых, хотя женщин три, а мужчина один, в целом рисунок вряд ли корректно было бы по аналогии с предыдущими шифровать как 3—1, но, скорее, как 3— 3 — три инь или, точнее, тройное инь, тем более что изображённые женщины, судя по надписи, являются сёстрами (в китайской традиции братья-сёстры всегда почитались за одно целое, части одного тела, ветви одного дерева) и тройное ян. Ян согласно китайскому пониманию триедино (гораздо более, чем инь, ибо ян — это нечет).

Тройка, благодаря анатомии мужского полового органа, исполь-

зовалась в качестве его непосредственного символа. Фаллической же символикой обладали и разделённые на три части треногие или тригорлые сосуды (элемент одновременной трансформации и совмещения символов, т. к. вообще сосуд — аллегория женщины).

Знаковая философичность рисунка с тремя сёстрами не заканчивается только на коде. Немаловажен также ещё и тот факт, что сёстры растягивают юношу на трёх уровнях: одна — за руку, другая — за торс на уровне груди и третья — за пенис. Эта схема полностью совпадает с традиционным даосским разделением человека на три секции: верхняя — голова и руки, средняя — грудь и нижняя — живот и ноги. Священным центром каждой секции является так называемое «киноварное поле». В «киноварных полях» человеческого тела обитают высшие боги даосского пантеона. Там же обитают и вредоносные черви (они же трупы) — сань чун (они же сань ши). Чтобы питать богов и изгонять червяков, нужно не есть ни мяса, ни злаков, но гонять по всем трём «киноварным полям» ци и концентрировать в них цзин — сущностное вещество обоих полов.

В данном случае на этой «весенней картинке» мужчина (не исключено, что это бессмертный) как истинный центр в состоянии «у вэй» («недеяние») всеми тремя «киноварными полями» «общается» с тремя возбуждёнными дамами.

* * *

Хотя в целом китайская живопись, безусловно, тяготеет к схемам: триграммам, гексограммам, к иероглифу как универсальному знаку, содержащему в себе изобразительное начало, в ней порой легко обнаружить и числовые пристрастия: всякие тройки, пятёрки, восьмёрки, девятки, но всё-таки не стоит этим чрезмерно увлекаться, дабы избежать возможной тенденциозности. Например, в одной из сцен с качелями всего присутствуют четыре женщины и один мужчина: одна женщина качается, одна её раскачивает и две — по бокам — наблюдают. Теоретически можно было бы порассуждать на тему соотношения 4—1: четыре стороны и один центр — привычная китайская модель мира, однако вряд ли это следует делать, ибо сам характер изображения не убеждает в необходимости подобных умозаключений.

Не стоит, может быть, искать скрытых подсмыслов и в акварели XIX в. из Вашингтонского собрания. Метафизика здесь может как быть, так и не быть, во всяком случае, она не ясна. Возможно, это просто живые эротические игры пятерых.

И наконец ещё один пример. На одном из свитков изображены один мужчина и десять женщин: одна — в процессе коитуса, три стоят рядом и шестеро любуются луной. Обслужить подряд десяток женщин — таков, как известно, даосский идеал. Однако трудно быть уверенным, что в данном случае изображение как-то с ним связано, хотя, с другой стороны, исключить этого тоже нельзя.

* * *

Все эти групповые, с нашей точки зрения, непристойности, которые часто можно видеть на «чунь гун ту», в равной степени связаны и со знаковыми системами «Канона перемен», и с даосскими, свободными от ханжеских условностей, идеями и практиками, и с конкретными социальными условиями жизни, т. е. связаны с патриархальным, пуританским, как принято его характеризовать, конфуцианством, с его семейными обычаями и моралью.

Китайские «чунь гун ту» по своему материалу, по сюжетике — это совсем не то же самое, что японские сцены «Зелёных кварталов». Без сомнения, весёлые дома с певичками были в Срединном государстве, однако происходящее внутри полигамных семей могло быть, и подчас бывало, развратнее (опять-таки с нашей точки зрения) любого весёлого дома. То есть привычного для европейцев, людей христианской культуры, разделения на любовь благонравную, чистую, и, естественно, пресную, у семейного очага, и любовь, вернее, даже и не любовь, а просто секс, безнравственный, порочный, но зато увлекательный, полный жгучих и томящих ощущений,— такого разделения китайская традиция не знала.

Более того, эротические способности, богатое умение, т. е. развращённость, с точки зрения христианского благочестия, считались одним из самых ценных качеств благонравной жены-китаянки. Такова функция женщины: холить и лелеять своего господина, и чем лучше у неё это получается, тем больше ей почёта,— вполне разумно. Жена должна не только ублажать мужа всеми возможными и даже в нашем понимании уж совсем невозможными способами, ни от чего не отказываясь, но ещё и, если он хочет, подготавливать для него других женщин, причём не только в периоды собственных недомоганий, мирволить к любовницам, наложницам, к приглянувшимся служанкам и т. д.

Однако, с точки зрения эгоистических позиций женщины, такое эротическое самоуничижение способно в результате обернуться колоссальным выигрышем. В этом вопросе опять сливаются воедино религиозно-даосское и социальное. Вся эротическая «борьба» есть борьба за сперму. Это важно с точки зрения реальной жизни, т. к. женщина, которая имеет сына, значительно выше всех других жён и наложниц. Это важно и с духовной точки зрения, т. к. получающая сперму овладевает мужчиной, овладевает его энергией, его сутью, получает возможность смешивать внутри себя сущности инь и ян, восстанавливая Великое Одно.

Даосы, хотя и рекомендовали сохранять в себе свою цзин, всё же позволяли своим адептам время от времени эякулировать. Поэтому, если женщина, отдаваясь до беспредельности, постигла способ овладе-

вать, если она столь искусна, что умеет испить все желания мужчины до конца, вместе с его живительными соками, то, подсовывая других, менее «качественных» и менее искушённых, она только выигрывает. Общаясь с этими другими, мужчина, естественно, перевозбуждается, и потребность выпустить сперму растёт. Кроме того, доводя этих других до оргазма с фонтанными истечениями плоти, но сам удерживаясь от эякуляции, он переполняется небесной энергией, которую умелая женщина затем может частично воспринять в себя, совершив последний акт небесного единения.

* * *

Ещё одной принципиально важной особенностью «весенних игр» является то, что они нередко происходят на чьих-то глазах. Сторонний соглядатай — частый персонаж на картинках «чунь гун». В серии иллюстраций к роману «Цзинь, Пин, Мэй» изображений с откровенным подглядыванием всего двенадцать. Причём подглядывать может кто угодно, за кем угодно и с какой угодно целью: приятель за приятелем с целью собственного развлечения — «Ин Боцзюэ в гроте насмехается над весенним баловством»; слуга за хозяином — «Циньтун, прячась, слушает сладостный щебет иволги»; безбрачные монахи, охотники до сладкого, за грешными брачующимися мирянами — «Тот, что должен предать огню вместилище души покойного, пока слушает развратные звуки»; слуга мужа за изменой хозяйки — «Чжан Шэн тайком слушает Чэнь Цзинцзи». Кстати, на данном листе тема подглядывания воплощается весьма остроумно. Кроме любящей пары, никого реального в изображении нет. Только за ширмой висит свиток, на котором красуется пышно цветущая ветка, а под ней — жанрово-характерный мужичонка. Только мужичонка этот уж очень живой, и внимание его уж очень явно направлено в сторону любовников.

Подглядывают действительно все. И всё же наиболее частыми соглядатаями бывают женщины. Сводня благосклонно взирает на развлечения своей клиентки — «Да Аньэр тайком вступает в брачные отношения с Ван». Жена, полна гнева, видит результаты разыгравшейся похоти своего престарелого мужа — «Утолив жажду ядом насильственных радостей, оказался под угрозой гибели» (илл. 129).

Женское подглядывание в китайских эротических сюжетах способно оборачиваться истинной слежкой одних жён за другими, в чём им нередко помогают и служанки. Например, в 85-й главе «Цзинь, Пин, Мэй» служанка зовёт старшую жену взглянуть, как пятая жена позорит честь умершего супруга с его зятем. Иллюстрацией к этой главе является лист «У Юэнян оповещена о прелюбодеянии» (илл. 120).

Однако далеко не всегда служанки подсматривают с целью выдачи. Например, служанка Инчунь из романа «Цзинь, Пин, Мэй», будучи ещё юной безбрачной девицей, охотно помогает своей госпоже принимать любовника, бережёт их от глаз мужа, но не от собственных — «Инчунь тайком подглядывает в первобытную щель». Наблюдая за разнообразием любовных игр, разумная девушка занимается самообразованием, узнаёт немало нового, интересного и полезного.

На другой картинке — «С Ли Пиньэр вдвоём, как два зимородка, парящих в воздухе» — та же служанка уже не подсматривает столь откровенно, но всё равно присутствует. Как знак этого присутствия — очертания её головы, повёрнутой в затылок, виднеющиеся в дальнем окне.

Наиболее везучей из всех служанок «Цзинь, Пин, Мэй» оказалась барышня Чуньмэй, ибо её соглядатайство в итоге кончалось соучастием. На иллюстрации к десятой главе она «Спрятавшись, вожделенно подсматривает за госпожой Пань /своей хозяйкой/, затерявшейся в весне». Глава же эта кончается тем, что сама Чуньмэй перестаёт быть девственницей ко взаимному, вернее, к тройственному удовольствию.

На гравюре же к 82-й главе изображён момент подглядывания, предшествующий её новому грехопадению, вослед своей госпоже — уже не с хозяином, а с его зятем — «Чэнь Цзинцзи забавляется с одной, но в итоге получается с двумя» (илл. 130).

На третьей гравюре с подглядывающей Чуньмэй — «Пань Цзиньлянь в ароматной ванне принимает полуденный бой» очень тонко и очень по-китайски, через аллегорию, переданы изящество и юная расцветшая, естественно от «употребления», красота этой девушки. Чуньмэй, что в переводе значит весенний цветок сливы мэйхуа, остановилась у косяка, тонко и упруго изогнувшись, подобно ветке, той самой, по-весеннему пышно цветущей ветке мэйхуа, что изображена рядом с нею на круглом панно на стене (илл. 131).

Подсматривающие женщины присутствуют не только на листах серии «Цзинь, Пин, Мэй», но также, например, на двух свитках из Эрмитажа и на некоторых других изображениях·(илл. 16, 23).

То, что дамы чаще, нежели юноши, выступают в роли так называемых «третьих лиц», которые, кстати, согласно китайскому пониманию, не были такими уж лишними, объясняется множеством причин, но, в первую очередь, конечно, социальным устройством общества.

Узкий мир гарема, разумеется, был полон интриг, мелких или крупных (ежели сам гарем крупный, т. е. принадлежит императору или высшему сановнику). Но это как бы лишь одна тёмная сторона в целом положительного, во всяком случае небесполезного, явления.

В чём его польза? Во-первых, подглядывая друг за другом, конкурирующие дамы совершенствовались в искусстве любви, что не мог не приветствовать супруг.

Во-вторых, созерцая, женщина возбуждалась без всяких дополнительных усилий со стороны мужчи-

ны, который в итоге мог использовать это возбуждение во благо себе и ей. То есть подглядывание могло быть хорошей прелюдией к совокуплению.

В-третьих, оно могло стать его заменой, что тоже не так уж плохо и для мужчины, и для женщины. К сожалению, гаремные дамы, в силу условий их жизни, в силу строжайшего запрета иметь какие-либо отношения с кем-либо, кроме мужа, вынуждены были страдать острой или чаще хронической коитусной недостаточностью, поэтому поиск замены, компенсации был крайне насущным вопросом. Вполне удовлетворена и даже довольна, счастлива несчастная девушка с альбомной картинки XVII в., которая нашла для себя такую замену. Она с восторгом, косясь на сношающуюся пару, занимается онанизмом.

В-четвёртых, замена действия созерцанием и даже духовное превосходство бездеятельного созерцания над реальными деяниями — такова основа основ вообще китайского мировоззрения. Созерцание может быть двух родов: замкнутое медитативное самоуглубление — «нэй гуань», или «нэй ши» («внутреннее видение»), и отстранённое, внешне безучастное восприятие окружающих пространств. Причём, что интересно, физический пассив и эмоциональная отрешённость, в которых пребывает созерцатель, которые являются исходной точкой медитативного процесса, отнюдь не мешают, и даже наоборот, способствуют в дальнейшем достижению высшего экстатического состояния. Неподвижное, нереализующееся во вне переживание этого экстаза, согласно даосским представлениям, питает и вскармливает божественные сущности, живущие в человеческом организме, вскармливает, обессмерчивает дух, в то время как практические экстатические действия — секс — вскармливают, обессмерчивают тело.

Практика и созерцание — это два взаимодополняющих компонента одного и того же процесса. Высшей целью созерцания было чувственное постижение бессмертия ещё в период здешней жизни. Кроме того, адептом руководило стремление узреть высшие существа, встретить богов, дабы прибегнуть к их помощи в восприятии тонкостей учения. Боги живут везде — и внутри человеческого тела, и в небесных гротах, где облака (инь) сливаются с горами (ян). Нужно только уметь их видеть, знать, где, когда, в какой момент они выйдут наружу.

Но одно известно точно. Весь сонм небожителей, полный девятиярусный даосский пантеон, присутствует в момент воссуществовления Великого Единого, в той точке, где инь и ян, сливаясь, образуют самое дао. Точка же такая, как известно, всегда возникает в момент проникновения пениса в вульву.

Таким образом, для ищущего бессмертия зрелище коитуса — истинный клад. Оно может принести ему невиданную удачу, осуществить его сакральную мечту о встрече с богами. Но, конечно, лишь в том случае, если подглядывающий сам уже достиг определённой духовной высоты.

Воистину парадоксальны идеи, заключённые в китайском эротизме. Но это только с нашей, европейской

точки зрения. Если же размышлять с позиции даосов, то нет ничего парадоксального в том, что эротическое соглядатайство может применяться с целью внутреннего самосовершенствования и продления жизни вплоть до достижения высшего бессмертия.

И наконец ещё один момент. Присутствие соглядатая, особенно если он (она) не тайный, но явный, полезно не только для того (той), что смотрит, но и для тех, на кого смотрят. Изощрённые и многоопытные герои романа «Цзинь, Пин, Мэй» использовали порой этот способ приглашения третьего лица, чьё присутствие приводило их в дополнительное возбуждение, предоставляло лишние возможности для утончённой любовной игры и демонстрации своих умений. Оно не позволяло «лениться» и «работать» вполсилы, надо было быть, что называется, на высоте. Каждый из двоих желал побороть другого на глазах у третьего. Женщина демонстрировала свои неотразимые «мягкие» возможности, а мужчина — свою всепобеждающую «твёрдую» силу.

* * *

Помимо прямых подглядываний за сношающимися, китайские «чунь гун ту» предлагают также иные варианты созерцательно-сексуальных практик, как то: подглядывание за животными или разглядывание картинок.

Возможен также ещё более рафинированный уровень соглядатайства: подглядывание за подглядыванием. Так, на одной из картинок XIX века дама умилённо следит за любящими друг друга кошками, а за нею с неменьшим умилением тайком в окошко наблюдает юноша (илл. 31).

Или другой лист того же времени: «пара, рассматривающая эротическую картинку». Дама развернула свиток, а её реакции ловит стоящий за нею мужчина. На этом листе происходит уже не двойная, но тройная игра последовательных подглядываний: картинка в картинке — картинку смотрит дама, даму видит юноша, и он же видит опять картинку, и, наконец, зритель видит и «внутреннюю» картинку, и даму, и юношу, и всю эту сцену, т. е. поэтапно воспринимает весь этот альбомный лист целиком.

Интересно напластование взаимосозерцательных и взаимовозбуждающих игр на картине, выполненной в технике слоновая кость на шелку из серии, датированной 1850—1880 гг. Дама рукой возбуждает мужчину. Мужчина, играя её ножкой смотрит в глубь другой дамы, лежащей перед ним с раздвинутыми ногами, т. е. говоря возвышенно и образно — углубился взором в разверстые недра «нефритовой пещеры», которая, кстати, очень мощно, рельефом выделена на изображении. В свою очередь лежащая «разверстая» дама полностью поглощена созерцанием эротической книжки, которую она держит в руках. То есть одна дама видит живой пенис юноши и живую вульву своей компаньонки вне коитусного процесса, а другая дама видит те же предметы в процессе коитуса, но в нарисованном виде. Причём первая дама, общающаяся с живыми реалиями, и юношу возбуждает тоже реально, действен-

но, вторая же, более «созерцательная», и юношу возбуждает тоже созерцанием (илл. 76).

И, наконец, ещё один вариант постепенно развивающегося тройного соглядатайства представлен на альбомном листе XIX в. Прекрасная дама, возможно, она находится в помещении для омовений, ибо перед нею стоит таз с ароматной (?) водой и дощечкой сверху, предавалась созерцанию эротического свитка, который в настоящий момент лежит на столе. Посмотрев, возбудившись до нужной степени, она затем привязала к своей пяточке искусственный пенис и занялась самоудовлетворением, за её действиями не без интереса наблюдает склонившийся над нею юноша, получая тем самым свою порцию тонких удовольствий, ибо, как известно, зрелище мастурбирующей женщины способно доставить представителю противоположного пола множество волнующих ощущений, и, как правило, все они приятны, в отличие от тех, что возникают у самих женщин при виде мастурбирующего мужчины (илл. 30).

* * *

Вообще женское самоудовлетворение через подглядывания, мастурбацию или посредством лесбийской любви было крайне распространённым явлением в традиционном Китае. Гаремы, обитательницы которых могли на долгие годы оставаться без внимания, были для этого идеальной социальной средой. Кстати, женщины, имеющие возможность заниматься хотя бы мастурбацией, должны были быть уже счастливы, ибо для некоторых и такое было недоступно, особенно это касается «осчастливленных» из царского гарема, ибо они могли до конца своих дней остаться девственницами. Регулярно специальные чиновники, как правило из евнухов (или псевдоевнухов — хитрецов, каковых было немало при дворе), объезжали страну с целью набрать новых «непорченых» красавиц для императора, но в дальнейшем этих отобранных красавиц император мог даже почти и не видеть. Не каждая, увы, удостаивалась чести разделить с ним ложе. Потерять же невинность иным способом, например при помощи псевдоевнуха, многие опасались, во всяком случае до тех пор, пока в душе ещё надеялись на высшее благоволение, ибо если уже совершившая грехопадение потом всё-таки попадала в опочивальню императора, то кончалось это великим позором для неё, для её родни, избежать ужасных последствий которого можно было лишь повесившись.

Чтобы скрасить одиночество забытых мужем женщин, а также чтобы на всякий случай поддерживать их чувственность, китайцы придумали различные самовозбуждающие приспособления — искусственные пенисы. Торговцы на рынках бойко торговали подобными предметами, как это можно видеть на альбомной картинке.

Эти весьма насущные вещицы иногда изготовляли из различных материалов, иногда же применяли уже готовые природные формы, подвергнув их предварительной обработке.

Среди природных мастурбаторов наиболее известен сухой чёрный

гриб с тугой прилегающей шляпкой, своей формой сильно напоминающий мужской половой член. Попадая во влажную среду влагалища, гриб приобретает живую упругость и теплоту. В случае одинокой мастурбации его прикрепляли к пятке, в случае же лесбийского общения привязывали к пояснице, дабы иметь возможность полноценно ублажать свою «ароматную наперсницу».

* * *

«Любовь к ароматной наперснице» — именно такой лирический термин применялся в Китае для обозначения лесбиянства. Интересно, что, несмотря на безусловную распространённость этого явления в китайской гаремной среде, и даже несмотря на в целом положительное к нему отношение, среди «чунь гун ту» лесбийские сцены не встречаются, во всяком случае, мне таковые неизвестны. Поэтому и картину использования черного гриба с целью «излечения» подруги от коитусной недостаточности мы можем представить себе лишь в японской интерпретации, например, глядя на гравюру знаменитого мастера конца XVIII века Утамаро.

В китайских же изображениях можно встретить лишь весьма целомудренные намёки на взаимную женскую нежность. Таков, например, свиток Цю Ина «Придворная дама, идущая в постель» (начало XVI в.). Но никаких физиологических откровенностей.

Видимо, действительно, законы традиционной китайской эротической живописи не позволяли изображать обнажённых дам при отсутствии мужчины. Даже на листе с мастурбирующей оказалось обязательным его присутствие. Видимо, в противном случае изображение вышло бы за границы жанра «чунь гун ту» и перешло бы в разряд европеизирующего «сэ цин хуа», которое до сих пор в Китае практически не развито, что не есть плохо. Плохо другое — то, что в настоящее время Китай переживает период вообще законодательного запрета на эротические сюжеты. Традиция «чунь гун ту», увы, умерла или, может, теплится где-то едва-едва, но это нам, глядящим извне, неведомо по причине внутреннего запрета. Конечно, запретить своё внутреннее возможно, но невозможно полностью оградить от внешнего наплыва. Полуподпольно эротика, безусловно, проникает в Китай, но уже не в виде собственного традиционного искусства, а в виде низкопробной порнушки, дешёвых японских, американских и европейских журналов с картинками «сэ цин».

* * *

Интересно, что законы, согласно которым китайцы былых веков избегали изображать однополые сцены, были сами по себе весьма однобоки, ибо обоюдомужская любовь на «чунь гун ту» встречается, а обоюдоженская — нет.

Единственным вариантом изображения откровенного лесбиянства были так называемые «трёхсторонние сцены», т. е. две женщины и один мужчина. Я уже писала о философском осмыслении такого триединения иньской двойки с янс-

кой единицей. Условием полной его гармоничности, естественно, являются полнейшая слитость, неделимость двойки. Путём же практического воссуществления этой слитности, безусловно, является лесбиянство (илл. 80).

Однако, помимо высшей метафизики, такая трёхсторонняя практика очень выгодна для мужчины. Ему не нужно тратить себя на возбуждение женщин, они сами возбуждаются друг от друга. Он же без чрезмерных усилий и, что важно, без самозатрат снимает причитающиеся ему «иньские сливки».

Тема любовного трио прослеживается не только в живописи, но и в классической литературе Китая. Этой теме посвящён один из романов Ли Юя. Его сюжетной канвой является история любви замужней женщины к поэтессе. История, которая после множества перипетий закончилась ко всеобщему удовольствию той самой Небесной гармонией, символом которой является цифра три.

Итак, лесбиянство, хотя оно и не изображалось в чистом виде на «чунь гун ту», тем не менее весьма органично вписывалось в целостный мир традиционной культуры, начиная от условий семейного быта и кончая философскими универсалиями.

* * *

Совсем иначе обстояло дело с мужским гомосексуализмом. Для чистой Небесной гармонии мужская любовь была явлением чужеродным, тем не менее она была распространена достаточно широко. Согласно свидетельствам, гомосексуализм был развит в Китае ещё во времена великой Ханьской империи (II в. до н. э.—II в. н. э.).

По наблюдениям доктора В. Корсакова, жившего в Китае на рубеже XIX—XX вв., в основном это явление было обусловлено не физическими причинами, а социальными — низменным положением женщин, их намеренной необразованностью (образованы были лишь певички из публичных домов), духовной неразвитостью, т. е. неинтересностью для длительного общения, общепринятым неуважительным отношением к женщине, пресыщенностью хозяев гаремов и т. п.

Основываясь на записках Корсакова, можно выделить пять подвидов китайской педерастии.

Первый — это приятельская, которая сопровождала китайца всю его жизнь, начиная с самых первых пробуждений полового чувства.

В качестве второго подвида мужского гомосексуализма следует выделить подростково-профессиональный, который был в Китае своеобразным элитарным дорогостоящим удовольствием. Родители-бедняки продавали своих 4— 5-летних мальчиков многочисленным «коммивояжерам» публичных домов (а нередко детей просто крали). Затем через одного или нескольких посредников мальчики попадали наконец в свои специализированные публичные дома, где они сначала воспитывались и обучались, а затем работали.

Согласно уже более зыбким сведениям, полученным от современных посетителей Китая, даже, скорее, слухам, нежели действительно сведениям, подобные «коммивояжеры»,

скупающие мальчиков и девочек и перепродающие их в так называемые «кабинеты массажа», располагающиеся в основном в зоне юго-восточного побережья, существуют и в настоящее время, только в более завуалированном виде. Хотя, ещё раз повторяю, опираться на эти данные, как на нечто исключительно достоверное, не следует.

Третьим подвидом педерастии была дешёвая уличная самопродажа, четвёртым — самопродажа актёрская.

В актёрской среде гомосексуализм процветал хотя бы уже потому, что в ней не было женщин — ни зрительниц, ни актрис. Дамам посещать театр считалось неприличным, а на сцене все женские роли тоже исполняли мужчины. Эти исполнители настолько перевоплощались, что и в жизни нередко брали на себя женские функции.

Среди «чунь гун ту» встречаются изображения актёрской педерастии. В собрании библиотеки университета штата Индиана хранятся несколько таких картинок. Одна из них «Два актёра, или Облако, перевёрнутое вверх дном» (XVIII в.), другая — «Актёры в коридоре» (начало XVIII в.). Особенно любопытна вторая, ибо в ней трое мужчин «разыгрывают» сцену любви с подглядыванием. Причём подглядывающий, согласно его сценической половой принадлежности, является женщиной (илл. 92, 66).

Пятый подвид, в отличие от предыдущих проявлений китайских гомосексуальных привычек, не был связан с выездной жизнью. Это были домашние развлечения со слугами. Им предавался и главный герой романа «Цзинь, Пин, Мэй» Симэнь Цин, ища разнообразия от своих жён и певичек. Возлюбленный Симэнь Цином слуга со служанками вёл себя как мужчина, а с господином — как женщина. Порой, в дни пиршеств, он одевался в женское платье, прекрасно музицировал и пел, развлекая гостей и будоража в них «весенние» желания. Нередко он использовал расположение хозяина в своих меркантильных целях. На иллюстрации «Оплаченное любовью с «заднего дворика» осуществляется посредничество» — любовь двух мужчин представляется весьма гармоничной и страстной. Во всяком случае она взаимна, в отличие от двух других случаев гомосексуализма, описанных в романе (илл. 32).

Эти два случая следует выделить в дополнительный, неизвестный доктору Корсакову, шестой подвид китайской педерастии — педерастия монашеская. В главах 76-й и 93-й «Цзинь, Пин, Мэй» монахи, причём, разумеется, не тех школ, что проповедовали эротику, а, наоборот, безбрачные брали на себя роль активного начала в гомосексуальном контакте, против которого ответная сторона или протестовала — «Хуатун, плача, уворачивается от поднявшегося подсолнуха учителя Вэня», или, по крайней мере, воспринимала его без восторга — «Даосский учитель развращает младшего из братьев мужеложством».

Роман, разумеется, нельзя считать полностью достоверным историческим свидетельством, и тем не менее описываемые в нём факты вряд ли не имеют под собой реальной основы. Вообще, вероятность

существования гомосексуальной любви в среде безбрачных монахов, увы, не вызывает особых сомнений. Человек часто бывает не в силах вытравить из себя все свои природные желания, забыть своё телесное. Факты монашеской педерастии известны, увы, не только культуре даосов или буддистов, где, кстати, возможно они были и не столь уж самоубийственным криминалом, в силу известной терпимости этих учений к плоти. Печально то, что эти факты встречаются и в христианской культуре, особенно в отдалённых провинциальных монастырях. Для христианства, почитающего плоть началом низменным, порочным, дьявольским, предаваться блуду, содомии в стенах святой обители — это даже больше, чем просто смертный грех. Но, увы, и это порой не сдерживает страждущих.

Однако вернёмся на китайскую землю.

С религиозной точки зрения, с точки зрения небесных законов гармонии, педерастия и здесь была явлением малопривлекательным. Однако это не мешало её распространённости. Кстати, с духовной точки зрения, малопривлекательны и анальные отношения с женщиной. Для «нефритового перста» создана «нефритовая ваза» (или «нефритовая пещера»), а не гнусный «медный таз», предназначенный для нечистот.

* * *

На этом я хотела бы завершить общие размышления о китайской эротической живописи и графике, о культуре и искусстве «весеннего дворца», которые в былые века буйно процветали в границах Срединной империи, и перейти к более частным вопросам.

«ВЕСЕННИЕ КАРТИНКИ» ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

Эротической продукции в Китае прошлых трёх веков было действительно немало, и была она, согласно запискам В. Корсакова, недорога. Европейцы, разумеется, с удовольствием её закупали, и она в огромных количествах рассредоточивалась по миру. В настоящее время свитки, альбомы, лубочные картинки, подобные тем, что описаны выше, можно встретить в различных музеях, библиотеках, в частных коллекциях и т. д.

Немало китайской эротической продукции в течение XVIII — XIX вв. поступало и в Россию и оседало в разных руках. Увлекались экзотическими «срамными безделицами» и при дворе. Какая-то часть дворцовой коллекции хранится и в настоящее время в Государственном Эрмитаже. Сейчас трудно сказать, какова эта часть — лучшая или худшая, большая или меньшая, но даже если худшая и меньшая, то всё равно сам факт, что хоть что-то сохранилось, уже приятен.

В Европе и Америке с 60-х годов нашего столетия начался активный процесс раскрепощения нравов и параллельно ему возрос бурный интерес к сексуальным практикам, а затем и теориям классического

Востока. Одна за другой начали выходить книги, альбомы, в первую очередь на индийском и японском материале, ибо культура этих народов всё же ближе и понятней западному человеку, но тем не менее загадочный Китай тоже не был оставлен в стороне. Переводы, исторические, медицинские изыскания, поиск изобразительного материала — всё это в итоге привело к тому, что Запад в настоящее время в целом неплохо осведомлён о чудесах восточной сексуальности, и многие из них уже перестали казаться столь уж чудными. Среди учёных появились даже своего рода эротические «мэтры» (о «мэтрессах» не знаю), специализирующиеся в данной области.

Впервые исследование о китайском эросе выходит на русском языке, впервые публикуются эрмитажные остатки дворцовой коллекции развлекательных диковин. До сих пор никто, включая сотрудников музея, не мог их видеть.

Первая публикация этих вещей осуществлена благодаря активной и добронаправленной деятельности сотрудников Института востоковедения АН СССР, Государственного Эрмитажа и Государственного музея искусства народов Востока.

Всего эрмитажный фонд насчитывает семнадцать китайских эротических предметов, из них: восемь свитков, один альбом, один стеклянный складень, одна вышивка, две картинки в технике слоновая кость на шелку, одна чашечка и три амулета с одинаковыми изображениями, но разнящиеся по величине.

Амулеты и чашечка, вероятнее всего, имели какую-то конкретную функцию, однако на данный момент установить, какую именно, представляется затруднительным.

Применение вышивки и складня прослеживается более явственно. По всей видимости, они являлись принадлежностями весёлых домов, хотя не исключено и домашнее их использование (илл. 64, 65).

На изнаночной стороне вышивки едва виднеется плохо сохранившееся изображение прекрасной дамы, рядом с которой в чаше стоят свитки. Известно, что свиток в чаше воспринимался китайцами как знак пениса в вульве. То есть изнаночное изображение содержит подспудные эротические аллюзии.

Пируя в будуаре милой дамы, юноша мог видеть поначалу только эту благопристойную сторону, содержащую, правда, определённые намёки. Затем, если он проходил глубже, во «внутренние покои», то ему открывалось совсем иное зрелище: на лицевой стороне гладью вышито изображение эротической пары в классической позе «мандариновых уточек». Образ «мандариновых уточек» традиционен для Китая, они почитались символом супружеской верности, однако это совсем не значило, что сия поза не должна была применяться в случае стороннего блуда. Вообще, в связи с гаремными обычаями, понятия блуд и верность были весьма конкретными для женщины и весьма приблизительными для мужчины.

Таким же двусторонним произведением является и складень. Причём на центральной створке его пристойной стороны разыгрывается сцена музицирования двух дам и одного юноши. Согласно китайской традиции, музицирование ассоциировалось с любовными

действами. Музыка, как не без основания считали китайцы, возбуждает, задаёт тон, ритм и характер чувственных взаимоотношений.

Сюжетным аналогом к данной створке можно считать лубок из собрания Государственного музея искусства народов Востока (Москва), в надписи которого сообщается, что изображённое есть «грот пипа» (пипа — четырёхструнная китайская гитара). Данное изображение внешне также полностью прилично, а эротичность прочитывается в первую очередь из его музыкальной надписи, поскольку пипа в китайской традиции ассоциировалась с женским половым органом: струны пипы — вход во влагалище, грот — влекущие женственные глубины. Характерно, что на московском лубке в музыкальном гроте ублажают одного юношу опять две дамы. Сюжет данного лубка соотнесён с эпизодом из классического романа «Путешествие на Запад». В эпизоде этом рассказывается о красавице, которая в глубинах пипы пыталась обольстить юного монаха и лишить его тем самым святости и возможности проповедовать буддийское учение.

Приблизительно такое же обольщение, только направленное не на монаха, происходит и на единственно пристойной из сохранившихся створок эрмитажного складня.

С достоверностью установить первоначальное количество створок невозможно. Во всяком случае, их было не меньше трёх двусторонних, т. е. не меньше шести изображений, сохранилось же только пять, два из которых — в расколотом виде, два — с небольшими утратами и лишь одно — целое. Красочный слой практически не пострадал — по-прежнему яркий и сочный. Как произведение искусства этот складень не представляет собой ценности, он интересен лишь как явление культуры, причём не элитарной, но массовой, которая пусть на более примитивном уровне, но использовала тот же язык, что и культура интеллектуалов.

На остальных четырёх сохранившихся створках изображены парные сцены с дважды повторяющимися персонажами. Представленные позы различны (илл. 4—8).

Одна из эротических сцен происходит на воде в лунную ночь.

Наиболее вероятная датировка этого складня — конец XIX века. Тому же времени, по-видимому, принадлежат и обе картинки, выполненные в технике слоновая кость на шелку, и весь комплект свитков.

Эрмитажные рельефные картинки из слоновой кости по сравнению с аналогичными из Музея этнографии не представляют большой художественной ценности, тем более что одна из них в значительной степени утрачена. В них наиболее интересна вновь прослеживающаяся связь эроса с водой, только уже не в варианте водоёма, а в варианте таза с перекинутой поверх дощечкой (илл. 2).

Весьма интересна эрмитажная коллекция китайских эротических свитков. Всего их восемь, семь из них объединены в две подсерии. Героем одной из них является некий юноша с косичками, завязанными на лбу,— причёска, которую в XIX веке предпочитали носить именно китайцы, а не маньчжуры. На одном свитке он в беседке, увитой виноградом, атакует прекрасную даму,

а из-за цветочной изгороди за ними наблюдает служанка. Женское подглядывание в китайских эротических картинках и в литературных произведениях — явление обычное. Обусловлено оно множеством абстрактных и конкретно-практических идей, условиями гаремной жизни и т. д. (илл. 16).

То, что сцена происходит в саду — в виноградной беседке,— тоже не случайно и связано с тем, что китайцы вообще предпочитали предаваться любви на лоне природы, и с тем, что считали это весьма полезным, ибо, если, любя, вдыхаешь свежий воздух, то, во-первых, это продлевает потенцию, а во-вторых, при этом одновременно с восприятием энергий противоположного пола воспринимаются энергии всего окружающего мирового пространства. Виноградная беседка — весьма уютная среда для эротических игр. В этом смысле аналогом данному сюжету является сцена с гравюрного листа серии «Цзинь, Пин, Мэй» «Пань Цзиньлянь, опьяневшая, мается на перекладине для винограда» (илл. 126).

Расставленные по всему саду цветочные горшки в данном контексте воспринимаются как метафоры коитуса.

На втором свитке тот же юноша общается одновременно с двумя женщинами. Вероятнее всего, одна из них, та, что служит «подставкой» для другой, является её служанкой (илл. 23).

Вторая подсерия посвящена домашним радостям некоего «почтенного», как он именуется в надписях, Ни:

«Уютное жилище почтенного Ни» — парная сцена на фоне ширмы с пейзажем гор и вод, рядом со столиком, на котором стоит ваза с цветами. Пейзаж горы и воды в китайской традиции является возвышенным выражением взаимодействия сил инь и ян (илл. 34).

«В комнате таинств почтенного Ни велики непрерывные возгорания». «Комната таинств» («дун-фан») — так именуется одна из ячеек управляющих центров человеческого организма, или «киноварных полей». Всего в человеческом организме три «киноварных поля», и каждое из них имеет свою «комнату таинств». В данном случае это, конечно, дун-фан нижнего центра. И, кроме того, термин «комната таинств» выступает в данном случае в качестве синонима термину «нефритовые покои», который является обозначением сексуальных практик. Не случайно китайские эротические трактаты именуются «Главное из наставлений для нефритовых покоев», «Тайные предписания для нефритовых покоев». На описываемом свитке в сцене активное участие принимает ребёнок. В китайском эротическом искусстве это вполне обычное явление.

Всего в эрмитажной коллекции существуют два свитка, на которых присутствуют дети. Надпись второго из них гласит: «Атакующий огонь солнечной горы». Данная надпись состоит из четырёх иероглифов, три из которых описывают явления янской ориентации: огонь — символ мужской триграммы «ли»; солнце, т. е. собственно ян, и гора (каменная гора, нефритовая гора), т. е. твёрдое, противозначное мягкому, женственному. Однако, с другой стороны, термин «янская (солнечная) гора» может быть применён

в качестве синонима к термину «янская башня», который обозначает выступ внутри женского полового органа (илл. 36).

Свиток «Две жены оспаривают друг у друга мужа» очень характерен для китайского эротизма. С одной стороны, такая ситуация вполне обычна для гаремной жизни, с другой стороны, она прекрасно укладывается в китайские метафизические схемы единения инь и ян, где инь воплощается в четной двойке, а ян — в нечётной единице.

Весьма лаконично и законченно смотрится ещё один свиток из антологической серии духовно-телесных радостей почтенного Ни, называется он: «Воспринял через связь последствия истечений, напитался из отверстия жаровни тыквы-горлянки». Смысл этой надписи весьма любопытен с точки зрения религиозно-духовного понимания секса. Тыква-горлянка — священный сосуд с эликсиром бессмертия, с ним, как гласит предание, не расстаётся святой Ли Тегуай, но лишь достойнейшим он предлагает отведать его содержимое. Однако, кроме того, полая выдолбленная горлянка (сосуд с перехватом) считалась природным аналогом женственного вместилища, отверстие её — вход во влагалище. Образ этот нередко встречается в китайской эротической живописи и литературе. Так, например, один из графических листов серии «Су Во пянь» называется «Союз инь и ян в райских глубинах тыквы-горлянки». В эротическом процессе целью мужчины было получение живительных соков из недр иньского сосуда (илл. 38).

Наиболее загадочен восьмой свиток из эрмитажного собрания. На нём представлена женщина, блаженно сидящая рядом с хорошо возбуждённым ослом. Согласно запискам доктора Корсакова, скотоложство существовало в Китае в XIX в., причём любимыми животными были именно ослы, вернее, ослицы, ибо упражнялись в этом жанре всё же не женщины, а мужчины (хотя для китайцев, привыкших к гомосексуализму, возможно, пол животного был безразличен). Однако на данном свитке перед нами женщина и, что ещё более интересно, она не китаянка, а европейка, беловолосая и кучерявая. Затрудняюсь сколь-либо убедительно прокомментировать это произведение. Единственно, что маловероятно — это то, что данный свиток является европейской подделкой. Во-первых, западные нравы прошлого века позволяли с удовольствием и интересом познавать китайскую скабрезность, но вряд ли провоцировали на подражание, как, впрочем, и сейчас. Тем более что подражать ей достаточно трудно, ибо это весьма специфический внепластический живописный язык. Во-вторых, женщина на этом свитке изображена обутой — это всё же чисто китайская особенность (илл. 9).

Одним из наиболее интересных и, возможно, наиболее ранним произведением эрмитажной коллекции (ориентировочно XVIII в.) является альбом с изображениями секса на лошадях. Но, к сожалению, это произведение не чисто китайское. Оно было создано монголами.

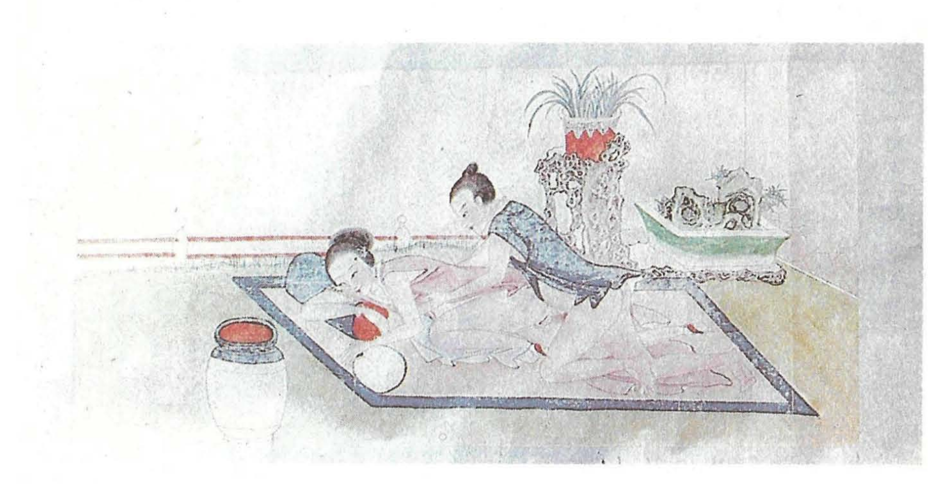
Таков общий перечень хранящихся в Государственном Эрмитаже китайских вещей с эротической тематикой (илл. 47—52; 98—109).

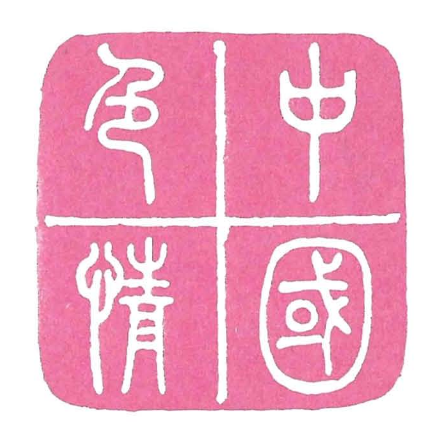
34. «Уютное жилище почтенного Ни».
35. «В «комнате таинств» почтенного Ни велики непрерывные возгорания».
36. «Атакующий огонь солнечной горы».
37. «Две жены оспаривают друг у друга мужа».
38. «Воспринял через связь последствия истечений, напитался из отверстия жаровни тыквы-горлянки».

內照圖

心者君主之官也神明出焉肺者相傳之官治節出焉肝者將軍之官謀慮出焉膽者中正之官決斷出焉膻中者臣使之官喜樂出焉脾胃者倉廩之官五味出焉大腸者傳道之官變化出焉小腸者受盛之官化物出焉腎者作強之官伎巧出焉

腦者髓之海諸髓皆屬之故上至泥丸下至尾骶俱腎主之膻中在兩乳間爲氣之海能分布陰陽爲生化之源故名曰海膈膜在肺下與脅腹周回相着如幕以遮濁氣使不熏蒸上焦闌門在大小腸之間

39. Анатомическая схема.

ЧАСТЬ II

ИСКУССТВО «ВНУТРЕННИХ ПОКОЕВ»

40. Схема очищения сердца.

К. СКИППЕР

ЗАМЕТКИ О ДАОСИЗМЕ И СЕКСУАЛЬНОСТИ

Даосизм — истинно китайская религия. И в символах веры, и в практической деятельности он представляет собой автохтонную религиозную доктрину, противостоящую иноземным влияниям Индии, Малой Азии и Европы.

Даосская практика основывается на двух общих для всего Китая космологических постулатах: Дао (Путь) — единственный в своем роде закон, регулирующий дополняющие друг друга силы инь (женское начало, тень, луна и т. п.) и ян

(мужское начало, свет, солнце и т. п.). Этот дуализм распространяется на все существующее в природе. Им определяется судьба всякого творения: день сменяется ночью, у света есть тень, жизнь ведет к смерти и т. д. Преодоление взаимоотталкивания двух начал и приведение их в гармонию в абсолютном и вечном единстве Пути — цель жизни миллионов приверженцев даосской религии. Великий французский синолог Марсель Гране показал, что эти концепции не являлись просто метафизическими спекуляциями. В древнем Китае союз инь и ян олицетворялся в танцах и играх юношей и девушек, достигших брачного возраста. Такого рода встречи происходили весной в садах, расположенных в общинных святых местах. Это были сексуальные обряды: союзы, заключенные весной, заканчивались браком осенью, после сбора урожая. Песни, перемежавшиеся танцами и состязаниями,— одни из древнейших литературных памятников, сохранившихся в Китае. Подобные сексуальные обряды и по сей день сохраняются в некоторых районах Южного Китая и Юго-Восточной Азии. Иногда те же самые древние песни передаются из поколения в поколение устной традицией.

Всё это свидетельствует об основательности определённых действий и представлений, относящихся к нашей теме. Сексуальность, отнюдь не вытесненная в сферу тайного и апокрифического, оказывается стержнем умственной и практической деятельности. То же справедливо и в отношении религии: редко какие даосские сочинения не упоминают в той или иной форме о союзе инь и ян.

Эта основная тема интерпретируется различным образом, поскольку объединение противоположных элементов может быть произведено как мистическими, так и алхимическими или спиритуалистическими методами. Хотя Дао и неизменно, постичь его можно многими разными способами, в основе которых всегда лежат наиболее характерные для даосизма физиологические действия и приёмы, являющиеся отправным пунктом поисков бессмертия. Эти телесные упражнения включают в себя сексуальные моменты. Древнейшие пособия по даосской технике секса относятся к периоду Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.). Несмотря на свою длительную историю, эти приёмы плохо известны в Китае вне даосских кругов. Ещё менее известны они на Западе. Начиная со средневековья, пуританское конфуцианство и буддийский аскетизм с успехом поддерживали заговор молчания относительно сексуальных упражнений и обычаев. После открытия Китая европейцами ситуация обострилась вследствие чувства стыдливости. Тем не менее даосизм придерживался убеждения, что продолжительная сексуальная практика являлась первейшим условием поисков долголетия, а следовательно, и бессмертия. По словам Гэ Хуна, даосского патриарха и философа IV века, «из невежественных в «искусстве брачных покоев» никто не достигнет долголетия».

Эти предписания включают в себя довольно простые приёмы, в основном в сфере гигиены и сек-

суальной терапии, имеющие целью устранить вредные для здоровья последствия беспорядочности. Другими словами — не повредить себе своей половой жизнью. Цель — достижение счастливого союза инь и ян. Но истинный даосизм на этом не останавливался. Напротив, он стремился преодолеть фатальную двойственность, помочь человечеству вырваться из-под законов бытия, и с этой целью экспериментировал с эзотерическими и неортодоксальными сексуальными приёмами. Рассуждая в терминах космологии: законы Вселенной присущи макро- и микрокосму. Инь и ян, как и прочие частицы Вселенной, присутствуют в микрокосме человеческого тела, которое даосы ставили превыше всего другого. Сохранение его включает в себя достижение совершенной гармонии между телом и природой (макрокосмом). Этим принципиальным положением вдохновляется всё «искусство брачных покоев». Мужчина не может жить без женщины, как не может небо быть отделено от земли, учат первые пособия. Союз — это самопроизвольный (цзы-жань) акт, а спонтанность — это важный элемент даосской философии. Можно подытожить всё сказанное восклицанием одной из любимых наложниц Жёлтого императора, узнавшей его методы: «Сколь же радостно не противиться своим естественным желаниям, обретая тем самым долголетие!»

Воздержание, равно как и излишества, ведут к смерти тела. Половой акт необходим, но опасен. Поэтому следует владеть соответствующими приёмами. Однако знание строения тела — это лишь предварительное условие, первый шаг к поддержанию высокого уровня физической совместимости. Целью является уход от материального мира, возвышение над ним, а значит, замещение тела небесной бессмертной субстанцией, не чем иным, как чистым ян. Отсюда стремление развивать начало ян в противоположность инь, имеющему земную природу. Вместо того, чтобы безропотно принимать судьбу, следует укреплять свои жизненные силы, добавляя к ним силы других людей. За очевидными удовольствиями на ложе любви скрывается непримиримая война между полами. Мужчина, которому не хватает благоразумия, предаётся похоти, растрачивая свои жизненные силы, которые накапливает его партнёрша. Мужчины и женщины вступают в сражение, располагая равными силами, каждый имея определённые преимущества. Раз тело является микрокосмом, инь и ян размещаются в различных органах, вне зависимости от пола. Ясно, что в мужчине преобладает элемент ян. Однако женщина, находясь в пассивном положении по отношению к мужчине, имеет преимущество в обладании той плодородной силой, которая, согласно даосской теории, в конце концов побеждает.

Процедура укрепления ян за счёт инь посредством полового сношения основана на так называемой «внутренней алхимии». Это физиологическая, а также чёрная магия. В ересях эта практика частично отвергается по моральным соображениям; недостойно пользоваться невежеством девственниц

41. Фарфоровая пластика была достаточно широко распространена в Китае, начиная приблизительно с XII в.

ради извлечения их молодых жизненных сил. Что же касается женщины, питающейся жизненной силой мужчины, она становится, по распространённым представлениям, вампиром. Это лисица или вурдалак, который под маской женской красоты соблазняет мужчин и похищает их энергию. Подобная практика отвергалась как ошибочная ещё и по причине её явной неэффективности. Наряду с алхимией, медициной, гимнастикой и прочими физическими упражнениями этот обычай, несмотря на его традиционный престиж, не мог противостоять эмансипации китайской мысли (за что немалую долю

ответственности несёт буддизм). По истечении средних веков большинство этих упражнений было перенесено в духовную плоскость, став частью либо богослужения, либо медитации. Человек создан по образцу Вселенной, и раз тело — это мир сам по себе, то почему бы не укрепить союз противоположных сил внутри самого тела? Зачем искать спасения где-либо на стороне, раз оно заключено в твоём собственном теле? Эти истинно даосские рассуждения лежат в основе практики, которую можно в общем виде описать как экстатическую медитацию эротического характера. То важное значение, которое придаётся этой практике с давних времён, станет очевидным, если просмотреть сотни книг даосской поэзии, черпавшей в ней вдохновение. Сложенные в аллегорических выражениях, порой неясных и недоступных для непосвящённых, эти стихотворения почти неизвестны за пределами даосского круга.

1. НАУКА ТЕЛА

Считается, что пособия по «искусству брачных покоев» восходят к классической древности, но на самом деле они появились много позже, и теперь их следует датировать началом христианской эры. Империя Хань стала свидетельницей расцвета наук и протонаук в Китае: медицины, фармацевтики, математики и т. д. «Искусство брачных покоев» проистекает из трактатов о половой гигиене и располагается между собственно медициной и псевдонаучной даосской деятельностью, направленной на продление жизни и достижение бессмертия. Библиографическая глава «Истории Хань» (первый каталог китайских книг) содержит восемь трудов на эту тему — почти все они приписываются императорам древности или их министрам. Эти сочинения исчезли, и от них остались только отрывки, представляющие собой основанные на здравом смысле предписания, выраженные в наивной, зачастую грубой форме. Цель — добиться максимального взаимного удовольствия, растягивая его на возможно более длительное время, что является гарантией долголетия. Иероглиф «шуан си», символ вожделения в народном искусстве, хорошо отражает подобное состояние ума. Это идеограмма в форме двух иероглифов «си» («радость»), совмещённых таким образом, чтобы образовать «шоу», иероглиф, обозначающий долголетие. Два иероглифа «радость» вместе равняются «долголетию». Эта идеограмма, выполненная красным цветом,— непременный атрибут брачной церемонии, отражающий идею «искусства брачных покоев»: занятия любовью — это торжественное мероприятие, радостная необходимость. В одном из ранних пособий говорится:

«Жёлтый император (мифическая фигура начала китайской цивилизации) спросил Чистую деву (Су-нюй) — богиню, владеющую секретами долголетия: «Если я в течение длительного времени предпочитаю обходиться без половых сношений, то каковы будут последствия?» Чистая дева отвечала: «Очень плохи. Небо и земля дви-

жутся попеременно, а инь и ян перетекают друг в друга и взаимодействуют. Человеку следует подражать им и следовать закону природы. Если Вы отказываетесь от совокуплений, Ваши жизненные силы застынут, а инь и ян придут в расстройство».—«А как в таком случае привести их в порядок?»...—«Если Ваш нефритовый стебель (пенис) не используется, мужское естество погибает... вот почему ему необходимы регулярные упражнения» («Су-нюй цзин»). Секс обязателен для мужчины, но он должен знать, как вести себя, поскольку невежество в данном случае опасно.

Жёлтый император спросил Чистую деву: «Мои жизненные силы истощены, я пребываю в унынии и страхе. Что мне следует делать?» Чистая дева отвечала: «Дряхлость человека происходит от зла, вызванного взаимоотношениями инь и ян. Женщина, которая одерживает верх над мужчиной, подобна воде /элемент инь/, гасящей огонь /элемент ян/. Но если Вы знаете, как поступать, любовь превратится в тигель, где смешиваются и питают друг друга жизненные сущности. Поэтому Вам следует обучиться методам инь и ян, чтобы постичь все удовольствия. Пренебрегая ими, Вы в скором времени умрёте; Ваши наслаждения приведут к несчастьям; не забывайте об этом». («Су-нюй цзин».)

Легенда гласит, что некогда был великий учитель искусства любви, мудрец по имени Пэн-цзу. Его знания позволили ему дожить до преклонного возраста. Согласно народной традиции он скончался в возрасте свыше 800 лет и стал одним из подручных бога долголетия. Считалось, что у него было 19 жён и 900 наложниц, поскольку согласно его философии нет ничего хуже, чем обладание одной единственной женщиной:

«У Жёлтого императора было тысяча двести женщин, и он стал бессмертным. Обыкновенные люди имеют только одну женщину, разрушая свою жизнь. Знание либо незнание—всё различие состоит в этом». При посредничестве фаворитки Жёлтый император расспрашивает Пэн-цзу, который отвечает: «Продлить жизнь можно, принимая лекарства, но если пренебрегать сексуальными методами, лекарства будут бесполезны. Мужчина и женщина дополняют друг друга, как Небо и Земля, и сношения между ними—это Путь (Дао) гармонии. Вот почему они вечны /намёк на главу 7 «Дао дэ цзина»/. Поэтому человеческие существа, соблюдающие правила союза инь и ян, постигнут тайну бессмертия». Затем фаворитка спросила: «В чём заключается метод?» Пэн-цзу ответил: «Он очень прост. Существенно важно совокупляться с большим количеством молодых женщин, допуская лишь одно семяизвержение. Благодаря этому в теле появится лёгкость, а болезни уйдут».

Увеличить количество половых сношений и продлить удовольствие—вот основные цели «искусства брачных покоев». Пэн-цзу объясняет действенность этого метода:

«Фаворитка спросила: «Оргазм считается наивысшей степенью полового удовлетворения. А вы говорите, что следует избегать извержения. В чём же тогда удовольст-

вие?» Пэн-цзу ответил: «Когда семенная жидкость исторгается, наступает усталость, в ушах начинает шуметь, глаза закрываются, в горле пересыхает, конечности расслабляются; пусть какое-то мгновение ты и испытываешь сильное удовольствие, в конце концов оно исчезает. Но если заниматься любовью без семяизвержения, сил будет в достатке, тело расслабится и все чувства обострятся. Чем ты спокойнее, тем больше наслаждение. Ты никогда не устаёшь: можно ли это не назвать удовольствием?»

Жёлтый император спросил: «Хорошо ли заниматься любовью, сдерживая себя?» Чистая дева отвечала: «Когда здоровый мужчина встречается с привлекательной женщиной, они должны быть в хорошем расположении духа и соответствующем настроении: начинать следует мягко, проникая неглубоко и двигаясь не спеша взад и вперёд. Цель состоит в том, чтобы удовлетворить женщину, сохранив всю свою энергию и не утомившись. Другого пути нет».

Жёлтый император спросил Таинственную деву (спутница Чистой девы, хранительница ещё более глубоких тайн): «Теперь, когда я услышал то, чему учит Чистая дева, я знаю, как следует поступать. Я бы хотел показать Вам, чему я научился, чтобы пополнить знания».

Таинственная дева отвечала: «Небо и Земля могут развиваться только благодаря взаимодействию инь и ян. Ян истощается при помощи инь, инь растёт вопреки влиянию ян. То одна, то другая /намёк на «И цзин»/, эти силы взаимозависимы. Вот почему, когда мужской член становится твёрдым, женщина возбуждается и вытягивает ноги. Две силы обмениваются своей энергией, и жидкие плоды перетекают между ними».

«Наслаждение — результат полной гармонии между инь и ян. Наилучшие результаты получаются таким образом: пожелав заняться любовью, вначале уложите женщину на спину. Она должна согнуть ноги, а мужчина располагается между ними. Он целует женщину в рот и поигрывает её языком. Затем, взяв в руку нефритовый стебель, он стучится в дверь, слева, справа, повсюду. Через некоторое время он аккуратно вводит его; если нефритовый стебель твёрдый и крупный, он проникает на полтора дюйма, если маленький и слабый — только на дюйм. Его не нужно двигать, но следует вскоре аккуратно вывести и ввести снова. Это устранит все болезни. Нельзя допускать беспорядочных семяизвержений. Когда нефритовый стебель входит в драгоценные врата, он тут же становится тёплым. Это побуждает женщину совершать движения всем телом и подталкивать свои бёдра к мужчине. Лишь затем следует проникнуть глубже. Таким образом пройдут все мужские и женские болезни» (илл. 55).

«Проникнуть между струнами лютни /малые половые губы/, но неглубоко. Достигнув глубины в три с половиной дюйма, закрыть рот и двигаться ещё глубже: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, затем глубже к волшебной пещере /шейка матки/ и начать движения из стороны в сторону. Сблизить рты, впитывая дыхание друг друга. Девять раз по

девять — это наилучший способ, к которому следует прибегать» (илл. 9).

«Девять раз по поверхности и один раз в самую глубь» — до сих пор остаётся одним из наиболее распространённых эротических упражнений. Самое замечательное во всём этом то, что душевная привязанность между мужчиной и женщиной даже не упоминается. Занятие любовью — это прежде всего «отличное гимнастическое упражнение», как говорила Жёлтому императору Невинная дева. Упражнение, освежающее тело и прогоняющее болезнь. Ни о чём другом и не помышляли.

С другой стороны, в «искусстве брачных покоев» обсуждается понятие сражения полов, играющее важную роль именно в даосской практике. Чистая дева: «Совокупляясь, следует представлять своего соперника (ди жэнь) дешёвым глиняным горшком, а себя — драгоценным камнем. Ощутив приближение семяизвержения, следует отступить. Пребывание в постели с женщиной подобно скачке галопом на лошади, у которой ослабли поводья, подобно хождению по краю глубокой, утыканной мечами пропасти, в которую боишься упасть. Сохраняйте себя, чтобы продлить свою жизнь».

Существуют чёткие правила относительно частоты семяизвержений. Крепкий юноша, достигший четырнадцати лет, может иметь их дважды в день. Хилый молодой человек тех же лет — только один раз. С возрастом количество эякуляций должно уменьшаться. Для здорового мужчины правила таковы: в двадцать лет — дважды в день, в тридцать — раз в день; в сорок — раз в три дня; в пятьдесят — раз в пять дней; в шестьдесят — раз в десять дней; в семьдесят — раз в месяц. Следует соблюдать также и другие ограничения, связанные с календарём, погодой и собственным физическим состоянием.

Отнюдь не являясь источником затруднений, эти различные правила оказывали успокаивающее действие, особенно в тех случаях, когда легче всего возникает чувство тревоги. А оно, как и всякое возбуждение духа, крайне вредно для здоровья. Хорошо налаженная половая жизнь приносит счастье, и даже самым престарелым не следует стремиться к полному воздержанию.

Фаворитка спросила Пэн-цзу: «Следует ли мужчине шестидесяти лет сохранять семя и оставаться одиноким?» Пэн-цзу ответил: «Нет, мужчине не следует быть без женщины, потому что в этом случае он становится возбуждённым; затем его дух утомляется, а это в свою очередь ведёт к сокращению жизни. Если дух устойчив, то не о чем больше беспокоиться. Но подобное совершенство встречается лишь в одном случае из десяти тысяч. Трудно насильно удерживать семя. Это влечёт кровотечения, неприятные ощущения при мочеиспускании и приступы болезни, называемой «прелюбодеяние со злыми духами». В другом месте Пэн-цзу развивает эту тему.

«Прелюбодеяние со злыми духами» возникает, когда не происходит сочетания инь и ян, а мужчина охвачен пылким желанием. Тогда тебя заставляют совокуп-

ляться злые духи в образе людей. И это возбуждает гораздо сильнее, чем сношения с простыми смертными: в результате человека охватывает неприличная страсть, которую он пытается скрыть, потому что не смеет в ней признаться, но в то же время наслаждается ею. В конце концов она губит тебя, и ты умираешь в одиночестве, так что никто об этом и не знает. Способ лечения: мужчина должен беспрерывно — и днём, и ночью — иметь сношения с женщиной, не допуская семяизвержения. Не останавливаться ни на минуту. Таким образом даже в серьёзных случаях можно вылечиться за семь дней. Если мужчина устаёт, ему просто следует глубоко ввести член и замереть. Это тоже хороший способ. Если ты не способен вылечиться, то умрёшь через несколько лет».

«Искусство брачных покоев» позволяет полностью избавиться от многих недугов. Вот наиболее типичные примеры:

«Для лечения кишечных расстройств»: женщине следует лечь на бок скрестив ноги. Мужчина располагается поперёк неё и входит сзади. Он повторяет 9 движений четыре раза, а затем останавливается. Это регулирует дыхание, у женщин лечит боли во влагалище. Повторяя упражнение четыре раза в сутки в течение двадцати дней, можно вылечиться.

«Для улучшения кровообращения»: уложить женщину на бок. Согнуть её ногу в колене и вытянуть её левое бедро. Мужчина наклоняется над ней сзади, опираясь на руки, и совершает шесть раз по девять толчков, а затем останавливается. Это очень хорошо для кровообращения и избавляет женщин от фригидности. Повторяя упражнение по шесть раз в день в течение двадцати дней, можно наверняка вылечиться.

«Общеукрепляющее»: женщина должна лечь на спину и крепко прижать ноги к животу. Мужчина ложится рядом и резко набрасывается на неё, совершая девять раз по девять движений. Закончив 81 движение, он останавливается. Это укрепляет кости и устраняет неприятный запах из влагалища. Повторяя упражнение по девять раз в день, ты исцелишься по прошествии девяти дней.

«Против запоров»: мужчина лежит на спине, а женщина, опираясь на руки, сидит на нём верхом. Она вводит нефритовый стебель, и оба начинают двигаться. Когда женщина достигает оргазма, следует остановиться. Мужчине нельзя извергать семя. Если повторять упражнение по девять раз в день, по истечении десяти дней наступит выздоровление.

2. МАГИЯ ТЕЛА И НЕОРТОДОКСАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Человек создан по образу Вселенной. Его тело состоит из различных элементов, одни из них чистые и утончённые, небесные по природе своей, другие — грубые и тяжеловесные, земные. Тончайший элемент тела — трансцендентальный дух «шэнь», это слово миссионеры переводили как «бог». Грубые же части можно обнаружить в квинтэссенции «цзин», часто означающей в цитируемых здесь текстах семенную либо влагалищную жидкость.

Искусство питания жизни заключается в попытках создать в самом себе зародыш бессмертия посредством сочетания материальной и духовной сущности. Это и есть то, что называется «внутренней алхимией», представляющей собой поиск бессмертной субстанции, но не при помощи лекарств и обычных алхимических средств, а посредством перегонки жидкостей, вырабатываемых органами тела. Внутренняя алхимия требует множества физиологических процедур: в первую очередь, дыхательных упражнений, затем гимнастики, диеты и половых сношений. Ни одна из этих процедур по отдельности пользы не принесёт, все они тесно связаны между собой.

Одним из важных аспектов является необходимость сохранения всей своей жизненной энергии. Сила духа не должна рассеиваться праздными мыслями, проистекающими из неупорядоченных желаний, или растрачиваться в результате неуправляемых сексуальных наслаждений. «Не тревожьте дух и не возбуждайте энергию»,— говорил Чжуан-цзы, даосский философ III в. до н.э. Подобное квиетистское отношение — один из наиболее важных аспектов недеяния (у-вэй), являющегося ведущей темой даосского сочинения «Дао дэ цзин». Именно из этой книги даосы черпают основы своих сексуальных учений. В главе 55-й её автор Лао-цзы уподобляет адепта новорождённому младенцу. Младенец поступает непреднамеренно и не изнуряет себя. Наверно, можно позволить себе привести здесь перевод Л. Вигера, который, хотя и не является абсолютно дословным, всё же хорошо выражает смысл этой главы.

«Тот, кто обладает совершенной добродетелью /без похоти и гнева/, подобен малому ребёнку... кости у ребёнка слабые, мышцы — мягкие, но он всё держит крепче /так как его дух и тело крепко держатся вместе/. Он не знает акта творения и потому сохраняет свою семенную жидкость нетронутой. Он кричит весь день, но горло его не начинает болеть, так совершенно его чувство покоя. Покой длится; понимающий это становится просвещённым. Тогда как любая страсть, особенно плотское вожделение и ярость, изнуряет человека. Поэтому половая зрелость /которой человек злоупотребляет/ влечёт за собой дряхлость...»

Тема новорождённого младенца вновь и вновь возникает в даосизме. Это образ самого Пути, бессмертное существо внутри нас, которое должно породить и питать при помощи приёмов внутренней алхимии. Поэтому жизненные силы следует не просто сохранять, но и наращивать, дабы преодолеть цикл одряхления и смерти.

Сексуальными упражнениями преследуют две параллельные цели: во-первых, питать ян в ущерб инь, чтобы повысить жизненность; во-вторых, беречь и копить квинтэссенцию (сперму), чтобы превратить её посредством внутренней химии в дух «шэнь», способный превзойти материю. Подобное преобразование называется «возвращением семени» («хуань цзин»), по аналогии с выражением «возвращение киновари» («хуань дань»), означающим важную алхимическую формулу для приготовления эликсира жизни.

На первый взгляд, даосская практика кажется в некоторых отношениях продолжением «искусства брачных покоев». Ниже следуют выдержки из других трактатов на эту тему, где также особо подчёркивается необходимость воздержания от эякуляции, содержатся запреты на все неестественные действия. «Возвращение семени» требует контроля. Это, скорее, трудное упражнение, нежели проявление взаимности и счастливого согласия. Священник Лю Цзин учит: «Следует просто, без каких-либо особых поз совокупляться и не извергать семя... входить нужно, пока член ещё мягкий, выходить — когда он становится напряжённым. Между входами следует делать перерыв. Если заниматься любовью таким образом десятки раз в день, жизнь удлинится сама по себе. Чем больше будет женщин, тем лучше. Степень совершенства зависит от смены женщин. Их следует поменять по меньшей мере десять раз». Необходимость разнообразия подтверждается всеми авторами: «Если кто-либо постоянно спит с одной и той же женщиной, то её жизненные силы постепенно ослабевают вплоть до того, что она больше не может принести мужчине пользу. Она просто питается его силой, а он из-за этого худеет».

Столь же важно выбрать подходящую женщину. «Следует взять молодую женщину с развившейся, но ещё не сформировавшейся грудью. У неё должны быть гладкие волосы, маленькие и спокойные глаза, лоснящаяся кожа и благозвучный голос; её кости и суставы должны быть тонкими и не выпирающими, на половых органах и подмышками не должно быть волос, но если они есть, то должны быть тонкими». У тех же, кого следует избегать, «грубые волосы и нечистое лицо, увядшая шея, острые зубы, громкий голос, большой рот, длинный нос и беспокойный взгляд». К ним относятся также «имеющие растительность на лице, длинные выступающие кости и желтоватые волосы; худощавые с длинными волосами на лобке...» Перечень обширен, но наиболее важен возраст. «Лучше всего иметь дело с неопытной. Мужчина всегда должен спать с молодыми девушками: благодаря этому его кожа станет нежной, как у девочки. Но его партнёрши не должны быть и чересчур молоденькими; лучше всего, если им будет от 15 до 18 лет. Во всяком случае, не больше тридцати. Если она уже рожала, то сношение для мужчины будет напрасной тратой времени».

Существенно, чтобы женщина не владела этим секретом; раз уж мужчины могут продлевать себе жизнь, похищая квинтэссенцию женщины, то справедливо и обратное. Учитель Чун Хэ сказал: «Не только мужчина способен продлевать жизнь. На это способна и женщина. Си-ван-му (Царица Запада), богиня древности, обрела Дао (Путь), питая своё женское начало. Достаточно мужчине переспать хотя бы один раз с женщиной, владеющей этими методами, он заболеет от истощения. Такие женщины обладают лучистой кожей и не нуждаются в косметике... У Си-ван-му не было мужа, и она любила спать с молодыми мужчинами. Но простые люди не должны знать, почему она так поступала...»

Опасение, что у Си-ван-му может оказаться множество последовательниц,—одно из несомненных причин умолчания о женских приёмах в рассматриваемых текстах. В них говорится просто о том, что не следует совершать излишних движений, дабы женская квинтэссенция не истощилась чересчур быстро. Если же женщина присутствует при совокуплении мужчины с другой женщиной, она ни в коем случае не должна выказывать ревность, поскольку этим непременно породит вредную половую страсть. Женщины, следующие данному учению, должны воздерживаться от зерновой пищи. Этот запрет широко распространился в даосизме в средние века, поскольку считалось, что элемент инь разрастается на зерне, а следовательно, его нужно избегать. Женщина, которая следует этим правилам и поглощает затем жизненную энергию мужчины, способна поститься девять дней, не худея.

Более подробно описаны процедуры для мужчин. В «Книге бессмертных» говорится: «Существует метод возвращения семени ради питания мозга /духа/: при совокуплении, когда семя приходит в движение и вот-вот готово извергнуться, следует быстро зажать член указательным и средним пальцами левой руки между мошонкой и задним проходом. Сильно сдавить его, одновременно делая глубокий выдох и скрежеща зубами; повторить несколько десятков раз /чтобы лучше сосредоточиться/. Не задерживать дыхание. В результате сперма не может выйти, но возвращается по нефритовому стеблю назад и подымается по позвоночнику в мозг. Кандидаты в бессмертные передают этот способ друг другу, принося клятву на крови, что под страхом смертной казни не будут бездумно раскрывать эту тайну; в процессе соединения инь и ян наиболее ценное вещество—это семенная жидкость. Если вы знаете, как сохранить её, вы сохраните себе жизнь. Вы должны забрать жизненную силу у женщины, чтобы укрепить себя. Для этого вначале войдите девять раз мелко, один раз—глубоко и повторите это девять раз, чтобы завершить цикл ян /девять—мужское число/».

Здесь изложен только один из способов извлечения дыхания и ценной женской силы. Замечателен его абсолютный эгоизм. Женщина рассматривается исключительно как враг. Половое сношение не приводит к порождению одним другого. Семя следует удерживать ради укрепления собственного тела и создания в нём бессмертного эмбриона. Во все времена подобные действия рассматривались большинством последователей даосизма как неортодоксальные. Они постоянно изобличаются в трудах великих патриархов, как «отклонения, извращения и заблуждения». Первый резон, вероятно, нравственного порядка: аморально пользоваться невежественными людьми, уподобляясь вампиру. Второй—их явная неэффективность. Но и по сей день существуют даосисты, специализирующиеся на вещах подобного рода. В недавнем трактате о даосской практике врач Сунь Цзиньян писал: «Когда я практиковал на материке (он пишет в Гонконге.—**К. С.**), то ради совершенствования своего диагностического

опыта я подробно изучал даосские сочинения всех направлений, не испытывая предубеждения противоотклоняющихся или неортодоксальных действий. Затем, в 1935 г., я повстречал знатока сексуальной техники. Я навещал его до августа 1937 г., когда из-за китайско-японской войны он бежал в провинцию Сычуань. Этот знаток владел необыкновенно искусными сексуальными приёмами. Обычно он проводил ночь с восемью женщинами, и удаль его была столь велика, что обеспечивала ему достаточное количество женщин, за одну ночь он был способен совокупиться с несколькими десятками. При подобных действиях употребляется много эзотерических выражений: женщину называют «котёл», или «тигр» (символ запада, который отличается особым инь), или «металл» (элемент, соответствующий западу), или «кань» (одна из восьми гадательных триграмм, означающая вершину инь, из которой струится ян).

Что касается обозначений самого себя, то существуют такие выражения, как «сам», или «дракон» (символ востока, дополнение к «тигру»), или «дерево» (элемент востока, противоположность «металлу»), или «ли» (триграмма ян, противоположная «кань»). Дыхание женщины называется «свинец», а дыхание мужчины — «ртуть» (принципы алхимии). Мужской член называется «меч». Первое, чему следует выучиться,— это «ковать меч в пылающем горне». Чтобы преуспеть, следует знать, как довести «меч» до исступления. На этой стадии у человека появляются две способности. Во-первых, напрягать и расслаблять член по своему желанию. Это называется «мужской меч» и «женский меч». Я вместе с многими другими был свидетелем демонстрации этой способности. Во-вторых, если молодая девушка в соседней комнате настраивалась на эротический лад, его член немедленно подымался, а как только она начинала думать о чём-либо постороннем, член тут же опускался. Нечто подобное часто происходило в гостиницах, театрах и других местах, которые посещал знаток, и я осознал, что он обладал исключительными способностями. Восемь лет спустя он вернулся из Сычуани. В сорок пять лет у него были седые волосы, белизна в усах и небольшая лысина на макушке. Он практически потерял голос и так и не смог восстановить его. Несмотря на его необычные способности и совершенство сексуальной техники, его грудь и волосы были в худшем состоянии, чем у среднего человека. Многие из тех, кто не пользуется даосскими методами, даже в шестьдесят — семьдесят лет не имеют седых волос. Что же касается полной потери голоса, это действительно большая редкость. Почему же произошло такое ухудшение состояния? Потому что, когда член находится в напряженном состоянии, даже при отсутствии семяизвержения, как в его случае, непременно происходит частичная утрата первичной квинтэссенции. Эти ежедневные утраты преждевременно состарили человека. Но если даже такой человек столь быстро стареет, тогда те, кто, не обладая его талантами, принимаются следовать методам инь и ян, вскоре должны погибнуть. У меня побы-

вали многие из тех, кто предавался подобным упражнениям, и результат был во всех без исключения случаях прискорбным».

Обнаружив, что подобные прямые методы неэффективны, даосы принялись за поиски в другом месте. Со времени Сун (X—XIII вв.) наиболее знаменитой школой неортодоксальной деятельности была школа Учителя Трёх Вершин. Сохранилось несколько книг, приписываемых этой секте. Они определённо позднего периода и выдержаны в эзотерических выражениях, похожих на те, что уже приводились, вследствие чего перевод выглядит неуклюжим. В этой секте было принято, в частности, собирать образующиеся при совокуплении юношей с девушками выделения, а затем глотать их. Книги, критикующие подобного рода действия, перечисляют ещё несколько нездоровых привычек: одни поедали собственную сперму, объявляя это возвратом к Великому Первоначалу; другие мастурбировали и перекрывали выход сперме с тем, чтобы она поднялась в мозг; третьи занимались перегонкой мочи, заявляя, что это золото; четвёртые собирали менструальные выделения, называя их «киноварью»; пятые поглощали плаценту, именуя её «первичным одеянием», и т. д. Эти говорящие сами за себя патологические действия никогда не получали широкого распространения. Они являются лишь отклонениями от главной темы: соединение инь и ян, алхимическое превращение «киновари», «зародыш бессмертия» и т. д. Несмотря на все заблуждения и неортодоксальности, эти основополагающие идеи остаются в центре изучения и научных исследований. Освободившись однажды от безнадёжного эмпиризма и материальной деятельности, подобные теории обречены были питать великое мистическое движение.

3. МАГИЯ ТЕЛА, ОРГИАСТИЧЕСКИЙ РИТУАЛ

Неортодоксальная практика, описанная выше, приобрела определённую известность. В популярных историях часто рассказывается о тиранах-правителях, создавших себе гаремы, чтобы получить возможность укрепить своё здоровье за счёт юных девушек, либо о молодых богатырях, преуспевших в состязаниях с женщинами-вампирами.

Стоит, однако, вспомнить, что даосизм был не только движением отдельных лиц, домогавшихся бессмертия и располагавших средствами и временем для того, чтобы посвятить себя этой дорогостоящей и многотрудной деятельности, но также, и даже в первую очередь,— религией, охватывающей весь китайский народ и дарующей спасение своим бесчисленным приверженцам посредством собственного ритуала, храмов и вероучения. Даосская религия как организованная система возникает в первые годы нашей эры. Но её обряды, организация и доктрина большей частью основаны на обычаях и верованиях древности. Это преобразованная и упорядоченная народная религия. Поэтому почти все древние празднества были восприняты и приспособлены

к новой религии спасения. Не стали исключением и сексуальные удовольствия.

Нам мало что известно о народном даосизме в первые несколько веков. Эта массовая религия была новой и революционной. Она не только провозглашала спасение в загробной жизни, но и имела сообщества, которые намеревалась усовершенствовать. Она организовала коллективные обряды, во время которых адепты публично признавались в своих грехах и искупали их бичеванием. Прочие ритуалы, в том числе и интересующие нас здесь,—это сексуальные церемонии, расписанные поминутно. Все они вызывали жёсткую критику со стороны гражданских чиновников, учёных, а впоследствии и буддистов. Сексуальные празднества даосистов, говорил один из их буддийских критиков, это не что иное, как оргии, где «мужчины и женщины свободно совокупляются подобно животным». Другой, обращённый в даосизм, даёт следующее описание церемонии, на которой присутствовали только новички. «Когда мне было двадцать лет, мне нравилось то, чем занимаются даосы... Вначале новичка обучают «соединению девочек и мальчиков» по «Жёлтой книге». Четыре глаза, четыре ноздри, два рта, два языка и четыре руки соединяются так, чтобы инь и ян противостояли друг другу... Мужьям велят обмениваться своими жёнами: чувственные удовольствия они ставят превыше всего. Отцы и старшие братья стоят перед ними, потеряв способность краснеть... Кое-что нельзя даже описать в подробностях» (перевод А. Масперо). Конечно, подобные церемонии давно уже исчезли. Даже в те времена, когда делалось это описание, они были покрыты тайной. В пятом и шестом веках на всё это возникла реакция даже внутри самого даосского движения. Реформаторы перестроили религию по буддийскому образцу и организовали монашеские объединения священнослужителей. После этого события литургия была изменена, и все древние празднества исчезли. Только по чистой случайности даосский канон эпохи Мин, единственный из сохранившихся, содержит фрагменты литургии из «Жёлтой книги», цитированной выше. Текст озаглавлен «Обряд «Жёлтой книги» для перехода на другую сторону».

Эта «Жёлтая книга» была текстом-талисманом, раскрывающим тайное строение Вселенной, своего рода «мандалой». Вся церемония покоилась на идеях космического толка. Участники её уже должны были пройти даосскую инициацию и быть старше 18 лет. Она проводилась в «чистых покоях» — закрытом подвале, предназначенном для медитации и тайных обрядов, совершаемых в даосских святых местах. Целью церемонии было «обрести жизнь» посредством отпущения грехов, сокрытия имени адепта от описи мёртвых на небесах и поощрения больших семей. Термин «переход на другую сторону» означает, что после соединения инь и ян человек пересекает реку бытия и может ступить на землю бессмертных. Это выражение и по сей день употребляется в отношении бракосочетаний.

Церемонии предшествовала длительная подготовка. Перед тем

как вступить в «чистые покои», участники должны были очиститься уединением в течение нескольких дней. Сам сеанс проходил под руководством учителя, который возглавлял весь этот долгий обряд. Он начинался заклинанием, вызывающим божественных даосских патриархов, к которым была обращена церемония и чьей помощи искали. Далее следовало несколько упражнений для сосредоточения духа и вызывания космических божеств.

Затем пары вставали лицом к лицу и брались за руки, переплетая пальцы: указательный палец мужчины между указательным и средним пальцами женщины. Молитвой и медитацией они вызывали божественных вестников, которые сообщали на небеса о начале церемонии. Затем они сосредоточивались на божествах тела, духах того времени года, дня и часа, когда проходила церемония, и священник произносил длинное заклинание. Проделав это, пары разъединялись, и каждый начинал медитировать в одиночку, вызывая в воображении предписываемые эротические жесты и позы. Каждый следующий этап сопровождался заклинанием и молитвой. Наконец, учитель приказывал верующим раздеться и распустить волосы. Пара за парой они начинали длинный, медленный танец. Сначала стоя, затем сидя и, наконец, лежа мужчины и женщины выполняли большое количество сложных, подробно расписанных движений. Каждая поза, каждый жест имели свое символическое значение и определенную направленность. Каждый шаг мужчины как в зеркале повторялся женщиной. Если мужчина поднимает левую руку или ногу, она поднимает свою правую руку или ногу, и так далее. Они медленно проходят различные фазы, соответствующие различным состояниям, зафиксированным в «чистых покоях», исполняя космический танец и прижимаясь друг к другу таким образом, чтобы различные части их тел находились строго напротив. Понемногу движения ускоряются: «Я желаю потрясти Небо и Землю»,— провозглашает священник. Пары лежа все еще держат друг друга за руки. Затем один из них оказывается сверху партнёра, и они трогают друг друга за голову, грудь и половые органы. Каждое движение сопровождается дыхательными упражнениями. Затем наступает очередь мужчины перейти к серии движений, называемых «следовать за рукой». Он кладёт свою левую руку возле левой груди женщины и три раза гладит ее тело в направлении ноги, одновременно произнося: «Высшее Существо слева». Потом он делает то же самое с правой стороны, произнося: «Таинственный Старик справа». Затем левой рукой он гладит ее тело от шеи до половых органов, говоря: «О, Высшее Существо» — и повторяет движение правой рукой. Правая рука затем три раза касается половых органов. Он кладет руку на врата жизни (гениталии) и открывает золотой вход (влагалище). Правой рукой он берёт нефритовую флейту и кладет ее на врата жизни. Левой рукой он касается ее головы, а правой в это время поглаживает врата жизни движениями сверху вниз и слева направо, приговаривая: «Вода течет на восток /мужская сторона/, облака возвращаются на запад

/женская сторона/. Инь питает силы ян, сколь тонка эта таинственная сущность! Эта жидкость поднимется к судным вратам /мозг/». Затем мужчина произносит такую молитву: «Священный Мальчик прокладывает путь; Дочь Нефрита открывает ему дверь; присоединяйся к нашей энергии, пусть инь передаст мне свою жизненную силу». Женщина тоже начинает молиться: «Из инь и ян происходит рождение, во множестве на свет появляются десять тысяч вещей. Небо /мужчина/ покрывает, а Земля /женщина/ поддерживает. Я наполняю своё тело твоей силой» (илл. 59).

4. МИСТИКА ТЕЛА, БОЖЕСТВЕННОЕ БРАКОСОЧЕТАНИЕ

Более чем через сто лет после падения Хань мы впервые сталкиваемся с великим движением, объявившим, что тексты и традиционные пособия по долголетию следует понимать не в буквальном, а в переносном и символическом смысле. «Снадобья, дарующие бессмертие, находятся в вашем сердце» — такое указание, характерное для новых представлений, содержится в одной из книг. Насколько нам известно, это движение началось в одной из сект Центрального Китая в конце IV в. Это была духовная секта, первая из тех, что широко распространены в настоящее время.

На собраниях этой школы в Маошани боги водили рукой медиумов при письме или являлись в видениях во время сеансов. Сохранились некоторые записи об откровениях. Помимо всего прочего, в них описывается, как Ян Си, главному медиуму секты, осенней ночью 365 г. было важное видение. По этому случаю его посетила важная богиня, госпожа Цзы Вэй, которая представила Ян Си одну из молодых дам своего двора. Вот сделанное им описание этой женщины:

«На ней было парчовое платье из прозрачной красной и зелёной ткани, расшитое блёстками. Вокруг пояса цветной изумрудный кушак, к которому прикреплены крохотные зелёные и жёлтые колокольчики, все разные. С левой стороны нефритовая подвеска, похожая на те, что носят на земле, только меньших размеров. Вся её одежда сверкала так, что осветила всю комнату, подобно кусочку слюды под лучами солнца. Её пышные волосы, изящно убранные на висках, слишком прекрасны, чтобы их можно было описать. Часть волос собрана на макушке, а остальные свисали ниже пояса. На руках у неё были золотые кольца и жемчужные браслеты. Её сопровождали две служанки, одна, одетая в красное, у пояса хранила коробочку с её печатью, а в руке держала вышитую сумочку. Этим девушкам было семнадцать-восемнадцать лет, и они также имели драгоценные украшения. Лица юной богини и её служанок сияли подобно нефриту, а от неё самой исходил тонкий аромат, как от невиданного благовония».

Богини расположились. Старшая представила вновь прибывшую, которую звали «Божественная наложница». Затем госпожа Цзы Вэй спрашивает Ян Си, встре-

чал ли он когда-либо прежде такую красавицу, а когда тот почтительно отвечает, что со столь выдающимися и утончёнными созданиями, как небожители, ничто не может сравниться, госпожа разражается смехом и спрашивает: «А её-то как ты находишь?» Ян Си смущён и не знает, что ответить.

Затем богини делятся с человеком принесённым ими прекрасным плодом. За трапезой они сочиняют стихи. Сразу после этого юная богиня спрашивает Ян Си о его дне рождения. Китайскому читателю всё сразу становится ясно. Намерение госпожи Цзы Вэй состоит в том, чтобы предложить Ян Си руку своей юной спутницы. Так оно и происходит на следующее утро. Как только между смертным мужчиной и феей заключается союз, при чём присутствуют многие божества, спустившиеся по этому случаю с небес, она берёт Ян Си за руку и говорит ему: «Мы вместе взойдём на колесницу, пересечём Нефритовое небо... и будем собирать розовые плоды в божественном саду».

Бракосочетание Ян Си с богиней — это нечто большее, чем духовное событие. Для даосов его секты этот союз означает вхождение Ян Си в ряды божественных бессмертных, момент его спасения. Эта иерогамия открывает врата рая для смертного супруга. Союз инь и ян преодолевает разделённость Неба и Земли. История Ян Си — лишь одна из множества похожих. Секта Маошань признаёт большое количество патриархов, являющихся более или менее историческими персонажами. Она выдумала, очевидно, с помощью медиумов, большое количество легенд на эту тему. Трапеза и священный брак всегда являются центральными моментами рассказа.

Секта Маошань имела значительный успех и стала одним из важных направлений даосизма в последующие столетия. Её влияние ощущалось повсеместно и породило широко распространённые легенды. Так, подобные истории об очаровательных феях вдохновили целый литературный жанр рыцарских новелл, основным сюжетом которых всегда являлась встреча молодого смертного с одной или несколькими феями. Этот стиль был весьма распространён при династии Тан и породил некоторые сочинения эротического характера. Влияние Маошань обнаруживается также в театре и поэзии. Знаменитая история об императоре Мин-хуане и его возлюбленной Ян-гуй-фэй (которая вначале была даосской священнослужительницей) имеет сильную окраску такого рода.

Детальный разбор этой эволюции заведёт нас слишком далеко, поскольку она выходит за рамки собственно даосизма. Нам интересно увидеть здесь, каким образом накопленные знания воплощались в религиозные действия. И опять мы сталкиваемся с нехваткой документов, что неудивительно при данных обстоятельствах. Даосский канон содержит очень небольшой раздел, озаглавленный: «Секретные предписания из книги Богини Светящихся Покоев, что происходит из секты Маошань». Терминология здесь очень туманна, но, к счастью, сохранился ранний комментарий, разрешающий многие затруднения. Текст начинается с призыва

к читателям не раскрывать содержание непосвящённым. Затем следует описание метода тайной богини:

«Во-первых /при помощи медитации/, установи солнце или луну /солнце — днём, луну — ночью/ и помни, что посвящённый находится в закрытом со всех сторон помещении; пусть лучи проникнут в твой рот... ты увидишь юную девушку. Она сидит в почтительной позе, со сложенными руками... она красива, её кожа сверкает подобно нефриту. На голове у неё украшение из ароматных пурпурных цветов (фу жун). Она одета в безрукавку из красной парчи, широкую юбку киноварного цвета с зелёным поясом /одежда замужней женщины/. Она стояла прямо возле моего рта и, преклонив колени, говорила: «Я твоя возлюбленная, Дочь Нефрита с киноварных облаков, высшая тайна из всех абсолютных тайн, меня зовут Чань Сюань (Сплетенное Объятие), а мое уменьшительное имя — Тайная Фея». Затем она открыла рот и сделала алый выдох /цвета ян/. Этот выдох достиг моего рта, и я вдохнул его. Вдыхая, я рассматривал девушку. Мы повторили это девять раз по десять... и мысленно я направлял это дыхание прямо к вратам судьбы моего тела /к половым органам/».

Вот, собственно, и вся даосская эротическая процедура, перенесенная на уровень экстатического медитирования, упражнение для духа, лежащее в основе одного из величайших религиозных и литературных движений Китая.

5. ПОЛОВОЕ ВЛЕЧЕНИЕ МОНАХОВ

По окончании VI в. даосские общества стали по примеру буддистов организовываться в монастыри. С того времени даосское движение находится исключительно в руках монахов...

Браки, как и все виды плотских страстей, были запрещены, однако половое сношение занимало в философии чересчур важное место, чтобы подвергнуться осуждению. В исторических сочинениях открыто говорится о монахах-завсегдатаях публичных домов. Однако, поскольку оргазм считался вредным, не было и речи о нормальных сексуальных отношениях. Поэтому в крупных провинциальных городах отдельные куртизанки специализировались в даосских эротических приёмах. Но нужно сразу сказать, что они, по всей вероятности, привлекали в основном клиентуру из разряда любителей, а не истинно верующих. Причина заключалась в том, что после династии Тан возник такой религиозный порядок, который, господствуя над всеми остальными, должен был отвергать действия материального характера. В основе этих приёмов по-прежнему половое соединение, но теперь оно происходит внутри тела адепта, пребывающего в полном уединении в «покоях для медитации».

Новая процедура основана на древних текстах, которые отныне интерпретируются по-другому. Человеческое тело, согласно теории внутренней алхимии, имеет два полюса — сердце и поясницу вместе

с половыми органами. Сердце соответствует огню и ян, поясница — воде и инь. В этом не было ничего нового. Однако монахи верили, что сердце означает не просто ян, а его вершину, т. е. момент, когда по достижении высшей точки в циклическом движении начинается упадок, а апогей ян сменяется процессом возвышения инь; инь растёт среди уменьшающегося ян. Таким образом, сердце — это вовсе даже не ян, а, по существу, инь, и дух сердца впоследствии представляется в виде юной девушки. Аналогично нижние части — местонахождение растущего ян посреди инь, и эта идея персонифицируется таким образом, что нижняя часть тела становится жилищем божественного младенца мужского пола. Дальнейшее ясно: иерогамия, т. е. союз, от которого зависит спасение и бессмертие, означает бракосочетание девушки из сердца с юношей из поясницы. Эта аллегория заходит и дальше, поскольку то, что находится в полутора дюймах ниже лобка, представляется как помещение, где живёт сваха /без чьей помощи в Китае не заключается ни один брак/ по имени Добрая Женщина Желтая /элемент земля/. Её задача — свести любовников друг с другом. Мальчик должен подняться в жилище девочки, т. е. в сердце, называемое «красной палатой», поскольку это не что иное, как брачные покои. От этого союза зародится бессмертный эмбрион, который, вырастая, постепенно заменит собой смертную оболочку.

Таким образом, мы приближаемся к периоду Сун. Как и в случае с дзэн-(чань-) буддизмом этого времени, сложные серьёзные тексты превращают даосизм в нечто непостижимое. Новая мистика интерпретируется в стихотворениях и анекдотах. Наиболее знаменитая и интересная личность того времени — Люй Дунбинь. Все современные школы базируются на его учении. Об этом полуисторическом святом ходит множество анекдотов. Его изображают то как молодого образованного юношу, то как сумасшедшего нищего, то как распущенного молодого человека, завсегдатая домов удовольствий, то как весёлого малого, зарабатывающего на жизнь парикмахерским делом. Это чудак, чей образ часто встречается в мировом фольклоре. Ему приписывается множество стихотворений, он выступает героем нескольких книг и пьес. Но даосские книги обладают собственными традициями в отношении Люй Дунбиня, и потому в них под видом анекдотов о весёлом парне передаётся учение мудреца.

«В Лояне жила куртизанка по имени Ян Лю. Она считалась самой прекрасной женщиной в городе. К ней любил похаживать даосский монах. Он часто дарил ей роскошные подарки, но никогда не ложился с ней в постель. Однажды ночью, будучи пьяной, она попыталась соблазнить его. Монах сказал ей: «Растущие инь и ян соединяются в моём теле. Они любят друг друга подобно мужчине и женщине, и я уже забеременел; вскоре собираюсь родить ребёнка: как же я могу еще и с тобой заниматься любовью? Более того, да позволено мне будет сказать тебе, что заниматься любовью внутри самого себя бесконечно приятнее, чем

делать это с кем-либо посторонним». И с этими словами монах, не кто иной, как Люй Дунбинь, исчез».

Это и есть ранний идеал совершенного состояния, т. е. усовершенствования жизненных сил, вновь рассматриваемых здесь на духовном уровне, и доведённый до логического завершения. Даос освобождает себя от зависимости любого рода: пищевой, физической, а теперь и сексуальной. Он не испытывает нужды в других, поскольку самостоятельно может порождать детей. Свободный от всяких привязанностей, он свободен абсолютно.

Аллегории, используемые в этих мистических рассуждениях, словно пытаются привести в замешательство и шокировать нас ради того, чтобы произвести более глубокое впечатление. Вот одна из них, обнаруживаемая главным образом в даосской поэзии:

«Белой Госпоже исполнилось
шестнадцать, она любуется
Нефритовой белизной своего тела;
Но она вздыхает, наблюдая,
как проходят дни
Без всякого признака
появления свахи.
И днём, и вечером она одна;
В одиночестве проводит ночи.
Отец с матерью не понимают
её и дразнят
Разговорами о Чжане Третьем
или Ли Четвёртом.
И хотя они часто говорят об этом,
ничего не происходит.
Но вот однажды появляется
Добрая Женщина Желтая
И стучит в дверь;
Она приходит поговорить о молодом
Золотом Господине,
О том, как он красив
и хорошо сложен.
И вот два гороскопа несут
К старому Учителю Вану.
Учитель Ван считает,
что это будет удачный брак.
Он говорит: всё сходится,
нет ничего дурного;
Они созданы друг для друга,
как Небо и Земля.
Судьба уготовила им
счастливый брак.
Сегодня их дети заполнили царство.
Но в те времена нужны были
усилия Доброй
Женщины Желтой;
Иначе могли бы разве инь и ян
Соединиться?»

Это всего лишь аллегория, но всё же отнюдь не детская игра. Фантазии, возникающие в процессе медитации, приравниваются к действительности. Это характерная черта всей мысли, а также и искусства Китая. Например, свитки, которые первоначально разрисовывали даосисты, вовлекают зрителя в мистическое путешествие через страну снов, созданную по законам Вселенной, но всё же гораздо более прекрасную по сравнению с реальным пейзажем. Увидеть весь мир, не покидая своей комнаты,— вот даосский идеал всех времён и основа всех мистических фантасмагорий. Поэт-даос объясняет это следующим образом:

«Маленькая девочка,
маленький мальчик —
всего лишь образы.
Добрая Женщина Желтая —
тоже только лишь выдумка.
Забираются в горы,
лезут через скалы,
что за беготня кругом.
В стенах комнаты можно овладеть
всем на свете».

Наслаждения от эротической медитации (уд у адептов находится в напряжённом состоянии) столь велики, что все прочие приёмы отвергаются с порога. Процитированный только что поэт далее пишет:

«Внешний опыт пытается
всё преобразовать посредством
Действия.
Внутренняя алхимия недвижна;
она вызревает,
Пока не придёт время.
Безногий мальчик поднимается
по лестнице
Без всяких затруднений;
Некоторые следуют абсурдной
доктрине о злоупотреблениях,
Которая учит алхимическому
методу удерживания
Семени во время распутства
с женщинами.
Они называют это эликсиром жизни.
Этого достаточно, чтобы
бессмертные на небесах
Умерли со смеху».

Осуждение внешнего опыта распространяется и на женский пол. Поиск утончённой любви при сохранении полного самоконтроля сочетается с садистским женоненавистничеством в будничных взаимоотношениях. На популярных изображениях даосского ада хорошенькую молодую женщину избивает дубинкой смеющийся демон; предполагается, что она изменяла мужу. На других картинках женщин связывают, разрезают на куски и т. д. Освобождённые от всяких обязанностей, живущие с перебинтованными ногами в закрытых гинекеях и лишённые места в даосской иерархии, женщины становятся всего лишь олицетворением своего пола, отвратительными и вероломными созданиями. В стихах, приписываемых Лю Яню, об этом говорится очень недвусмысленно:

«Эта девушка красива,
её изящные формы
Обещают расцвет женственности.
Но обоюдоострый меч
сверкает меж её бёдер,
Где таится погибель
для недалёких мужчин.
Этот меч не рубит голов:
он вершит своё дело втайне,
Высасывая мозг из мужских костей».

Это очень известное в Китае стихотворение. Ещё более известен афоризм Люй Дунбиня, цитируемый в начале длинного эротического романа эпохи Мин «Цзинь, Пин, Мэй»:

«Дверь, из которой
появился я на свет,
Пребудет также и
вратами смерти».

Несправедливо, однако, обвинять весь современный даосизм в этих нездоровых и садистских наклонностях. Следует отдать должное мистицизму монахов, признав внутреннюю ценность их системы. За всем многословием и нарочитыми аллегориями сокрыта высокая и прекрасная цель: достичь гармонии, преодолев глубокий раскол в самом человеке, признаваемый всеми цивилизациями,— противоположность между духовной и половой любовью, разделённость человека на две различные части: выше и ниже пояса.

Внутренний мистический брак направлен на то, чтобы возвысить пол над телом, осознать совершенство союза между материей и духом. Это философия жизни, первобытной силы, которая обещает свободу через посредство любви.

Перевод А. Д. Дикарева по изданию: Beurdeley M. et al. The Clouds and the Rain. The Art of Love in China.— Fribourg; London, 1969.

42. Анатомическая схема со спины.

ДЖ. НИДЭМ

ДАОССКАЯ ТЕХНИКА ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ [1]

В сфере половых отношений применялись определенные технические приемы. Вследствие конфуцианско-буддийского антагонизма практика такого рода до сих пор остаётся едва ли не самой непонятной, хотя и представляет значительный интерес для физиологии [2]. Вполне естественно, что в обстановке всеобщего согласия с теориями инь-ян половые отношения между людьми рассматривались на космическом фоне, как

на самом деле имеющие тесные связи с вселенской механикой[3]. Даосы считали, что секс, отнюдь не являясь препятствием для достижения бессмертия, может даже быть превращен в существенно способствующий этому инструмент. Приемы, применяемые в интимных отношениях, назывались «способом питания жизни посредством инь и ян» (инь ян ян шэн чжи дао), а их основной целью было сохранение как можно большего количества семенной жидкости (цзин) и божественного элемента (шэнь), главным образом путем возвращения семени (хуань цзин). В то же время две великие силы, заключенные в отдельных человеческих существах, должны служить непременным источником питания друг для друга, «и инь и ян сян сюй», как говорит Чистая дева.

Все книги об этом искусстве исчезли из «Дао цзана»[4] в период династии Мин (XIV—XVII вв.), если не раньше, однако пространные фрагменты сохранились в японских медицинских трактатах X века и позже. Важнейшим из них является «И сим по» (по-китайски — «И синь фан»), составленный Тамба Ясуёри в 982 г., но остававшийся ненапечатанным до 1854 г. Главный китайский источник — «Шуан мэй цзин ань цун шу» («Собрание двойной сливы») — серия книг и фрагментов, собранных в 1903 г. Е Дэхуем. В современном «Дао цзане» сохранилась лишь одна-единственная глава (вероятно, вследствие того, что это всего только глава, а не целая книга) — глава 6 из «Ян шэн янь мин лу» («Продление судьбы посредством питания жизни»), книги, приписываемой как Тао Хунцзину (V в.), так и Сунь Сымяо (VII в.). Среди фрагментов, сведенных Е Дэхуем воедино,— «Су-нюй цзин» («Канон Чистой девы») и «Сюань-нюй цзин» («Канон Таинственной девы»), «Юй фан би цзюэ» («Тайные предписания для нефритовых покоев»), «Дунсюань-цзы» («Книга Учителя, Постигающего Тайны») и «Тянь ди инь ян да лэ фу» («Поэма о высшей радости»). Прочие древние фрагменты (например, «Юй фан чжи яо» — «Главные секреты нефритовых покоев») содержатся главным образом в японских собраниях[5].

Невозможно провести четкую грань между специфическими даосскими хитростями и обычными приемами, используемыми в спальне; даосы, как и прочие люди, обучались и обучали других этим приёмам. Ван Гулик справедливо подчеркивал, что данные тексты полностью свободны от патологических отклонений, как, например, садизм и мазохизм, и лишь в позднейших книгах появляется то, что может считаться необычным либо вспомогательным, но отнюдь не аномальным. Многочисленные ссылки на мифических и прочих императоров в ранних текстах свидетельствуют, что некоторые приемы, вероятно, впервые применили древние правители, которые, согласно обычаю, обладали большим количеством

наложниц. Эти приемы сохранялись веками, хотя и в меньшей степени, во всех знатных семьях, где проблема налаживания здоровой половой жизни в условиях полигамии должна была стоять весьма остро.

Едва ли можно сомневаться в том, что некоторые тексты древнего происхождения. В библиографии «Цянь Хань шу» перечисляется восемь книг такого рода, бывших, по всей вероятности, в ходу в I в. до н. э.; все они в настоящее время утеряны. Две из них были озаглавлены «Инь дао» («Путь женщины»), но нам ничего не известно об их авторах, Жун Чэне и У Чэне. Прочие книги были названы в честь различных императоров древности. До нас дошли имена некоторых людей, которые слыли большими специалистами в этом деле. Среди них выделяются Лэн Шоугуан, современник и коллега знаменитого врача III в. Хуа То, и Гань Ши, живший примерно в то же время [6]. Знаменательно, что предлагавшиеся ими приемы считаются имеющими большое значение для увеличения продолжительности жизни. Возможно, наиболее типичным из всех источников является «Сунюй цзин», стиль которого определенно напоминает классический медицинский труд ханьского времени «Хуан-ди нэй цзин» («Внутренний канон Желтого императора».—**А. Д.**). Хотя «Канон Чистой девы» не приводится в ханьской библиографии, он должен был существовать в какой-либо форме в I в., поскольку на него ссылаются как Ван Чун [7], так и Чжан Хэн [8]. Ко времени Гэ Хуна (начало IV в.) упоминаются другие три мудрые женщины, в том числе и Избранная дева [9]. Это дало основание ван Гулику предположить, что первоначально это были ранги колдуний («у»).

В официальной библиографии эпохи Суй (VII в.) насчитывается семь книг, среди них «Юй фан би цзюэ», которой мы располагаем. Хотя «Дунсюань-цзы» появляется только в танской библиографии, язык этого трактата довольно архаичен, а искусно выполненные описания 30 позиций (как, впрочем, и все остальное) имеют надежные медицинские и физиологические основания. Среди наиболее замечательных документов — «Тянь ди инь ян да лэ фу» («Поэма о высшей радости»), написанная Бо Синцзянем (ум. в 826 г.), младшим братом Бо Цзюйи, сохранившаяся только в рукописи в монастырской библиотеке Дуньхуана и обнаруженная лишь в наше время.

Собрание даосских текстов «Юнь цзи ци цзянь» («Семь бамбуковых дощечек из сумки с туманом»), удивительно повторяя Аристотеля, гласит, что семенная жидкость содержится в семенных пузырьках (цзин ши) в нижней части живота (ся дань тянь) [10] и что в то время как у мужчин накапливается там сперма, в соответствующей части женского тела аккумулируется менструальная кровь (нань

жэнь и цан цзин нюй цзы и юэ шуй). Цель даосских приемов заключалась в том, чтобы всемерно увеличить количество животворного цзин посредством сексуальных стимулов и в то же время всячески избегать его утраты. Более того, если сила ян в мужчине регулярно питается силой инь, это не только благотворно скажется на его здоровье и долголетии, но гарантирует, благодаря ее насыщенной мужественности, зачатие младенца мужского пола в случае семяизвержения. Воздержание считалось не только невозможным, но и недостойным, поскольку противоречило великому ритму природы, где все сущее обладает либо мужскими, либо женскими свойствами. Безбрачие же (за которое впоследствии выступали буддистские еретики) приведет только к неврозам. Таким образом, соответствующие приемы заключались, во-первых, в частых «coitus reservatus», продолжительных сношениях с рядом партнерш так, чтобы на всех пришлось лишь одно семяизвержение[11]. Женские оргазмы (куай) укрепляют жизненные силы мужчины, поэтому ему следует продолжать половой акт как можно дольше, чтобы /сила/ ян как можно больше напиталась /силой/ инь[12]. То, что «coitus reservatus» считается столь полезным для душевного здоровья, на первый взгляд озадачивает, поскольку прерванное половое сношение («coitus interruptus») как метод контрацепции повсеместно осуждается современной медициной. Однако психологические условия различны: целью древних было не воспрепятствовать зачатию, но обеспечить укрепление обеих сил, особенно ян[13]. Особый акцент делался на смене партнеров, появлялось множество противоречащих друг другу рекомендаций по их выбору, однако благодаря разработанной системе запретов на сношения в зависимости от времен года, фаз луны, погоды, астрологической обстановки и т. п. подходящий случай для последователей даосизма выдавался нечасто. В семьях, где достижение бессмертия не являлось первоочередной целью, на все это обращали меньше внимания.

Другой способ, а именно возвращение семени, заключался в любопытном приеме, который можно обнаружить и у других народов в качестве средства контрацепции; он до сих пор спорадически встречается и среди европейцев[14]. В момент эякуляции осуществляется нажатие на уретру между мошонкой и задним проходом, тем самым семенной секрет направляется в мочевой пузырь, откуда он впоследствии выводится вместе с мочой. Этого, однако, даосы не знали; они думали, что семенную жидкость можно таким образом заставить подняться, чтобы омолодить или оживить верхние части тела. Отсюда сам способ получил название «хуань цзин бу нао» — «возвращая семя, возрождать мозг»[15]. Сле-

дует обратить внимание на явную параллель между «хуань цзин» и «би ци» (как можно более продолжительная задержка дыхания). Поскольку спинной мозг в даосской физиологии в его нисходящем и ветвящемся трофическом[16] влиянии уподобляется Желтой реке, этот процесс описывается выражением «повернуть вспять Желтую реку» (Хуанхэ ни лю), встречающимся в позднейших книгах[17]. Обо всем этом намеками говорится в «Тай шан хуан тин вай цзин юй цзин» («Восхитительный нефритовый канон Желтого двора»), о котором упоминается в «Ле сянь чжуань» и «Баопу-цзы», и потому датируемом II—III вв. Возможно, однако, что наиболее древнее упоминание об этом способе содержится в «Хоу хань шу», где говорится, что Лэн Шоугуан применял искусство Жун Чэна и дожил до преклонного возраста. В комментарии цитируется «Ле сянь чжуань», гласящий: «Искусство сношения с женщинами заключается в воздержании от семяизвержения, возвращении семени и питании мозга» (юй фу жэнь чжи шу вэй во гу бу и хуань цзин бу нао).

Наиболее поразительный аспект всей даосской философско-религиозной деятельности (поразительный и для большинства современных китайцев) состоит в том, что для кандидатов в бессмертные она предусматривала не только обычную супружескую жизнь и индивидуальные упражнения, но и публичные мероприятия. Эти церемонии религиозного характера назывались «истинным искусством выравнивания ци» («чжун ци чжэнь шу»), или «соединением ци» («хэ ци, хунь ци»)[18] мужчины и женщины. Считается, что эти церемонии основаны знаменитым даосским семейством Чжанов, живших во II в. (Три Чжана); они определенно были распространенным явлением около 400 г., когда ими заправлял Сунь Энь. Многое из того, что мы знаем о них, исходит от математика VI в. Чэнь Луаня, который из даосизма обратился в буддизм и написал «Сяо дао лунь» («Осмеяние даосизма»). Церемония устраивалась ради избавления от вины (ши цзуй)[19] и проводилась по окончании поста в ночь новолуния либо полнолуния. Она состояла из ритуального танца «сражения дракона и тигра»[20], который заканчивался публичной иерогамией (культовым браком) или последовательными совокуплениями участников сборища в кельях, расположенных по сторонам храмового дворика[21]. Пары обучали вышеупомянутым приемам. Литургический текст, похоже, содержался в книге под названием «Хуан шу», от которого сохранился фрагмент высоких поэтических достоинств[22]. Естественно, как буддийский аскетизм, так и конфуцианская стыдливость были шокированы, и к 415 г. уже набрало силу противодействие. К середине VI в. были предприняты масштабные посягательства на даосизм, и, по всей вероятности, на исходе VII века празднества «Хэ ци» прекратились[23]. Однако частная деятельность такого рода продолжалась до расцвета Сун в той степени, в какой ею были озабочены даосы, приписанные к храмам, а для

светских лиц это вообще было характерно вплоть до прошлого века, тем более что эти упражнения одобрялись и предписывались профессиональной медициной[24].

Признание важности женщины в общей структуре материального мира и ее равенства с мужчиной, убежденность в том, что достижение здоровья и долголетия требует согласованных действий обоих полов[25], восхищение определенными психологическими характеристиками женщины, включение физических проявлений пола в божественный групповой катарсис, равно свободный как от аскетизма, так и от классовых различий,— все это лишний раз раскрывает перед нами характерные черты даосизма, не имеющие аналогов в конфуцианстве и обычном буддизме. Определенно, между всем вышеперечисленным и матриархальными элементами в примитивном племенном сообществе должна иметься некоторая связь, а в древней даосской философии должна была некоторым образом отражаться значимость женского символа. Не является простым совпадением и то обстоятельство, что даосисты в древнем Китае были главными представителями социальной солидарности, союза и единства всего, что противостояло разделению и разобщенности. Их мысль и деятельность заходят так глубоко, что могут считаться универсальными, имеющими ионийские и орфические[26] параллели. Любовь, энергия влечения и союза во Вселенной правят первоэлементами, звездами и богами; для греков это было банальностью, что отражено в «Дафнисе и Хлое» Лонга[27]. И Лукреций посвятил свою великую поэму Венере[28], поскольку только в результате сочетания и объединения как отдельных частиц, так и людей, могут создаваться и существовать организмы различных уровней сложности. Физиология даосистов, возможно, была примитивной и причудливой, но их отношение к мужчине, женщине и космическим первоосновам было куда более адекватным, чем у конфуцианства с его патерналистско- репрессивной суровой простотой, столь типичной для состояния умов в обществе феодальной собственности[29], или же чем у буддизма с его холодной потусторонностью, для которого секс не был ни естественным, ни прекрасным и рассматривался лишь как затея искусителя по имени Мара (Яма).

В средние века все еще встречались известные приверженки и последовательницы даосизма, и великий конфуцианец танской эпохи Хань Юй (768—824 гг.) написал об одной из таких женщин поэму «Девушка с Цветочной Горы». Пережитки местных верований в отдельных районах свидетельствуют о признании древними значительности женщин; например, легенда о наводнении в Тайюани (пров. Шаньси) по-прежнему порождает ежегодные процессии, где девушки играют роли всепобеждающих и обожествляемых героинь. Здесь присутствуют как символ женщины, так и символ воды. В общем, даосы многому могли научить мир, и пусть даже даосизм как организованная религия умирает или уже мертв, будущее, вероятно, принадлежит его философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Во втором томе своего труда «Наука и цивилизация в Китае» Дж. Нидэм посвящает несколько страниц «сексуальной технике» как одному из способов достижения индивидом «материального бессмертия», являвшегося, как известно, центральным положением религиозного даосизма и заветной целью адептов этого учения. Рассматривая практическую деятельность даосов, Дж. Нидэм выделяет также дыхательные упражнения, гелиотерапию, гимнастику, алхимию и прием лекарств, соблюдение определенной диеты.— **А. Д.**

[2] Этот параграф существовал в данном виде задолго до появления великолепной книги ван Гулика (4), напечатанной частным образом в количестве 50 экземпляров, направленных в 50 наиболее значительных библиотек земного шара. На это исследование китайских представлений о физиологии пола и половой жизни ван Гулика подвигла находка серии эротических цветных иллюстраций для одной из книг подобного рода, которые издавались при династии Мин в период между 1560 и 1640 гг. Это была «Хуа ин цзинь чжэнь» («Различные позиции для цветочного сражения»), датируемая 1610 г., которую он воспроизвёл и перевел. Единственное расхождение в выводах между нами состоит в том, что оценку, данную ван Гуликом даосской теории и практике в его книге, я рассматриваю в целом как чересчур неблагосклонную; немногочисленные заблуждения были делом исключительным. Впоследствии в результате личного контакта мы пришли к согласию по данному вопросу.

[3] Ср. с взглядами Лао-цзы, изложенными в главе 21-й «Чжуанцзы»: «В крайнем пределе холод замораживает, в крайнем пределе жар сжигает. Холод уходит в небо, жар движется на землю. Обе /силы/, взаимно проникая друг в друга, соединяются, и /все/ вещи рождаются» (Цит. по: Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая.— М., 1967.— С. 241.— **А. Д.**). Стоит напомнить, что ранее в связи с «лестницей душ» уже упоминалась теория Ван Гуя о том, как должны соединяться небо и земля с тем, чтобы произвести высшие формы жизни.

[4] «Дао цзан» («Сокровищница дао», или в неточном, но распространенном переводе «Даосский канон»)— наиболее полное собрание ассимилированных даосизмом текстов. Подробно см.: Кобзев А. И., Морозова Н. В., Торчинов Е. А. Московская «Сокровищница дао» // Народы Азии и Африки.— М., 1986.— № 6.— **А. Д.**

[5] Популярные переложения некоторых из них все еще находятся в обращении (или находились до недавнего времени) в «публичных библиотечках» у уличных торговцев книгами в Китае, прочие скрытно передаются из рук в руки. Я навсегда запомнил ответ одного из глубочайших исследователей даосизма из Чэнду, которого спросил о том, сколько людей следует этим предписаниям. «Вероятно, больше половины мужчин и женщин Сычуани»,— последовал ответ.

[6] В «Хоу Хань шу» (гл. 112б) перечислены и другие знатоки конца эпохи Хань и периода Троецарствия: Дунго Яньнянь, Фэн Цзюньда, Ван Чжэнь, а также знаменитый колдун Цзо Цы.

[7] «Лунь хэн». Глава 6, где упомина-

ние о Су-нюй не отличается благосклонностью: «Чистая дева, описывая Желтому императору способы /любви/ Пяти дев, /изложила то, что/ приносит вред не только телам родителей, но и естеству их сыновей и дочерей» (цит. по /5/). Ван Чун не объяснил, что он имел в виду.

8 В прекрасной эпиталаме «Тун шэн гэ» («Песнь согласия»), созданной до 100 г. Из этого стихотворения явствует, что в ханьское время невестам вручали свиток с изображениями позиций для сношения и пояснительным текстом. Одна из позиций в метафорической форме описана в «Дао дэ цзине» (глава 61). (См.: Древнекитайская философия.— Т. 1.— М., 1973.— С. 133. Видимо, имеется в виду фраза «Пинь чан и цзин шэн му, и цзин вэй ся» («Самка всегда невозмутимостью одолевает самца, невозмутимо располагаясь снизу»).— **А. Д**).

9 Это был также низший ранг императорских наложниц.

10 То есть «нижнее киноварное поле» — парафизиологический орган тела, в который, согласно даосской «внутренней алхимии», следовало направлять потоки сексуальной энергии. Подробнее см.: Этика и ритуал в традиционном Китае.— М., 1988.— С. 210—211.— **А. Д.**

11 Дж. Нидэм ссылается на «Су-нюй цзин» (л. 1б) и «Юй фан чжи яо» (л. 1б). Однако в китайских источниках не всегда говорится о том, сколько именно семяизвержений должно приходиться на каждое занятие любовью. В «Юй фан чжи яо» просто упоминается о полезности «множества сношений без утраты семени». Поэтому данное Дж. Нидэмом определение «coitus reservatus» (numerous intromissions with a succession of partners occuring for every one ejaculation) представляется не вполне адекватным.— **А. Д.**

12 Физиологическая рациональность этой процедуры не нуждается в комментариях, что бы ни думали о древних китайских теориях.

13 Поскольку те же самые приемы рекомендовались и для женщин — претенденток на бессмертие, становится понятна и история с «у», обнаруженная де Гроотом /3, с. 1233/ в «Цзю Тан шу» в главе 130. Это история о «красавице зрелого возраста», которая путешествовала согласно императорскому указу, принося жертвы различным местным божествам, сопровождаемая группой «развращенных молодых людей».

14 Особенно среди турок, армян и жителей Маркизских островов. Врачи XVII в. (например, Санкториус) рекомендовали своим пациентам периодически воздерживаться от эякуляции при сношении.

15 См.: «Су-нюй цзин», л. 2а; «Юй фан чжи яо», л. 1б; «Баопу-цзы» («Нэй бянь»), гл. 6, л. 57б. Это интересная мысль с точки зрения истории эмбриологии. Идея о том, что «отец порождает белое, а мать — красное» (т. е. белые части тела — мозг, нервы и т. д.— происходят из выделений семени, а красные — из менструальной крови),— это одно из древнейших представлений, которым увлекались мыслители в сфере биологии.

16 То есть регулирующем обмен веществ и питание тканей.— **А. Д.**

17 Например, в «Су-нюй мяо лунь» («Таинственные речи Чистой девы»), примерно 1500 г.

18 Обратите внимание на сохранившееся слово «хунь» («смешение») — этот «древний лозунг общинной жизни».

[19] Это рекомендуется взять на заметку различным школам в современной психологии.

[20] Здесь важно отметить использование мужского и женского алхимических символов.

[21] А. Масперо /6, с. 167/ предполагает возможную связь с брачными празднествами у первобытных племен, описанными М. Гране /2/, но это, по всей видимости, трудно доказать. Нельзя не почувствовать характерный для даосизма сильный дух первобытной общинной солидарности, пропитавший эти празднества, в которых сам секс был как бы божественным. Крайне многозначительно, что один из буддийских оппонентов говорил, что во время этих обрядов «мужчины и женщины соединяются неподходящим образом, поскольку не делается различий между знатью и простолюдинами» /7, с. 406/. Даосизм действительно делал акцент на человеческой природе как таковой.

[22] См.: /7, с. 408/. Трудно сказать, каким богам молились во время церемоний «хэ ци», но, как представляется, это были божества звезд, пяти элементов и духи, которые якобы находились в различных органах человеческого тела и управляли ими.

[23] Имеется в виду китайский даосизм. Но вероятно, что эта божественная сексуальность сохранялась и значительно позже в тантристском буддизме и ламаизме. В дальнейшем возникает предположение, что происхождение многих тантристских идей и обычаев следует искать в даосизме. Не далее как в 1950 г., когда в Китае распускали некое тайное общество, утверждалось, что там в качестве средства укрепления здоровья и достижения бессмертия практиковался групповой секс. Идеи умирают трудно.

[24] Ср. /1, с. 376, 440, 454, 494, 516/, где обнаруживаются явные свидетельства. Великий врач Сунь Сымяо (ум. в 682 г.) приводит в «Цянь цзинь фан» («Рецепты /ценой в/ тысячу золотых») материал, существенный для изучения традиций врачевания (ср.: /4, с. 76/). Многочисленные упоминания об этом встречаются и в позднейшее время, например в «Мин дао цза ши» («Сборник светлого дао») Чжан Лэя, входившего в окружение Су Дунпо (1035—1101 гг.).

[25] Возможно, это символически отражено на китайских (и скифских?) бронзовых шкатулках, описанных А. Салмони /8/. Их крышки украшены двумя коленопреклоненными обнаженными фигурками мужчины и женщины, расположенными лицом друг к другу.

[26] Для восточной (ионийской) ветви философии досократиков (VI—V вв. до н. э.), в отличие от италийской, характерны эмпиризм, сенсуализм. Человек и вообще сфера социального, как правило, не выделяются из общекосмической жизни. Отсутствует четкое различие «материального» и «идеального» («Философский энциклопедический словарь».— М., 1983.— С. 175). Орфизм — древнегреческое религиозное движение, возникшее в VI в. до н. э. в результате реформы культа Диониса (подробно см.: там же.— С. 467). Дж. Нидэм, очевидно, имеет здесь в виду в первую очередь пафос знаменитой поэмы «Нисхождение Орфея в Аид».— **А. Д.**

[27] Изучая идеи великого викторианца Генри Драммонда, я обнаружил, насколько живучи все еще эти представления; Г. Драммонд

полагал, что любовь можно рассматривать как социальный аналог тех физических сил, которые объединяют частицы на молекулярном уровне. И действительно, первое в истории химии понимание химической реакции содержало сексуальные аналогии.

28 Как указывал П. Фридляндер /1а/, римляне возводили происхождение имени богини к слову, означающему силу, связывающую воедино огонь и воду, мужчину и женщину.

29 Разумеется, конфуцианство в его традиционных формах по существу не отличалось аскетизмом. Когда Сюань-ван из царства Ци признался, что испытывает интерес к женщинам, Мэн-цзы уверил его в том, что это не грешно, коль скоро все его подданные также могут удовлетворять свои естественные потребности («Мэн-цзы сказал: «В древности... в домах не было ропщущих /т. е. незамужних.— **А. Д.**/ девиц, а вне дома неженатых мужчин. Разве будут у Вас трудности с правлением, если Вы, питая пристрастие к красоте /наслаждениям.— **А. Д.**/, подобно Тайвану, поступаете так, чтобы никто из простолюдинов не был лишен брачных удовольствий?» (Мэн-цзы», Гл. I, часть 2, раздел V.— **А. Д.**). Много позже Маттео Риччи, прибыв из Европы, все еще в основном феодальной, восхищался тем, что при выборе наложниц единственным критерием была их красота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dudgeon J. Kung-Fu, or Medical Gimnastics // Journal of the Peking Oriental Society, 1895, N 3.

1a. Friedlander, P. Pattern of Sound and Atomistic Theory, in Lucretius // American Journal of Philology.— 1941.— N 62.

2. Granet M. Fetes et chansons anciennes de la Chine.— Paris, 1926.

3. de Groot, J. J. M. The Religious System of China.— Vol. 6.— The Animistic Priesthood (wu).— Leiden, 1892.

4. van Gulik, R. H. Erotic Colour Prints of the Ming Period with an Essay on Chinese Sex Life from the Han to the Ching Dynasty (−206 to +1644).— 3 vols.— Tokyo, 1951.

5. Leslie D. Man and Nature: Sources on Early Chinese Biological Ideas (especially the Lun Heng).— Inaug. Diss.— Cambridge, 1954.

6. Maspero H. Le Taoisme // Id. Melanges posthumes sur les religions et l'histoire de la Chine.— V. 2 / Ed. P. Demieville.— Civilisations du Sud.— Paris, 1950 (Publ. du Mus. Guimet, Biblioth. de Diffusion, n 58).

7. Maspero H. Procedes de «nourrir le principle vital» dans la religion taoiste ancienne // Journal Asiatique, 1937, V. 229, N 2, 3.

8. Salmony A. The Human Pair in China and South Russia // Gasette des Beaux Arts.— 1943 (6th ser).— N 24.

Перевод А. Д. Дикарева по изданию: Needham J. Science and Civilisation in China. Vol. 2 Cambridge, 1956.

43. Схема трансмутации эфира в теле.

Р. ван ГУЛИК (1910—1967 гг.)

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО «ИСКУССТВУ БРАЧНЫХ ПОКОЕВ»

В эпоху Суй (589—618 гг.) сексуальные пособия были не менее популярны, чем в предшествующие столетия. В отличие от библиографического раздела в «Хань шу» («История /династии/ Хань») в соответствующем разделе «Суй шу» («История /династии/ Суй») книги по «искусству брачных покоев» не выделены в специальную категорию. Однако в конце рубрики «Книги по медицине» приводится несколько названий пособий по интимным отношениям. Перечислю

следующие восемь наименований:

1. «Су-нюй би дао цзин» («Канон тайного пути Чистой девы») в одном свитке с приложением «Сюань-нюй цзин» («Сексуальное пособие Темной девы»).

2. «Су-нюй фан» («Предписания Чистой девы») в одном свитке.

3. «Пэн-цзу ян син» («Пэн-цзу о питании естества») в одном свитке.

4. «Сюй фан нэй би шу» («Предисловие к тайному искусству брачных покоев») в одном свитке. Автор — некий Гэ.

5. «Юй фан би цзюэ» («Тайные предписания для нефритовых покоев») в восьми свитках.

6. То же: новое издание в девяти свитках.

7. «Фан нэй би яо» («Краткое изложение секретов брачных покоев») в одном свитке. Автор — Сюй Тайшань.

8. «Ян шэн яо цзи» («Основы укрепления здоровья») в десяти свитках. Автор — Чжан Чжань.

Кроме того, в главе 35 «Суй шу» под рубрикой «Даосские каноны» говорится о том, что 13 из них (всего — 38 свитков) имеют отношение к искусству брачных покоев. Однако названия этих трактатов не приводятся.

Оригинальные тексты всех перечисленных восьми книг в Китае утеряны[1]. Однако по счастливой случайности значительные фрагменты из №№ 1, 2 и 5, а также некоторые отрывки из № 8 вместе с пространными цитатами из прочих китайских пособий периодов Шести династий, Суй и Тан (229—907 гг.) сохранились в Японии. Таким образом, становится возможным приступить к анализу древних пособий по интимным отношениям, опираясь на оригинальные источники.

Фрагменты, о которых идет речь, содержатся в японской книге «И сим по» (по-китайски — «И синь фан») («Способы исцеления души»), объемистом медицинском компендиуме в 30 частях. Этот труд состоит из отрывков из нескольких сот китайских трактатов эпохи Тан (618—907 гг.) и более ранних, собранных и расклассифицированных знаменитым японским терапевтом китайского происхождения Тамба Ясуёри. Начав этот труд в 982 году, он завершил его в 984 году. Многие века эта книга имела хождение только в рукописи. В 1854 году приписанный к гарему сёгуна японский врач по имени Таки Гэнкин (ум. в 1857 г.) издал восхитительный большой ксилограф, запечатлевший лучшие рукописи.

Нас интересует здесь только раздел 28 компендиума «И синь фан», озаглавленный «Фан нэй» («Брачные покои»). Этот раздел состоит исключительно из цитат, относящихся к искусству брачных покоев, отобранных из многочисленных древнекитайских текстов, среди которых пособия по интимным отношениям, древние медицинские трактаты, книги по физиогномике, сборники рецептов и т. п. Поскольку большая часть этих трудов нигде больше не сохранилась, этот источник просто бесценен.

Тамба Ясуёри был весьма добросовестный ученый. Он воспроизвел отобранные им отрывки точно в таком же виде, в каком он обнаружил их в оригинальных рукописях, привезенных из Китая. Он не

исправлял даже очевидные ошибки, сохраняя все сокращения и повторы. Столь же скрупулезное, уважительное отношение к древним манускриптам характерно было и для позднейших японских переписчиков, что вполне соответствует лучшим научным традициям Японии. Переписчики отмечали испорченные места соответствующими надписями на полях, но сам текст оставляли нетронутым. В результате он сохранил все особенности оригинального манускрипта танской эпохи, что может быть доказано сравнением этого текста с документами аналогичного характера, обнаруженными в Дуньхуане, как, например, «Да лэ фу». Эти тексты подтверждают и поясняют друг друга.

44. Япония. Харунобу. Подобный изворот тела нередко встречается на китайских, японских и монгольских эротических изображениях. См. илл. 51, 108, 120.

Первое исследование компендиума «И синь фан» провел современный китайский ученый Е Дэхуй (1864—1927 гг.), использовавший издание 1854 года. Е Дэхуй обнаружил, что по разделу 28 разбросано пять старинных китайских пособий по интимным отношениям, которые Тамба Ясуёри цитировал столь подробно, что Е Дэхую показалось возможным восстановить по этим фрагментам основную часть оригинального текста. В результате в 1914 году Е Дэхуй опубликовал следующие 4 труда, упоминаемые в «Суй шу»: «Су-нюй цзин», включая «Сюань-нюй цзин» (№ 1); «Су-нюй фан» (№ 2); «Юй фан би цзюэ» (№№ 5 и 6); «Юй фан чжи яо» (возможно, идентичный № 7).

В качестве дополнения Е Дэхуй реконструировал текст под названием «Дунсюань-цзы» («/Канон/ учителя Дунсюаня»). Этот важный источник впервые упоминается

45. Япония. Утамаро. Трое любящих. Любовь втроём встречается и на японских изображениях, но реже, чем на китайских.

в библиографическом разделе «Тан шу» («История /династии/ Тан»). А. Масперо полагает, что Дунсюань — это ученый Ли Дунсюань, занимавший в середине VII века должность управляющего Школой медицины в столице. Если данная идентификация верна, то Ли Дунсюань должен считаться лишь редактором текста, поскольку и стиль, и содержание соответствуют периоду Шести династий.

Эти пять пособий по интимным отношениям опубликованы Е Дэхуем в книге под названием «Шуан мэй цзин ань цун шу» (к ее составлению он приступил в 1903 г., а полный ксилограф издал в 1914 г.) [2]. Тем самым он сильно эпатировал своих старомодных ученых современников, и его научная репутация была основательно подорвана, причем настолько, что даже его трагическая гибель (он был убит бандитами) не вызвала особых сожалений. Подобное нетерпимое отношение тем более многозначительно, поскольку китайские ученые обладают, как правило, достойным похвалы широким взглядом на все, что касается дел литературных. Они имеют обыкновение судить об учености человека по качеству его трудов, не принимая во внимание нравственные проступки и политические ошибки. Но секс являет собой исключение. Как только ученый осмеливается писать о подобных специфических сюжетах, он немедленно подвергается остракизму. Эти факты достаточно красноречиво свидетельствуют, насколько прочно увязли образованные китайцы эпохи Цин в собственных сексуальных запретах.

Мимоходом следует отметить тот парадоксальный факт, что Е Дэхуй был столь же старомоден, как и те, кто заклеймил его, словно чернокожего. В предисловиях к восстановленным им пособиям он утверждал, что посредством публикации этих текстов пытался показать, будто китайцам испокон веков было знакомо все, что содержится в современных западных трудах.

Публикации Е Дэхуя подтверждают, что, если не принимать во внимание свойственное ему пренебрежение к западной науке, во всем остальном он был широко образованным и добросовестным ученым. Об этом свидетельствует и то, как он обращался с пятью текстами, о которых идет речь.

Е Дэхуй предположил, что последовательность 30 подзаголовков раздела 28 компендиума «И синь фан» указывала и на примерную последовательность содержания старинных сексологических трактатов. Таким образом, в своей реконструкции он расположил все цитаты в соответствии с данной последовательностью. Из этого следует, что почти все древние пособия состояли из 6 частей, а именно:

А. Вступительные замечания о космическом значении интимного союза и о важности его для здоровья обоих партнеров.

Б. Описание любовной игры, предшествующей сношению.

В. Описание самой интимной близости. Техника совокупления с включением перечня возможных позиций.

Г. Обзор терапевтических аспектов любовного соединения.

Д. Рекомендации, связанные с выбором партнёра, ношением плода и советы по евгенике.

Е. Перечень разнообразных рецептов и предписаний.

В реконструкциях Е Дэхуя различные цитаты из одного и того же трактата расположены согласно указанному принципу. Разумеется, невозможно сказать, насколько полно представлен в этих реконструкциях весь оригинал. «Дунсюань-цзы» производит впечатление законченного текста, тогда как «Су-нюй цзин» и «Су-нюй фан» при всей их очевидной полноте имеют несколько незначительных пропусков. Все эти три трактата, как указывалось, состояли из одного свитка каждый, и их восстановленный объем примерно соответствует одной главе какой-либо древней книги. «Юй фан би цзюэ», однако, представляет собой лишь малую часть оригинального текста, поскольку согласно «Суй шу» трактат этот состоял не менее чем из 8 свитков (в повторном издании — 9 и в перечне «Тан шу» — 10 свитков). Если «Юй фан чжи яо» идентичен «Фан нэй би яо» из «Суй шу», он должен состоять лишь из одного свитка, однако нескольких цитат, входящих в «И синь фан», не наберется и на одну главу этого трактата.

Несмотря на то, что в библиографических указателях иногда приводятся имена авторов, пособия по интимным отношениям нельзя считать индивидуальными произведениями; ученые, упомянутые в качестве их авторов, являлись скорее «редакторами». Эти пособия представляли собой набор высказываний (часто в стихотворной форме), собранных из разнообразных более древних трактатов, начиная, возможно, еще с доханьской эпохи. Можно с уверенностью предположить, что, если бы пособия по интимным отношениям, перечисленные в «Хань шу», сохранились до настоящего времени, их содержание оказалось бы практически тождественным трактатам, цитируемым в «И синь фан».

Помимо пяти трактатов, реконструированных Е Дэхуем, в «И синь фан» имеется незначительное число ссылок на следующие книги:

а) «Ян шэн яо цзи», упоминаемую в «Суй шу» (ср.: № 8 из первого перечня). Книга по всей вероятности утеряна. Она фигурирует, однако, в перечне трудов, к которым обращались в 977 году для составления огромного компендиума литературных источников сунской эпохи «Тай пин юй лань».

б) «Цянь цзинь фан» («Рецепты /ценой в/ тысячу золотых»), медицинский труд танской эпохи.

в) «Баопу-цзы», сочинение Гэ Хуна.

г) «Тай цин цзин», то же, что «Тай цин шэнь цзянь», знаменитое древнее пособие по физиогномике.

д) «Хуа То чжэнь цзю цзин» («Пособие по иглоукалыванию и прижиганию врача Хуа То»).

е) «(Хуан-ди) ся ма цзин», сочинение на ту же тему, что и предыдущее.

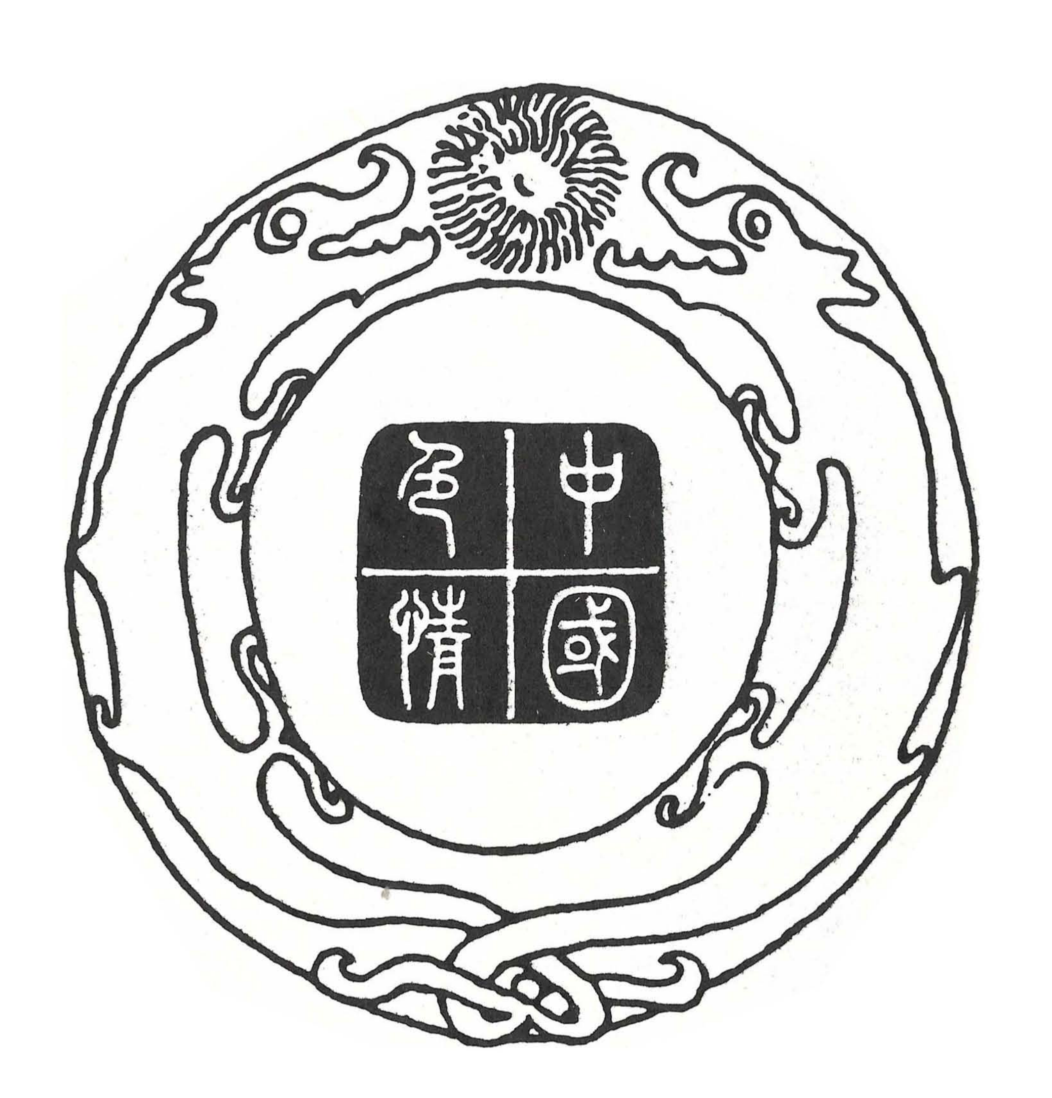
Все эти книги упоминаются в цитатах лишь изредка.

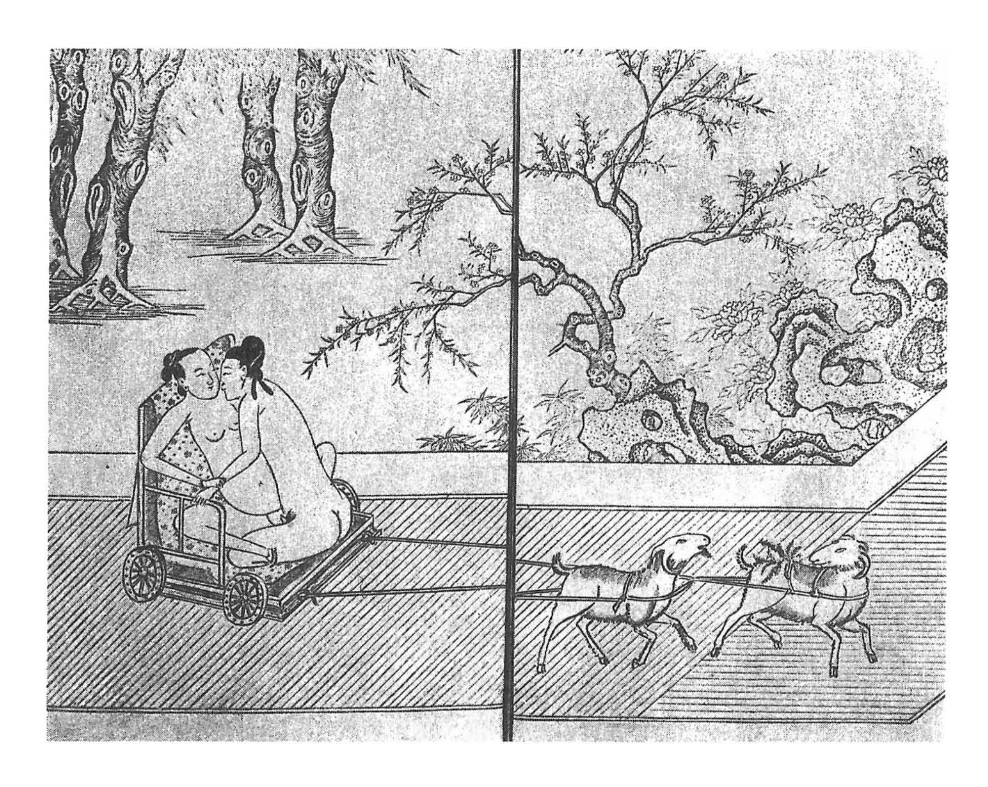
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] От «Су-нюй цзина» и «Су-нюй фана» сохранились только предельно оскопленные и искаженные версии, большей частью содержащие перечень болезней и предназначенных для них лекарств. (Ср. издание 1810 г. знаменитого комментатора текстов Сунь Синъяня (1753— 1818 гг.) и издание, опубликованное в 1885 году в «Пин цзинь гуань цун шу».) Сунь Синъянь редактировал также опубликованный в 1884 году текст под названием «Сюань-нюй цзин» («Канон Темной девы»), своего рода календарь дней, подходящих для заключения брачных союзов. Тот же текст можно обнаружить и в ксилографе эпохи Мин (XIV в.) «Шо фу» под названием «Тай и цзин» («Канон Великого Единого».— **А. Д.**). В этом же ксилографе напечатан также и «Сюань-нюй фан чжун цзин» («Канон брачных покоев Темной девы»), представляющий собой не что иное, как перечень дат, благоприятных для интимной близости, скопированный с «Цянь цзинь фан» — медицинского трактата врача Сунь Сымяо, жившего в эпоху Тан. В «Су-нюй цзине» под редакцией Сунь Синъяня несколько фрагментов все же могут считаться остатками оригинального текста, прочие же упомянутые трактаты, связанные с Темной девой, не имеют ничего общего с первоначальным «Сюань-нюй цзином» — старинным пособием по интимным отношениям.

[2] Две главы из «Дунсюань-цзы» и отдельные фрагменты других трактатов переводились на русский язык (см., напр.: Сыркин А. Я., Соколова И. И. Об одной дидактической традиции в Индии и Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая.— М., 1972); Стулова Э. С. Даосская практика достижения бессмертия // Из истории традиционной китайской идеологии.— М., 1984) и уже цитировались в сексологической литературе (см., напр.: Кон И. С. Введение в сексологию.— М., 1989, с. 112). «Дунсюань-цзы» обильно цитируется в выдержавшей несколько изданий книге Чжан Жоланя «Дао любви» (Jolan Chang. The Tao of Love and Sex), небрежный перевод которой на русский язык имеет хождение в Советском Союзе в «самиздате». В полном объеме тексты нижеследующих китайских пособий по интимным отношениям переводятся впервые.— **А. Д.**

Перевод А. Д. Дикарева по изданию: R. H. van Gulik. Sexual Life in Ancient China. Leiden, 1961.

中國民情

46. Су Во объезжает свой сад.

КАНОН ЧИСТОЙ ДЕВЫ (СУ-НЮЙ ЦЗИН)

Желтый император обратился с вопросом к Чистой деве: «Мое дыхание-ци стало слабым, потеряло гармонию. Нет в сердце радости. Организм постоянно страшится каких-то опасностей. Что можно поделать в этом случае?» Чистая дева отвечала: «Такое ослабление организма наступает у всех людей, когда они нарушают путь соединения инь и ян[1]. Ведь женщина преодолевает мужчину, как вода преодолевает огонь. Если знаешь и применяешь это знание, то точно так же способен гармонично соединить в котле пять вкусов[2], приготовляя яство. Если знаешь путь соединения инь и ян, то сможешь получить все пять видов удовольствий. А если не владеешь этим искусством, то жизнь твоя прервется раньше отпущенного ей срока. Разве можно не относиться к этим знаниям со всей серьезностью, если желаешь

получать удовольствие?» (/Комментарий:/ «Рецепты, являющиеся сердцем медицины» («И синь фан»). Свиток (цзюань) 28. Далее — оттуда же.)

Чистая дева молвила: «Есть Избранная дева, которая способна в тонкостях постичь путь-дао этого искусства». Правитель велел Избранной деве выспросить у патриарха Пэн-цзу о способах продления жизни, достижения максимального долголетия. Пэн-цзу молвил: «Люби семя-цзин[3], питай свой дух-шэнь[4], принимай разнообразные снадобья и сможешь добиться продления жизни. Однако если не следуешь по пути правильного соединения инь и ян, тогда не будет пользы от приема лекарств. Мужчина и женщина создают друг друга, как небо и земля порождают друг друга. Небо и земля соблюдают путь единения, потому и нет конечной границы в их существовании. Человек же теряет путь соединения и разъединения, что постепенно ведет его к досрочной кончине. Если же способен избегать действий, которые постепенно наносят вред, и постигаешь искусство соединения инь и ян, то тем самым обретаешь путь бессмертия». Избранная дева, дважды поклонившись, промолвила: «Хотела бы услышать об этом важнейшем учении». Пэн-цзу отвечал: «Путь этот крайне легок в познании. Потому люди не могут поверить в него и применять на практике. В настоящее время государь управляется с множеством дел, поддерживая порядок в Поднебесной, и, конечно, не способен полностью постичь все изобилие имеющихся искусств. Но если многие наложницы в его гареме пользуются высочайшей благосклонностью, то ему необходимо знать сущность методов соединения с женщиной. Заключается она в следующем. Если любишь много молодых девушек и при этом не допускаешь частого извержения семени, то тело твое становится легким, и все болезни из него уходят».

Чистая дева молвила: «Когда управляешься с противником, нужно смотреть на него как на кусок черепицы или негодный камень, к себе же нужно относиться, как к золоту и нефриту. Если семя-цзин дрогнет, то нужно со всей поспешностью возвращаться на свою территорию. Когда управляешься с женщиной, нужно вести себя так, будто гнилыми поводьями управляешь лошадью, несущейся над глубокой пропастью, дно которой усеяно кинжалами и в которую рискуешь упасть. Если способен любить свое семя-цзин, то жизнь в тебе не истощится никогда».

Желтый император обратился с вопросом к Чистой деве: «Если я, желая продлить свою жизнь, не буду соединяться с женщинами, правильно ли это?» Чистая дева молвила в ответ: «Это неправильно. Ведь у неба и земли существует цикл открытия и закрытия, а инь и ян осуществляют воздействие и трансформацию. Человек же в своих действиях должен быть подобным инь и ян, следовать законам смены четырех сезонов. И если, имея желание, ты не соединишься с женщиной, то дух-шэнь и дыхание-ци[5] не раскрываются во всю силу, нарушается взаимодействие инь и ян в организме. Как же сможешь ты усиливать[6] себя в этом случае? Если тренируешь

47—49. Три почти одинаковых монетовида с эротическими позами. Видимо, они имели какое-то неведомое нам предназначение, может быть, служили амулетами, преподносились достигшим совершеннолетия, являлись принадлежностями проституток (как девочек, так и мальчиков) или были входными жетонами в публичный дом. На обратной стороне каждого монетовида есть надпись: «ветер — цветы — снег — луна» — прекрасная обстановка для влюблённых.

дыхание-ци и имеешь много половых связей, то удаляешь из организма старое, удерживая новое[7], и в результате помогаешь своему организму. Если не приводишь в движение нефритовый стебель[8], то, избегая внешней опасности, гибнешь в своем жилище. Поэтому, постоянно имея половые сношения, ты практикуешь руководство и натяжение[9] (дао инь). Если способен двигаться и не кончать, то это можно назвать искусством возвращения семени. А возвращение семени[10] как раз и является путем укрепления организма и продления жизни».

В «Каноне Чистой девы» говорится: «Желтый император спросил: «Каким же образом в соединении инь и ян можно соблюсти ритм и меру?» Чистая дева молвила в ответ: «Существует путь соединения мужчины и женщины, и если следуют ему в форме и содержании, то мужчина избавляется от дряхлости, а женщина излечивается от всех болезней, в сердце и уме сохраняются довольство и радость, укрепляется сила дыхания-ци. Однако если не способен осуществлять этот путь, то постепенно одряхлеешь и заболеешь. Скажу тебе, что сущность этого пути заключается в том, что необходимо делать устойчивым дыхание-ци, успокаивать сердце, гармонизировать волю. В результате — три дыхания-ци[11] должным образом выполняют свои функции, а духовный свет (шэнь мин)[12] обретает единство, возвращаясь в положенное состояние. Такой человек не страдает ни от холода, ни от жары, он не голодает и не пресыщается пищей, организм его устойчив, а тело крепко.

Характером он спокоен и нетороплив. Неглубоко погружая, медленно двигает, вводя и выводя. Старается доставить удовольствие женщине, следуя ее желаниям. Таким образом, мужчина все время находится в расцвете сил, руководствуясь вышесказанным».

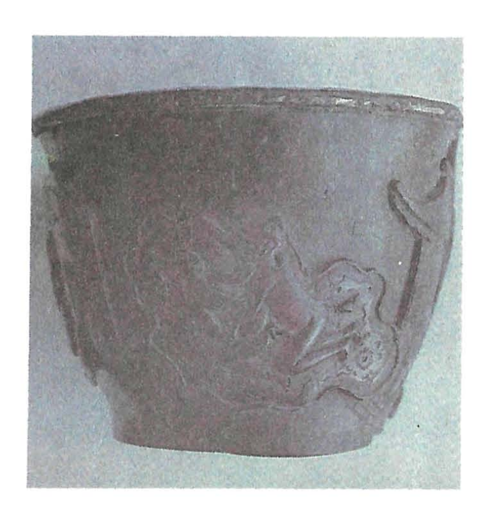
В «Каноне Темной девы» говорится: «Желтый император обратился с вопросом к Темной деве: «Я воспринял от Чистой девы искусство соединения инь и ян и овладел этими приемами. Теперь желаю восстановить свои жизненные силы, познав до конца этот путь». Темная дева отвечала: «Движение между небом и землей должно воплотиться в движение инь и ян. Ян, соединяясь с инь, трансформируется. Инь, соединяясь с ян, рапространяется. Одно движение инь и одно движение ян друг друга дополняют, так совершается акт. Поэтому в мужчине чувство выражается в крепости и силе, а в женщине движение приводит к раскрытию и расширению. Когда два дыхания-ци приходят в соитие[13], тогда семя-цзин изливается взаимопроникающей жидкостью. У мужчины есть восемь сочленений, а женщина обладает девятью дворцами. Если же на практике теряется мера, то у мужчины образуются фурункулы и чирьи, а у женщины нарушаются месячные. В результате возникает сто болезней, убывает жизненная сила и наступает ранняя смерть. Если же способен познать этот путь, то будешь испытывать радость и оставаться сильным, годы жизни твоей продлятся, а облик всегда будет цветущим».

Желтый император спросил: «А каким же образом в соитии осуще-

ствляется путь-дао инь и ян?» Чистая дева молвила в ответ: «Конечно же, путь соития имеет внешние формы. Мужчина, следуя ему, развивает дыхание-ци, а женщина таким образом избавляется от недугов. Сердце и мысли радостны и приятны; дыхание и сила умножаются и укрепляются. Если же не знать этого пути, то будешь поражен дряхлостью. Коль хочешь знать, этот путь заключается в успокоении сердца, гармонии помыслов, соединении в действии семени-цзин и духа-шэнь. В результате не будешь страдать ни от холода, ни от жары, ни от голода, ни от пресыщения. Организм будет устойчив, а мысли станут истинными. Характером такой человек спокоен и нетороплив. Он глубоко погружает и медленно двигает, вводя и выводя. Таким образом, появляется мера в его вожделениях и устремлениях, и, будучи осторожным, он не осмеливается нарушить правила. Потому женщина довольна и радостна, а мужчина сохраняет силы».

50. «Любовь двух зимородков».

Молвил Желтый император: «Вот возникает у меня желание, и силюсь я совершить соитие. Но не поднимается нефритовый стебель, и лицо покрывается краской стыда, и на душе неловко, катятся капли пота, подобно жемчужинам. А в сердце моем горит вожделение, стараюсь помочь себе руками, но не знаю, как это сделать. Хочу я услышать об этом пути». Чистая дева молвила в ответ: «То, о чем вопрошаешь, Владыка, может случиться со многими людьми. Конечно же, существуют законы и правила, по которым реализуется желание соединения с женщиной. В первую

очередь, следует гармонизировать дыхание-ци, и тогда поднимается нефритовый стебель. Соблюдая пять постоянств [14], сохраняй чувства в девяти областях. У женщины есть пять соблазнов, которые жаждут удовлетворения. Всеми силами воздерживайся от излияния семени-цзин. Удерживай жидкость во рту [15]. И тогда семя и дыхание сделают круг и, трансформируясь, заполнят костный и головной мозг. Соблюдай правила, оберегающие от семи пагуб [16]. Следуй по пути, ведущему к семи пользам [17]. Не нарушай постоянств и тогда сможешь сохранить здоровым свой организм, который внутри будет полон подлинного дыхания-ци [18]. Все болезни покинут тело. Внутренние органы фу и цзан будут здоровыми и крепкими, а кожа будет светиться мягким блеском. В каждом соитии поднимется орган, а дыхание и сила укрепятся в сто раз. Партнер твой преклонится пред тобой, откуда ж тогда появится стыд». (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев» («Юй фан би цзюэ».)

В «Каноне Темной девы» говорится: «Молвил Желтый император: «Если во время соития женщина не испытывает оргазма, плоть ее не приходит в движение, и жидкость не выделяется. Если нефритовый стебель не становится сильным, мал он или нет в нем мощи, что же делать тогда?» Молвила в ответ Темная дева: «Инь и ян чувствуют друг друга и реагируют при контакте. Ну, а если ян не входит в контакт с инь, то нет удовольствия. Если же инь не входит в контакт с ян, тогда нет возбуждения. Мужчина жаждет соития, а женщина не

51. «Шаг тигра».

52. «Рыба сушит на солнце жабры».

испытывает удовольствия. Женщина жаждет соития, а мужчина не хочет. Нет единства двух сердец, семя и дыхание не возбуждаются. Если прибавить к тому резкость входа и судорожность выхода /члена/, то не будет экстаза любви. Когда мужчина жаждет обладать женщиной, а женщина жаждет обладать мужчиной, тогда в согласии и единстве их чувства и мысли, тогда радость царит в их сердцах. Плоть женщины дрожит от возбуждения, и, чувствуя это, стебель мужчины наполняется. Действует орган мужской, управляясь с влагалищем женским. Влага семени течет, наполняясь. Вольно, свободно движется нефритовый стебель, то плавно, то резко входит он в распахнувшуюся широко нефритовую дверцу (юй ху). Делаешь дело свое, не испытывая усталости, заставляешь партнера испытывать наслаждение. Вдыхаешь семя-цзин, притягиваешь дыхание-ци, в результате увлажняется красная палата (чжу ши)[19]. А теперь перечислю тебе восемь действий, и все эти приемы ты должен запомнить. Это вытягивание и сжатие, движение вниз и движение вверх, продвижение вперед и отступление, наклон и сгибание. И если Владыка будет внимателен в исполнении этих правил, он никогда не допустит ошибки». (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

В «Каноне Чистой девы» говорится: «Молвил Желтый император: «Хочу я узнать самые ценные способы соединения инь и ян». Отвечала Чистая дева: «Перед тем как овладеть женщиной, нужно, чтобы она легла, расслабилась и успокоилась. Женщина подгибает ноги, а мужчина помещается между ними. Он целует ее, играя с ее языком, осторожно берет нефритовый стебель в руку и стучится в двери врат с одной и с другой стороны и через некоторое время медленно-плавно входит внутрь. Если нефритовый стебель большой и толстый, то входит на глубину полцуня. Если же слабый и маленький, то вводится на один цунь. Затем без всяких покачиваний он медленно выводится, после чего вводится снова. Таким образом, можно избавиться от ста болезней. Ни в коем случае нельзя допускать извержения семени. Когда нефритовый стебель входит в нефритовые врата, рождается естественное тепло, и при этом женщина тут же начинает самопроизвольно двигаться, покачиваясь вверх навстречу мужчине, соединяясь с ним, и затем глубина проникновения увеличивается. В результате и у мужчины, и у женщины исчезают сто недугов. Неглубоко введи и, когда натянутся струны цитры (цинь сянь)[20], введи на глубину трех с половиной туней. Следует, закрыв рот, погружать постепенно, считая про себя от одного до девяти и, когда достигнешь крайней обочины куньлуньского камня (кунь ши)[21], тогда, двигая туда и обратно, совмести свой рот с ртом женщины и вдыхай дыхание-ци. И если пройдешь данным путем девять раз по девять, то будет, как сказано». (/Комментарий:/ «Главное из наставлений для нефритовых покоев» («Юй фан чжи яо».)

Спрашивал Желтый император: «Что называется пятью постоянствами (у чан)?» Молвила в ответ Чистая дева: «Нефритовый стебель

действительно обладает пятью постоянствами. Он, как говорится, живет уединенно в потайном месте; соблюдая меру, сохраняет достоинство; внутри себя содержит высшую добродетель-дэ; может совершать действие бесконечно. Нефритовый стебель стремится к осуществлению связи, таким образом он воплощает способность к контакту (жэнь). Наличие у него внутри пустоты выражает способность к соблюдению долга (и). Наличие у него сочленения выражает способность к соблюдению норм (ли). То, что при наличии желания он поднимается, а при его отсутствии остается неподвижным, свидетельствует о вере (синь). Перед тем как начать действовать, он приподнимается и опускается, и это является выражением способности к знанию (чжи). Таким образом, совершенномудрый посредством соблюдения пяти постоянств сохраняет меру. Способность к контакту заключается в том, что при желании акта отдается семя, но утрачивается крепость. Способность к соблюдению долга заключается в том, что человек, сосредоточив внимание на пустоте, осознает необходимость соблюдения внутреннего запрета, тем самым старается воздержаться от многих плодов. В результате он следует пути воздержания. Но так как он должен отдавать бескорыстно, здесь мерилом будет являться способность к соблюдению норм. Сохраняя искренность помыслов и придерживаясь этого, он проявляет веру. И при том он стремится к познанию пути соития. Таким образом, организм, который способен соблюдать пять постоянств, может продлить дни своей жизни». (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

Спрашивал Желтый император: «Как могу я узнать степень удовлетворения женщины?» Чистая дева отвечала: «Чтобы видеть изменения состояний и знать их причину, существуют пять признаков, пять стремлений, десять движений. (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

Существуют следующие проявления пяти признаков. Во-первых, лицо становится красным, и в этот момент нужно медленно и плавно соединять (половые органы). Во-вторых, соски становятся твердыми, на носу выступают капельки пота, и в этот момент нужно медленно и плавно вводить внутрь. В-третьих, гортань пересыхает, а горло увлажняется слюной, и в этот момент следует медленно и плавно покачивать членом. В-четвертых, половой орган женщин увлажняется смазкой, и в этот момент нужно медленно и плавно погружаться вглубь. В-пятых, когда влага заливает седалище, следует медленно и плавно извлекать». (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

Молвила Чистая дева: «В зависимости от того, какое из пяти стремлений видишь, можешь знать ответное состояние женщины. Когда в мыслях она стремится к соитию, затаивает дыхание, приостанавливается движение пневмы (ци). Далее, когда половой орган (инь) стремится к соитию, расширяются ноздри, открывается рот. На третьем этапе, когда семя-цзин приходит в беспокойство, женщина начинает подрагивать и обнимать

мужчину. Затем, когда обильный пот струится, увлажняя платье, значит, ее сердце стремится к удовлетворению. Наконец, когда она стремится достичь высшей степени удовольствия, ее тело выпрямляется, глаза закрываются». (/Комментарий:/ «Рецепты, являющиеся сердцем медицины». Свиток 28. Далее — оттуда же.)

Чистая дева молвила: «Вот проявления десяти движений. Первое — когда женщина обеими руками обнимает мужчину, это значит, что она стремится приблизиться телом, чтобы совместить половые органы. Второе — когда женщина напрягает ягодицы, начиная тереться о мужчину, который находится сверху. Третье — когда она выпячивает живот, стараясь максимально раскрыть половые органы. Четвертое — когда она начинает двигать задом, стараясь сделать удовольствие более острым. Пятое — когда она поднимает ноги, сжимая ими мужчину, чтобы добиться большей глубины проникновения. Шестое — когда женщина охватывает мужчину ногами, скрестив их, чтобы создать трение в глубине. Седьмое — когда женщина начинает покачиваться вбок, чтобы в глубине влагалища член двигался влево и вправо, прикасаясь к его стенкам. Восьмое — когда женщина приподнимается всем телом, тесно прижимаясь к мужчине, подрагивая, чтобы достичь более сильного удовольствия. Девятое — когда женщина расслабленно раскидывается, что свидетельствует об удовлетворении всего тела. Десятое — когда влагалище увлажняется смазкой, что свидетельствует о выделении семени. Таким образом, наблюдая вышеназванные проявления, можно судить о степени удовлетворения женщины».

В «Каноне Темной девы» говорится: «Молвил Желтый император: «Если у меня возникло стремление к соитию, а стебель не поднимается, нужно ли прикладывать усилия, чтобы совершить акт?» Темная дева отвечала: «Этого нельзя делать. Ведь суть желания соития состоит в том, что мужчина, только дождавшись четырех приходов, может привести в действие девять дыханий-ци женщины».

Спрашивал Желтый император: «Что же такое, эти четыре прихода?» Отвечала Темная дева: «Если не напрягается нефритовый стебель, значит, гармонизирующее дыхание (хэ ци) не пришло. Если напрягается, но не увеличивается в размерах, значит, не пришло мышечное дыхание-ци. Если увеличивается в размерах, но не становится твердым, значит, не пришло костное дыхание-ци. Если становится твердым, но при этом не горяч, значит, не пришло дыхание духа (шэнь ци). Таким образом, напряженность — это свет на пути к семени-цзин. Увеличение в размерах — это засов, запирающий семя. Твердость — это створка двери, ведущей к семени. А жар — это отверстые врата семени. Нужно контролировать приход четырех дыханий-ци, чтобы, осознавая путь, сохранять осмотрительность при открытии спускового механизма. И тогда, открыв дорогу семени, не выльешь его наружу».

В «Каноне Темной девы» говорится: «Молвил Желтый император: «Хорошо. А вот каким образом можно узнать, что начинают действо-

вать девять дыханий-ци?» Темная дева отвечала: «Нужно следить за проявлениями девяти дыханий-ци, так и узнаешь. Если женщина тяжело дышит и сглатывает слюну, значит, пришло в действие дыхание-ци легких. Если женщина постанывает и целует мужчину, значит, пришло в действие дыхание-ци сердца. Если женщина обнимает и прижимает мужчину, значит, пришло в действие дыхание-ци селезенки. Если иньские врата увлажняются смазкой, значит, пришло в действие дыхание-ци почек. Если женщина начинает любовно покусывать мужчину, значит, пришло в действие дыхание-ци костей. Если женщина ногами обхватывает мужчину, значит, пришло в действие дыхание-ци сухожилий. Если женщина поглаживает и трогает нефритовый стебель, значит, пришло в действие дыхание-ци крови. Если женщина играет с сосками мужчины, значит, пришло в действие дыхание-ци плоти. Чтобы понять смысл вышесказанного, нужно в течение долгого времени наблюдать действие дыханий-ци во время соития. Таким образом, вступают в действие девять дыханий-ци, и если какие-либо не начинают действовать, то легко причинить вред. Потому нужно добиваться действия всех дыханий- ци, тем самым исправляя положение». (/Комментарий:/ Во всех имеющихся ныне вариантах книги не хватает одного дыхания-ци.)

В «Каноне Темной девы» говорится: «Молвил Желтый император: «Ничего я не слышал о так называемых девяти приемах. Желаю, чтобы ты объяснила мне и раскрыла их значение. Сохраню я эти знания в каменной палате (ши ши), применяя на практике указанные приемы».

Молвила Темная дева: «Вот эти девять приемов. Первый называется «дракон кувыркается». Женщина ложится на спину, а мужчина — сверху. Бедра прижимаются к ложу. Женщина руками раздвигает влагалище, принимая нефритовый стебель, который вводится снизу от промежности. Так что удар направлен вверх. Движется медленно и свободно. Восемь раз вводится поверхностно, а два раза глубоко. Двигаясь вперед, умирает, а, возвращаясь назад, рождается. Член становится сильным и крепким, а женщина полностью удовлетворяется. И, когда женщина достигает оргазма, акт естественно заканчивается. В результате проходят сто болезней.

Второй называется «шаг тигра». Женщина ложится ничком, приподнимает зад, опускает голову. Мужчина становится на колени сзади. Охватывает руками ее живот и вводит нефритовый стебель внутрь, стараясь погрузить его как можно глубже, вводит и выводит член, прижимаясь крепко к женщине. Делает движение туда и назад пять раз по восемь, таким образом соблюдая меру. Половой орган женщины (инь) раскрывается широко, жидкость семени выплескивается наружу. Акт заканчивается, партнеры отдыхают. В результате болезни не возникают, а мужчина становится сильнее (илл. 51).

Третий называется «обезьянья хватка». Женщина ложится на спину, а мужчина поднимает ее бедра и колени, опирая их на грудь так, что спина и зад у женщины

приподнимаются. После этого нефритовый стебель входит внутрь. Женщина делает раскачивающиеся движения. Семенная жидкость выделяется, подобно дождю. Мужчина вводит член на максимальную глубину. Член становится сильным и напряженным. Женщина испытывает оргазм, после чего акт прекращается. Таким образом можно вылечить сто болезней (илл. 72).

Четвертый называется «прильнувшая цикада». Женщина ложится ничком, тело у нее прямое и вытянутое. Мужчина ложится сверху лицом вниз и сзади вводит нефритовый стебель. Женщина немного приподнимает зад, чтобы захватить красную жемчужину (чи чжу)[22]. Движения делаются шесть раз по девять. Женщина возбуждается, семя проливается. Внутри полового органа (инь) начинаются резкие движения, и в результате он открывается снаружи. Акт заканчивается, когда женщина достигает оргазма. В результате можно вылечить семь нарушений.

Пятый называется «черепаха подпрыгивает». Женщина лежит на спине, сгибает ноги в коленях, а мужчина еще подталкивает ее ноги так, что колени касаются сосков. После этого он вводит нефритовый стебель, ритмично уменьшая и увеличивая глубину введения, и таким образом достигает своей цели. Женщина, испытывая удовольствие, начинает покачиваться всем телом, приподнимаясь вверх. Проливается семенная жидкость, а глубина погружения члена достигает максимума. Акт прекращается, когда женщина чувствует удовлетворение. Если мужчина не извергает в этом случае семени, то сила его возрастает многократно (илл. 63).

Шестой называется «феникс парит». Женщина ложится на спину, сама поднимает ноги. Мужчина встает на колени, оказываясь между ее бедер. Опираясь двумя руками на подстилку, он вводит нефритовый стебель в куньлуньский камень. Он твердый и горячий, тянет внутри, в результате женщина отвечает движениями. Акт совершается три раза по восемь. Потом зад резко прижимается, половой орган женщины раскрывается, и из него выбрасывается семенная жидкость. Когда женщина удовлетворяется, действие прекращается. В результате проходят сто болезней (илл. 16, 24).

Седьмой называется «кролик лижет волосы». Мужчина лежит на спине, вытянув ноги, а женщина садится сверху таким образом, что его ноги оказываются между ее коленями. Женщина касается головой ног мужчины, а руками опирается о подстилку. После того как она опускает голову, вводится нефритовый стебель. Как говорится, натягиваются струны цитры. Женщина, испытывая удовольствие, выделяет семенную жидкость. Она течет обильно, как из источника. В радости и веселье, в гармонии удовлетворения возбуждаются и дух, и телесная форма. Когда женщина удовлетворяется, акт прекращается. Таким образом предотвращают возникновение ста болезней.

Восьмой называется «рыбы касаются чешуей». Мужчина лежит на спине, женщина садится сверху, ноги вытягивает вперед. Медленно вводится член, после того, как он входит на небольшую глубину,

останавливается. Не следует погружать его слишком глубоко. Это должно быть похоже на то, как младенец захватывает губами материнскую грудь. Движения совершает одна женщина. Нужно стараться выдержать как можно дольше не кончая. Когда женщина удовлетворяется, мужчина выводит член. Таким образом лечат запоры и скопления (дыхания-ци).

Девятый называется «журавли сплетаются шеями». Мужчина садится, вытянув вперед ноги, а женщина садится сверху на его бедра, руками обхватывает шею мужчины. Нефритовый стебель входит внутрь, стараясь заполнить пространство внутри. Мужчина обхватывает руками зад женщины, помогая ей покачиваться вверх. Женщина испытывает удовольствие, и в результате проливается семенная жидкость. Когда женщина удовлетворяется, акт заканчивается. Когда делаешь так, проходят семь нарушений» (илл. 57).

Чистая дева молвила: «В искусстве соединения инь и ян существует семь потерь и восемь приобретений. Первое приобретение — это укрепление семени. Женщина ложится на бок и раздвигает бедра. Мужчина ложится на бок и вводит член. Делается два раза по девять движений, после этого акт заканчивается. В результате же у мужчины укрепляется семя, а у женщины проходят кровотечения. В день делается дважды. Курс лечения составляет пятнадцать дней». (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

Второе приобретение — это успокоение дыхания-ци. Женщина ложится спиной на высокую подушку. Вытягивает ноги, а мужчина становится на колени между ее бедер и вводит член внутрь. Он делает движения три раза по девять, после чего акт прекращается. В результате гармонизируется дыхание-ци, а у женщины проходит простуда половых органов. В день делается три раза. Курс составляет двадцать дней.

Третье приобретение — это сохранение полученной пользы. Женщина ложится на бок и подгибает ноги, мужчина ложится поперек, вводит член и совершает движения четыре раза по девять. После этого акт прекращается. В результате у женщины гармонизируется дыхание-ци, а также излечиваются простудные заболевания половой системы. В день делается четыре раза, а курс лечения составляет двадцать дней.

Четвертое приобретение — это укрепление костей. Женщина ложится на бок и сгибает левую ногу в колене, а правую вытягивает. Мужчина ложится сверху и вводит член. Он делает движения пять раз по девять, после чего акт заканчивается. В результате улучшается подвижность суставов. А у женщин излечивается нарушение месячных. В день делается пять раз. Курс составляет десять дней.

Пятое приобретение — это регулирование каналов. Женщина ложится на бок. Правая нога сгибается в колене, а левая вытягивается. Мужчина, опираясь на землю, вводит член. Делает движение шесть раз по девять, после чего акт заканчивается. В результате восстанавливается проходимость каналов, а у женщины излечиваются нарушения месячных. В день делается

шесть раз. Курс составляет двадцать дней.

Шестое приобретение — это питание крови. Мужчина ложится на спину, а женщина, становясь на колени, помещается сверху. Член вводится на максимальную глубину, после чего женщина совершает движения семь раз по девять. Затем акт заканчивается. В результате у мужчины возрастает сила, а женщина излечивает нарушение менструального цикла. В день делается семь раз. Курс составляет десять дней.

Седьмое приобретение — это накопление жидкости. Женщина ложится на живот, приподнимает зад. Мужчина вводит член сверху. Он делает движения восемь раз по девять, после чего акт заканчивается. В результате кости наполняются костным мозгом.

Восьмое приобретение — это воплощение пути-дао тела. Женщина ложится на спину, подгибает ноги, прижимая ступни к заду, а мужчина ложится боком и вводит член. Делает движения девять раз по девять, после чего акт заканчивается. В результате у мужчины укрепляются кости, а у женщины проходит дурной запах из полового органа. В день делается девять раз. Курс составляет девять дней».

Чистая дева молвила: «Первая потеря — это истощение дыхания-ци. Истощение дыхания-ци происходит, если в сердце не возникает желания и акт совершается по принуждению. Тогда выделяется пот, запас дыхания-ци уменьшается, в результате в сердце образуется жар, зрение ухудшается. Для того чтобы вылечить данный недуг, существует следующий способ. Женщина лежит на спине, мужчина помещает ее ноги себе на плечи, глубоко вводит член. Женщина произвольно раскачивается. Когда у женщины выделяется семя, акт прекращается. Мужчина не должен достигать удовлетворения. В день делается девять раз. Курс продолжается в течение десяти дней». (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

Вторая потеря — это излияние семени. Подобное излияние семени происходит, если в сердце возникает плотское желание, а субстанции инь и ян еще не достигли состояния единства, но, несмотря на это, акт совершается. В результате семя проливается. Также данное явление возникает, когда акт совершают в состоянии опьянения или пресыщения едой. В связи с этим появляется одышка, дыхание становится тяжелым, пневма (ци) приходит в беспорядочное состояние, и потому страдают легкие. У больного возникают сильные приступы кашля и удушья, истощение, невротические состояния, депрессии, упадки настроения. Во рту сушит, поднимается температура, кроме того, такому больному трудно стоять на одном месте. Для лечения болезни существует следующий способ. Женщина ложится на спину, сгибает ноги в коленях, обхватывая ими мужчину. Мужчина неглубоко, на полцуня, вводит нефритовый стебель. Женщина сама совершает движения, и, когда у неё выделяется семя, акт прекращается. Мужчина не должен достигать удовлетворения. В день делается девять раз. Курс составляет десять дней.

Третья потеря — это смешивание каналов. Смешивание каналов происходит, если половой орган не становится твердым и сильным, но, несмотря на это, вступают в акт, в результате чего происходит насильственное излияние семени, ведущее к истощению дыхания-ци. Кроме того, данное явление возникает, если совершают соитие после чересчур обильной пищи, что приводит к нарушению функционирования селезенки, в результате чего ухудшается пищеварение, ослабевает действие субстанции инь, истощается запас семени. Для лечения данной болезни существует следующий способ. Женщина ложится на спину, обхватывает ногами зад мужчины, а мужчина, опираясь о подстилку, вводит член. Женщина одна совершает раскачивающиеся движения. После того как семя женщины изливается, акт прекращается. Мужчина не достигает удовлетворения. В день делается десять раз. Курс составляет десять дней.

Четвертая потеря — это излияние дыхания-ци. Излияние дыхания-ци происходит, когда соитие совершается в состоянии такой сильной усталости, что на теле еще не успел высохнуть пот, выступивший во время предыдущей работы. В результате у мужчины в животе возникает жар, губы сохнут. Существует следующий способ лечения данного заболевания. Мужчина ложится на спину, а женщина садится сверху, лицом к ногам. Она опирается о ложе. Нефритовый стебель входит неглубоко. Женщина раскачивается до тех пор, пока у нее не выходит семя, после чего акт прекращается. Мужчина же не достигает удовлетворения. В день делается девять раз. Курс составляет десять дней.

Пятая потеря — это нарушение циркуляции в основных органах. Такое нарушение происходит, если акт совершается через силу, сразу же после мочеиспускания или стула, когда организм еще не стабилизировался. В результате такого соития наносится вред печени. Кроме того, подобное заболевание может возникнуть, если соитие совершается слишком резко и энергично, без соблюдения нормального темпа, в результате чего происходит переутомление сухожилий и костей. Это также приводит к ухудшению зрения, образованию фурункулов и чирьев, при этом у больного истощается дыхание-ци во всех каналах. Если заболевание протекает долгое время, оно может привести к одностороннему параличу, ослаблению субстанции инь и, следовательно, невозможности эрекции. Существует следующий способ лечения данного заболевания. Мужчина ложится на спину, а женщина садится сверху лицом вперед. Член медленно и плавно вводится внутрь, женщина при этом сама не должна двигаться. У неё должно выделиться семя, а мужчине не следует испытывать оргазма. В день делается девять раз. Курс составляет десять дней.

Шестая потеря — это закрытие всех отверстий. Оно возникает в результате невоздержанности и распутства, когда теряется счет числу связей с женщинами, не соблюдается никакая мера, от чего истощается запас семени и дыхания-ци, и мужчина кончает через силу, расходуя все семя. Из-за этого возникает множество болезней, внутри

происходит истощение жизненных соков, зрение резко ухудшается. Существует следующий способ лечения данного заболевания. Мужчина ложится на спину, а женщина садится сверху, наклоняясь вперед и опираясь руками о ложе. Она сама вводит нефритовый стебель, после чего партнеры совершают движения. Когда выделяется семя, акт прекращается. В день делается девять раз. Курс составляет десять дней.

Седьмая потеря — это истощение крови. Истощение крови возникает, когда акт совершается с большими усилиями, слишком быстро, в результате чего выделяется пот. И после этого, когда соитие уже заканчивается, опять ложатся и совершают акт, при этом член вводится глубоко, хотя сил нет. В итоге возникают очень тяжелые, остро протекающие заболевания, которые сменяют друг друга без перерыва. Поэтому кровь в организме высыхает, а дыхание-ци истощается, отчего прекращается снабжение кожи питательными веществами. Возникают боли в половом члене, мошонка становится влажной, а семя-цзин трансформируется в кровь. Существует следующий способ лечения данного заболевания. Женщина ложится на спину, высоко поднимая зад. Она вытягивает ноги, а мужчина становится на коленях между ее ног и глубоко вводит член. Женщина сама совершает движения. Когда выделяется семя, акт прекращается. Мужчина не должен достигать оргазма. В день делается девять раз. Курс составляет десять дней».

Избранная дева задала вопрос: «Ведь удовольствие при соитии испытывается в момент извержения семени, и если не допускать извержения, то откуда же взяться удовольствию при соитии?» Отвечал патриарх Пэн-цзу: «После того как семя изливается, в организме ощущаются усталость и утомление, в ушах стоит звон, а глаза начинают слипаться, в горле ощущается сухость, кости и суставы ломит. И хотя испытывают временное удовлетворение, потом уже совсем не до удовольствия. Если же совершать акт, не выделяя семени, тогда в избытке будет у тебя дыхания и силы, организм сохранит хорошее самочувствие, уши и глаза будут чуткими и ясными. Когда ты сдерживаешь себя, успокаиваешь ум, стремишься к совершенству и ценишь упорство, тогда разве можешь ты не испытывать удовлетворение от того, что не достиг насыщения?» (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

Молвил Желтый император: «Хочу я знать: а что же будет, если, совершая акт, не достигать конечного результата?» Отвечала Чистая дева: «Если ты в одном акте не излил семя, то умножится дыхание и возрастет сила. Если, совершив два акта, ты не излил семени, то уши и глаза твои станут чуткими и ясными. Если в трех актах ты не излил семени, то излечишься от многих болезней. Если в четырех актах не излил семени, то пять духов организма обретут покой. Если в пяти актах не излил семени, то кровеносные сосуды наполнятся и укрепятся. Если в шести актах не излил семени, то поясница и спина станут крепкими и сильными. Если в семи актах не излил семени, то

прибавится сила в ягодицах и бедрах. Если в восьми актах не излил семени, то во всем организме родится свет. Если в девяти актах не излил семени, то жизнь твоя продлится без конца. Если в десяти актах не излил семени, то проникнешь в духовный свет». (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

Желтый император обратился с вопросом к Чистой деве: «Следуя по пути-дао, надо стремиться не потерять семя и ценить телесную жидкость. Ну, а если ты стремишься к рождению сына, то позволяется ли изливать семя?» Чистая дева отвечала: «Люди бывают могучие и слабые телом, по возрасту разделяясь на старых и молодых. И каждый в зависимости от личностных характеристик дыхания-ци и силы не должен слишком напрягаться, достигая оргазма. Ибо, если оргазм достигается чрезмерным напряжением, это обязательно наносит вред организму. Поэтому, когда мужчине пятнадцать лет и тело у него крепкое, он может кончать два раза в день, а когда в этом возрасте организм слабый — один раз в день. В двадцать лет при крепком сложении можно кончать два раза в день, а при слабом здоровье — один раз в день. В тридцать лет при крепком здоровье можно кончать один раз в день, а при плохом состоянии — один раз в два дня. В сорок лет при крепком здоровье можно кончать один раз в три дня, а при слабом здоровье — один раз в четыре дня. В пятьдесят лет при крепком здоровье можно кончать один раз в пять дней; если же сил мало — лишь один раз в десять дней. В шестьдесят лет при хорошем здоровье можно кончать один раз в десять дней; а если сил мало — лишь один раз в двадцать дней. В семьдесят лет при хорошем здоровье можно кончать один раз в тридцать дней, а при слабом — вообще нельзя кончать». (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

Чистая дева дает следующие правила. Если тебе двадцать лет, то можешь изливать семя один раз в день. В тридцать лет можешь изливать семя один раз в восемь дней. В сорок лет можешь изливать семя один раз в шестнадцать дней. В пятьдесят лет можешь изливать семя один раз в двадцать один день. В шестьдесят лет следует полностью закрыть выход семени и изливать его больше не следует. Если же в организме сохранилось достаточно сил, то можно изливать семя один раз в месяц. Есть такие люди, у которых дыхание-ци и сила поддерживают друг друга, и потому они очень энергичны. Такие люди также не могут воздерживаться в течение долгого времени, и, если они не изливают семя, у них возникают чирьи и нарывы. Если человеку более шестидесяти лет, и он в течение долгого времени не вступает в связь с женщиной, тогда мысли у него успокаиваются и он может больше не изливать семя. (/Комментарий:/ «Рецепты /ценой в/ тысячу золотых» («Цянь цзинь фан».)

Избранная дева спросила: «Какие признаки существуют для определения мужской силы и слабости?» Отвечал ей Пэн-цзу: «Когда субстанция ян сильна, сообщается с дыханием-ци, тогда нефритовый

стебель горяч, а семя субстанции ян густое и концентрированное. Слабость же бывает пяти разновидностей. В первом случае семя извергается и выходит наружу, что говорит о нарушениях дыхания-ци. Во втором случае семя прохладное и его мало, что говорит о нарушении плоти. В третьем случае семя портится и издает неприятный запах, что говорит о нарушении сухожилий. В четвертом случае семя выходит очень слабо, а не энергичным выплеском, что говорит о нарушениях костей. В пятом случае в результате слабости субстанции инь член не поднимается, что говорит о плохом состоянии тела в целом. Все эти нарушения происходят, если акт совершается не плавно и медленно, а резко и яростно. Существует следующий метод лечения недуга. Нужно совершать акт, не кончая, тогда менее чем через сто дней дыхание и сила укрепятся многократно».

Желтый император молвил: «Начало человеческой жизни коренится в зародыше, который соединяет в себе инь и ян. И потому следует избегать, чтобы момент зачатия совпадал с девятью вредными явлениями. Существуют следующие девять зол. Если ребенка зачинают в полдень, то, рождаясь, он мучается от сильной рвоты и удушья. Это первое зло. Если ребенка зачинают в полночь, то есть в момент, когда прекращается сообщение между небом и землей, ребенок рождается или немым, или глухим и слепым. Это второе зло. Если ребенка зачинают во время солнечного затмения, то он родится с повреждениями мышечных тканей тела. Это третье зло. Если ребенка зачинают во время грозы, когда гремит гром и сверкает молния, то есть небо гневается, показывая свою мощь, то он легко впадает в состояние бешенства. Это четвертое зло. Если ребенка зачинают во время лунного затмения, то он принесет несчастье и себе, и матери. Это пятое зло. Если ребенка зачинают во время появления радуги, то во всех делах его будет преследовать неудача. Это шестое зло. Если ребенка зачинают в дни зимнего или летнего солнцестояния, то своим рождением он принесет несчастье отцу и матери. Это седьмое зло. Если ребенка зачинают в дни первой или третьей четверти лунного месяца или на полнолуние, то в будущем он будет служить в мятежных войсках и совершать опрометчивые поступки. Это восьмое зло. Если ребенка зачинают в состоянии опьянения или после обильного пиршества, то он будет страдать от падучей болезни, чирьев, геморроя, язв. Это девятое зло». (/Комментарий:/ «Канон деторождения» («Чань цзин».)

Молвила Чистая дева: «Если хочешь зачать ребенка правильно, следует придерживаться истинных правил, согласно которым нужно предварительно очистить сердце свое, отбросить суетные мысли, оправить ритуальные одежды и, приблизившись к пустоте, соблюдать воздержание. Зачатие осуществляется не раньше, чем через три дня после менструации, во время после полуночи, но до петушиного крика. Нужно любовной игрой максимально возбудить женщину и после этого стремиться навстречу, следуя ее инициативе, с тем чтобы оргазм произошел одновременно,

и тогда, отбросив мысли о своем теле, нужно отдать семя. Не следует допускать, чтобы стебель входил слишком глубоко до самого основания, ибо в этом случае он минует зев матки и семя не попадет в его отверстие. Если же родится ребенок, зачатый согласно искусству пути-дао, тогда вырастет он мудрым и красивым и доживет до глубокой старости».

Молвила Чистая дева: «Если в соединении инь и ян соблюдают запреты и следуют постоянным установлениям, используя дыхание-ци жизни, то родившийся ребенок обязательно доживет до глубокой старости. Если муж и жена в старости способны зачать ребенка, то ребенок все равно не сможет достичь долголетия».

Желтый император спрашивал: «Какими свойствами должна обладать женщина, с которой вступаешь в близость?» Чистая дева отвечала: «Женщина, с которой вступаешь в близость, должна по своей природе быть кроткой и податливой, ее голос — нежным, волосы — шелковистыми, черными, плоть — мягкой, а тонкие кости пусть не будут ни слишком длинными, ни короткими, ни крупными, ни маленькими. Влагалищу следует располагаться высоко, а волос на половом органе не должно быть. У нее должно выделяться много семенной жидкости. Возрастом ей пристало быть старше двадцати пяти, младше тридцати лет. Она не должна быть матерью. При соитии такая женщина обильно выделяет семенную жидкость, движется всем телом, не в силах совладать с собой, потеет и во всем следует движениям мужчины. И если мужчина находит такую женщину, то даже когда он не применяет специальных приемов, соитие с ней не причиняет ему вреда. (/Комментарий:/ «Канон великой чистоты» («Да цин цзин».)

Существуют дни, в которые нельзя совершать соитие, а именно: первый и последний дни лунного месяца, дни начала первой и третьей четверти луны, полнолуние, шесть дней шестидесятеричного цикла под знаком дин /4-й, 14-й, 24-й, 34-й, 44-й, 54-й/ и шесть дней под знаком бин /3-й, 13-й, 23-й, 33-й, 43-й, 53-й/, дни разрушения (по)[23], двадцать восьмой день лунного месяца, дни лунного затмения и когда дует сильный ветер, идет ливень, происходит землетрясение, гремит гром, сверкает молния, стоит сильный холод или сильная жара, в дни наступления весны, осени, зимы и лета, в течение пяти дней свадебного ритуала. Особенно важно соблюдать эти запреты и избегать соединения инь и ян в год, совпадающий по знаку с годом рождения. Кроме того, соитие противопоказано в дни бин-цзы /13-й/ и дин-чоу /14-й/ после зимнего солнцестояния и дни гэн-шэнь /57-й/ и синь-ю /58-й/ после летнего солнцестояния, а также после мытья головы, в состоянии усталости после далекого путешествия и при сильной радости или сильном гневе. Когда в пожилые годы сила мужа слабеет, следует строго придерживаться этих запретов и не допускать безрассудного излияния семени».

Чистая дева утверждала: «В шестнадцатый день пятой луны происходит соединение женской и мужской сущности неба и земли. В этот день нельзя совершать

соитие. И если нарушишь запрет, то не пройдет и трех лет, как поплатишься смертью. Откуда можно узнать, что следует соблюдать сей запрет. Возьми один чи /23—30 см/ нового холста и вечером накануне указанного дня повесь его на восточную стену, и если утром следующего дня посмотришь на него и увидишь, что он стал кровавого цвета, значит, следует соблюдать запрет». (/Комментарий:/ «Учитель Проникший-в-таинственную-тьму» («Дунсюань-цзы».)

Избранная дева спросила: «А что за болезнь возникает от связи с бесами?» Отвечал Пэн-цзу: «Если возникают сильные чувства, а соединение инь и ян не происходит, то бесовские чары могут принять форму возлюбленной и вступить в связь. И бывает, что такая связь овладевает человеком на долгое время, так что рассудок его мутится. Он умалчивает об этом, становится скрытным, не желая никому рассказывать, и считает, что у него все нормально. А в результате он умирает в одиночестве, и никто не может разгадать причину смерти. Существует следующий способ лечения данной болезни. Женщина и мужчина совокупляются, и мужчина в течение суток производит соитие, не выбрасывая семени, до полного утомления. В результате меньше чем через семь дней болезнь проходит. Если же человек слаб телом и не может активно совершать акт в течение долгого времени, то он должен лишь ввести глубоко член, не совершая движений, что также приведет к улучшению состояния. Если же болезнь не лечить, то не пройдет нескольких лет, как больной умрет. Если сам хочешь проверить подлинность этих утверждений, то можешь весной или осенью отправиться в дикие горы, расположиться между горой и большим водоемом, не произнося ни слова; нужно только смотреть вдаль и постараться сосредоточить все свои мысли на желании соединения инь и ян. Через три дня и три ночи весь организм охватит сильная лихорадка, в сердце возникнет томительное ощущение, глаза затуманятся, и женщине привидится мужчина, а мужчина увидит женщину. И если совершить соитие с этим прекрасным существом, оно овладеет тобой, в результате чего возникнет трудноизлечимая болезнь. У старых дев и старых холостяков дыхание-ци становится ненормальным, так как они нарушают свой долг перед последующими поколениями, и потому у них может возникнуть подобная болезнь. Если болезнь появляется у девушки из знатной семьи, так что нельзя ее лечить посредством половой связи с мужчиной, то надлежит прибегнуть к следующему методу. Берется каменная сера в количестве нескольких лянов и зажигается таким образом, чтобы снизу окурить половые органы девушки и все тело. Кроме того, следует принять аптечную ложку порошка из оленьих рогов. В результате такого лечения болезнь проходит». (/Комментарий:/ «Тайные предписания для нефритовых покоев».)

Когда видишь, что бесы льют слезы, покидая организм, тут же следует дать больному одну аптечную ложку порошка из оленьих рогов. Лекарство принимается три раза в день в зависимости от улучшения состояния».

Молвила Избранная дева: «Я уже послушала о том, как происходит соитие, а теперь хочу осведомиться, каким образом принимаются лекарственные средства и какой эффект они дают?» Отвечал Пэнцзу: «Самое лучшее средство, которое делает человека сильным, отдаляет старость, дает ему способность совершать соитие, не утомляя и не повреждая дыхание и силу, сохраняет неувядающий цвет лица,— это оленьи рога.

Лекарство из них приготавливается следующим образом. Нужно взять оленьи рога и наскоблить из них десять лянов /140—200 г./ порошка. Из них тут же берется восемь цзюэ /ок. 4 г./ и смешивается с одним свежим плодом аконита (Aconitum carmichaeli). Лекарство принимается внутрь по одной аптечной ложке три раза в день. Для большей эффективности можно разогреть олений рог на огне так, чтобы он приобрел желтоватый оттенок. В этом случае он принимается отдельно и отдаляет старость, замедляя процессы дряхления. Применение аконита в течение двадцати дней дает значительный эффект. Также в этом случае можно применять гриб-трутовик (Porya cocos) с западной вершины Луншаньских гор, который следует раздробить в равной пропорции и просеять через сито. Принимается по одной аптечной ложке три раза в день. Это лекарство позволяет до глубокой старости сохранять способность к половой жизни». (/Комментарий:/ «Рецепты /ценой в/ тысячу золотых»).

Чистая дева отвечала на вопрос Желтого императора: «Бывает, что в двадцать восемь-двадцать девять лет женщина чувствует себя так же, как в двадцать три-двадцать четыре года, когда иньская пневма (ци) у нее находится в состоянии расцвета и в результате страстно жаждет соития с мужчиной, но не имеет такой возможности. Она отказывается от пищи и питья, не различая их вкуса, все ее пульсы приходят в движение, и во всем теле по каналам движется семя-цзин, в результате чего оно обильно выделяется, пачкая нижнее белье. Это значит, что во влагалище у женщины имеются насекомые, по виду похожие на конский волос, длиной в три фэня /7—9 мм/. Если у насекомых красные головки, то процесс протекает скрытно, а если головки черные, то выделяется пенистая жидкость.

Существует следующий способ лечения данного заболевания. Из муки делается нефритовый стебель произвольной длины и величины, который следует до половины намочить в соевом соусе, обернуть ватой и засунуть во влагалище. Насекомые начнут появляться снаружи и исчезать обратно. Их должен извлекать врач. Их количество может составлять от тридцати до двадцати штук».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Путь соединения инь и ян.— Имеются в виду правила совершения соития между мужчиной и женщиной. Инь и ян — это базовые классификационные категории традиционного китайского мировоззрения, которые употребляются для функционального описания любого процесса и помогают индивиду построить стратегию (путь) собственного поведения в ситуации. Инь соответствует земле, а основная ее функциональная характеристика — это податливость, мягкость, тогда как ян соотносится с небом, функциональной характеристикой которого являются упругость, твердость. При выборе траектории поведения индивид, описывая внешнюю ситуацию как иньскую, обязательно должен противопоставить ей внутреннюю янскую реакцию, что в свою очередь приводит к соответственному изменению ситуации и требует от индивида следующей адекватной реакции. Категоризация по иньскому и янскому признакам является универсальной в традиционном китайском мировоззрении, и отношения между полами описываются аналогичным образом. Половые органы являются крайним выражением инь в человеке, но при этом мужчина является выражением ян, а женщина выражением инь, что определяет их поведение во время акта и предписывает функциональные проявления каждому из партнеров, требуя в идеале совершенного воплощения ян для мужчины и инь для женщины, что является высшей целью не только для «искусства внутренних покоев», но и для всех путей самосовершенствования человека в китайской традиции.

[2] Пять вкусов.— Кислый, горький, сладкий, острый и соленый вкусы, соответствующие пяти стихиям, то есть дереву, огню, почве, металлу и воде. В человеческом организме их воплощениями являются пять основных внутренних органов-цзан или органов-сокровищниц — печень, сердце, селезенка, легкие, почки. При гармоничном взаимодействии органов-цзан в организме человек здоров, когда же гармония утрачивается, и одна из стихий начинает преобладать, то нарушается общий порядок и возникают различные заболевания. Таким образом, преобладание кислого вредит печени, горького — сердцу, сладкого — селезенке, острого — легким, соленого — почкам.

[3] Семя-цзин.— В человеческом организме семя-цзин является самой тонкой из материальных субстанций. Каждый из пяти органов-цзан вырабатывает свое семя-цзин, а почки концентрируют в себе семя всех остальных органов, и таким образом семя почек является источником рождения. Недостаток семени в любом из органов ведет к нарушению функций данного органа, так, например, печень управляет глазами, если же семени печени недостаточно, зрение ухудшается. Когда недостаточно семени почек, ослабевает весь организм, и при этом ухудшается слух, так как почки управляют ушами. Поэтому во всех традиционных китайских практиках считается необходимым удерживать семя в организме и накапливать его, так как, преобразуясь, оно превращается в костный мозг, являющийся одним из источников продления жизни человека.

[4] Дух-шэнь.— Наряду с дыханием-ци и семенем-цзин дух-шэнь является одной из трех драгоцен-

ностей человеческого организма. В организме насчитывается пять основных духов-шэнь. Сам дух-шэнь, являясь родовым термином для всех пяти проявлений, соотносится в первую очередь с сердцем, подобно тому как семя-цзин соотносится с почками, а дыхание-ци с легкими.

5 Дыхание-ци.— Согласно традиционной китайской медицине, дыхание-ци — это основной носитель жизненной силы в организме, который ассоциируется в первую очередь с легкими, так как именно они способны контролировать его циркуляцию в организме. Дыхание-ци циркулирует с течением времени по каналам и меридианам организма, и беспрепятственная циркуляция является как признаком, так и основой здорового состояния организма.

6 Усиливать.— Это один из основных терминов китайской традиционной организмики, который противопоставляется опорожнению-се, и связан с синдромами пустоты и наполненности, недостаточности и избыточности. Может трактоваться в некоторых контекстах как тонизирование.

7 Удаляешь из организма старое, удерживая новое. Цюй гу на синь. Имеются в виду практики и упражнения, связанные с дыхательными циклами, задержками дыхания и увеличением длительности вдоха и выдоха. Одно из самых ранних упоминаний данного термина встречается в трактате «Чжуан-цзы».

8 Нефритовый стебель.— Имеется в виду половой член.

9 Руководство и натяжение.— Дао инь. Традиционные практики, связанные с движениями растягивания и сжатия, которые сопровождались специальными приемами дыхания и были направлены на достижение здоровья и продление жизни.

10 Возвращение семени.— Хуань цзин. Возвращение семени ведет к восполнению костного мозга и продлению жизни, что в конечном счете и является основной целью практик внутренних покоев.

11 Три дыхания-ци.— В данном случае имеется в виду собственно дыхание-ци, деятельность сердца, как проявление духа-шэнь, и эмоциональная активность, как проявление семени-цзин.

12 Духовный свет.— Шэнь-мин. Указывает на такое состояние духа, при котором функции духа и семени соединяются, то есть сердце и почки в организме начинают действовать в согласии и единстве, а янская духовная субстанция шэнь обладает качествами иньской духовной субстанции лин.

13 Два дыхания-ци соединяются в контакте.— Имеется в виду достижение действительного контакта дыханий-ци мужчины и женщины.

14 Пять постоянств.— У чан — это одна из фундаментальных категорий традиционной китайской идеологии, включает в себя способность к контакту-жэнь, способность к осознанию и способность к соблюдению норм-ли, способность к вере-синь и способность к восприятию знания-чжи. Эти пять постоянств являются основными столпами морали в обществе и проявляют гармонию действия пяти стихий в социуме.

15 Удерживая жидкость во рту.— В данном случае может иметься в виду чисто технический прием, связанный с задержкой дыхания и концентрацией усилия в области основания языка, что препятствует семяизвержению во время оргазма.

[16] Семь пагуб.— В дальнейшем в тексте подробно описываются эти семь пагуб ци-сунь. Кроме того, в традиционной китайской медицине эти семь пагуб могут ассоциироваться с семью основными эмоциями, а именно: радостью, раздражением, угнетенностью, задумчивостью, печалью, страхом, тревожностью.

[17] Восемь польз.— В дальнейшем в тексте подробно описываются эти восемь польз.

[18] Подлинное дыхание-ци.— Чжэнь ци. Имеется в виду способность организма не отклоняться от дао-пути, которая противопоставляется искривленному дыханию-ци, ведущему к возникновению заболеваний.

[19] Красная палата.— Имеется в виду влагалище.

[20] Струны цитры.— Имеются в виду малые половые губы.

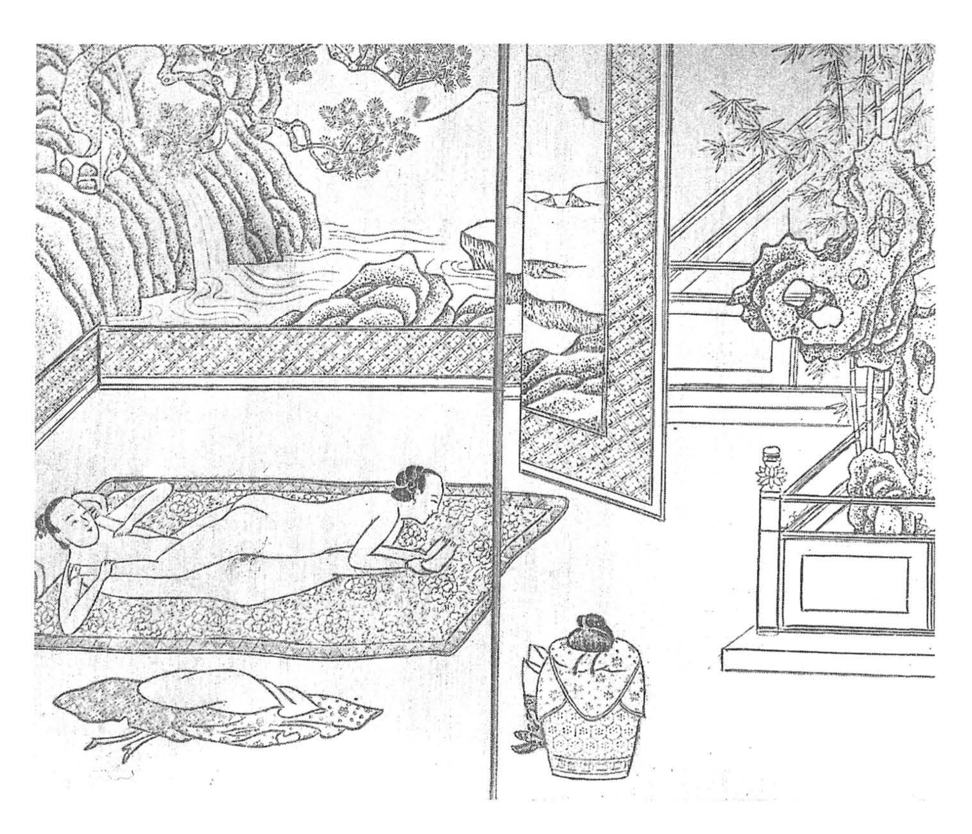
[21] Куньлуньский камень.— Имеются в виду женские половые органы.

[22] Красная жемчужина.— Имеется в виду головка полового члена.

[23] Дни разрушения-по.— Один из дней традиционного цикла в китайской астрологии, когда были противопоказаны любые значительные действия.

Перевод и примечания Б. Б. Виногродского.

中國民情

53. Су Во и У Саньсы практикуются в искусстве «внутренних покоев».

ТАЙНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ ДЛЯ НЕФРИТОВЫХ ПОКОЕВ

(ЮЙ ФАН БИ ЦЗЮЭ)

Учитель Разливающаяся Гармония (Чун Хэ) сказал: «/Сочетание/ одного женского /начала/ (инь) и одного мужского /начала/ (ян) называется естественным порядком вещей (дао). Соединение семени и зарождение жизни [1] предстают его деятельным проявлением. Эти принципы вездесущи. Поэтому Желтый император [2] обращался с расспросами к Чистой деве, а Пэн Кэн [3] давал разъяснения иньским царям (ванам) [4]. Как хорошо, что /у них/ имелись /подобные/ устремления!»

Учитель Разливающаяся Гармония сказал: «Умеющий укреплять свое /начало/ ян да не позволит

женщине овладевать этим искусством, иначе ян не принесет /мужчине/ пользы, а может даже привести к болезни. Как говорится, одолжишь опасное оружие кому-нибудь — потом ни за что с ним не совладаешь».

Пэн-цзу сказал: «Если мужчина и впрямь хочет извлечь /для себя/ большую пользу, то лучше всего иметь дело с женщиной невежественной в /любовном/ искусстве (дао). Следует сближаться с девушками, цветом лица подобными ребенку. Немалый возраст — печаль женщины. Если девушка моложе 14—15 и старше 18—19 /лет/ (/комментарий:/ (по тексту должно быть — «старше 14—15 и моложе 18—19»), то она вся отдается /мужчине/ с великой /для него/ пользой. Возраст женщины, /с которой вступаешь в интимную связь/, не должен превышать 30 лет. Если же ей еще нет 30, но она уже рожала, то пользы от такой женщины быть не может. Об этих принципах (дао) поведал мне мой учитель, доживший до трех тысяч лет и сохранивший радость /жизни/. /Следуя этим правилам/, можно достичь бессмертия. Желающий посредством интимной близости добыть энергию (ци)[5] и укрепить здоровье (ян шэн)[6], не должен ограничиваться одной женщиной. Их следует иметь три, девять, одиннадцать и более. Чем больше, тем лучше. /Нужно/ впитывать семя[7] и направлять его в бурлящий источник[8]. /Если практиковать/ возвращение семени, то плоть и кожа станут приятны глазу, в теле /появится/ легкость, зрение прояснится, резко прибавится энергии и сил. Старик, способный покорить множество соперниц[9], подобен двадцатилетнему, а в молодые годы сил стократ больше.

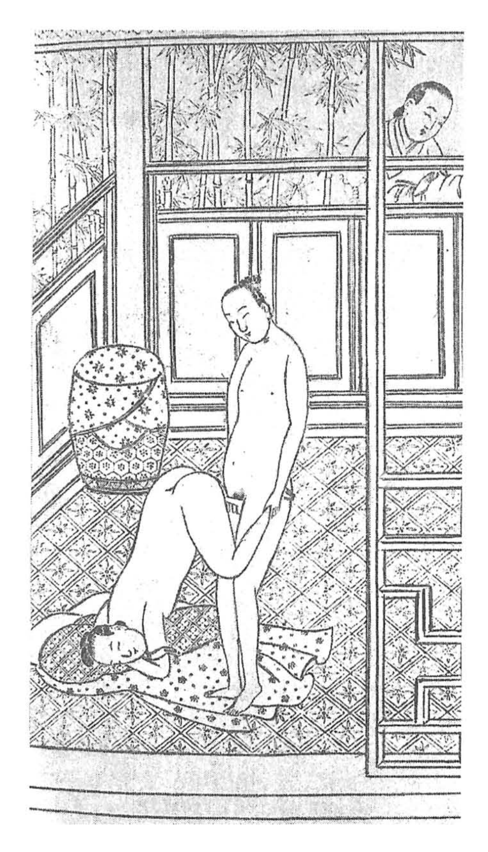
Ежели от соития с женщинами ищешь возбуждения /всех жизненных сил/, то женщин /необходимо/ менять. Если женщин менять, то можно достичь долголетия. /Те же, кто хочет/ ограничиться одной женщиной, /должны знать, что/ ее энергия инь истощается и польза /от такой женщины/ сответственно уменьшается».

Даос по имени Зеленый Буйвол[10] сказал: «Если постоянно менять женщин, то /для мужчины/ будет огромная польза. Лучше всего, если за одну ночь он сменит более десяти женщин. Если же все время совокупляться с одной и той же, то жизненная энергия (цзин ци) такой женщины /постепенно/ иссякнет, и она /в конце концов/ не сможет быть полезной для мужчины. Более того, и сама женщина окажется изможденной».

Учитель Разливающаяся Гармония сказал: «Укрепить можно не только мужскую силу (ян), то же относится и к женской силе (инь). Си-ван-му обрела путь /достижения бессмертия/[11], укрепив свою силу инь. Каждый раз, когда она соединялась с мужчиной, тот немедленно заболевал, но ее лицо оставалось гладким и лоснящимся и не нуждалось в припудривании. Она регулярно питалась молоком и играла на пятиструнной цитре[12]. Поэтому сердце ее было умиротворенным, а мысли — сосредоточенными, и не имела она никаких /посторонних/ желаний. У Си-ван-му не было мужа, она любила соединяться с юношами. /Этот секрет/ не следует раскрывать всем

остальным. Какая необходимость подражать Си-ван-му? [13]

Соединяясь с мужчиной, /женщине/ необходимо иметь спокойствие в сердце и твердость в мыслях. Если мужчина еще не достиг высшей радости [14], /а женщина уже чувствует ее приближение/, то ей нужно умерить свой пыл. Ради гармонии с ним она прекращает всякие движения, чтобы не расточать преждевременно свое семя инь (инь цзин). Если же ее семя инь иссякнет /в результате оргазма/ [15], она будет чувствовать себя истощенной, что способствует простудным заболеваниям. Если же женщина узнает, что ее мужчина соединяется с другими женщинами, это /обычно/ вызывает у нее ревность /или/ тоску, и ее женская энергия (инь ци) перевозбуждается. И сидя, и стоя, она будет испытывать боли, /из влагалища/ будет самопроизвольно сочиться жидкость (цзин е). Все эти ощущения иссушают и старят /женщину/. Поэтому их необходимо остерегаться.

54. Су Во посвящает юную У Саньсы в восторги любви.

Если /женщина/ знает секрет (дао) укрепления своей силы инь и приведения в гармонию двух энергий /инь и ян/, то она может превратиться в мужчину. /Но пусть/ даже она и не превратится в мужчину [16], /все равно/ выделения ее влагалища вновь растекутся по всем сосудам /ее собственного тела/, и таким образом она сможет укрепить свою инь при помощи /мужского/ ян, уйдут сто болезней, улучшится цвет лица и гладкой станет кожа [17]. /Тем самым она продлит себе жизнь и не будет стариться, выглядя молоденькой девушкой. /Женщина/, узнавшая этот секрет, может посредством постоян-

ных совокуплений обходиться девять дней без пищи, не чувствуя голода. Даже тот, кто, будучи больным, совокупляется со злыми духами, может не есть, хотя и будет страдать от боли; так что же говорить о тех, кто совокупляется с людьми[18].

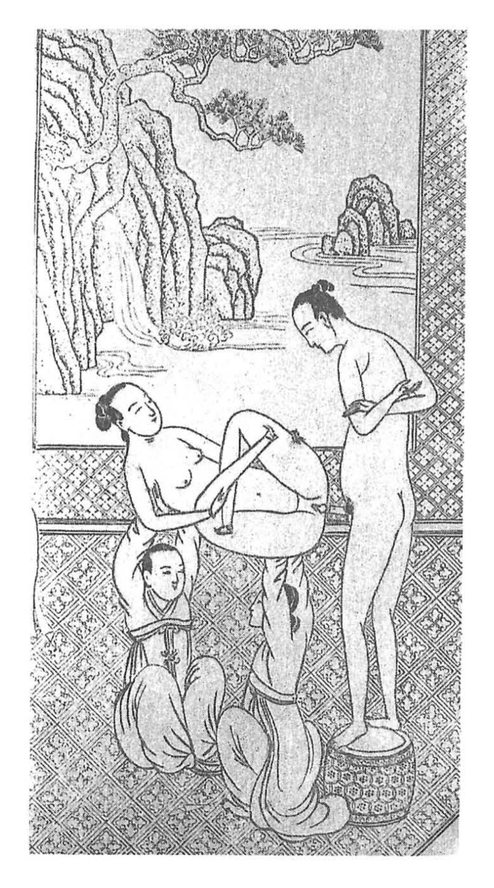
В двадцать лет обычно извергают семя (ши) раз в два дня, в тридцать — раз в три дня, в сорок — раз в четыре дня, в пятьдесят — раз в пять дней. После шестидесяти /семя/ уходит, но не восстанавливается...»

Учитель Разливающаяся Гармония сказал: «Излишек страстей и чрезмерные желания непременно повлекут за собой болезни, что выяснится уже во время совокупления. Однако такого рода болезни можно вылечить посредством совокупления же, подобно тому, как похмелье лечится вином[19].

Совокупление с закрытыми (/комментарий:/ в оригинале на полях исправление — «открытыми») глазами и разглядывание форм тела /партнера, а затем/ чтение книг ночью при зажженном светильнике ведут к потере зрения и ослаблению чувств. Способ лечения — интимная близость ночью с закрытыми глазами.

/Способ/ совокупления, при котором соперницу кладут на живот и, поддерживая ее за талию, входят в нее сзади, ведет к ломоте в пояснице, натужности в животе, усталости в ногах, искривлению спины. Способ лечения — перевернуться и забавляться, вытянувшись всем телом.

Совокупление лежа на боку, когда соперницу обнимают обеими руками, ведет к закупорке /сосудов/, болям в боку. Способ лече-

55. «Нефритовый стебель» стучится в дверь.

ния — забавляться, улегшись прямо.

Совокупление с низко опущенной головой и вытянутой шеей ведет к головной боли и сильной тяжести в шее. Способ лечения — держать голову прямо и не опускать, упершись ею в лоб соперницы.

Совокупление, когда одновременно наедаются, называется полуночной трапезой. Энергия не расходуется. Забавы такого рода ведут к накоплению энергии в груди, в подреберье дергает, грудную клетку распирает, аппетит пропадает, сердце проваливается, и возникает ощущение сдавленности, подступает тошнота, /лицо/ желтеет. Вся энергия желудка концентрируется /в одном месте/, сосуды лопаются, а кровь скапливается в подреберье, вызывая сильную боль. Лицо принимает злобное выражение. Способ лечения — совокупление после полуночи, ближе к утру.

56. Союз инь и ян.

Совокупление, когда напиваются, называется оргией. Забавы в таком состоянии ведут к крайнему напряжению сил, заканчиваются желтухой и болями в боку. Энергия для совокупления есть, но когда к нему приступают, набухает селезенка, становясь похожей на бурдюк, наполненный водой... нарастает тяжесть в руках и плечах, в спине и груди возникает боль, начинается кашель с кровью... Способ лечения — не пить больше вина, стараться совокупляться ближе к утру и не спеша.

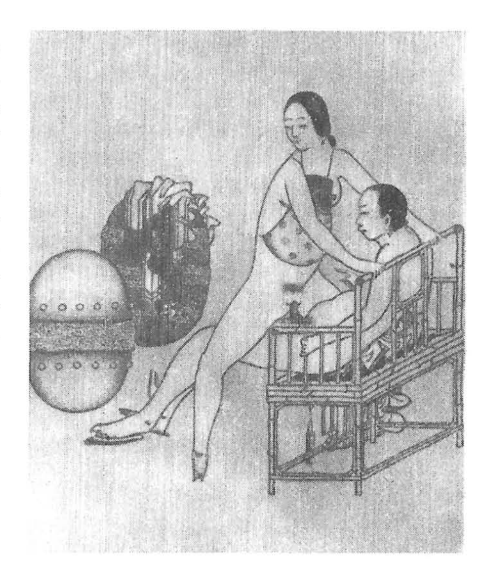
Совокупление, когда подавляется позыв к мочеиспусканию, ведет к уменьшению влагообмена, ощущению напряженности в животе, затруднениям при отделении

мочи, жжению в половом члене. Часто возникает желание тронуть его руками... Способ лечения — прежде всего справить малую нужду, затем вернуться и улечься как следует. Слегка подкрепившись, сразу начать забавляться.

Совокупление, когда подавляется позыв к испражнению, /вызывает/ болезненные ощущения и затруднения при дефекации, /ведущие, в свою очередь,/ к утрате гигиеничности и нагноениям. Поры увеличиваются, становясь похожими на пчелиные норы. Верхняя часть туловища искривляется. Несвоевременная дефекация вызывает боли. Даже лежа не отдыхаешь. Способ лечения — встать до первых петухов, сменить одежду и снова улечься. Позабавившись, прийти в себя и придать мыслям гладкое течение. Болезнь уйдет, дух просветлеет. Этот способ хорош и от женских болезней.

Совокупление, когда чрезмерно вспотел, подобно[20]... Начинается простуда, семя (цзин) становится безжизненным, а /поток/ энергии (ци) затормаживается. Если простуда входит в тело, появляются вялость, слабость, которые распространяются по конечностям, но не поднимаются к голове. Способ лечения —...[21]

У-цзы Ду сказал: «Существует способ улучшить зрение. Когда мужчина /чувствует, что/ вот-вот извергнется семя, он должен поднять голову, глубоко вдохнуть и задержать дыхание, вращая глазами налево и направо. Напрягая живот, он должен возвратить семя и заставить его распространиться по всем сосудам.

57. «Журавли сплетаются шеями».

Существует способ избавиться от глухоты. Когда семя вот-вот должно извергнуться, следует сделать глубокий вдох, сжать зубы и задержать дыхание (ци) до звона в ушах. Затем напрячь живот и резко выдохнуть. Это укрепляет /организм/ и до старости избавляет от глухоты.

Существует способ привести в порядок пять внутренних /органов/[22], наладить пищеварение, исцелить сто болезней. Находясь на грани семяизвержения, следует расправить живот и мысленно сосредоточиться на внутреннем дыхании. Напрягши живот, можно заставить семя вернуться и растечься по всем сосудам. /Посредством/ девяти мелких и одного глубокого /толчков/ проникают между струнами цитры и пшеничной зубчаткой[23]. Существует способ, посредством которого благотворная энергия возвращается, а зловредная рассеивается, избавляя от болей в пояснице и спине...

В интимной близости самое драгоценное — это семенная жидкость. Если /мужчина/ способен сохранить свое естество (син), он сбережет са́му свою жизнь. При каждом семяизвержении утрата семени /должна возмещаться за счет/ поглощения женской энергии. /Сохранение семени достигается посредством/ передышки, равной по времени каждой серии из девяти толчков или же посредством нажатия /пальцами/ левой руки на точку у основания полового члена. Тогда семя возвращается. Поглощение /женской энергии/ достигается чередованием девяти мелких толчков и одного глубокого. Захватив своим ртом рот соперницы, следует вобрать в себя ее дыхание и пить ее слюну... Она попадает в живот и способствует /тому, что/ энергия инь становится силой инь[24]. Проделав это трижды, следует опять перейти к поверхностным толчкам, перемежая каждые девять поверхностных одним глубоким, пока общее их число не составит 81, т. е. девять раз по девять — полный ян.

Нефритовый стебель выводят напряженным, а вводят размягченным. Это называется мягким входом и твердым уходом. Место соединения инь и ян находится между струнами цитры и пшеничной зубчаткой. Истощение[25] ян заключено под камнем потомства[26]. Истощение инь заключено в пшеничной зубчатке.

Поверхностным /толчком/ получают энергию, далеко проникающим — ее отдают. Если сразу дойти до хлебного (гу) /плода/, это повредит печени, будет в избытке выступать пот и отделяться моча. Если истечь семенем в пахучей мыши[27], то это повредит легким. Подымется кашель, возникнут боли в пояснице. Если дойти до камня потомства, то это повредит селезенке. В животе появится дурной запах, начнется ломота в бедрах. Из камня потомства вылезут сто болезней. Поэтому-то совокупление должно быть своевременным и не заходить слишком далеко».

Желтый император спросил: «Ну, а если все же нарушишь эти запреты, то как излечиться?» Цзы Ду ответил: «Лечить следует опять-таки с помощью женщины. Существует такой способ: женщине велят лечь ровно с вытянутыми ногами, разведя их на 9 цуней[28]. Муж-

чина, прежде чем войти в нее, долго впитывает нефритовую влагу, забавляется с бурлящим источником[29] и лишь затем проникает внутрь. Нефритовый стебель придерживают рукой, чтобы окоротить его и дойти как раз до места соединения струн цитры и пшеничной зубчатки. Соперница возбуждается, и надо сдерживать себя, чтобы не извергнуть семя. Только после /продолжительной/ передышки в тридцать вдохов можно позволить /нефритовому стеблю/ стать совсем крепким и /начать/ забавляться внутри и лишь затем разрешить дойти до камня потомства, где и наступает высшее блаженство. Тогда нужно сразу вынуть /нефритовый стебель/ и немного передохнуть. Когда /он/ слегка ослабеет, следует снова войти. Это и называется мягким входом и твердым уходом. Не пройдет и десяти дней, как нефритовый стебель станет крепким, словно копье, и горячим, словно огонь, и сможет выдержать сто сражений.

Для интимной близости существуют семь запретов. Запрет первый — последний день лунного месяца, дни полнолуния и полулуния. Соединение инь и ян ведет к потере энергии. Ребенок, зачатый /в это время/, подвергнется пытке и будет изувечен. Всячески следует остерегаться /совокуплений в эти дни/.

Запрет второй — гром, ветер и гроза. Соединение инь и ян ведет к /чрезмерной/ пульсации кровеносных сосудов, а ребенок, зачатый /в это время/, непременно будет страдать от гнойных нарывов.

Запрет третий — состояние опьянения и полный желудок. В этом случае нет движения энергии. Соединение инь и ян ведет к бурлению в животе, гонорее, а ребенок, зачатый /в это время/, непременно будет сумасшедшим.

Запрет четвертый — сразу после мочеиспускания. Семя и энергия застывают. Соединение инь и ян ведет к закупорке сосудов. Ребенок, зачатый /в это время/, непременно станет оборотнем.

Запрет пятый — усталость от работы или тяжелой ноши. Страсть и энергия в возбуждении. Соединение инь и ян ведет к ломоте в пояснице и болям в мышцах. Ребенок, зачатый /в это время/, непременно будет хилым и увечным.

Запрет шестой — сразу после купания, когда волосы и кожа еще не обсохли. Соединение инь и ян ведет к оскудению энергии. Ребенок, зачатый /в это время/, непременно будет неполноценным.

Запрет седьмой — воинственное настроение, разгневанность. Сосуды стебля ноют. Нужно совокупиться, /но в таком состоянии/ соития не получится. /Произойдет/ повреждение внутренностей, и возникнет болезнь. /Все/, подобное этому, и есть семь зол.

Страдающий глухотой зачат на закате дня 12-го лунного месяца. В такие вечера сто чертей встречаются вместе и до полуночи не знают покоя. Благородные люди воздержатся /от интимной близости/ в это время, низкие же люди бездумно совокупляются, а их дети непременно будут глухими.

Умерший от ран — дитя солнца и огня. Если ребенок зачат при зажженном светильнике, он непременно умрет от ран в людном месте.

Сумасшедший зачат в грозу. В четвертом-пятом лунном месяце, в период больших дождей и раскатов грома, благородные люди воздерживаются /от интимной близости/, низкие же люди бездумно совокупляются, а затем рожают детей, которые непременно станут сумасшедшими.

Съеденный хищниками — дитя чревоугодия. Почтительный сын одевается скромно и не ест мяса. Благородные люди изнуряют себя /в посте/, низкие же люди совокупляются, а затем рожают детей, которых непременно пожрут дикие звери.

Утопленник — /это тот/, родители которого положили плаценту /своего новорожденного/ в медный сосуд, прикрыли сверху другим медным сосудом и зарыли все это на теневой стороне дома на глубине в семь чи.

Ребенок, зачатый в большой ветер, будет очень болезненным; зачатый при громе и молнии — будет безумным; зачатый в сильном опьянении — непременно родится слабоумным; зачатый усталым от работы — непременно умрет в молодости; зачатый во время месячных — погибнет в бою; зачатый в сумерках будет изменчив /характером/; глубокой ночью [30] — /если/ не немым, то глухим; на закате дня — косноязычным; зачатый в полдень будет страдать бешенством; зачатый к вечеру — сам себя ранит» [31].

Пэн-цзу сказал: «Для того чтобы обзавестись детьми, следует накапливать и питать семя и не извергать его слишком часто. Если мужчина извергнет семя при совокуплении с супругой на третий или пятый день после прекращения менструации, совершится зачатие. Если это будет мальчик, он будет мудрым и талантливым, проживет долгую жизнь, достигнет высокого положения. Если же родится девочка, она будет целомудренной и разумной и выйдет замуж за благородного человека.

Интимная близость на рассвете полезна для организма и удобна. /В это время/ семя светлое, а польза /от совокупления/ продолжительна. Если /в это время/ будет зачат ребенок, он будет богатым и знатным, проживет долгую жизнь.

Если мужчина обзаводится детьми после того, как ему исполнилось сто лет, то многие из них не будут отличаться долголетием. Мужчина в возрасте 80 лет может иметь сношения с женщиной 15—18 лет и зачать детей. Если не нарушены запреты, то все /дети/ доживут до преклонного возраста. У женщины 50 лет должен быть молодой муж, тогда она сможет зачать.

Если беременная на третьем месяце в 25-й /день/ (у-цзы) возьмет мужскую шапку, сожжет ее, пепел размешает в вине и все это выпьет, то родившийся ребенок будет богатым, знатным и талантливым. Храните это в тайне, храните в тайне.

Если женщина бесплодна, следует попросить ее взять в левую руку 27 бобовых зерен, а правой рукой, поддерживая головку мужского члена, ввести его себе в лоно. Затем бобы из левой руки следует положить в рот. Женщина сама следит за движениями члена. Когда она почувствует, что семя устремляется вниз, она должна прогло-

тить бобы. /Это/ очень эффективный /способ/. На десять тысяч раз — ни одной осечки. Женщина, почувствовав сама, как выходит мужское семя, не должна терять времени».

Учитель Разливающаяся Гармония сказал: «Как прекрасен характер женщины кроткой и послушной, целомудренной и осторожной! А если мужчина /вдобавок/ может /найти женщину/ нормального телосложения, надлежащего роста, то не напрасен будет его выбор, радующий сердце и глаз. Вот и польза будет велика, и годы будут длиться долго.

Если много мужского семени, то родится мальчик; если много женского, то девочка. Мужское семя — это костяк, женское — плоть. Для совокупления следует подбирать женщин молодых, с неразвитой грудью, хорошо сложенных и упитанных, с шелковистыми волосами и маленькими глазами, /в которых/ хорошо различимы белок и зрачок. Ее лицо и тело должны быть гладкими, а речь — благозвучной и негромкой. Ее конечности и все суставы не должны быть чересчур заплывшими[32]; она не должна быть широка в кости; желательно, чтобы у нее в паху и подмышками не было волос; если же волосы есть, то они должны быть тонкими и гладкими.

Внешние признаки не подходящей /для совокупления/ женщины таковы: растрепанные волосы, грубое лицо, длинная шея и выпирающий кадык, неровные зубы (май чи)[33] и низкий голос, большой рот и длинный нос, мутные глаза, длинные волосы на верхней губе и бакенбарды на щеках, широкие и выпирающие кости, желтоватые волосы и худоба, длинные и жесткие волосы в паху, чрезмерная образованность и безжизненность[34]. Половые сношения с такими женщинами лишают мужчину сил и здоровья.

Не следует совокупляться с женщинами с грубой кожей, худощавыми, имеющими склонность к мужчинам низкого происхождения[35], обладающими низким голосом; с теми, у кого на ногах растут волосы; с ревнивыми, фригидными, грустными и недобрыми, плотно наевшимися женщинами; с теми, кому более сорока лет и у кого внутренние органы не в порядке; с теми, у кого непослушные волосы и холодное тело; с имеющими тяжелую и крепкую кость; с теми, у кого вьются волосы и выпирает кадык, у кого плохой запах подмышками и чрезмерные выделения из влагалища».

Учитель Разливающаяся Гармония сказал: «В «/Каноне/ перемен» («И /цзин/») говорится: «Небо, испуская символы (сян), делает зримыми счастье и несчастье, а совершенномудрые подражают (сян) этому»[36]. В «/Записках/ о ритуале» («Ли /цзи/») говорится, что «зачать ребенка в грозу, во время раскатов грома, будет неосторожностью, поскольку непременно случится несчастье»[37]. Таким образом совершенномудрые предупреждали /нас/, и /нам/ нельзя не остерегаться. Если в небе заметны перемены, а на земле происходят бедствия, как может человек, находящийся меж небом и землей, не преисполниться трепетом и благоговением /перед этими явлениями/? /Поэтому/ на интимную близость

/налагается/ особый запрет /в те дни, когда/ велики трепет и благоговение».

Пэн-цзу сказал: «/Самопроизвольно/ возникающие и исчезающие чувства нельзя не отринуть[38]. Следует избегать /заниматься любовью/ в большие морозы или в сильную жару, при сильном ветре или сплошном ливне, во время лунного или солнечного затмения, при землетрясении или в грозу; все это — запреты неба. /Не следует заниматься любовью/ пьяным или наевшимся, возбужденным или разгневанным, будучи в печали или в сильном страхе, все это — запреты человека. /Не следует заниматься любовью/ близ гор и потоков, около алтарей, предназначенных для поклонения духам неба и земли, в других святых местах, у колодца или очага; все это — запреты земли. Следует соблюдать эти три рода запретов. Нарушивший их будет подвержен болезням, а дети его наверняка долго не проживут[39].

Вредно возобновлять интимные отношения во время приема лекарств, при общем недомогании, пока не ушли разные болезни. Нельзя находиться в интимной близости в конце месяца /при наступлении новолуния/. Будет несчастье.

Нельзя вступать в интимные отношения в определенные посредством гадания[40] дни, а также в день запрета крови[41]. /Это/ вредно для людей».

Пэн-цзу сказал: «Если люди вследствие чрезмерной похотливости долго не живут, козни злых духов не обязательно тому причиной. Некоторые /женщины/ имеют привычку удовлетворять свою страсть, вводя /во влагалище/ мешочек[42] с мукой или же член, сделанный из слоновой кости. Все /эти средства/ крадут годы жизни, преждевременно старят /женщину/ и влекут ее скорую смерть.

Лечение атрофии члена, отсутствия эрекции, неполной эрекции. Эти недуги подобны отсутствию страсти. Энергии ян не хватает, и секреция семенников незначительна. Применяется следующее средство: бошнякия голая (Boschniakia glabra) и пять пряностей[43] (/комментарий:/ по два фэня)[44]; семена жгун-корня Моннье (Cnidium Monnieri) и повилики китайской (Cuscuta chinensis), понцирус раннего сбора (Poncirus trifoliata) (/комментарий:/ по четыре фэня).

Пять перечисленных компонентов растереть, просеять и принимать с вином по столовой ложке[45] три раза в день. Начальник области Шу[46] в возрасте свыше 70 лет смог /благодаря этому снадобью/ снова зачать ребенка.

Еще один рецепт: три фэня высушенного самца еще не спарившейся ночной бабочки, по три фэня копытня Зибольда (Asarum sieboldii) и семян жгун-корня. Размолов, просеять и слепить в таблетку, похожую на семечко /дерева/ утун. Принимать по одной перед совокуплением. Не прекращать /принимать/ и после восстановления эрекции. Мыть /член/ водой.

Средства для увеличения размеров члена:

Дикий перец (Xanthoxylum piperitum), копытень Зибольда, цистанхе солончаковая (Cistanche salsa). Взять всех трех лекарств по-

ровну. В просеянном виде поместить в желчный пузырь собаки и вывесить его на стену в жилом помещении. В течение 30 дней натирать половой член, /который должен/ вырасти на 1 цунь.

Способы лечения болезненности после дефлорации, а также постоянных запоров:

Солодка уральская (Glycyrrhiza uralensis) — 2 фэня, пион молочноцветковый (Paeonia lactiflora) — 2 фэня, молодой имбирь (Zingiber officinale) — 3 фэня, корица — 10 фэней (/комментарий:/ в разделе 21 (в «И синь фане».— **А. Д.**) приводится: коричное дерево — 1 фэнь) на 3 шэна[47] воды (/комментарий:/ в разделе 21 — 1 шэн). Довести три раза до кипения и выпить.

Способы лечения травм, которые наносит женщина мужчине, болезненных ощущений во время полового сношения и воспалений половых органов (/комментарий:/ в разделе 21 говорится также о желательности сокращения /сношений/ после уменьшения болей): нарезать половину шэна луба корневища тутовника, взять один лян[48] сухого имбиря, один лян корицы и 20 (/комментарий:/ в разделе 21 указано — 30) плодов Унаби (Zizyphus jujuba, var. inermis). Все это залить одним доу[49] вина и три раза довести до кипения. Принимать по одному шэну. Не допускать потоотделения, иначе можно простудиться. Можно кипятить и в воде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Хуа шэн».— Термин, бытующий в даосских и буддийских текстах и означающий «возникновение из небытия». В медицине это словосочетание переводится как «метаплазия» (превращение одной ткани в другую, отличную от первой по строению и функциям...). Я склонен думать, что здесь этот термин можно понимать в обыденном смысле, т. е. как зарождение жизни (дословно: превращение в живое). Начало текста представляет собой парафраз «Чжоу и» («Чжоуских перемен»), или «И цзина» («Канона перемен»): «Одна инь, один ян — это называется путем-дао», «мужчина и женщина связывают семя, и тьма вещей, видоизменяясь, рождается» («Си цы чжуань», I, 5, II, 5).

2 Хуан-ди (Желтый император) — мифический правитель древнего Китая (в середине III тысячелетия до н. э.), один из ключевых персонажей даосизма.

3 Мафусаил древнекитайской мифологии. В «Житиях бессмертных» Гэ Хуна говорится: «Пэн-цзу носил фамилию Цзянь, посмертное имя Кэн и был правнуком Чжуаньсюя. К концу династии Инь ему уже было от роду 767 лет, но он еще не одряхлел» (цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая.— М., 1987.— С. 282-283).

4 Правители династии Шан-Инь (XVI—XI вв. до н. э.).

5 Ван Гулик переводит термин «ци» словосочетанием «vital essence» («жизненная сущность»), что дополняет и без того обширный перечень переводов этого термина на европейские языки (см.: Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия.— М., 1983.— С. 163). Соглашаясь с философским обо-

снованием нового перевода этого термина, выражающего сложное «понятие динамической духовно-материальной жизненно-энергетической субстанции» (там же, с. 165), я перевожу здесь ци словом «энергия», поскольку, во-первых, это более понятно читателю, чем пневма, а главное потому, что для трактатов данного рода этот перевод представляется вполне адекватным.

6 «Ян шэн» ван Гулик переводит как питание жизни (nurturing life). Я выбираю русский эквивалент вслед за Д. Н. Воскресенским. См.: Д. Н. Воскресенский. Даосские мотивы в художественной прозе Китая // Народы Азии и Африки.—1975.—№ 4.—С. 107.

7 Сочетание «цзин е» (дословно: «семенная жидкость») в данном трактате далее часто употребляется в значении «выделения из влагалища при половом возбуждении». Здесь также возможно двоякое понимание: т. е. впитывание может относиться как к женскому семени, так и к мужскому. Грамматически вероятнее первый вариант.

8 Хун цюань.—Анатомическая идентификация затруднена. Здесь, возможно, это семенники, из которых возвращенное семя, согласно верованиям даосов, должно было подняться наверх и питать мозг.

9 Ди жэнь.—Дословно: враг. Подобные тексты часто описывают интимную близость как «сражение», что хорошо всем знакомо и по образчикам западной литературы. Китайская же особенность состоит в том, что «победа» (в сочинениях такого рода) принадлежит ему или ей в зависимости от того, кто сумеет при половом сношении добыть жизненную сущность партнера и пополнить ею свою собственную энергию (см.: R. H. van Gulik. Sexual Life in Ancient China, p. 157). В некоторых даосских сочинениях можно обнаружить элемент враждебности по отношению к противоположному полу, но это противоречит тому деликатному отношению, которое даосизм в целом проявляет к женщине.

10 А. Масперо идентифицирует даоса по имени Зеленый Буйвол (Цин-ню дао-ши) с жившим в III в. даосом по имени Фэн Хэн. См.: Maspero H. Procedes de « nourrir le principle vital » dans la religion taoiste ancienne // Journal Asiatique.—Vol. 229.—1937.—p. 395.

11 Интерпретация ван Гулика, исходящая из даосской трактовки популярного мифического образа Царицы западного рая (Си-ван-му).

12 Цинь.—Переводится как цитра или лютня, обозначая струнный музыкальный инструмент.

13 В переводе ван Гулика: «А не то другие женщины попробуют подражать царице» (van Gulik, Op. cit., p. 158). Надо понимать так, что поиски бессмертия теперь должны быть уделом исключительно мужчин.

14 Вэй чэн сю ци.—Дословно: Еще не накопил необходимой энергии.

15 Интерпретация ван Гулика.

16 У ван Гулика эта смысловая связка отсутствует. Ее можно понять и как «Если не совершится зачатие /мальчика/...». Не исключено, что речь здесь идет о внутренней алхимии.

17 У ван Гулика: окрепнут мышцы.

18 Последняя фраза у ван Гулика не переведена, по-видимому, потому, что смысл ее не совсем ясен.

19 Ван Гулик, переведя этот отрывок, пишет далее: «Затем следуют несколько фрагментов о различных болезнях, вызванных по-

ловым актом, совершенным в ненадлежащем физическом состоянии, и о том, как эти болезни можно вылечить посредством особых способов совокупления. Текст оригинала настолько испорчен, что перевод будет большей частью преисполнен догадками» (van Gulik. Op. cit., p. 146). Я осмелюсь все-таки сделать эти догадки, тем более что непреодолимых затруднений в переводе этого раздела не так уж много. Пропуски отдельных предложений обозначены далее многоточиями.

20 Смысл сравнения неясен.

21 Смысл неясен.

22 Сердце, печень, селезенка, легкие, почки.

23 А. Масперо, сверившись с другими источниками, внес некоторые анатомические уточнения. Женские половые органы до глубины в 2 см. называются «цинь сянь» («струны цитры», т. е. малые половые губы), а «май чи» (дословно: «пшеничный зуб», в принятом мною переводе А. И. Кобзева — «пшеничная зубчатка») означает, очевидно, преддверие влагалища. В других переводах «май чи» — это «пещера /в форме/ пшеничного зерна» — la Caverne dont la forme est celle de Froment; la Caverne en forme de Grain; Wheat shaped., и т. п. А. Масперо считает, что схожий с последним термин «гу ши» («хлебный плод») обозначает шейку матки. См.: H. Maspero. Op. cit., p. 284; van Gulik. Op. cit., p. 143; Id. La vie sexuelle dans la Chine ancienne.— Paris, 1971.— p. 168.

24 Чжу инь вэй инь ли.— Возможно, под силой инь здесь имеется в виду мужская потенция, крепость полового органа и т. п. Ван Гулик, очевидно, счел второй иероглиф «инь» ошибкой и перевел фразу как «превращение сущности инь в ян» (см.: van Gulik. Op. cit., p. 147).

25 Здесь употреблен иероглиф «кунь», обозначающий гексаграмму № 47 «И цзина» (в переводе Ю. К. Щуцкого — «Истощение»).

26 Кунь ши.— Смысл неясен. В переводе ван Гулика — «камень старшего брата», что еще более непонятно.

27 Чоу шу.— Смысл неясен и ван Гулику (van Gulik. Op. cit., p. 141).

28 Цунь = 1/10 чи — примерно для того времени 2,5—3 см.

29 Здесь «хун цюань» обозначает уже женские половые органы.

30 Жэнь-дин.— Время второй стражи (около 10 часов вечера).

31 Часть этого фрагмента переведена И. И. Соколовой. См.: Роль традиций в истории и культуре Китая.— М., 1972.— С. 133-134.

32 У ван Гулика противоположный смысл: кости не должны выпирать (van Gulik. Op. cit., p. 149).

33 Здесь словосочетание «май чи» имеет совершенно иной, чем прежде, более буквальный смысл. Ван Гулик понимает «пшеничные» как «неровные». Можно напомнить, что ровные зубы в китайской поэтической традиции — это «в тыкве рядком семена» («Шицзин». — М., 1957.— С. 72), и согласиться с таким переводом, хотя пшеничные зерна в колосе трудно все-таки рассматривать как неровные. Не исключено поэтому, что «пшеничными» могут называться желтые, мелкие либо острые зубы.

34 «Вэнь до ни шэн».— Ван Гулик не переводит это словосочетание, напоминающее идиоматическое выражение «синий чулок», видимо, потому, что оно резко выделяется из предшествующего «анатомического» ряда.

35 Чан цун гао цзю ся.— Перевод сомнителен.

[36] Цитируется комментирующая часть «Чжоу и»: «Си цы чжуань», I, 10.

[37] Цитируется глава 6 «Ли цзи» — «Юэ ли» («Помесячные указы»).

[38] Сяо си чжи цин бу кэ бу цю.— Ван Гулик счел, по-видимому, это выражение не совсем понятным и дал вольный его перевод: «Мужчине следует тщательно приспосабливать свою половую жизнь к взаимопотокам инь и ян во Вселенной: (van Gulik, Op. cit., p. 151). Во всяком случае, смысл этой фразы в истолковании ван Гулика раскрывается дальнейшим содержанием данного отрывка.

[39] Этот фрагмент на русский язык переводился Э. С. Стуловой. См.: «Из истории традиционной китайской идеологии».— М.,—1984. — С. 254.

[40] Согласно древней системе гадания цзянь-чу, 12 духов определяли счастливые и несчастливые дни месяца. Здесь дни, неблагоприятные для полового сношения, определяются первым (цзянь) и седьмым (по) духами. Это «день барана» (ему соответствует циклический знак «вэй») и «день коня» (знак «у»).

[41] День, когда запрещались жертвоприношения, убой скота, первая брачная ночь и т. д.

[42] Разъяснение ван Гулика.

[43] Традиционно: уксус, вино, мед, имбирь, соль, но, скорее всего, здесь у вэй означает лимонник /«у вэй цзы»/.

[44] Фэнь — мера веса, примерно равная 0,4 г.

[45] Ложка размером в квадратный цунь.

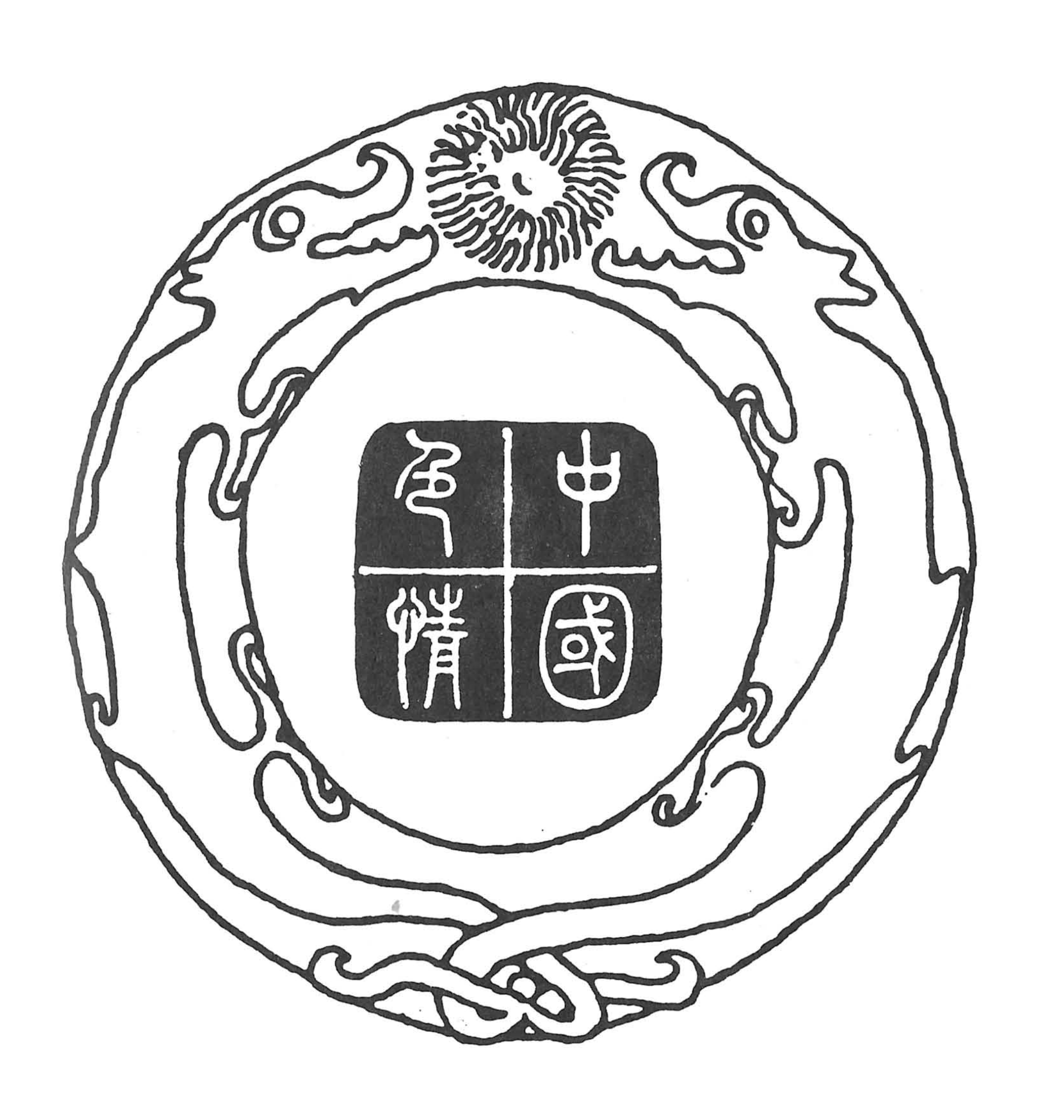
[46] III век, династия Хань.

[47] 1 шэн — базовая мера емкости, колебавшаяся в древности от 0,2 до 0,6 л.

[48] 1 лян — мера веса, колебавшаяся в древности от 14 до 37 г.

[49] 1 доу — мера емкости, равная 10 шэнам.

Перевод и примечания А. Д. Дикарева.

中國民情

58. Союз инь и ян в райских глубинах тыквы-горлянки.

ГЛАВНОЕ ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ ДЛЯ НЕФРИТОВЫХ ПОКОЕВ

(ЮЙ ФАН ЧЖИ ЯО)

Пэн-цзу сказал: «Желтый император имел сношения с тысячью двумястами женщинами и потому взошел в /обитель/ бессмертных. /Обыкновенные/ люди имеют /лишь/ одну женщину и потому губят свою жизнь. Разве не существует огромной разницы между теми, кто владеет /тайнами интимной близости/, и теми, кто невежествен /в этом вопросе/? Владеющие этим искусством (дао) беспокоятся лишь о том, что количество женщин, с которыми они вступают в интимные

отношения, невелико[1]. Эти женщины не обязательно должны обладать красивой и привлекательной внешностью. Следует подыскивать молодых, нерожавших и физически развитых[2]. Если иметь сношения с семью-восемью /такими женщинами/, то это будет весьма полезно». Пэн-цзу сказал: «/Секрет/ искусства совокупления — в неповторяемости его способов[3]. Однако /все же следует соблюдать определенные правила/: уступать /друг другу/; быть спокойным и не торопиться; крайне важно действовать в согласии. Следует ласкать киноварное поле[4] женщины, искать у нее во рту драгоценные каменья[5], глубоко вдавливать ее маленький самоцвет[6] с тем, чтобы высвободить ее энергию. /Вслед за этим/ появляются первые признаки того, что женщина начала ощущать /энергию/ ян. Ее уши становятся горячими, будто она выпила крепкого вина, соски ее набухают, и она начинает трогать их руками, шея ее беспрестанно подергивается, ноги приходят в движение, чувства обостряются[7], она внезапно стискивает мужчину в объятиях. Если в это время /половой член/ сжимается и проникает неглубоко (цянь чжи), то /процесс/ получения мужчиной энергии от женщины нарушается (ян дэ ци юй инь ю сунь). Теперь относительно секреции внутренних органов. Если положить на язык семена густоцветковой сосны[8], то /выделяющийся при этом/ так называемый нефритовый сок (юй цзян) позволяет воздерживаться от пищи. Если глотать слюну, обильно выделяющуюся во время совокупления, то это влечет расширение желудка, подобно тому как жидкое лекарство (тан яо) /?/ утоляет жажду и способствует выздоровлению. Если не давать энергии выходить из собственного организма /?/ (ни ци бянь ся), то кожа станет гладкой и блестящей, почти как у девушки. Только простые люди не способны понять /все это/. Избранная дева (Цай-нюй) сказала: «/Если/ не идти навстречу чувствам людей, /то/, вероятно, не испытаешь радости долголетия».

Даос Лю Цзин говорил, что всякий раз, намереваясь вступить в интимные отношения с женщиной, /мужчина/ должен не спеша вовлечь ее в ласковую любовную игру, привести ее желания в согласие со своими, пробудив ее чувства. Только по прошествии довольно длительного времени можно перейти непосредственно к половому сношению. /Член/ вводят, пока он еще окончательно не напрягся, выводят же, пока он ещё остается твердым. В промежутках между движениями внутрь и наружу /член/ должен оставаться ровным и неторопливым и не выступать слишком высоко. Не следует делать резких движений, поскольку это влечет расстройство внутренних органов и нарушение кровообращения, вследствие чего организм будет подвержен ста болезням. Во время соития не следует извергать семя. Если в течение суток мужчина способен совершить множество сношений без утраты семени, то все его хвори пройдут, а долголетие будет обеспечено.

Большую пользу приносят сношения со многими различными женщинами. Лучше всего в течение одной ночи заниматься любовью не менее чем с десятью женщинами.

В «Каноне бессмертных» («Сянь цзин») говорится, что существует

следующий способ возвращения семени и укрепления мозга. Когда /мужчина/ во время совокупления чувствует, что семя пришло в движение и вот-вот произойдет извержение, он должен быстро надавить указательным и средним пальцами левой руки на /точку/ между мошонкой и задним проходом, одновременно, делая глубокий вдох и скрежеща зубами. Не задерживая дыхания, повторить /эту процедуру/ не менее десяти раз. Тогда семя активизируется, но еще не начинает извергаться. /Вместо этого/ оно возвращается из нефритового стебля в мозг. Этому способу обучали друг друга бессмертные[9] и торжественно клялись на крови (инь сюэ вэй мэн), что не станут по своему усмотрению раскрывать другим /эту тайну/, чтобы /неопытные/[10] люди не нанесли себе вреда.

Если стремиться извлечь пользу из сношения с женщиной, то /следует в тот момент, когда/ семя придет в движение, резко поднять голову, вращая глазами вправо-влево и вверх-вниз, напрячь нижнюю часть живота и задержать дыхание. Тогда семя остановится само по себе. Не следует по своему усмотрению распространять /эту тайну/. Люди могут активизировать[11] /семя/ раз в день. Если /начать/ практиковать активизацию семени в 24 года, то можно дожить до ста или даже до двухсот лет, сохраняя моложавость и не страдая болезнями.

Средство для возбуждения страсти мужчин, благодаря которому за одну ночь можно без отдыха иметь сношения не менее чем с десятью /женщинами/:

Жгун-корень; истод тонколистный (Polygala japonica); ворсянка японская (Dipsacus japonicus)[12]; бошнякия голая. Четыре перечисленных компонента измельчить в равных долях. Принимать три раза в день по столовой ложке. Это лекарство принимал Цао-гун[13] и был в состоянии в течение одной ночи иметь дело с 70 женщинами.

Средство для увеличения размеров мужского члена:

Семена платикладуса (Platycladus orientalis) — 5 фэней; виноградовик[14] — 4 фэня, атрактилодес большеголовый — 7 фэней; корица (Cinnamomum cassia) — 3 фэня; аконит (Aconitum carmichaeli) — 2 фэня. Пять перечисленных компонентов измельчить, принимать по столовой ложке[15] после еды. /Член/ увеличивается между десятым и двадцатым днем /приема лекарства/.

Средство для уменьшения нефритовых врат:

Сера — 4 фэня; истод тонколистный — 2 фэня. Измельчить и в мешочке из тафты поместить в нефритовые врата. Есть еще одно сужающее средство: сера — 2 фэня; цветы рогоза суженного (Typha angustata) — 2 фэня. Три щепоти бросить в один шэн кипятка. Обмывать /этим настоем/ нефритовые врата. Через 20 дней они станут как у девочки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Юй нюй ку бу до».— Можно понять и как «редко испытывают огорчения при сношениях с женщинами». Я присоединяюсь к переводу ван Гулика (worry only about not obtaining a sufficient number of women with whom to copulate) (van Gulik. Op. cit., p. 137).

2 «До цзи жоу».— Дословно: «упитанных», «мясистых».

3 «У фу та ци»».— Смысл этого выражения не вполне ясен.

4 «Дань тянь».— В даосской терминологии половая сфера, часть тела на три цуня ниже пупка.

5 «Коу ши».— Здесь, по всей видимости, эвфемизм, означающий зубы.

6 «Сяо яо».— Здесь, (очевидно, по ошибке) вместо иероглифа «яо» («самоцвет») употреблен его омоним «яо» («тряска»).

7 «Инь янь яо тяо».— Словосочетание «инь янь» обычно означает оргию, разврат, а «яо тяо» имеет значения: «тихий, утонченный, далекий», поэтому в данном контексте употребление этих иероглифов не совсем понятно.

8 Pinus densiflora («чи сун цзы»).

9 У ван Гулика.— «Бессмертный Лю обучал своих последователей», хотя о Лю (Цзине?) здесь не говорится. Видимо, ван Гулик счел, что небожителям (сянь жэнь) уже нечему обучать друг друга.

10 Добавление ван Гулика.

11 «Ши», очевидно, может означать и «извержение» (семени). Во всяком случае, в «Юй фан би цзюэ» (л. 6а) и в этом трактате (л. 1б) иероглиф «ши» явно употребляется в этом смысле. Так же понимает его и ван Гулик (van Gulik. Op. cit., p. 149). Однако в целом ряде случаев, как и здесь, например, более точным представляется именно такой перевод этого специфического термина.

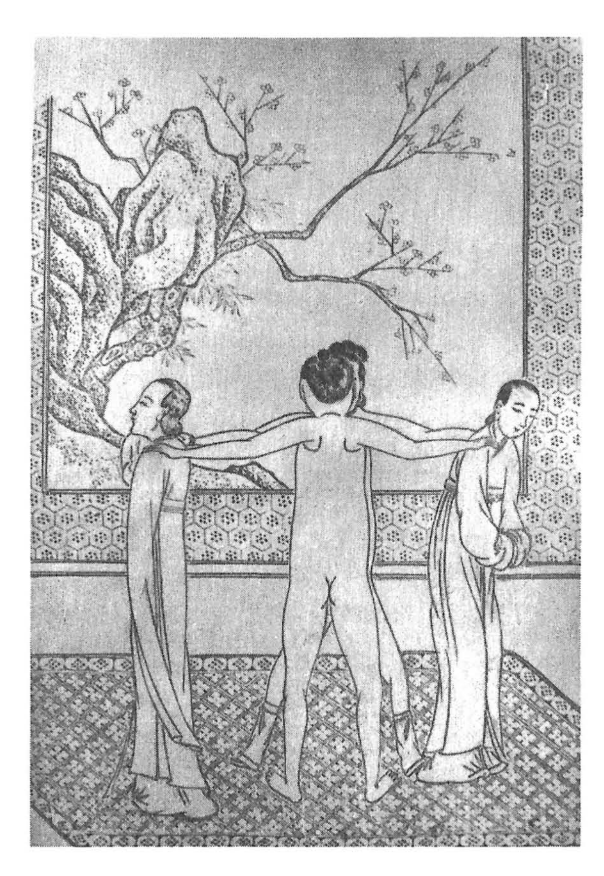
12 «Сюй дуань».— «Большой китайско-русский словарь» говорит, что этому китайскому названию может соответствовать и яснотка белая (Lamium Albium).

13 Возможно, имеется в виду знаменитый военачальник царства Вэй (III в.) Цао Цао.

14 «Бай лянь».— Ampelopsis japonica.

15 Площадью в квадратный цунь.

Перевод и примечания А. Д. Дикарева.

59. «Бамбук у алтаря».

УЧИТЕЛЬ ПРОНИКШИЙ-В-ТАИНСТВЕННУЮ-ТЬМУ

(ДУНСЮАНЬ-ЦЗЫ)

Учитель Проникший-в-таинственную-тьму сказал: «Из рожденных небом десяти тысяч вещей самым ценным является человек» [1]. Из возвышаемого человеком нет более превосходного, чем чувства, /проявляемые в спальных/ покоях. Подражать небу, сообразовываться с землей [2]; следовать инь, подчиняться ян — прозревающий эти принципы пестует /свою/ природу и удлиняет /свой/ век, пренебрегающий этими истинами ранит дух и безвременно гибнет.

Что касается способов Таинственно-темной девы, то передавае-

мое о них с глубокой древности представляет собой общий обзор, не исчерпывающий их утонченной подоплеки. Каждый раз при рассмотрении их по порядку у меня возникала мысль заполнить имеющиеся в них пропуски. Обобщенный опыт и старые образцы составили сей новый канон, который, хотя и не исчерпывает все чистое и тонкое, однако достигает густого и отстойного. Формы сидения и лежания, развертывания и свертывания; положения опустившись ниц и открыто развернувшись; способы с боку и со спины, спереди и сзади; правила вывода и ввода, углубленного и поверхностного погружения — все это объединяется принципами двух образцов /инь — ян/ и согласуется с нормами пяти элементов[3]. Руководствующийся этим сохраняет долголетие, противящийся этому подвергает себя опасности и гибнет. Как же не передать десяткам тысяч последующих поколений то, что полезно всякому человеку?»

Учитель Проникший-в-таинственную-тьму молвил: «Небо вертится налево, а земля крутится направо[4]; весна и лето благодетельствуют, а осень и зима наносят урон; мужчина запевает, а женщина подхватывает[5]; верхи совершают, а низы идут следом — таковы постоянные принципы вещей и дел. Если мужчина воздымается, а женщина не отвечает; если женщина движется, а мужчина не идет следом, то не только наносится ущерб мужчине, но и приносится вред женщине, ибо это проистекает из непокорства движению инь-ян и сопротивления связи верха и низа. Подобное сочетание и соединение того и этого не несет пользы. Поэтому необходимо, чтобы мужчина вращался налево, а женщина крутилась направо, мужчина наступал сверху, а женщина принимала снизу. Если таково сочетание и соединение, то можно сказать, что небо уравновешено, а земля ублаготворена.

Все принципы глубокого и поверхностного, медленного и быстрого, рвущего и крутящего, восточного и западного не однообразны, ибо имеется десять тысяч вариантов. К примеру, медленное наступление подобно игре карася с крючком, а судорожное сдавливание напоминает стаю птиц на ветру. Вступление и выступление, втягивание и вытягивание, поднятие и опускание, сопровождение и встреча, движения влево и вправо, уход и возвращение, вывод и ввод, частое и редкое — это во взаимной поддержке приводит к цели и используется сообразно обстоятельствам. Следует не тянуть волынку и не быть однообразным, а достигать своевременного применения.

Всегда во время первого соития мужчина садится слева от женщины, а женщина — справа от мужчины. Он сидит совком, /вытянув и раздвинув ноги/, и берет ее в свои объятия. При этом он сжимает ее тонкую талию, ласкает ее нефритовое тело, неустанно распространяется о ее красе и привлекательности, признается в нежной привязанности и полной сердечной преданности. То обнимает, то сжимает. Тела обоих сплетаются друг с другом, их уста радостно тянутся друг к другу. Мужчина посасывает нижнюю губу женщины, женщина — верхнюю губу мужчины. Некоторое

время они поглощают друг у друга слюну или нежно покусывают язык, или слегка пожевывают губы, или заключают в ласкающие объятия голову, или принимаются пощипывать уши. Поглаживают вверху и похлопывают внизу, целуют там и лобзают тут — и тысячи прелестей сполна проявляются, и сотни забот окончательно избываются. Тогда мужчина предлагает женщине левой рукой взять его нефритовый стебель, а сам своей правой рукой гладит ее нефритовые врата. При этом он ощущает иньскую пневму, в результате чего нефритовый стебель приходит в возбужденное состояние и резко вздымается, напоминая одинокий горный пик, взирающий сверху на далекую реку Хань, а женщина ощущает янскую пневму, в результате чего киноварная пещера приходит в увлажненное состояние и начинает сочиться чистым ручейком, напоминая сокровенный источник, бьющий в глубоком ущелье. Таково взаимовозбуждение инь и ян от ощущения друг друга. Оно не может быть достигнуто человеческой силой. Когда наступает такое положение, становится возможным совокупление. Если же мужчина не ощущает возбуждения или женщина не источает влагу, то все это связано с тем, что болезнь развилась внутри и недуг проявился вовне».

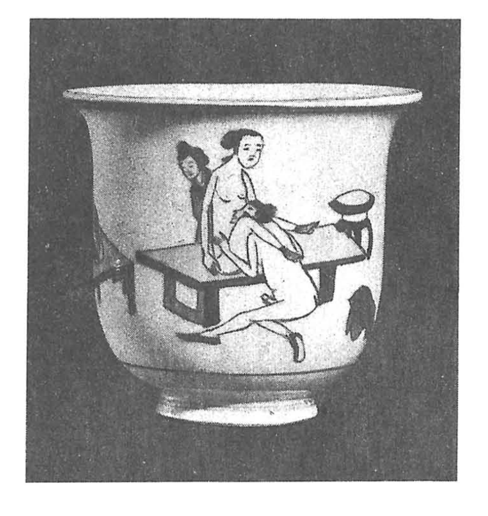

60. «Игра на флейте».

Учитель Проникший-в-таинственную-тьму молвил: «В начале каждого совокупления сперва садятся, а потом ложатся — женщина слева, мужчина справа. После того как они улягутся, мужчина укладывает женщину лицом вверх, раздвигает ей ноги и разводит руки, а сам возлегает на нее, просовывая ко-

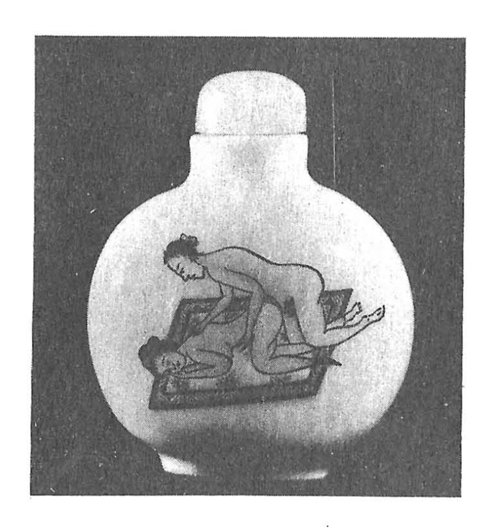
лени между ее ногами, с тем чтобы тотчас свой нефритовый стебель подвести к створу нефритовых врат, где густая и тенистая растительность напоминает стланиковые сосны перед пещерой в глубоком ущелье. Взметая /нефритовый стебель/ и вздыбливая до упора, он издает страстные звуки и играет языком или вверху созерцает ее нефритовое личико, а внизу рассматривает золотую ложбину (верхнюю часть вульвы.—**А. К**), поглаживает и похлопывает у нее между животом и грудями, ощупывает и потирает сбоку от драгоценной башни (клитора.—**А. К**). При этом мужчину охватывает смятение чувств, а женщина путается в мыслях. Тогда он немедля своим янским жалом начинает делать атакующие выпады вдоль и поперек, либо снизу устремляясь на нефритовые фибры (нижнее соединение больших половых губ.—**А. К**); либо сверху напирая на золотую ложбину, вступает в бой на подступах к августейшему павильону (началу влагалища.—**А. К**) и дает себе передышку справа от драгоценной башни. (/Комментарий:/ Вышеизложенное касалось наружного развлечения до проникновения внутрь.)

Когда у женщины прелестная влага оросит киноварную ложбину, янское жало немедленно бросается к наследному дворцу (матке.—**А. К**) и радостно (с оргазмом.—**А. К**) выпускает семенную жидкость, сливающуюся в единый поток с женской влагой, вверху орошая священное поле, внизу поливая сокровенное ущелье. Он уходит и приходит, бросается в схватку и нападает, движется вперед и отступает, трет и молотит так, что

61. «Взлёт гигантской птицы над таинственной пучиной».

женщина обязательно жаждет смерти и взыскует жизнь, молит о пощаде и просит милости. Тогда /мужчина/ насухо вытирается шелком, а потом нефритовый стебель вновь глубоко вводит в киноварную ложбину до янской башни (вершины влагалища.— **А. К**), высящейся, подобно каменной глыбе, которая заваливает русло горного ручья. Применяется способ девяти поверхностных и одного глубокого погружения. При этом вдоль подпирает, поперек нагружает; с краю тянет, с боку тащит; то вдруг помедлит, то вдруг заспешит; либо глубоко погрузится, либо поверхностно.

62. «Прыжок белого тигра».

И на протяжении времени, занимаемого двадцатью одним вздохом, при выпуске и впуске пневмы женщина достигает радостных помыслов, а мужчина тогда стремительно удаляет и быстро пронзает, до упора вздыбливает и высоко поднимает, ожидая, что женщина в своих трепетных движениях повторит его замедления и ускорения. Тут янское жало нападает на ее хлебный плод (шейку матки.— **А. К**) и изловчается проникнуть в наследный дворец, слева и справа толчет и молотит, не затрудняя себя даже легким извлечением и выдергиванием. Когда из женщины потоком хлынет влага, мужчина должен отступить. Нельзя извлекать янское жало омертвелым, надо /его/ возвращать оживленным. Если же вынимать омертвелым, то будет большой ущерб мужчине. Этого особенно следует остерегаться».

Учитель Проникший-в-таинственную-тьму молвил: «Подробное исследование положений соития показало, что они находятся в пре-

делах тридцати способов. Среди них имеются сгибание и распрямление, обращение вниз и вверх, выведение и введение, поверхностное и глубокое погружение, в целом они тождественны, в деталях — различны. Можно сказать, что сведенные вместе они все исчерпывают и в их собрании нет пропусков. К тому же я изобразил эти положения и дал им названия, подобрал их формы и установил номера. Сведущий в музыкальных звуках[6] благородный муж здесь дойдет до глубины в этих чудесных утонченностях.

63. «Черепаха подпрыгивает».

/ТРИДЦАТЬ ПОЗ И СПОСОБОВ СОИТИЯ:/

1. Признание в нежной привязанности.

2. Распространение о тесных узах (/комментарий:/ о нерасторжимости).

3. Рыба, сушащая на солнце свои жабры[7] (илл. 52).

4. Рог единорога (ци-линя). (/Комментарий:/ Все вышеуказанные четыре положения — суть наружные забавы одной категории).

5. Шелкопряды крепко связываются. (/Комментарий:/ Женщина, лежа навзничь, обеими руками, воздетыми кверху, обнимает горло мужчины, а свои ступни скрещивает у него за спиной. Мужчина обеими руками обнимает тыльную часть шеи у женщины, стоит на коленях между ее бедрами и вводит нефритовый стебель (илл. 74).

6. Драконы свиваются в петлю. (/Комментарий:/ Женщина, лежа навзничь, сгибает ноги. Мужчина, стоя на коленях между ее бедер, левой рукой толкает ноги женщины

64. «Мандаринки, селезень с уткой, сочетаются».

вперед, доводит их до грудей, а правой рукой вводит нефритовый стебель в нефритовые врата (илл. 8.)

7. Рыбы соединяют глаза[8]. (/Комментарий:/ Мужчина и женщина лежат рядом. Женщина одну ногу кладет на мужчину. Их лица обращены друг к другу. Они целуются и сосут языки друг у друга. Мужчина раздвигает женщине ноги и, рукой приподнимая верхнюю из них, устремляет вперед нефритовый стебель (илл. 26, 73).

8. Ласточки соединяют сердца. (/Комментарий:/ Побудив женщину лечь навзничь и раздвинуть ноги, мужчина садится на нее, склоняется на живот и обеими руками обнимает ее горло. Женщина обеими руками обнимает мужчину за талию. А нефритовый стебель вводится в киноварную ложбину.)

9. Зимородки, самец и самка,

65. На обратной стороне от «мандариновых уточек» плохо сохранилось вполне благопристойное изображение сидящей дамы.

совокупляются. (/Комментарий:/ Побудив женщину лечь навзничь и захватить руками свои ноги, мужчина садится на колени, /поджав ногу, как северные/ варвары-ху, разводит ноги и устраивается у женщины между бедер. Обеими руками он обнимает ее талию и направляет нефритовый стебель в струны цитры (малые половые губы.— **А. К.**, илл. 50.)

10. Мандаринки, селезень с уткой, сочетаются. (/Комментарий:/ Побудив женщину лечь на бок, захватить руками свои ноги и водрузить их на бедра мужчины, последний, находясь за спиной женщины, садится на ее ступни, ставит вертикально одну голень, приподнимает бедро женщины и вводит нефритовый стебель, илл. 64.)

11. Кувыркающиеся в воздухе бабочки. (/Комментарий:/ Мужчина лежит навзничь с раздвинутыми

ногами. Женщина садится на мужчину лицом к нему и обеими ступнями упирается в ложе. При этом, помогая себе руками, она энергично устремляется вперед на янское жало, проникающее в середину нефритовых врат.)

12. Перевернувшись летящие кряквы. (/Комментарий:/ Мужчина лежит навзничь с раздвинутыми ногами. Женщина сидит на мужчине спиной к нему. Ногами она упирается в ложе, склоняет голову и, взяв в руки нефритовый стебель мужчины, вводит его в нефритовые врата.)

13. Склонившая крону сосна. (/Комментарий:/ Побудив женщину скрестить ступни и поднять их кверху, мужчина обеими руками обнимает ее за талию. Женщина обеими руками обнимает мужчину за талию и вводит нефритовый стебель в нефритовые врата.)

14. Прильнувший к жертвеннику бамбук. (/Комментарий:/ Мужчина и женщина стоят рядом лицом друг к другу, радостно целуются и обнимаются, а киноварная ложбина так глубоко втягивает янское жало, что оно погружается в янскую башню[9], илл. 59.)

15. Парный танец жар-птиц (луань). (/Комментарий:/ Мужчина /устраивает двух/ женщин так, что одна лежит навзничь, а другая покрывает ее сверху. Первая держит свои ноги, а вторая восседает на нее. Их половые органы (инь) располагаются друг против друга. Мужчина садится совком, /вытянув и раздвинув ноги/, обнимает нефритовый предмет и боевито нападает на верхнюю и нижнюю /инь/.)

16. Феникс несет детеныша. (/Комментарий:/ Когда дородная и крупная жена использует в совокуплении маленького мужчину, обнаруживается большое превосходство /данного способа/.)

17. Парение морских чаек. (/Комментарий:/ Мужчина, находясь у края ложа, приподнимает ноги женщины, чтобы они были на весу, и вводит нефритовый стебель в середину наследного дворца.)

18. Скачки диких лошадей. (/Комментарий:/ Побудив женщину лечь навзничь, мужчина поднимает обе ее ноги, водружает себе на правое плечо и глубоко вводит нефритовый стебель в середину нефритовых врат.)

19. Скакун несется во весь опор. (/Комментарий:/ Побудив женщину лечь навзничь, мужчина садится на корточки, левой рукой берет ее за тыльную часть шеи, правой рукой приподнимает ее ноги, а затем вводит нефритовый стебель в наследный дворец.)

20. Лошадь бьет копытом. (/Комментарий:/ Побудив женщину лечь навзничь, мужчина поднимает у нее одну ногу и укладывает себе на плечо, а другой ноге позволяет самой цепляться за него и глубоко вводить нефритовый стебель в киноварную ложбину, что дает великое наслаждение.)

21. Прыжок белого тигра. (/Комментарий:/ Побудив женщину обратиться лицом вниз и встать на колени, мужчина становится на колени позади женщины, обеими руками обнимает ее талию и вводит нефритовый стебель в наследный дворец, илл. 62, 69.)

22. Примыкание темной цикады. (/Комментарий:/ Побудив женщину лечь ниц и раздвинуть ноги, мужчина располагается у нее меж-

ду бедрами, сгибает ей ноги, обеими руками обнимает тыльную часть ее шеи, а вслед за этим вводит нефритовый стебель в нефритовые врата.)

23. Коза перед деревом. (/Комментарий:/ Мужчина садится совком, /вытянув и раздвинув ноги/, и побуждает женщину сесть на него, повернувшись к нему спиной. Женщина сама наклоняет голову и созерцает введение нефритового стебля. Мужчина страстно обнимает женщину за талию и вздыбливается до упора.)

24. Желтая цапля у площадки. (/Комментарий:/ Мужчина, сидя на ложе на корточках, /как северные/ варвары-ху, /подняв одну ногу/, побуждает одну девушку расположиться к нему лицом, взять нефритовый стебель и ввести его в свои нефритовые врата, а другую девушку—сзади—тянуть первую за полы одежды, дабы ускорить движение ее ног, что /в целом/ дает великое наслаждение.)

25. Забавы феникса в киноварной расщелине. (/Комментарий:/ Побудив женщину лечь навзничь и обеими руками приподнимать свои ноги, мужчина становится позади нее на колени, обеими руками опирается о ложе и вводит нефритовый стебель в киноварную ложбину, что просто превосходно.)

26. Взлет /гигантской птицы/ Пэн[10] над темно-таинственной пучиной. (/Комментарий:/ Побудив женщину лечь навзничь, мужчина берет ее ноги, водружает их на свои левое и правое предплечья, руками снизу обнимает ее талию и вводит нефритовый стебель.)

27. Кричащая обезьяна обхватывает дерево. (/Комментарий:/ Мужчина сидит совком, /вытянув и раздвинув ноги/, а женщина располагается на его бедрах и обеими руками обнимает мужчину. Мужчина, одной рукой поддерживая ягодицы женщины, вводит нефритовый стебель, а другой рукой опирается о ложе.)

28. Кот и мышь в одной ложбине. (/Комментарий:/ Мужчина лежит навзничь, раздвинув ноги. Женщина лежит ниц на мужчине и глубоко вводит нефритовый стебель. Или еще: мужчина ложится ниц на спину женщины и своим нефритовым стеблем боевито прорывается в нефритовые врата.)

29. Весенние ослы. (/Комментарий:/ Женщина обеими руками и обеими ногами вместе опирается о ложе. Мужчина стоит позади нее, обеими руками обнимает ее талию и вводит нефритовый стебель в нефритовые врата, что более чем превосходно.)

30. Осенние собаки. (/Комментарий:/ Мужчина и женщина спиной друг к другу обеими руками и обеими ногами вместе опираются о ложе, ягодицами подпирая друг друга. Мужчина наклоняет голову, одной рукой подталкивает нефритовый предмет и вводит его в середину нефритовых врат.)

Учитель Проникший-в-таинственную-тьму молвил: «Всякий нефритовый стебель либо ударяется влево и вправо, напоминая отважного полководца, одерживающего победу,—такой первый вид. Либо тянется вверх и скачет вниз, напоминая дикую лошадь, перепрыгивающую через горный поток,—таков второй вид. Либо вводится или погружается, напоминая (/комментарий:/ здесь определенно утрачен

один иероглиф) стаю чаек на волнах,—таков третий вид. Либо забивается вглубь и извлекается на поверхность, напоминая воробьиный клюв в вороньей ступке,—таков четвертый вид. Либо устремляется в глубину и вонзается в поверхность, напоминая булыжники, бросаемые в море,—таков пятый вид. Либо неспешно вздымается и медленно проталкивается, напоминая закоченевшую змею, вползающую в гнездо,—таков шестой вид. Либо резво колотится и быстро вонзается, напоминая испуганную мышь, юркнувшую в норку,—таков седьмой вид. Либо поднимает голову и сдерживает ноги, напоминая черного коршуна, захватывающего верткого зайца,—таков восьмой вид. Либо поднимается вверх и откатывается вниз, напоминая большой парус, сталкивающийся с порывистым ветром,—таков девятый вид».

Учитель Проникший-в-таинственную-тьму молвил: «При всяком совокуплении либо, снизу прижав нефритовый стебель, водят им туда-сюда и пилят нефритовые фибры, что подобно раскрытию двустворчатой раковины и извлечению сияющей жемчужины,—таково первое положение. Либо снизу поднимают нефритовые фибры, а сверху устремляются в золотую ложбину, что подобно раскалыванию камня и добыванию прекрасного нефрита,—таково второе положение. Либо янским жалом напирают на драгоценную башню, что подобно железному песту, опускаемому в лекарственную ступку,—таково третье положение. Либо вводят и выводят нефритовый стебель, ударяют и нападают слева и справа на августейший павильон, что подобно ковке железа пятью молотами,—таково четвертое положение. Либо пускают туда и сюда янское жало, трут и рыхлят между священным полем и сокровенным ущельем, что подобно вспашке крестьянином осенней земли,—таково пятое положение. Либо сталкивают и трут друг о друга темно-таинственный сад и небесный двор [11], что подобно схождению друг с другом двух рушащихся скал,—таково шестое положение».

Учитель Проникший-в-таинственную-тьму молвил: «Всякий раз, когда наступает желание извергнуть семя, необходимо подождать, чтобы у женщины наступила радость (оргазм.—**А. К.**) и одновременно произошло общее истечение. Мужчина должен выдернуться наружу и резвиться между струнами цитры и пшеничной зубчаткой [12], углублять и выводить на поверхность янское жало, словно младенец, сосущий грудь. При этом /он/ закрывает глаза, сосредоточивает мысли, прижимает язык к нижней части неба, сгибает спину, вытягивает голову, раздувает ноздри, ссутуливает плечи, закрывает рот и вдыхает воздух (ци). Тогда семя само поднимается вверх, и все ограничения и пределы будут полностью зависеть от самого человека. Из десяти соитий следует испускать /семя/ лишь два-три раза».

Учитель Проникший-в-таинственную-тьму молвил: «Каждый желающий возыметь ребенка ждет, когда у женщины пройдут месячные. Затем, если они совокупляются в первый или третий день, то будет зачат сын, а если — в четвертый или пятый день, то будет зача-

та дочь. После пятого дня будет лишь совершенно безнадежная затрата семенной силы. При совокуплении следует задерживать семяизвержение, чтобы у женщины наступила радость и одновременно произошло общее истечение. Последнее должно быть исчерпывающим. Предварительно же /мужчина/ побуждает женщину лечь навзничь к нему лицом, успокоить сердце, собрать воедино волю, закрыть глаза, сосредоточить мысли и воспринять семя и пневму. Поэтому Лао-цзы сказал: «Ребенок, зачатый в полночь, достигнет высшего долголетия. Ребенок, зачатый до полуночи, достигнет средних лет. Ребенок, зачатый после полуночи, будет недолголетним» [13].

Каждая женщина после того, как забеременеет, должна совершать добрые дела, не смотреть на скверные зрелища, не слушать скверные речи, унять похотливые помыслы, не проклинать и не поносить, не ругать и не бранить, не бояться и не тревожиться, не утомляться и не уставать, не пустословить, не унывать и не грустить, не есть сырую, холодную, уксусную, грязную и горячую пищу, не ездить ни в повозке, ни верхом, не подниматься высоко, не приближаться к глубинам, не спускаться по откосу, не спешить при ходьбе, не принимать эликсир бессмертия, не прибегать к иглоукалыванию и лечебному прижиганию. Во всех /случаях ей/ положено успокаивать сердце, выправлять помыслы, постоянно слушать /чтение/ канонических книг. Если следовать этим предписаниям, то дети будут умными и сметливыми, мудрыми и рассудительными, верными и честными, стойкими и добрыми. Это называется воспитанием зародыша».

Учитель Проникший-в-таинственную-тьму молвил: «Если мужчина вдвое старше женщины, то наносится ущерб ей. Если же женщина вдвое старше мужчины, то наносится ущерб ему.

Дабы удачно и полезно использовать благоприятные и ущербные расположения при совокуплении, часы и дни /его совершения/, своевременно сообразуйся с нижеследующим, и тогда будет большая удача.

Весной обращайся головой на восток. Летом обращайся головой на юг. Осенью обращайся головой на запад. Зимой обращайся головой на север.

Янские дни благоприятны. (/Комментарий:/ Имеются в виду нечетные дни.) Иньские дни ущербны. (/Комментарий:/ Имеются в виду четные дни.) Янские часы благоприятны. (/Комментарий:/ Имеется в виду время от 23 до 11 часов.) Иньские часы ущербны. (/Комментарий:/ Имеется в виду время от 11 до 23 часов.) /Из десяти небесных стволов (т. е. циклических знаков.— **А. К.**) соответствуют/ весне — первый и второй, лету — третий и четвертый, осени — седьмой и восьмой, зиме — девятый и десятый».

Оплешивевший курицу порошок лечит пять недомоганий (сердца, печени, селезенки, легких, почек.— **А. К.**), семь поражений (мочеполовой системы.— **А. К.**), иньское онемение (половое бессилие.— **А. К.**), невставание и неспособность совершить акт. Правитель области Шу [14] Чэнь Цзинда в семьдесят лет стал принимать это

снадобье и смог породить трех сыновей. От его длительного употребления супруга правителя начала премного страдать сыпью в нефритовых вратах и не могла сидеть и лежать. Тогда снадобье выбросили во двор, где его съел петух, который после этого вскочил на курицу и несколько дней подряд не слезал с нее. Он клевал ее в макушку, и на ней появилась плешь. Поэтому современники стали говорить о порошке, оплешивевшем курицу, который также называется оплешивевшей курицу пилюлей.

/Состав порошка:/ три фэня (1,1 г.— **А. К.**) цистанхе солончаковой (Cistanche salsa), три фэня лимонника китайского (Schisandra chinensis), три фэня семян повилики японской (Cuscuta japonica), три фэня истода тонколистного (Polygala tenuifolia), четыре фэня (1,5 г — **А. К.**) семян жгун-корня Моннье (Cnidium Monnieri).

Истолченные и просеянные, эти пять вещей составляют порошок, который /принимается/ каждый день натощак с ложкой вина /размером/ в квадратный цунь (5—9 кв. см — **А. К.**).

Если /пить/ два-три раза в день, то не будешь иметь неодолимых соперниц. Принимая в течение шестидесяти дней, сможешь совладать с сорока женщинами. Еще с помощью засахаренного меда вылепливаются пилюли, подобные семенам дерева утун (Firmiana platanifolia)[15], и принимаются пять или девять дней. При повторах устанавливают меру по самоощущению.

Порошок из оленьих рогов лечит у мужчин пять недомоганий, семь поражений, иньское онемение и невставание, /являясь целительным/ средством, и тогда, когда при внезапном соприкосновении с женщиной в приближении к акту случается сбой на полпути и наступает мертвенное оцепенение, а также при самопроизвольном истечении семени, чрезмерном мочеиспускании, болях и простудах поясницы и спины.

/Состав порошка:/ оленьи рога, семена платикладуса восточного (Platycladus orientalis), семена повилики японской, семена подорожника азиатского (Plantago asiatica), истод тонколистный, лимонник китайский, бошнякия голая (Boschniakia glabra)[16] (/комментарий:/ каждого по четыре фэня.)

Указанное, будучи истолченным и просеянным, образует порошок, который принимается каждый раз после еды ложкой в пять фэней (1,9 г — **А. К.**) трижды в день. Если не ощущается результат, то добавляется еще /ложка размером в/ квадратный цунь.

Средство удлинения полового органа (инь).

/Состав:/ три фэня цистанхе солончаковой и два фэня (0,7 г — **А. К.**) травы водоросли саргассум (Sargassum pallidum).

Указанное, будучи истолченным и просеянным, образует порошок, который соединяется с вытяжкой печени белой собаки, /убитой/ в первой луне, и намазывается на половой орган три раза, а рано утром смывается свежей колодезной водой. Удлинение на три цуня (7—9 см — **А. К.**) обязательно произойдет.

Целительное средство для жены с расширенным и холодным по-

ловым органом, сужающее и уменьшающее его, приносящее радость при совокуплении.

/Состав:/ два фэня самородной серы, два фэня кирказона слабого (Aristolochia debilis), два фэня горного кизила лекарственного (Cornus officinalis)[17], два фэня семян жгун-корня.

Указанные четыре компонента, истолченные и просеянные, образуют порошок, который незадолго перед совокуплением вводится в нефритовые врата небольшой дозой. Тут не следует перебарщивать, иначе может произойти замыкание врат.

Согласно другому средству, берутся три щепотки (9 мл — **А. К.**) порошка из самородной серы и разводятся в одном шэне (0,2 л — **А. К.**) кипятка. Если /этим раствором/ мыть половой орган, то он сужается, как у двенадцати-тринадцатилетней девочки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Отличающаяся от оригинала одним иероглифом, цитата из классического даосского трактата «Ле-цзы» («Учитель Ле», IV в. до н. э.— IV в. н. э.), в первой главе которого «Небесный скипетр» («Тянь жуй») сказано: «Из рожденных небом десяти тысяч вещей ценнейшим является человек».

2 Следование символам (сян) и законам (фа) неба и земли — фундаментальная идея классической китайской философии. Ср., например: «Чжоу и» («Чжоуские перемены»), «Си цы чжуань» («Комментарий привязанных афоризмов», II, 2; «Ли цзи» («Записки о благопристойности»), гл. 38; «Ши цзи» («Исторические записки», II—I вв. до н. э.) гл. 27.

3 В качестве основополагающих классификационных символов пять элементов соответствуют упоминаемым ниже странам света, сезонам, отрезкам суток и циклическим знакам, в частности: дерево — востоку и весне, огонь — югу и лету, металл — западу и осени, вода — северу и зиме, а центральная почва — середине года (летом).

4 Согласно китайской традиционной топологии, слева располагается восток, а справа — запад. Помимо этого, непривычного для нас соотнесения, заслуживает внимания и нетривиальная символизация данных пространственных ориентиров с помощью компонентов оппозиции мужское-женское, а именно: левое (восточное) — мужское (каково и небо), правое (западное) — женское (какова и земля). Подобная «мужественность» и, соответственно, нередкая доминантность символа левизны в древне-

китайской культуре особенно интересна с точки зрения этноисторического приложения современной теории функциональной асимметрии мозга. Подробно см.: Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем.— М., 1978.

[5] Ср. с утверждением средневекового философа Ван Янмина (1472—1529 гг.), согласно которому «наши срединность и гармоничность изначально взаимодействуют с пневмой неба и земли», что означает «ориентацию на пневму неба и земли, согласование со звуками фениксов, самца и самки» («Чуань си лу» — «Записки преподанного и воспринятого», цзюань 3).

[6] О значении музыки как главного регулятора сексуальности см., например, фрагмент из «Комментария Цзо /к летописи «Весны и осени»/» («Цзо чжуань», Чжаогун, I г.).— Древнекитайская философия.— Т. 2.— М., 1973.— С. 10—11.

[7] Это выражение «пу сай юй» связано с легендой о том, что рыба, сумевшая пройти вверх по течению реки Хуанхэ через бурное ущелье Лунмэнь (Драконьи врата), становится драконом. Здесь подразумеваются аналогичные попытки проникновения в иные «врата».

[8] Термином «би му юй» (буквально: «рыба, соединившая глаза») обозначаются ложный палтус (паролихт) и камбала, а также мифическое животное, представляющее собой двух сросшихся рыб — с одним хвостом и двумя головами.

[9] Янская (солнечная) башня (ян тай).— Согласно древней легенде, на горе под этим названием один из правителей царства Чу встретился во сне с женщиной, утром выглядевшей, как тучка (женский символ), а вечером — как дождь (мужской символ). Видимо, такое сочетание двойственной андрогинной символики позволило обозначить глубинную часть влагалища термином с определением ян.

[10] О мифическом гиганте воздушного океана, птице Пэн см., например, гл. 1 «Чжуан-цзы»: Древнекитайская философия.— Т. I. С. 249—251.

[11] Не поддающиеся точной анатомической идентификации, а возможно, таковой и не имеющие, термины «сюань пу» («темно-таинственный сад») и «тянь тин» («небесный двор») обозначают соответственно местопребывание бессмертных на священной горе Куньлунь и небосвод (последнее также — междубровье и императорские покои), символизируя здесь соединение женского и мужского начал.

[12] «Пшеничная зубчатка» («май чи», в переводе Р. ван Гулика — «пещера в виде зерна»).— Точно не идентифицированная передняя и поверхностная часть вульвы.

[13] Лао-цзы — полулегендарный основатель даосизма (VI—IV вв. до н. э.), предполагаемый автор «Дао дэ цзина» («Канона пути и благодати»), где отсутствует приведенное высказывание. Ср.: Древнекитайская философия.— Т. I С. 114—138.

[14] Область Шу располагалась на юго-западной окраине древнего Китая на территории современной провинции Сычуань.

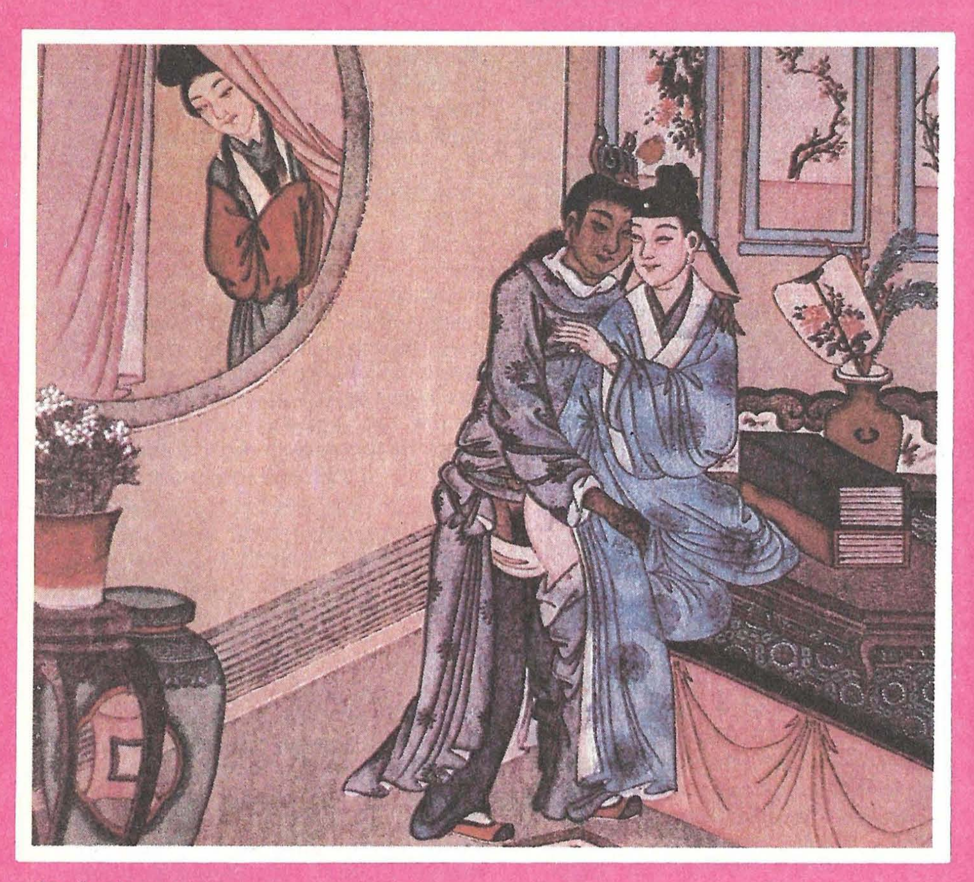
[15] Согласно китайской мифологии, на дереве утун обитает феникс.

[16] Компоненты указываемых снадобий соответствуют своему предназначению не только физиологическим эффектом, но

и физической формой. Например, не нуждается в пояснении совпадение фаллической формы и медицинской функции у оленьих рогов (пант), хорошо известных по пантокрину. Однако стоит отметить, что аналогичным образом обстоит дело и с бошнякией голой, которая представляет собой гриб, похожий на подъятый уд (эрегированный пенис).

17 В праздник восхождений — девятый день девятой луны — в Китае было принято подниматься на возвышенности с кизиловыми ветками в руках для отвращения бед.

Перевод и примечания А. И. Кобзева.

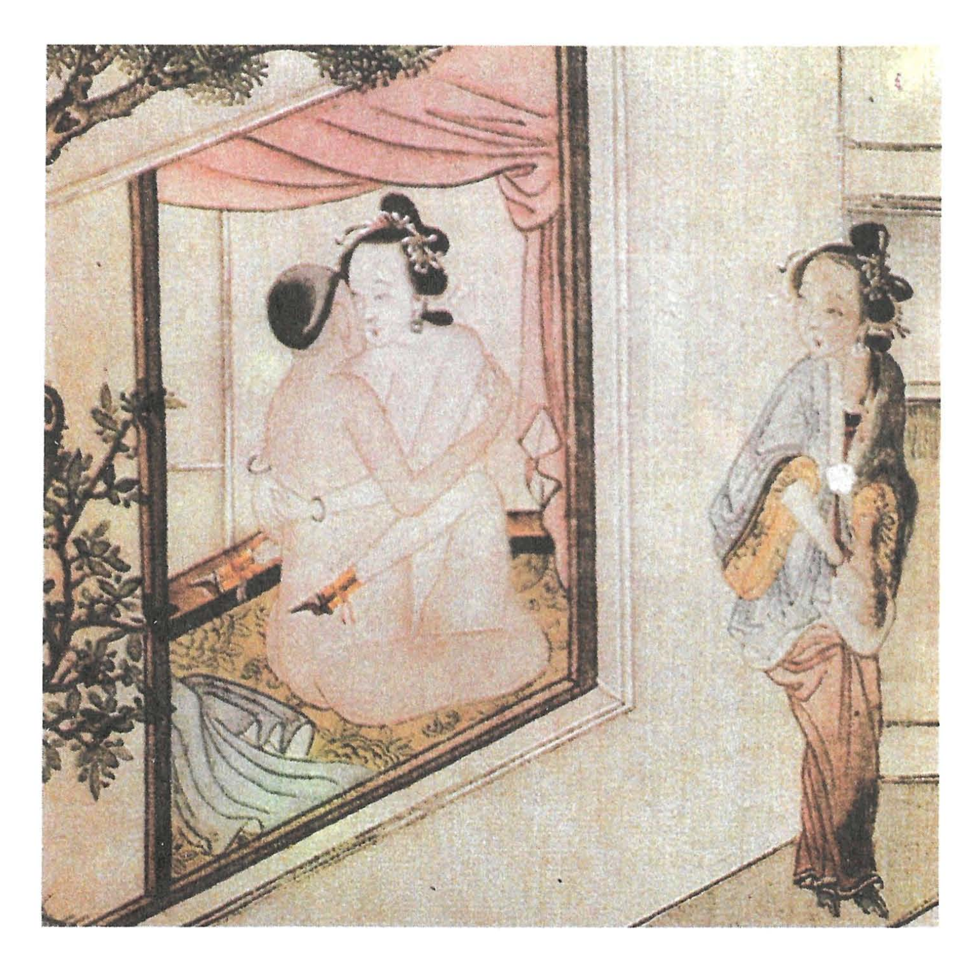

66. Актёры в коридоре.

ЧАСТЬ III

ПРОЗА «ВЕСЕННЕГО ЧУВСТВА»

67. Стоящая у окна.

ЛИН СЮАНЬ (I в.)

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЧЖАО — ЛЕТЯЩЕЙ ЛАСТОЧКИ [1]

Государыня Чжао, прозванная Фэйянь — Летящей ласточкой, была дочерью Фэн Ваньцзиня. Дед ее Дали изготовлял и отлаживал музыкальные инструменты, исправляя должность настройщика при дворе князя в Цзянду. Сын его Ваньцзинь не пожелал наследовать семейное занятие и занялся музыкой, он сочинял скорбные плачи по

усопшим. Своим песнопением он дал название «Мелодии из мира смертных». Всякого, кто их слышал, они трогали до глубины сердца.

В свое время внучка старого князя в Цзянду, владетельная госпожа земель Гусу, была выдана за Чжао Маня, чжунвэя[2] из Цзянсу. Этот Чжао Мань до того возлюбил Фэн Ваньцзиня, что если не ел с ним из одной посуды, не насыщался. У него рано объявился тайный недуг, почему он к жене своей не приближался. Фэн Ваньцзинь вступил в связь с госпожой Чжао, и та забеременела.

Чжао Мань был ревнив и вспыльчив. В страхе перед ним госпожа Чжао сослалась на недомогание и переехала во дворец старого князя. Здесь она разрешилась от бремени двойней. Девочку, которая появилась на свет первой, назвали Ичжу, вторую нарекли Хэдэ. Их отослали к Фэн Ваньцзиню, и дабы скрыть обстоятельства рождения, дали им фамилию Чжао.

Уже в детском возрасте Ичжу отличалась умом и сообразительностью. В семье Фэн Ваньцзиня хранилось сочинение старца Пэн-цзу «Различение пульсов»[3], и по этой книге она овладела искусством управлять дыханием. Повзрослев, стала она осанкою изящна, в поступи легка, поднимет ножку — будто вспорхнет, за что и прозвали ее Ласточкой.

Хэдэ телом была гладка, словно бы умащена притираниями, когда выходила из купальни, всегда казалась сухой. Была она искусна в пении, голос ее, приятный для слуха, лился медленно и нежно. Сестры были несравненными красавицами.

После смерти Фэн Ваньцзиня семья его разорилась. Фэйянь с младшей сестрой вынуждены были перебраться в Чанъань[4], где в то время их знали еще как побочных дочерей Чжао Маня. Они поселились в переулке рядом с неким Чжао Линем, начальником стражи во дворце правителя Янъэ[5]. Надеясь на его покровительство, сестры не однажды подносили ему в дар узорные вышивки. Он всякий раз смущался, но подношения принимал. Вскоре девушки переехали к нему, и их стали считать за дочерей Чжао Линя. Некогда родная дочь Чжао Линя служила во дворце, но заболела и умерла. Фэйянь назвалась ее именем и вместе с Хэдэ стала служить во внутренних покоях дворца. С замиранием сердца, забывая о еде, они могли целыми днями слушать песни. Еще в бытность свою служанками сестры начали постигать искусство пения и танцев, украдкой подражая танцовщицам и певицам. К тому времени они узнали крайнюю нужду и в деньгах, и в платье, так как почти все сбережения растратили на пустяки, покупая без всякой оглядки на цену притирания, благовония для омовений и пудру. В доме не было ни одной служанки, которая бы не сказала, что девицы с придурью, ибо на двоих у них было одно-единственное одеяло.

Между тем Фэйянь свела знакомство с соседом, императорским ловчим. Как-то снежной ночью она ждала этого ловчего подле дома. Чтобы не замерзнуть, она стала реже дышать. Ловчий удивился, что Фэйянь не только не дрожит от холода, но еще и теплая. Он пришел в изумление и почел ее за небожительницу. В скором времени, бла-

годаря влиянию своей госпожи, Фэйянь попала в императорский дворец, и император тотчас призвал ее. Ее тетка Фаньи, дама-распорядительница высочайшей опочивальни, знала, что у Вэйянь что-то было с императорским ловчим, вот почему при этом известии у нее похолодело сердце.

Когда государь прибыл почтить Фэйянь благосклонностью, Фэйянь обуял страх, и она не вышла навстречу государю. Она зажмурила глаза, прикрыла руками лицо и плакала так, что слезы стекали у нее даже с подбородка. Три ночи продержал он ее в своих объятиях, но так и не смог с нею сблизиться. Однако у него и в мыслях не было корить ее. Когда однажды дворцовые дамы, ранее бывшие в милости у государя, как бы ненароком спросили о ней, тот ответствовал:

— Она столь роскошна, будто в ней всего в избытке, до того мягка, словно бы без костей. Она и медлительна, и робка, то как бы отдаляется от тебя, то приближается вновь. К тому же Фэйянь — человек долга и благопристойности. Да что там, разве идет она в сравнение с вами, которые водят дружбу со слугами и лебезят перед ними?

В конце концов государь разделил с Фэйянь ложе, и киноварь увлажнила циновки. После этого Фаньи завела как-то с Фэйянь беседу с глазу на глаз:

— Выходит, ловчий и не приближался к тебе?

Фэйянь ответила:

— Три дня я практиковала способ сосредоточения на своем естестве, отчего плоть моя налилась и набухла. Будучи телом грузен и могуч, государь нанес мне глубокую рану.

С того дня государь особо выделял Фэйянь своей благосклонностью, а ее соперницы стали именовать Фэйянь не иначе, как государыней Чжао.

Однажды государь, пребывая в личных покоях, что подле залы Уточек-неразлучниц[6], изволил просматривать списки наложниц. Фаньи обронила слово о том, что у Фэйянь есть еще и младшая сестра по имени Хэдэ, равно прекрасная лицом и телом, к тому же по натуре своей благонравная.

— Поверьте, — добавила Фаньи, — она ни в чем не уступит государыне Чжао.

Государь незамедлительно приказал придворному по имени Люй Яньфу взять его личную коляску, изукрашенную нефритом и драгоценными каменьями, и, положив в нее матрасик из перьев феникса, ехать за Хэдэ. Однако же Хэдэ предложение отклонила, сказав придворному:

— Без приглашения моей драгоценной сестры не смею следовать за вами. Уж лучше отрубите мне голову и отнесите ее во дворец.

Люй Яньфу воротился и в точности доложил обо всем государю. Тогда Фаньи, якобы для государевых нужд, взяла принадлежавший Фэйянь платок с собственноручной ее разноцветной вышивкой и отправила Хэдэ как подтверждение воли государыни. Хэдэ дважды омылась, надушилась ароматным настоем алоэ из Цзюцюя и убрала себя так: закрутила волосы в узел «на новый лад», тонко подвела черною тушью брови в стиле «очертания далеких гор» и завершила свой

убор небрежным прикосновением, добавив к лицу красную мушку. Не имея достойных одежд, она надела простое платье с короткими рукавами и юбку с вышивкою и дополнила наряд носками с узором в виде слив.

Государь повелел навесить спальный полог в зале Облачного блеска и повелел Фаньи ввести Хэдэ в залу. Однако Хэдэ сказала:

— Моя драгоценная сестрица злонравна и ревнива, всякое благодеяние государя ей нетрудно обратить в беду. Готова снести позор казни, ибо не жаль мне жизни, но без наставления сестрицы не пойду.

Опустив глаза, Хэдэ переступала с ножки на ножку, не в силах следовать за Фаньи. Речь ее звучала твердо. И все, кто был подле нее, изъявили свое одобрение. Государь отослал Хэдэ домой.

В то время при дворе находилась Нао Фанчэн, которая еще при государе Сюань-ди[7] исправляла должность управительницы дворца Ароматов[8]. Ныне, уже поседевшая, она служила наставницей при государевых наложницах. Как-то однажды, стоя позади государя, Нао Фанчэн плюнула и сказала:

— Как вода гасит огонь[9], так эти девки доведут нас до беды.

По подсказке Фаньи государь отдалил Фэйянь, приказав выстроить для нее особые Дальние покои. Он пожаловал ее богатой утварью, пологом, расшитым пурпурными и зелеными облаками, узорным нефритовым столиком и червонного золота курильницей в виде священной горы Бошань с девятью пиками.

В свою очередь Фаньи обратилась к государыне со словами порицания:

— У нашего государя нет наследников, а вы, пребывая во дворце, не заботитесь о продолжении государева рода. Не пора ли просить государя, чтобы он приблизил к себе наложницу, которая родила бы ему сына?

Фэйянь благосклонно согласилась, и той же ночью Хэдэ была отведена к государю.

Император преисполнился восторга. Он прильнул к Хэдэ, и ни в одной линии тела ее не нашел каких-либо несовершенств. Он дал ей прозвание Вэньжоу-сян, что значит «Приют тепла и неги». По прошествии некоторого времени он признался Фаньи:

— Я стар годами и в этой обители хотел бы умереть. Ибо отныне мне не нужно, подобно государю У-ди[10], искать страну Белых облаков.

Фаньи воскликнула:

— Пусть государь живет десять тысяч лет! — И добавила: — Воистину, Ваше Величество, вы обрели бессмертную фею.

Государь тотчас пожаловал Фаньи двадцать четыре штуки парчи, сотканной русалками[11].

Хэдэ сполна завладела сердцем императора. Вскоре ей была дарована степень Первой дамы.

Хэдэ обычно прислуживала сестре-императрице, воздавая ей почести, какие полагались старшему в роде. Однажды, когда сестры сидели рядом, государыня, сплюнув, случайно попала на накидку Хэдэ.

— Поглядите, сестрица, как вы изукрасили мой фиолетовый рукав,— молвила Хэдэ.— Получилось, словно бы узоры на камне. Да

отдай я приказ в дворцовые мастерские, там вряд ли исполнили бы подобный рисунок. К нему вполне подойдет название «Платье с узором на камне и при широких рукавах».

Государыня, будучи удалена в Дальние покои, свела короткое знакомство со многими офицерами из личной своей охраны и даже с рабами. Правда, сходилась она только с теми, у кого было много сыновей. Хэдэ жалела ее и старалась всячески оправдать перед государем. Она часто ему говорила:

— Моя сестра от природы нелегкого нрава. Боюсь, как бы люди не оговорили ее и не навлекли беды. У государыни нет потомства, скорбь терзает ее, и она часто плачет.

Вот почему государь предавал казни всех, кто говорил, что государыня развратничает. А тем временем начальники над стражей и рабы творили постыдные дела, находя приют в покоях государыни, щеголяли в штанах диковинных расцветок, платья их благоухали ароматами. И никто не смел даже заикнуться об этом. Однако детей у государыни по-прежнему не было.

Обычно государыня омывалась водой, в которую добавляли семь благовоний, воздействующих на пять функций жизни[12]. Она сидела на корточках в душистой ванне и пропитывалась ароматом алоэ, а омывалась водой, собранной с лилий — цветка, дарованного божествами. Ее сестра Хэдэ предпочитала купаться в воде, настоянной только на кардамоне, и пудриться цветочной пыльцой, приготовленной из ста росистых бутонов.

Однажды государь признался Фаньи:

— Хотя императрица и умащивается редкостными притираниями, однако аромат их не сравнится с запахом тела Хэдэ.

При дворце жила прежняя наложница цзяндуского князя И, некая Ли Янхуа. Она приходилась племянницей жене деда государыни. Состарившись, она возвратилась в семью Фэнов. Государыня и ее младшая сестра почитали ее словно мать. Ли Янхуа была отменным знатоком по части туалета и украшений. К примеру, советовала государыне омываться настоем листьев алоэ с горы Цзюхуэйшань и для поддержания молодости испробовать снадобье, содержащее густой отвар из кабарговой струи. Хэдэ также его принимала. А нужно заметить, что если часто пользоваться этим снадобьем, то месячные очищения женщины с каждым разом скудеют. Государыня сказала об этом дворцовому лекарю Шангуань У, и тот, пощупав ее грудь, ответил:

— Коль скоро снадобье оказывает подобное действие, то как же вы сможете родить сына?

И по его совету Фэйянь стала отваривать цветы красавки и омываться этой водой, но и это средство не помогло — у государыни по-прежнему не было детей.

Как-то однажды племена чжэньшу поднесли в дар государю раковину возрастом едва ли не в десять тысяч лет, а также жемчужину, светящую в ночи, — сияние ее поспорило бы с лунным светом. В лучах жемчужины все женщины, будь они безобразны или хороши собой, казались невиданными красавицами. Государь подарил рако-

вину государыне Фэйянь, а жемчужиной пожаловал Хэдэ. Государыня положила раковину у своего изголовья под пятислойным парчовым пологом, рисунок на котором походил на лучи заходящего солнца. У изголовья все заблистало, словно бы взошла полная луна.

Через некоторое время государь сказал Хэдэ:

— При свете дня государыня вовсе не так прекрасна, как ночью. Каждое утро приносит мне разочарование.

Тогда Хэдэ решила в день рождения государыни подарить ей свою жемчужину, светящую в ночи, однако до времени таилась и от нее, и от государя. В день же, когда государыню пожаловали новым высоким титулом, Хэдэ составила поздравление, в котором писала: «В сей знаменательный день, когда небо и земля являют меж собою дивное согласие, драгоценная старшая сестра достигла наивысшего счастья — в сиятельном блеске она восседает на яшмовом троне. Отныне предки наши ублаготворены, что переполняет меня радостью и благоговением. В знак поздравления почтительнейше подношу нижепоименованные двадцать шесть предметов:

Циновка, изукрашенная бахромой и золотыми блестками.

Чаша алойного дерева в виде лотосового сердечка.

Пятицветный шнур, завязанный узлом,— знак полного единения.

Штука золототканной в тысячу нитей парчи с узором в виде уточек-неразлучниц.

Ширма, отделанная горным хрусталем.

Жемчужина, светящая в ночи.

Покрывало из шерсти черной лисицы, отдушенное благовониями.

Статуэтка сандалового дерева и к ней пропитанная благовониями тигровая шкура.

Два куска серой амбры, оттиснутой в виде рыб.

Драгоценный лотос, качающий головкой.

Зеркало в виде цветка водяного ореха о семи лепестках.

Четыре перстня чистого золота.

Темно-красное платье без подкладки из прозрачного шелка.

Три надушенных платка из узорного крепа.

Коробочка с маслом для волос, от коего они блещут семью оттенками.

Три курильницы червонного золота, предназначенные для сжигания ароматов подле постели.

Палочки для еды из носорожьего рога, отвращающие яд.

Коробочка из яшмы для притираний.

Всего двадцать шесть предметов, кои подношу Вам через служанку мою Го Юйцюн».

В ответ государыня Фэйянь подарила Хэдэ пятицветный полог из парчи с разводами в виде облаков и нефритовый чайничек с душистым соком алоэ. Хэдэ залилась слезами, пожаловалась государю:

— Не будь это подарок государыни, ни за что не приняла бы.

Государь благосклонно внял ее словам, и для Хэдэ был оплачен казною заказ на парчовый полог в семь слоев с рисунком в виде алойного дерева. Вскоре последовал указ о том, что государь на три года отбывает в Инчжоу.

Хэдэ встретила императора на озере Тайи, где к тому времени

построили огромный корабль, способный вместить всю дворцовую челядь числом в тысячу человек. Корабль стал именоваться Дворцом слияния. Посреди озера, словно бы гора высотою в сорок чи, вздымался павильон Страна блаженства Инчжоу[13].

Как-то раз государь и Фэйянь любовались из павильона видом на озеро. На государе была из тонкого шелка рубашка, без единого шва, с узором в виде набегающих волн. Государыня была в наряде, присланном в дар из Южного Юэ: в изукрашенной слюдой пурпурной юбке, на коей складки были уложены наподобие струй, и поверх нее платье из тонкого полотна, цветом напоминавшее драгоценную красную яшму.

Фэйянь танцевала и пела песню «Издалека несется встречный ветер». В лад ее пению государь ударял по нефритовой чаше заколкою для волос из резного носорожьего рога, меж тем как Фэн Уфан, любимец государыни, по его повелению подыгрывал Фэйянь на шэне[14]. Неожиданно посреди хмельного веселья и песен поднялся ветер. Словно бы вторя ветру, государыня запела громче. Фэн Уфан, в свой черед, заиграл еще затейливее, и звуки шэна полились легко и нежно. Музыка и голос отвечали друг другу согласием. Вдруг ветер приподнял юбку государыни, бедра ее обнажились, она закричала:

— Смотрите на меня! Смотрите! — И, взмахнув развевающимися по ветру рукавами, взмолилась: — О небесная фея! Отврати мою старость, даруй мне юность! Не оставь своею заботой!

Государь, опасаясь, что ветер вот-вот унесет ее, попросил Фэн Уфана:

— Подержи государыню.

Отбросив шэн, Уфан успел поймать государыню за ножку.

Ветер стих, Фэйянь залилась слезами:

— Государь был милостив и не дал мне уйти в обитель фей.

Она принялась насвистывать грустную мелодию, потом снова зарыдала, и слезы заструились у нее по щекам.

Государь устыдился и пожалел Фэйянь. Он одарил Фэн Уфана слитками серебра, по весу и доброте равными тысяче монет, причем дозволил ему входить в покои государыни. Через несколько дней дворцовые красавицы обрядились в юбки, на коих складки были уложены наподобие струй, и назвали этот наряд «юбка, за которую удержали фею».

Хэдэ пользовалась все большей благосклонностью государя. Ей был пожалован титул Сияющая благонравием. Поскольку она захотела находиться вблизи сестры, государь выстроил павильон Младшей наложницы и несколько парадных зал: залу Росистых цветов, залу, Таящую ветер, залу Вечного благоденствия и залу Обретенного спокойствия. За ними располагались купальни: комната с теплой водой, комната с чаном для льда и водоем с орхидеями. Изнутри помещение было вызолочено и изукрашено белыми круглыми пластинами из яшмы. Стены дивно переливались на тысячу ладов. Строения эти соединялись с Дальними покоями государыни через ворота «Вход к небожительницам».

Хотя Фэйянь пользовалась благосклонностью государя, она распутничала и рассылала всюду людей на поиски знахарей в надежде получить от них снадобья, отвращающие старость.

Как раз в то время от юго-западных племен бэйпо привезли дань. Посол бэйпо был искусен в приготовлении некоего яства, отведав коего человек бодрствовал целый день и ночь. Начальник иноземного приказа доложил государю о необычной наружности посла, присовокупив, что от того исходит удивительное сияние. Государыня, прослышав о нем, спросила, что он за кудесник и каким искусством владеет.

Чужеземец ответил:

— Мое искусство заключается в том, что я могу покорить небо и землю, изъяснить законы жизни и смерти, уравновесить бытие и небытие. Мне подвластны все десять тысяч превращений [15].

Государыня тотчас позвала помощницу Фаньи по имени Бучжоу и передала ей для посла тысячу золотых.

— Тот, кто стремится постичь мое искусство, не должен предаваться блуду и сквернословию,— предупредил посол.

Государыня не вняла словам чужеземца. По прошествии нескольких дней Фаньи прислуживала при купании государыни. Государыня поведала Фаньи, о чем говорила с послом. Та, хлопнув в ладоши, сказала:

— Помню, в бытность мою на службе в Цзянду тетушка Ли Янхуа держала на озере уток. Но, к несчастью, выдра повадилась их таскать. Однажды старуха Нэй из Чжули поймала выдру, поднесла ее Ли Янхуа и сказала: «Говорят, что выдра ничего не ест, кроме уток, выходит, ее надо кормить утятиной». Услышав это, тетушка Ли Янхуа разгневалась и повесила выдру. Этот иноземец напомнил мне тот случай.

Государыня громко рассмеялась и сказала:

— Ах, вонючий дикарь! [16] Да разве под силу ему очернить меня перед государем и добиться, чтобы меня повесили?

Ко времени, о котором ведется речь, государыня соблаговолила полюбить некоего раба из рода Янь по прозванию Чи-фэн — Красный феникс. Он обладал отменною силой и проворством, легко перелезал через стены и незаметно проникал в опочивальни. Хэдэ, как и Фэйянь, принимала его на своем ложе. Однажды, когда государыня вышла из своих покоев, чтобы зазвать его к себе, она увидела, что раб выходит из павильона Младшей наложницы.

Как велит старый обычай, каждый год на пятый день десятой луны всем двором отправлялись в храм Упокоения души. Весь день окрест храма звучали окарины, били барабаны. Все танцевали, взявшись за руки и притопывая ногами. Когда раб вступил в круг, государыня спросила сестру:

— Ради кого он пришел?

Хэдэ ответила:

— Он пришел ради моей драгоценной сестрицы. Разве может он прийти ради кого-нибудь еще?

Государыня страшно разгневалась, швырнула в Хэдэ чашку с вином, залила ей юбку. Сказала при этом:

— Разве может мышь укусить человека?

На это Хэдэ ответила так:

— Коль в платье прореха, то исподнее видно. Только и всего. Никого я не хочу укусить!

Хэдэ с давних пор держалась с сестрою, как и полагается простой наложнице с государыней, и та никак не ожидала, что Хэдэ начнет препираться. Вот почему, услышав резкий ответ, государыня оторопела. Тогда Фаньи сбросила головной убор, грохнулась оземь и принялась биться головой так, что хлынула кровь. Затем взяла Хэдэ за локти и заставила поклониться государыне. Хэдэ поклонилась и заплакала:

— Вы ныне вознеслись высоко и знатностью превосходите других. Никто не смеет поднять на вас руку. Разве вы, сестрица, забыли, как прежде в долгие ночи мы укрывались одним одеялом и не могли уснуть от холода? Как терпели нужду? Как вы просили вашу сестру Хэдэ прижаться к спине вашей и согреть ее? Так неужели мы будем ссориться друг с другом попусту?

Государыня тоже зарыдала. Она взяла Хэдэ за руку, потом вынула из волос заколку из фиолетовой яшмы с изображением девяти птенцов феникса и воткнула ее в прическу сестры. Так все и закончилось.

Государь кое-что прослышал об этой истории и пожелал узнать подробно, в чем дело. Но, страшась гнева государыни, никто не проронил ни слова. Тогда он спросил Хэдэ. Она ответила ему так:

— Государыня возревновала меня к вам. Знаки Ханьской династии — ведь огонь и добродетель, потому вы, государь, и есть Красный дракон [17] или Красный феникс.

Государь поверил этому объяснению и остался чрезвычайно польщен.

Однажды, отправившись спозаранку на охоту, государь попал в снегопад и занемог. С тех пор он ослабел потайным местом и не был могуч, как прежде. Обычно, лаская Хэдэ, он держал ее ножку. Но с некоторых пор государь был уже не в силах вызвать в себе страсть. Когда же внезапно он распалялся желанием, Хэдэ обыкновенно поворачивалась к нему спиной, лишая его возможности ласкать ее.

Фаньи сказала как-то Хэдэ:

— Государь испробовал всякие снадобья, чтобы побороть бессилие, но даже знаменитый эликсир даосов ему не помог. Только держа вашу ножку, он может одолеть недуг. Небо даровало ему большое счастье. Почему же вы поворачиваетесь к государю спиной?

Хэдэ ответила:

— Лишь поворачиваясь к государю спиной и не давая ему ублаготворения, я поддерживаю в нем влечение. Если я буду поступать, как моя сестра, ибо это она научила государя держать ее ножку, я быстро ему наскучу. Разве можно одним и тем же средством дважды добиться успеха?

Государыня была надменна и заносчива, чуть захворав, отказывалась от еды и питья, и государю самому приходилось кормить ее — держать палочки и ложку. Когда же лекарство было горьким, она принимала его не иначе как из собственных уст государя.

Хэдэ имела обыкновение вечером омываться в бассейне орхидей. В блеске ее тела меркло пламя

свечей. Государь ходил в купальню смотреть на нее. Однажды, заметив его за занавеской, слуги доложили Хэдэ. Тогда Хэдэ прикрылась полотенцем и велела унести свечи. На другой раз государь посулил слугам золото, если они промолчат. Но ближняя служанка Хэдэ не пожелала войти в этот сговор. Она стала за занавеску, ожидая появления государя. Не успел он войти, как она тотчас сказала о том Хэдэ. Хэдэ поспешила скрыться. С тех пор, отправляясь за занавеску в купальню с плавающими орхидеями, государь прятал в рукаве побольше золота, чтобы подкупать слуг и служанок. Он останавливал их, хватая за одежду, и одаривал при этом каждого. Жадные до денег слуги сновали перед ним непрестанно. Только одному ночному караулу государь раздал сто с лишним слитков.

Вскоре государь заболел и вконец ослабел. Главный лекарь прибег ко всем возможным средствам, но облегчения не было. Бросились на поиски чудодейственного зелья и добыли «камедь, придающую силу». Пользование зельем требовало осторожности. Лекарство передали Хэдэ. Во время свиданий с государем Хэдэ давала ему как раз столько, чтобы единожды утолить страсть. Но как-то ночью, сильно захмелев, она поднесла ему разом семь пилюль. После чего государь всю ночь пребывал в объятиях Хэдэ за ее девятислойным пологом; он смеялся и хихикал без перерыва. На рассвете государь поднялся, чтобы облачиться в одежды, но тут же упал. Хэдэ бросилась к нему. Жизненная влага истекала из потайного места, увлажняя и пачкая одеяло. Недолго спустя государь опочил.

Когда придворные доложили о случившемся государыне, она приказала выяснить все обстоятельства высочайшей кончины у Хэдэ. Узнав об этом, Хэдэ сказала:

— Я смотрела за государем, как за малым ребенком, а он отвечал мне любовью, которая способна повергать царства [18]. Возможно ли, чтоб я смиренно предстала перед главным управителем внутренних покоев и препиралась с ним о делах, что происходили за спальным пологом.— Затем, непрестанно ударяя себя в грудь, она горестно воскликнула: — Куда ушли вы, мой государь? — Кровь хлынула у нее горлом, и она скончалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Лин Сюань. Неофициальное жизнеописание Чжао — Летящей ласточки (Чжао Фэйянь вай-чжуань). Перевод выполнен по изданию «Цзю сяо-шо» («Старая проза»). /Составитель У Цзэн-ци. Т. I.— Шанхай, 1957.

2 Чжунвэй.— Чиновник, ведавший поимкой разбойников.

3 ...сочинение старца Пэн-цзу «Различение пульсов»...— По преданию, мифический старец Пэн-цзу, владевший секретом продления жизни, прожил будто бы почти до восьмисот лет. В повести говорится о его сочинении, трактующем о различении пульсов и управлении дыханием. В традиционной китайской медицине чрезвычайно подробно разработано учение о пульсах различных внутренних органов.

4 Чанъань.— Город в Северо-Западном Китае (ныне Сиань), бывший столицей Китая при династии Хань и нескольких последующих династиях.

5 ...правителя Яньэ.— Яньэ — местность в провинции Шаньси; кто реально имел это звание, установить не удалось.

6 Уточки-неразлучницы — мандаринские утки, считавшиеся в Китае символом супружеской верности.

7 Император династии Хань Сюань-ди правил с 74 по 49 г. до н. э.

8 Дворец Ароматов (Пэйсян дянь) — один из четырех дворцов тогдашней столицы.

9 ...вода гасит огонь...— По древнекитайским представлениям, каждой династии соответствовал один из пяти первоэлементов (вода, огонь, металл, земля, дерево). Символом династии Хань считался огонь, для которого губительна вода.

10 ...подобно государю У-ди, искать страну Белых облаков.— Император ханьской династии У-ди (правил со 141 по 87 г. до н. э.) мечтал о даосском снадобье, дарующем бессмертие, и надеялся отыскать страну Белых облаков, где якобы обитали бессмертные.

11 ...парчи, сотканной русалками.— По древнекитайским поверьям, в южных морях жили цзяожэнь — человекорыбы, русалки, которые ткали тончайшие красивейшие шелка. В данном случае под парчой, сотканной русалками, имеются в виду, видимо, самые дорогие сорта ткани.

12 ...пять функций жизни (у инь).— Буддизм различает пять функций человеческого бытия — восприятие формы предмета, способность размышлять, абстрактную деятельность сознания, физическое действие и опытное знание.

13 Дворец слияния... Страна блаженства Инчжоу.— Оба названия имеют эротический смысл. Инчжоу, по даосским легендам, одна из трех гор-островов, будто бы плававшая в море, на которой обитали бессмертные.

14 Шэн.— Музыкальный инструмент, род губного органчика, состоящего из деревянного чашеобразного корпуса, в крышку которого вставлено более десяти трубочек.

15 ...все десять превращений...— Т. е. все явления, происходящие в природе.

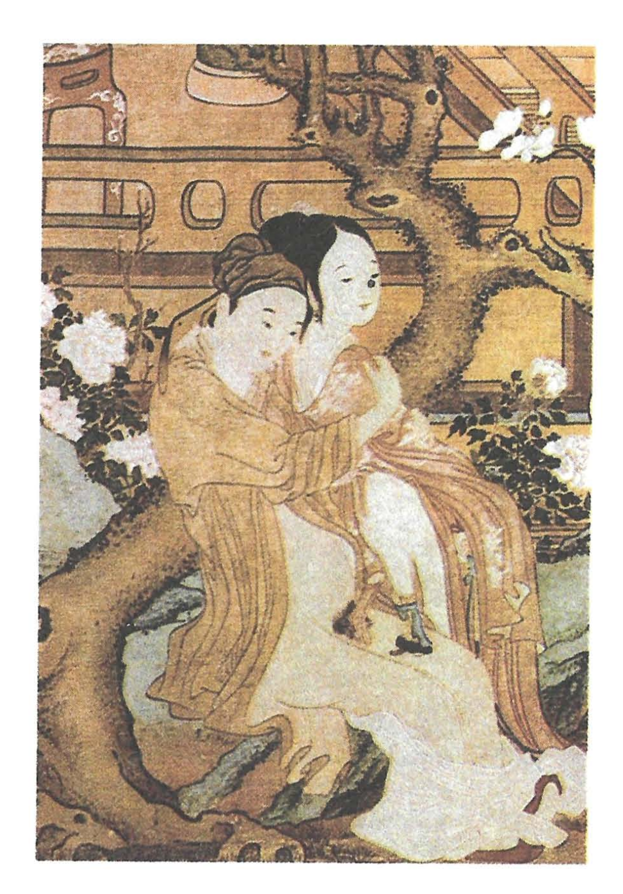
16 ...дикарь! — Древние китайцы, считая свою страну центром ми-

роздания (отсюда само название Китая Чжунго — Срединное царство) и верхом совершенного общественного устройства, называли представителей всех окружавших их племен и народов дикарями, варварами.

17 Дракон.— Символ императора, императорской власти.

18 ...способна повергать царства.— Героиня использует обычное в китайском языке образное выражение, восходящее еще к древним песням, в которых говорилось о красавице, одним своим взглядом повергающей царства. Здесь этот образ несколько переосмыслен.

Перевод К. И. Голыгиной.
Примечания Б. Л. Рифтина.

68. На скалистом сиденье, или «Шальной мотылёк ищет аромат».

АНОНИМ (IX в.)

ЗАПИСКИ О ТЕРЕМЕ ГРЕЗ [1]

На склоне лет государем Ян-ди [2] овладела разнузданная похоть, возжаждал он женских прелестей. Однажды сказал приближенным:

— Когда в твоих руках все богатства, какие ни есть в Поднебесной, жаждешь испить полную радость тех дней, что отпущены судьбой. Ныне в стране до самых крайних ее пределов царят процветание и благополучие, и я мог бы предаться сладким радостям жизни. Мой дворец наряден и просторен, но нет в нем отрады, ибо нет ника-

ких затей — извилистых переходов, укромных галерей, потаенных уголков. Будь у меня такой дворец, наслаждался бы в нем до конца своих дней.

Приближенные хором ответствовали своему государю:

— Есть тут один художник, имя ему мастер Юсяншэн. Ходит слух, будто умеет возводить высокие палаты.

Назавтра же призвали мастера и спросили о деле.

— Прошу разрешения вначале подать чертеж, — ответил тот.

Не прошло и нескольких дней — мастер принес чертеж. Государь просмотрел его и был премного ублаготворен. Не откладывая, приказал дать работных людей десять тысяч и снабдить мастера всем, что требуется.

Минул год, и дворец был построен. Что это было за диво! Слепили глаза бесчисленные резные окна, затейливо извивались галереи, веселила глаз круговерть нефритовых перил и, словно непомерных размеров браслет, со всех сторон опоясывали его красные стрехи, балконы и террасы. Во дворце было великое множество дверей и потайных дверок, которые вели неизвестно куда, а все комнаты соединялись коридорами и коридорчиками. У входных дверей лежал на перилах извивающийся, литой из золота дракон, во дворе стояли на задних лапах резанные из нефрита чудовища. Дивно излучала свет яшмовая черепица, ворота блистали, словно солнца, золотом и яшмой переливался дворец. Поистине он был творением незаурядного мастера. С древних времен и до нынешних дней люди не видывали подобного чуда. И был дворец не без хитрости: случись кому забрести в его покои, до конца дней мог искать выход. Государь удостоил постройку посещением и остался доволен.

— Гуляя по покоям дворца, — сказал он приближенным, — чувствуешь себя небожителем. Поистине мой дворец — это Терем грез.

Дворец и вправду был хорош, но и обошелся недешево: казна иссякла, ни чоха не осталось. К тому еще государь воздал мастеру благодарностью — за хорошую службу пожаловал званием чиновника пятого разряда и выдал из казны тысячу локтей превосходного полотна.

В новый дворец Ян-ди переселил из своего гарема тысячу красавиц и совсем удалился от дел. Минула полная луна, а государь ни разу не покинул Терем грез.

А тут еще некий дафу[3] Хэ Чоу преподнес государю коляску для плотской утехи. Внутри был механизм, который делал девицу неподвижной. Государь велел поместить в коляску девственницу и познал радость на грани блаженства. После этого он сказал Хэ Чоу:

— Искусно ты сработал. Придумай еще что-нибудь да позатейливее.

Хэ Чоу был великий мастер всяких механизмов. И скоро он поднес государю коляску на оси. Коляска вращалась по кругу и могла подыматься вверх, при этом она раскачивалась. Те, кто был внутри, тоже раскачивались, и государь получал от этого немалое удовольствие.

— Скажи, как следует называть твое устройство? — спросил однажды государь мастера.

— Увольте, государь, мое дело строить, а выдумывать название — ваша забота.

— Ты прав, мастер. И что за наслаждение доставляет мне твоя коляска! Мы назовем ее «Коляска, воплотившая грезы».

В другой раз государь призвал живописца и велел тому написать картину, на коей были бы разом изображены все прекрасные обитательницы Терема грез. Картина заняла не одну сотню полотен и была вывешена во многих залах.

В тот же год был нанят мастер-плавильщик, некий Шангуань Ши. Он изготовлял отменные бронзовые ширмы. Каждый экран полировался до тех пор, пока не становился подобен зеркалу. Ширма имела пятьдесят чи в высоту и три в ширину. Ширмы-зеркала, их было изготовлено несколько десятков, поставили вокруг ложа государя, и всем, кроме счастливицы, избранной государем для личного услужения, входить в опочивальню строжайше запрещалось. Дивно множились изображения, отраженные блестящей поверхностью ширмы, и казалось, целый хоровод девиц выходит из зеркал. Государю затея пришлась по душе, он повелел живописцам изобразить в натуральную величину те образы, что возникали на экранах. Эта прихоть Ян-ди обошлась казне стократ по десять тысяч монет. В награду за труд Шангуань Ши заплатили прещедро — тысячу золотом.

Дни и ночи государь проводил в Тереме грез. Распутство вконец изнурило его, силы иссякли. Однажды он признался тем, с кем был близок:

— Уповал, что в сладком забвении проведу дни, оставшиеся мне до кончины, а познал только усталость. Думал, чем больше женщин делит с тобой изголовье, тем легче смежить веки, но выходит наоборот: погружаешься в грезы, и окаянная плоть не дает глаз сомкнуть. Что делать?

На другой день некий Ван И, карла, родом из племени пигмеев, подал государю доклад, в котором писал:

«Чиновники, что надзирают за крестьянами, разоряют их; подданные, коим надлежит заниматься потребным делом, предают забвению обязанности и долг; безродные выходцы из глухих окраин удостоены чести входить во дворец, получают чины и должности, государь им расточает милости — вот как обстоят дела. А кто эти выскочки? Годятся лишь на то, чтобы мести мусор на заднем дворе. А кто те, что слоняются из комнаты в комнату и даже ночуют во дворце? Есть ли среди них хоть один, кому можно доверять? Нет. Все они воры, у коих на уме только одно — попасть в списки дворцовых нахлебников и схватить кусок пожирнее.

Скажи, государь, как честным и преданным предстать пред твоими очами? Скажи, как сделать, чтобы лишь мудрейшие и достойнейшие могли входить в твои личные покои? Из тех, кто обретается подле трона, не многие этого удостаиваются, а тот, кому выпадает удача, не всегда достойнейший. Потому и получается, что вокруг трона одна безродная провинция.

Они трубят твое имя, но сейчас не время принимать от них поздравления. Изо дня в день надлежит укреплять положение царского до-

ма, кое не так уж прочно и в одночасье может рухнуть.

Ваш подданный слыхал: мудрость — это чистая субстанция, ниспосланная небесами, дабы обрести себя во плоти человеческой. Чтобы стать подобным дракону, способному затмить солнце, государю надо начать с малого: быть рачительным и бережливым хозяином государства, приблизить к себе людей верных и достойных. Тогда новые песни зазвучат в Поднебесной, вы обретете в себе Дух Вселенной, а Дао вечного Неба станет законом царствования. Пока же ничто из этого не достигнуто, не посетят государя ни благостный сон, ни душевный покой. И то сказать: при свете ли дня, под покровом ли ночи во дворце одни пирушки да прогулки. На моем веку не было года, который прошел бы без расточительного празднества. Дворец полон блудниц, вы без счета познали красоток, а ведь на склоне лет силы плоти, как и все на свете, иссякают.

Расскажу притчу: «Жил в стародавние времена старец. Он пел и плясал в одиночестве, подыгрывая себе на каменном гонге. Люди спросили его: «Скажи, много ли радости петь и плясать одному?». Старец ответил: «Радостно мне, ибо есть к тому три причины. На век людей мало выпадает спокойной жизни, а ныне не вижу я ни мятежей, ни солдат — это первая причина. Люди рано познают дряхлость и недуги, а мое тело бодро и здорово — вот вам вторая причина. Людям редко удается прожить долгий век, а мне уже восьмой десяток — вот третий повод к радости». Подивились люди его рассказу и с тем ушли». Позвольте, государь, извлечь мне из этой притчи назидание — пока помыслы государя идут вразрез с тем, что говорил старец, его подданные — богатые и знатные — будут гордо ездить в высоких колесницах и тем умалять достоинство небесноподобной особы государя и сияние его лика, подобного дракону и фениксу. Дальше предвижу больше: чиновники перестанут кланяться до земли, забудут о запрете на упоминание священного имени государя, а там умыслят и на власть и даже жизнь его. И тогда жди смуты. И, увы, простые люди прольют горючие слезы».

На следующий день, призвав Ван И, государь сказал ему:

— Всю ночь думал над твоим докладом. Нахожу в нем глубокий смысл. Поистине ты любишь меня.

Скоро он повелел найти в задних покоях дворца тихую комнату и поселился в ней. Женщинам вход к нему был запрещен. Прожил в уединении два дня, а потом покинул добровольную келью:

— Изнемог от такой жизни. Если бы суждено было мне прожить десять тысяч лет, затворничество имело бы смысл.

И с этими словами опять воротился в Терем грез.

В столичном дворце было великое множество женщин, и, конечно, не каждая могла надеяться, что государь призовет ее хоть однажды. Без всякого дела они толпами бродили по дворцу. Как-то одна из жен Ян-ди, красавица в звании фужэнь, повесилась на стропилах. При ней нашли кошель, что носят на плече, а в нем — стихи. Отнесли государю.

Прочтя стихи, государь преисполнился печали. Выразил желание поглядеть на усопшую.

— Редкостной была красоты и свежа, как цветок персика,— сказал он, вздохнув.

Велел явиться чжуншисюю Яньфу, чиновнику, что начальствовал над гаремом.

— Я поставил тебя распорядителем гарема, велел отбирать в Терем грез наивиднейших красавиц, а ты чинил помехи. Отчего и по какой причине не взял эту красавицу?—гневно спросил он и тут же велел этого Яньфу в железах отправить в тюрьму.

Государь Ян-ди захотел ответить возблагодарением на страдания усопшей и велел похоронить ее с почестями, кои подобают государыне. Он часто перечитывал ее стихи и однажды, проникшись их горьким настроением, велел положить на музыку. Потом самолично отобрал сто красавиц из столичного гарема и отправил в Терем грез.

На восьмом году правления под девизом Да-е—«Великие свершения»[4] некий маг поднес ему для подкрепления сил киноварные пилюли, и государь начал их принимать. Однако ничто не помогало—силы падали, государь уже не был могуч, как прежде. Он был уже не властен над своей волей—не мог отказаться от распутного образа жизни, вокруг государя, как всегда, было не менее десятка женщин. Летом того года государь начал страдать от непомерной жары и за день выпивал несколько сотен чашек жидкости, а напиться не мог. Первый лекарь Мо Цзюньси, осмотрев государя, сказал:

— Изношены сердце и жизненные центры, безмерно оскудела мужская изначальная субстанция. А от того, что много пьете, может возникнуть тяжкий недуг.

Он прописал государю лекарство и велел поставить жбан со льдом, научил слуг способам, как снимать с государя усталость. После все красавицы из государева окружения также потребовали по жбану со льдом. Погрузившись в прохладную воду, эти беспутницы ревниво ожидали, когда государь их осчастливит. А лед тотчас подскочил в цене. Семьи, в коих хранение льда было промыслом, получали доходу не одну сотню тысяч золотом.

На девятом году правления под девизом «Великие свершения» государь решил вернуться в столицу. Слух разнесся среди обитательниц Терема грез, и они, протестуя против государева отъезда, спели такую песенку:

В Хэнани опали тополь
и ива,
ветер разносит пух
тополиный.
В Хэбэе в полном цветении
слива,
реет над ратями дух
соколиный[5].

Государь, услыхав песню, изволил снять дорожное платье и созвал красавиц. Приступил с расспросами:

— Кто научил вас этой дерзкой песне?

— Один из ваших чиновников гулял среди простого народа и услыхал ее,—был ответ.—Говорил, будто поют мальчишки на улицах.

Государь погрузился в раздумье и долго молчал. Потом сказал: «То знак Неба, знак Неба». Он нацедил вина и пропел:

Настанет день — и Терем грез
сгорит дотла.
Никто слезы не обронит,
над домом Суй нависнет мгла.

Песня не принесла государю избавления от тоски. Приближенные и гаремные затворницы не поняли ее смысла.

— Слушать надо уметь,— сказал им государь.— Придет время — поймете.

Вскоре государь отбыл в Цзянду. Ли Ми поднял войска и вступил с ними в столицу. Царство Суй перестало существовать, а сам Ян-ди погиб. Увидев Терем грез, Ли Ми, будущий император новой династии Тан, сказал:

— Он был создан на крови и страданиях народа,— и повелел его спалить. Месяц горел Терем грез, никак не мог сгореть.

Государь Ян-ди знал, что вознесение к власти сменяется крахом — вот о чем была его песня. И в кончине его самого, и в крахе его империи нет ничего неожиданного.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Перевод осуществлен по изданию: «Лю Фу (XI в.). Цин-со гао-и» (Суждения о нравственном у Зеленых ворот).— Шанхай, 1958.

2 Ян-ди, т. е. предпоследний император династии Суй (589—618 гг.) — Ян Гуан, правил с 604 по 617 гг.

3 Слово «дафу» имеет значения: «великий (мудрый) муж», «чиновник», «сановник», «лекарь».

4 Девизом «Да-е» был обозначен период с 605 по 616 г., соответственно его восьмой год — это 612 г.

5 Песня предсказывает гибель Янди и победу новой династии: слово «тополь» (ян) звучит как имя государя, а слово «слива» (ли) — как имя будущего императора новой династии Тан (618—907 гг.) — Ли Ми.

Перевод и примечания К. И. Голыгиной.

69. Атака сзади, или «Прыгающий белый тигр».

ЧЖЭНЬ ЦЗИНБИ (XIII-XIV вв.)

ДЕВУШКА В КРАСНОЙ ПЛАХТЕ [1]

Жил в середине годов под девизом Цзя-си [2] некий Цзай, прозвище имел Легко-вздымающий плоть. Усадьба его была подле общественного дома для неженатых мужчин деревни. Рядом с тем домом росло дерево хунмэй — красный абрикос [3]. Пышно раскинулись его ветви, прихотливо сплетаясь в кроне и далеко, едва ли не на

пол-му[4], отбрасывая густую тень. И вот однажды, когда наступила пора цветения, приманило что-то Цзая под тенистую крону. Взял он вина, уселся под деревом и весь остаток дня так и просидел под ним. Уже и ясная луна выплыла на небо, и вино иссякло в бутылке, а он все сидел и сидел. Вдруг из густых ветвей появилась девушка в красной плахте и, словно легкая тень, прошла неподалеку. И какая славная она была! Цзай крадучись двинулся за ней, да не прошел и десяти шагов, как та будто истаяла.

Ах, если бы не злой рок, разве встретил бы ее Цзай! С той поры стал он сам не свой: во сне бормочет ласковые слова, днем словно немой истукан. Односельчане жалели Цзая. Был среди них один старик, он догадался, что приключилось с юношей. Пришел к нему и сказал:

— Слыхал, будто в старину жила в нашей деревне девушка несравненной красоты, семья ее была далеко, там, где сливаются реки Сяо и Сян. И небу было угодно, чтобы похоронили ее под деревом хунмэй. С той поры не было ночи, чтоб не появлялась она под деревом, и всякий, кто ее видел, скоро погибал. Увы, видно судьба была тебе ее увидеть!

Цзай решил проверить слова старика, пошел к дереву — и вправду, раскопал под ним гроб. Была там еще дыра, круглая, словно деньга, видно змеиная нора. Скоро заметил он и свернувшуюся клубком змею, а под корнями дерева, где ствол расходился надвое, еще и какие-то объедки, видно, змея приносила в нору еду.

Цзай раскрыл гроб и поразился, как прекрасна была усопшая: лицом свежа, как живая, хотя пудра чуть стерлась, помада поблекла, а платье и саван уже тронуты тленом. Сердце его опьянилось любовью, он поднял тело и тайно отнес в удаленный флигель, где жил. Там уложил девушку на циновку и каждый день подолгу тер ей руки и ноги. Однажды не удержался и возлег с ней. И с того раза каждую ночь имел с ней соитие. Скоро дыхание его стало прерывисто, силы иссякли и появился недуг. Домашние Цзая, видя его слабость, пригласили книжника. Тот пришел и заметил в стене дыру. Думая, что через нее могла проникнуть в дом нечисть, свершил жертвоприношение, но болезнь Цзая усилилась, и в тот же день он умер. Книжник сказал:

— Не иначе, как где-то поблизости злой дух. А чтобы вы знали, что слова мои — не догадка, поведаю вам историю, читанную в старых книгах: один молодой монах украл труп женщины, спрятал в своем жилье и имел с ней сношение. Скоро и преставился. Не случилось ли здесь то же самое?

За такие речи семья Цзая привлекла книжника к ответу, подав на него жалобу в управу, ибо никто не верил, что такое могло быть. Но когда родственники пошли во флигель и узрели, что Цзай лежит в обнимку с усопшей, поняли, что то была не напраслина.

В рассуждение напомню: во «Всеобщем зерцале, в управлении помогающем»[5], рассказано, что императрица Люй-хоу, как раз после мятежа «краснобровых»[6], на берегу реки предала проклятию

труп некоей девицы, что доводил людей до гибели. Отсюда можно заключить, что были и в древности подобные случаи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Перевод осуществлен по ксилографическому изданию антологии XVI в. «Наставница подле зеленого окна» («Люй чуан нюй-ши»). Плахта (шан) — это особая юбка, в древности составлявшая один из важнейших компонентов торжественного мужского костюма и символизировавшая земное, нижнее, женское начало. Красный, т. е. мужской, цвет плахты-шан знаменует собой единство Неба и Земли, мужского и женского начал. Подробно о плахте-шан и ее изображения см.: Л. П. Сычев, В. Л. Сычев. Китайский костюм.— М., 1975.

[2] Девизом «Цзя-си» («Счастливое процветание») был обозначен период правления династии Сун с 1237 по 1240 г.

[3] Хунмэй (буквально: красная слива) — абрикос муме, или абрикос японский. Определение «хун» («красный») может также ассоциироваться с его омонимом «хун» («бескрайний»), намекая тем самым на необычный и даже сверхъестественный размер дерева. Скорее всего, данный рассказ отразил пережиточные формы коллективного брака, поскольку его действие разворачивается у общественного дерева и возле дома для юношей. Сюжет восходит к хорошо известному в мировом фольклоре мотиву «Брак с чудесной супругой», которой тут является покойница. Общение с потусторонней женой обычно влечет за собой смерть героя.

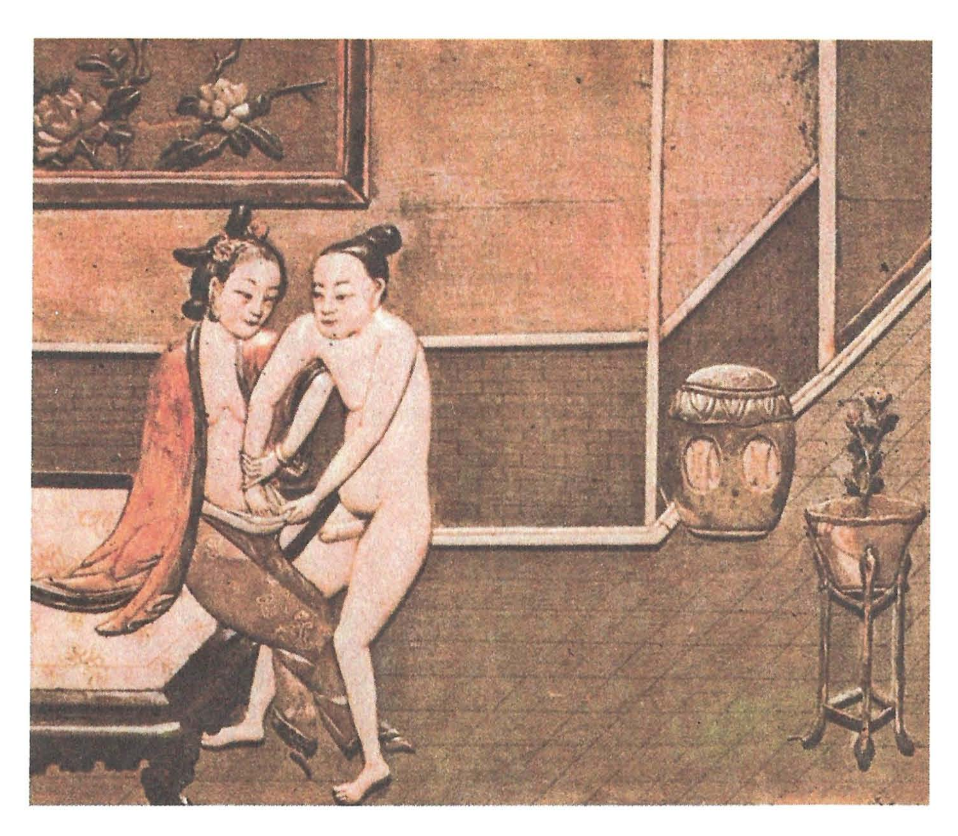
[4] Му — мера площади, в указанный период соответствовавшая 566 кв. м.

[5] «Всеобщее зерцало, в управлении помогающее» («Цзы чжи тун цзянь») — обширный исторический труд известного ученого Сыма Гуана (1019—1086 гг.), охватывающий период с 403 г. до н. э. по 960 г. н. э.

[6] Императрица Люй-хоу правила со 187 по 178 г. до н. э. В тексте допущена неточность, поскольку восстание «краснобровых» проходило в эпоху междуцарствия с 18 до 29 г. н. э. Чтобы отличить себя от воинов правительственной армии, повстанцы красили брови красным цветом. Возможно, привлечение сюда «краснобровых» — намеренное акцентирование цветовой символики: в пандан к красной плахте и красному абрикосу.

Перевод К. И. Голыгиной. Примечания К. И. Голыгиной и А. И. Кобзева.

中國民情

70. «Нефритовый стебель» стремится в «киноварную пещеру».

ФЭН МЭНЛУН (1574—1646 гг.)

СОЖЖЕНИЕ ХРАМА ДРАГОЦЕННОГО ЛОТОСА

В рясе, обривши голову,
совершенствуй жизненный путь.
Возжигай благовония Будде,
сердцем благостен будь!
Избегни греховных деяний
в пошлой мирской суете.
Свое беспорочное имя
всегда храни в чистоте!
Чти великого Будду,
ревностно пост соблюдай.
Стремясь к блаженной нирване,
священные сутры читай!
Путы сбросив земные,
превзойдешь бессмертных вполне.
Не завидуй тем, кто имеет
тысячи слитков в мошне!

В стародавние времена в ханчжоуском храме Золотой Горы жил

один монах, принявший в постриге имя Чжихуэй, что значит Постигший Мудрость. Он постригся еще в юном возрасте и к тому времени, о котором сейчас пойдет речь, успел скопить немалые деньги, словом, разбогател. Как-то на улице он встретил красавицу, чей лик всколыхнул всю его душу, да так, что он сразу как-то обмяк и стал похож на пучок конопли. И захотелось ему крепко обнять девицу и прижать к груди. Но как проглотить лакомый кусочек? Он шел своей дорогой и миновал уже домов десять или больше, а все нет-нет да оглянется назад.

«Кто она, эта красотка? — мучился он.— Переспать бы с ней одну только ночь! И я был бы счастлив до конца своих дней». А далее он рассуждал: «Конечно, я монах, однако ж меня, как и всех, родила мать с отцом. Так неужели мне совсем не дано познать женщину, и все только из-за того, что у меня бритая голова? Нет. Наш Будда наговорил какую-то чушь! Другое дело, если кто сам хочет стать бодхисатвой или святым наставником, пусть себе устраивает разные запреты! К чему же заставлять других исполнять правила да блюсти ограничения? Почему от них должны страдать простые смертные вроде меня?.. Или вот еще чиновники, которые составляли законоположения. Ведь эти негодники сами не гнушались благами: обряжались в шелка, выезжали в каретах, запряженных четверкой. А ведь лучше бы они из добродетели помогали тем, кто стоит внизу. Вместо этого чинуши придумали какие-то паршивые законы, из-за которых монахов перестали считать за людей. Почему нас следует наказывать, если мы немного побалуемся? Что мы, из другого теста сделаны? Зачем за это вязать веревкой и бить батогами?»

Так думал с обидой монах и даже помянул недобрым словом своих родителей. «Понятно, что им трудно было меня растить. И все же лучше бы я умер в малолетстве. По крайней мере, сразу бы все кончилось. Так нет, они-таки вырастили меня и отдали в монахи. И что же? Я ни то и ни се, шага не могу ступить по-человечески. Разве не обидно? А может, пока не поздно, бросить монашество, подыскать себе жену, которая родит мне детей, и жить с нею в счастье и довольстве?». Но тут на ум пришли мысли о радостях монашеской жизни. Верно говорят: монах ест, а хлеба не сеет; носит одежду, а сам ее не ткет. Он живет в чистой и светлой келье, воскуряет благовония да распивает чаи. Кажется, чего еще нужно? Все есть у него!»

В конце концов мысли в голове у Чжихуэя вконец перепутались. Он медленно брел по дороге, пока не дошел до своего монастыря. В голове по-прежнему царил сумбур, а душа была объята страхом, унынием. Едва дождавшись вечера, он отправился спать, но так и не сомкнул очей, все вздыхал и стенал, а перед глазами стоял образ красотки, которую он возжелал. Монах маялся, гнал от себя бредовые мысли... Ведь он даже не знал, кто та девица и где живет. И вдруг его осенило: «Ее можно отыскать, и совсем нетрудно! С такими спеленатыми ножками наподобие маленького лука она не могла далеко уйти от своего дома. Значит, она

71. «Парение морских чаек».

живет где-то поблизости! Потрачука несколько дней, расспрошу о ней. Может, судьба сжалится надо мной, и я встречу ее на улице. Тогда я пойду за ней следом и узнаю, где ее дом. А там договорюсь с кем-нибудь из ее знакомых, и она наверняка будет моя».

Монах пришел к этому решению, когда забрезжил рассвет. Он встал и умылся, потом облачился в новую шелковую рясу, надел туфли и чистые носки. Принарядившись, вышел из кельи. Проходя мимо зала богини Гуаньинь, он вдруг подумал: «Узнаю у бодхисатвы, будет ли мне сегодня удача или она обойдет меня стороной?» Преклонив колена, он сделал два поклона. Его рука потянулась к деревянному сосуду с дщицами[1], что стоял на столе. Несколько раз он встряхнул сосуд, отчего одна из дщиц упала на землю. Монах поднял ее — оказалось, на ней стоит число «18», которому соответствовало такое заклятие: «Небо дарует тебе брачную нить, а посему не случайна твоя встреча сегодня. Умерь алчность и лень, проявляй усердие, и тогда нынешний день станет лучше, чем прошедший». Слова заклинания очень обрадовали монаха. «Судя по надписи, я нынче непременно встречу красавицу. Такого случая пропустить никак невозможно». Монах отвесил несколько поклонов и, поставив сосуд на место, поспешил к тому месту, где встречал девицу. И вдруг видит, что издалека к нему приближается какая-то женщина. Присмотрелся — она, вчерашняя незнакомка, предмет его вожделений и волнений. Женщина шла совершенно одна — за ней ни единого человека.

Монах ошалел от счастья. Он, конечно, сразу вспомнил о надписи на дщице, которую ему предопределила богиня. Удача шла прямо в руки. Он устремился следом за красавицей. Женщина подошла к двери какого-то дома и, откинув в сторону бамбуковый занавес, переступила порог, а потом обернулась и, улыбнувшись, помахала рукой. Монах задрожал от радостного возбуждения. Оглядевшись по сторонам и никого не заметив на улице, он раздвинул занавес и шмыгнул в дверь. Он вежливо поздоровался с женщиной, но та даже не ответила на приветствие. И вдруг, взмахнув рукавом халата, она сбила с его головы шапку и поддела ее своей маленькой ножкой, да так, что шапка далеко откатилась в сторону. Красавица захихикала. Монах почувствовал сладкий аромат ее тела.

— Госпожа, прошу вас, не смейтесь надо мной! — взмолился он, подняв шапку и водрузив ее на голову.

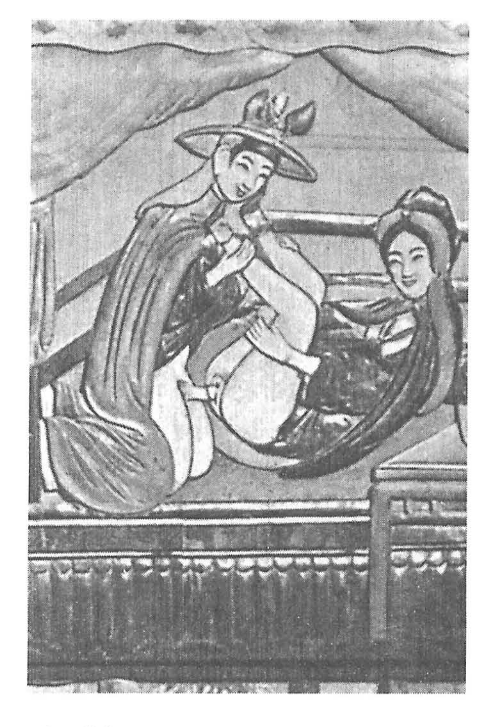
— Монах! Зачем ты пожаловал сюда, к тому же днем?

— Ах, госпожа! Вы же сами дали знак! Зачем же спрашивать!

Любовная страсть раздирала монаха. Не выдержав, он бросился к женщине и заключил ее в объятия, нимало не думая, нравятся ей его ласки или нет.

— Ах ты, лысый злодей! — засмеялась красавица, когда монах принялся стаскивать с нее одежду. — Невежда и грубиян! Сразу видно, что тебе не приходилось иметь дело с порядочными женщинами! Ну уж так и быть, следуй за мной!

Она повела его по извилистой дорожке к небольшому домику.

72. «Обезьянья хватка».

Быстро раздевшись, они улеглись на ложе и, тесно прильнув друг к другу, собрались было приступить к приятным занятиям, как вдруг в дверях появился здоровенный детина с топором в руке.

— Плешивый осел! — заорал он.— Как ты смеешь поганить честную женщину?

Монах застрясся от страха и упал на колени.

— Виноват! Простите ничтожного инока! Перед ликом всемилостивейшего Будды проявите жалость к моей собачьей жизни! Вернувшись в свою обитель, я прочитаю все десять книг «Лотосовой сутры»[2] и буду молить богов, чтобы они даровали вам безмерное долголетие и богатство!

73. «Рыбы соединяют глаза».

Но верзила ничего не хотел слушать. Он взмахнул топором и — трах! — прямо по макушке. Вы спросите, остался ли монах жив после этого удара... Оказывается, все это случилось во сне. От ужаса монах проснулся. Страшный сон стоял у него перед глазами. «Блуд до добра не доведет! — подумал он.— Лучше уж просто вернуться к мирскому бытию и вкушать жизнь спокойную и тихую!».

Так он и сделал. Отрастил волосы, взял жену, но сам через три года скончался от чахотки. Еще в тот день, когда он уходил из монастыря, он сложил такое стихотворение:

Шляпу ученого не захотел
надеть в молодые годы.
Всей душою к священным запретам
обратился уже тогда.
В убогой келье ночует один,
мерзнет ночь напролет.
До костей продрогнув, метельным
днем бритоголовый бредет.

В красных палатках красотки живут,
но мимо он держит путь:
На нежные лица в румянах и пудре
не смеет даже взглянуть.
Скоро умрет, станет духом бесплотным,
его будет снедать тоска...
На Западном Небе[3] — чернеющий мрак,
словно в былые века.

Мы поведали вам о монахе Чжихуэе, который, хотя и нарушил запреты, вернувшись к мирской жизни, однако ж сохранил чистоту и не запятнал имя свое.

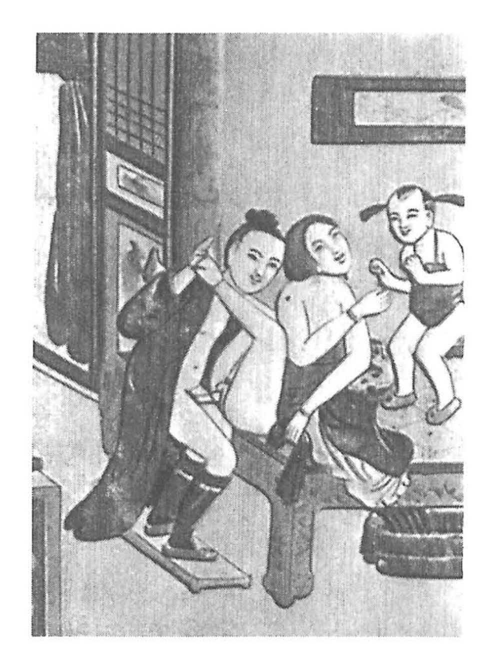
А теперь мы расскажем другую историю про учеников Будды, которые не блюли святых заповедей, из-за чего случилось дело весьма громкое и неприглядное. Как говорит одно изречение: «Облик буддийской святости потерял свое чистое сияние, и потускнели краски Горных Врат»[4]. Вы спросите, о чем повествует наша история? Об одной святой обители — храме Драгоценного Лотоса, который находился в уездном городе Юнчунь, области Наньнин провинции Шэньси. Построенный еще при прошлых династиях, храм по-прежнему сохранял свое великолепие. При нем были сотни построек, притворов и келий. Кругом лежали монастырские угодья: свыше тысячи му земли. В его казне хранились деньги и ценности в виде дорогих одеяний и утвари. Да, знаменита была сия древняя обитель! В храме иночествовали более сотни монахов, занимавшихся каждый своими обязанностями, а всю эту бритоголовую братию возглавлял настоятель с именем в постриге Фосянь, что означает Явление Будды.

74. «Шелкопряды крепко связываются».

Каждого, кто приходил в храм помолиться, обязательно встречал монах, который прежде всего вел

богомольца в чистую опрятную келью и потчевал чаем. После этого инок показывал храм, доставляя гостю большую радость этой прогулкой. Затем они возвращались в комнаты, где богомольца ждали чай, фрукты или другие угощения. В своем услужении монахи проявляли большую вежливость и соблюдали редкую почтительность, особенно к высоким чинам и людям со званием. Их радение и обходительность возрастали, когда появлялся какой-нибудь знатный чиновник или богач. В этом случае они устраивали пиршество, которому могла бы позавидовать сама государыня Люй[5], и выставляли угощения такие редкостные, что их даже совестно было проглотить!

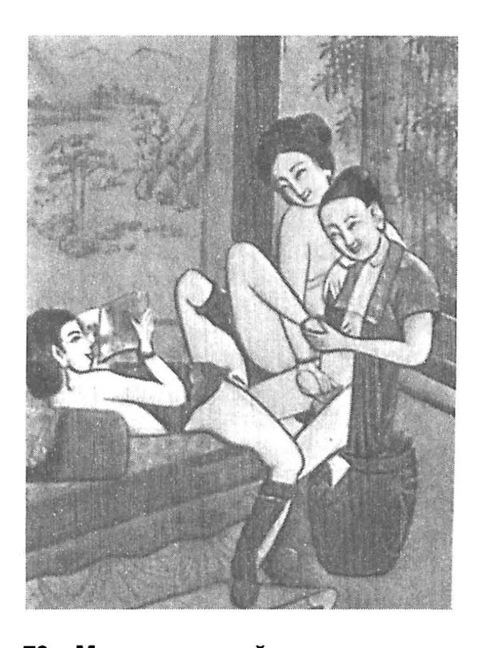
75. Участие в эротических сценах ребёнка вполне обычно, но связано это не только и не столько с идеями продолжения рода, сколько с задачей достижения бессмертия собственного я посредством сексуального «вампирства» — самообогащения за счёт энергии партнёра.

Вы спросите, как это все получалось? Дело в том, что, хотя обитатели монастыря и считались ушедшими из мира[6], однако души их были привязаны к земным радостям и наживе крепче, чем у простых смертных. Чай да фрукты для гостей служили приманкой, которой точно так же пользуются при ужении рыбы. Стоило кому-нибудь из богатеев или даже человеку скромного достатка появиться в храме, как перед ним появлялись книги с записью пожертвований на нужды храма: в одном месте обители надобно было что-то покрасить, в другом — позолотить изваяние Будды, в третьем — подновить молельню. Если даже делать было нечего, оказывалась нужда в покупке лампадного масла и благовонных свечей. Когда встречался человек, готовый на пожертвование, монахи старались «потревожить» его особо — всячески обхаживали и дурили ему голову. А ес-

ли кто отказывался давать деньги, о нем распускали слух как о скупердяе и гнусно его поносили, а проходя мимо, смачно сплевывали. Алчность монахов не знала границ. Неудивительно, что находились люди, которые, отказывая в помощи своим родственникам, заносили несколько лянов в книгу пожертвований храма. Глупцы, забывшие о корнях своих и думающие лишь о ветвях![7] На сей счет есть хорошее стихотворение:

На людей глаза не поднимет он,
созерцает лишь Будды лик.
Людям простым не спешит помочь,
помогать монахам привык.
Но раз уж ты милосерден и добр,
родных не оставь в беде.
Помоги убогим своей добротой,
одари того, кто в нужде.

Храм Драгоценного Лотоса не походил на другие монастыри. Здесь никогда открыто не клянчили деньги на строительство или ремонт монастырских построек. Люди, живущие рядом с монастырем, или жители других мест часто говорили о доброй обходительности здешних монахов и их вежливости. Вот почему охотников вносить пожертвования было во много раз больше, чем противников. Кроме того, храм имел одну достопримечательность, которая привлекала богомольцев, особенно женщин,— Чадодарственную Залу, где, по слухам, творились настоящие чудеса. Скажем, если приходила сюда бездетная женщина, то стоило ей помолиться и поставить свечку, как ее желание обязательно исполнялось — у нее рождался мальчик или девочка, как она просила. Вы, конечно, спросите:

76. «Метод, который надо применять каждый раз, когда ложишься с женщиной, состоит в приятном развлечении, для того чтобы шэнь (высшие начала, живущие в человеке) пришли к согласию. Только при длительном и полноценном возбуждении они способны соединяться». («Главное из наставлений для нефритовых покоев».)

как происходили столь странные вещи? Очень просто. Оказывается, к обеим сторонам залы примыкали домики-кельи, с десяток и больше, в которых стояли кровати с пологом. И вот какая-нибудь бездетная женщина, молодая и здоровая, после семидневного поста шла в храм помолиться. Преклонив колена перед изваянием Будды, она бросала на пол деревянный чурбачок, и, если он показывал благоприятный знак, женщина оставалась в келье на ночь. Если знак оказывался несчастливым, значит, в ее поступках или молении таилось нечто недоброе. Тогда монах, помолившись за нее, назначал ей еще семь дней поста, после чего женщина приходила снова.

Кельи были заперты со всех четырех сторон — ни единой дырки, ни щелки. Если женщина приходила со слугами, монахи внимательно осматривали их, потом оглядывали женщину и только вечером ее допускали в келью, а слуги оставались снаружи у двери. Понятно, при такой строгости ни у кого не рождалось ни малейших подозрений. Самое удивительное то, что по возвращении домой женщина через какое-то время оказывалась беременной, а затем рожала ребенка красивого и крепкого. Подобное чудо и заставляло женщин, будь то из чиновных семей или простолюдинок, идти в храм помолиться в Чадодарственной Зале. В Зале всегда толпилось множество богомольцев, пришедших из дальних уездов и областей, и царило большое оживление. Пожертвований от прихожан нельзя было счесть. Само собой, женщинам по возвращении домашние задавали вопрос: как, мол, ночью бодхисатва явил свою благодать? Одна отвечала, что во сне ей привиделся Будда с младенцем. Другая рассказывала, что к ней приходил святой алохань[8]. Третья говорила, что она никого не видела, и больше отмалчивалась. Четвертая, стыдливо улыбаясь, отказывалась отвечать на вопросы. Некоторые старались ходить в храм пореже, а другие клялись, что больше не ступят в него ногой. А теперь подумайте: разве Будда или бодхисатва, вставший когда-то на стезю очищения и порвавший со всеми земными желаниями, будет по ночам являться в храм и, отягощенный мирскими страстями, приносить младенцев? Пустая болтовня! Все дело в том, что люди этих мест верили не врачам, но знахарям да всяким колдунам, а бесовские учения считались у них великой Истиной. Они находились в слепоте и заблуждении, и ум их не поддавался просветлению. Вот отчего их жены шли в монастырь, чем охотно пользовались лысые разбойники. Вот уж действительно:

Известно давно, что эта трава
причиняет здоровью вред,
А многие верят, что лучше ее
на свете лекарства нет.

В храме Драгоценного Лотоса под личиной почтительности и смирения скрывались злодеи и распутники. В кельи, казавшиеся закрытыми со всех сторон, на самом деле вели тайные лазы. Как только монастырский колокол отбивал положенное число ударов, возвещая о наступлении ночи, монахи, зная, что женщины уже уснули, прокрадывались в кельи и творили свое

непотребное дело. Богомолки, конечно, просыпались, да только поздно. Разумеется, они могли заявить властям, да что толку — лишь себя ославить, и женщины предпочитали скрывать свой позор. Были и другие причины. Надо сказать, что после семидневного поста женщины были чисты духом и телом. Монахи же, крепкие и годами не старые, все были молодцы как на подбор. К тому же они за большие деньги покупали возбуждающие снадобья, которые давали женщинам, отчего девять из десяти обязательно зачинали. Некоторые богомолки понимали, что впали в грех, но они таились от мужа и молчали, прямо как тот немой, который съел желтый корень хуанлянь[9]: ему горько, а он сказать ничего не может. Что до бесстыдниц и распутниц, то им посещение храма приходилось по вкусу, и они были готовы вкушать удовольствие еще и еще.

Такой блуд и разврат продолжались многие годы, и братия бритоголовых злодеев уже привыкла, что все пакости сходят им с рук. Но вот нежданно-негаданно Небо послало в эти места одного чиновника, который получил должность начальника уезда. Вы спросите: кто он? Некий Ван Дань из Цзиньцзянского округа провинции Фуцзянь. Получив ученую степень еще в юные годы, он отличался ясным умом и прозорливостью. Он знал, что править уездом трудно, так как здесь живут не только ханьцы[10], но и многие инородцы, и жители этих мест отличаются мятежным нравом. Вот почему, заступив на должность начальника уезда, Ван действовал решительно, стараясь выявить скрытые недуги и нисколько при этом не страшась влиятельных лиц. Через полгода он навел в уезде строгий порядок: лихоимства исчезли, грабежи прекратились, чему люди были несказанно рады. Разумеется, Ван Дань слышал о храме Драгоценного Лотоса и о тех чудесах, которые там происходят во время моления, но слухам этим не верил.

«Если бодхисатва действительно являет чудо после того, как женщина хорошо помолится, зачем ей оставаться в храме на ночь? — думал он. — Что-то здесь не то!». Однако, поскольку никаких подозрительных фактов не обнаруживалось, он не стал поднимать шума и решил, что сходит в храм сам и определит все на месте. Выбрав для визита начало девятой луны, он поехал воскурять благовония.

К храму шли густые толпы богомольцев. Подъехав ближе, начальник уезда огляделся. Храм был окружен белой стеной, возле которой росли старые ивы и могучие ясени. Центральные ворота, выкрашенные красным лаком, венчала высокая башня. На ней красовалась надпись, сделанная золотыми иероглифами: «Буддийский храм Драгоценного Лотоса». Напротив ворот — стена, наподобие экрана, возле нее на земле стояло множество паланкинов. Кругом сновали богомольцы, которые, заметив начальника уезда, бросились врассыпную, пропуская кортеж вперед. Носильщики, всполошившиеся при виде высокого начальства, схватились за поручни паланкинов, намереваясь унести их в сторону от дороги. Ван Дань, видя волнение, которое вызвал его приезд, приказал слугам не поднимать лишнего

шума. Однако настоятель уже знал о приезде начальника. Он приказал бить в колокол и барабаны и, созвав всех монахов перед воротами храма, велел им пасть на колени. Паланкин начальника уезда проследовал к главному зданию. Начальник уезда сошел на землю. Да, действительно, монастырь содержался в большом порядке и выглядел внушительно.

Высоки-высоки
беседки и терема.
Открытые галереи
опоясывают дома.
Главного храма
пышен наряд —
Облаками летящими густо
расписаны
красные створки врат.
Красоту построек
ни с чем не сравнишь;
Дым благовоний окутал
бирюзу черепичных крыш.
Ясень древний
листвою укрыл
Балок узоры искусные,
резьбу деревянных
стропил.
Под туями и соснами,
в тени ветвей,
Видны крутые изгибы
переходов и галерей.
Воистину здесь, в Чистой
Земле[11],
смертные не живут.
В глубинах священных гор
Поднебесной
монахи нашли приют.

Ван Дань возжег перед Буддой благовонные свечи и совершил поклоны, втайне моля, чтобы божество помогло ему раскрыть секреты здешних чудес. Настоятель Фосянь во главе монашеской братии склонился перед начальником уезда и предложил пройти в его келью, куда тотчас принесли чай.

— Я слышал, что святые отцы из вашей обители благодаря вашему необыкновенному радению проявляют большое старание в исполнении обрядов и строго блюдут все запреты,— обратился Ван Дань к настоятелю.— Поскольку подобные нравы царят у вас уже много лет, я решил послать высшим властям бумагу, в коей испросить о даровании вам грамоты на получение чина, дабы вы могли управлять этим монастырем впредь и всегда.

Обрадованный монах низко поклонился и поблагодарил начальника за доброту. Ван Дань продолжал:

— До меня дошли слухи, что в вашем храме происходят чудеса — будто исполняются просьбы о чадорождении. Это правда?

— Да, в нашей обители есть придел, где является подобное чудо. Это — Чадодарственная Зала.

— А какой обет должна соблюсти женщина, которая испрашивает дитя?

— Никакого особого обета не требуется. Даже сутры читать не обязательно. Надо только одно: чтобы женщина отличалась крепким здоровьем и была искренней в своих мыслях и поступках. Исполнив семидневный пост, она должна потом молиться перед ликом Будды, и, если ей выпадет благодатный знак, она остается на ночь в одной из здешних келий. Ее моление ниспосылает ей сон, после коего она рожает дитя.

— А удобно ли женщине оставаться одной?

— Вполне удобно и весьма надежно! Ведь кельи со всех сторон

закрыты, и в каждой комнате находится лишь одна женщина. Снаружи ее сторожат слуги, так что ни один посторонний не может проникнуть внутрь.

— Так, так! — проговорил уездный начальник.— Знаете ли, у меня тоже нет наследников... Но, думаю, моей супруге приезжать сюда не вполне удобно.

— Пусть вас это не волнует! — успокоил его Фосянь.— Вы можете сами возжечь благовония и помолиться, испрашивая себе чадо. Что же до вашей супруги, то ей следует блюсти дома пост и наложить на себя кое-какие запреты, после чего явится чудо.

— Странно! — удивился Ван.— Обычно просьбы исполняются лишь тогда, когда женщина остается в келье. Ведь именно так происходит у других. Если моя жена сюда не приедет, вряд ли свершится чудо!

— Ваше превосходительство! Вы не ровня обычным людям. Вы — хозяин тысяч и тысяч людей, к тому же вы чтите буддийский закон. Если ваше моление будет преисполнено искренности, Небо сразу это оценит.

Вы спросите, почему Фосянь не хотел, чтобы супруга начальника уезда приехала в храм? На сей счет есть такая поговорка: мошенник хоть и хитер, но сердце у него пугливое. Монах опасался, что вместе с супругой уездного приедет много людей и кто-нибудь случаем пронюхает о пакостях, которые творятся в монастыре. Только не ведал он, что начальник уезда человек проницательный, способный даже в простом разговоре уловить скрытый смысл.

— Все, что вы говорите,— очень интересно! Как-нибудь на днях я специально приеду на богомолье, а сейчас хочу прогуляться по монастырю.

Ван Дань поднялся и в сопровождении настоятеля пошел осматривать монастырь. Пройдя через главный зал, они вышли с его другой стороны и оказались перед Чадодарственной Залой. Узнав начальника уезда, богомольцы, мужчины и женщины, разбежались и попрятались по углам.

Чадодарственная Зала представляла собой величественное сооружение из трех помещений. Куда ни посмотришь, повсюду резные балки и разукрашенные столбы, расписные стропила и легкие, словно летящие ввысь, колонны. Яркие краски и позолота слепили глаза. В центре Залы — возвышение в виде очага. Возле него — изваяние богини, голова которой прикрыта шляпой с жемчужными подвесками и украшениями из нефрита. На руках богини — младенец. Подле нее — еще четыре или пять изваяний матушек-чадодарительниц. Над очагом — расшитый полог из желтого шелка, сколотый серебряными пряжками. На полу — множество ярких туфель, несколько сотен или больше. Зала украшена разноцветными стягами и дорогими балдахинами, расставленными строгими рядами. На особых подставках горят цветные свечи и мерцают лампады. Курильницы источают дым благовоний, разливающийся по всему помещению. Слева от очага видно изображение небожителя Чжан Сяня, дарующего младенцев, а справа — бога долголетия Шоусина.

Отвесив поклон перед божествами, правитель Ван прошелся по зале, а потом попросил Фосяня проводить его к кельям, где женщины оставались на ночь. Это были маленькие домики, отделенные один от другого небольшим пространством. В них, как положено, были пол, потолок, а в центре — ложе, забранное пологом. По бокам — стол и стулья. Комнатки выглядели чисто и опрятно. Ван Дань внимательно осмотрел кельи, но ничего подозрительного не заметил, ни единой щели, куда могли бы спрятаться не только мышь, но и самая жалкая букашка или муравей.

Не обнаружив ничего такого, что раскрыло бы ему секрет, правитель направился к главному залу, где стоял его паланкин. Монахи во главе с настоятелем вышли его проводить и встали у ворот на колени. Правитель уехал.

Всю дорогу Ван Дань находился в задумчивости. «Кажется, там нет ничего подозрительного,— думал он.— Кельи действительно надежно закрыты со всех сторон. Но тогда откуда все эти чудеса? Неужели их творят глиняные и деревянные истуканы? А может быть, здесь замешан какой-то злой дух, который морочит голову людям, прикрывшись именем бога?». Долго думал Ван Дань, и наконец в его голове созрел план. Вернувшись в ямынь, он немедленно вызвал чиновника для поручений.

— Найди мне двух певичек из заведения и вели им переодеться в знатных дам. Пусть нынче же вечером они отправляются в храм Драгоценного Лотоса и останутся там на ночь. Дай им два пузырька с тушью. Если ночью к ним кто-нибудь заявится и станет развратничать, пусть они незаметно выкрасят ему голову. Завтра утром я поеду туда и сам проверю. Только учти, чтобы об этом не знала ни единая душа! Сделай все осторожно!

Чиновник нашел двух знакомых певичек по имени Чжан Мэйцзе и Ли Ваньэр и рассказал им о поручении начальника. Женщины не посмели перечить. Под вечер, переодевшись в дам из знатных семей, певички сели в паланкины, возле которых выстроились слуги с постельными принадлежностями. Пузырьки с жидкой тушью были спрятаны в шкатулке среди прочих мелочей. Процессия вошла в монастырь. Порученец, выбрав две подходящие комнатки, оставил возле дверей слуг, а сам отправился доложить начальнику уезда о выполнении приказа.

Через некоторое время появились монахи с послушниками, которые несли фонари и чай. В этот вечер в кельях было свыше десяти женщин, пришедших молить богов о потомстве. Среди них находились и две певички, но они вовсе не собирались молиться и даже возжигать благовонные свечи в Чадодарственной Зале. Загудел монастырский колокол, забили барабаны, возвещая наступление первой стражи. Женщины приготовились отойти ко сну, в то время как их слуги остались подле дверей. Монахи, заперев двери, удалились.

Чжан Мэйцзе, проверив засовы, положила под подушку пузырек с тушью и зажгла лампу поярче. Она разделась и легла в постель, но заснуть не могла. Ожидание необычного отгоняло от нее сон, и пе-

вичка то и дело поглядывала по сторонам. Прошло около двух часов. Стихли голоса людей, раздававшиеся снаружи, и вдруг певичка услышала шорох, доносившийся откуда-то из-под пола возле изголовья, будто скреб жук. Тут она заметила, что одна из половиц тихо отодвинулась в сторону, и в отверстии показалась голова человека. Выбравшись наружу, он встал возле ложа певички. «Монах! — тихо прошептала перепуганная певичка.— Значит, все эти проделки — их рук дело. Вот как они оскверняют женщин из добрых семей! Неудивительно, что у начальника возникло подозрение и он придумал этот ловкий план!»

Тем временем монах бесшумно подобрался к светильнику и задул огонь. После чего разделся, откинул полог и шмыгнул под одеяло. Чжан Мэйцзе прикинулась спящей. Когда же монах попытался на нее взобраться, певичка сделала вид, что проснулась.

— Кто это? — вскрикнула она, пытаясь отстраниться.— Кто здесь смеет развратничать?

Монах, крепко обнимая женщину, прошептал:

— Я — златоглавый архат, пришел даровать тебе младенца.

Ученик Будды оказался очень опытным в любовном искусстве, и певичка, казалось бы, сведущая в подобных делах, не могла за ним угнаться. Когда страсть монаха дошла до предела, Чжан Мэйцзе незаметно помазала его бритую голову краской. В любовном угаре монах ничего не заметил. Они дважды сыграли в любовную игру, и только тогда монах встал с ложа.

— Вот здесь,— сказал он, протягивая женщине бумажный пакет,— лекарство, которое помогает работе детородных органов. Каждое утро принимай его по два цяня [12], запивая горячей водой. Пить следует несколько дней подряд, дабы окрепла утроба и роды прошли бы легко.

Монах исчез, а обессиленная певичка закрыла глаза и погрузилась в забытье. Вдруг она почувствовала, что ее кто-то трясет. Монах, очевидно, вошел во вкус.

— Уходи! — оттолкнула его певичка.— Я устала и хочу спать. Ты уже приставал ко мне дважды. Ненасытный!

— Как ненасытный? Ты обозналась, голубка! Я пришел к тебе впервые и еще не испробовал вкуса любви.

Певичка поняла, что перед ней другой человек. По всей видимости, монахи появлялись в келье чередой, один за другим. Женщину охватило беспокойство.

— Я не привыкла к таким делам и плохо себя чувствую. Не приставай ко мне!

— Не тревожься! У меня есть редкое любовное снадобье под названием «весенние пилюли». Прими их, и ты сможешь резвиться хоть целую ночь!

Монах достал из-за пазухи бумажный пакетик, который, однако, певичка не взяла, побоявшись, что в нем какой-нибудь яд. Во время любовного сражения ей удалось выкрасить и второго гостя. Под утро, когда пропели петухи, монах ушел, и доски на полу встали на место.

А теперь мы расскажем о Ли Ваньэр, которая, как и ее подруга, лежала в своей келье и не смыкала

глаз. Ее окружала темнота, поскольку свеча недавно погасла от удара крыльев ночной бабочки. Прошло более двух часов, прежде чем певичка услышала шум позади ложа. Кто-то отодвинул полог, лег на ложе и залез под одеяло. Женщина очутилась в крепких объятиях мужчины и почувствовала прикосновение его губ. Певичка потянула руку и наткнулась на круглую и гладкую, как тыква, голову.

— Ты, кажется, монах! — спросила Ли, ощупывая макушку. В ее руке уже была кисть, смоченная краской.

Монах ничего не ответил. Надо сказать, что Ли была моложе подруги и очень охочая до любовных утех. Ласки монаха пришлись ей по вкусу.

«Я давно слышала, что монахи знают толк в любовных делах, только не верила. Сейчас убедилась сама!» — подумала она, вступая в любовную битву. Но вот сражение подошло к концу, и, как говорится, дождь кончился, а тучи рассеялись. И вдруг у ложа появилась еще одна фигура.

— Повеселились, и хватит! — сказал мужчина сиплым голосом.— Дайте и мне позабавиться, доставьте удовольствие!

Первый монах, хихикнув, удалился, а его место занял второй. Он стал гладить и щупать певичку, а потом полез с поцелуями. Ли Ваньэр сделала вид, что его приставания ей не по душе.

— Мой приятель, как видно, тебя вконец заморил! — проговорил новый гость.— Не горюй! У меня с собой «весенние пилюли», от которых сразу взыграет кровь!

От снадобья исходил тонкий аромат. Проглотив любовное зелье, певичка почувствовала, что ее тело стало удивительно мягким и податливым. От ласк она испытала настоящее блаженство. Однако даже в пылу любовной битвы она не забыла о приказе начальника уезда. Гладя монаха по его бритой голове, она шептала:

— Какая круглая, какая гладкая! — А сама мазала голову краской.

— Голубушка моя! — сказал монах.— Я большой мастер в любовных делах, не то что мои приятели — все это грубияны и невежды. Если я тебе пришелся по нраву, приходи сюда почаще.

Певичка сделала вид, что предложение монаха пришлось ей по вкусу. Но вот заголосили петухи. Монах поднялся и протянул женщине снадобье, помогающее зачатию, а потом, пожелав ей здоровья, исчез. Можно при этом сказать:

Монах и певичка
ночь провели
в утехах любовных
без сна.
А кто сосчитает,
сколько ночей
любятся муж и жена?

Здесь мы оставим наших певичек и вернемся к начальнику уезда Ван Даню. Получив необходимые сведения от подчиненного, он на следующее утро — только-только ударили пятую стражу — покинул ямынь и в сопровождении сотни стражников и ополченцев, снаряженных пыточным инструментом и веревками, направился в монастырь. К этому времени уже совсем рассвело, однако ворота храма были закрыты. Оставив большую

часть людей в засаде с двух сторон обители, Ван Дань приказал всем ждать сигнала, а сам с дюжиной слуг приблизился к воротам и велел подчиненным стучать. Узнав о приезде начальства, настоятель Фосянь привел в порядок одежду и поспешил навстречу высокому гостю в сопровождении десяти мальчиков-послушников. Паланкин уездного начальника остановился возле главного зала, куда, однако, Ван Дань не зашел, а направился в комнату настоятеля. Усевшись в кресло, он потребовал списки всех монахов. Фосянь, поклонившись, отдал приказание бить в колокол. Перепуганные иноки, толком не пробудившиеся от сладкого сна, выскочили из своих келий. Узнав, что начальник уезда собирается делать перекличку, они всполошились еще больше. Когда вся братия собралась во дворе, начальник приказал всем снять колпаки. Недоумевая, монахи выполнили приказ. Тут-то и выяснилось, что у двух монахов голова выкрашена в красный цвет, а у двух — в черный. Начальник уезда приказал стражникам надеть на четырех монахов колодки и подвести к нему.

— Почему у вас головы в краске? Отвечайте!

Монахи молчали, испуганно переглядываясь. Остальные стояли, ошалев от страха и удивления. Ван Дань повторил свой вопрос несколько раз, и тогда один из них ответил, что, наверное, это шутка кого-то из братии.

— Сейчас я позову этих шутников! — усмехнулся начальник уезда и велел порученцу привести певичек. В это время обе певички еще сладко спали, измученные ночными играми с монахами, и их не могли поднять с постели ни оглушительный стук в дверь, ни громкие крики. Разбудить их удалось лишь с большим трудом.

— Отвечайте! Что вы видели нынешней ночью? — спросил Ван Дань у певичек, которые стояли перед ним на коленях. — Говорите правду!

Женщины принялись подробно рассказывать, как они блудили с монахами, которые дали им возбуждающее средство, как вымазали их головы краской. Рассказывая о событиях ночи, одна из певичек вынула из рукава пакетик с любовным зельем. Монахи, поняв, что их проделки раскрылись, застыли от ужаса, а те четверо грохнулись на колени и стали молить о пощаде.

— Плешивые ослы! — отругал их начальник уезда. — И вы еще смеете молить о прощении! Вы дурили голову простакам, позорили добрых женщин, прикрываясь именем божества! Какая гнусность!

Настоятель, поняв, что дело принимает дурной оборот, приказал всем стать на колени.

— Ваше превосходительство! Монахи нашей обители истово чтут священные заповеди и блюдут все запреты. Лишь эти четыре развратника упрямо не принимали советов и уговоров. Мы уже давно хотели от лица всей братии написать вам жалобу, но вы сейчас сами разоблачили негодяев. Это настоящие преступники, достойные смерти. Однако другие к этому безобразию не причастны. Явите свою милость, ваша светлость!

— А не странно ли, что эти четыре распутника побывали именно в одном месте — там, где были

певички, хотя, как мне известно, вчера здесь было много богомолок? Наверняка и в других кельях есть тайные лазы.

— Нет, нет! В других кельях нет скрытых ходов! Они только в этих двух!

— Это не трудно проверить! Мы соберем всех женщин и подробно их расспросим! Если они ничего не заметили ночью, значит, другие монахи не виноваты.

И начальник уезда послал стражников за богомолками. Женщины в один голос заявили, что они ничего не видели и не слышали, никакие монахи-де к ним не приходили. Однако начальник хорошо понимал, что женщины боялись худой молвы и позора. Начальник приказал обыскать их. У каждой обнаружили пакетик со снадобьем.

— Если вы не блудили с монахами, то откуда все эти пилюли? — усмехнулся Ван Дань.

Женщины залились краской стыда.

— Ну, а любовные снадобья вы, конечно, уже испробовали?

Женщины молчали, словно воды в рот набрали. Начальник уезда прекратил допрос и отпустил их по домам. Родственники и близкие чадопросительниц, возмущенные тем, что привелось им услышать, повели их домой, но мы об этом рассказывать не будем, а вернемся к начальнику уезда. Ван Дань во всем сейчас хорошо разобрался, хотя монахи и твердили, что снадобья они дали еще тогда, когда женщины пришли в монастырь, однако певички доказали, что получили их уже после соития.

— Факты налицо! Будете попрежнему отпираться? — вскричал начальник уезда и приказал стражникам связать всех монахов, кроме лампадника да двух малолеток-послушников.

Видя, что дело приняло плохой оборот, настоятель Фосянь решил было идти напропалую — прибегнуть к силе, но в самый последний момент испугался. Как-никак стражников было много, к тому же свита уездного начальника имела оружие. Тем временем Ван Дань, приказав подчиненным отправить певичек в их заведение, занял место в паланкине и направился в ямынь. Впереди шли связанные монахи. Процессия вызвала большой интерес у окрестных жителей, которые сбежались посмотреть на удивительное зрелище. Вернувшись в управу, Ван Дань тотчас открыл присутствие и приступил к допросу, для чего велел принести пыточные орудия. Монахи, привыкшие к изнеженной жизни, испугались предстоящих мучений и сразу во всем сознались, едва на них надели колодки. После того как были записаны их показания, Ван Дань отправил их в тюрьму и составил бумагу начальству с подробным отчетом о том, что произошло. Но об этом мы рассказывать не будем.

А теперь вернемся к настоятелю Фосяню. Оказавшись в тюрьме, он вместе с другими монахами стал обсуждать план спасения.

— Мы совершили оплошность и сейчас раскаиваемся в своей ошибке, — сказал он как-то старшему тюремщику Лин Чжи. — Когда мы отсюда выйдем — никому неизвестно. А у нас с собой ничего нет. Ведь схватили нас, как есть, мы даже вещей своих не успели захватить. Между тем в монастыре оста-

лось немало денег. Если бы вы позволили кому-то из нас, хотя бы трем-четырем, сходить за деньгами, мы бы в долгу не остались, заплатили за все, как положено, и вы бы получили сто лянов серебра.

У Лин Чжи разгорелись глаза, и он сразу клюнул на удочку.

— Я здесь не один, нас много. Одна сотня лянов на всех недостаточна. Если разделить, на каждого придется самая малость. Пустой звук, да и только. Нет! Вы даете двести лянов на всех и еще сотню мне одному. Если согласны, пойду с вами нынче же.

— Не стану спорить,— согласился настоятель.— Но только договоритесь с остальными!

Лин Чжи, рассказав тюремным стражам о сделке, отправился с четырьмя монахами в монастырь. Пошли по кельям. Действительно, денег там было не счесть — и золотых, и серебряных.

Как договорились, Фосянь сразу же отдал Лин Чжи триста лянов, тот наделил деньгами тюремщиков, чем они остались весьма довольны.

— Ну, а теперь,— сказал настоятель тюремным стражам,— надобно принести в тюрьму постели, уж очень без них неудобно спать.

Тюремщики согласились и на это. Все те же четыре монаха снова отправились в монастырь. Собирая постельные принадлежности, они незаметно сунули в них топоры, ножи и другое оружие. Затем велели лампаднику найти несколько носильщиков, и процессия двинулась в тюрьму. Монахи купили вина и мяса, устроили пиршество, на которое пригласили всех тюремщиков, начиная от младших чинов и до самых старших. План настоятеля состоял в том, чтобы вечером, когда тюремщики опьянеют, попытаться устроить побег. Поистине:

Ловкий предприняли ход, и вот —
 дорога к освобожденью:
Найден выход из адских врат —
 путь избавленья.

А в это время начальник уезда Ван Дань, довольный тем, что ему наконец удалось распутать грязный клубок, при свете лампы сочинял реляцию вышестоящим властям. Вдруг его охватило тревожное предчувствие: «Эти злодеи сейчас собрались в одном месте. Случись что-нибудь — и с ними не сладишь!». Ван Дань тут же написал приказ, повелевающий стражникам быть начеку и находиться возле управы в полном вооружении. Гонцы побежали выполнять поручение.

Наступила первая стража. По условному знаку монахи, вооруженные ножами и топорами, оглашая воздух воинственными криками, набросились на пьяных тюремщиков и, разделавшись с ними, в тот же миг устремились к воротам. Тюремные врата рухнули, и все заключенные, которых успели выпустить монахи, с гиканьем и ревом вырвались наружу. По всему городу раздались громкие крики.

— Месть! Месть! Отомстим за обиды!

— Смерть уездному!

— Не трогать простой люд!

— Кто не сопротивляется, того пощадим, кто встанет поперек — убьем!

Как раз в это время подоспели вооруженные солдаты и разгорелся

настоящий бой. Начальник уезда, встревоженный шумом на улице, направился в присутственную залу, возле которой собралась толпа горожан, вооруженных копьями и ножами. Узнав о побеге заключенных, они пришли на подмогу. Между тем бой продолжался, но монахи, несмотря на отвагу и прыть, с какой они дрались, понемногу стали сдавать. Вооруженные лишь ножами да топорами, они не могли противостоять солдатам с пиками и терпели большой урон. Поняв, что игра проиграна, настоятель приказал прекратить сражение, спрятать оружие и отходить к тюрьме.

— Среди нас был десяток подстрекателей,— объяснил он солдатам,— но они уже мертвы. А мы совсем не хотели бунтовать. Доложите об этом в управе!

Узнав, что бунт прекращен, правитель Ван приказал служащим из сыскного приказа вместе с солдатами и стражниками ямыня обыскать тюрьму. Через некоторое время правителю доложили, что найдено оружие. Ван Дань рассвирепел.

— Мало того что эти плешивые злодеи занимались непотребными делами и развратом, но они еще учинили бунт! Если бы не меры предосторожности, которые я заранее принял, плохо бы пришлось не только мне, но и всем жителям города. Все бы мы испытали на себе их звериную злобу. Поэтому их следует назамедлительно казнить! Только этим можно предотвратить новые беды! — Он отдал распоряжение солдатам раздать жителям города найденное оружие.

— У этих злодеев план на сей раз сорвался. Однако же, если не принять мер, потом с ними будет трудно совладать. А посему я повелеваю: за мятеж, который они учинили, всех обезглавить, кроме нескольких человек, нужных для следствия.

Солдаты и горожане с зажженными факелами, подобно пчелам, растревоженным в улье, устремились к тюрьме.

— Это не мы замышляли бунт! Не мы! — закричал настоятель Фосянь при виде разъяренной толпы. Но не успел он договорить, как голова его упала с плеч. Через некоторое время было покончено и с остальными монахами. Головы их раскатились по земле, как тыквы. Вот уж действительно:

И за добро, и за зло
возмездие нам суждено.
Обязательно — поздно иль рано —
оно совершиться должно!

На следующий день правитель уезда приступил к допросу преступников. Прежде всего он хотел знать, откуда в тюрьме оказалось столько оружия. Все, как один, сказали о старшем тюремщике, который, получив взятку, позволил монахам принести из монастыря постели. В них-то и было спрятано оружие. Тщательно допросив нескольких человек, Ван Дань послал людей в тюрьму, но оказалось, что Лин Чжи и другие тюремщики уже мертвы. Той же ночью правитель сочинил бумагу, в которой описал все происшедшее и объявил о своем решении сжечь храм.

В докладе говорилось: «Нами расследовано, что монах Фосянь и другие, погрузившись в море по-

хоти и влекомые злодейскими замыслами, с помощью хитроумного плана ловко морочили богомолок, вымаливавших себе чад, по ночам появлялись перед ними из подземелий и склоняли ко греху. Держа в грубых объятиях хрупких дев, они называли себя бодхисатвами, спустившимися с небес, или архатами, являющимися во сне, и никто не решался прогнать монахов прочь. Несчастные трепетные лепестки молодых цветов пытались стряхнуть с себя обезумевших от страсти мотыльков, но, увы, слабый аромат мягкой яшмы уносился прочь порывами буйного ветра. Белую ленту уже нельзя отстирать! Трудно передать, какой стыд довелось пережить темными ночами! Посему мы повелели певичке Ли Ваньэр красной краской вымазать монахам макушки, а Чжан Мэйцзе приказали черной тушью покрасить их темя. Нам известно из жизни, что, когда растекается алая влага, любой очертя голову бросится к этой красной водице. Когда же является цвет, подобный черному углю, монах в страсти безмерной припадает к этому черному источнику. Известно также, что попавший в обитель блаженства с удовольствием вкушает сладость плода боломи[13], в мире же смертных его уста немеют в молчании, как твердеет кусок бобового сыра... Ножи и мечи монахи затаили в кожаных сумах и вместо святого недеяния предались разбойному злодейству. Возле стены из терновника в ход пустили они оружие и обратили печаль и милосердие в жестокую смуту. В темной ночи они, блюстители буддийского закона, открыли врата узилища, а когда раздался удар колокола, одержимые яростью Цзиньгана, разорвали путы. Рыба, попав в котел и стараясь вырваться наружу, делается своенравной; тигр, очутившийся в капкане, дабы освободиться, стремится сожрать человека. За осквернение прелестных дев, растление добропорядочных жен они достойны смерти; за убийство тюремных стражей и увечья, нанесенные людям, грядет жестокое наказание. Разврат в храме и бунт в тюрьме — таково их великое преступление. А посему казнь через отсечение головы есть заслуженная ими кара! Повелеваем: монаху Фосяню — главарю преступного отродья кости раздробить! Храм Драгоценного Лотоса, прибежище злодейства и логово разврата, предать огню! Благодаря этому освободятся пленники Дицзана[14] и непорочная чистота Будды явит себя».

Постановление правителя уезда, зачитанное во всех уголках города, было встречено с ликованием. Что же до женщин, которые ходили в храм испрашивать чад, то с ними получилось по-разному. Мужья не признали рожденных ими детей за своих наследников, многие выгнали жен из дома, а младенцев предали смерти путем утопления. Некоторые женщины, не стерпев позора, приняли добровольную смерть. Нравы этих мест все же заметно улучшились. В других округах и областях в назидание людям были опубликованы указы, в коих женщинам запрещалось ходить в храмы для воскурения благовоний. К таким строгим запретам власти прибегают и поныне, причиной чего является рассказанная история. Впоследствии правитель

уезда Ван Дань стал очень известным человеком и по высочайшему распоряжению получил должность столичного прокурора.

А в заключение послушайте стихи:

Коль вам от природы детей не дано,
значит, вас постигла беда.
Однако нельзя из-за этого в храме
блудить, не зная стыда.
Раскрытый секрет дурмана любовного
запомнится вам навсегда.
Так знайте, что воды Вэйшуй и Цзиншуй [15]
не смешиваются никогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Сожжение храма Драгоценного Лотоса» — повесть, имеющая полное название «Правитель Ван сжигает храм Драгоценного Лотоса».— Фэн Мэнлун. Син-ши хэн-янь. Повесть № 39.

1 Деревянный сосуд с дщицами применялся в гадательной практике. В этот цилиндрический сосуд помещали тонкие дощечки, на которые наносились иероглифы или цифры. Сосуд полагалось трясти, пока из него не выпадет дощечка. Номер и знак на ней соответствовали определенному заклинанию в гадательной книге. Подобный способ гадания широко распространен и сейчас среди некоторых групп населения Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

2 «Лотосовая сутра» — «Фахуа цзин», или «Мяофа ляньхуа цзин»,— одна из священных книг буддистов, содержащая буддийские заповеди и обеты.

3 У китайских буддистов Западное Небо обычно связывалось с понятием инобытия. В народных верованиях Запад ассоциировался с потусторонним миром.

4 Горные Врата (или Врата Пустоты) — образное название буддийского храма.

5 Государыня Люй — жена Лю Бана, основателя династии Хань.

6 Ушедший из мира (букв. «ушедший из семьи») — одно из названий буддийского монаха.

7 Корни и ветви — обозначение основного и второстепенного в природе и обществе, одно из важных понятий социально-экономического учения в старом Китае.

8 Алохань (санскр. архат) — сподвижник Будды, достигший высокой ступени святости, но еще не ставший бодхисатвой. Обычно речь идет о восемнадцати алоханях — ближайших учениках Будды.

9 Хуанлянь — растение, корневище которого используется в народной медицине.

10 В провинции Фуцзянь, о которой здесь идет речь, проживали не только собственно китайцы (ханьцы), но и многие некитайские племена.

11 С понятием «Чистая Земля» связано буддийское представление о крае радости и блаженства. Так же называется одна из распространенных буддийских сект, существовавших в средневековье.

12 Цянь — десятая доля ляна (т. е. около 4 г). В разные эпохи величина этой меры веса была различной.

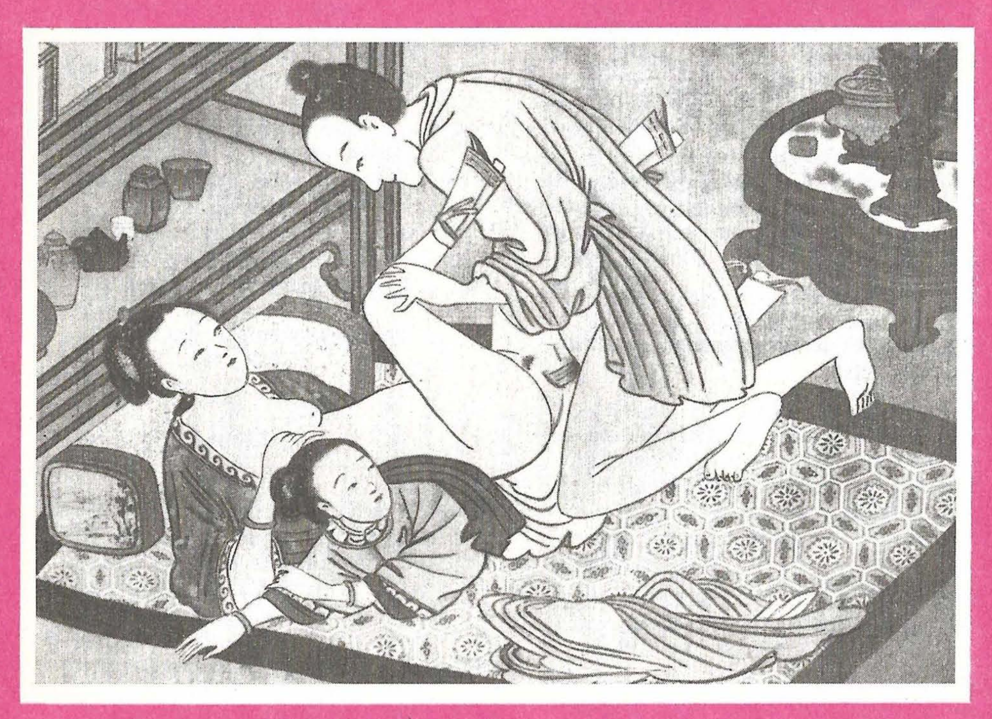
13 Боломи — плод тропического индийского дерева, желтоватый, по форме напоминающий тыкву или дыню, кисловатый на вкус

и ароматный, он немного походит на ананас. У буддистов плод боломи часто связывали со счастливыми явлениями.

[14] Согласно буддийским летописям, бодхисатва Дицзан дал обет освободить души грешников из ада. Нередко Дицзана называли Наставником (Главою) Темного мира (Юмин Цзяочжу).

[15] Реки Вэйшуй и Цзиншуй, текущие в провинциях Ганьсу и Шэньси, имеют разный цвет воды. В реке Цзин вода чистая, в реке Вэй — мутная.

Перевод и примечания Д. Н. Воскресенского.

77. Любезная служанка.

ФЭН МЭНЛУН

ДВЕ МОНАХИНИ И БЛУДОДЕЙ [1]

Женщина любая — знаем сами,
В сущности, всего лишь тюк
с костями.

Но посредством нежности
и пыла
Нас она всегда с ума
сводила.

И герои попадались в эти
Так хитро расставленные
сети.

Годы незаметно проходили,
Люди становились горстью
пыли.

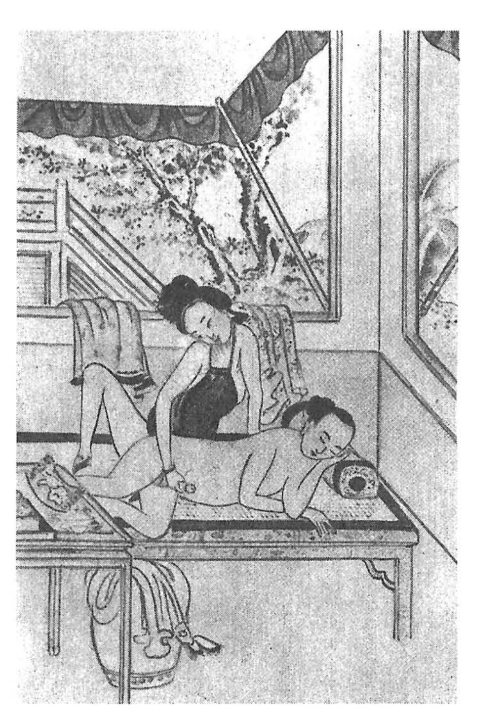
Эти стихи сложены в стародавние времена монахом по прозвищу «Малое дитя». Он хотел предостеречь людей от опасностей, которые идут следом за распутством и любовной страстью. Впрочем, если уже зашла об этом речь, оговоримся, что распутство и любовь — не одно и то же. Возьмите, к примеру, древнее стихотворение, которое гласит:

От одной ее улыбки
Городские рухнут стены,

А от двух погибнет царство,
Трон обрушится нетленный.
Поглядите же скорее:
Как улыбка та прелестна!

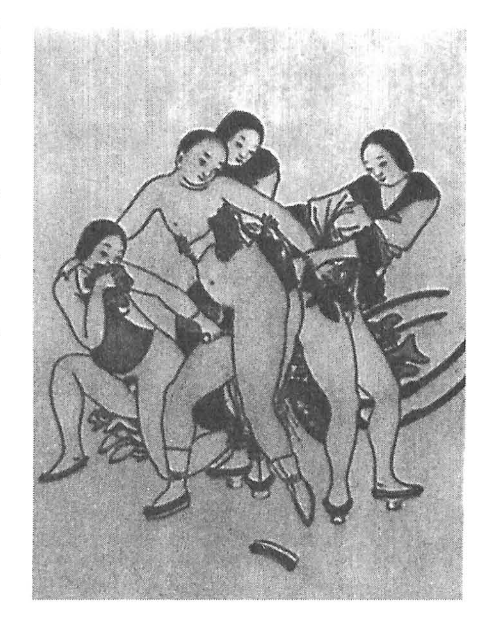
Нелегко красу такую
Дважды встретить в Поднебесной.

Здесь изображается истинная любовь. А если кто просто-напросто охотится за женщинами, заботясь лишь о числе любовниц, а не о любовном чувстве, то выходит в точности по пословице: «Мешок с известью везде следы оставляет». Разве это любовь? Распутство, и ничего больше!

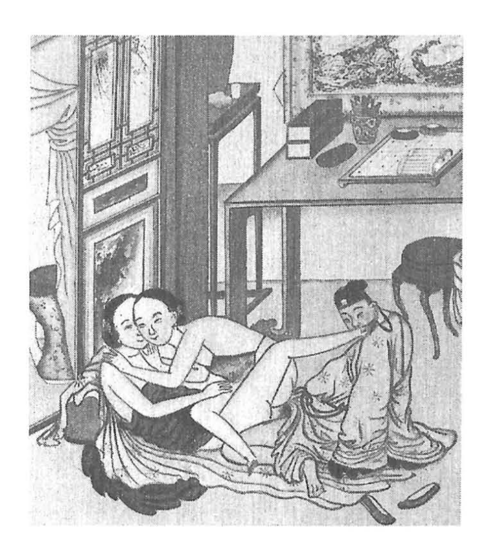
78. Юная дама будит своего возлюбленного, уснувшего в садовом павильоне.

Любовная страсть бывает различна. Например, Чжан Чан подрисовывал жене брови, а Сыма Сянжу даже во время болезни жаждал любви своей супруги[2]. Некоторые ученые насмехаются и над тем, и над другим, но они забывают, что ласка — основа супружеской жизни. А стало быть, супружескую связь, подобную тем, какие мы только что назвали, можно именовать любовью истинной. Бывает и любовь, которую следует называть «сторонней». Это любовь к изящным наложницам и соблазнительным служанкам. О тех, кто в ее власти, говорят, что они припадают к зеленому нефриту и пунцовому румянцу, что их окружает частокол золотых шпилек[3]. Такой человек способен воздвигнуть парчовый навес длиною в пятьдесят ли[4]. Он проводит дни в песнях и танцах, среди ив и вишен. Жизнь его течет под бирюзовой луной и лиловыми облаками и наполнена безмятежным весельем. Этот скакун, как гласит пословица, покрыт не одним седлом. Однако ж разве не бывает на одном стебельке несколько листьев!

79. Мужчина, желанный для трёх сестёр.

Еще один вид любви — это когда расточают улыбки в домах веселья и ищут наслаждений среди «цветов». Здесь сходятся и расходятся подобно облакам на ветру, а чувства вспыхивают и гаснут так же быстро, как сохнет под солнцем роса. Лицо расцвело в улыбке — и уже не жалеют для нее дорогого платка. На придорожных станциях во время долгого пути мы стараемся рассеять уныние и тоску любовными объятиями меж цветов, озаренных сиянием луны. Да, веселые дома не знают нужды в беспутных гостях, но праведный человек постыдится

80. Гармоничное трио, или «Парный танец жар-птиц».

упомянуть о девичьих комнатах. Такую любовь следует называть не иначе как беспутной.

Сеть любовной страсти опасна для любого возраста, и кто запутался в ней, уподобляется дикому зверю. Он готов залезть на стенку, проползти в самую узкую щелку, он отдает свою душу демону. Ради мимолетного наслаждения он становится злодеем и преступником. В нашем мире он идет на казнь, а в загробном царстве его ждет жестокая кара. Такую любовь следует называть злодейской.

Истинная любовь — не то что «сторонняя», и тем более несравнима со злодейской или беспутной. Но и она способна заманить в ловушку и забрызгать грязью чистое имя. Человек, охваченный любовью, напоминает кумира, с которого соскребли позолоту, а иной раз доходит до такого ослепления, до такого злодейства, что не остановится и перед кощунством. Наш мир полнится молвой о его страшных и позорных поступках, а в подземном царстве растет список его преступлений. Вот почему мы хотим предупредить всех и каждого: проявляйте величайшую осторожность! Поистине верно гласят стихи:

Не бери пример с монахов,
Чистым будь пред ликом Будды:

Добродетельную душу
Не пятнай позором блуда.

Рассказывают, что в нынешнюю династию, в годы Сюань-дэ жил в Синьганьском уезде, что входит в область Линьцзян провинции Цзянси, один цзяньшэн по имени Хэ Инсян, или Хэ Дацин. Он был хорош собою, но нравом отличался край-

не легкомысленным и беспутным. В целом свете для него не существовало ничего иного, кроме музыки и женщин. Он был завсегдатаем повсюду, где люди развлекались и веселились, и чувствовал себя, как дома, «на цветочных улицах и в ивовых переулках». Очень скоро четверть, а не то и треть его богатого состояния была пущена на ветер и утекла между пальцев. Его жена, госпожа Лу, видя такое мотовство, пыталась образумить мужа и не раз горько его укоряла. Но Хэ Дацин считал ее глупой и назойливой и постоянно с нею бранился. В конце концов все эти раз-

81. Япония. Корусай. Монахиня с любовником. В старой Японии злые языки распространяли мнение о том, что отдаваться проезжающим — это обычное занятие сердобольных монашек.

доры опротивели госпоже Ли, и она дала клятву не вмешиваться в жизнь мужа. Запершись с трехлетним сыном Сиэром в своей комнате, она читала священные сутры и постилась, а о муже почти не вспоминала, предоставив ему делать все, что бы он ни надумал.

Как-то раз, во время праздника Цинмин, Хэ Дацин оделся понаряднее и отправился за город, чтобы, как говорится, притоптать зеленую травку и развлечься. Сунский поэт Чжан Юн написал однажды:

Прекраснейшие юноши весной
Идут за город шумною
гурьбой.

Втроем, вдвоем расходятся
они,
В беспечности они проводят
дни.

Среди цветов под городской
стеной
Прекрасною любуются весной.

Хэ Дацин выбрал место, где было много женщин, и принялся разгуливать взад-вперед, небрежно покачиваясь на ходу. Своим изысканным и небрежным видом он рассчитывал привлечь внимание какой-нибудь красотки, а потом познакомиться с нею поближе. Но никто не обращал на него ни малейшего внимания, и мало-помалу радостное возбуждение его угасло. Понуро поплелся он в ближнюю харчевню выпить вина. Он поднялся на второй этаж и выбрал место у окна, выходившего на улицу. Слуга принес вина и закусок, Дацин облокотился на подоконник и стал потягивать питье, бросая взгляды на прохожих. После двух или трех чарок он захмелел. Спустившись вниз, он расплатился и пошел куда глаза глядят.

Дело было в середине дня. Винные пары улетучивались, а от долгой ходьбы пересохло во рту. Хэ Дацину захотелось чаю, но ни харчевни, ни чайной лавки поблизости не было. Вдруг сквозь листву деревьев Хэ увидел развевающиеся флажки и услыхал размеренные удары цина[5]. Он понял, что перед ним буддийский храм, обрадовался и поспешил вперед. Раздвигая ветви, он прошел сквозь лесок, и перед его взором предстали просторные строения, обнесенные белой стеной. Стена прерывалась обращенными к югу воротами, перед которыми росло с десяток плакучих ив. Над воротами — доска с золотою надписью: «Обитель Отрешения от мирской суеты».

— Давно я слышу, что в этом монастыре прелестные монахини, но до сих пор не было случая взглянуть на них собственными глазами. Вот уж никак не думал, что случай представится именно сегодня,— промолвил Дацин, обращаясь к самому себе.

Он отряхнул платье, поправил на голове шляпу и вошел в ворота. К востоку тянулась дорожка, вымощенная камешками величиною с голубиное яйцо. По обеим ее сторонам выстроились ивы и вязы, они сообщали этому дворику таинственную прелесть. Еще несколько шагов, и Хэ Дацин приблизился к следующим воротам. За ними было здание, состоявшее из трех небольших залов. В среднем зале высилось изваяние божества Вэйто[6]. Перед зданием росли высокие, чуть ли не до самого неба сосны и кипа-

рисы, меж их ветвями щебетали птицы. Позади изваяния была дверь, а за дверью уходила в сторону дорожка. Дацин пошел по дорожке и оказался перед высоким строением. Створки дверей, украшенных диковинной резьбой, были плотно затворены. Дацин тихонько постучал. Двери со скрипом приоткрылись, и на пороге появилась девочка-послушница с косичками, опрятно одетая, в черном халате, подпоясанная шелковым шнуром. Послушница поздоровалась с Дацином, и тот, ответив на приветствие, переступил порог. Он находился в разгороженной на три зала молельне, не слишком большой, но достаточно высокой. Посредине сверкали позолотою величественные изображения трех будд. Хэ Дацин склонился перед богами, а потом сказал:

— Передай настоятельнице, что пришел гость.

— Присядьте, господин, я сейчас доложу,— ответила послушница и вышла.

Скоро в зале появилась молодая, не старше лет двадцати, монахиня с белым, точно светлая яшма, лицом, очень красивая и изящная. Она поклонилась гостю, и Хэ Дацин поспешил ответить поклоном на поклон. Он пристально взглянул на девушку, и душа его затрепетала. Тут же принялся он томно моргать глазами и бросать нежные взоры, чтобы приобрести расположение прекрасной монахини. Голова его ушла в плечи, он словно бы весь обмяк и сделался похож на сгусток вынутого из котла рисового отстоя.

Они сели. Дацин подумал: «Весь день я сегодня проходил понапрасну и ничего подходящего не встретил. Кто бы мог подумать, что здесь скрывается такая красотка. Но чтобы с нею поладить, надо запастись терпением. Не беда! Рано или поздно, но она попадется ко мне на крючок!»

Волокита уже перебирал план за планом, даже не догадываясь, что в точности те же мысли занимали и монахиню. В монастырях существовало общее правило: если в обители появлялся мужчина, его встречала только старая монахиня-настоятельница, а молодые монахини, точно невесты на выданье, всегда сидели взаперти, в дальних комнатах, и редко показывались на людях — разве что приедут их близкие знакомые или родичи. Если настоятельница захворает или уедет, монахини вообще посетителей не принимают. Если же вдруг прибудет кто-нибудь особенно влиятельный и настаивает на свидании с молодой монахиней, она выходит лишь после долгих и неотступных просьб. Почему же теперь красавица монахиня так смело и так скоро вышла к Хэ Дацину? А все дело в том, что Будду она чтила лишь на словах, душою же была привержена к радостям и удовольствиям. Как говорится, она любила ветер и луну[7] и ненавидела холодное одиночество. Монашеская жизнь была ей отвратительна. Когда Хэ Дацин вошел в молельню, она увидела его в дверную скважину. Статный молодец сразу же ей приглянулся, потому она и не заставила себя ждать. Взоры гостя притягивали ее, словно магнит иголку.

— Как ваша уважаемая фамилия, господин, как ваше драгоценное прозвище? Откуда вы родом, что привело вас в нашу скромную

обитель?—спросила монахиня с зазывною улыбкой.

— Меня зовут Хэ Дацин, живу я в городе. Я вышел погулять и забрел сюда случайно. Но я давно слышу о непорочной добродетели дочерей Будды и хочу засвидетельствовать им свое уважение.

— Мы темные и неразумные, мы всегда в уединении, вдали от людей. Ваш приход для нас—незаслуженная радость. Пожалуйста, пройдемте со мной в трапезную и выпьем чаю, а то здесь все время снуют люди.

Приглашение пройти во внутренние покои кое-что обещало. Обрадованный Дацин поднялся и направился следом за монахиней. Они миновали несколько комнат, полукруглую галерею и очутились в открытой с одной стороны зале, тоже разделенной натрое. Зала была убрана чисто и не без изящества; ее окаймляла низкая изгородь с перилами, а за изгородью росли два утуна и бамбук. Повсюду были цветы, они ярко сверкали в лучах солнца и испускали сладостный аромат. Посредине залы стояла картина, изображавшая богиню милосердия Гуаньинь. В медных курильницах старинной работы дымились дорогие благовония. У стены на полу лежал круглый молитвенный коврик из камыша. Слева виднелись четыре запертые шкафа ярко-красного цвета; там, вероятно, хранились свитки священных буддийских книг. В правой части залы—вход туда закрывала ширма—Хэ Дацин увидел тунбоский столик[8] и невысокие стулья на гнутых ножках. У правой стены стояла пятнистого бамбука кушетка, а над нею висел древний цинь; лак на нем потрескался от времени. На стене—чистый, без единой пылинки письменный прибор превосходной работы и несколько свитков. Хэ Дацин развернул один из них. Мелкие золотые иероглифы прописного почерка напоминали о кисти известного юаньского каллиграфа Чжао Сунсюэ. В конце свитка—дата, а ниже подпись: «Начертано в благоговении ученицею Кунчжао».

— Кто эта Кунчжао?—спросил гость.

— Это мое ничтожное имя,—ответила монахиня.

Дацин залюбовался свитком и на все лады принялся его расхваливать. Они сели за стол друг против друга, и послушница наполнила чашки чаем.

Кунчжао поднесла чай гостю. Дацин успел заметить, что пальчики у хозяйки ослепительно-белые и необыкновенно изящные. Он взял чашку, отхлебнул чаю и воскликнул:

— О, какой дивный напиток!

Есть стихи, воспевающие чай, который заваривал волшебник Люй Дунбинь[9]. Вот они:

Напиток божественный—
　　　　равного нет—
Пьем в стужу ли, в полдень
　　　　ли жаркий.

Монахи давно разгадали секрет
Особенно этой заварки.

За речкой, за чащей найдешь
　　　　невзначай
Растущий в укромных урочищах
　　　　чай.

Заваришь—он светится,
　　　　как небосвод,
Чаинка-другая порою мелькнет.
А чаша изящна и неглубока,

И пар благовонный летит
в облака.

Глоток отхлебнешь — забываешь
про сон,
Ты отдан неведомым силам.

И бодрости ток от второго
глотка
Легко заструится по жилам.

Нельзя его корень с собой
унести,
Он в городе людном не станет
расти.

— Сколько человек живет в вашей обители? — спросил Дацин.

— Вместе с настоятельницей всего четверо,— ответила монахиня.— Наша настоятельница в преклонных годах, все время болеет, и я, как видите, ее заменяю.— Она указала на девочку.— А это наша ученица. Она вместе с подругою разучивает псалмы.

— Давно вы ушли из семьи? [10]

— Мне было семь лет, когда умер отец и меня отправили к Вратам Пустоты [11]. И вот уже двенадцать лет, как я здесь.

— Значит, вам исполнилось девятнадцать весен! Какой прекрасный возраст! Но скажите: как вы сносите монастырское уединение?

— О, господин, что вы говорите! Ведь уйти в монастырь несравненно лучше, чем оставаться в суетном мире.

— Откуда же вы знаете, что монастырская жизнь лучше мирской?

— Тех, кто удалился от мирской суеты, не тревожат пустые заботы, не обременяют дети. Целыми днями мы читаем сутры, служим молебны Будде, воскуряем благовония или же завариваем чай. Когда притомимся, засыпаем под бумажным пологом, пробудимся от сна — играем на цине. Нет, мы живем спокойно и поистине свободно.

— Но чтобы хорошо играть на цине, необходимо почаще советоваться со сведущим в музыке человеком, который бы мог оценить вашу игру! И когда спишь под бумажным пологом, может явиться демон и напугать до полусмерти, если только нет рядом человека, который бы вас разбудил.

— О, господин, даже если бы демон напугал меня до самой смерти, никто не стал бы жертвовать жизнью ради меня! — засмеялась Кунчжао, поняв намек сластолюбца.

— Убей он хоть десять тысяч человек — мне это безразлично! Но о вас и ваших высоких достоинствах я бы очень горевал.

За игривою беседою им начинало казаться, что они знакомы уже давным-давно.

— Очень вкусный чай! — сказал Дацин.— Нельзя ли приготовить еще чайник?

И снова монахиня поняла намек и отослала послушницу заваривать чай.

— А где ваша спальня? Что это за бумажный полог, про который вы говорили? Любопытно на него взглянуть,— промолвил гость.

Тут в сердце у монахини загорелась страсть, сдержать которую она уже не могла.

— Ничего особенного в нем нет, не стоит и смотреть,— отвечала она, но сама поднялась с места.

Дацин обнял ее, и уста их слились, изобразив и составив иероглиф «люй» — «два рта, соединенных вместе». Монахиня повела гостя за собой. Она легонько толкнула заднюю стенку. За нею оказа-

лась комната, убранная ещё старательнее, чем трапезная. Это и была спальня Кунчжао. Но Дацин не стал ее разглядывать. Они снова обнялись и устремились прямо к пологу.

Об этом сложена песенка под названием «Маленькая монашка». Вот она:

В обители монахиня жила,
Томилась, одиночество кляла.

Но как-то раз в один
из мирных дней
Случайный путник постучался
к ней.

Любовной страстью воспылали
вмиг,
Бороться с ней не мог никто
из них.

Беседа их недолгою была,
Она к деяньям дивным
привела.

Новоявленные любовники совсем забыли про послушницу и, когда она отворила дверь, вскочили в смятении. Но девочка молча поставила чай на стол и вышла, прикрывая рукою рот, чтобы не рассмеяться.

Стемнело, и Кунчжао зажгла лампу. Потом она подала вино, фрукты и овощи. Любовники сели за стол друг против друга. Но монахиня была в тревоге. Она боялась, как бы послушница не разболтала о том, что видела, и решила пригласить девочку и ее подругу к столу.

— Мы здесь блюдем пост, а гостя не ждали, и ничего мясного у нас нет. Простите за жалкое угощение,— сказала хозяйка.

— О, не надо так говорить, ваши извинения меня смущают! Кроме вашего расположения и доброты ваших учениц, мне не надо ничего! — воскликнул гость.

Все четверо принялись за еду и питье. Чарка сменяла чарку, и они быстро захмелели. Дацин поднялся со своего места и, пошатываясь, подошел к Кунчжао. Отхлебнув глоток из своей чарки, он обвил рукою шею монахини и поднес вино к ее губам.

Кунчжао осушила чарку до дна и совсем опьянела. Видя ее слабость, послушницы хотели выйти, но Кунчжао удержала их.

— Нет, мы были вместе и будем вместе. Я вас никуда не отпущу.

Девочки стыдливо прикрыли лица рукавом халата. Дацин обнял обеих по очереди и, отведя рукав, крепко поцеловал. В этот миг для юных послушниц распахнулись врата любви, и чувство стеснения перед наставницею исчезло. Сбившись в тесный кружок, все продолжали пить, пока хмель окончательно не затуманил им голову. Потом все легли на кровать и стали обниматься, прижавшись друг к другу так крепко, словно их склеили липким лаком. Хэ Дацин взялся за дело и исполнял привычные свои обязанности с таким усердием и старанием, что Кунчжао, впервые вкушавшая плоды любви, жалела лишь о том, что они не вдвоем в постели.

Наступило утро. Кунчжао позвала прислужника, который воскурял благовония в храме, и дала ему три цяня серебром: она хотела подкупить его и задобрить, чтобы он никому и ни о чем не рассказывал. Потом она дала ему еще денег и велела купить вина, рыбы, мяса и овощей.

Обычно прислужнику за целый день доставалась лишь чашка-другая похлебки да тарелка крошеных овощей. Вкуса настоящей еды он

даже и не знал. Он был уже стар, слаб телом, глух и подслеповат, ноги его двигались медленно и с трудом. Но теперь, получив три цяня и деньги на вино и мясо, он словно преобразился. Взор сделался острее, руки проворнее, тело стало крепче, чем у тигра, и он громадными прыжками помчался на рынок. Не прошло и двух часов, как он вернулся с покупками, и угощение уже стояло перед гостем. Но это к нашему рассказу прямого отношения не имеет.

Кроме Кунчжао, которая занимала восточную половину обители, в монастыре жила еще одна монахиня. Звали ее Цзинчжэнь, и нрава она была не менее ветреного. Ее покои находились на западной стороне. При ней состояли послушница и прислужник, смотревший за курильницами. Несколько дней подряд прислужник замечал, что в восточные ворота то и дело проносят вино и разные кушанья. Он доложил об этом Цзинчжэнь, и та мигом догадалась, что Кунчжао веселится непристойным для монахини образом. Однажды, оставив в своих покоях послушницу, она направилась к Кунчжао. Едва подошла она к дверям, как они распахнулись, и на пороге появился прислужник с большим чайником для вина и пустой корзиной.

— Что угодно наставнице? — осведомился он.

— Я пришла поговорить с твоей хозяйкой.

— Сейчас я ей доложу.

— Мне все известно,— остановила его Цзинчжэнь.— Докладывать незачем.

Увидев, что они попались, служка покраснел и не осмелился возразить ни единым словом. Он молча запер двери и двинулся следом за Цзинчжэнь, но когда они приблизились к спальне Кунчжао, громко крикнул:

— Пришла наставница с западного двора!

Кунчжао сперва растерялась, услыхав возглас прислужника, но тут же и опомнилась. Она велела Дацину спрятаться за ширмой и поспешила навстречу гостье.

— Хорошее ты нашла себе занятие, нечего сказать! — воскликнула Цзинчжэнь.— Ты осквернила наш храм! Мне придется свести тебя в сельскую управу!

И она потянула Кунчжао за рукав.

От страха лицо Кунчжао покрылось пятнами, сердце застучало, словно железный молот. Она не могла вымолвить и двух слов, ноги ее не слушались, колени подгибались. Довольная действием, которое произвела ее угроза, Цзинчжэнь громко рассмеялась.

— Не бойся, я шучу. Но если у тебя и на самом деле поселился гость, несправедливо скрывать его от меня и пользоваться всеми радостями и удовольствиями одной! Покажи-ка его скорее!

Кунчжао успокоилась и велела Дацину выйти.

Цзинчжэнь была на редкость хороша собою, и ее очарование пленяло всех, кто бы ее ни увидел. На вид ей можно было дать лет двадцать или немного побольше. Она была старше Кунчжао, но своею прелестью намного ее превосходила.

— Где вы живете? — спросил Дацин.

— В этой же обители, только на западном дворе — в двух шагах отсюда.

— Я этого не знал и лишь потому не побывал у вас, чтобы засвидетельствовать свое уважение.

Они долго беседовали, и Цзинчжэнь была совершенно покорена красотою Дацина и его обращением, непринужденным и вместе с тем изысканным.

— Подумать только, какие прекрасные бывают в Поднебесной мужчины,— вздохнула она.— И за что тебе такое счастье, сестрица?

— Не завидуй мне,— сказала Кунчжао.— Раз у нас нет еще одного друга, будем делить радости на двоих.

— О! Доброта твоя безмерна! Если ты так решила, я прошу сегодня же вечером посетить мое скромное жилище,— сказала Цзинчжэнь и стала прощаться.

Возвратившись к себе, она тут же приготовила угощение и села в ожидании гостей. Скоро они появились, держась за руки. Послушница встречала их у входа.

Войдя в ворота, Дацин увидал галерею и прихотливо извивавшиеся дорожки, обсаженные цветами. Дом Цзинчжэнь, разделенный на три залы, отличался еще большим изяществом, чем покои Кунчжао.

Прекрасны очертанья галерей.
Стоят, как стража, сосны
у дверей.

Высоко к небу тянется бамбук.
И колокольцев так приятен
звук.

Лучи, играя, льются с высоты
На яркие, на свежие цветы.

Своим чудесным запахом сандал
Страницы книг и струны
пропитал.

А тени гор ложатся у окна,
И тонкая циновка холодна.

Когда Цзинчжэнь увидела Дацина, великое ликование наполнило ее душу. Не теряя времени, она пригласила гостей к столу. Появился чай, за ним — вино и закуски. Кунчжао посадила Хэ Дацина рядом с подругою, а сама села напротив. Сбоку поместилась послушница. Чарка следовала за чаркой; они потеряли счет времени. Хэ Дацин обнял Цзинчжэнь и привлек ее к себе на колени, затем, усадив рядом с собою Кунчжао, он обнял ее за шею и принялся ласкать. При виде этого юная послушница покраснела, уши ее зарделись, а в сердце зашевелилось странное беспокойство. Наступили сумерки, и Кунчжао поднялась.

— Ну, жених, не подведи сваху. Завтра приду вас поздравить.

Она спросила фонарь и удалилась. Послушница велела служке запереть двери, а сама вернулась, чтобы прибрать комнату и подать монахине и гостю воды для омовения. Хэ Дацин поднял Цзинчжэнь на руки и отнес на ложе. Они сбросили одежды и скользнули под одеяло. Проснулись они лишь поздним утром.

С этого дня обе монахини подкупали своих служек и делили любовные радости с гостем поочередно. Сила страсти Дацина была безмерна. Он был так счастлив, что даже забыл о семье. Прошло однако же месяца два, и Дацин ощутил недомогание и усталость. Он начал подумывать о том, чтобы вернуться

домой, но молодые монахини, вкусившие сладость любви, ни за что его не отпускали. Много раз Дацин со слезами молил Кунчжао:

— Вы щедро одарили меня своею сладостной любовью, и теперь мне до крайности трудно с вами расстаться. Но я живу у вас уже больше двух месяцев, а дома никто не знает, что со мною сталось. Конечно, они очень тревожатся. Я только повидаю свою жену и сына и через четыре, самое большее пять дней вернусь. Неужели вы мне не верите?

— Ну что ж, в таком случае мы устроим сегодня проводы, а завтра ступайте. Но только, пожалуйста, не обманите нас!

— Разве могу я забыть вашу доброту и те дни, которые я с вами провел! — воскликнул Дацин.

Кунчжао немедленно направилась к подруге и рассказала ей о решении Дацина.

— Клятвам его я верю, и все-таки он уйдет и может больше не вернуться.

— Как так? — удивилась Кунчжао.

— А вот как! Кто не залюбуется на такого красавца, с таким тонким и изящным обращением? Да и сам он ветреник, каких мало, а веселые места попадаются на каждом шагу. Встретит он красотку, вспыхнет любовью и — прощай Дацин! Выходит, что он хоть и обещал вернуться, а ждать можно совсем иного.

— Что же нам делать?

— Не тревожься! Мы без веревок опутаем нашего Дацина по рукам и ногам, и он волей-неволей останется с нами.

— Что ты надумала? — с любопытством спросила Кунчжао.

Подруга вытянула руку, загнула два пальца и принялась объяснять:

— Сегодня за прощальным ужином мы его подпоим, а когда он захмелеет, обреем его, и тогда уж ему от нас не уйти! Вдобавок лицом он похож на женщину — мы нарядим его в наши платья, и тогда даже сам Бодхисатва не догадается, кто он такой. А нам только этого и надо — мы будем вкушать радость и веселье, ни о чем не беспокоясь, — сказала Цзинчжэнь.

— Твоей ловкости мне, видно, никогда не достигнуть, — сказала восхищенная Кунчжао.

Вечером Цзинчжэнь приказала послушнице присматривать за домом, а сама отправилась к Кунчжао.

— Ведь мы жили так счастливо, почему же вы покидаете нас с такою поспешностью? Вы совершенно к нам равнодушны! — сказала она Дацину.

— Нет, не равнодушие уводит меня от вас, а то, что я так давно не был дома, и моя семья, наверное, в величайшей тревоге. Но через несколько дней я вернусь к вам снова. Разве можно забыть о вашей доброте и оставить вас на долгий срок? — воскликнул Хэ Дацин.

— Если моя подруга согласилась, то я и спорить не стану. Но поверим мы вам только тогда, когда вы вернетесь, и вернетесь в срок.

— Так оно и будет, можете не сомневаться!

Тут появилось угощение, и все сели за стол.

— Нынче вечер прощания и разлуки, и потому не грешно выпить побольше, — сказала Цзинчжэнь.

— О, конечно, конечно! — поддержала ее Кунчжао.

Обе принялись сердечно потчевать Дацина. К третьему удару барабана он совсем охмелел и уже ничего не соображал. Цзинчжэнь сняла с него платок, а Кунчжао взялась за бритву, и скоро на голове у гуляки не осталось ни волоска. Монахини вдвоем отнесли его на постель, а потом и сами разошлись по своим спальням.

Утром, открывши глаза, Хэ Дацин увидел, что рядом с ним в постели лежит Кунчжао. Он перевернулся с одного бока на другой и вдруг почувствовал, что голова как-то непривычно скользит по подушке. Он ощупал голову рукою — она была гладкая, как тыква. В испуге он подскочил на кровати и закричал:

— Что это случилось со мною?

Кунчжао проснулась и сказала ему так:

— Не пугайтесь! Когда мы убедились, что намерение ваше твердо и неизменно, мы поняли, что не перенесем разлуки, и только потому отважились на этот дерзкий и злой поступок. Ведь иного средства удержать дорогого гостя у нас нет. А теперь мы хотим одеть вас монахиней, чтобы вы всегда доставляли нам радость.

Кунчжао прильнула к нему с величайшею нежностью. Ее страстные слова, сулившие новые, еще более сладостные ласки, вскружили Дацину голову, и он промолвил нерешительно:

— Вы сыграли надо мною злую шутку, пусть даже и из добрых побуждений. Как я теперь покажусь на глаза людям?

— Волосы быстро отрастут, ждать придется недолго.

Дацину пришлось уступить. Он переоделся монахиней и продолжал жить в обители, день и ночь предаваясь любовным утехам. Кунчжао и Цзинчжэнь не давали ему ни отдыха, ни поблажки, а вскоре к ним присоединились и две юные послушницы Кунчжао.

Порой Кунчжао с юношей была,
Порой Цзинчжэнь его к себе
звала.

Порой, дневные завершив дела,
Они все вместе шли из-за
стола.

Вонзились в ствол два острых
топора,
Но дерево стоит, как и вчера.

А воину — пусть он в бою
неплох —
Легко ли биться против
четырех?!

Почти погасла лампа, но на миг
Последний яркий пламень в ней
возник.

Уже почти что пуст часов сосуд,
Но капли редкие еще текут.

Как будто им дано восстановить
Часов и дней разорванную
нить...

Будь из железа наш любитель
жен —
Ведь и тогда расплавился бы он.

Неутомим, он долго все сносил
И наконец совсем лишился сил.

Дацин начал хиреть, но никто даже замечать не хотел его недуга. В первое время, когда Хэ Дацин пытался отказываться от любовных забав, монахиням казалось, будто он просто-напросто увиливает от главной своей обязанности. Вско-

ре, однако ж, он до того ослабел, что подолгу не мог подняться с постели, и тут они не на шутку встревожились. Сперва они хотели отправить его домой, но волосы у Дацина еще не отросли, а монахини боялись, как бы родня гулящего, узнав правду, не обратилась в суд. Тогда им не сдобровать, да и самой обители, пожалуй, грозит бесславный конец. Но и оставлять больного нельзя! Что если случится непоправимое и он умрет — мертвое тело ведь никуда не спрячешь! Дознаются местные власти, все обнаружится, и беды не миновать. Даже лекаря пригласить и то опасно. Оставалось лишь одно — послать служку к врачу, чтобы он рассказал о болезни, спросил совета и купил лекарств. Дни и ночи монахини настаивали целебные травы и выхаживали больного в надежде, что он поправится. Но было уже поздно: Дацину становилось все хуже, он уже едва дышал.

— Что делать? Что делать? Ведь он кончается! — восклицала в смятении Кунчжао.

— Ничего! — ответила ее подруга, подумав.— Скажем служке, чтобы он купил несколько даней извести. Когда Дацин умрет, мы собственными руками обрядим его в монашеское платье и положим в гроб. А гроб у нас уже есть — тот, что приготовлен для настоятельницы. Вместе с прислужниками и послушницами мы отнесем тело в дальний конец сада, выроем яму поглубже, а гроб засыплем известью. Так схороним, что ни добрые духи, ни злые бесы не отыщут!

В этот самый день Хэ Дацин лежал в комнате Кунчжао. Он вспомнил свой дом и горько заплакал при мысли, что умирает вдали от родных.

— Не огорчайтесь, господин! — пыталась утешить его Кунчжао, отирая слезы, которые катились из его глаз.— Вы скоро поправитесь.

— Случай свел меня с вами. Я думал, что счастье будет сопутствовать нам вечно, но судьба безжалостна, и, как ни горько, нам приходится расстаться на полпути. С тобою первой вкусил я любовь в этой обители и потому именно тебя хочу просить о помощи. Это очень важно для меня, не отвергай же мою просьбу.

— Говорите, господин, разве я смогу вам отказать! — воскликнула Кунчжао.

Хэ Дацин вытащил из-под подушки ленту. Она была двухцветная — половина изумрудная, как оперение попугая, половина желтоватая, словно кошачья шкурка. Это цвета уточек-неразлучниц — символ супружеской верности. Дацин протянул ленту монахине и, глотая слезы, промолвил:

— С того дня, как я у вас, я ничего не знаю о своей семье. Последнее мое желание, чтобы ты передала эту ленту моей жене. Она сразу все поймет и придет проститься со мною. Тогда я смогу умереть спокойно.

Кунчжао тотчас велела послушнице сходить за Цзинчжэнь. Узнав о просьбе Хэ Дацина, Цзинчжэнь сказала:

— Мы скрыли в обители мужчину и тем нарушили все святые заповеди до единой. Мало того — мы довели нашего гостя до гибели. Если здесь появится его жена, едва ли она согласится молчать. Что мы тогда станем делать?

Кунчжао, нравом более мягкая и уступчивая, чем ее подруга, была в замешательстве. Тут Цзинчжэнь выхватила у нее из рук ленту и забросила под самый потолок. Знак супружеской верности зацепился за балку и повис. Как долго он теперь не появится на свет?

— Что я скажу Хэ Дацину? — воскликнула Кунчжао в испуге.

— Скажи, что мы послали ленту со служкой. Нас он ни в чем не заподозрит, даже если жена и не придет.

Несколько дней подряд Хэ Дацин справлялся, нет ли каких известий, а потом решил, что жена обиделась и не хочет к нему прийти. Он впал в отчаяние, громко стонал и плакал и немного спустя достиг великого рубежа своих дней и скончался:

В загробный мир ушел Дацин,
Бездумный и блудливый —
И больше нет в монастыре
Монахини фальшивой.

Монахини всхлипывали втихомолку — громко рыдать они боялись. Они омыли тело Хэ Дацина душистою водою, обрядили его в новое монашеское одеяние, а потом, кликнув обоих прислужников, досыта их накормили и с горящими свечами в руках направились в дальний конец сада к огромному кипарису. Прислужники вырыли глубокую яму, насыпали в нее извести и поставили гроб настоятельницы. Потом возвратились в покои Кунчжао, положили умершего на створку двери и понесли к могиле. Монахини уложили Дацина в гроб, прислужники плотно закрыли крышку и заколотили гроб гвоздями. Сверху они насыпали еще извести, завалили яму землей и все старательно разровняли, так что никаких следов погребения не осталось.

Бедняга Хэ Дацин! Со дня праздника Поминовения усопших, когда он впервые повстречался с монахинями, прошло немногим более трех месяцев, а жизни его уже настал конец! Перед смертью он так и не увидел ни жены, ни сына. Промотав значительную часть своего состояния, он обрел конец в могиле, вырытой в заброшенном саду. Поистине судьба этого человека достойна глубочайшего сожаления. Верно говорит о нем следующее стихотворение:

Совет мой: духов злых не трогай,
Иди всегда прямой дорогой.
Что привело тебя в обитель,
Запретных радостей любитель?

Тебя монахини обрили,
Потом в глухом саду зарыли.

В могиле потаенной скрыли.
Нет на земле твоих следов.

Таков конец
Любителя цветов.

А теперь мы обратимся к жене умершего — госпоже Лу. Первые четыре или пять дней после праздника Поминовения она нисколько не тревожилась о муже, в полной уверенности, что он веселится с певичками в каком-нибудь из домов радости. Но прошло еще дней десять, а Дацин все не возвращался. Госпожа Лу послала слугу обойти все веселые дома и расспросить о муже. Оказалось, что после праздника его никто не видел. Миновал месяц — Хэ Дацин пропал, как в воду канул. Госпожа Лу встревожилась не на шутку. Она плака-

ла, не переставая, и наконец решила расклеить повсюду объявления о пропаже. Все было попусту!

Надвинулась осень, лили затяжные дожди. Дом Хэ Дацина во многих местах дал трещины и расселся, но госпожа Лу не хотела нанимать мастеров без хозяина. Наступила, однако ж, одиннадцатая луна, и мастеров все-таки пришлось позвать. Однажды, когда госпожа Лу расплачивалась за сделанную работу, ее внимание вдруг привлекла лента, которою был опоясан один из мастеровых. Лента в точности походила на ту, что обычно носил ее исчезнувший супруг. Сильно встревоженная, она велела служанке сказать мастеровому, чтобы он дал ей взглянуть на ленту поближе. Звали этого мастерового Третьим Куаем. Он был сведущ в гончарном, столярном и строительном ремеслах, был знаком каждому в доме богача Хэ. Куай тотчас исполнил просьбу хозяйки, и лента оказалась в руках госпожи Лу. Внимательно осмотрев ленту со всех сторон, она убедилась, что ошибки быть не может: эта лента принадлежала ее мужу. Об этом можно сказать стихами:

О людях память никогда
Не исчезает без следа;
И вот монахиням грозит
Неотвратимая беда.

Когда-то давно супруги купили две одинаковые ленты — одну мужу, другую жене. Хэ Дацин исчез, но след его, оказывается, не стерся без остатка!

Когда госпожа Лу увидела ленту, из ее глаз невольно брызнули слезы.

— Где ты взял эту ленту? — спросила она Куая.

— Я нашел ее в загородной обители, у монахинь.

— Как называется обитель и как зовут монахинь?

— Обитель Отрешения от мирской суеты. В монастыре два двора — восточный и западный. Восточный занимает монахиня Кунчжао, западный — Цзинчжэнь. С ними живут несколько послушниц, которые еще не приняли пострига.

— А сколько лет этим монахиням?

— Около двадцати. И обе хороши собой.

«Не иначе как муж спутался с этими монахинями и скрывается у них,— подумала госпожа Лу, услышав ответ мастерового.— Возьму-ка я с собой слуг, позову Куая в свидетели и сегодня же пойду в этот монастырь. Все вверх дном переверну, а правду узнаю.— Госпожа Лу была уже готова взяться за дело, но вдруг ее охватили сомнения: — А что если муж просто обронил эту ленту. Тогда я погублю монахинь без вины. Нет, надо сперва хорошенько все разузнать».

— Скажи: а когда ты нашел у них ленту? — спросила она Куая.

— С полмесяца назад, не больше.

«Выходит, полмесяца назад муж был еще там? Как же это понять?»

— А где ты ее нашел?

— В восточном флигеле, на балке под потолком. Там стала протекать крыша, и меня позвали переложить черепицу, вот тогда я и нашел эту ленту. Осмелюсь

спросить у вас, госпожа: отчего она вас так занимает?

— Эта лента моего мужа. С самой весны о нем ни слуху ни духу. Я увидела ленту и подумала: где вещь, там и хозяин. Хочу сегодня же пойти вместе с тобою в обитель и спросить у монахинь про мужа. Если удастся его разыскать, я щедро тебя отблагодарю.

— Что вы, что вы, госпожа? Я-то тут при чем? — испугался мастеровой.— Ленту я нашел — это верно, но о вашем уважаемом супруге знать ничего не знаю!

— Сколько дней ты у них проработал?

— Больше десяти, считая и работы на западном дворе. Они еще со мною до конца не рассчитались.

— А моего мужа не видел?

— За эти дни я обошел все помещения, но вашего хозяина нигде не встречал, верьте слову.

«Если его там нет, ничего не докажешь, хотя бы и с этой лентой! — подумала госпожа Лу.— Но лента оказалась в монастыре неспроста. Третий Куай сказал, что монахини еще с ним не разочлись. Дам я ему лян серебра, и пусть он все там разузнает, когда будет рассчитываться. Глядишь — и откроются какие-нибудь следы. Если муж жил у монашек, след должен остаться».

— Я дам тебе лян серебра. Если выведаешь правду, получишь еще.

И госпожа Лу объяснила мастеровому, что надо делать.

Услышав про деньги, мастер согласился выполнить поручение. Госпожа Лу вынесла ему серебро, Куай поблагодарил и ушел.

На другой день после завтрака Третий Куай отправился в обитель Отрешения от мирской суеты. У входа в западный двор он увидел прислужника. Тот сидел на припеке, скинув халат, и бил вшей. Куай окликнул его. Прислужник поднял голову, узнал мастерового и сказал:

— А, Третий Куай! Давно тебя не видно. Удалось, видно, выкроить свободный часок? Ты пришел кстати: наставница из западного двора спрашивала про тебя — ты ей нужен.

Это как нельзя лучше отвечало планам Куая.

— А не знаешь, зачем я ей понадобился?

— Точно не знаю. Пойдем к ней, сам спросишь.

Он надел халат и поднялся. Прихотливо извивавшаяся дорожка привела их к покоям монахини. Цзинчжэнь переписывала сутры.

— Наставница, пришел мастер Куай,— доложил служка.

Монахиня положила кисть.

— Я как раз хотела посылать за тобою прислужника, а ты уже здесь. Прекрасно!

— Что угодно наставнице?

— Перед статуей Будды стоит поминальный столик старинной работы. За долгие годы лак на нем совсем облез. Я давно хочу его подновить, да все пожертвований не было. А тут, на наше счастье, матушка Цянь расщедрилась и пожертвовала несколько досок. Мне хотелось бы, чтобы столик получился в точности такой, как в восточном приделе. Завтра день счастливый, можешь приступать к делу. Работать будешь сам, без помощников — ты и один справишься,

а деньги получишь сразу за все — и за прежнюю работу, и за эту.

— Ну что ж, завтра и начнем,— согласился Куай, а тем временем внимательно огляделся вокруг.

Комната почти пустая, человеку здесь не схорониться. Он вышел и снова огляделся. «Ленту я нашел в восточном дворе, там и надо разведать»,— решил он. Он простился с прислужником и направился к восточному двору. Ворота были приоткрыты. Куай заглянул внутрь — двор был пуст. Он проскользнул в ворота и подошел к дому. На дверях висел замок. Куай прильнул ухом к щели — внутри все было тихо. Куай приблизился к кухне. Оттуда раздался смех. Он замедлил шаги и поглядел в окно: в кухне играли и резвились две послушницы. Одна, поменьше, упала на пол, а другая, как можно было догадаться, изображала мужчину: расставила ноги, села на подружку верхом и старалась ее поцеловать. Младшая что-то крикнула.

— Чего кричишь, ведь в твои ворота уже входили! — сказала старшая.

Третий Куай от души веселился, глядя на это зрелище. Но внезапно в носу у него защипало, и он громко чихнул. Перепуганные послушницы вскочили на ноги:

— Кто там? — воскликнули обе в один голос.

— Это я. Наставница дома? — сказал Куай и подошел к двери, но, вспомнив только что увиденное, не смог сдержаться и рассмеялся.

Послушницы поняли, что мастеровой подсматривал за ними, и покраснели.

— Какое у тебя дело, мастер Куай? — спросили они.

— Дело нехитрое: пришел к вашей наставнице за деньгами.

— Ее нет дома, вернется через несколько дней.

Куаю ничего не оставалось как уйти. Послушницы заперли дверь и принялись бранить мастерового на чем свет стоит.

— Дикарь! Подкрался, словно вор. Негодяй!

Подслушанный разговор — еще не улика, а никаких следов исчезнувшего Дацина Куай не обнаружил. «И все-таки беседа этих девчонок подозрительна,— думал он.— Правда, я не все понял, но не беда: завтра возьмемся за дело сызнова».

На следующее утро он пришел со столярной снастью на западный дворик. Обмерив доски, он их распилил и принялся обстругивать. За работою он беспрерывно раздумывал над тем, как бы раздобыть сведения о Хэ Дацине. В середине дня из дома вышла Цзинчжэнь. Перекинувшись с мастером несколькими незначащими словами, она подняла голову и заметила, что лампада почти погасла. Цзинчжэнь велела послушнице принести огня. Послушница вернулась с новой плошкой и, поставив ее на столик, принялась распускать веревку, на которой висела лампада. По неосторожности она слишком быстро ослабила веревку, лампада полетела вниз и, угодив прямо в голову стоявшей внизу монахини, раскололась пополам. Масло выплеснулось и обрызгало монахиню с головы до пят. Цзинчжэнь вне себя от ярости бросилась к послушнице и схватила ее за волосы.

— Грязная девка! Потаскуха! Тебе вскружили голову, и ты уже

ничего кругом не видишь! Испоганила мне все платье!

Куай отложил в сторону свою снасть и поспешил на помощь девочке. Цзинчжэнь, кипя от злости, разжала руки и, не переставая поносить послушницу, пошла в дом, чтобы переменить платье. Послушница жалобно плакала, волосы ее растрепались и рассыпались по спине. Когда монахиня ушла, она пробормотала:

— Так исколотить меня за то, что я разлила масло! А сама человека в гроб вогнала. Вот бы спросить с нее за это!

Третий Куай поспешил воспользоваться случаем.

Слова что леска и крючок,
Бери же их смелей,
И правду выудишь легко,
Сумеешь ложь поймать.

Юная послушница была в том возрасте, когда впервые пробуждается любопытство к любовным играм. Видя, как Хэ Дацин забавляется с монахинями, она тоже хотела изведать вкус этих забав. Однако, в отличие от Кунчжао, Цзинчжэнь отличалась нравом крутым и строптивым. С самого начала она ревновала Дацина к Кунчжао и соглашалась делиться с подругою лишь потому, что той принадлежало первенство в их общей связи. Когда гость оказался в ее комнате, она твердо решила проглотить его одна, без чужой помощи. О том, чтобы дать послушнице ее долю, хотя бы даже самую малую, не могло быть и речи! Послушница терпела, терпела, но в конце концов в ее сердце родилась ненависть к наставнице. И сегодня, во власти обиды и возмущения, она открыла тайну, даже не подозревая, с каким вниманием Третий Куай ловит каждое ее слово.

— Как же она уморила человека? — спросил мастер.

— Вместе с той распутницей из восточного двора. День и ночь они по очереди развлекались с господином Хэ и в конце концов свели его в могилу.

— А куда дели труп?

— Позади восточного двора есть заглохший сад. Там его и зарыли под кипарисом.

Третий Куай хотел задать еще вопрос, но в этот миг вошел прислужник, и они умолкли. Девочка, не переставая плакать, ушла. Третий Куай сравнил ее рассказ с разговором, подслушанным накануне. Несомненно, между тем и другим была какая-то связь. Теперь Куай узнал почти все, что хотел. Не закончив работу, он поспешно собрал свою снасть и, сославшись на неотложное дело, опрометью помчался в дом Хэ.

К нему вышла госпожа Лу, и он подробно рассказал ей обо всем, что узнал. Услыхав о смерти мужа, госпожа Лу залилась слезами. В тот же день она созвала родню, чтобы посоветоваться, как быть дальше, а Третьего Куая оставила ночевать. Наутро госпожа Лу собрала человек двадцать слуг и велела каждому взять заступ, лопату или топор. Оставив сына на попечение няньки, она села в паланкин. Слуги двинулись за нею следом. Быстро прошли они три ли и оказались у ворот обители. Госпожа Лу соскочила на землю. Часть своих людей она оставила караулить ворота, а с остальными проникла в обитель. Третий Куай повел их

к восточному двору и постучал в дверь. На стук вышел прислужник. Увидев женщину, он решил, что она хочет воскурить благовония перед статуей Будды, и пошел доложить Кунчжао. Воспользовавшись этим, Куай, который знал здесь все ходы и выходы, повел госпожу Лу и ее слуг за собою. Но тут навстречу незваным гостям вышла Кунчжао.

— Мастер Куай, ты что, пришел со всею семьей? — воскликнула она, увидев женщину, которая следовала за Куаем.

Но неожиданно посетители, не ответив ни слова, оттолкнули хозяйку и, все так же молча, устремились к дальнему концу сада. Монахиня увидела злые, решительные лица. Ничего не понимая, она пошла следом. Когда же все, ни минуты не колеблясь, обступили высокий кипарис и начали рыхлить землю заступами и лопатами, она догадалась, в чем дело. От страха лицо ее посерело. Она опрометью бросилась к дому.

— Беда! — шепнула она послушницам.— Они узнали про Хэ Дацина. Надо спасаться, бегите за мной!

У послушниц выкатились глаза и отнялись языки. Трясясь от ужаса, они последовали за наставницей. В тройной зале перед статуей Будды стоял прислужник.

— Мне не дают выйти из храма. Какие-то люди караулят ворота,— сказал он с изумлением.

— Беда! Беда! Скорее в западный двор! — вскричала монахиня, и все помчались за нею.

Вмиг оказались они у западного двора, и Кунчжао принялась колотить в ворота. На стук вышел служка. Монахиня приказала ему немедленно задвинуть все засовы.

— А если будут стучать, не открывай,— прибавила она.

Цзинчжэнь еще не вставала, дверь ее комнаты была на запоре. Кунчжао забарабанила в дверь кулаками и громко закричала. Цзинчжэнь поспешно оделась и вышла.

— Что случилось, сестрица, отчего такое смятение? — спросила она.

— Кто-то донес про Хэ Дацина! Этот проклятый плотник привел в дальний сад целую толпу народа! Сейчас они раскапывают могилу! Я хотела убежать, но прислужник сказал, что ворота под охраной — выйти никак нельзя. Что делать?

Несмотря на весь свой ум и самообладание, Цзинчжэнь испугалась не на шутку.

— Этот Куай работал у меня вчера, а сегодня привел людей. Стало быть, ему все известно. Не иначе как кто-нибудь из наших проболтался, а этот пес тут же побежал с доносом в дом Хэ. Никто другой нашу тайну выведать не мог.

Ученица Цзинчжэнь стояла ни жива ни мертва. Она горько раскаивалась в том, что сказала мастеровому накануне.

— Этот Куай давно замышлял что-то недоброе,— сказала одна из послушниц Кунчжао.— Позавчера он подкрался к кухне и подслушивал наши разговоры. Мы его, правда, заме-

тили и прогнали. А кто проболтался, мы не знаем.

— Ладно, об этом потом, а что сейчас делать?— остановила Кунчжао свою ученицу.

— Бежать! Другого выхода нет!— решила Цзинчжэнь.

— Но ворота под охраной,— напомнила Кунчжао.

— Сейчас узнаем, что делается у задних ворот,— сказала Цзинчжэнь и отправила прислужниц посмотреть.

Прислужник вернулся и сообщил, что у задних ворот никого нет. Наказав ему крепко запереть двери дома, обрадованные монахини собрали все серебро — остальное добро приходилось бросить — и выскользнули через задние ворота, заперев их за собою снаружи.

— Где нам укрыться?— спросила Кунчжао.

Большой дорогой идти нельзя — нас тут же заметят. Пойдем тропкою. Пока спрячемся в обители Великого Блаженства. Обитель малолюдна, искать нас там не станут,— отвечала Цзинчжэнь.— Наставница Ляоюань — добрая наша знакомая, она не откажет нам в пристанище. А когда буря уляжется, мы найдем новое укрытие, понадежнее.

Кунчжао одобрила ее план. Не обращая внимания на ямы и кочки, все побежали по тропинке к монастырю Великого Блаженства. Но это уже к нашему рассказу не относится.

Теперь вернемся к тому, что происходило в обители, покинутой монахинями. Толпа слуг под присмотром госпожи Лу усердно работала под кипарисом. Заступами они разрыли землю и увидели следы извести. Все поняли, что добрались до могилы. Но известь, смешанная с водою, затвердела и сделалась как камень. Чтобы этот камень раздробить, потребовалось много времени. Наконец появилась крышка гроба. Госпожа Лу зарыдала. Слуги очистили края крышки, но она все не поддавалась. Тем временем караульные у ворот, подстрекаемые неудержимым любопытством, бросили свой пост и тоже побежали в сад посмотреть, что там делается. Увидев, что работа остановилась, они дружно кинулись на помощь. Гроб быстро очистили целиком, кто-то всунул под крышку топор, нажал, и крышка отскочила. Но когда посмотрели на умершего, то увидели, что в гробу лежит не Дацин, а монахиня. Все остолбенели от неожиданности. Сбившись в кучу, слуги едва смели взглянуть друг другу в глаза. Внимательно осмотреть мертвое тело никто не решился, и крышку поспешно закрыли.

— Что ты говоришь, рассказчик! Ведь Хэ Дацин умер совсем недавно. Неужели супруга не узнала своего мужа, хотя бы даже и с обритой головой?

— Нет, почтенные слушатели, все правильно! Когда Хэ Дацин ушел из дома, он был в расцвете сил и красоты. У монахинь, как вы помните, он захворал, долго лежал в постели и отощал до того, что от преж-

него Дацина остались лишь кожа да кости. Он бы, пожалуй, и сам себя не узнал, если бы взглянул в зеркало. К тому же слуг и жену сбила с толку бритая голова умершего, и все решили, что это монахиня.

Госпожа Лу накинулась на Третьего Куая.

— Я тебе приказывала разузнать все наверняка, а ты притащил мне пустую сплетню! Ведь это же ни дать ни взять комедия в театре! Как нам теперь быть?

— Послушница все ясно сказала. Какая уж тут сплетня...— пробормотал сконфуженный Куай.

— В гробу-то монахиня, а ты еще споришь!—воскликнули слуги.

— Наверное, не там рыли, надо копать в другом месте.

— Нельзя! Никак нельзя!— вмешался какой-то старик, родич Хэ Дацина.—Того, кто вскроет гроб, закон карает смертью. И кто разроет могилу— тому тоже смертная казнь! Мы уже совершили преступление, а если выкопаем еще одну монахиню, вина наша утяжелится вдвое. Надо как можно скорее оповестить обо всем начальство и строго допросить ту послушницу. Может быть, удастся кончить дело полюбовно. Но если монахини нас опередят и явятся к властям первые, не миновать нам беды!

С этими словами все согласились. Слуги побросали лопаты и заступы на землю и гурьбой повалили из сада. Вместе с хозяйкою, госпожою Лу, они обошли всю обитель до главных ворот, но ни одной монахини не встретили.

— Плохо! Плохо!—сказал тот же старик.—Монахини отправились к местным властям или же прямо в суд! Надо скорее уходить!

Слова старика нагнали на всех такого страха, что обитель мигом опустела. Госпожа Лу бросилась к своему паланкину и вместе с родичами поспешила в Синьганьский ямынь, чтобы подать прошение. Когда они добрались до города, оказалось, что по дороге половина родичей успела скрыться.

Среди слуг, которых госпожа Лу приводила в монастырь, был поденщик Мао, по прозвищу Шалопут. Он решил, что в гробу непременно должны быть какие-нибудь драгоценности. Спрятавшись в сторонке, Мао дождался, пока все уйдут, и снова побежал к могиле. Он обшарил весь гроб и даже платье умершего, но ничего не нашел. И тут—как видно, это было определено судьбою—каким-то неловким движением он сдернул с умершего штаны. То, что он увидел, немало его развеселило.

— Эге! Да это не монахиня, а монах,—засмеялся Шалопут.

Он закрыл крышку, вышел из сада и огляделся. В обители никого не было. Мао осторожно пробрался в покои Кунчжао. Там он отобрал несколько ценных вещиц, спрятал их за пазуху и, покинув обитель, быстро зашагал к городу.

Как раз в эту пору начальник уезда куда-то уехал по делу, и госпожа Лу ожидала его у ямыня. Мао-Шалопут присоединился к ожидающим.

— Не тревожьтесь!—начал он.—Я надумал еще раз осмотреть тело и, когда вы все ушли, вернулся. И что же, как вы думаете, я обнаружил? Правда, это не господин Хэ, но в гробу лежит не монахиня, а монах.

— Прекрасно!—обрадовались родичи Хэ Дацина.—Наверное, его уморили монахини. Любопытно бы узнать, из какого он монастыря.

Удивительные вещи случаются иногда в Поднебесной! Только что Шалопут закончил свой рассказ, как из толпы выходит старый монах.

— Вы говорите, что монахини уморили монаха? Как он выглядит? В каком монастыре его нашли?

— В обители Отрешения от мирской суеты. Мы нашли его на восточном дворе. Наверное, он скончался совсем недавно. Лицо у него продолговатое и худое, щеки желтоватые.

— Да это мой ученик, не кто иной, как он!—промолвил старый монах.

— Как же он туда попал?—удивились присутствующие.

— Видите ли, я настоятель монастыря Великого Закона, мое имя—Цзяоюань. У меня был ученик Цюйфэй, двадцати лет от роду. Учиться он не любил и не хотел, и я ничего не мог с ним поделать. В третью луну он пропал и до сих пор не вернулся. Родители, вместо того чтобы бранить сына за лень и нерадивость, постоянно его оправдывали, а потом, когда он исчез, заявили властям, будто это я свел его в могилу. Сегодня дело будет разбираться. Если умерший—действительно мой ученик, обвинение с меня снимается.

— Учитель, пойдемте, я вас провожу, вы все увидите сами,—предложил Шалопут.

— Ну что ж, хорошо!—согласился монах.

Но едва собрались они идти, как к Цзяоюаню подбежали старик со старухой. На монаха посыпались удары.

— Плешивый разбойник! Где наш сын? Ты его убил!—кричали они.

— Погодите! Уймитесь! Ваш сын нашелся!—закричал в ответ монах.

— Где же он?—воскликнул старик.

— Твой сын спутался с монахинями из обители Отрешения от мирской суеты и там по какой-то причине умер. Тело его зарыто в дальнем конце сада.—Монах указал на Шалопута:—А вот и свидетель.

Он потянул Мао-Шалопута за собой, а старик со старухой пошли следом.

К этому времени крестьяне, жившие подле обители, узнали о случившемся, и все, от мала до велика, сбежались поглядеть. Шалопут, раздвинув толпу, провел монаха в заглохший сад. Вдруг откуда-то из дома послышались стоны. Шалопут распахнул дверь и вошел внутрь. На кровати лежала старая монахиня, по-видимому, уже при последнем издыхании.

— Дайте мне поесть, я умираю с голоду,—застонала старуха.

Шалопут, однако ж, остался глух к ее мольбе. Он захлопнул

дверь и повел монаха дальше. Снова сняли крышку гроба. Старик и старуха протерли свои слезящиеся, подслеповатые глаза и принялись внимательно разглядывать тело. Им показалось, что умерший похож на их сына, и они громко заплакали. Зрители, которые толпились поодаль, спрашивали, в чем дело, и Мао-Шалопут, размахивая руками, пустился в объяснения. Видя, что родители опознали тело, монах остался доволен, подозрение в убийстве больше над ним не тяготело, а кто на самом деле лежал в гробу — его ученик или же кто иной,— нисколько его не занимало.

— Пошли, пошли! — заторопил он старика.— Сын нашелся, теперь нужно доложить начальству. Успеешь еще поплакать, сейчас надо допросить монахинь.

Старик утер слезы и собственными руками закрыл крышку гроба. Они покинули обитель и вернулись в город. Оказалось, что и начальник уезда уже успел вернуться. Стражник, который должен был охранять старого монаха, сбился с ног в поисках своего обвиняемого. С лица его градом катился пот. Но вот наконец монах вместе в Шалопутом появился у дверей ямыня, и все бросились к ним с расспросами:

— Ну как? Правда, что это твой ученик?

— Истинная правда,— ответил монах.

— Значит, можно разбирать оба дела вместе,— решили присутствующие.

Стражники ввели всех к начальнику уезда. Жалобщики встали на колени. Первой говорила госпожа Лу. Она рассказала об исчезновении мужа, о ленте, что нашел Куай, о разговоре послушниц и о том, что в гробу лежал мужчина.

За ней взял слово старый монах. Он сообщил, что в третью луну внезапно исчез его ученик. Монах не знал, что он скончался в женской обители, не знали этого и отец с матерью.

— Но сегодня обнаружилось с полной очевидностью, что я в его смерти неповинен. Жду вашего милостивого решения,— закончил монах.

Начальник уезда обратился к старику отцу.

— Это действительно твой сын? Ты не ошибся?

— Какая может быть ошибка, коли это мой сын! — воскликнул старик.

Начальник уезда приказал четырем стражникам идти и привести монахинь. Стражники помчались в обитель, но, кроме праздных зевак, сновавших из одного двора в другой, никого не обнаружили. В одном из приделов они нашли старую настоятельницу, уже при смерти.

— Может, они спрятались на западном дворе? — предположил один стражник.

Все четверо направились туда. Ворота были заперты. Стражники постучались — никакого ответа. Тогда стражники перелезли через стену — на всех дверях висели замки. Стражники взломали двери и осмотрели комнаты — во всем доме не было ни одной живой души. Взявши кое-какие вещи, стражники направились в сельскую управу, а оттуда в город. Все это время

начальник уезда дожидался их в зале присутствия.

— Монахини скрылись неизвестно куда. Мы на всякий случай привели сельского старосту,—доложили стражники.

— Куда делись монахини?— спросил начальник уезда старосту.

— Ничтожный ничего об этом не знает,—отвечал староста.

— Монахини тайком скрыли в обители мужчину, а потом умертвили его! Это дело гнусное и противозаконное, ты его утаил, а теперь, когда все вышло наружу, пытаешься увильнуть, прикидываешься, будто тебе ничего не известно! Зачем же тогда сельская управа?—загремел начальник и приказал бить его батогами.

Староста стал молить о пощаде, и уездный смилостивился. Он распорядился отпустить старосту на поруки и приказал ему в трехдневный срок поймать преступниц. Стражники получили приказ запереть и опечатать монастырь.

Но вернемся к Кунчжао и Цзинчжэнь, которые вместе со своими послушницами и прислужниками благополучно достигли обители Великого Блаженства. Ворота обители оказались заперты. На стук вышел прислужник. Без долгих слов гости гурьбою, толкая друг друга, ввалились во двор и велели прислужнику снова запереть ворота. Появилась настоятельница монастыря Ляоюань. Увидев столько нежданных гостей, она растерялась, но тут же сообразила, что это неспроста. Пригласив монахинь отдохнуть в зале Будды, она велела прислужнику приготовить чай и осторожно приступила к расспросам. Цзинчжэнь, не таясь, рассказала обо всем случившемся и попросила приюта. Ляоюань испугалась.

— Сестры по вере попали в беду, и мой долг дать им пристанище.—Ляоюань тяжело вздохнула.—Но опасность чересчур велика. Лучше бы вам укрыться где-нибудь подальше. Наша обитель маленькая, тесная, повсюду чужие глаза и уши. Если кто-нибудь узнает про вас, и вам будет худо, и мне тоже.

Почему же монахиня Ляоюань отказала гостям в убежище? На то имелась веская причина. Дело в том, что Ляоюань была, как говорится, большой охотницей распахнуть всем известную дверцу и уже больше трех месяцев прятала у себя молоденького монашка Цюйфэя из монастыря Великого Закона. С этим монашком, переодетым в женское платье, они жили как два счастливых супруга—только что оба были плешивы. Ляоюань опасалась, что ее проделки обнаружатся, а потому все ворота и двери в обители всегда были накрепко закрыты. Молодые монахини попались на том же самом, и Ляоюань испугалась, как бы власти, преследуя подружек из обители Отрешения от мирской суеты, не напали на след ее собственных забав. Поэтому она и не хотела приютить беглянок.

Монахини и послушницы растерянно переглядывались, не зная, что делать дальше. Но Цзинчжэнь, обладавшая хитрым умом, вспомнила, что Ляоюань очень неравнодушна к деньгам. Вынув из рукава серебро, она взяла два или три ляна и протянула их хозяйке.

— Сестра совершенно права, но все произошло так внезапно, что мы не сообразили, куда направиться. Мы надеемся, что почтенная сестра по старой дружбе приютит нас дня на два, на три. Когда опасность несколько поуменьшится, мы отыщем себе новое убежище. А этими несколькими лянами мы надеемся хоть как-то отплатить сестре за гостеприимство.

Увидев деньги, Ляоюань мигом забыла про все опасности.

— Ну, если не больше двух-трех дней, это дело другое. Только денег я не возьму.

— Нет, пожалуйста, не отказывайтесь! Ведь мы доставили вам столько беспокойства! — воскликнула Цзинчжэнь.

Ляоюань еще упиралась и хмурилась для виду, но в конце концов взяла деньги и тотчас унесла к себе в келью.

Тем временем Цюйфэй, узнав, что пришли пять хорошеньких монахинь и послушниц из другой обители, выскочил на них посмотреть. Они обменялись приветствиями. Цзинчжэнь внимательно оглядела мнимую монахиню с ног до головы, но ей не пришло и в голову, что это мужчина в женском платье.

— Из какой обители новая сестра? Что-то я никогда ее здесь не встречала раньше, — обратилась она к Ляоюань.

— Она у нас совсем недавно, поэтому вы ее и не знаете, — ответила Ляоюань.

Красота Цзинчжэнь и остальных пришелиц привела Цюйфэя в восторг. «Ну и удача! Кто бы мог подумать, что Небо пошлет сюда таких красоток! Вот бы познакомиться с ними поближе и вкусить радость с каждой по очереди».

Ляоюань приготовила скромное угощение, но беглым монахиням было не до еды. Они не могли усидеть на месте, уши их пылали, глаза блуждали. Когда время подошло к трем часам дня, Цзинчжэнь не вытерпела и обратилась к настоятельнице:

— Нам бы необходимо выяснить, что делается в нашей обители. Нельзя ли послать вашего прислужника, чтобы он все разузнал? Тогда мы сможем решить, как быть дальше.

Ляоюань распорядилась, и придурковатый прислужник, не ведая об опасности, направился к обители Отрешения от мирской суеты. В эту же самую пору у ворот появился сельский староста и несколько сельчан, чтобы по приказу уездного начальника закрыть и опечатать монастырь. Не проверив, жива или мертва старая настоятельница, они приклеили на ворота две полоски бумаги крест-накрест, повесили замок и уже собрались уходить, как вдруг заметили старого прислужника, который что-то смотрел и вообще вел себя до крайности подозрительно. Староста и его спутники сообразили, что это неспроста, и бросились на лазутчика.

— Ага, милости просим, добро пожаловать! Уездный ждет тебя не дождется! — закричали они и тут же накинули ему на шею веревку.

У прислужника подкосились от страха ноги.

— Я ни в чем не виноват! Они спрятались у нас в монастыре, а мне приказали узнать, что здесь происходит, — запричитал он.

— Мы так и поняли! А ну, говори, где они спрятались?

— В обители Великого Блаженства.

Выведав все, что нужно, староста кликнул на помощь еще нескольких человек, и, ведя за собою связанного прислужника, они двинулись к обители Великого Блаженства. Первым делом они выставили караулы у всех входов и выходов и только потом постучали в ворота. Ляоюань решила, что это вернулся служка, и поспешила отворить. Ее мигом схватили, отвели в дом и принялись обшаривать комнату за комнатой. Никто из беглянок не успел скрыться. Переодетый монах Цюйфэй спрятался было под кровать, но его заметили и с позором оттуда выволокли.

— Я к их делу непричастна! — уверяла Ляоюань. — Они только попросили у меня приюта на короткое время. Сжальтесь над нашей обителью, почтенные, а за благодарностью дело не станет.

— Нельзя! — наотрез отказался староста. — Сама знаешь, какой наш начальник уезда строгий! Он непременно спросит, где схватили преступниц, что мы ему ответим? Виновата ты или нет — нам все равно. Ответ дашь в уездном ямыне.

— Конечно, вы правы, но отпустите хотя бы мою ученицу — ведь она только успела принять постриг! Есть же у вас человеческие чувства!

Деньги сделали свое, и староста уже готов был согласиться. Но тут кто-то из его помощников сказал с сомнением:

— Как можно ее отпустить? Если она ни в чем не замешана, почему она так перепугалась и даже под кровать спряталась? Как хотите, а что-то здесь нечисто.

С ним никто не стал спорить, и переряженного монаха связали. Десять преступников, соединенные одною веревкой, были похожи на пирожки цзун-цзы, которые продают в праздник Начала лета, нанизывая на нитку. Итак, монастырь закрыли, и монахинь повели в уездный город. Всю дорогу до города Ляоюань бранила и проклинала Цзинчжэнь, которая впутала ее в беду, и та не осмеливалась возразить ни единым словом. Да, поистине верно сказано:

Сварить никак не могли
Старую черепаху,

Бросить под днище котла
Тутовый хворост пришлось[12].

День склонялся к вечеру, и уездного начальника уже не было в ямыне. Староста с помощниками разошлись по домам. Улучив момент, Ляоюань успела шепнуть монашку:

— Когда завтра нас приведут на суд, ты лучше помалкивай. Скажи только одно — что ты ученица и приняла постриг совсем недавно. Я сама все объясню. Вот увидишь, нам ничего не будет!

На другой день начальник уезда открыл присутствие спозаранку, и староста ввел арестованных.

— Монахини из обители Отрешения от мирской суеты спрятались в обители Великого Блаженства. Мы всех схватили, а заодно привели и монахинь из обители Великого Блаженства.

Уездный начальник приказал арестованным встать на колени у края помоста и отдал распоряже-

ние стражникам доставить в ямынь старого монаха, родных Хэ Дацина, Третьего Куая и родителей Цюйфэя.

Скоро все вызванные явились, и начальник приказал им встать на колени по другую сторону помоста. Тут Цюйфэй с немалым изумлением увидел и узнал старого своего учителя. «Что за притча? Как учитель замешался в эту историю? Смотри-ка, и отец с матерью тоже здесь!» — сказал он про себя. Окликнуть родителей он не решился и спрятался подальше за спинами остальных, чтобы его не признали. Нимало не стесняясь присутствием уездного начальника, старики разразились слезами и накинулись на монахинь:

— Бесстыдницы! Наглые суки! За что вы уморили нашего сына? Отдайте нам его, отдайте живого!

Их жалобы и укоры, обращенные к монахиням, повергли Цюйфэя в еще большее изумление. «Я жив и здоров, а они кричат, что монахини меня уморили!» Цзинчжэнь и Кунчжао, боясь родных Хэ Дацина, не решались раскрывать рот.

— Тихо! Молчать! — прикрикнул на стариков уездный и обратился к молодым монахиням: — Вы дочери Будды и должны блюсти свои обеты, а вы прятали у себя монаха, а потом убили его. Говорите всю правду, и суд окажет вам снисхождение.

Зная тяжесть своего проступка, Цзинчжэнь и Кунчжао были чуть живыми от страха. Как говорится, внутренности у них сплелись в клубок — ни начала не найти, ни конца. Когда же они услыхали, что начальник уезда спрашивает не про Хэ Дацина, а про какого-то монаха, они совсем потерялись. Даже Цзинчжэнь, всегда такая бойкая на язык, сейчас не могла вымолвить ни слова, словно губы ей замазали клеем. Лишь после того, как начальник повторил свой вопрос в четвертый и в пятый раз, она выдавила из себя:

— Мы не убивали монаха.

— Ах, ты еще отпираешься? — закричал начальник уезда. — Может быть, попробуешь убедить нас, что это не вы убили монаха Цюйфэя из обители Великого Закона и закопали его у себя в саду? Пытать их!

Палачи, стоявшие по обе стороны от уездного, рявкнули: «Слушаемся!» — и схватили монахинь.

Настоятельница Ляоюань вся тряслась от ужаса. Начальство приняло мертвого Хэ Дацина за Цюйфэя. Но если расследование будет продолжаться, ее любовные проказы тоже откроются! «Удивительное дело! Про Дацина никто не вспоминает, а подбираются прямо ко мне!» — подумала она и стрельнула глазами в сторону монашка Цюйфэя. Тот уже понял, что его старики обознались, и ответил настоятельнице беспомощным взглядом. Тем временем палачи надели на монахинь колодки. Но разве нежное, хрупкое тело монахинь способно выдержать жестокую муку? Когда на них надели колодки, они едва не лишились рассудка.

— О, могущественный господин начальник! Не вели нас пытать, мы расскажем всю правду.

Уездный дал знак палачам и приготовился слушать.

— Милостивый господин на-

чальник, в саду зарыт не монах, а цзяньшэн Хэ.

Услышав имя Хэ Дацина, вся его родня и Третий Куай, не вставая с колен, подползли поближе, чтобы не упустить не единой подробности.

— Почему же он без волос? — удивился уездный, и монахини рассказали ему все как было.

Их рассказ полностью отвечал тому, что сообщалось в жалобе семьи Хэ, и уездный понял, что монахини сказали правду.

— Так! Насчет Хэ Дацина все понятно. Но куда же скрылся монах Цюйфэй? Говорите да поживее! — крикнул он.

— Про монаха мы ничего не знаем, хоть убейте нас на месте, а сочинять и выдумывать не можем, — заплакали монахини.

Начальник уезда допросил послушниц и служек — все отвечали одинаково, и уездный решил: к исчезновению молодого монаха Цзинчжэнь и Кунчжао действительно непричастны. После этого он обратился к настоятельнице Ляоюань и переодетому Цюйфэю.

— Вы укрыли монахинь в своем монастыре, наверняка вы с ними заодно. Пытать обеих!

Но Ляоюань уже видела, что ее собственные проделки остались в тени, а потому приободрилась и отвечала очень храбро:

— Отец наш, не надо пытать, я и так все объясню. Эти монахини пришли в нашу обитель вчера. Они сказали, что им нанесена какая-то обида, и попросили приюта на день или два. Я по неосторожности разрешила им остаться. Об их прелюбодействе я знать ничего не знала. А это, — она показала на Цюйфэя, — это моя ученица, она только недавно постриглась и никогда прежде даже не видела этих монахинь. О своих бесстыдных проделках, подрывающих основы буддийской веры, они мне ничего не сказали. Знай я об этом, я бы сама пришла с жалобою и уж, конечно, не стала бы прятать их у себя. Я твердо уповаю, что справедливейший наш отец во всем разберется и отпустит меня с миром.

Уездный начальник признал ее слова убедительными.

— Говоришь-то ты складно, да только на сердце у тебя совсем не то, что на языке! — засмеялся он и велел Ляоюань стать на прежнее место.

Тут же последовал приказ палачам: обеим монахиням — по пятьдесят палок, послушницам из восточного придела — по тридцать, обоим прислужникам — по двадцать. Спины и бока наказуемых обратились в кровавое месиво, и кровь их залила место расправы. Затем начальник уезда собственноручно начертал приговор: монахинь Цзинчжэнь и Кунчжао за прелюбодеяние и смертоубийство, в согласии с законом, обезглавить; послушниц из восточного двора продать в казенные веселые заведения, а перед тем бить палками — по восьмидесяти ударов каждой; прислужников за недонесение бить палками нещадно; обитель Отрешения от мирской суеты, ставшую притоном разврата, снести, а имущество обители передать в казну; настоятельнице Ляоюань и ее ученице, укрывшим прелюбодеек, но не знавшим об их преступлениях, заменить телесное наказание денежным штрафом; послушницу из

западного двора возвратить к мирской жизни. Что же касается Хэ Дацина, то поскольку он за свои прегрешения получил сполна, о нем в приговоре не упоминалось. Семье было разрешено забрать его тело и похоронить. После оглашения приговора каждый из обвиняемых поставил под ним свою подпись.

Обратимся теперь к старику со старухой, которые по ошибке признали умершего господина Хэ за своего сына. Стыдясь своих слез, пролитых накануне над гробом, они так и горели злобой и ненавистью к старому монаху. На коленях поползли они по помосту, умоляя уездного вернуть им сына. Старый монах клялся, что на него возводят напраслину, что Цюйфэй обокрал монастырь и схоронился дома у стариков. Обе стороны кричали и спорили так яростно, что уездный растерялся. Он подозревал монаха в убийстве, но улик не было никаких, и притянуть монаха к ответу было не так просто. Вместе с тем, если бы Цюйфэй спрятался дома, старики едва ли решились бы обратиться в суд и действовать с такою настойчивостью. Подумав немного, уездный сказал:

— Жив ваш сын или нет — никому не известно. С кого тут спросишь? Вот когда раздобудете надежные доказательства, тогда и приходите! Увести осужденных! — распорядился он.

Двух монахинь и двух послушниц повели в тюрьму. Настоятельнице Ляоюань, переряженному монашку Цюйфэю и обоим прислужникам — до тех пор, пока не объявятся люди, готовые взять их на поруки, — тоже предстояло заключение под стражей. Затем из ямыня вышли старый монах и родители Цюйфэя, которые собирались продолжать розыски сына, а за ними пошли по домам и все остальные. Как принято и установлено, в присутствие входили через восточные двери, а выходили через западные. Когда настоятельница Ляоюань и Цюйфэй спустились с западного крыльца во двор, их охватило ликование. И недаром — ведь настоятельница обманула самого начальника уезда, ей удалось, что называется, скрыть свою гниль и мерзость. Цюйфэй, боясь, как бы его не узнали, опустил голову на грудь и спрятался за спинами впереди идущих. Но не успели они выйти из западных ворот ямыня, как старик снова принялся ругать старого монаха.

— Плешивый разбойник! Убил моего сына да еще надумал меня дурачить — подсунул чужой труп!

И старик бросился на монаха с кулаками.

Монах, видя неминуемую опасность, громко закричал. На его счастье, поблизости оказались с десяток учеников и мальчишек-послушников из его обители — они пришли к ямыню узнать, чем кончился суд. Услыхав жалобные вопли своего наставника, они бросились к нему на помощь, повалили старика на землю и принялись молотить кулаками. Боясь за отца, Цюйфэй взволновался настолько, что даже забыл о своем женском наряде.

— Братья! Братья! Не бейте его! — закричал он, подбегая к месту свалки.

Послушники подняли глаза и сразу его узнали. Отпустив старика, они обступили товарища.

— Наставник! Наставник! Цюйфэй нашелся! Вот это да! — закричали они настоятелю.

— Это монахиня из обители Великого Блаженства,— сказал стражник, не сразу поняв в чем дело.— Она будет содержаться под стражей, пока ее не возьмут на поруки. Вы, наверное, обознались!

— Вот оно что! Ты переоделся монахиней и веселился в женском монастыре! А тем временем из-за тебя наш учитель терпел столько мук!

Тут только все сообразили, что происходит. Раздался оглушительный хохот. Настоятельница Ляоюань с позеленевшим лицом проклинала Цюйфэя. Старый монах растолкал учеников, схватил мнимую монахиню за шиворот и принялся колотить.

— Проклятый ублюдок! Ты веселился, а я из-за тебя чуть не пропал! Сейчас же пойдем к начальнику уезда!

И он потащил Цюйфэя в ямынь.

Отец Цюйфэя мигом понял, что сыну грозит суровое наказание, и стал умолять монаха:

— Уважаемый учитель, я был несправедлив и кругом неправ. Я отблагодарю тебя, не останусь в долгу, только сжалься над сыном, не тащи его к уездному! Как-никак, а ведь он был твоим учеником.

И он отбивал поклон за поклоном.

Но монах, перетерпевший от старика столько обид и поношений, слушать ничего не хотел и продолжал тянуть Цюйфэя за собой. Стражник повел назад настоятельницу.

— Что такое, монах? Зачем ты привел обратно эту женщину? — удивился уездный начальник.

— Отец ты наш, это не женщина, а мой ученик Цюйфэй, переодетый женщиною!

— Что за наваждение! — засмеялся начальник уезда и приказал Цюйфэю выкладывать все начистоту.

Монашек не стал запираться и во всем признался.

Начальник уезда вынес приговор: настоятельнице и беглому монаху дать по сорок палок, после чего Цюйфэя наказать по всей строгости закона, а бывшую настоятельницу продать в услужение, а чтобы другим было неповадно, надеть на обоих кангу, вычернить пол-лица краскою и в таком виде провести по городу; обитель Великого Блаженства разрушить до основания; старого монаха и родителей Цюйфэя за отсутствием вины отпустить с миром.

Старики словно языки проглотили. Размазывая по лицу слезы и утирая носы, они уцепились за кангу и вышли вместе с сыном из ямыня.

Это происшествие вызвало в городе большое волнение. Все жители, от мала до велика, сбежались посмотреть на преступников. А какой-то шутник успел мигом сложить песенку:

Жаль тебя, старик-монах:
Скрылся ученик-монах.
В женском платье жил без страха.
Не признали в нем монаха.
Объявился лжемонах,
И в беде уже монах.
Умер, думали, монах.
Оказалось, жив монах.
«Молодой монах в беде! —

Все кричали на суде.—
Бей монаха-старика,
Погубил ученика!»
Только в драке под конец
Обнаружился беглец.
Из-за юного монаха
Старичок дрожал от страха.
А монахини-блудницы
Не успели схорониться.

Родственники Хэ Дацина вместе с Третьим Куаем прибежали к госпоже Лу и сообщили ей о суде, о признании монахинь и приговоре уездного. Госпожа Лу едва не умерла от горя. В тот же вечер она приготовила гроб, одеяние для умершего и обратилась к начальнику уезда с просьбой допустить ее в опечатанную обитель. Тело Дацина переложили в новый гроб и, выбрав подходящий день, предали земле на семейном кладбище.

Что еще осталось рассказать? Старая настоятельница обители Отрешения от мирской суеты умерла с голода, и староста с помощниками, сообщив о ее смерти начальнику уезда, похоронили старуху. А госпожа Лу, постоянно держа в памяти дурной пример своего мужа, который сгубил себя блудом, дала сыну самое строгое воспитание. Впоследствии сын ее получил ученую степень Сведущего в канонах[13] и должность помощника судьи провинции.

Завершим наш рассказ следующими стихами:

Среди цветов распутник жил,
В блаженстве ночи проводил,

Стать мотыльком он был готов,
Чтоб умереть среди цветов.

В закатный час и на заре
Смех не смолкал в монастыре.

Вот жизнь! И на небе святой
Во сне не видывал такой.

Слепая страсть!
О, как смешна
Она в любые времена!

КОММЕНТАРИИ

1 «Две монахини и блудодей» («Повесть о том, как Хэ Дацин оставил после смерти супружескую ленту») — рассказ пятнадцатый из сборника «Син-ши хэн-янь» («Слово вечное, мир пробуждающее»), впервые изданного в 20-х годах XVII в.

2 ...любви своей супруги.— Чжан Чан жил во времена династии Хань, он славился своим пылким чувством к жене и выражал свою любовь тем, что подкрашивал жене брови. Любовь поэта Сыма Сянжу (179—117 гг. до н. э.) к своей жене поэтессе Чжо Вэньцзюнь считалась в древности образцом супружеской верности.

3 ...что их окружает частокол золотых шпилек.— Золотая шпилька — одно из названий наложницы.

4 ...парчовый навес длиною в пятьдесят ли.— В династию Цзинь (III—V вв.) сановники Ши Чун и Ван Кай постоянно хвастались друг перед другом своими богатствами. Ван Кай однажды сделал полог из фиолетового шелка длиной в сорок ли. Но Ши Чун решил перещеголять соперника и построил навес из парчи длиной в пятьдесят ли.

5 Цин.— Ударный музыкальный инструмент. Представляет собой раму с подвешенными к ней каменными или металлическими пластинами, по которым бьют билом.

[6] Вэйто.— Буддийское божество, один из загробных владык, хранитель буддийских канонов.

[7] ...она любила ветер и луну...— Поэтический образ: означает влечение людей к земным удовольствиям.

[8] ...тунбоский столик...— Тунбо — местность в провинции Хэнань, славящаяся своими изделиями из дерева.

[9] Люй Дунбинь.— Один из восьми даосских святых, покровитель магии, а также различных ремесел.

[10] — Давно вы ушли из семьи?— Уйти из семьи — означает стать монахом.

[11] Врата Пустоты.— Образное название буддийского храма.

[12] Бросить под днище котла тутовый хворост пришлось.— В одной легенде говорится, что в эпоху Троецарствия (III в.) один человек поймал в горах большую черепаху и преподнес ее Сунь Цюаню, правителю княжества У. Правитель приказал сварить ее. Слуги сожгли несколько тысяч охапок хвороста, но черепаха так и не сварилась. Тогда военачальник Чжугэ Кэ посоветовал подложить под котел сучья старого тута, после чего черепаха тотчас сварилась.

[13] ...получил ученую степень Сведущего в канонах... — Сведущий в канонах — одно из названий ученой степени гуншэна — заслуженного сюцая, рекомендованного в Государственное училище или на должность.

**Перевод и комментарии Д. Н. Воскресенского,
стихи в переводе Л. Е. Черкасского.**

82. Бегущий.

ЛИН МЭНЧУ (1580—1644 гг.)

ЛЮБОВНЫЕ ИГРИЩА ВЭНЬЖЭНЯ

В стихах говорится:

Разве может вино опьянить того,
кто давно уже пьян?
Разве женские чары прельстят того,
кто страстью давно обуян?
Но суд над ним в трех поколеньях —
слишком суровый урок.
Нужно только, чтоб мудрости меч
мысли дурные отсек.

Рассказывают, что прочные любовные союзы складываются в течение трех поколений, только тогда меж супругами царят мир и спокой-

ствие, как в поговорке: «Власами они соединились, а пищу подносили на уровне бровей»[1]. Однако многие, забыв эту истину, тратят без меры злато или нефрит драгоценный в надежде добиться желаемого, но, увы, ловят они свое счастье впустую. Правда, бывает иначе. Живет какой-нибудь бедняк вроде Сыма Сянжу, и в доме у него одни голые стены. Однако Небо определило ему совсем иную судьбу. И вот нежданно-негаданно встречает он под стать себе девицу, на других совсем непохожую, и получает ее в жены, хотя раньше не обручался, не засылал сватов и даже вовсе не был с нею знаком. Но как еще в древности говорили:

В прошлом сплелись нити их судеб,
и был предрешен их брак.
Где-то растут волшебные персики[2],
сулящие множество благ.

Из стихов видно, что брачный союз—дело нешуточное. В связи с этим припоминаются нам разные истории, которые случались не только в древности, но и в наши дни. Вспомним, к примеру, таких удальцов, как Куньлуньский раб[3], или Гость в Желтом Халате[4], или, наконец, письмоводитель Сюй[5]. Их деяния в свое время потрясли Небо и Землю, о них на протяжении нескольких поколений рассказывают легенды. А почему? Потому, что эти смельчаки, дабы способствовать соединению влюбленных, преодолели всевозможные преграды и прошли великие испытания. Что же до обычных людей, то они при виде какой-нибудь прелестницы готовы, как говорится, только стащить курицу или пса. Словом, свершают они самые недостойные поступки, ибо, страстями кипя, алчно желают лишь плотской связи с красоткой. Они строят премудрые планы, один другого диковиннее, в надежде добиться хоть капельки удовольствия, а в результате только поганят семью и марают имя свое.

Нередко получается, что из десяти подобных ловцов удачи девять вконец пропадают, и никто даже не знает, где они похоронены.

— Рассказчик! А ведь в нашей жизни бывает и не так! Сколько сластолюбцев добиваются своего, скольким мошенникам обман сходит с рук! И разве погибают они все до единого?

— Эх, почтенные! Как вижу, невдомек вам, что каждый клевок, каждый глоток имеет тайную причину. Вот, скажем, былинка в поле или дикий цветок. Разве они появились случайно? Конечно, нет! Вы толкуете о сластолюбцах да мошенниках, которые-де в конце концов добиваются своего. А отчего все так получается? Оттого, что было определено им судьбою соединиться с той женщиной. Или, скажем, какому-то проходимцу удалось смошенничать. И оно не случайно! Значит, Небо в тот момент благоволило этому человеку за что-то, определив ему такое удовольствие. Только мелких проказников вряд ли можно сравнить с теми безумцами, которые, осатанев от страстей своих, устремляются очертя голову к погибели.

Нынче мне как раз хочется вам поведать об одном человеке, который, скрывшись под женским обличьем, творил обман и блуд, чем в конце концов и сгубил себя.

Жил в свое время в Сучжоу один состоятельный человек, вла-

83. Сцена в публичном доме. Галантные сцены за шахматами — обычный сюжет китайской графики. Женщины в публичном доме были, как правило, хорошо образованы и специально подготовлены для ублажения не только тела, но и ума, а в наиболее изысканных заведениях они даже хранили целомудрие.

девший большим поместьем, которое одной своей стороной примыкало к монашескому скиту под названием Обитель Заслуг и Добродетели, построенным, к слову сказать, на деньги этого богача. В обители проживали пять молодых монахинь-странниц, «в облаках парящих», среди коих одна (по фамилии Ван) выделялась редкой красотой и необъятным сластолюбием. Хотя она и была самой молодой — всего двадцати с небольшим лет,— однако по замыслу хозяина поместья именно ее назначили настоятельницей. Надо вам знать, что монахиня Ван была личностью выдающейся. Перво-наперво любила она порассуждать о всякой всячине и, к слову сказать, умела плести словеса такие цветистые, что прихожане из знатных семей, с которыми обычно зналась настоятельница, внимали этому суесловию с превеликим удовольствием. Другим ее качеством было то, что мягко и вкрадчиво могла она поведать о чувствах человеческих, а потом, улучив подходящий момент, оказывала кому надо поддержку. И, наконец, была она большой искусницей: красиво вышивала и складно составляла письма. Неудивительно, что многие жены из знатных домов призывали ее к себе или сами шли в скит за советом. Игуменья часто покидала обитель, посещая богатые дома и простых селян, когда кто-то из них хотел испросить себе чадо или совершить молебен от разных бед и несчастий. Обычно после таких посещений монахиня приглашала прихожанок в скит для душевного разговора. Женщины часто оставались в обители на ночь и располагались с удобством, так

как в храме было семнадцать тихих келий с постелями. В обители постоянно толклись богомолки, которые порой оставались здесь даже на несколько дней. Правда, надо заметить, не все они, однажды посетив храм, снова шли туда с такой же охотой. Некоторые наотрез отказывались. Что до мужчин, то им доступ в обитель был строго-настрого воспрещен, и они, боясь сделать какую промашку, монахинь не беспокоили, ибо знали, что от богача-покровителя на сей счет дано указание: праздных людей в храм не пускать. Понятно, никаких подозрений в отношении скита никто не имел. Вот отчего богомолок в храме, среди которых было немало женщин из знатных семей, день ото дня становилось все больше и больше.

Однако оставим досужие разговоры. Как-то в Сучжоу появился судья по уголовным делам — некий Юань из Чанчжоу. Он приехал в эти места вместе со столичным следователем по особым поручениям. Помещение близ следственного ямыня, где Юань изучал судебные кляузы, было на редкость неудобным и душным, особенно в такую жаркую погоду, какая стояла в ту пору. Поэтому судья решил сменить его на более просторное. Уездные власти помогли ему найти дом в поместье того богача, о котором шла речь. Однажды под вечер, когда гость прогуливался по двору, его внимание привлекла высокая башенка, стоявшая в отдалении, из которой, как подумал судья, можно было бы удобно обозревать окрестности. Он поднялся по лесенке наверх. По всей видимости, сюда давно уже никто не

84. Сцена в публичном доме. Дамы из весёлых заведений, так называемые певички, были особым сословием в старом Китае, и они отнюдь не являлись отбросами общества.

85. Музыка, любовь и журавль — всё это знаки высшего, вневременного существования.

заходил, поэтому всюду лежал густой слой пыли, а окна затянула паутина. Башенку насквозь пронизывал ветерок, и в ней царила прохлада. Наслаждаясь блаженным покоем, судья долго стоял, устремив взор вдаль, пока случайно не заметил в ските, что стоял напротив, небольшое строение, а в нем группу молодых женщин, оживленно беседующих с красивой монахиней. Из домика наподобие башни доносился веселый смех.

Судья приник к стене, так, чтобы его не заметили, и стал наблюдать. Женщины, тесно прижавшись друг к другу, обнимались и целовались. Так продолжалось довольно долго.

— Странно! — судья покачал головой.— Какое странное поведение! Очень подозрительно!

На следующий день он спросил у слуги:

— Скажи-ка, любезный, что за храм стоит слева? Он принадлежит вашему поместью или нет?

— Это — Обитель Заслуг и Добродетели, а построил ее наш хозяин.

— Кто же в ней обитает, монахи или монахини?

— В ней живут пять монашек.

— А богомольцы или монахи сюда часом не заходят?

— Ну что вы! В ските живут одни лишь монашки! Наш хозяин запретил появляться мужчинам, а о монахах и говорить не приходится! Поэтому ходят сюда только женщины — и все из знатных домов... Идут нескончаемым потоком чуть ли не каждый день...

Сомнения судьи после разговора со слугой не рассеялись, а когда зашел местный начальник уезда,

он поведал ему о своих подозрениях. Уездный правитель выделил для столичного чиновника команду солдат, которые во главе с судьей направились в скит. Паланкин чиновника остановился подле глухой стены, окружавшей обитель со всех сторон.

Неожиданное появление начальника вызвало в храме замешательство. Судья сразу приметил, что его встречают лишь четыре монахини. Пятой, которую он видел вчера, среди них не оказалось.

— Мне сообщили, что у вас проживают пять инокинь... Куда же девалась пятая?

— Наша игуменья?.. Отлучилась куда-то...

— У вас, кажется, есть дом наподобие башенки? Может, настоятельница там?..

Монахини чувствовали себя не в своей тарелке.

— Нет-нет, здесь только наши кельи... никакой башенки нет! — промолвила одна.

— Ложь! — чиновник приказал солдатам обшарить скит. Они обошли все кельи, но домика, что искали, не обнаружили.

— Чудеса! — проговорил судья в крайнем удивлении.

Тогда он решил пойти на хитрость. Подозвав к себе одну из монахинь, он спросил ее о каком-то пустяке, а потом велел солдатам увести ее в сторону, а сам подозвал других.

— И вы еще смеете лгать? — прикрикнул он на них.— Ваша подружка во всем созналась! Она, кстати, признала, что есть такая постройка наподобие башенки. Обмануть меня хотели?! Какая мерзость!

86. После.

— Колодки сюда! — крикнул он стражникам.

Монахинь обуял смертельный ужас.

— Есть, есть такая постройка!..— вскричала какая-то монахиня.— В одной нашей келье за ложем имеется дверца, заклеенная бумагой. Там есть туда ход...

— Что ж вы скрываете от меня?

— Мы бы не посмели, ваша светлость, но там сейчас находятся молодые богомолки из знатных семей. Вот отчего мы побоялись сказать!

Судья приказал открыть тайную дверцу. Вместе с пятью стражниками он проник в извилистый лаз, который оканчивался лесенкой. Судья остановился. Наверху слышались разговоры и смех.

— Вперед! — приказал чиновник стражникам.— Если увидите среди них монахиню, влеките ее сюда!

Служивые бросились наверх. В башенке они обнаружили трех женщин и двух юных дев, которые вместе с монахиней сидели за столом и распивали вино. Увидев солдат, перепуганные женщины вскочили со своих мест и бросились кто куда. Однако стражники их не тронули. Они схватили лишь молодую монахиню, которую тут же потащили к судье.

Когда инокиня, к слову сказать, весьма миловидная и изящная, предстала перед чиновником, он спросил, где находится ее келья, и послал солдат произвести в ней обыск. Солдаты обнаружили в комнате девятнадцать белых шелковых платочков, замаранных первой девичьей кровью, а еще нашли книжицу с фамилиями женщин, которые оставались здесь на ночь. В книжице подробно было записано, кто и когда посетил скит, с кем происходило соитие, какая из богомолок оказалась невинной девой, а какая зрелой женщиной. Судья пришел в страшную ярость. Как говорят в подобных случаях: волосы от гнева у него поднялись на макушке и даже приподняли шапку. Он приказал всех монашек вместе с настоятельницей тащить в ямынь. Что до тех богомолок, которые находились в ските, то они, так ничего и не уразумев, спешно покинули обитель и разъехались в паланкинах по домам.

Судья, приехав в ямынь, тотчас приказал принести пыточный инструмент.

— Ваша светлость, в чем мы провинились? Мы не нарушили законов! — взмолились монахини.

Судья велел подчиненным привести в зал бабку-повитуху, чтобы она устроила инокиням проверку. Все они, однако, оказались женской принадлежности. Судья недоумевал: «Откуда же тогда платки... книжица?». Он терялся в догадках.

— Неужели ты не усмотрела ничего подозрительного? — спросил он старуху, оставшись с ней наедине.

— Вот разве что та, которая помоложе... Она вроде бы отличается от других, но сказать точно, что это мужчина, я не могу...— ответила повитуха.

«Рассказывал мне кто-то, что существует секрет сжимания детородного уда,— подумал судья.— Ведь старуха заметила, что монахиня чем-то отличается... Может, это мужчина? Если так, я выведу на чистую воду мошенника! Есть один способ, как его распознать!».

Судья велел повитухе смазать между ногами монахини салом, а подчиненным привести собаку, которая, едва почуяв приятный запах, принялась жадно слизывать сало горячим и шершавым своим языком. Лизнула раз, другой... И вдруг по телу монахини прошла дрожь, словно ей стало холодно при нестерпимой жаре. И тут все заметили, что откуда-то изнутри выползает предмет, прямой, как палка, торчит и не падает. Молодые монахини и повитуха стыдливо прикрыли лицо.

— Ах ты, злодей! — разъярился судья.— И смертью своей ты не смоешь пакостных этих деяний!

Он приказал экзекуторам отвесить самозванцу сорок тяжелых батогов, а потом надеть колодку, после чего приступил к допросу. И вот что выяснилось...

— Сам я монах-странник из здешних мест,— рассказал мошенник.— С малых лет был я хорош собой, а ликом походил на деву. У меня был наставник, и он научил меня многим секретам, к примеру, такому искусству, как сжимание и распрямление членов, что помогает в любовных битвах и дает силу, которой хватает на десяток и более дев в течение ночи. Как-то я прослышал, что последователи учения Белого Лотоса[6] собираются в одном храме вместе с женщинами и творят по ночам блуд. И тогда я решил пробраться в скит... Так я пришел сюда. Здешним инокиням я сразу пришелся по душе, а когда они узнали про мои искусства, оставили меня насовсем и даже определили игуменьей. В нашу обитель приходит немало женщин и совсем юных дев, коих я завлекаю в башню и провожу с ними ночь. Обычно они ни о чем не догадываются, и в большинстве своем мне не отказывают, даже тогда, когда вдруг обнаруживают мое мужское естество. Правда, иногда попадаются строптивицы, которые ни за что не хотят уступить. Тогда приходится прибегать к ворожбе, уж против таких чар ни одна женщина не может устоять. Само собой, они потом узнают о том, что с ними случилось, да только поздно — дело уже сделано! После одной ночи такие женщины в скит не приходят. Однако большинство идет на утехи без принуждения и по своему желанию и даже говорят, что готовы вкушать со мной удовольствие чуть ли не вечно... И никто об этом не догадывался, только вы один раскрыли секрет... Понятно, что за свои преступления я достоин тяжелой кары.

Надо вам знать, что в это же самое время жены из богатых семей успели сообщить мужьям об аресте монахинь и те состряпали в ямынь бумагу, в которой просили о помиловании. Разгневанный судья не стал отвечать на прошение, а просто послал в конверте платки, и мужи не знали, куда деваться от стыда. А судья тем временем составил такой приговор.

«Настоящим выяснилось, что некий Ван из трех У[7], сластолюбец и блудодей, намазавшись румянами и скрывши имя свое, проповедовал тайны Белого Лотоса, вводя в искус простой люд и дурача прекрасноликих дев. Войдя в круг наставников, вещающих секреты своего учения, он поднялся на брег монашества. Но в действительности

он искусно скрывал позлащенные комнаты, превратив их в обиталище Гуаньинь, входящей за полог[8]. Соединяя длани на молитвенном ложе, он мог извлекать нефритовый стебель, и никто не подозревал, кто перед ним, монахиня или монах. И когда, освободив золотой лотос, он располагал тело свое на ложе расшитом, кто мог знать, мужчина то или дева. Так аист, проникнув в гнездо самки феникса, занимается игрою любовной. Так змея, проскользнув в пещеру дракона, в тучу играет и дождь!

Ясная луна ненароком осветила женские покои, а жена, увы, оказалась не в одиночестве. Чистый ветер пробрался за красную дверь, и дева не одна!

Лишь разрушив обиталище блуда и предав огню лживые книги, возможно стереть следы разврата. Лишь вырвав сердце и ослепив очи, можно искоренить зло!».

После того как был зачитан приговор, судья приказал предать монаха жестокой пытке и казни. Привыкший к изнеженной жизни, лицедей не выдержал мучений и быстро испустил дух. Монахини, получив по тридцать батогов, были проданы в казенные певички, а скит разрушен до основания. Что до молодого монаха, то его тело бросили в пруд бодхисатвы Гуаньинь. Прохожие, из тех, кто знал эту историю, идя мимо, старались скрыть улыбку, которая невольно появлялась у них на устах.

— Чудеса! — дивились они.— Что нашли женщины в этом монахе? За что они любили его?

Ну, а сами женщины? Многие из них, узнав о кончине монаха, вдруг ни с того ни с сего удавились.

Монах, как известно, чинил обман да разврат долгие годы, а как умер, не нашлось места для погребения его тела. А ведь мог он прожить спокойно полную жизнь, если бы, конечно, вовремя задумался и остановился. «А ведь удовольствия мои, увы, не долговечны!» — предостерег бы он себя. И если бы так он подумал, то сразу переменил свои планы, порвал бы с монашеством, нашел себе жену и прожил бы жизнь как надо.

Так что же, любезные, верны ли ваши слова о том, что обман какого-нибудь пакостника всегда сходит ему с рук? Конечно, встречаются люди, которые, войдя во вкус греха, поганят душу свою, а утихают лишь тогда, когда подойдут к порогу жизни своей. Советуем им, кто вступил на сей путь: одумайтесь! И внемлите стихам:

За каждый злой или добрый
    поступок
        вас воздаяние ждет.
Пусть неизвестен еще его
    срок,
        но знайте — оно грядет!

Мы только что рассказали вам историю о мужчине, который переоделся женщиной, а сейчас мы поведаем вам историю о женщине, которая, приняв вид мужчины, тайно занималась любовью и, надо заметить, весьма в этом деле преуспела.

В эру Обширного Благоденствия[9] за восточными воротами областного града Хучжоу жила семья, принадлежавшая к кругу ученых. Глава семьи к тому времени, о котором идет речь, уже умер, и в том доме оставалась вдова

с двумя детьми: мальчиком и юной девушкой. Двенадцатилетняя дочка вдовы была умна и хороша собой — ну прямо чудесный цветок. Одна лишь беда: оттого ли, что в малолетстве она часто недоедала, напала на нее хворь, которая доставляла матери большие беспокойства. Понятно, что вдовица делала все возможное, чтобы оградить дочку от злых напастей. Как-то раз в их доме появилась монахиня — настоятельница ханчжоуского храма Цуйфуань, что значит Обитель Плывущей Бирюзы. Мать и дочь в это время занимались рукоделием. Вдова обрадовалась гостье, с которой водила знакомство вот уже несколько лет. Надо сказать, что монахиня была редкой умелицей плести лживые речи, то есть, как говорится, имела цветистые уста и лукавый язык. К тому же горазда она была поблудить. Не случайно, что вместе с нею в обители проживали две молоденькие ученицы, которые, как и настоятельница, занимались непотребными делишками. Игуменья пришла к вдовице с подарками: принесла кулек южных фиников, жбан чаю осеннего, два блюда с каштанами и спелыми фруктами. Женщины обменялись фразами, которые обычно говорятся при встрече. Внимание гостьи привлекла девочка, сидевшая рядом.

Красавица станом
тонка и стройна.
Мила и во всем
грациозна она.
Бела, словно грушевый цвет,
омытый дождем поутру.
Нежна, как персика лепесток,
трепещущий на ветру.
Поступь воздушна,
шаги так легки.
Вдруг из-под платья мелькнут
Изящные ножки —
молодого бамбука ростки.
Смущенья полна,
только речь поведет.
Губы — спелые вишни.
Влажно алеет
прелестный маленький рот.
Дрогнет даже сердце Фэн Шэ [10] —
так она хороша!
Луский молодец [11] не устоит —
вмиг встрепенется душа!

— Сколько годков вашей дочке? — поинтересовалась игуменья.

— Двенадцать! — ответила вдова. — Во многих делах она у меня искусница. Одна беда — очень уж слабенькая, из болезней не вылезает. Тревожусь я за нее и душою болею. Ради нее жизнь свою готова отдать!

— А молились ли вы за нее, почтенная? Высказывали ли свое сокровенное желание?

— Чего только не делала! Молила и духов, и Будду, даже звездам тайну свою поверяла. Ничего не помогло! Сидит в ней проклятая хворь, и все тут! Видно, судьба ее столкнулась с какой-то злою планетой, которая так и крутится вокруг нее!

— Да, все от судьбы зависит! — согласилась игуменья. — Хочу я взглянуть на знаки жизни девицы. Поразмыслить над ними.

— Оказывается, ты и гадать умеешь, матушка! Вот не думала! — воскликнула женщина и показала монахине знаки жизни дочери. Монахиня, напустив на себя важный вид, принялась что-то подсчитывать.

— Значит, так получается!.. Не следует ей более находиться при вас, почтенная! — проговорила монахиня.

— Старая я! Жалко мне ее от себя отпускать... Но я на все согласна, лишь бы она поправилась!.. Только вот куда ее определить? Разве в какой чужой дом, в приемные дочери? Больше некуда!

— Девица ваша просватана?

— Не сподобилась еще!

— Вот в чем дело... Ее судьба столкнулась со звездой одиночества, а потому от замужества ее болезнь только усилится! Ну, а так в ее знаках как будто нет ничего дурного. Лета жизни у нее будут долгими, а здоровье — отменное... Понимаю вас, почтенная, трудно вам с нею расставаться, потому даже боюсь что-либо предлагать...

— Главное, чтобы она была здорова... Пусть тогда идет куда хочет!

— Если вы готовы расстаться с дочкой, лучше всего отправьте ее к Вратам Будды. Стоит ей покинуть сей суетный мир, как все ее беды исчезнут, радости преумножатся! Это лучший для нее выход.

— Верные слова говоришь, мать-игуменья! Потому как добрые поступки непременно отражаются в небесном лике нашего Будды... Конечно, жалко мне расстаться с дочкой, но что поделаешь? Глядишь, еще сильнее заболеет, а то, не дай бог, умрет! Тогда все прахом пойдет!.. Да, видно, судьба у нее такая!.. Матушка-настоятельница, прошу тебя как старую знакомую: возьми дочку к себе в учение. Если ты, конечно, не против.

— Ваша девочка отмечена звездою счастья... А если она станет жить у нас в ските, частица счастья коснется и нашей обители, отчего лик Будды засверкает яркими красками. Только вот что, почтенная, ничтожная инокиня вряд ли достойна быть ее наставницей!

— Ну к чему ты так, матушка! — воскликнула вдова. — Окажи ей хоть немного своей милости, я и тем буду довольна!

— Разве могу я проявить небрежение к вашей дочери?.. Скит наш, конечно, не из богатых, но все же, благодаря заботам прихожан-дарителей, мы не испытываем скупости ни в пище, ни в одежде. Так что об этом не беспокойтесь!

— Коли так, выберем подходящий день, и забирай дочку с собой! — проговорила вдовица и, взглянув на численник, вытерла набежавшие слезы. Монахиня принялась ее утешать.

Гостья прожила в доме два дня. В назначенный день мать и дочь, горько плача, простились друг с другом, и девушка с игуменьей сели в нанятую лодку, которая должна была отвезти их в Обитель Плывущей Бирюзы. Познакомившись с монахинями, девушка совершила перед настоятельницей положенные поклоны и, приняв постриг, получила монашеское имя Цзингуань, что значит Воплощенное Безмолвие. Так девица из семьи Ян стала инокиней в Обители Плывущей Бирюзы. А произошло все из-за оплошности ее матери, о чем лучше всего можно сказать стихами:

Девицу терзает жестокий недуг —
телом стала слаба.
Но неужели бесовский план
уготовила ей судьба?!
Неразумная мать послала ее
к порогу Пустотных врат.
Сама нашла ей такую обитель,
где свил гнездовье разврат.

Вы, конечно, спросите: почему игуменья посоветовала вдовице отдать дочь в монахини? А дело все в том, что нужна ей была приманка, чтобы заполучить для своих непотребных дел молоденьких смазливых учениц, а красивая девушка могла всколыхнуть любое мужское сердце. Вот почему настоятельница с помощью лживого своего гадания коварно уговорила вдову отдать дочь в монахини. Хитрая игуменья знала, что вдова согласится. Какая мать не пожелает видеть дочь здоровой и счастливой?

Как мы знаем, девушке в ту пору исполнилось всего двенадцать лет, и она, понятно, многого еще не понимала. Будь она повзрослее, ни за что бы не согласилась идти за монахиней. Но дело сделано!

После пострижения девушка несколько раз в год посещала мать, иногда одна, а порой вместе с игуменьей. Надо вам сказать, что, когда девушка жила с матерью, вдова, души не чаявшая в дочери, всякую ничтожную хворь принимала за тяжкий недуг, отчего постоянно за нее тревожилась. После того как дочь ушла в монастырь, печали матери намного поубавилось, так как болезнь дочки уже не была у нее перед глазами. К тому же дочь, навещая ее, казалась вполне здоровой и всякий раз успокаивала мать, говоря, что старый недуг как будто ее покинул. Словом, женщина уверила себя, что сделала правильно, отдав дочь в монастырь, и мало-помалу успокоилась.

Здесь наша история разделяется на две части, и мы сейчас расскажем вам об одном сюцае по фамилии Вэньжэнь, а по имени Цзя, который проживал в Желтопесочном переулке города Хучжоу. Вообще говоря, молодой человек был уроженцем Шаосина, а попал сюда потому, что в свое время его дед, получив в Учэне место учителя, перебрался туда вместе со своей семьей. Семнадцатилетний сюцай был красив, как Пань Ань, а умен, как Цзыцзянь, однако из-за крайней бедности своей до сих пор не обзавелся семьей и жил с матерью, которой было в ту пору сорок лет. Приятели любили и уважали юношу за утонченные и в то же время свободные манеры, а также за его живость и непосредственность, чем он действительно выделялся среди других. Неудивительно, что многие старались помочь ему деньгами или, что бывало чаще, приглашали его на пирушки. Ни одно застолье, пожалуй, не обходилось без него, а если он по какой-то причине отсутствовал, все чувствовали, что пиршеству чего-то не хватает.

Как-то в середине января, в ту пору, когда начинает пышно цвести мэйхуа, друг Вэньжэня предложил ему проехаться по местам Ханчжоуских увеселений, а потом посетить Сиси — Западный Ручей и полюбоваться там цветами мэйхуа. Вэньжэнь, как водится, доложил об этом своей матушке, и друзья тронулись в путь. Прошел один день и одна ночь, когда они наконец добрались до Ханчжоу.

— Давай поначалу съездим к Западному Ручью, посмотрим на мэйхуа, а потом уж отправимся в город! — предложил друг.

Он велел лодочнику повернуть к Сиси. Часа через два с небольшим лодка остановилась, и юноши вышли на берег. За ними последовали слуги со жбанами вина и с коробами, в которых находилась снедь. Пройдя не более половины ли, они очутились у соснового бора. Среди огромных, в обхват толщиной, сосен белели стены одинокого скита. Кругом царило безмолвие, которое нарушало лишь журчание ручья. Юноши подошли к воротам, напоминавшим по форме иероглиф «восемь»[12]. Ворота оказались на запоре. Однако спутники почувствовали, что за ними кто-то наблюдает.

— Какое тихое и приятное место! — проговорил друг.— Давай постучим и попросим у монахов чашку чая! Согласен?

— Нет, сначала полюбуемся цветами, ведь мы же за этим приехали! А сюда мы успеем зайти и потом! — возразил сюцай.

— Пусть будет по-твоему!

И они, удалившись от скита, направились к тому месту, где цвели мэйхуа. Вот что можно сказать по этому поводу:

Словно кипящее серебро,
 цветочная пена бела.
Словно волшебный нефрит
 разбросан вокруг без числа.
Чудные запахи
 мягкий принес ветерок.
Слаще они того аромата,
 что ученого Ханя увлек[13].
Сиянье цветов
 и солнце затмит.
Блеск украшений самой Сиши[14]
 яркостью посрамит!
Похоже дракон из пены возник,
 споря с инеем белизной.
Первые тени на землю легли,
 призывая ветер с луной.
Праздным гулякам раздолье здесь —
 пей вино без забот.
Хорошо и поэтам стихи читать
 ночи и дни напролет.

Друзья взирали на эту картину с восхищением, а потом, велев слугам раскрыть короба, принялись за яства и напитки. Между тем стало темнеть. Захмелевшие от вина приятели поднялись и поспешили к лодке. Скит они обошли стороной, не решившись заходить туда в такое позднее время. Прошла ночь, а утром друзья вновь направились к сосновому бору.

А теперь мы расскажем о том, что происходило в Обители Плывущей Бирюзы, где, как мы знаем, жила дочка вдовы, которая постриглась в монахини. К тому времени Цзингуань (как нарекли ее в постриге) исполнилось шестнадцать лет. Это была на редкость прелестная девица, нравом застенчивая и замкнутая. В храме часто появлялись богомольцы, а среди них разные грубияны, которые таращили на красавицу глаза или отпускали по ее адресу рискованные шутки, а порой пытались заигрывать с ней. Другие монахини, ее подруги, обычно увивались вокруг таких богомольцев, принимали ухаживания с большой охотой. Но девушка была с ними холодна, оставляя их заигрывания без внимания. Она также старалась не замечать мерзких делишек, которыми занимались инокини. Запрет, бывало, дверь своей кельи и сидит, погрузившись

в молчание, а то читает древние книги или сочиняет стихи. Без причины она старалась не выходить наружу. И надо же так случиться, что в этот самый раз, когда сюцай с приятелем оказались возле ворот, монахиня Цзингуань вышла из кельи прогуляться на воздухе. Ненароком она заглянула в щелку и увидела Вэньжэня, обликом прекрасного, манерами изящного, словом, совершенно не похожего на простых смертных из нашего бренного мира. Девушка не могла оторвать глаз и жадно его разглядывала, пока он не удалился. Ах, броситься бы за ним следом, чтобы еще раз взглянуть на прекрасного незнакомца!.. Растерянная, с растревоженной душой она вернулась в свою келью.

«Есть же на свете такие красавцы! — подумала она.— Ну прямо небожитель, спустившийся на землю! Какое было бы счастье вверить себя этому юноше и прожить с ним всю жизнь вместе! Только мне этого не дано!». Она вздохнула, и на ее глазах выступили слезы. Как говорят:

Однажды немой задумал вкусить
плод незрелый совсем.
Другой бы от горечи завопил,
а он-то, бедняга, нем.

Любезные слушатели, надо вам знать, что ушедший из мира инок, если он вправду хочет стать учеником Будды, должен отринуть прочь все суетные мысли и ступать по земле, словно пребывая в пустоте, имея в груди застывшее сердце, в котором не трепещет ни одна жилка. Только совершенствуя себя денно и нощно, можно достичь успеха на этом пути. В нашей же жизни происходит обычно не так. С малолетства отрок зависит от неразумной прихоти родителей, которые отправляют его к Вратам Пустоты, проявляя излишнюю волю свою. И то, что вначале кажется легким, потом оборачивается большими печалями. Вырос отрок, раскрылись чувства его, и познал он вкус жизни. И тут неожиданно он понимает, что все произошло вопреки его желанию, по глубокому настоянию других. Вот так и рождаются люди, которые своим непотребным действом оскверняют обитель Будды! Можно ли тогда толковать о достижении святой радости? Не лучше ли подумать о том, как вовремя избежать преступления! Я обращаюсь к вам, ныне живущим: не направляйте своих сынов и дочерей по такому пути! Однако бросим праздные разговоры и вернемся к нашему рассказу.

Прошло более четырех месяцев с тех пор, как сюцай Вэньжэнь вернулся из Ханчжоу домой, но, поскольку в этом году проходили Большие испытания, он должен был снова ехать туда, так как ему удалось в родном округе занять первое место. Стояла шестая луна, погода была нежаркой. Юноша принялся складывать свой незамысловатый скарб и готов был тронуться в путь. В Ханчжоу он решил временно остановиться у своей тетки — вдовы, которая после смерти мужа Хуана жила одна в большом доме, а потом при случае он собирался снять удобную и прохладную комнатку, где можно было пожить в полном уединении. Приятели дали ему денег на дорожные расходы, и в один из дней, сказав своей

матушке слова утешения, он со слугой Асы, который нес его книги, сел в лодку и отправился по назначению. Суденышко, оставив позади Восточные Ворота, продолжало свой путь, когда вдруг на берегу возникла фигура молоденького монашка.

— Куда плывете? Не в Ханчжоу? — крикнул монашек.

Судя по выговору, он был уроженцем Хучжоу.

— Туда едем! — ответил лодочник. — Везу господина сюцая на экзамены.

— А меня не захватите? Я не поскуплюсь на расходы!

— А зачем тебе туда, наставник? — поинтересовался лодочник.

— Монашествую я там — в Линъиньсы — Обители Сокровенного Духа[15]. А сейчас возвращаюсь после побывки у родных...

— Сам я не волен решать, — сказал хозяин суденышка. — Надобно спросить у господина сюцая.

Челядинец Асы, который в это время пробрался на нос лодки, закричал:

— Эй, ты, безволосый! Осел непутевый... Катись подобру-поздорову! Мой хозяин едет на экзамены, удачу свою ищет, а ты, плешивый, только беду накличешь! Проваливай прочь, не то окачу вот из этой бадьи! Умою тебя, башка твоя смутьянская!

Вы, конечно, полюбопытствуете, отчего Асы обругал монашка такими словами? А все оттого, что в былые времена гуляла этакая едкая шутка, которая монашеский люд высмеивала: «У монаха на плечах не спокойная глава, а смутьянская башка!». Заметим, между делом, что слово «смутьянский» по звучанию сходно с другим словом, не слишком пристойным[16]. Вот отчего слуга обругал монаха, видя к тому же, что его шутка повеселила присутствующих.

— Чего срамишь? Что я, обидел кого?.. Посадите — хорошо, не посадите — не надо!

Сюцай, высунувшись из оконца каюты, с удовольствием рассматривал монашка, такого складного и миловидного. На него было просто приятно смотреть! Услышав название храма, молодой сюцай подумал: «Вокруг обители, как говорят, прекрасные места! Погуляю там, а монашек будет мне провожатым!».

Он быстро вышел из каюты.

— Эй, Асы! Хватит безобразничать! Молодой наставник, как видно, из наших мест. Если ему нужно в Ханчжоу, пускай садится в лодку! Вместе поедем. Что здесь такого?

Лодочник, приняв слова сюцая за приказание, пристал к берегу, и молодой монах забрался на суденышко. Увидев сюцая, он будто остолбенел, а потом, поклонившись, вошел в каюту.

«Никогда не видел такого красивого юноши! — подумал сюцай. — Ликом своим он похож на девицу. Одень его в женское платье, будет писаная красавица! Какая жалость, однако, что он монах!»

Ветер надул паруса, и суденышко стрелой полетело вперед. Сюцай и монашек сидели в каюте. Они спросили друг у друга фамилии и место, откуда родом, но уже по выговору было ясно, что они земляки, и это сразу же их сблизило.

Сюцаю понравилась речь молодого монаха, исполненная благородства и изящества.

«Не обычный инок!» — подумал он.

Между тем монашек продолжал внимательно рассматривать сидевшего перед ним молодого сюцая.

Надо сказать, что в тот день погода была изрядно жаркая, и ученый предложил спутнику скинуть верхнее платье.

— Ничтожный инок жары не боится! — ответил монашек.— Доставьте сами себе такое удобство, сударь!

Стемнело. Они поужинали, и Вэньжэнь решил совершить вечернее омовение, от чего монашек решительно отказался. Сюцай, умывшись, лег в постель и, утомившись за день, сразу уснул. Асы, как ему было положено, отправился спать на корму. Дождавшись, пока все уснули, монашек загасил лампу и, раздевшись, лег на ложе рядом с сюцаем. Однако ему не спалось. Он ворочался с боку на бок и вздыхал. Видя, что сюцай продолжает сладко спать, монашек тихонько придвинулся к нему и, протянув руку, стал его гладить. И вдруг рука коснулась чего-то твердого и даже будто бы остроконечного. Монах сжал ладонь. В этот момент Вэньжэнь распрямил тело и проснулся. Монашек быстро отдернул руку и, стараясь не делать лишнего шума, отодвинулся в сторону. Но сюцай сразу смекнул, в чем дело.

«Монашек, как видно, не промах! — подумал он.— Наверное, его наставник не обошел красавчика своим вниманием, приучил к подобным проделкам!.. А почему бы мне с ним не порезвиться — шуткой мужской не потешиться? Как говорится: «Коли мясо возле уст, кусай — не зевай!»

Распалившись от подобных мыслей, сюцай повернулся к монашку, так что их головы оказались рядом. Монах, сжавшись в комочек, безмолвствовал и, казалось, спал. Рука сюцая устремилась к нему и вдруг нащупала два мягких полушария. «Вот тебе на! — изумился юноша.— Инок вроде телом совсем не мясист, однако ж, гляди-ка, какие округлости!». Рука продолжала скользить вниз, пока не коснулась выпуклости дальней залы. Монашек вздрогнул всем телом, будто испугался чего-то, а потом, перевернувшись, лег лицом вверх. Рука Вэньжэня продолжала гладить его тело, и вдруг, к своему изумлению, сюцай почувствовал, что гладит мясистую припухлость, вроде пресной пампушки маньтоу.

— Что за чудеса! — воскликнул сюцай в крайнем изумлении.— Отвечай, кто ты!

— Прошу вас, сударь, не кричите так громко!.. Откроюсь вам, я монахиня. Просто я переоделась мужчиной, так в дороге удобнее!

— Видно, нас свела сама судьба!.. Теперь я тебя не отпущу! — И он, не долго думая, взгромоздился на юную монахиню.

— Пожалейте бедную инокиню, сударь! — взмолилась монашка.— Я еще девушка, телом не оскверненная.

Но сюцай, пылавший от любовного огня, не стал ее слушать.

Но вот, как говорится, дождь кончился, а тучи рассеялись.

— Встретился я с тобою нежданно-негаданно,— промолвил сюцай,— как во сне с небожительни-

цей. Думаю, что с тобою будем видеться и впредь!.. Расскажи о себе поподробнее!

— Я из семьи Ян, что живет за Восточными Воротами в Хучжоу. Моя матушка как-то сгоряча решила сделать из меня монахиню. Вот так я и оказалась у Врат Пустоты — в Обители Плывущей Бирюзы, что возле Западного Ручья. Нарекли меня именем Цзингуань... В храм наш ходит много людей, но все больше люди деревенские, неотесанные и грубые. Смотреть на них тошно! Как-то в первую луну нынешнего года я гуляла за оградой обители и случайно увидела вас — вы как раз стояли возле наших ворот. Ваш благородный облик всколыхнул всю мою душу, и после той встречи я долго думала о вас. И вот сегодня неожиданно встретились вновь и соединились вместе, будто рыба с водою. Только не подумайте, что я какая-то развратница. Просто наш союз, видно, определила судьба! Не смотрите на нашу сегодняшнюю встречу, как на случайную или пустячную забаву! Ах, сударь, как мне хочется быть всегда с вами!

— А твои родители, живы ли они?

— Мой отец умер давно, и остались у меня только мать да меньшой братец. Я вчера как раз была у них в гостях! А вы, сударь, женаты?

— Нет, еще не женился! — ответил сюцай.— Какое счастье, что я тебя встретил! Мы схожи и возрастом, и ликом своим... к тому же ты тоже из ученой семьи, а в довершение всего — моя землячка. По всем статьям ты подходишь мне в жены! Нечего тебе больше прозябать в монастырской обители!.. Сейчас мы с тобой подумаем, что делать дальше!

— Я уже все для себя решила... отдала вам и тело, и душу! Но торопиться не следует, надо подождать подходящего случая! Вот что я думаю! Наш скит недалеко от города, а место у нас тихое, прохладное. Устраивайтесь вы у нас, выбирайте келью по вкусу и читайте себе книги с утра до вечера. А о расходах не беспокойтесь. Я всегда смогу собрать денег монашеским подаянием... В ските мы сможем часто встречаться, а при удобном случае уедем в другое место. Что скажете, сударь?

— Скажу, что прекрасно!.. Но как посмотрят на это другие монахини? Они могут воспротивиться...

— Что вы?.. Настоятельница сама горазда до любовных утех, хотя ей уже под сорок. Под стать ей две другие распутницы-монашки — этим лет по двадцать с небольшим. Все их блудливые проделки у меня перед глазами. Я уверена, что мимо такого красавца, как вы, они просто так не пройдут и будут вас всячески обхаживать. Постарайтесь с ними сойтись, чтобы из этого знакомства извлечь для нас пользу. Боюсь только, что вы не согласитесь!

— Отчего же? Превосходный план! — обрадовался сюцай.— Я без промедления поеду к сосновому бору, а слугу отошлю домой. Какая прелесть, что мы будем вместе!

Они разговаривали, тесно прижавшись друг к другу, а потом снова сыграли в любовную игру. Как говорится:

Проникнуть в сказочный сад цветов
ни один из них не мечтал.
А когда очутились вдруг в этом саду,
от страха их холод объял.
Никак понять они не могли,
что это — явь или сон?
Казалось, путь, по которому шли,
в волшебную мглу погружен.

Наступил рассвет. Со всех сторон заголосили звонкие петухи. Цзингуань, боясь, что ее могут увидеть, поспешно оделась. Лодочник снова поднял паруса, и лодка устремилась вперед.

В каюту вошел Асы. Он помог хозяину умыться и привести себя в порядок, после чего приступили к завтраку.

— Хозяин, где приставать лодке? — спросил Асы. — Ведь надобно заехать к Хуанам, узнать о жилье.

— С этим не торопись, — ответил Вэньжэнь. — Мы пока остановимся возле соснового бора. Наш молодой наставник рассказал, что у них в ските пустуют кельи.

Когда лодка причалила к берегу у соснового бора, сюцай нанял носильщиков, которые снесли его вещи к монастырю Линъиньсы.

— Асы, — наказал он слуге, — ты возвращайся на этой же лодке обратно. Передай поклон родным и скажи, чтобы они обо мне не беспокоились. Я буду это время жить в обители у нашего монаха и готовиться к испытаниям. А когда сдам экзамены, тотчас приеду домой. И не присылайте ко мне никого и не торопите письмами.

Отдав такое распоряжение, сюцай подождал, пока лодка не отплыла от берега, после чего сел с Цзингуань в паланкины, и они направились в Обитель Плывущей Бирюзы. За паланкинами шествовали носильщики с вещами. До назначенного места они добрались довольно быстро. Расплатившись с носильщиками и паланкинщиками, сюцай вслед за Цзингуань вошел в скит. Им навстречу вышли монахини.

— Этот господин хочет снять у нас келью, — объяснила Цзингуань. — Он приехал на экзамены.

Монахини, широко улыбаясь, стали пристально разглядывать гостя и, как видно, остались им очень довольны. Соблюдая почтительность и радушие, они напоили молодого сюцая чаем, а потом проводили в чисто прибранную комнатку, где уже стояли его вещи. После ужина, свершив вечернее омовение, сюцай собирался отойти ко сну, но неожиданно пришла игуменья, с которой ему пришлось провести вместе всю ночь. На следующий вечер появилась еще одна монахиня, а за ней вторая, и так каждый день. Цзингуань не мешала им в этих любовных игрищах, за что они были ей очень признательны. Так прошло больше месяца. От могучего натиска любвеобильных монахинь молодой человек скоро почувствовал некоторую усталость и был вынужден прибегнуть к помощи укрепляющих настоев из женьшеня и ароматного гриба сянжу, а также из лотосового семени и экстракта корицы.

Так, в утехах текло его время, пока незаметно не подошел седьмой день седьмой луны, или, как его еще называют, Праздник Продевания Нити в Иглу [17]. В середине седьмой луны ожидался торжественный Праздник Чаши Юйлань [18].

По старым обычаям жителям Ханчжоу во время празднества возносят моления и зажигают огни на реке.

В двенадцатый день седьмой луны в ските появился слуга из богатого дома. Его хозяин приглашал инокинь к себе отслужить молебен и прочитать священные сутры. Игуменья дала согласие, а монахиням наказала:

— Мы отправимся служить молебен все вместе и пробудем там три дня: с тринадцатого по пятнадцатое. А наш гость, господин Вэньжэнь, поживет здесь. Причем, конечно, кто-то должен будет остаться для его удобства...

Обе молодые монахини стали предлагать свои услуги. Цзингуань молчала.

— От молебна отказываться никак нельзя, ехать все равно придется,—сказала игуменья.—Что до вас двоих, то вы предостаточно пользовались расположением нашего гостя, поэтому поедете вместе со мной. С ним же останется Цзингуань, которая привела его в наш скит. Так будет справедливо!

— Верно решила, матушка!— согласились монахини и отправились складывать пожитки, молитвенные принадлежности и сутры. Цзингуань проводив их за ворота, пошла к сюцаю.

— Вам не следует дольше оставаться здесь и тешить себя одними удовольствиями,—сказала она.— Надо подумать о деле! Близится срок ваших экзаменов. Если вы попрежнему будете лишь развлекаться, вы их не сдадите. Да и здоровье свое подорвете в этом любовном дурмане!

— Я и сам это чувствую. Только милуюсь я с ними без особой охоты. Мне жалко расставаться с тобой!

— Помните, в день нашей встречи я сказала, что хочу вместе с вами отсюда убежать... Но тогда это было опасно. Исчезни я тогда посреди дороги, игуменья непременно отправилась бы ко мне домой. А вот сейчас—другое дело. Поскольку их здесь нет, мы вполне можем бежать. Уверена, что меня искать не будут, так как знают, что у них рыльце в пушку. Они сами греховодили с вами и, думаю, шум поднимать побоятся!

— Это верно, но... Я все же сюцай, и дома у меня осталась мать. Если мы вместе приедем в наш дом, матушка сильно огорчится, и получится неприятность. К тому ж игуменья начнет свои поиски, поднимет на ноги местные власти, а это повредит моей карьере! Что тогда делать? Куда тебя дену?.. Нет, это не выход! Думаю, что прежде мне надобно сдать экзамены. Если я займу первое место, все вопросы разрешатся.

— Вы все равно не сможете жениться на монахине, даже когда станете цзюйжэнем,—промолвила девушка.—Ну, а если не сдадите, что тогда? Нет, это тоже не лучший выход... Вот что я думаю... С тех пор, как я постриглась в монахини, я собрала перепиской сутр и заклинаний кое-какие деньги. Сейчас у меня набралось свыше сотни лянов. На эти деньги я вполне могу снять приличное жилье, после того как отсюда убегу. Я буду ждать вас, а когда вы получите ученую степень, мы сможем наладить нашу жизнь. Ну как?

— Вот это другое дело!.. У меня есть тетя—она живет за городской

заставой. В свое время ее выдали сюда замуж за некоего Хуана, но он умер, и она осталась одна. Старуха очень чтит буддийскую веру и у себя дома даже устроила молельню, в которой с утра до позднего вечера курятся благовония и горят лампады. Следит за ними старая монашка — моя бывшая кормилица. И вот мне пришла в голову мысль: что если рассказать о тебе тете и попросить ее оставить тебя в ее доме при молельне, а кормилица могла бы тебе прислуживать. Семья тетки чиновная, так что вряд ли кто тебя станет там тревожить, а когда я добьюсь удачи на экзаменах, ты уже отрастишь волосы, и я смогу взять тебя в жены по всем правилам. И все будет в порядке!.. Если даже мне не повезет, то все равно беды никакой не случится, потому как волосы к тому времени уже отрастут, а значит, не будет для нашей женитьбы помех.

— Прекраснейший план! Не будем откладывать! Надо сейчас же идти к твоей тетке и все обговорить. Может оказаться, что через три дня будет уже поздно!

Вэньжэнь немедля отправился в дом тетки.

— Почему только сегодня у меня появился! — спросила тетка, после того как они обменялись приветствиями. — Я слышала, что уже давно должен был приехать на экзамены! Или жилье другое нашел?

— Верно, тетушка! Я действительно подыскал другое пристанище. И случилась у меня там одна история... Очень прошу тебя помочь мне!

— Что же с тобой приключилось?

Вэньжэнь решил схитрить.

— Был у меня учитель по фамилии Ян. Сам он давно уже помер, но у него осталась дочка, с которой я был знаком с малолетства. И вот однажды ее обманом увела монахиня, и с тех пор не было о девчонке ни слуху ни духу. Вдруг недавно я случайно попал в скит под названием Обитель Плывущей Бирюзы, что у Западного Ручья. Келью решил там снять для занятий. Там неожиданно я увидел мою старую знакомую, которая стала совсем взрослой девушкой. Она мне призналась, что монашество ей опротивело и она готова уйти со мной хоть на край света. Понятно, не мог я ей отказать, ведь мы с нею старые друзья и как бы связаны судьбами. Но сейчас у меня скоро экзамен, и я боюсь, не вышла бы из-за этого неприятность. Конечно, я мог бы отвезти ее к себе домой, да только неудобно. Словом, пустая эта затея. К тому же инокиня может подать жалобу, а у меня, как на грех, для суда нет ни времени, ни денег. И вот тогда я подумал: а что если ты, тетушка, оставишь на время девицу у себя? Помнится, есть у тебя в доме молельня, где моя старая кормилица следит за лампадами и благовонными свечами. Девушка могла бы пока пожить в молельне. Коли хватятся ее и узнают, где она, то беды из этого не будет, потому что живет она в доме, где только одни женщины, к тому же следит в домашней молельне за лампадами... А после моих экзаменов, если ее не потребуют обратно в скит, я женюсь на ней. Что ты на это скажешь, тетушка?

— Ты пришел просить старую тетку, как тот герой из истории о красотке Чэнь Мяочан [19], — рассмеялась

старая женщина.— Но раз она дочка твоего учителя, винить тебя трудно, к тому же ты собираешься на ней жениться. Конечно, в монастыре ей делать больше нечего, однако ж и в моей молельне оставаться неудобно. Люди вы молодые, горячие, будете то и дело встречаться, а это может осквернить святое место... Есть у меня в доме одна чистая комнатка, куда я и определю твою красавицу, пока у нее волосы не отрастут. А прислуживать ей станет моя служанка. Вот там вы и сможете видеться. Только приходить тебе следует поздно вечером, так, чтобы никто тебя не заметил, а при встрече рядом будет кормилица. Так-то!

— Ах, тетушка! Как я благодарен за твою доброту! Я тотчас приведу ее сюда и велю поклониться тебе в ноги!

Простившись с теткой, он вышел из дома и возле ворот нанял паланкин, который доставил его в скит. Молодой человек рассказал Цзингуань о беседе с теткой, чем очень обрадовал девушку. Она быстро вытащила все свои ценности и принялась складывать пожитки.

— Мои вещи пускай пока будут здесь! — сказал ей сюцай.— Я оставлю тебя у тетки, а сам вернусь в скит. Поживу здесь с монашками какое-то время, чтобы у них не было подозрений.

— Видно, запали они вам в душу! — промолвила девушка.

— Вовсе нет! В моем сердце одна только ты, к ним у меня ничего нет. Остаюсь я только для отвода глаз, чтобы не было никаких следов, как в поговорке: «Золотая цикада одежку свою сменила». Словом, меня никто не сможет заподозрить, даже если монахини пожалуются... Ты же знаешь, скоро экзамены. Если же меня потянут в суд, то до экзаменов уже не допустят, а это не шутка!

— Коли они станут расспрашивать обо мне, говорите, что вы не знаете, куда я делась, потому как, мол, в это время отлучались по своим делам. Словом, наплетите им что-нибудь. Они, конечно, подумают, что я ушла к своей матушке (ведь я часто уходила туда одна), и, по всей вероятности, сразу за мной не погонятся. Потом они, наверное, узнают, что меня нет дома, но к этому времени вы уже сдадите экзамены, и мы придумаем еще что-нибудь! Когда же вы уедете из этих мест и будете жить в другой области, они не посмеют ехать к вам, а если и заявятся, из этого ничего не получится!

Договорившись, они вышли из скита. Сюцай прикрыл ворота, оба сели в паланкины и направились в дом тетки. Старой женщине очень понравилась ладная девушка со светлым ликом, щечки ее напоминали персиковый цвет, а нежная кожа, казалось, могла порваться от самого легкого прикосновения.

— Теперь мне понятно, почему племянник присмотрел тебя, голубушка! — засмеялась она.— Будешь жить у меня, вряд ли кто из посторонних посмеет тебя потревожить! Ничего не бойся! Тетка обратилась к племяннику: — Само собой, ты тоже мог бы жить в моем доме. Да только если ты здесь останешься, кто-нибудь непременно появится вслед за тобой, и тогда случится неприятность. Так что, милый племянник, лучше тебе найти другое жилье, где ты будешь спокойно готовиться к экзаменам!

— Верно, тетушка! Если я и буду приходить, то только на короткое время!

Итак, Цзингуань осталась в доме тетки Вэньжэня. Сюцай, пробыв с нею ночь, наутро простился и ушел, чтобы найти себе другое жилище. Но об этом пока говорить не будем.

А теперь мы вернемся к трем монахиням из скита Плывущей Бирюзы. Отслужив трехдневный молебен, они вернулись в обитель. Видят — ворота не заперты, а в храме ни единой души. Все кругом пусто и тихо.

— Куда они запропастились? — воскликнула игуменья. Впрочем, ее мысли, как и других монахинь, вертелись вокруг молодого сюцая, а Цзингуань их особенно не заботила. Они бросились в келью Вэньжэня. Вещи и сундучок с книгами стояли на месте. Монахини сразу успокоились. А где же Цзингуань? В келье нет ни ее, ни вещей. Что за чудеса? Пока они гадали да рядили, появился Вэньжэнь.

— Пришел! Пришел! — обрадовались монахини. Их лица озарила счастливая улыбка.

— Целых три дня не виделись! Душа истосковалась! Ну прямо невмоготу! — воскликнула игуменья, вцепившись в сюцая. О Цзингуань она тут же забыла. — Скорее, скорее в келью!

Настоятельница потащила за собой сюцая, не обращая внимания на молодых инокинь, которые взирали на нее с завистью, глотая слюнки. Сюцай уступил бурному натиску монахини...

— Куда же запропастилась наша Цзингуань? — наконец вспомнила настоятельница. — Вы же с ней оставались вдвоем.

— Откуда мне знать, куда она девалась! Я вчера ушел в город и задержался там допоздна. Пришлось заночевать у приятеля, только сейчас иду оттуда...

— Наверное, после вашего ухода ей стало скучно одной, и она отправилась к своим в Хучжоу... — заметила молодая монахиня. — Или она решила, что наступил наш черед после ее двухдневного счастья... Пусть ее, ушла — отыщется!

Монахини думали сейчас о тех счастливых мгновениях, которые их ожидают с молодым сюцаем, а Цзингуань их нисколько не интересовала. Они не догадывались, что мысли молодого человека заняты совсем другим.

Прошло два-три дня в бесовских забавах, и сюцай сказал, что ему пора на экзамены и поэтому необходимо сменить жилье. Он нанял слугу, и тот унес его вещи. Монахини, понятно, больше не могли его задерживать, но взяли с него клятвенное обещание возвратиться.

— Будет свободное время, непременно к нам приходите!

Сюцай ответил, что обязательно вернется и, поклонившись, ушел.

Прошло несколько дней. От Цзингуань по-прежнему не было вестей. Встревоженная игуменья послала человека в Хучжоу, к матушке Ян, но тот, вернувшись, сказал, что девушка домой не приходила. Настоятельница не на шутку перепугалась, однако, хорошенько все обдумав, не стала поднимать лишнего шума, чтобы не всполошить мать, которая, глядишь, сама заявится в скит. Игуменья

решила все разузнать обходными путями.

Поскольку сюцай больше не появлялся, у нее возникли подозрения, поэтому надо было срочно его найти и хорошенько расспросить. Но, как на грех, он не оставил адреса. Делать нечего, пришлось ждать, когда он появится сам. Но вот кончились все три тура экзаменов, за ними прошло еще несколько дней, но сюцай не давал о себе знать.

Между тем Вэньжэнь, добившись на экзаменах большого успеха, вновь появился в доме своей тетки. Встретившись с Цзингуань, он сразу же забыл о ските и о монахинях. А те, так его и не дождавшись, кипели от злости.

— Есть же в Поднебесной такие неблагодарные люди! — возмущались они.— Наверное, этот злодей и украл нашу Цзингуань. Его рук дело! Вот отчего он не появляется!

Игуменья решила подать на сюцая жалобу в суд, но в последний момент передумала — испугалась, что может навлечь на себя беду. Недаром в поговорке сказано: однажды замарался, очиститься трудно!

И тогда меж монашками вспыхнула ссора. Одна кричала, что надо непременно найти сюцая, а для этого идти в экзаменационную палату; другая твердила, что следует ехать в Хучжоу на розыски Цзингуань. Словом, поспорили они, но так ни до чего и не договорились.

В самый разгар спора раздался настойчивый стук в ворота.

«Уж не наш ли сюцай?» — обрадовались инокини и со всех ног бросились к выходу. Открыли ворота, а там стоит большой паланкин и рядом четыре малых. Слуга, стучавший в ворота, объяснил, что в скит пожаловала госпожа такая-то. Игуменья, услышав знакомое имя, поспешила к гостье, которая, находясь здесь проездом, почтила скит своим присутствием. Дама вышла из паланкина, четыре ее служанки, уже успевшие выбраться из малых паланкинов, окружили хозяйку, и толпа женщин двинулась в храм. Гостья села, обменялась с настоятельницей церемонными фразами, испила чаю. Дама сказала, что желает провести в обители полуденное время, и послала своего челядинца предупредить лодочника, что задержится. Игуменья повела ее в свою комнату.

— Я у вас не была года три,— сказала дама.— С тех пор, почитай, как скончался мой супруг...

— Однако сейчас ваш траур, как видно, уже кончился... Наверное, вы захотели возжечь благовония, а потому направили свои благородные стопы в наше ничтожное место! Не так ли?

— Именно так! — согласилась гостья.

— Осенью у нас прекрасно! Вольготно!

— Не до развлечения мне! Нет у меня сейчас настроения! — вздохнула дама.

Игуменья прочла в словах гостьи намек.

— Вам сейчас одиноко после кончины супруга?

Дама, поднявшись, подошла к двери и прикрыла ее.

— Мать-игуменья, я была всегда с тобой откровенна. Не забудь этого... И сегодня я хочу говорить

напрямую. Вот ты сказала, что я одинока. Какое там одинока! Я места себе не нахожу! А ведь прошло после смерти мужа всего только три года. Как же вы, голубушки, всю жизнь одни маетесь?

— Почему же одни?.. Не буду таиться, почтенная. Не забывают нас прихожане-благодетели. Иначе хоть помирай! Разве можно вытерпеть?

— А есть ли кто сейчас у вас, матушка?

— Был один прелестник-сюцай... на экзамены к нам приехал. Да только недавно ушел и все не возвращается. Мы как раз о нем сейчас говорили.

— Забудь пока о нем, матушка!.. Есть у меня к тебе дело. Если ради меня постараешься, то и сама внакладе не останешься!

— Что за дело, почтенная?— заинтересовалась игуменья.

— Заехала я как-то возжечь благовония в храм Осиянного Счастья. Остановилась, как водится, у них на постой. И тут я увидела одного монашка, видом прелестного, но еще не бритоголового. Не скрою от тебя, вспыхнул в моем сердце огонь, потому как истосковалась я за долгое время по ласке! Поднес этот отрок мне чаю, мы разговорились. Он мне рассказал о себе, сколько лет сообщил. И держится, надо сказать, свободно — без всякой боязни, а говорит так складно, красиво! Одно слово — прелестник! И пошла у меня голова кругом! Отослала я своих служанок, а его повлекла в постель. Думаю, испытаю его в делах любовных. И что же ты думаешь? Этот негодник не только сведущ в любовных утехах, но не уступит никакому силачу. В общем, привязалась я к нему всей душою и чувствую, что расстаться с ним мне невмочь! Всю ночь строила разные планы и решила взять его с собой. Но как? Ведь я вдова и должна остерегаться постороннего взгляда, чтобы ненароком не опозориться. Если же прятать в своем доме — значит чувствовать во всем связанность. Какое тогда удовольствие? Вот я и подумала: а что если посоветоваться с игуменьей? Возьми его, матушка, в свой скит и обрей ему голову. Будет он у тебя словно монахиня, нежный облик его вполне для этого подходит. А когда я вернусь домой, вы оба приедете ко мне как настоятельница и послушница. Он будет жить в молельне, а для всех моих родственников останется твоей ученицей. Понятно, я буду с ним миловаться, но делать так, что никто не узнает: ни люди, ни бесы!.. Вот отчего я пришла к тебе нынче. Очень прошу — помоги! Обещаю, что если ты согласишься, то и тебе перепадет от него удовольствие. И не будешь ты больше вспоминать своего ненаглядного!

— Превосходно придумала, благодетельница! — воскликнула игуменья.— А ревновать-то ко мне не станешь? Ведь и я свою руку к сладкому куску приложу!..

— Какая тут ревность! Я же сама пришла за помощью! А тебе я отведу специальное место, и никто ничего не заподозрит. Ну, не славно ли?

— Коли так, я непременно пойду за ним. К тому же сейчас это будет особенно удобно, так как у нас на днях пропала одна

ученица — самая меньшая. Ее-то мы и подменим, и никакой любопытный не догадается!.. Вот только как его сюда заполучить?

— Об этом мы уже договорились! Он обещал бросить своего наставника и прийти ко мне. Я уверена, что он это сделает!

В этот момент раздался стук в дверь, и на пороге появились молодые монахини.

— У ворот стоит какой-то юноша, спрашивает нашу благодетельницу, — сказала одна монахиня.

— Ну вот, кажется, и он! — воскликнула дама. — Живей зовите его сюда!

В комнату вошел красивый юноша. Молодые монашки стрельнули глазами и заулыбались. Дама, кивнув ему головой, велела подойти ближе. Юноша поклонился игуменье, которая с первого же взгляда оценила его достоинства.

— Что я говорила? — проговорила дама, взяв гостя за рукав и подводя к настоятельнице.

— Ни дать ни взять — отрок Шаньцай! [20] — воскликнула игуменья. — У меня даже перед глазами все поплыло, и будто я обмякла сразу!

Дама, довольная, рассмеялась. Игуменья вышла на кухню приготовить закуски и рассказала о разговоре монашкам.

— Ах, как это прекрасно! — воскликнули они и даже прищелкнули пальчиками от удовольствия.

— Только мне придется вместе с ним уехать! — добавила настоятельница.

— Вы нас покидаете? — огорчились молодые монахини. — Одна собираетесь вкушать удовольствие!

— Сие дар небес! — возразила игуменья. — Однако же, думаю я, что и вы в одиночестве не останетесь!

Они рассмеялись. Монахиня, вернувшись в комнату, застала даму в объятиях юноши. При виде настоятельницы она вытащила из дорожной шкатулки брусочек серебра — десять лянов.

— Вот мой залог! Сейчас я возвращаюсь в лодку, а он, — она показала на молодого человека, — пока останется здесь. Через некоторое время вы вместе приедете ко мне. Ничего не перепутайте!

Отдав распоряжение возлюбленному, дама вышла в гостевую залу, где ее уже ждала трапеза. Отведав кушанья, она сразу же направилась к паланкину. Игуменья, проводив гостью, закрыла ворота и вернулась к молодому послушнику. Она внимательно оглядела его со всех сторон. Да, действительно, ей сильно повезло! Ну прямо яркий адамант середь темной ночи! Монахиня притянула юношу к себе, и их уста слились в жарком поцелуе.

— На несколько дней твоя благодетельница уступила тебя мне, а потом мы будем с тобой попеременно, — сказала игуменья, приступая к любовной битве. А когда кончилось удовольствие, она встала и бритвой сняла с головы юноши волосы.

— Теперь тебя не отличишь от Цзингуань! — засмеялась она, оглядев молодого человека. — Под этим именем ты и пойдешь к благодетельнице!

Само собой разумеется, в эту ночь настоятельница не отпустила юношу со своего ложа, и молодым монашкам оставалось лишь жадно

глотать слюнки. На следующий день игуменья стала собираться в дорогу и послала человека нанять лодку.

— Вы пока оставайтесь в ските,— сказала она монашкам,— я же поеду туда разузнаю! Если там все в порядке, я обратно уже не приеду, а пошлю вам свое послание. Как получите его, отправляйтесь к себе домой. А если кто появится от Янов, скажите, что Цзингуань уехала с матерью-игуменьей, а куда — вам неизвестно.

Что еще оставалось молодым монахиням? Они лишь кивнули головой: все, мол, поняли. Настоятельница и переодетый юноша сели в лодку. Для других пассажиров они считались наставницей с ученицей, а как наступала ночь, превращались в супругов-любовников. Через несколько дней они приехали в назначенное место. Дама поместила их в свою домашнюю молельню, однако по ночам гости шли в дом, где делили ложе втроем. Опытная монахиня научила даму разным любовным секретам, что, понятно, лишь разожгло их взаимное любострастие. Но разве юный отрок в силах был справиться с двумя зрелыми блудницами? Прошло какое-то время, год или два, юноша зачах и умер. Дама, не выдержав этой утраты, сильно затосковала и вскоре тоже скончалась. Что до игуменьи, то родственники дамы, затаив на монахиню лютую злобу, обвинили ее в воровстве. Монахиню заключили в узилище, где она и умерла.

Теперь же вернемся к Цзингуань, которая продолжала жить у тетки Вэньжэня. Ее жизнь не была омрачена беспокойствами, да и кто ее мог потревожить, если игуменья покинула скит. Через какое-то время стало известно, что Вэньжэнь сдал успешно экзамены и даже занял первое место, а затем появился он сам, радостный и веселый. Конечно же, он сразу бросился к возлюбленной, чтобы сообщить ей счастливое известие. В последующие дни он проводил время в городе, где занимался делами, какие обычно бывают у тех, кто недавно сдал экзамены, а вечером приходил в дом тетки и проводил ночь с Цзингуань. Однажды Вэньжэнь послал слугу в Обитель Плывущей Бирюзы и наказал ему узнать, что там происходит. Скит оказался пустым. Слуга сообщил, что настоятельница куда-то уехала, а монахини вернулись в свои семьи. Сюцай поделился новостью с возлюбленной. Наконец-то! Словно гора с плеч! Через несколько дней сюцай покончил со всеми своими делами. Пора было возвращаться на родину в Хучжоу. Он посоветовался с теткой, как им быть дальше.

— Я не могу пока взять с собой Цзингуань. Ведь у нее еще не отросли волосы. Ей придется пожить какое-то время здесь. Тем временем я, быть может, сдам столичные экзамены!

— И матушке моей пока еще рано говорить! — заметила девушка.— Не могу я вдруг вернуться домой, если была ее воля отдать меня в монахини. Другое дело, когда волосы у меня отрастут, и мы поженимся, вот тогда мы и явимся вместе! Вряд ли она тогда станет противиться!

Вэньжэнь согласился. А потом, простившись, он поехал домой

и повидался со своей матерью, но о девушке ничего не сказал. В конце десятой луны ему снова предстояла поездка на экзамены. По пути он заехал к тетке и с удовольствием заметил, что волосы у Цзингуань стали совсем длинными, почти по плечо. Она смогла их уже укладывать в прическу, правда, с накладным пучком. Вэньжэнь предложил ей ехать в столицу. Однако тетка им отсоветовала.

— Цзингуань по своим добродетелям достойна быть тебе законной супругой, а потому неприлично ее возить тайно туда и сюда. Пусть она пока останется у меня и живет как моя приемная дочь, а когда ты вернешься после успешных экзаменов, мы сыграем свадьбу. Вот тогда все будет по правилам!

Предложение было разумно, и юноша с ним согласился. Простившись с возлюбленной, он отправился в столицу. И вскоре, действительно, успешно прошел все испытания, заняв на экзаменах второе место. В Ведомстве Церемоний, как это было заведено в те времена, он записался в Книге одногодков[21] и тут же подал «прошение об отпуске для устройства свадебных дел» с девицей из семьи Ян. На свое прошение он получил благоприятный ответ, а в придачу деньги для свадьбы. Довольный, он сразу же отправился домой. Мать, узнав, что он собирается жениться, удивилась.

— Ведь ты не был ни с кем обручен! На ком же ты собираешься жениться?

— Ах, матушка, у нашей тети в Ханчжоу я встретился с одной девицей — ее приемной дочкой. Вот за нее я и сватаюсь!

— А почему же я раньше ее не видала?

— Скоро увидите, матушка!

Выбрав благоприятный день, Вэньжэнь нанял лодку, приказал разукрасить ее цветами и лентами, посадил музыкантов и отправился в Ханчжоу. При встрече с теткой он тут же ей доложил, что приехал жениться, на что имеет высокое дозволение властей.

— Ну, что я тебе говорила? Видишь, как складно все получилось! — обрадовалась тетка.

Потом он увиделся с невестой, которая сейчас уже была не в монашеской рясе, а в обычном мирском платье. Влюбленные, взявшись за руки, поведали о большой доброте госпожи Хуан, взявшей ее в приемные дочери. Тетка помогла девушке украсить волосы цветами, проводила до расписного паланкина, который доставил ее на судно, где уже горели цветные свечи. Как говорится в стихах:

За красным пологом
двое влюбленных
повстречались опять.
За парчовым пологом
все повторилось,
словно время
вернулось вспять.

В один прекрасный день они приехали на родину и пришли с поклоном к матери Вэньжэня. Родительнице очень понравилась красивая девица, но ее удивил ее хучжоуский выговор.

— Почему она говорит на нашем хучжоуском наречии, если ты ее взял в Ханчжоу? — спросила она сына.

Сыну пришлось рассказать историю своей молодой жены, кото-

рая одно время была монахиней. А на следующий день молодожены направились в дом Ян. Перед тем, как войти в ворота, Вэньжэнь передал две визитные карточки. Одна была адресована теще, а вторая младшему брату Цзингуань. Госпожа Ян подумала, что это ошибка, и карточки не приняла. Тогда Цзингуань решила идти сама.

— Матушка! — вскричала она, появившись на пороге.

Увидев знатную даму в нарядном одеянии, испуганная мать поспешно встала со своего места. Дочь она сразу и не узнала.

— Матушка, не пугайтесь!.. Я ваша дочь, ваша монашка Цзингуань из Обители Плывущей Бирюзы.

Действительно, облик как будто дочерний и выговор тот же, но почему же она с волосами и в таком необычном наряде?

— Дочка, ты ли это?.. Целый год мы с тобой не виделись. Ни писем не было, ни другой какой весточки! Истосковалась я по тебе! Этим годом послала я в скит одного человека, а там, оказывается, ни души. Думала-гадала: куда дочка девалась, а потом случайно узнала, что вы с матерью-игуменьей будто бы в другие края подались... И вдруг здесь очутилась!.. И почему ты такая нарядная?

Дочь рассказала матери всю свою историю. Счастливая мать даже рот раскрыла от удивления. Потом, немного придя в себя, она велела сыну позвать зятя. Сын (а он в это время уже учился и обладал приличными манерами) вышел к Вэньжэню и, низко поклонившись, проводил его в залу. Тот, встав рядом с женой, поклонился еще. Госпоже Ян казалось, что ей все еще снится сон.

— Если бы только я знала, что наступит такой день, ни за что бы не отдала дочку в монахини!

— Матушка, если бы ты не отослала меня в скит, может, и не было бы сегодняшнего дня! — промолвила дочь.

Потом все вместе они отправились в дом Вэньжэня, где уже был накрыт пиршественный стол и гремела музыка.

Надо вам знать, что впоследствии на чиновном пути Вэньжэня случались и неудачи... Скопив к пятидесяти годам какие-то деньги, он ушел со службы и вернулся домой, где стал жить со своей женой, которая удостоилась звания почтенной дамы. Как-то ему пришлось встретиться с гадателем, обладавшим даром предвидения.

— Скажи: почему моя карьера была не слишком удачна? — спросил он у ворожея.

— Потому, что в молодые годы вы увлекались любодеянием, чем нанесли ущерб своим скрытым достоинствам.

Вэньжэнь посетовал, что в юные годы он вел себя не слишком пристойно в монашеской обители, и потом часто предостерегал других от неосмотрительных действий. Теперь ответствуйте мне: разве любострастие в нашей истории не получило достойного воздаяния? И заметим, что удивительность этого брака, конечно же, объясняется тем, что он был заранее предопределен. Приведем такие стихи в доказательство:

Если ты сомневаешься, что жена
    Небом тебе дана —

Ты глух и слеп, и печальная жизнь
на веки тебе суждена.
Если твердишь, что женятся люди
просто, без всяких чудес,
Значит, ты усомниться посмел
в могуществе воли Небес.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Любовные игрища Вэньжэня» — повесть, имеющая полное название «Сюцай Вэньжэнь занимается любовными битвами в Обители Плывущей Бирюзы; монахиня Цзингуань нежится под парчовым пологом в доме, что в Желтопесочном переулке».— Лин Мэнчу. Чу-кэ пайань цзин-ци. Повесть № 34.

1 Выражение «Власами они соединились» означает супружеский союз, фразеологизм «Пищу подносили на уровне бровей» передает почтительные отношения супругов. Он взят из «Книги о Поздней Хань». Там рассказывается история Лян Хуна и его жены, которые относились друг к другу с большим уважением и любовью. Когда, например, жена подносила мужу тарелку с пищей, она держала ее на уровне бровей, выражая тем самым свое почтение.

2 Волшебные персики росли в легендарном саду богини Запада Си-ван-му — в данном случае намек на то, что брачные союзы определяются на небесах.

3 Куньлуньский раб — персонаж танской новеллы Дуань Чэнши. В ней рассказывается об удальце Молэ по прозванию Куньлуньский раб, который помог своему господину — молодому военачальнику Цуйшэну — добыть прекрасную наложницу сановника Ипиня.

4 В «Жизнеописании Хо Сяоюй» танского литератора Цзян Фана говорится о красавице-певичке Хо, которая полюбила молодого цзиньши Ли И. Однако Ли бросил ее. Красавица от тяжелых переживаний заболела. Через некоторое время некий Гость в Желтом Халате насильно привел Ли к певичке, но эта встреча оказалась последней, так как вскоре красавица Хо умерла.

5 Письмоводитель Сюй — персонаж танской новеллы Сюй Яоцзо «Жизнеописание Лю»; он помог ученому Ханю найти свою возлюбленную Лю в стане полководца-иноземца Шачжали.

6 Имеется в виду Общество Белого Лотоса — одна из тайных сект, распространенных в средневековом Китае. В учении этих сект причудливо переплетались буддийская проповедь спасения, даосская идея о достижении бессмертия и народные верования. В число способов достижения бессмертия входила и сексуальная практика, так что власти, жестоко преследовавшие членов тайных сект, среди прочих обвинений выдвигали и обвинения в разврате.

7 Имеются в виду три города местности У (Восточный Китай) — Сучжоу, Чанчжоу, Хучжоу.

8 Гуаньинь, входящая за полог — эротический намек.

9 Эра Обширного Благоденствия (Хун-си) — один год правления императора Жэнь-цзуна: 1425 г.

10 В одном из рассказов сунской антологии «Обширные записи годов Великого мира» («Тай-пин гуан-цзи») говорится об ученом Фэн Шэ, к которому ночью явилась небожительница. Она стала домогаться его любви, однако Фэн Шэ отверг ее четырежды, пока фея от него не отступилась.

11 Существовала притча об одиноком мужчине из Лу, к которому однажды ночью кто-то постучал

в дверь. Оказалось, что это красавица вдова, просившая ночлега. Однако хозяин не пустил ее, подозревая в нечистых помыслах. Луский молодец, или Луский мужчина, стало нарицательным именем для женоненавистника.

12 Иероглиф «восемь» изображается в виде двух черт, наклоненных друг к другу своими верхними частями.

13 В одной из старых историй говорится о некоей красавице Цзяо, которая украла у своего отца редкие благовония, чтобы приворожить возлюбленного.

14 Сиши — знаменитая красавица древности. В одной из легенд говорится, что она была дочерью дровосека. О ее несравненной красоте прослышал правитель царства Юэ по имени Гоу Цзянь и решил подарить Сиши своему политическому противнику — государю У. Правитель У, увлекшись красавицей, забросил дела и вскоре был разгромлен.

15 Здесь назван известный мужской монастырь.

16 Слуга употребил китайское слово луаньдайтоу, которое можно понимать двояко: как «голова смутного времени» и как «мешочек с яичками».

17 В праздник Продевания Нити в Иглу люди молили богов о том, чтобы те даровали им разные умения и искусства (это называлось «просить умения» — ци цяо). Этот Праздник Двойной Семерки (как его еще называют) связан с известной легендой о небесной фее Ткачихе и Пастухе, которые стали мужем и женой, но были разлучены по воле богини Си-ван-му. Потом, однако, Си-ван-му смилостивилась и разрешила им встречаться раз в год на мосту, перекинутом через Млечный Путь сороками.

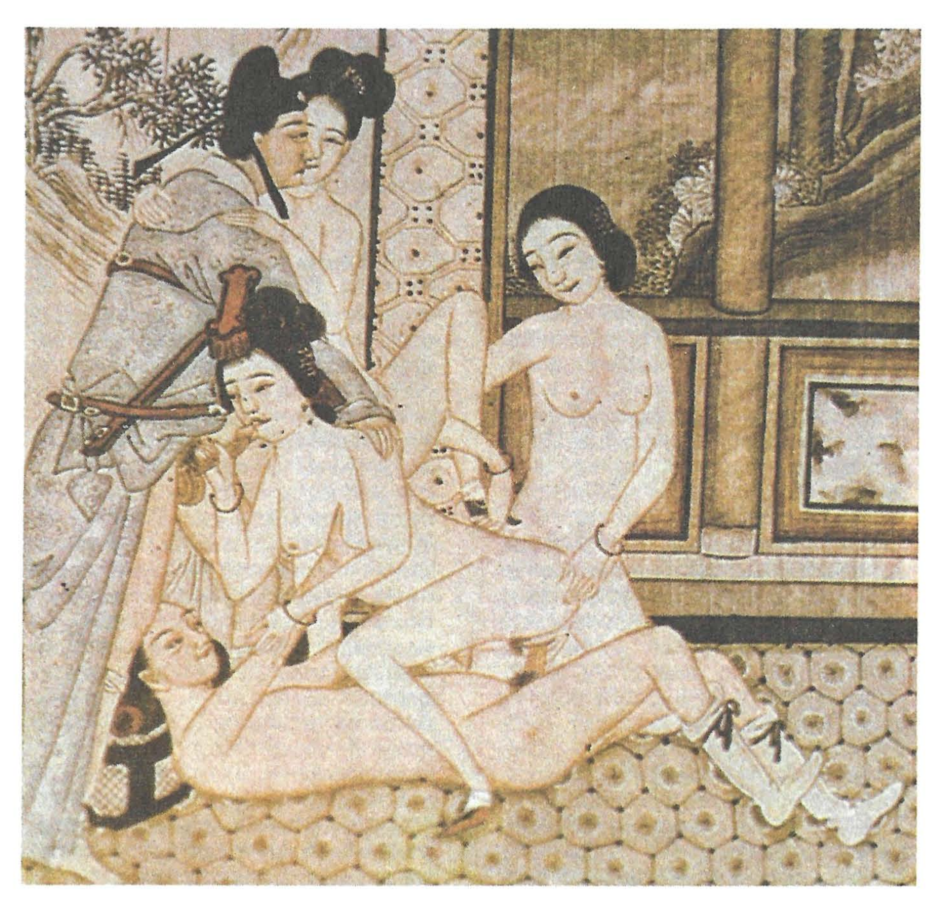
18 Праздник Чаши Юйлань (Юйлань хуэй, или Юйлань пэнь-хуэй) — буддийское торжество, происходившее в 15-й день 7-й луны. Этот праздник связан с историей верного последователя будды Шакьямуни — праведного отрока Муляня. С чашей для подаяний он отправился в ад искать свою мать, которая за нарушение буддийского запрета не есть мясной пищи попала в один из страшных его отделов — круг Голодных Духов. Мулянь, претерпев суровые испытания, наконец добрался до ада и попросил Будду спасти его мать. Божество дало ему священную сутру «Юйлань пэнь цзин» и повелело 15-го числа 7-й луны совершать торжественный молебен. В этот день (иначе он называется Днем Умилостивления Голодных Духов) богомольцы делают подношения духам, молятся за усопших, и особенно за души бесприютные.

19 Имеется в виду сюжет минской пьесы Гао Ляня под названием «Нефритовая шпилька», в которой рассказывается похожая история о двух влюбленных.

20 В буддийских храмах подле изваяния богини Гуаньинь нередко можно видеть фигуру ее прислужника — прекрасного отрока Шаньцая. По буддийским легендам, Шаньцай (санскр. Sudhana) — знатный индийский юноша, который посетил 53 святых будд, чтобы услышать их проповеди.

21 Книга одногодков — особый реестр, куда заносились сведения о всех сдавших экзамены в один год.

Перевод и примечания Д. Н. Воскресенского.

87. Групповые удовольствия.

ЛИН МЭНЧУ

НАКАЗАННЫЙ СЛАСТОЛЮБ [1]

Мы помним о Сян Юе и Лю Бане [2]
Их клич врагов разил
На поле брани.

Но перед Юй и Ци,
Блиставшими красою,
Теряли мужество великие герои.

Эти стихи принадлежат глубокой древности и написаны мудрецом. Любовная страсть во многом определяет течение человеческой жизни — вот смысл и содержание этих стихов...

Все вокруг считают тебя смельчаком, все думают, будто сердце твое незнакомо с жалостью, будто ты способен убить человека не мо-

ргнув глазом, но вот ты увидел девицу с нарумяненным личиком и блестящими, напитанными маслом волосами — оболочку из кожи, налитую кровью и набитую костями,— и ты становишься податливым и мягким как воск. Вспомните геройские подвиги чуского Ба-вана и ханьского императора Гао-цзу. Они боролись за власть во всей Поднебесной, и что же — первый из них даже в смертный час всеми помыслами своими был с наложницей Юйцзи, а второго даже хмель не мог заставить забыть о возлюбленной, госпоже Ци.

А если уж и такие герои дали любовным чарам нераздельную над собой власть, что говорить о простых смертных? Удивительно ли, что легкомысленный юноша с горячими чувствами, опьяненный любовью, забывает все на свете и, как говорится, теряет свою душу. Если человек скромен и целомудрен, он гнушается блудодейства, ценит женскую чистоту, и со временем ему воздастся по заслугам. У него появится наследник, он получит высокую ученую степень, разбогатеет, а его потомки станут знатными вельможами. Подобные примеры часто встречаются в различных жизнеописаниях.

И, напротив, если кто растрачивает душу и плоть свою в любовных страстях и не щадит доброго имени мужних жен, он рано или поздно лишится должности и богатства, или все возмездие падет на его детей, и даже в загробном мире не найдет он покоя. С ним произойдет то же, что случилось с неким сюцаем по имени Лю Яоцзюй из округа Шучжоу, который жил на исходе годов Чунь-си[3] в династию Сун. Другое имя этого ученого мужа было Танцин. Жил он с отцом, служившим в Пинцзяне. Наступила пора осенних экзаменов, и Танцин, пользуясь высоким положением отца, нанял лодку и отправился в Сючжоу на экзамены. Когда лодка отчалила, Танцин взглянул на корму и замер от изумления: у кормового весла он увидел очаровательную девушку лет шестнадцати или семнадцати. Вдоль шеи девушки вились тонкие локоны, в глазах таились прелесть и обаяние. Даже простое платье и грубые украшения не могли скрыть изящества ее стана. Стройная, словно ветка мэйхуа, она стояла у весла и смотрела на воду. Танцин не мог оторвать от нее взгляда, сердце его затрепетало. Вскоре он с сожалением узнал, что девушка — дочь хозяина лодки. «Правильно говорит пословица: ясная жемчужина родится в безобразной раковине,— вздохнул Танцин.— Так оно и есть». Он очень хотел перемолвиться с красавицей хоть несколькими словами, но ему мешал старик-лодочник, стоявший рядом с дочерью у кормового весла. Боясь, как бы старик не разгневался, Танцин принял вид безразличный и скромный и отвернулся. Но время от времени взоры его снова обращались к красавице. Чем больше он смотрел на нее, тем более привлекательной она ему казалась. Он был уже не в силах сдержать нахлынувшее чувство, и вот что он придумал. Он подошел к старику и велел ему тянуть лодку волоком.

— Лодка тяжела и идет очень медленно, так я могу и опоздать,— сказал он.

88. На уснувшей «подстилке».

Старику лодочнику помогали только дети — сын и дочь. Он отправил на берег сына Сань Гуаньбао, но Танцин потребовал, чтобы и сам старик впрягся в канат. В лодке осталась лишь дочь у кормового весла да Танцин в своей каюте. Теперь можно было и поухаживать за красоткой. Танцин приблизился к девушке и, не зная, с чего начать, задал ей несколько вопросов. Девушка отвечала немногословно, но самые звуки ее голоса привели в восхищение молодого повесу. Ободренный тем, что она ответила, Танцин принялся строить девушке глазки. Смущенная, она пыталась положить конец разговору и то стыдливо отворачивалась, то решительным тоном просила Танцина оставить ее в покое. Танцин уже потерял надежду расшевелить красавицу. Но тут она вдруг усмехнулась и искоса взглянула на него. Не зря говорят, что за суровостью таится часто зазывная игра. Эти хитрые уловки привели юношу в замешательство, и душа его затрепетала еще сильнее. Он стал гадать, чем бы привлечь внимание девушки. Наконец его осенило. Он открыл свой сундук и достал белый шелковый платок. Завернув в него орех и завязав узел «согласие сердец», он кинул платок девушке. Она сделала вид, будто ничего не заметила, и с ледяным выражением на лице продолжала работать веслом. Танцин решил, что она и в самом деле ничего не видела, и усердно мигал красавице, указывая ей глазами и даже рукою на платок и словно говоря: «Подними же его!». Но дочь лодочника невозмутимо стояла на месте, делая вид, будто не понимает его знаков.

А тем временем лодочник свернул канат и приготовился вернуться в лодку. Танцин испугался. Тревожно переминаясь с ноги на ногу, он кивал головой и размахивал руками, но по-прежнему не двигался с места. Молодой повеса хотел уже сам поднять платок, но в этот момент старик с сыном прыгнули в лодку. Щеки юноши залил яркий румянец, он обливался холодным потом, не зная, куда деваться от стыда. И вдруг девушка неторопливо вытянула ножку, поддела острым носком своей туфельки платок, подвинула его к себе и накрыла юбкой. Затем так же спокойно наклонилась и спрятала платок в рукав. С зардевшимся лицом смотрела она на воду и улыбалась. Сердце перепуганного Танцина наполнилось благодарностью к девушке за то, что она выручила его, и страсть запылала еще жарче. В этот день и родилось их взаимное влечение.

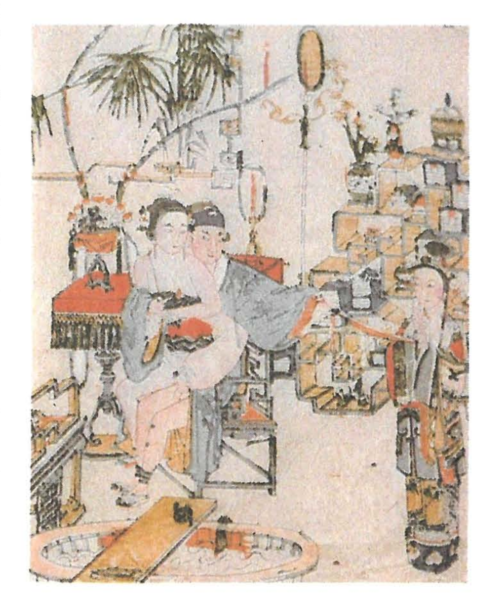
На следующий день Танцин снова спровадил старика вместе с сыном на берег — тянуть лодку, а сам подошел к девушке и как ни в чем не бывало сказал:

— Очень вам благодарен за вчерашнее. Без вашей помощи я бы осрамился самым ужасным образом.

— Я-то думала, вы храбрец, а вы, оказывается, совсем робкий,— засмеялась девушка.

Оставив это замечание без ответа, Танцин продолжал:

— Такой красавице и умнице, как вы, надо бы и мужа под пару. Но ослепительный феникс нередко ютится в убогом курятнике.

89. «Мотылёк и пчела» под пальмовыми листьями.

90. «Пчела собирает мёд».

— Вы не правы. Ведь так повелось с незапамятных времен: красивое лицо — несчастливая судьба. Видно, на то есть воля Неба, и я не смею роптать и жаловаться.

Танцин был покорен мудрыми речами своей собеседницы. С этой поры, где бы они ни встретились, в каюте или на корме, они старались быть поближе друг к другу. Они обменивались красноречивыми взглядами, свидетельствовавшими о глубине и силе их чувства. К сожалению, ни на что иное, кроме взглядов и бесед, они не могли отважиться — всему остальному вечною помехою был старик, который, шагая вдоль берега, то и дело оборачивался и проверял, что происходит в лодке. Так пламя это, можно сказать, горело впустую.

Когда они приплыли в Сючжоу, Танцин даже не подумал искать себе места в гостинице, а остался жить в лодке. На экзамены он отправился по-прежнему занятый мыслями о дочери лодочника. Получив тему для сочинения, Танцин написал его наспех и тут же удалился из экзаменационной палаты, чтобы побыстрее вернуться в лодку. Оказалось, что старик с сыном, воспользовавшись его отлучкою, пошли в город за покупками, наказав девушке сторожить лодку. Когда Танцин увидел девушку одну, радость его была неописуема.

— Где твой отец и брат? — спросил он, впрыгнув в лодку.

— В городе.

— Давай найдем уголок потише, мне нужно с тобою поговорить.

С этими словами Танцин стал развязывать канат. Девушка, смекнув, в чем дело, взялась за весло, и скоро лодка оказалась в месте

совсем безлюдном. Танцин приблизился к любимой и обнял ее.

— Я молод и еще не женат,— сказал он.—Если я тебе не противен, будь моею женою!

— Всякой темной и бедной девушке очень хочется соединить свою судьбу с судьбою высокородного мужа. Но я не смею принять вашего предложения, простите меня. Разве способна жалкая, слабосильная лиана или же дикая лоза обвить высокую сосну? Вас ждет блестящее будущее, а когда вы вознесетесь ввысь, разве почтите вы своим вниманием ничтожную дочь лодочника?

Танцин понимал, что девушка права, но страсть горела в его груди, словно костер. Видя, что девушка не уступает, Танцин вспыхнул еще горячее.

— К чему рассудительные речи?—сказал он и погладил девушку по спине.—За эти два дня я совсем потерял голову, и лишь об одном были все мои думы: когда же представится счастливый случай обнять тебя и отдаться запретному чувству? Сегодня Небо нам благоприятствует—мы одни на лодке. Давай же вкусим радость и исполним желание наших сердец. Но ты столь непреклонна, что я теряю всякую надежду! К чему и жизнь мужчине, если он не в силах овладеть предметом своих желаний! Прежде ты спасла меня, спрятав мой платок, и я до глубины души тебе благодарен. Но сегодня ты отвергаешь меня самого, и мне остается лишь покончить с собой.

Сказав так, он бросился к борту, готовый кинуться в реку.

91. Задумчивое трио.

— Опомнись! — вскричала девушка, схватив его за полу халата. — Будем благоразумны!

— К чему нам благоразумие? — воскликнул, в свою очередь, Танцин.

Он обнял девушку и повел ее в каюту. Они легли и предались удовольствию, которое превысило все их ожидания. Восторг их был так велик, словно они вдруг сделались обладателями великих драгоценностей. Но когда обычное свершилось, и девушка поднялась, собрала разметавшиеся волосы и оправила одежду на возлюбленном, она сказала:

— Ты заставил меня забыть обо всех приличиях и принять твою любовь. Радость, которую мы испытали, была мимолетна, зато верность наша друг другу пусть будет крепка как камень. Ты должен сделать все, чтобы стремительный поток жизни не унес смятый понапрасну бутон цветка.

— Я никогда ее не нарушу! Приношу тебе клятву верности. Скоро станут известны результаты экзаменов, и, если я добился успеха, я возьму тебя в жены, исполнив все свадебные обряды, и ты поселишься вместе со мною в прекрасных покоях.

И оба ликовали и смеялись.

— Наверное, отец уже возвращается, — сказала наконец девушка. — Надо поставить лодку на место.

Танцин соскочил на берег, а после того, как лодочник вернулся из города, пришел как ни в чем не бывало снова с видом совершенно успокоенным и даже безразличным — и ни один человек не догадался бы о том, что произошло. Но верно гласят стихи:

Не скроет даже тьма
Обличие порока.

Подобно молнии
Божественное око!

Отец Танцина, который по-прежнему служил в Пинцзяне, с нетерпением ждал известий об окончании экзаменов. И вот однажды ночью увидел он сон, будто приходят к нему двое людей в желтом платье. Один из них держит в руках бумагу и говорит так:

— У Небесных ворот[4] вывесили сообщение об окончании экзаменов. Ваш сын выдержал первым.

Вдруг откуда ни возьмись еще один человек. Он вырвал у говорившего бумагу и сурово промолвил:

— Танцин совершил на днях постыдный поступок. Ему придется сдавать экзамены вновь.

Отец проснулся в страшном испуге и только тогда понял, что это был всего лишь сон. Но удивительное сновидение не шло у него из головы. Старый Лю без конца раздумывал, что такого постыдного мог сделать его сын, а вспоминая окончание сна, ждал нерадостных вестей из Сючжоу. И правда, скоро пришло сообщение о том, что Танцин не выдержал, и вот при каких обстоятельствах. Один экзаменатор признал его сочинение наилучшим.

— Работа Танцина превосходна, — изрек он.

Однако второму экзаменатору больше понравилось другое сочинение, и он отвел Танцину лишь второе место. Такое решение пока-

залось первому экзаменатору совершенно неприемлемым.

— Чем давать этому юноше второе место, лучше внести его в список несдавших. Пусть сдает еще раз на следующий год. Я уверен, что он снова выдержит первым, а так мы только несправедливо его обидим.

И экзаменаторы вычеркнули имя Танцина из списка выдержавших.

Юноша ожидал решения экзаменаторов в лодке. Он увидел, как все вокруг засуетились, как все заторопились друг к другу с поздравлениями, и лишь к его суденышку никто не пришел — не только человек, но даже черт. Танцин понял, что дела его плохи, и тяжело вздыхал. Девушка тайком от отца и брата заливалась слезами — ведь все ее надежды потерпели крушение. Танцин старался ее успокоить, когда поблизости никого не было. В той же лодке он отправился домой, и вот настал день, когда он снова вошел в родительский дом. Отец рассказал ему о своем сне.

— Я видел вещий сон и уже давно знаю о твоей неудаче. Но скажи мне, не таясь: какой позорный поступок ты совершил?

— Я ни в чем не виноват,— стал оправдываться Танцин, но сам с изумлением подумал: «Неужели действительно отец услыхал во сне такие слова?»

Он долго не знал, верить ли отцу или нет, и только впоследствии, когда ему рассказали об экзаменах во всех подробностях, решил, что всему виною его собственное поведение. Он раскаивался, сожалел о своем легкомыслии, но забыть любимую не мог.

Пришел срок следующих экзаменов, и Танцин занял первое место. Он помнил о клятве, которую дал дочери лодочника, и искал девушку повсюду, но она пропала, как в воду канула. Впоследствии Танцин успешно продвигался по службе, однако же никакие успехи не были ему в радость.

Задумайся над этим как следует, читатель! За небольшую провинность Танцин и на экзаменах был наказан и не смог соединиться со своей любимой. А все оттого, что она не была предназначена ему судьбою. Вот почему мы хотим предостеречь всех от легкомысленных любовных связей, в особенности же от связей с мужними женами. Хорошо сказано в одном древнем стихотворении:

Не греши тайком с чужой женой,
Будет и тебе верна жена,
А предашься блуду в час ночной —
Согрешит с другими и она.

А сейчас послушайте историю о распутном муже и блудливой жене и о том возмездии, которое оба понесли.

В Юаньскую династию жил в городке Юаньшанли округа Мяньчжоу богатый человек по имени Те Жун; один из его предков занимал когда-то должность судьи. Те Жун взял в жены женщину из семьи Ди, первую красавицу в городе. По обычаям тех мест, женщины могли свободно гулять по улицам, и богатые, знатные горожане хвастались друг перед другом красотою своих жен.

Если кто женился на красивой женщине, то, желая, чтобы об этом узнали все без исключения, он старался повсюду бывать вместе

с нею и при всяком удобном случае рассказывал о ее прелестях. Поэтому ясными утрами и лунными вечерами во многих местах можно было встретить оживленно беседующих мужчин, которые пристально и жадно разглядывали красавиц и даже лезли друг другу на плечи, забывши обо всех приличиях. Ночью, возвращаясь по домам, они заводили споры о том, какая из красоток на первом месте, а какая ей уступает. Когда женщина вызывала особенное восхищение, звучал громкий и дружный хор похвал, и никого не заботило, не достигают ли эти неумеренные похвалы ушей мужа. Впрочем, муж испытывал лишь радость оттого, что чужие люди расхваливают его жену. Если ж кто-нибудь отпускал слишком вольную шутку, он не придавал этому большого значения. Особенно распространились такие распутные нравы в годы Чжичжэн[5].

Те Жун, как и все, тоже повсюду хвастался своей красивой женой. Где бы она ни появлялась, он слышал возгласы восхищения. Близкие приятели Те Жуна, расхваливая его жену, делали всякие нескромные замечания, а малознакомые люди, узнавая, что красавица Ди — супруга Те Жуна, навязывались ему в друзья.

— Счастливец! Вам так повезло! — восклицали все в один голос, угощая Те Жуна вином и вообще всячески стараясь ему угодить.

Когда Те Жун выходил из дома, ему не нужно было брать с собою деньги: всегда находились приятели, готовые его угостить, и он постоянно возвращался домой навеселе. Все в городе знали его, и многие таили коварные замыслы, мечтая вскружить голову его супруге. Но Те Жун был очень богат и к тому же нравом отличался весьма решительным, так что задевать его боялись. Тем, кто с вожделением поглядывал на госпожу Ди, приходилось, как говорится, лишь глотать слюнки да ласкать красавицу взорами.

С давних времен известно, что:

Все, что плохо лежит,
Вор стремится украсть.
Нежный лик вызывает
В распутнике страсть.

Нужно ли говорить, что прожить жизнь без всяких приключений при таких обстоятельствах было невозможно? Настал черед и госпожи Ди. Есть старинная поговорка: всему начало — случай. Так и тут: случай положил начало удивительной истории.

Жил в том же городке некий Ху Хуань. Его жена, Мэнь, была очень привлекательна, и хотя несколько уступала жене Те Жуна, но все же, как и госпожа Ди, могла считаться замечательной красавицей. Если бы не Ди, вряд ли кто-нибудь мог бы с нею сравниться.

Надо вам знать, что Ху Хуань был по натуре ветреник и блудник. Обладая женою-красавицей, он постоянно испытывал зависть к Те Жуну. И вот случилось так, что Те Жун, увидев Мэнь, воспылал к ней страстью и уже не думал ни о чем ином, кроме того, как завлечь ее в свои сети. Его величайшей мечтою стало обладать двумя красавицами сразу. Оба мужа, надеясь обмануть один другого, завязали тесное знакомство и принялись обха-

живать друг друга. Обоих заботила одна мысль: как бы завладеть женою приятеля. Те Жун, как мы уже говорили, отличался характером прямым и решительным и не раз давал понять своему новому другу, что не прочь поближе познакомиться с его женою. Хитрый Ху Хуань никогда не отвечал отказом и, питая недобрые мысли, говорил хитрые речи.

«С ним не так уж трудно сговориться, в конце концов я добьюсь своего»,—думал богач Те.

Но он и не подозревал, что Ху Хуань только ищет случая, чтобы завладеть его женой, госпожою Ди, однако ж ведет дело хитро, не вызывая ни у кого подозрений.

Однажды Те Жун сказал своей жене:

— Все говорят, что ты первая красавица в городе, но, по-моему, супруга Ху Хуаня ничуть тебе не уступает. Как бы устроить так, чтобы она тоже стала моею? Обладать сразу двумя красавицами было бы для меня величайшим счастьем в жизни.

— Скажи об этом Ху Хуаню — вы же с ним приятели,— предложила госпожа Ди.

— Я уже намекал ему, и он нисколько не обиделся. Но говорить об этом напрямик как-то неловко. Нет, если ты мне не поможешь, ничего не выйдет. Боюсь только, ты станешь ревновать.

— Я совсем не ревнива,— возразила госпожа Ди.— Если я в силах помочь, я непременно помогу. Но дело это тонкое, деликатное, ведь тебе нужно согласие и одобрение мужа. Вот как мы поступим. Ты подружишься с Ху еще крепче, так чтобы мы, женщины, могли встречаться, когда вздумаем. А тебе надо почаще приглашать ее к нам, в конце концов поможет случай, и эта Мэнь окажется в твоих руках.

— О, моя мудрая супруга, сколь справедливы твои речи! — воскликнул Те Жун.

С этих пор он из кожи вон лез, чтобы сойтись с Ху Хуанем поближе. Он то и дело приводил его к себе и всякий раз поил вином, а когда вместе с мужем появлялась госпожа Мэнь, Те Жун вызывал к столу свою жену. В этих случаях он приглашал певичек и всяких бездельников, известных своим беспутством и шутовством. Те Жун старался любыми способами услужить приятелю и в то же время разжечь похоть в сердце его супруги. За пиром жена Те Жуна подводила госпожу Мэнь к щелке, и они тайком наблюдали непристойные сцены, которые разыгрывались в комнате мужчин. Эти сцены могли распалить даже камень!

Коварные замыслы лелеяли оба мужа! Оба забавлялись с певичками лишь для того, чтобы вызвать страсть у чужой жены. И в конце концов одна из них вспыхнула, и как бы вы думали, которая? Хозяйка, госпожа Ди! Ее приятельница, жена Ху Хуаня, была как-никак гостьей и потому чувствовала себя стесненнее. А госпожа Ди была у себя и смотрела на все без малейшего стеснения, напротив — с любопытством. Вот почему она первою испытала любовное чувство.

Если же сравнить Те Жуна и Ху Хуаня, то гость намного превосходил хозяина и красотою лица, и свободою обращения, и мягким

изяществом движений, и опытом в любовных делах. Он чрезвычайно нравился красавице Ди. Она все время выглядывала из-за занавески и то заговаривала с гостем, то лукаво ему подмигивала, поддерживая в нем желание продолжать игру.

— Как хорошо, что жена мне помогает,— думал Те Жун, не догадываясь, что ловушку расставили ему.

Однажды после пира Те Жун сказал своему гостю:

— Мы с тобой близкие друзья, и у нас у обоих красавицы жены. Это бывает редко.

— Моя жена груба и невежественна. Может ли она равняться с таким совершенством, как твоя супруга?— скромно ответил Ху.

— Еще неизвестно, кто из них лучше, а кто хуже,— продолжал Те.— Ведь каждый из нас прилип к собственной жене и не знает чужую. Вот если бы нам поменяться женами! Мы оба насладились бы прелестями двух красавиц! Что ты на это скажешь?

В глубине души Ху Хуань и сам подумывал о таком обмене.

— О, какая честь для моей грубой, невежественной жены!— воскликнул он.— Но я не осмелился бы посягнуть на твою достопочтенную супругу — это было бы преступлением!

Те Жун расхохотался:

— Наши пьяные шутки зашли слишком далеко. Мы забыли о приличиях!

Они посмеялись, и гость ушел, а Те Жун, прикинувшись пьяным, направился к жене.

— Я решил обменять тебя на супругу Ху Хуаня!— сказал он, взяв жену за подбородок.

Ди прикинулась возмущенной.

— Бесстыдник! Ты ведь хорошего рода! Неужели ты способен пожертвовать собственной женой ради того, чтобы завладеть чужой! Как только у тебя язык повернулся!

— Мы с ним друзья. Что дурного, если мы порадуем друг друга?

— Я помогала тебе в твоих затеях, а теперь ты толкаешь меня на бесчестие! Нет, я не согласна!

— Что ты, что ты, я пошутил!— стал оправдываться муж. —Разве я соглашусь кому-нибудь тебя отдать! Я только хочу получить эту женщину.

— В таком деле нельзя спешить,— рассудительно заметила госпожа Ди.— Сперва ты должен опутать Ху Хуаня, доставляя ему всевозможные удовольствия. Может быть, он думает не так, как ты, и не согласится уступить жену.

— О, моя мудрая супруга!— воскликнул Те Жун, обнимая жену.— Сколь справедливы твои речи!

Они пошли во внутренние комнаты и легли спать, но это к нашему рассказу прямого отношения не имеет.

Хотя Ху Хуань очень нравился красавице Ди, она решила действовать с большой осторожностью, потому что боялась дурного нрава мужа. «Всю эту чушь он наплел спьяну, размечтавшись о госпоже Мэнь,— думала она.— Но если я допущу малейший промах, у него тут же возникнут подозрения, и тогда я буду связана по рукам и ногам. Нет, так не годится! Надо его обмануть и вкушать радость любви

в полном спокойствии и безопасности».

Однажды Ху Хуань пришел к Те Жуну выпить вина. Других гостей в этот день не было, и они сидели вдвоем. Красавица хозяйка то и дело появлялась из-за занавески, бросая на гостя красноречивые взгляды. Ху Хуань понял ее безмолвные намеки. Сам он решил пить поменьше, но зато без конца подливал из большой бутыли своему приятелю. С уст Ху Хуаня текли лживые речи.

— Ты давно уже относишься ко мне лучше, чем к родному брату! О, старший брат, ты снизошел до моей глупой жены, и она тоже к тебе неравнодушна. Я выбрал удобный случай и рассказал ей о нашем разговоре, и она почти согласилась. Но прежде ты должен оказать мне небольшую услугу. Своди меня к певичкам. А после мы обо всем договоримся.

— Уважаемый брат, если ты согласен на такой щедрый дар, я готов водить тебя к певичкам хоть тысячу раз! — воскликнул обрадованный Те.

На радостях он потерял чувство меры и принялся хлестать вино громадными чарами, а коварный гость все подливал ему и подливал, и очень скоро хозяин напился до бесчувствия. Ху Хуань, делая вид, будто заботится о друге, обхватил его за пояс и повел в соседнюю комнату, отгороженную бамбуковой занавеской. В комнате была красавица Ди. Она и раньше никогда не уклонялась от встречи с гостем и сейчас приблизилась к нему без всякого стеснения, словно бы затем, чтобы помочь ему вести бесчувственного Те Жуна. Ху Хуань вытянул губы трубочкой, давая понять госпоже Ди, что хочет ее поцеловать, а женщина как будто невзначай прикоснулась своей остроносой туфелькой к его ноге. Затем хозяйка кликнула служанок Янь Сюэ и Цин Юнь и велела им отвести мужа в спальню. Когда влюбленные остались одни, Ху крепко ее обнял.

— Как долго жажду я вашей любви! Сегодня счастливый день настал! Это воля судьбы! — воскликнул он.

— Я тоже давно жду этой встречи, не будем же терять времени понапрасну.

Жалкий, Те Жун! Ты стремился завладеть чужой женой, но сам попался в капкан, который поставил другому! Поистине верно гласят стихи:

Герой к чужой жене
Испытывал влеченье,

С его соперником
Сошлась его жена;

Хотел купить муку —
И продавал печенье.

Затея праздная —
О, как она смешна!

Ху Хуань был великим искусником в любовных делах, а тут постарался обнаружить и все свое усердие, и весь опыт, и красавица Ди была наверху блаженства.

— Смотри только, чтоб никто ничего не узнал, — предупредила она Ху Хуаня.

— Я бесконечно благодарен госпоже за то, что она не отвергла презренного и подарила ему эти радостные мгновения. Что же касается брата Те, то он много раз сам

предлагал мне сблизиться с вами. Если он что и узнает — не беда.

— Он говорил так только потому, что хочет сойтись с твоей супругой. При всей своей слабости к женщинам, он человек решительный и прямой — лучше его не задевать. Будем водить его за нос и пользоваться нашим счастьем втайне.

— Как же это сделать?

— А вот как. Он большой любитель вина и женщин. Сведи его с какой-нибудь знаменитой певичкой — пусть пьет вино и распутничает, а мы тем временем сможем проводить в радости целые ночи.

— Прекрасно придумано! — воскликнул Ху. — Он как раз обещался сводить меня в веселое заведение — все для того, чтобы получить мою жену. Теперь я этим воспользуюсь и подговорю певичек или даже двух, чтобы они заманили его в сети и держали при себе как можно дольше. Но на певичек потребуется много денег.

— Это я беру на себя, — ответила госпожа Ди.

— О, госпожа, вы так добры ко мне! Ради того, чтобы доставить вам радость, я не пощажу даже собственной жизни!

Порешив на этом, они простились, и гость удалился.

Надо вам знать, что Ху Хуань жил в бедности, и богатый Те Жун старался привязать его к себе, устраивая пирушки с обильными возлияниями и угощениями. Ху Хуань лебезил перед богатым другом, и никто не мог бы предположить, что он обвел богача вокруг пальца.

Те Жун владел большим состоянием, но вино и женщины требовали немалых расходов, и богатства его начали постепенно таять. А тут еще госпожа Ди, которая спуталась с Ху, советовала мужу искать любовных утех на стороне, а тем временем устраивала свидания с возлюбленным, потчуя его изысканными яствами и соря деньгами без счета. В радости своей она совсем забыла о бережливости, и когда Те Жун стал испытывать денежные затруднения, она вместе с Ху Хуанем уговорила мужа продать землю первому подвернувшемуся покупщику. Те Жун продал, а жена тут же припрятала часть вырученных денег, чтобы и впредь угождать своему возлюбленному. Ху Хуань свел Те Жуна с певичками, и тот беспробудно пьянствовал и сутками не возвращался домой, а госпожа Ди время от времени посылала ему немного денег — из тех, что она припрятала, — чтобы он мог заплатить за вино, расплатиться с певичками. Лишь бы он подольше не приходил домой, и она оставалась наедине с Ху Хуанем!

— Моя мудрая жена совсем не ревнива, — говорил Те Жун и, очень этим довольный, погрязал в распутстве все глубже.

Однажды он вернулся раньше, чем его ждали. Жена встретила его радостная и веселая, без тени недовольства. Те Жун был очень растроган. «Какой прекрасный человек моя уважаемая супруга», — думал он, и эта мысль посещала его даже во сне.

Как-то красавица Ди приготовила вино и фрукты, готовясь принять возлюбленного, и вдруг появился муж.

— По какому случаю угощение? — удивился он.

— Я знала, что сегодня ты придешь домой. Чтобы ты не скучал, я приготовила угощение и пригласила Ху Хуаня.

— Ты словно читаешь у меня в мыслях! — воскликнул Те Жун.

Вскоре и в самом деле пришел Ху Хуань, и друзья повели веселую беседу о певичках. Опьянев, Те Жун снова заговорил о красавице Мэнь.

— Ты же познакомился со знаменитой певичкой! — сказал ему Ху Хуань.— К чему тебе такая грубая и неотесанная женщина, как моя жена! Но если ее убожество тебе не противно, я что-нибудь придумаю: она будет твоею.

Те Жун рассыпался в благодарностях, а Ху Хуань, ограничившись обещанием, по-прежнему таскал приятеля по веселым домам, и тот в пьяном дурмане забывал и госпожу Мэнь, и вообще все на свете. Между тем друг его и жена пылали жарким огнем и старались все не пропустить ни единой ночи. Единственною помехою могло оказаться присутствие мужа. Но и тут Ху Хуань нашел выход. Он знал способ, как быстро усыпить человека, и передал этот секрет госпоже Ди, которая стала сама приготовлять сонное зелье. Когда Те Жун оставался дома, он выпивал с женою или другом несколько чарок вина, а к вину был подмешан сонный напиток, и его тут же начинала одолевать дремота, он быстро хмелел и в бессилии валился на бок. Тогда на столе появлялось хорошее вино, и Ху Хуань с госпожою Ди проводили вечер в веселой беседе или в любовных утехах, а муж ни о чем не догадывался.

Иногда Те Жун возвращался, когда пирушка была в самом разгаре. Ху Хуань моментально исчезал, но на столе оставалась посуда, которую не успевала прибрать госпожа Ди. На расспросы мужа она неизменно отвечала так:

— Да вот приходил твой родственник,— и она называла имя,— и я оставила его пообедать. А потом он ушел, боясь, как бы ты не напоил его допьяна. Вот видишь, он даже есть не кончил.

Те Жуна такой ответ вполне удовлетворял. Помня, как возмутилась госпожа Ди, когда он открыл ей свой замысел насчет обмена женами, Те Жун ни в чем ее не подозревал.

— Чистая, добродетельная женщина,— говорил он себе.

Не сомневался он и в своем друге. Тот по-прежнему угождал Те Жуну и всячески перед ним заискивал. Целыми днями они вместе веселились у певичек и пили вино. Впрочем, трудно ли двум хитрецам одурачить одного простака? Им удалось замести следы даже тогда, когда из-за нескромности служанок по городу поползли кое-какие слухи. Те Жун находился в полном неведении. Он по-прежнему считал Ху Хуаня лучшим другом, а свою жену мудрой и добродетельной. Соседи, однако ж, мало-помалу сообразили, что и как, и, потешаясь над богачом, сложили насмешливую песенку:

Посещает он
Веселые дома,

От певичек
Греховодник без ума.

А красавицу жену
Оставляет он одну.

Обменять ее готов
В тот же день

На другую,
На прельстительную Мэнь.

Одураченный,
Еще не знает он,

Что обмен
Наполовину совершен!

Поживиться он хотел в чужом дому,
Тем же самым отвечали и ему.

Ах, ловкач! Ну и хват!
Сам, безумец, виноват!

Пожелал сорвать цветок.
А каков всему итог?

Сам себе он удружил.
Торг друзей нечестным был.

Те Жун по-прежнему проводил целые дни в пьянстве и блуде, а потому в скором времени занемог. Все чаще оставался он дома, а там и с постели подняться был уже не в силах. Ху Хуань решил, что встречаться с возлюбленной в доме мужа более невозможно, но красавица Ди уведомила его, что болезнь Те Жуна не помеха для их свиданий.

— Муж не встает с постели, к тому же и служанки в случае чего всегда нас предупредят. Можешь приходить спокойно, нам ничто не угрожает.

Получив такое известие, Ху откинул все свои сомнения и страхи. Он снова стал ходить в дом друга и настолько к этому привык, что забыл о всякой осторожности. Както раз, в задумчивости, он прошел мимо самой постели больного, и Те Жун его заметил.

— Почему это Ху Хуань остался у нас во внутренних комнатах? Я видел, как он только что оттуда вышел,— спросил жену удивленный Те Жун.

— Ху Хуань? Ты ошибаешься! Здесь никого не было!—воскликнула жена, и служанки в один голос ей поддакнули.

— Я видел собственными глазами—это был Ху, а вы толкуете, будто здесь никто не проходил! Неужели от болезни у меня и в глазах помутилось? А может быть, я увидел оборотня?

— Никакой это не оборотень!—возразила жена.— Просто ты целыми днями думаешь о госпоже Мэнь, вот тебе и показалось, что перед тобою ее муж, Ху Хуань.

Назавтра она рассказала о случившемся Ху Хуаню.

— На этот раз ты его провела,—промолвил Ху.—Но когда он поправится и поразмыслит обо всем на досуге, у него непременно родятся тяжелые подозрения. Вот если бы он убедился, что видел оборотня, тогда все было бы иначе. Надо и в самом деле показать ему оборотня. Только так мы сможем очиститься от подозрения.

— Легко сказать!—засмеялась госпожа Ди.—Где же нам взять оборотня?

— Нынче вечером я спрячусь у вас в дальней комнате, и мы проведем ночь в удовольствиях и радости, а завтра поутру выйду переодетый оборотнем.

На том и порешили. Вечером госпожа Ди впустила возлюбленного в дальнюю комнату дома. Служанкам она велела не отходить от постели больного хозяина, а сама, сославшись на усталость, сказала, что хочет отдохнуть. Оставив мужа, она направилась к Ху Хуаню и про-

вела с ним всю ночь. Наутро, когда служанки доложили, что больной задремал, Ху Хуань намазал лицо синей краской, а волосы красной, обмотал ноги ватой, чтобы двигаться совершенно бесшумно, и в таком виде появился перед Те Жуном. Те Жун, ослабевший от долгой болезни, перепугался насмерть.

— Оборотень! Дьявол! — закричал он и, дрожа всем телом, натянул на голову одеяло.

— Что с тобою? Чего ты так испугался? — подбежала к нему жена.

— Я же говорил тебе, что вчера приходил оборотень; вот сегодня я снова его увидал, — со слезами вскричал Те Жун. — Видно, конец мой недалек! Надо поскорее позвать монаха-заклинателя, чтобы он рассеял и прогнал наваждение.

После этого недуг стал мучить Те Жуна сильнее прежнего, и жене, которая чувствовала себя виноватой, ничего не оставалось, как послать за монахом. В ста ли от их городка жил монах Ляо Во, носивший святое имя Сюйгу. Он славился по всей округе редкостным благочестием. Ляо Во явился в дом Те Жуна, и его сразу отвели в молельню, чтобы он просил Будду о спасении больного. Ляо Во погрузился в созерцание и пребывал в неподвижности до самых сумерек.

— Был ли у тебя предок, исполнявший должность судьи? — спросил он Те Жуна, когда тот очнулся.

— Такую должность занимал мой дед.

— А есть ли среди твоих приятелей человек по имени Ху?

— Да, он мой близкий друг.

Услыхав имя возлюбленного, госпожа Ди насторожилась и приставила ухо к двери.

— У меня только что было удивительное видение.

— Какое же именно, учитель?

— Погрузившись в созерцание, я увидел духа этой местности и твоего деда, который пришел к нему с жалобой. «Ху причиняет зло моему внуку», — говорил твой дед. Дух, однако же, не принял его жалобу и отверг его мольбу, сославшись на то, что чин его невелик. Тогда твой дед сказал: «Сегодня духи Южного и Северного Ковша спустятся с небес у горного пика Юйсыфэн. Я обращусь к ним, и они, конечно, рассмотрят по справедливости мою просьбу». Твой дед попросил меня пойти вместе с ним. Когда мы достигли гор, то увидели двух старцев. Они сидели друг против друга и играли в шахматы. Один был одет в пурпурный халат, другой — в зеленый. Твой дед поклонился им и поведал свою обиду, но старцы не удостоили его ответом. Дед не отступился и продолжал просить. Наконец игра кончилась, и один из старцев сказал: «Небо благославляет добродетельных и карает распутных — таков его непреложный закон. Ты ученый конфуцианец и должен знать эту истину — зачем же ты обращаешься к нам с бессмысленной просьбой? Твой внук беспутен, он заслуживает смерти. Все же ты славный конфуцианец и не должен остаться без потомства. Мы помним об этом, и потому он не умрет. Ху Хуань — отъявленный блудодей; он и сам живет недостойно, и твоего внука вовлекает в соблазн. Если ему не воздастся по заслугам в мире

смертных, кара настигнет его за гробом. Возвращайся обратно. Не жалуйся больше и не гневайся на Ху Хуаня — над ним уже отяготела рука владыки.— Потом старец взглянул на меня и продолжал: — Тебе тоже было предопределено встретиться с нами. Ты все узнал, ступай же и объясни людям, что их долг — твердо и неукоснительно различать меж добром и злом».

И оба старца ушли. Вот что я увидел, погрузившись в созерцание. А сейчас я узнаю, что у тебя и в самом деле был дед судья и есть друг по имени Ху Хуань. Разве это неудивительно?

Выслушав речь монаха, красавица Ди очень испугалась и не знала, что делать.

— Да, Ху Хуань действительно толкал меня на путь разврата, дед жаловался не без основания,— промолвил Те Жун.

Он еще не догадывался, какая доля вины лежит на его супруге. Узнав от монаха, что часы его жизни продлены судьбою, он возликовал, и недуг начал мало-помалу покидать его тело. Наоборот, госпожа Ди, тревожась о будущем своего возлюбленного, впала в тоску, и у нее открылась сердечная болезнь. Спустя немного Те Жун был совершенно здоров, Ху Хуань же, напротив, стал жаловаться на боль в пояснице, а дней через десять у него пошли нарывы по всему телу. Позвали врача, и тот сказал:

— От чрезмерного винопийства и любовной страсти в теле больного резко уменьшилось количество влаги. Спасти его невозможно.

Те Жун ежедневно навещал приятеля, и жена Ху Хуаня, которая не отходила от его постели, не избегала его, памятуя о давней дружбе между их семьями. Видя, как Те Жун хлопочет и старается помочь, она прониклась к нему благодарностью, разговаривала с ним и переглядывалась. Те Жун, как мы знаем, давно питал нежные чувства к госпоже Мэнь и теперь не упускал счастливой возможности расположить и привязать ее к себе как можно более прочно. И вот наконец за спиною Ху Хуаня свершилось то, к чему всей душой стремился Те Жун и ради чего, сам того не ведая, он пожертвовал собственною женой. Верно гласят стихи:

Отворотится Небо от обмана,
За все воздастся поздно
или рано.
Бесчестный торг они вели
друг с другом,
И каждому досталось по заслугам.

Мэнь и Те Жун стали неразлучны, словно склеенные лаком,— точь-в-точь как прежде красавица Ди и Ху Хуань. Зная, что судьба Ху на исходе и что надежд на его спасение нет, они поклялись стать супругами и жить, блюдя справедливость и добродетель. Однажды Те Жун сказал своей возлюбленной:

— Моя жена мудрая женщина. Она еще давно согласилась принять тебя в наш дом и даже помогала мне сблизиться с тобою. Как было бы хорошо, если бы мы зажили все вместе!

— Ну, она и себя не забывала,— усмехнулась Мэнь.

— Как так? — удивился Те Жун.

— Она давно спуталась с моим мужем, и он часто не ночевал дома. Стоило тебе уйти, как он сразу бежал к вам. Неужели ты ничего не знал?

Те Жун словно пробудился от сна или протрезвел после долгого опьянения. Значит, Ху Хуань его обманывал! Вот на что, оказывается, жаловался дед духам в присутствии монаха Ляо Во! Но теперь госпожа Мэнь в руках Те Жуна, и это веление судьбы.

— Да, во время болезни я видел его собственными глазами, но он сумел меня обмануть. Если бы ты мне не рассказала, я так бы ничего и не узнал,— промолвил Те Жун.

— Только не говори жене, а то она рассердится на меня,— сказала Мэнь.

— Ты стала моею, и никакой злобы против них у меня нет. Вдобавок дни твоего мужа сочтены. Стоит ли заводить дома свару?

Он вернулся к себе и ничего не сказал жене. Не прошло и двух дней, как Ху Хуань умер. Красавица Ди плакала, не в силах скрыть своего горя, но теперь Те Жуну были понятны ее слезы.

— Отчего ты так горько плачешь?—усмехнулся он.

Госпожа Ди не ответила.

— Тебе нечего скрывать, я все знаю,— продолжал он.

— Что ты знаешь? Что скрывать?—воскликнула жена и покраснела.— Ведь умер твой друг, вот я и прослезилась.

— Как бы не так! Может быть, ты еще скажешь, что спала одна, когда меня не бывало дома? Или станешь утверждать, что Ху ночевал у себя? А когда я болел, кого я увидел? Оборотня? Он был твоим любовником. Сейчас он умер — вполне понятно, что ты проливаешь слезы.

Все это было чистой правдой, и госпожа Ди не могла возразить ни единым словом.

Госпожа Ди непрестанно думала о Ху Хуане, и он все время стоял у нее перед глазами как живой. От скорби и тоски она захворала, не могла ни есть, ни пить и вскорости умерла. Через полгода после ее смерти Те Жун заслал сватов к Мэнь и взял ее в жены — как говорится, продолжил нить жизни. Супруги жили в большом согласии. Те Жун часто вспоминал слова Ляо Во о воздании за добро и зло и прозрении, которое проистекает от праведной жизни.

— Я видел только твою красивую наружность, и во мне родилось нечистое чувство,— говорил он Мэнь.— Но вот Ху спутался с моей женою, и это было карою за мои блудливые вожделения. Но кара постигла и их обоих. Они обманывали меня за моей спиной, и вот они мертвы, а ты стала моею. Это должно послужить нам предупреждением против дурных помыслов и греховных побуждений. Так наставлял меня монах после того, как возвратился к жизни из глубин созерцания. Теперь я прозрел душою. Пусть я разорился — кое-что еще можно вернуть. Мы будем жить честно и безмятежно.

Те Жун назвал Ляо Во своим наставником и дал обет не нарушать пяти запретов[6]. Прежде всего, он решил положить конец распущенности и не пускал свою супругу Мэнь гулять одну.

И там, где эта история случилась, все узнали, что возмездие за грехи неминуемо. Монах Ляо Во повсюду рассказывал о том, что он увидел, погрузившись в созерцание,

и убеждал людей исправиться. А вот стихи, сложенные в память об этом:

Так повелось когда-то в Хань
и в Цзян:
С мужьями шли прогуливаться
жены,

И всякий ветреник, от страсти
пьян,
Глазел на них, их прелестью
прельщенный.

Красивых и нарядных жен своих
Мужья с собою в город выводили;

А сами домогались жен чужих,
Не ведая, что их опередили.

Хуань над другом посмеялся
всласть.
За это и его постигла кара:

Внезапно жизнь его оборвалась,
Он умер от любовного угара.

Был грешен сам, других сбивал
с пути
И под конец не избежал мучений.

От справедливой кары не уйти
Любителям веселых приключений.

КОММЕНТАРИИ

1 «Наказанный сластолюб» («Повесть о том, как Ху Хуань занимался блудом, прикрываясь согласием друга, а монах Ляо Во, погрузившись в созерцание, говорил о воздаянии за добро») — рассказ тридцать второй из сборника «Чу-кэ пай-ань цзин-ци» («Рассказы совершенно удивительные. Сборник первый»).

2 Мы помним о Сян Юе и Лю Бане.— Сян Юй (он же Ба-ван) и Лю Бан (он же император Гао-цзу) — крупные феодалы, выступившие в союзе против династии Цинь (220—206 гг. до н. э.). Оба отличались воинственным нравом и бесстрашием. Впоследствии между бывшими союзниками началась ожесточенная война, в результате которой войска Сян Юя были окружены, и сам он погиб. Лю Бан же стал основателем новой династии Хань.

3 Годы Чунь-си — 1174—1189 гг.

4 У Небесных ворот...— Имеются в виду ворота императорского дворца.

5 Годы Чжи-чжэн.— 1341—1367 гг.

6 Пять запретов — запреты, которых должны были придерживаться буддийские монахи: не убивать живого, не грабить, не предаваться блуду, не лгать, не пьянствовать.

Перевод и комментарии Д. Н. Воскресенского.

Стихи в переводе Л. Е. Черкасского.

中國風情

92. Два актёра, или «Облако, перевёрнутое вверх дном».

ПУ СУНЛИН (1640—1715 гг.)

НЕЖНЫЙ КРАСАВЕЦ ХУАН ДЕВЯТЫЙ

Хэ Шицань, по прозвищу Цзысяо, имел свою студию в восточном Тяоси. Ее двери выходили в совершенно открытое поле. Как-то к вечеру он вышел и увидел женщину, приближавшуюся к нему на осле. За ней следом ехал юноша. Женщине было за пятьдесят. В ней было что-то чистое, взлетающее[1]. С нее он перевел глаза на юношу. Тому

было лет пятнадцать-шестнадцать. Яркой красотой своей он превосходил любую прекрасную женщину.

Студент Хэ отличался пристрастием к так называемому «открыванью рукава»[2]. И вот, как только он стал смотреть на юношу, душа его вышла из своего, так сказать, жилища, и он, поднявшись на цыпочки, провожал юношу глазами до тех пор, пока не исчез его силуэт. Только тогда он вернулся к себе.

На следующий день он уже спозаранку принялся поджидать юношу. Солнце зашло, в темноте полил дождь. Наконец он проехал. Студент, всячески выдумывая, бросился любезно ему навстречу и с улыбкой спросил, откуда он едет. Тот отвечал, что едет из дома деда по матери. Студент пригласил зайти к нему в студию слегка отдохнуть. Юноша отказался, сказав, что ему недосуг. Студент стал настойчиво тащить, и тот наконец зашел. Посидев немного, он встал и откланялся, причем был очень тверд: удержать его не удалось. Студент взял его за руку и проводил, усердно напоминая, чтобы он по дороге заезжал. Юноша, кое-как соглашаясь, уехал.

С этих пор студент весь застыл в думе: у него словно появилась жажда. Он все время ходил взад и вперед, усердно всматривался, и ноги его не знали ни остановки, ни отдыха.

Однажды, когда солнце уже охватило землю полушаром, юноша вдруг появился. Студент сильно обрадовался и настоял на том, чтобы юноша вошел в дом. Слуге подворья было приказано подать вино. Студент спросил, как его фамилия и прозвание. Он отвечал, что его фамилия Хуан, он девятый по счету, прозвания, как отрок, еще не имеет.

— Наша милостивица[3] живет у дедушки и временами сильно прихварывает. Поэтому я часто навещаю ее.

Вино обошло по нескольку раз. Юноша хотел проститься и уехать, но студент схватил его за руку и задержал. Затем закрыл дверь на ключ. Юноша не знал, что делать, и с раскрасневшимся лицом снова сел.

Студент заправил огонь и стал с ним беседовать. Юноша был нежен, словно теремная девушка. Как только речь переходила на вольные шутки, его сейчас же охватывал стыд, и он отворачивался лицом к стене.

Не прошло и нескольких минут, как студент потащил его с собой под одеяло. Юноша не соглашался под предлогом дурноты во сне. Дважды, трижды заставлял его студент. Наконец он снял верхнее и нижнее платье, надел штаны и лег на постель.

Студент загасил огонь и вскоре подвинулся к нему; лег на одну с ним подушку, согнул руку, положил ее на бедра и стал его похотливо обнимать, усердно прося об интимном сближении. Юноша вскипел гневом.

— Я считал вас,— сказал он,— тонким, просвещенным ученым. Вот отчего я так к вам и льну... А это делать — значит считать меня скотиной и по-скотски любить меня.

Через некоторое весьма малое время, утренние звезды уже еле мерцали, юноша решительным шагом вышел.

Студент, боясь, что он теперь порвет с ним, стал опять его поджидать. Переминаясь с ноги на ногу, он устремлял взор вдаль, и глаза его, казалось, пронизывали Северный Ковш.

Через несколько дней юноша наконец появился. Студент бросился ему навстречу, стал извиняться за свой поступок и силком втащил его в студию, где торопливо усадил и стал весело с ним разговаривать. В глубине души он был крайне счастлив, что юноша, как говорится, не помнит зла. Вслед за тем он снял туфли, влез на кровать и опять стал гладить его и умолять.

— Ваша привязанность ко мне,— сказал юноша,— уже, можно сказать, врезана в мои внутренности. Однако близость и любовь разве же непременно в этом?

Студент сладко говорил о том, как бы они сплелись, и просил только разок прикоснуться к его яшмовой коже. Юноша позволил. Студент подождал, пока он уснул, и стал потихоньку учинять легкомысленное бесчинство. Юноша проснулся, схватил одежду, быстро вскочил и под покровом ночи убежал.

Студент приуныл, словно что-то потерял. Забыл о еде, покинул подушку и с каждым днем все более и более хирел. Он теперь только и знал, что посылал своего слугу из студии ходить повсюду и посматривать.

Однажды юноша, проезжая мимо ворот, хотел прямо направиться дальше, но мальчик-слуга ухватил его за одежду и втащил. Юноша, увидя, как начисто высох студент, сильно испугался, стал его утешать и расспрашивать. Студент рассказал ему все, как было. Слезы крупными каплями так и падали одна за другой вслед его словам.

Юноша прошептал:

— Моим маленьким мыслям всегда представлялось, что, сказать по правде, эта любовь не принесет вашему младшему брату[4] пользу, а для вас будет гибельной. Вот почему я не делал этого. Но раз вам это доставит удовольствие, разве мне жалко?

Студент был сильно обрадован, и, как только юноша ушел, болезнь сейчас же пошла на убыль, а через несколько дней он вполне поправился.

Юноша пришел опять, и он крепко-крепко к нему прильнул.

— Сегодня я, пересиливая себя, поддержал ваше желание,— сказал юноша.— Сделайте милость, не считайте, что так будет всегда.

Затем он продолжал:

— Я хотел бы кое о чем вас попросить. Готовы ли вы мне посодействовать?

— В чем дело?— спросил студент.

— Мать моя, видите ли, страдает сердцем. Ее может вылечить только «Первонебная» пилюля Ци Евана. Вы с ним очень хороши, так что можете ее у него попросить.

Студент обещал. Перед уходом юноша еще раз ему напомнил. Студент пошел в город, достал лекарство и вечером передал его юноше. Тот был очень рад, положил ему на плечо руку и очень благодарил.

Студент опять стал принуждать его соединиться с ним.

— Не позволяйте себе привыкать ко мне,— сказал юноша.— Позвольте мне подумать для вас об

одной красавице, которая лучше меня в тысячи и тысячи раз.

— Кто такая? Откуда? — любопытствовал студент.

— У меня, видите ли, есть двоюродная сестра — красавица, равной которой нет. Если бы вы могли снизойти к ней своим вниманием, я бы, как говорится, «взялся бы за топорище и топор» [5].

Студент слегка улыбнулся, но не ответил. Юноша спрятал лекарство и ушел. Через три дня он пришел и опять попросил лекарство. Студент, досадуя, что он так опоздал, сказал ему много бранных слов.

— Я, видите ли, не могу допустить себя до того, чтобы принести вам несчастье, и поэтому отдаляюсь... Если же мне не удается дать себя понять, то, пожалуйста, не раскаивайтесь.

С этих пор они сходились и наслаждались, не пропуская ни одного вечера.

Каждые три дня юноша непременно хоть раз просил лекарство. Ци показалось очень странным, что оно так часто требуется.

— Это лекарство, — сказал он студенту, — таково, что не бывало еще человека, который принял бы его более трех раз. Как это так вышло, что долго нет выздоровления?

Ввиду этого он завернул тройную порцию и сразу вручил ее студенту. Затем, посмотрев на него, Ци сказал:

— Вот что, сударь, вид ваш и выражение лица что-то темны и бледны. Больны вы, что ли?

— Нет, — сказал студент.

Ци пощупал пульс и пришел в ужас.

— Да у вас в пульсе бесовщина! — вскричал он. — Болезнь сидит в «малом потайном»... Кто не остережется — беда!

Студент вернулся и передал юноше эти слова.

— Отличный врач, — сказал тот, вздыхая. — Я действительно лис и боюсь, что не принесу вам счастья.

Студент, боясь, что он обманет, спрятал лекарство и вручил ему не все: думал, что он не придет. Прошло совсем немного дней, и он действительно заболел. Позвал Ци освидетельствовать.

— Вот видите, — сказал тот, — в прошлый раз вы не сказали мне всей правды, и вышло, что теперь дыхание вашей жизни уже блуждает по пустырям... Даже Цинь Хуань [6] и тот смог ли бы вам помочь?

Юноша приходил каждый день проведать его.

— Вот, — говорил он, — не слушали вы моих слов — и действительно дошли до этого состояния!

Студент тут же умер. Хуан ушел, горько плача.

До этих еще происшествий в уездном городе, где умер студент, жил некий большой сановник с придворным званием. В молодости он делил со студентом Хэ, как говорят, кисть и тушь, но семнадцати лет уже был выдвинут и назначен в «Лес Кистей» [7].

В то время циньским фаньтаем [8] был человек, жадный до насилия и взяток. Никто из придворных чинов об этом не говорил царю, но новый академик имел решимость написать доклад, обличающий злоупотребления фаньтая. Однако так как здесь было то, что называется «Переходом через жертвенные

кубки»[9], то он потерял должность, а фаньтай, наоборот, был повышен в должность дворцового министра[10]. И вот он стал ежедневно следить, не прорвется ли где-нибудь молодой ученый.

А наш ученый сызмальства слыл за храбреца и в свое время пользовался, как говорится, «взглядом темных зрачков» взбунтовавшегося против династии князя[11]. Зная это, бывший фаньтай приобрел покупкой старые письма от одного к другому и предъявил нашему ученому в письме угрозу. Тот испугался и покончил с собой. Его супруга тоже умерла, бросившись в петлю.

По прошествии ночи ученый вдруг воскрес:

— Я — Хэ Цзысяо,— заявил он.

Стали спрашивать, и все то, что он говорил, действительно происходило в доме Хэ. Тогда только поняли, что Хэ вернулся своей душой в чужое, заимствованное тело. Стали его удерживать, но он не счел это для себя возможным, вышел и побежал в свое старое жилище.

Губернатор, заподозрив обман, захотел непременно его унизить, погубить и послал к нему человека с требованием тысячи лан. Ученый сделал вид, что соглашается, но от горечи и досады он готов был порвать с жизнью.

Вдруг ему докладывают о приходе юноши; он обрадовался, заговорил с ним, и сразу явились к ним и радость, и горе. Только что он захотел снова учинить непристойность, как юноша спросил его:

— Скажите, сударь, у вас три, что ли, жизни?

— Мои раскаяния в своей жизни и мучениях не стоят этой смерти — блаженства!

И рассказал ему свои обиды и горечи. Юноша погрузился в глубокое, далекое раздумие и через некоторое время сказал:

— К счастью, вот я снова встретился с вами вновь живым, но вам пусто ведь так, без подруги. Помните, я тогда еще говорил вам о своей двоюродной сестре. Так вот, она умна, прелестна, у нее большая изобретательность. Она-то уж непременно сумеет разделить с вами неприятность!

Наш ученый пожелал взглянуть хоть раз на ее лицо.

— Это нетрудно устроить,— сказал юноша.— Завтра я возьму ее с собой к старой матери, и она пройдет по этой самой дороге. Сделайте вид, что вы мой старший брат, а я, под предлогом жажды, попрошу у вас напиться. Вы, положим, скажете так: «Осел убежал!» Так это будет знаком согласия!

Условившись, они расстались. На следующий день, только что солнце стало на полдень, как юноша и в самом деле прошел у ворот в сопровождении молодой девушки. Наш ученый сделал ему приветственный жест и стал с ним тихо-тихо шептаться, причем бросал на девушку беглые и косые взгляды. Перед ним была милая, привлекательная, стройная, очаровательная девушка — самая настоящая фея!

Юноша попросил чаю. Хозяин попросил войти, чтобы напиться в доме.

— Ты не удивляйся, сестрица,— сказал юноша,— это мой старший брат по клятвенной дружбе. Не беда, если мы несколько отдохнем у него!

С этими словами он помог ей слезть, а осла привязал к дверям. Вошли. Хозяин сам поднялся, чтобы заварить чай и сказал, смотря на юношу:

— То, что ты, милый, намедни говорил, не достаточно исчерпывает дело!.. Сегодня мне здесь приходит конец!

Девушка, видимо, догадалась, что он говорит о ней, встала с дивана и, стоя, сказала брату, словно щебеча:

— Уйдем!

Наш ученый, выглянув за дверь, сказал:

— Осел-то, гляди, убежал!

Юноша с быстротой огня выбежал. Ученый обнял девушку и просил сойтись с ним. У той по лицу пошли пунцовые переливы, она съежилась, словно попалась в тюрьму. Громко закричала, но юноша не отозвался.

— У вас, сударь, есть ведь жена,— сказала она,— к чему вам губить у человека честь и стыд?

Он объяснил ей, что неженат.

— Можете ли вы поклясться мне Рекой и Горой [12]? Не дайте осеннему ветру [13] увидеть ко мне пренебрежение!.. А тогда только прикажите, и я послушаюсь!

И он поклялся блистающим солнцем. Девушка более не сопротивлялась.

Когда дело было сделано, явился юноша. Девушка, сделав строгое лицо, гневно забранилась.

— Это, милая, Хэ Цзысяо,— сказал он,— в прежнее время известный литератор, а ныне — придворный ученый. Со мною он в наилучшей дружбе. Это человек надежный. Сейчас мы доведем об этом до сведения тетки, и она, конечно, тебя не обвинит!

Солнце было уже к вечеру. Хэ хотел удержать их, не позволяя уходить, но девушка выразила опасение, как бы тетка не напугалась, и не подумала чего-нибудь особенного. Но юноша с решимостью взял это на себя, сел на осла и помчался.

Прожили так несколько дней. Появилась какая-то женщина за руку с прислугой. Ей было за сорок лет; одухотворенностью своей и своим общим видом она совершенно напоминала девушку. Хэ крикнул ей, чтобы та вошла... Действительно, это была ее мать. Посмотрев на дочь прищуренными глазами, она спросила с крайним удивлением, как это она очутилась здесь. Дочь, застыдившись, не могла ответить. Хэ пригласил мать зайти, сделал ей поклон и объявил, как и что. Мать засмеялась.

— Мой Девятый,— сказала она,— юная душа... Зачем, как говорится, «он оба раза не спросил» [14]?

Девушка сама пошла в кухню, поставила кушанья и угощала мать. Поев, старуха ушла.

С тех пор, как Хэ получил красавицу подругу, все его сердечные стремления были в высокой степени удовлетворены. Однако нить зла так и кружила в его душе, и он все время ходил надутый, недовольный, с видом страдальца. Жена спросила его, что это значит, и он рассказал ей все от начала до конца, что только пришло на память. Она засмеялась.

— Ну, это-то мой девятый братец и один может распутать,— сказала она.— Чего горевать?

Хэ спросил, как это может быть.

— Я слышала,— отвечала жена,— что господин губернатор тонет в песнях и музыке, да и к глупеньким мальчикам весьма неравнодушен. Во всем этом мой девятый братец, как известно, отличается. Пусть он приглянется губернатору, а мы и подарим.. Его злоба может таким образом пройти. Кроме того, можно еще будет ему отомстить за его зло.

Хэ выразил опасение, что брат не согласится на это.

— Вы только, пожалуйста, умолите его,— сказала она.

Через день Хэ, увидя юношу, встретил его, идя на локтях. Тот был ошарашен.

— Как? — вскричал он.— В двух ваших жизнях я был вам друг... Везде, где только можно было это проявить, я не посмел бы пожалеть себя от головы до пят... Откуда вдруг взялась эта манера обращаться ко мне?

Хэ изложил ему все, что было надумано. Юноша изобразил на лице трудную борьбу.

— Я от этого человека потеряла свое тело,— вмешалась женщина.— Кто, скажи по правде, это сделал? Если теперь ты дашь ему завянуть и погибнуть среди его жизненного пути, то куда ты меня-то денешь?

Юноше не оставалось ничего другого, как согласиться. И вот Хэ тайно уговорился с ним и отправил спешное письмо к своему приятелю, сановнику Вану, прислав с письмом и самого юношу. Ван понял, чего хочет Хэ, устроил большой обед, на который пригласил и губернатора. Затем он велел юноше нарядиться женщиной и исполнить на обеде танец Небесного Мо[15]. Получилось полнейшее впечатление прелестной женщины.

Губернатор так и одурел. Стал тут же настойчиво просить Вана отдать ему юношу, причем готов был дать за него крупные деньги и единственно, чего боялся, так того, что ему не удастся за них получить его. Ван притворился, что это его вводит в глубокое раздумье и сильно затрудняет. Помешкав довольно продолжительное время, он наконец отдал юношу, но уже от имени Хэ. Губернатор был в восторге, и старая ссора была сразу разрешена. Получив теперь юношу, он от него уже не отходил: где бы ни был, что бы ни делал, двигался ли, сидел ли. У него было более десятка обслуживавших его девиц. На них он смотрел теперь, как на пыль и грязь.

Юноша стал у него пить и есть и пользоваться всяческой услугой. Через полгода губернатор захворал. Юноша, зная, что он уже совсем на дороге в тьму, сложил на повозку золото и парчу и временно поместил все это в доме Хэ. Вслед за этим губернатор умер. Юноша извлек деньги и выстроил целые хоромы, завел мебель и утварь, нанял слуг и служанок. Мать, братья, тетки — все пришли жить с ним вместе.

Когда юноша выходил из дому, на нем была великолепная шуба, его везли превосходнейшие кони.

Никто не знал, что он лис.

У меня (Ляо Чжая) есть некоторое по сему поводу сужденьице. Позвольте, улыбнувшись, приписать его сюда же[16].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ...что-то... взлетающее — как в звуке, полученном от удара по прекрасному камню: гудит и куда-то улетает.

2 ...отличался пристрастием к... «отрыванью рукава». — В основе этого намека лежит следующее историческое повествование: Дун Сянь (I в. до н. э.) попал во дворец путем протекции и по заслугам отца. Он вошел в необыкновенный фавор у государя, который стал его быстро выдвигать и отличать и, наконец, не расставался с ним ни днем, ни ночью. Однажды днем они оба спали рядом. Дун повернулся и лег на рукав государя. Тому нужно было встать, но Дун не просыпался. Тогда государь оторвал рукав, чтобы его не беспокоить, и поднялся, оставив его спать. С этих пор в китайской литературе существует такой образ для обозначения предосудительной любви мужчин друг к другу.

3 Наша милостивица — то есть мать; отец называется «наша строгость». Вежливый язык в старом Китае при общем самоуничижении не позволял называть старших общими наименованиями.

4 ...вашему младшему брату — то есть мне; ударение здесь, конечно, на слове «младший», что соответствовало требованию вежливости.

5 ...взялся бы за топорище и топор — то есть стал бы сватом. Выражение из «Шицзина» («Канона стихов»).

6 Цинь Хуань — знаменитый врач древности.

7 «Лес Кистей» («Ханьлинь») — «собрание достойнейших и просвещеннейших литераторов», стоящих во главе государственного делопроизводства и особенно историографии. Своеобразная старая китайская академия наук.

8 Циньский фаньтай — финансовый комиссар от центрального правительства в какой-либо провинции, один из олигархов с весьма большой властью, правивших громадной территорией.

9 «Переход через жертвенные кубки» — превышение своей компетенции. Образ идет из притчей философа Чжуан-цзы (IV в. до н. э.), где читаем: «Хотя бы повар и не наладил к жертвоприношению своей кухни, однако тот, кто изображает и представляет покойника, не пойдет через все сосуды и блюда, чтобы сделать это вместо него», то есть каждый из них должен знать свое дело.

10 Дворцовый министр — губернатор, который называется так в литературном языке, потому что по своему значению и происхождению этот чин соответствовал древнему придворному цензору, блюстителю государственных интересов.

11 ...пользовался «взглядом темных зрачков» взбунтовавшегося ...князя — то есть взглядом прямо устремленных зрачков симпатизирующего человека, в противоположность «белым глазам» — глазам, не желающим глядеть на неприличного и недостойного человека, и потому повертывающим к нему белки, а не «темные зрачки».

12 ...поклясться мне Рекой и Горой — то есть так, как клялись в торжественных случаях в древности, а именно: «Пока Желтая река не станет с пояс, пока гора Тай не источится...» и т. п.

13 Не дайте осеннему ветру... — намек на знаменитое стихотворе-

ние поэтессы I в. до н. э. Бань Цзеюй «Осенний ветер»:

Только что сделанный из циского
чистого шелка,
Он бел, он чист, словно иней
иль снег.

Выкроен в виде веера слитной
радости:
Круглого-круглого, словно
светлая луна.

Он то выйдет, то уйдет к груди
иль в рукав государя,
Веет и машет... Нежный ветерок
появляется.

Всегда боюсь, что с приходом
осенней поры
Холодные бури унесут яркую
жару...

Бросит его он, кинет в сундук
иль в корзину:
Благодатное чувство прорвется
в своем пути.

В этом стихотворении изображается боязнь фаворитки утерять расположение государя с приближением ее к возрасту, более напоминающему осень, чем жаркое лето.

14 ...«он оба раза не спросил...» — женщина говорит здесь словами книги «Цзочжуань», приложенной к летописи Конфуция. Там рассказывается о двух героях, которых их возничий не спросил, как поступить ни перед боем, ни во время боя, а поступил по-своему. Здесь мать намекает, очевидно, на двоякую деятельность ее сына около Хэ.

15 ...танец Небесного Мо — то есть дьявола, владыки шестого буддийского чувственного неба, младшего брата всех будд и злейшего их врага. Он старается всеми силами вредить буддийскому учению и буддийской вере. Он действует на человека через чувства, омрачая его мысли, искушает и обольщает подвижников, принимая разные виды, например прелестных женщин, даже отца и матери. «Мо» — китайское сокращение из Моло (санскритского Мара). Танец Мо зародился, по-видимому, ранее VIII в., ибо у знаменитого поэта того времени Ван Цзяня в его «Ста дворцовых песнях» эта тема уже встречается. Но окончательное его развитие относится к концу владычества в Китае монголов, больших покровителей буддизма. Последний император монгольской династии Юань был неумеренно пристрастен к «благам цивилизации», особенно отрицательного направления. Пируя дни и ночи, он выбрал шестнадцать наиболее красивых наложниц из своего гарема, нарядил их в наилучшие украшения, придав им вид святых бодхисатв, искушающих подвижника всеми своими прелестями. Таким образом, это своего рода танец сатанинского наваждения (христианские миссионеры отождествляли Мару с сатаной, дьяволом-искусителем).

16 ...приписать его сюда же. — Идущее дальше «сужденьице» написано самым богатым литературным стилем. Однако иногда то, что может быть легко изложено на китайском, неслышимом для уха языке, никоим образом не может быть переведено на русскую, всегда слышимую речь.

Перевод и примечания В. М. Алексеева.

中國民情

93. «Игра на флейте».

ПУ СУНЛИН
ХЭННЯН
О ЧАРАХ ЛЮБВИ

Хун Дае жил в столице. Его жена из рода Чжу обладала чрезвычайно красивой наружностью. Оба они друг друга любили, друг другу были милы. Затем Хун взял себе прислугу Баодай и сделал ее наложницей. Она внешностью своей далеко уступала Чжу, но Хун привязался к ней. Чжу не могла оставаться к этому равнодушной, и друг

от друга отвернули супруги глаза. А Хун, хотя и не решался открыто спать ночью у наложницы, тем не менее еще больше привязался к Баодай, охладев к Чжу.

Потом Хун переехал и стал соседом с торговцем шелками, неким Ди. Жена Ди, по имени Хэннян, первая, проходя через двор, посетила Чжу. Ей было за тридцать, и с виду она только-только была из средних, но обладала легкой и милой речью и понравилась Чжу. Та на следующий же день отдала ей визит. Видит — в ее доме тоже имеется, так сказать, «маленькая женочка», лет этак на двадцать с небольшим, хорошенькая, миловидная. Чуть не полгода жили соседями, а не слышно было у них ни словечка брани или ссоры. При этом Ди уважал и любил только Хэннян, а, так сказать, «подсобная спальня» была пустою должностью, и только.

Однажды Чжу, увидев Хэннян, спросила ее об этом:

— Раньше я говорила себе, что каждый «мил человек» [1] любит наложницу за то именно, что она наложница, и всякий раз при таких мыслях мне хотелось изменить свое имя жены, назвавшись наложницей. Теперь я поняла, что это не так... Какой, скажите, сударыня, вот у вас секрет? Если бы вы могли мне его вручить, то я готова, как говорится, «стать к северу лицом и сделаться ученицей» [2].

— Эх ты! — смеялась Хэннян.— Ты ведь сама небрежничаешь, а еще винишь мужа! С утра до вечера бесконечной нитью прожужжать ему уши — да ведь это же значит «в чащи гнать пичужек» [3]. Их разлука усиливает их чрезвычайно. Слетятся они и еще более предадутся своему вовсю... Пусть муж сам к тебе придет, а ты не впускай его. Пройдет так месяц, я снова тебе что-нибудь посоветую.

Чжу послушалась ее слов и принялась все более и более наряжать Баодай, веля ей спать с мужем. Пил ли, ел ли Хун, хоть раз она непременно посылала Баодай быть вместе с ним.

Однажды Хун как-то кружным путем завернул и к Чжу, но та воспротивилась, и даже особенно энергично. Теперь все стали хвалить ее за честную выдержку.

Так прошло больше месяца. Чжу пошла повидаться с Хэннян. Та пришла в восторг.

— Ты свое получила,— сказала она.— Теперь ты ступай домой, испорти свою прическу, не одевайся в нарядные платья, не румянься и не помадься. Замажь лицо грязью, надень рваные туфли, смешайся с прислугой и готовь с нею вместе. Через месяц можешь снова приходить.

Чжу последовала ее совету. Оделась в рваные и заплатанные платья, нарочно не желая быть чистой и светлой, и, кроме пряжи и шитья, ни о чем другом не заботилась. Хун пожалел ее и послал Баодай разделить с ней ее труды, но Чжу не приняла ее и даже, накричав, выгнала вон.

Так прошел месяц. Она опять пошла повидать Хэннян.

— Ну, деточка, тебя, как говорят, действительно можно учить! [4] Теперь вот что: через день у нас праздник первого дня Сы [5]. Я хочу пригласить тебя побродить по весеннему саду. Ты снимешь все рваные платья и разом, словно высокая скала, восстанешь во всем

новом: в халате, шароварах, чулках и туфлях. Зайди за мной пораньше, смотри!

— Хорошо,— сказала Чжу.

День настал. Она взяла зеркало, тонко и ровно наложила свинцовые и сурьмовые пласты, во всем решительно поступая, как велела Хэннян. Окончив свой туалет, она пришла к Хэннян. Та выразила ей свое удовольствие.

— Так, хорошо,— сказала она, и при этом подтянула ей «фениксову прическу»[6], которая стала теперь блестеть так, что могла как зеркало отражать фигуры.

Рукава у ее верхней накидки были сделаны не по моде. Хэннян распорола и переделала. Затем, по ее мнению, фасон у башмаков был груб. Она в замену их достала из сундука заготовки, и они тут же их доделали. Кончив работу, она велела Чжу переобуться.

Перед тем, как проститься с ней, она напоила ее вином и наставительно сказала:

— Когда вернешься домой и заприметишь мужа, то пораньше запрись у себя и ложись. Он придет, будет стучать в дверь — не слушайся. Три раза он крикнет, можешь один раз его принять. Рот его будет искать твоего языка, руки будут требовать твоих ног, на все это скупись. Через полмесяца снова придешь ко мне.

Чжу пришла домой и в ослепительном своем наряде явилась к мужу. Хун сверху донизу оглядывал ее; вытаращил глаза и стал радостно ей улыбаться, совсем не так, как в обычное время.

Поговорив немного о прогулке, она облокотилась, подперла голову рукой и сделала вид, что ей лень. Солнце еще не садилось, а она уже встала и пошла к себе, закрыла двери и легла спать.

Не прошло и нескольких минут, как Хун и в самом деле пришел и постучал. Чжу лежала прочно и не вставала. Хун наконец ушел. На второй вечер повторилось то же самое. Утром Хун стал ее бранить.

— Я привыкла, видишь ли ты, спать одна... Мне непереносимо тяжело будет опять беспокоиться.

Как только солнце пошло к западу, Хун уже вошел в спальню жены, уселся и стал караулить. Погасив свечу, влез на кровать и стал любезничать, словно с новобрачной. Свился, сплелся с ней в самой сильной радости и, сверх того, назначил ей свидание на следующую ночь. Чжу сказала: «Нельзя»,— и положила с мужем для обычных свиданий срок в три дня.

Через полмесяца с небольшим она опять навестила Хэннян. Та закрыла двери и стала говорить.

— Ну, с этих пор можешь уже распоряжаться своей спальней одна и как угодно. Однако вот что я тебе скажу. Ты хоть и красива, но не кокетка. С твоей-то красотой можно у Западной Ши[7] отбить покровителя, а не только у подлой какой-нибудь!

Теперь она в виде экзамена заставила Чжу взглянуть вбок.

— Не так,— заметила она.— Недостаток у тебя в том, что ты выворачиваешь глаза.

Стала экзаменовать ее, веля улыбнуться, и опять сказала:

— Не так! У тебя плохо с левой щекой!

С этими словами она с осенней волной глаз послала нежность,

а затем вдруг раскрыла рот, и тыквенные семена[8] еле-еле обозначились.

Велела Чжу перенять. Та сделала это несколько десятков раз и наконец как будто что-то себе усвоила.

— Ну, теперь ты иди,— сказала Хэннян.— Возьми дома в руки зеркало и упражняйся. Секретов больше у меня не осталось. Что касается до того, как быть на постели, то действуй сообразно обстоятельствам, применяясь к тому, что понравится... Это не из тех статей, которые можно передать на словах!

Чжу, придя домой, во всем стала действовать так, как учила Хэннян. Хун сильно влюбился, волнуясь и телом, и душой, только и думая, как бы не получить отказа. Солнце еще только склонялось к вечеру, как он уже сидел у нее, любезничал и улыбался. Так и не отходил от двери спальни ни на шаг. И так день за днем, это превратилось у него в обыкновение. Она, в заключение всего, так и не могла вытолкать его и прогнать.

Чжу стала еще лучше обходиться с Баодай. Каждый раз, устраивая в спальне обед, она сейчас же звала ее присаживаться вместе. А Хун смотрел на Баодай все более и более как на урода. Обед не закончился, а он ее уже выпроваживал.

Чжу обманным для мужа образом забиралась в комнату Баодай и запирала дверь на засов. Хуну всю ночь негде было, так сказать, себя увлажнить.

С этих пор Баодай возненавидела Хуна и при встрече с людьми сейчас же начинала жаловаться на него и поносить. Хуну же она становилась все более и более противна и выводила его из себя. Мало-помалу он стал доходить в обращении с ней до плетей и розог. Баодай разозлилась, перестала заниматься собой и нарядами, ходила в рваном платье и грязных туфлях; голова у нее была вроде клочьев травы, так что уже нечего было считаться с ней как с человеком.

Хэннян однажды говорит Чжу:

— Ну-с, как тебе кажется мой секрет?

— Основная правда,— отвечала Чжу,— конечно, в высшей степени очаровательна. Однако ученица могла идти по ней, а в конце концов так и не познать ее. Вот, например, что значило, как вы говорили, «дать им полную волю»?

— А разве ты не слыхала, что человеческому чувству свойственно тяготиться старым и восторгаться новым, уважать то, что трудно дается, и не ценить того, что легко? Муж любит наложницу, это не обязательно значит, что она красива. Нет, это значит, что ему сладки внезапные захваты и манят счастьем трудно дающиеся встречи. Дай ему вволю насытиться, и тогда жемчужины, скажем, и деликатесы — и те надоедят; что же говорить о похлебке из лопуха?

— А что значило: сначала замараться, а потом блистать?

— Ты отстала и не была на глазах; ему казалось, что наступила долгая разлука. Потом вдруг он увидел тебя в пышной красоте — и это было для него то же, как если б ты только что появилась. Смотри, например, как бедный человек, который вдруг получил рис и мясо, вдруг начинает смотреть на грубую

крупу как на безвкусицу. Притом же ему не легко давалось — и вышло, что она-де нечто старое — а я новость; она дается легко — а со мною трудновато. Это ведь и был твой способ поменять место жены на наложницу!

Чжу это очень понравилось, и обе стали задушевными подругами на своих женских половинах.

Прошло несколько лет. Вдруг она говорит Чжу:

— Мы обе с тобой чувством своим словно одна. Я, конечно, должна была не скрывать от тебя своей жизни и давно уже хотела тебе ее рассказать, но боялась, что ты потеряешь ко мне доверие. Теперь же, перед своим уходом и на прощание, я решусь сказать тебе все по совести. Я, видишь ли, лисица. В молодости своей мне пришлось пострадать от мачехи, которая продала меня в столицу. Муж мой, однако, обращался со мной великодушно и хорошо, так что я не решалась сейчас же с ним порвать, и вот в полной любви дожила до сего дня. Завтра мой старик отец начнет отделяться от своего трупа[9], и я пойду его повидать, и больше сюда уже не вернусь.

Чжу схватила ее за руки и принялась горько вздыхать. Рано утром она отправилась повидать ее, но весь дом был в крайней тревоге и в смятении: Хэннян исчезла.

Автор этих странных историй сказал бы следующее:

Купивший жемчуг не ценил жемчуг, а ценил коробку[10].

Чувства к новому и старому, к трудному и легкому таковы, что тысячелетия не могли разрушить эти заблуждения. Но именно среди них-то и удается проводить средства, как превратить ненависть в любовь.

Древний подлый министр, льстиво служа царю, не допускал его до людей, не давал ему взглянуть в книги[11].

Отсюда мне ясно, что для того, чтобы куда-нибудь втиснуться и укрепить там свой фавор, имеются способы особых традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ...«мил-человек» — обычное название супруга.

2 ...«стать к северу лицом и сделаться ученицею».— Государь сидел, по ритуалу древнего Китая, лицом на юг, а придворные стояли к нему лицом, то есть на север. Точно то же, из крайнего уважения к учителю, столь характерного для Китая, делали в отношении его и ученики.

3 ...«в чащи гнать пичужек».— В книге «Мэн-цзы» находим: «В глубину вод кто гонит рыбу? — Выдра. В чащи кто гонит пичужек? — Коршун. К Тану и У (доблестным завоевателям) кто гнал народ? — Цзе и Чжоу (разбойники-цари)».

4 ...Можно учить.— Слова древнего старца из «Исторических записок» Сыма Цяня, который, испытав терпение одного молодого человека, будущей знаменитости, обещал научить его высшей мудрости и действительно научил.

5 ...праздник первого дня Сы.— Первый день под циклическим знаком сы в третьей луне. В этот день древний обычай велел от-

правляться на реку и с орхидеей в руках мыться, отгоняя все нечистое, накопившееся за зиму. Конфуций этот обычай весьма одобрял. Впоследствии стали пользоваться этим днем для больших собраний ученых стихотворцев, которые тут же, на берегу реки, слагали стихи, присуждали премии отличившимся и штрафовали вином плохих собратьев. Частый мотив в китайской поэзии.

6 ...подтянула ей «фениксову прическу».— Феникс и его самка — самые любимые в Китае символы супружеского счастья. Женские головные украшения, особенно брачная шапка, изображают летящего феникса. Так было сначала принято для цариц и придворных дам, а потом мода, конечно, распространилась и на весь женский Китай. «Фениксова прическа» не только формой своей, но и шпильками, заколками и т. д. напоминает голову феникса.

7 ...у Западной Ши.— Западная (по месту жительства ее родных) Ши (Сиши) — знаменитая красавица древности. Пораженный ее красотой и особенно ее совершенно необыкновенным и мастерским кокетством, южный князь постарался воспитать в ней это умение до чрезвычайных размеров и затем... подослал к своему сопернику, которому она до того вскружила голову, что коварному князю ничего уже не стоило его разбить и захватить его владения.

8 ...тыквенные семена.— То есть белые зубы. Образ, известный еще в древней, классической поэзии Китая.

9 ...старик отец начнет отделяться от своего трупа.— То есть после смерти его труп начнет исчезать, как полагается бессмертному, перешедшему в это состояние после внешней смерти.

10 Купивший жемчуг не ценил жемчуг, а ценил коробку.— Одна из притчей мыслителя III в. до н. э. Хань Фэй-цзы говорит, что некто продал другому человеку жемчуг, для которого он сделал коробку из мимозы, надушил ее пахучим перцем, обвил ее розами и перевязал изумрудным листом. Покупатель взял коробку, а жемчуг возвратил продавцу.

11 ...не давал ему взглянуть в книги.— Евнух Чоу Шилян, служивший в IX в. танскому государю У-цзуну, учил сотоварищей: «Смотрите будьте осторожны: не давайте царю читать книги и приближаться к ученым-книжникам, а то, как только он увидит, в чем было процветание и где была гибель царств и династий, он ощутит в сердце тревогу — и нас всех казнит».

Перевод и примечания В. М. Алексеева.

94. Забавы варвара.

ПУ СУНЛИН

ЦЯОНЯН И ЕЕ ЛЮБОВНИК

В Гуандуне жил потомок чиновной знати, некий Фу. Когда ему перевалило за шестьдесят, у него родился сын, названный им Лянь. Мальчик был чрезвычайно толковый, но кастрат от природы, и в семнадцать лет у него в тайном месте было еле-еле — с тутовый червяк. Об этом по слухам знали не только поблизости, но и дальние жители, и никто не хотел выдавать за него дочь. Старик уже решил, что ему

судьба остаться без продолжения рода, тужил, горевал дни и ночи... Однако положение было безвыходное.

Лянь занимался с учителем. Случайно учитель куда-то ушел, а в это время у ворот их дома остановился фокусник с обезьянкой. Лянь загляделся на него и забыл про свои науки. Потом, спохватившись, что учитель сейчас придет, весь в страхе бросился бежать.

На расстоянии нескольких ли от дома он увидел какую-то барышню, одетую в белое платье; вместе с маленькой служанкой появилась она откуда-то перед его глазами. Она разок оглянулась — дьявольская, ни с чем не сравнимая красота! Лотосовые шажки[1] ковыляли вяло, и Лянь ее обогнал. Девушка обернулась к прислуге и сказала:

— Попробуй спросить у этого молодого человека, не собирается ли он идти в Цюн.

Служанка, и в самом деле окликнув Ляня, спросила. Лянь поинтересовался узнать, зачем это было нужно.

— Если вы направляетесь в Цюн,— ответила девушка,— то у меня есть, как говорится, в фут длиною письмо, которое я попросила бы вас по дороге передать в мое село. У меня дома старуха мать, которая, между прочим, может быть для вас, как говорят в таких случаях, «хозяйкой восточных путей»[2].

Убежав из дому, Лянь, собственно говоря, никакого определенного направления не брал. Теперь он решил, что может пуститься хоть в море[3], и обещал. Девушка достала письмо, передала его служанке[4], а та — студенту. Лянь осведомился, как имя и фамилия адресатки и где она живет. Ему было сказано, что ее фамилия — Хуа и что живет она в деревне Циньской Девы, в трех-четырех ли от северных городских окраин. Студент сел в лодку и поехал. Когда он прибыл к северным предместьям Цюнчжоу, солнце уже померкло. Наступал вечер. Кого он ни спрашивал, о деревне Циньской Девы решительно никто не знал. Пошел на север, отошел от города ли на четыре-пять. Уже ярко сияли звезды и луна. От цветущих трав рябило в глазах. Было пусто... ни одной гостиницы. В сильном замешательстве, увидев, что у дороги стоит чья-то могила, он решился как-нибудь у нее примоститься. Однако, сильно боясь тигра и волка, полез, как обезьяна, вверх на дерево и там прикорнул.

Слышит, как ветер так и гудит, так и воет в соснах. Ночные жуки жалобно стонут... И сердце юноши захолодело пустотой, а раскаяние жгло огнем.

Вдруг внизу раздались человеческие голоса. Лянь нагнулся, посмотрел. Видит: самые настоящие хоромы; какая-то красавица сидит на камне, а две служанки держат по расписной свече и расположились одна направо, другая налево от нее.

Красавица взглянула влево и сказала:

— Сегодняшней ночью так бела луна, так редки звезды. Заварика чашечку круглого чая[5] — того, что подарила нам тетушка Хуа... Насладимся, право, этой чудесной ночью!

Студенту пришло в голову, что это бесовские оборотни, и по всему его телу волосы стали торчком, словно лес. Сидел, не смея дохнуть.

Вдруг служанка поглядела вверх и сказала:

— На дереве сидит человек!

Девушка вскочила в испуге.

— Откуда это взялся такой смельчак,— сказала она,— что берется из-за угла подсматривать за людьми?

Студент страшно испугался. Укрыться было уже некуда, и он, кружась по дереву, спустился вниз. Упал на землю и умолял простить его. Девушка подошла к нему, всмотрелась и, вместо того чтобы разгневаться, выразила удовольствие. Взяла и потащила его сесть с ней вместе.

95. Блаженная ноша.

Студент взглянул на нее. Ей было лет семнадцать-восемнадцать. Красота и манеры были прямо на редкость. Вслушался в ее речь — не просто говор.

— Вы куда, молодой человек, путь держите? — спросила она.

— Я, видите ли,— отвечал Лянь,— исполняю кой для кого роль почтаря!

— В пустынных местах часто встречаются страшные незнакомцы,— сказала девушка.— Спать на открытом месте опасно. Если не отнесетесь с пренебрежением к грубому нашему шалашу, то я желала бы, чтобы вы у нас остановили, так сказать, колесницу[6].

И с этими словами пригласила студента войти в помещение. Там была всего-навсего только одна кровать, но она велела прислуге застлать ее двумя одеялами. Студент, стыдясь своей телесной мер-

зости, выразил желание улечься на полу. Девушка засмеялась.

— Я познакомилась,—сказала она,—с таким прекрасным гостем. Смеет ли женщина Юаньлун[7] лечь гордо и выше его?

Студенту не было иного выхода, и он лег с ней на одну кровать. Однако, дрожа от страха, не посмел вытянуться.

Не прошло и небольшого времени, как девушка незаметно залезла к нему под одеяло своей тоненькой ручкой и стала легонько щупать у него ноги и колена. Студент притворился спящим и сделал вид, что ничего не чувствует и не понимает.

Вскоре она открыла одеяло и влезла к нему. Давай его расталкивать, но он решительно не шевелился. Тогда она стала нащупывать тайное место—и вдруг остановила руку, приуныла, с грустным-грустным видом ушла из-под одеяла, и студент сейчас же услыхал ее сдержанный плач. Весь в волнении стыда, не зная, куда деться, со злобой и досадой роптал он на Небесного Владыку[8] за его проруху... Но больше ничего предпринять не мог.

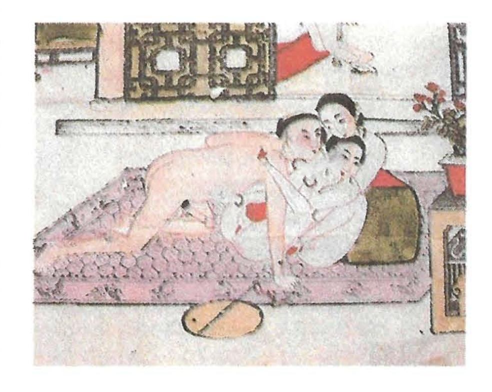
Девушка крикнула служанке, чтобы та зажгла свечу. Та, заметив следы слез, удивленно спросила, в чем неприятность. Девушка помотала головой и сказала:

— Я сама оплакиваю свою же судьбу.

Служанка стала у кровати и пристально всматривалась в ее лицо.

— Разбуди его,—сказала она,— и выпроводи!

Услыша такие слова, студент почувствовал еще более жестокий прилив стыда... Кроме того, его брал страх очутиться среди ночи

96. Яростная атака на инь.

в темных, мутных пустырях, не зная больше, куда идти... Пока он все это соображал, вошла, распахнув двери, какая-то женщина.

— Пришла тетушка Хуа,— доложила служанка.

Студент исподтишка взглянул на нее. Ей было уже за пятьдесят, хотя живая рама красоты ее еще не покинула. Увидев, что девушка не спит, она обратилась к ней по этому поводу с вопросом. Не успела еще девушка ответить, как женщина, взглянув на кровать, увидела, что там кто-то лежит, и спросила, что за человек разделяет с ней ложе. Вместо девушки ответила служанка.

— Ночью здесь остановился спать один молодой человек!

Женщина улыбнулась.

— Не знала я,— сказала она,— что Цяонян с кем-то справляет свою узорную свечу[9].

Сказав это, заметила, что у девушки еще не высохли следы слез, и испуганно бросила ей:

— Ни на что не похоже тужить и плакать в вечер соединения чаш. Уж не грубо ли с тобой поступает женишок?

Девушка, не отвечая, стала еще грустнее. Женщина хотела уже коснуться одежды, чтобы посмотреть на студента. Едва она взялась за нее, чуть встряхнула, как на постель упало письмо. Женщина взяла, поглядела и, остолбенев от изумления, сказала:

— Что такое? Да ведь это же почерк моей дочери!

Распечатала письмо и принялась громко вздыхать. Цяонян спросила, в чем дело.

— Вот здесь известие от моей Третьей. Муж ее умер, и она осталась беспомощной сиротой... Ну, как тут теперь быть?

— Это верно,— сказала девушка,— что он говорил, будто кому-то несет письмо... Какое счастье, что я его не прогнала!

Женщина крикнула студенту, чтобы он встал, и стала подробно расспрашивать, откуда у него это письмо. Студент рассказал.

— Вы потрудились,— сказала она,— в такую даль нести это письмо... Чем, скажите, вас отблагодарить?

Затем пристально посмотрела на студента и спросила его с улыбкой, чем он обидел Цяонян. Студент сказал, что не может понять, в чем провинился. Тогда женщина принялась допрашивать дочурку. Та вздохнула.

— Мне жалко себя,— сказала она.— Живою я вышла за евнуха, мертвой — сбежала к скопцу!.. Вот где мое горе.

Женщина посмотрела на студента и промолвила:

— Такой умный мальчик... Что ж это ты: по всем признакам мужчина — и вдруг оказываешься бабой? Ну, ты мой гость! Нечего тут дольше поганить других людей!

И повела студента в восточный флигель. Там она засунула руку ему между ног, осмотрела и засмеялась.

— Неудивительно,— сказала она при этом,— что Цяонян роняет слезы. Впрочем, на твое счастье, есть все-таки корешок. Можно еще что-нибудь сделать!

Зажгла лампу. Перерыла все сундуки, пока не нашла какой-то черной пилюли. Дав ее студенту, велела сейчас же проглотить и ти-

хо посоветовала ему не шуметь. Затем ушла.

Студент, лежа один, стал размышлять, но никак не мог взять в толк, от какой болезни его лечат.

Проснулся он уже в пятой страже и сейчас же ощутил под пупом нить горячего пара, ударяющего прямо в тайное место. Затем что-то поползло, как червяк, и как будто между ляжек повисла какая-то вещь. Пощупал у себя — а он, оказывается, уже здоровенный мужчина! Сердце так и встрепенулось от радости... Словно сразу получил от государя все девять отличий [10].

Только что в рамах окна появились просветы, как вчерашняя женщина уже вошла и принесла студенту жареные хлебцы. Велела ему терпеливо отсидеться, а сама заперла его снаружи.

— Вот что,— сказала она, уходя, своей Цяонян,— молодой человек оказал нам услугу — принес письмо. Оставим его пока да позовем нашу Третью в качестве подруги сестры для него. Тем временем мы его снова запрем, чтобы отстранить от него надоедливых посетителей!

И вышла за дверь.

Студенту было скучно. Он кружил по комнате и время от времени подходил к дверной щели, словно птица, выглядывающая из клетки. Завидит Цяонян — и сейчас же захочется ее поманить, все рассказать... Но конфузился, заикался и останавливался. Так тянулось время до полуночи. Наконец вернулась женщина с девушкой, открыла дверь и сказала:

— Заморили скукой молодого господина! Третья! Можешь войти поклониться и попросить извинения!

Тогда та, которую он встретил на дороге, нерешительно вошла.

Обратясь к студенту, подобрала рукава и поклонилась. Женщина велела им называть друг друга старшим братом и сестрой.

Цяонян хохотала:

— Старшей и младшей сестрой... Тоже будет хорошо!

Все вместе вышли в гостиную, уселись в круг. Подали вино. За вином Цяонян в шутку спросила студента:

— Ну, а что скопец тоже волнуется при виде красавицы или нет?

— Хромой,— отвечал студент,— не забывает времени, когда ходил. Слепой не забывает времени, когда видел.

Все расхохотались. Цяонян, видя, что Третья утомлена, настаивала, чтобы ее оставили в покое и уложили спать. Женщина обратилась к Третьей, веля ей лечь со студентом. Но та была вне себя от стыда и не шла. Хуа сказала:

— Да ведь этот мужчина-то — мужчина, а на самом деле — покойник! Чего его бояться?

И заторопила их убираться, тихонько шепнув студенту:

— Ты за глаза действуй как мой зять. А в глаза — как сын. И будет ладно!

Студент ликовал. Схватил девушку за руки и залез с ней на кровать. Вещь, только что снятая с точильного камня да еще в первой работе... Известно, как она быстра и остра!..

Лежа с девушкой на подушке, Фу спросил ее: что за человек Цяонян?

— Она — мертвый дух. Талант ее, красота не знают себе равных.

Но судьба, ей данная, как-то захромала, рухнула. Она вышла замуж за молодого Мао, но тот от болезненного состояния стал, как кастрат, и когда ему было уже восемнадцать лет, он не мог быть, как все люди. И вот она в тоске, которую ничем нельзя было расправить, унесла свою досаду на тот свет.

Студент испугался и выразил подозрение, что Третья и сама тоже бес.

— Нет,— сказала она,— уж если говорить тебе правду, то я не бес, а лисица. Цяонян жила одна, без мужа, а я с матерью в то время осталась без крова, и мы сняли у нее помещение, где и приютились!

Студент был ошарашен.

— Не пугайся,— сказала дева.— Хотя мы, конечно, бес и лисица, мы — не из тех, которые комулибо вредят!

С этой поры они стали проводить вдвоем все дни, болтая и балагуря...

Хотя студент и знал, что Цяонян — не человек, однако влюбленный в ее красоту, он все досадовал, что нет случая ей себя, так сказать, преподнести.

У него был большой запас бойких слов. Он умел льстить и подлаживаться, чем снискал себе у Цяонян большие симпатии. И вот однажды, когда обе Хуа куда-то собрались и снова заперли студента в комнате, он в тоске и скуке принялся кружить по комнате и через двери кричать Цяонян. Та велела служанке попробовать ключ за ключом, и наконец ей удалось открыть дверь. Студент сказал, припав к ее уху, что просит оставить все лишь промеж них двоих. Цяонян отослала служанку. Студент схватил ее, потащил на кровать, где спал, и страстно устремился... Дева, смеясь, ухватила у него под животом:

— Как жаль! Такой ты милый мальчик, а вот в этом месте — увы! — не хватает!..

Не окончила она еще этих слов, как натолкнулась рукой на полный обхват.

— Как? — вскричала она в испуге.— Прежде ведь было такое малюсенькое, а теперь вдруг этакий канатище!

Студент засмеялся.

— Видишь ли,— сказал он,— в первый-то раз мы застыдились принять гостью — и съежились. А теперь, когда над нами глумились, на нас клеветали — нам невтерпеж: дай, думаем, изобразим, что называется, «жабий гнев» [11].

И свился с ней в наслаждении.

Затем она пришла в ярость...

— Ах, теперь я поняла,— говорила она,— почему они запирали дверь! Было время, когда и мать, и дочь шлялись тут без места... Я им дала помещение, приютила... Третья училась у меня вышивать... И я, знаешь, никогда ничего от них не скрывала и ничего для них не жалела... А они, видишь, вот какие ревнивые!

Студент стал ее уговаривать, успокаивать, рассказывать все как было. И все-таки Цяонян затаила злобу.

— Молчи об этом,— просил студент.— Тетушка Хуа велела мне строго хранить это в секрете.

Не успел он закончить свои слова, как тетка Хуа неожиданно вош-

ла к ним... Застигнутые врасплох, они быстро вскочили, а тетка, глядя на них сердито, спросила, кто отпер дверь.

Цяонян засмеялась, приняла вину на себя. Тетка Хуа еще пуще рассвирепела и принялась ругаться сплошным и путаным потоком оглушительной брани.

Цяонян с притворной и вызывающей усмешкой сказала:

— Слушай, бабушка, ты, знаешь, меня сильно насмешила! Ведь это, не правда ли, по твоим словам, хоть и мужчина, да все-таки покойник... Что он, мол, может поделать?

Третья, видя, что ее мать сцепилась с Цяонян насмерть, почувствовала себя плохо и принялась сама их усмирять. Наконец обе стороны побороли свой гнев и повеселели. Хотя Цяонян и говорила гневно и резко, однако с этой поры стала всячески служить и угождать Третьей. Тем не менее, тетка Хуа и днем, и ночью держала дочь взаперти, подальше от Цяонян, так что у нее с Фу Лянем не было возможности открыть друг другу свои чувства, которые оставались лишь в их бровях и глазах скрытыми, невыраженными.

Однажды тетка Хуа сказала студенту:

— Мои дети, государь мой,— и старшая, и младшая — уже имели счастье тебе услужить. Мне думается, что тебе сидеть здесь уже не расчет. Ты бы, знаешь, вернулся к себе домой и объявил отцу с матерью. Пусть они поскорее устроят вам вечный союз!

Собрала студента и заторопила в дорогу. Обе молодые женщины смотрели на него с грустными, скорбными лицами, особенно Цяонян, которая не могла выдержать, и слезы так и катились из ее глаз, словно жемчуга из порвавшейся нитки — без конца. Тетка Хуа остановила, отстранила ее и быстро вывела студента. Только что они вышли за ворота — глядь, а уже ни зданий, ни дворов! Видна лишь одна заросшая могила.

Тетка проводила студента до лодки.

— Вот что,— сказала она ему на прощание,— после твоего ухода я заберу обеих девочек и проеду в твой город, где сниму помещение. Если не забудешь старых друзей, то мы свидимся еще в заброшенном саду дома Ли!..

Студент прибыл домой. До этого времени Фу-отец искал-искал сына, но найти не мог. Тосковал и волновался опасениями до крайности. Увидев вернувшегося, был неожиданно обрадован. Студент рассказал все в общих чертах, причем упомянул, кстати, о своем уговоре с Хуа.

— Разве можно верить этой чертовщине? — говорил ему на это отец.— Знаешь, почему ты как-никак, а воротился живым? Только потому, что ты не мужчина, а калека. Иначе была бы смерть.

— Правда, что это необыкновенные создания,— возражал Лянь.— Тем не менее чувства у них напоминают те же, что у людей. Тем более что они такие сметливые, такие красивые... Женюсь на ней — так никто из земляков не будет смеяться!

Отец не стал разговаривать, а только фыркал.

Студент отошел от него... Его так и подзуживало. Он не желал

мириться со своей участью. Начал с того, что, как говорится, усвоил себе служанку. И мало-помалу дошел до того, что среди бела дня с ней блудил вовсю, прямо желая, чтобы это во всей резкости дошло до ушей старика и старухи.

Однажды их подсмотрела маленькая служанка, которая сейчас же побежала и доложила матери. Та не поверила. Подошла, подсмотрела и была ошеломлена тем, что видела. Позвала служанку, допросила ее и наконец узнала все. Страшно обрадовалась и стала разглашать всякому встречному направо и налево, заявляя, что сын их не бездейственный человек. Ею руководила мысль просватать сына за кого-нибудь из знатной семьи.

Однажды студент тихонько шепнул матери, что он ни на ком, кроме Хуа, не женится.

— Послушай,— сказала мать,— на этом свете нет недостатка в красивых женах. Зачем тебе вдруг непременно понадобилась бесовщина?

— Если бы не тетка Хуа,— возразил Лянь,— мне никак не удалось бы узнать, в чем жизнь человека. Повернуть ей спину — не принесет добра.

Старик Фу согласился. Послал слугу и старую прислугу искать Хуа. Вышли за город с восточного конца, прошли четыре-пять ли, стали искать сад семьи Ли. Смотрят — среди разрушенных стен и бамбуков вьется ниточками дым. Старуха слезла с телеги и прямо прошла в дверь. Оказывается, мать и дочь вытерли стол, все чисто вымыли и, видимо, кого-то ждали.

Старуха с поклоном передала волю своих господ. Затем, увидя Третью, была поражена и сказала:

— Это и будет супруга моего молодого господина? Я лишь взглянула на нее и то полюбила. Что же странного в том, что у молодого барина она в душе мыслится и во сне кружит?

Старуха спросила о сестрице. Хуа вздохнула:

— Это была моя приемная дочь. Три дня тому назад она внезапно скончалась, отошла от нас.

Вслед за этим стали угощать вином и обедом обоих прибывших: и старуху, и слугу.

Вернувшись домой, старуха доложила полностью свои впечатления от внешности и манер Третьей. Отец и мать Фу пришли в восторг. Под конец старуха передала также известие о Цюнянь. Студент пригорюнился и готов был заплакать.

В ночь встречи молодой у себя в доме он свиделся со старухой Хуа и сам спросил о Цюнянь.

Та засмеялась и сказала ему:

— Она уже переродилась на севере.

Студент долго стонал и вздыхал. Встретил свою Третью, но никак не мог забыть о своем чувстве к Цюнянь. Всех прибывших из Цюнчжоу он обязательно зазывал к себе и расспрашивал.

Как-то ему сообщили, что на могиле Циньской Девы слышат по ночам плач мертвого духа. Студент, пораженный такой странностью, пошел к Третьей и сказал ей. Она погрузилась в думу и долго молчала. Наконец заплакала и сказала:

— Я перед ней так виновата, так неблагодарна!

Студент стал спрашивать. Она улыбнулась.

— Когда мы с матерью пришли сюда, то не дали ей об этом знать. Уж не из-за этого ли теперь раздается плач обиды? Я уж давно собиралась тебе все рассказать, но боялась, знаешь, раскрыть материн грех.

Услышав такие слова, студент сначала затужил, а потом возликовал. Сейчас же велел заложить повозку и поехал. Ехал днем и ночью и во весь опор прискакал к могиле. Распластался перед дѐревом на могиле и крикнул:

— Цяонян, а, Цяонян! Я — ты знаешь, кто — здесь!

И вдруг показалась Цяонян со спеленутым младенцем на руках. Выйдя из могилы, она подняла голову и стала жалобно стонать и глядеть на него с бесконечной досадой. Студент тоже плакал.

Потом он коснулся ее груди и спросил:

— Чей это сын?

— Это твой оставленный мне грех! Ему уже три дня.

— Я, милая, по глупости своей поверил тогда словам Хуа и этим дал тебе закопать в землю свою обиду... Могу ли, скажи, отказаться от своей вины?

Посадив ее с собой в повозку, он по морю вернулся домой. Взял на руки сына и объявил матери. Та взглянула. Видит — огромный, красиво сложенный младенец, не похожий на бесовскую тварь, и была более довольна, чем прежде.

Обе женщины прекрасно между собой ладили и служили с должным почитанием свекрови.

Затем захворал старик Фу. Пригласили врача.

— С болезнью ничего нельзя поделать, — сказала Цяонян, — ибо душа уже покинула свое обиталище. Позаботьтесь лучше о погребальных делах.

Только что она закончила говорить, как Фу умер.

Мальчик рос удивительно похожим на своего отца и был даже еще более сметливый и способный. Четырнадцати лет он уже вошел в Полупруд [12].

Некто Цзэся из Гаою, будучи наездом в Гуане, слышал эту историю. Названия мест он забыл, да и чем все это кончилось тоже не знает.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лотосовые шажки. — Искалеченные модой женские ноги часто называются в изящной литературе «лотосовым цветком» — за их выгнутый подъем.

[2] ...хозяйкой восточных путей. — То есть хозяйкой по отношению к гостю. Издавна понятие востока связано в Китае с понятием хозяина, а запада — с понятием гостя. Самое ходячее слово для обозначения хозяина — это «человек востока». «Восток дома — хозяин дома». Наоборот: учитель, живущий в доме на положении гостя, — западный гость и т. д.

[3] ...пуститься хоть в море... — Конфуций сказал («Изречения»): «Мой путь не идет... Сяду на плот и пущусь в море...». Цитата применена здесь формально.

[4] ...передала его служанке... — Иной порядок при строгости тогдашней патриархальной тюремной китайской жизни был бы немыслим.

[5] Завари-ка чашечку круглого чая...— Сухие листья чая кладутся прямо в чашку, и там уже обвариваются крутым кипятком. Затем чашка накрывается другой чашкой, лишь несколько меньшего диаметра. Листья опускаются на дно, и зеленоватый отстой отхлебывается глоточками при отодвигании верхней чашечки. Круглый чай, или иначе чай «Дракона и феникса», считается самым лучшим по качеству. Ввиду его дороговизны и редкости с X в. лишь государи стали жаловать его своим придворным.

[6] ...у нас остановили... колесницу.— Речь условной вежливости особенно подчеркнута здесь выбором слов — намеком на одну из од древней книги «Шицзин»:

При звездах, да пораньше,
заложить колесницу,
Остановить ее в тутовом поле...

[7] Юаньлун (Чэнь Юаньлун).— Один из героев междоусобной войны, известной под именем «Троецарствия» (III в.). О нем так отзывался один из его сподвижников по ратному делу: «Юаньлун — муж озер и морей... Его не покидает необузданная храбрость. Я както свиделся с ним. У него нет деления на гостя и хозяина. Сам забрался на постель, а гостя заставил лечь у постели на полу».

[8] Небесный Владыка — бог, в одном из монотеистических проявлений китайской религиозной мысли.

[9] Узорная свеча.— Свечи в брачной комнате имеют особую форму, ярко раскрашены и густо позолочены. В стихотворении поэта VI в. читаем:

В глубоком алькове цветная
свеча блестит...
В танце обе ласточки легки...

[10] ...все девять отличий.— По древнему ритуалу, государь жаловал удельным князьям следующие девять регалий: лошадь и коляску, одежду, музыкальные инструменты, право выкрасить в красный цвет ворота, право выстроить парадное крыльцо, право иметь телохранителей, лук и стрелы, секиры для ношения при выходах, жертвенные сосуды.

[11] «Жабий гнев».— Существует древний рассказ: князь страны Юэ, выйдя из дворца, увидел сердитую жабу и простерся перед ней. Все недоумевали. «Вот ведь какая она сердитая! — сказал он.— Как не поклониться ей!». И все храбрецы вокруг тоже присоединились к князю.

[12] ...вошел в Полупруд.— То есть в училище конфуцианцев как прошедший на экзаменах успешный кандидат на первую ученолитераторскую степень.

Перевод и примечания В. М. Алексеева.

中國民情

97. Омовение.

ЛИ ЮЙ (1611—1679 гг.)

БАШНЯ ДЕСЯТИ СВАДЕБНЫХ КУБКОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ХМЕЛЬНОЙ НЕБОЖИТЕЛЬ ДЕЛАЕТ НАДПИСЬ,
ДАБЫ ПОКАЗАТЬ, ЧТО ОН НЕ ГЛУП;
ЛОВКИЙ МУЖ ОКОНЧАТЕЛЬНО УСТРАИВАЕТ
ЗАКЛЮЧЕННЫЙ С ТРУДНОСТЯМИ БРАЧНЫЙ СОЮЗ.

В одном стихотворении, написанном на мотив «Луна над Западной рекой», говорится:

Грустит одинокая, в горьких слезах
Глядит на свои украшенья.

Грустит одинокий, вздыхает в тоске,
Следя за неясной тенью.

Навряд ли верная Мэн Гуан
Лян Хуна[1] в горах повстречает,

Пока их грядущий брачный союз
Ничто еще не предвещает.

Лишь в долгой разлуке оценит муж
Супруги высокие свойства,

Утехи же лишние в нем породят
Досаду и беспокойство.

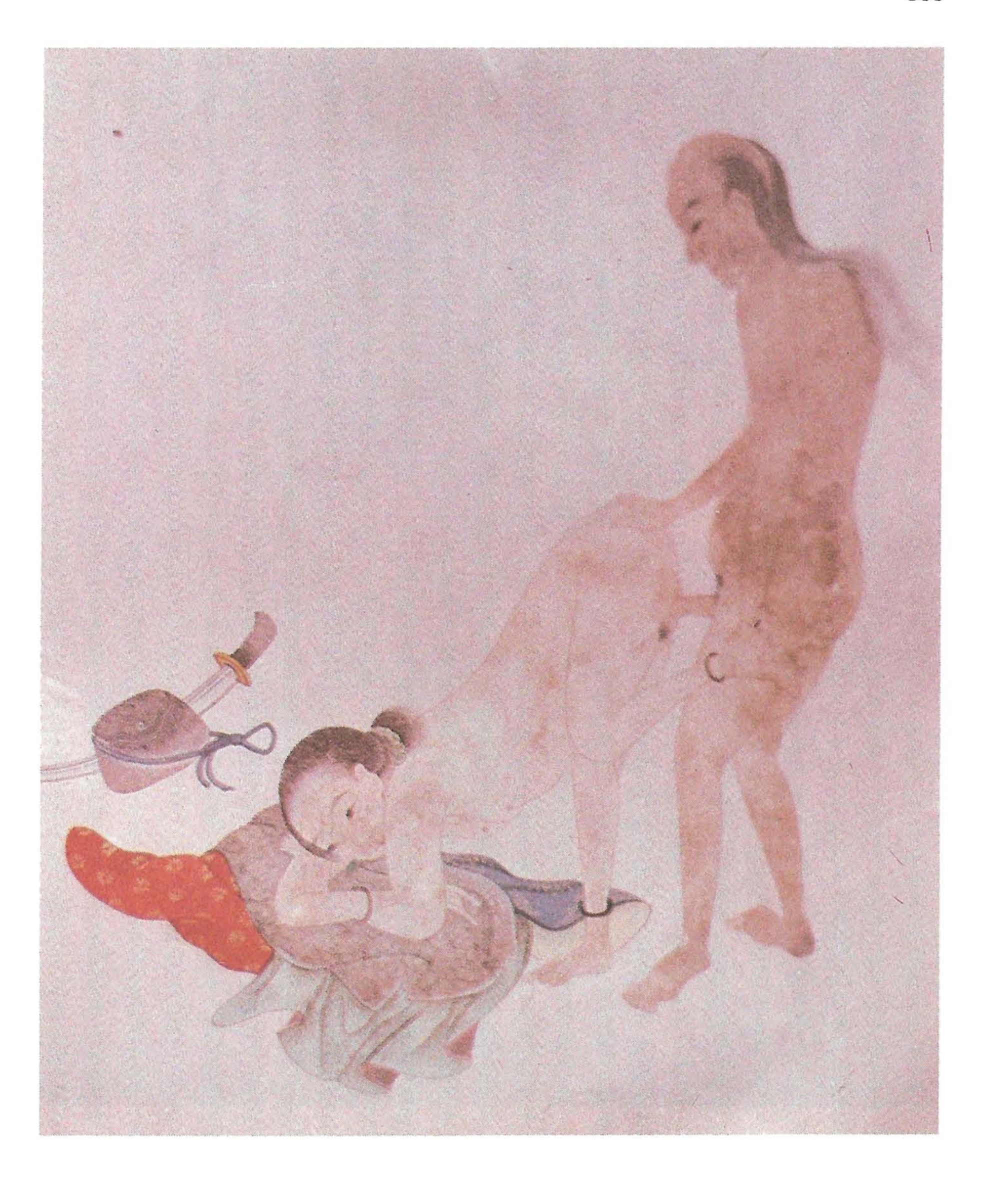
Если не брызнет живительный дождь —
Иссохшей землю оставит,

Разве крестьянин его благодать
Молитвой жаркой восславит?

В нашем мире человек обычно стремится сделать любое дело как можно быстрее, хотя торопиться не следует. С особым рвением желают поскорее добиться богатства и славы или устроить брачный союз, полагая сии события наиболее важными. Молодые люди считают, что родителям следует прежде разбогатеть, а потом уже производить на свет детей, должность они желают получить, еще не приступая к учению. Они торопятся устроить свой брак и непременно желают найти для себя самую красивую жену или самого умного мужа. Если вспыхнула в груди страсть, надобно соединиться немедленно, к чему ждать свадебную церемонию! Но поступать подобным образом не следует. В качестве примера здесь можно привести истории Тао Чжугуна[2] и Цзян Тайгуна[3]. Первый, как известно, разбогател, когда покинул свой служебный пост и поселился возле озера. Второй получил высокую должность у трона уже совсем седым и беззубым. А в молодые годы один из них отверг богатства, а второй — чиновную должность. Вы спросите: почему они так поступили? Потому, что в ту пору звезда богатства и служебной карьеры не сулила им счастья. Тот, что разбогател, тут же разорился бы. Получивший высокую долж-

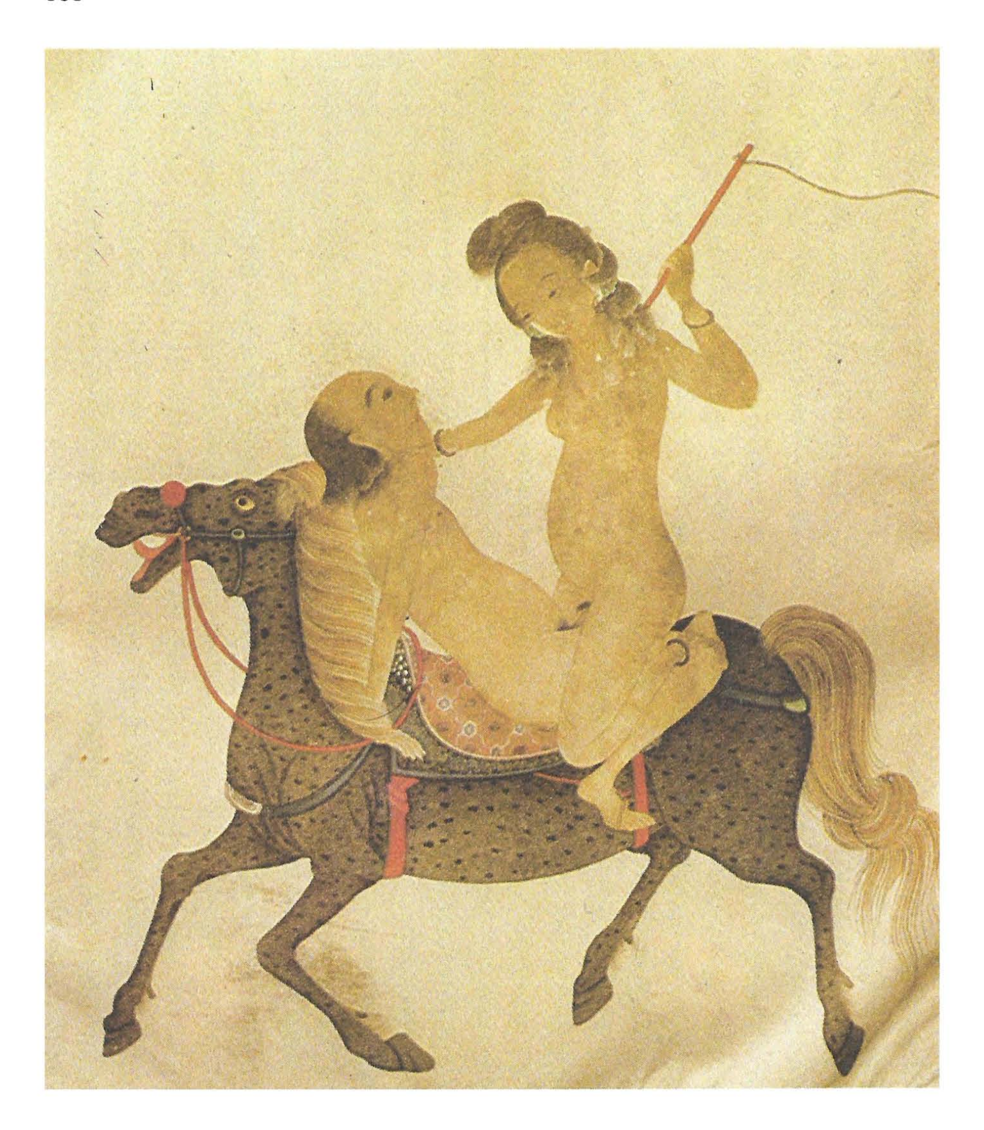

98—114. Северные варвары.

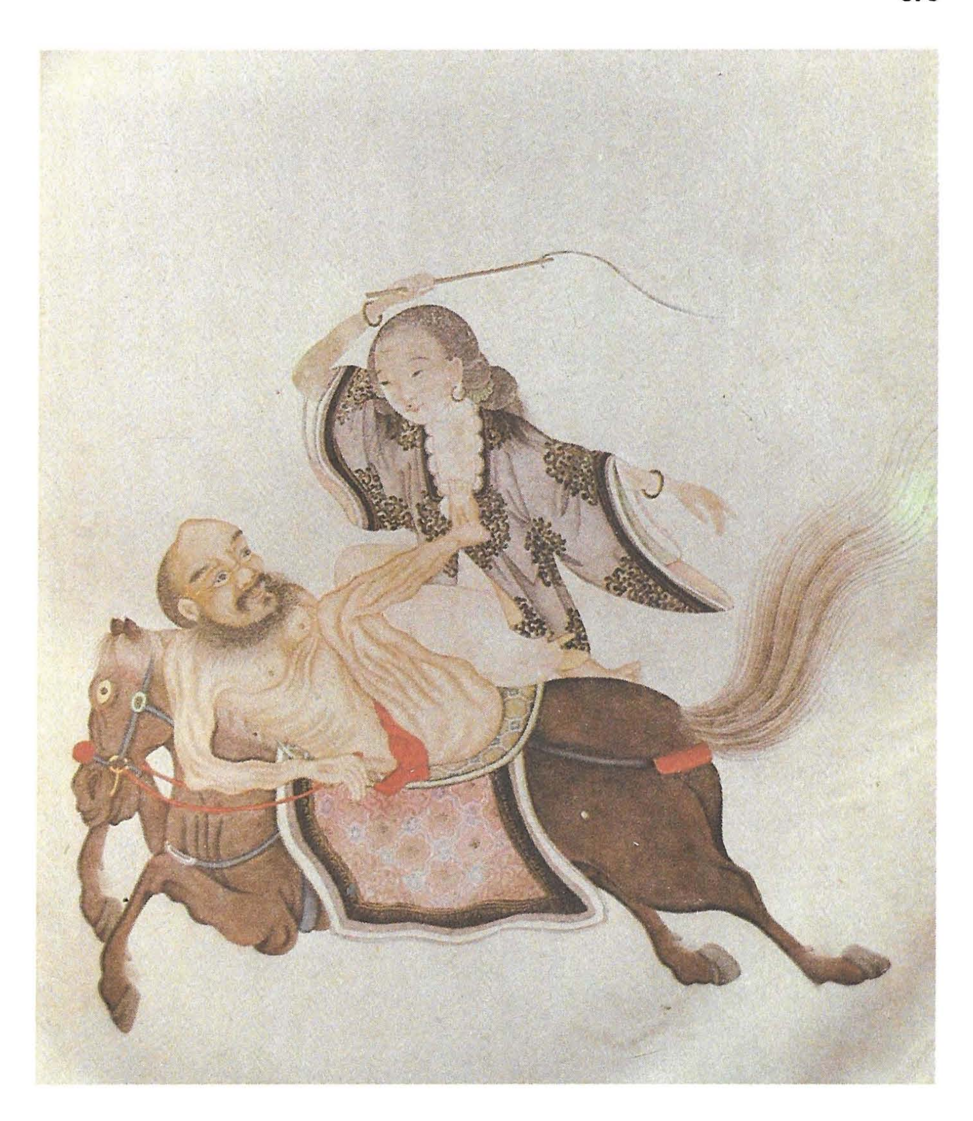

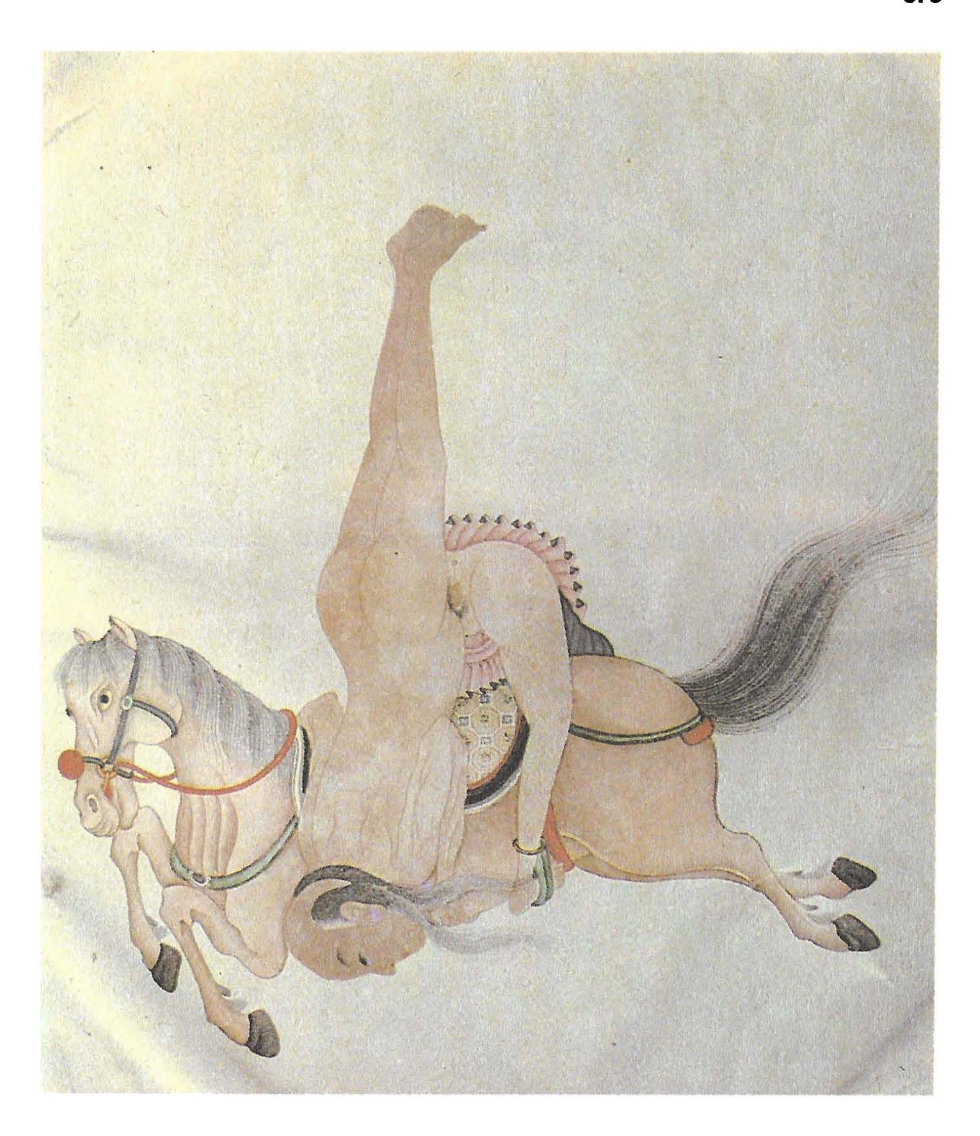

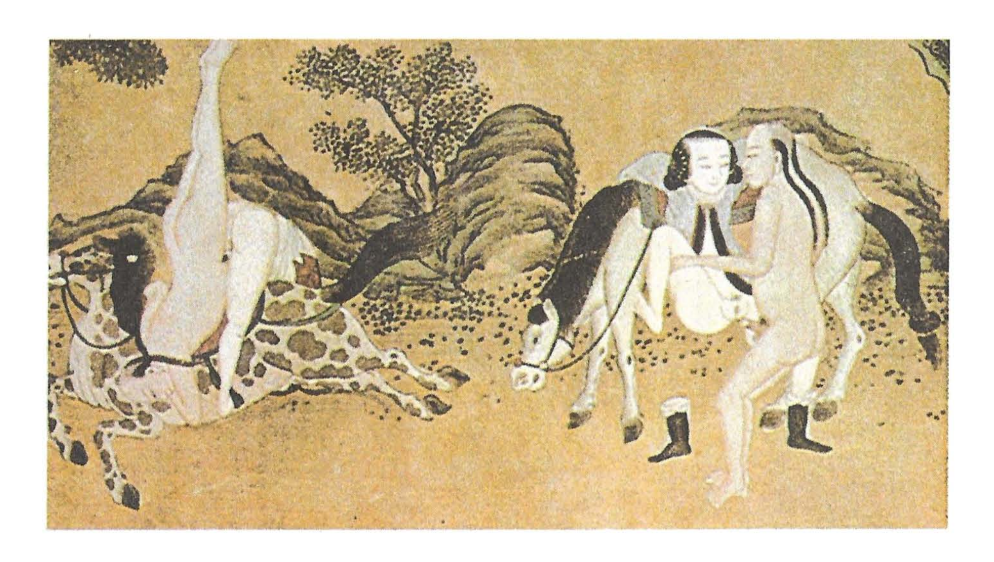

115. Япония. Харунобу. Собственно китайские эротические картинки с лошадьми нам неизвестны, однако связь коитуса со скачками во всех эротологических трактатах прослеживается весьма однозначно, ибо сам термин «иметь» (женщину) — «юй» есть иероглиф, основное значение которого — «управлять лошадью».
То есть по-китайски «иметь женщину» — это в буквальном смысле «оседлать женщину», «скакать на женщине» или «править женщиной на скаку».

ность, запутался бы в служебных делах. Словом, оба пошли бы на дно, будто связанные по рукам и ногам. Если человеку суждены богатство и слава, они непременно придут, какие бы преграды ни возникали. Большой пожар не потушишь, наводнение не остановишь.

Вам, конечно, известно, что Лян Хун был глуповатым и слабовольным, а его будущая жена Мэн Гуан — умной и волевой. Неудивительно поэтому, что не все у них шло гладко и они смогли соединиться лишь в преклонном возрасте, составив прекрасную пару, послужившую для многих поколений образцом супружеского согласия и великой любви. Недаром существует поговорка о супругах, подносивших друг другу пищу на уровне бровей. Да, именно так должен поступать истинно добродетельный человек, хотя в ожидании счастливого дня он вынужден подвергнуть свое сердце испытаниям. Зато сколь пышно расцветает его чувство, когда в один прекрасный момент исполняются его сокровенные желания! Увы! Как правило, мужчины и женщины стараются ускорить свой брак пораньше и попроще. Редко встретишь людей, которые приходят к обоюдному согласию исподволь, медленно и трудно. Но еще в древности существовало такое изречение: «Легко достижимое ценности не имеет». Воистину так! Эти слова можно отнести не только к устройству брачных дел.

Все вышесказанное было вступлением, а теперь перейдем к повествованию.

Во времена династии Мин, в годы Юнлэ — Вечной Радости, в уезде Юнцзя области Вэньчжоу в провинции Чжэцзян жил некий земледелец по фамилии Го, по прозванию Цзючи, что значит Винный Дурень — человек не ученый, надобно сказать, глуповатый. Напившись, он начинал хвастаться, что может вызвать бессмертных и те исполнят любую его просьбу, помогут решить любое дело. Но что самое удивительное, не умея толком держать кисть, он, захмелев, вдруг обретал поразительную способность к письму. Иероглифы, выходившие из-под его кисти, были красивее, чем в каллиграфических прописях. Вероятно, все это происходило от того, что вызывал он небожителей отнюдь не обычных, а лишь тех, имена которых встречаются в прописях Чуньхуа[4], словом, знаменитых покровителей каллиграфического искусства. Жители тамошних мест, если у них случалось затруднение, шли к Винному Дурню гадать и ставили ему несколько чайников доброго вина. Одни приходили, чтобы узнать, как избежать беды и суждено ли им счастье; другие завели себе книжицы — «грамоты бессмертных» — и в них записывали изречения небожителей; третьи хотели узнать имя знаменитого небожителя или получить изречение какого-нибудь праведного мужа, дабы как можно удачнее составить парную или одинарную надпись в связи с переездом или постройкой нового дома. Любопытно, что все написанное Винным Дурнем в точности совпадало с желаниями человека, его дальнейшей судьбой. К одному приходила радость, к другому — горе, счастье, беда. Поначалу все думали, что его предсказания — пьяная болтовня,

но по мере того, как они сбывались, все вокруг в один голос заговорили о его удивительном даре.

В те времена жил некий сюцай по фамилии Яо, по имени Цзянь, второе имя сюцая было Цзыгу. Еще совсем юным сумел он приблизиться к «пруду учености» и вскоре прославился своим недюжинным талантом. Отец юноши, чиновник уездной казны, был человек довольно богатый, а потому касательно сына строил далеко идущие планы. К примеру, он желал, чтобы отпрыск его женился только на девице из знатной семьи да еще на красавице. И вот, когда юноше исполнилось восемнадцать, он был помолвлен с девицей из семьи Ту, самой красивой во всем Вэньчжоу. После обмена положенными дарами семья Яо начала строить дом-башню для молодоженов из трех ярусов. Когда башня была готова, хозяин решил украсить вход большой вывеской. По этому случаю в доме устроили застолье и пригласили Винного Дурня. Пускай, мол, попросит духов придумать счастливую надпись и напишет ее как можно красивее.

Едва появившись на пороге, Винный Дурень потребовал большую чару вина. Без вина, мол, и пальцем не шевельну.

— Велите слугам принести мне выпить да поживей! Дух может появиться с минуты на минуту! — заявил он.

Хозяева решили, что божество уже вошло в человека и сейчас требует «увлажнения кисти». Отец и сын поднесли гостю вина. Осушив несколько десятков чарок, Го захмелел и без лишних разговоров принялся писать, орудуя кистью, как метелкой для удаления пыли. На доске появились три крупных иероглифа: «Башня Десяти кубков», а рядом шесть помельче: «Праведный муж Девяти дней писал хмельной».

За столом сидели несколько человек, с которыми молодой Яо вместе учился. Они сразу же догадались, что «девять дней» — «сюй» [5] — входит в имя небожителя Чжан Сюя [6], который нынче, вероятно, почтил их своим присутствием. Кто-то из гостей заметил:

— Вместо слова «кубок» здесь более уместно «пейзаж». С верхнего яруса этого просторного здания открываются дивные виды. Потому башню следовало бы назвать «Башня Десяти пейзажей». Кубки здесь совершенно не к месту.

— А может быть, «десять» появилось по ошибке, вместо ходкого выражения «соединенные кубки»? — бросил кто-то из гостей.— Известно, когда человек во хмелю, он часто совершает промахи. И тут небожители ничем не отличаются от простых смертных. Они тоже любят пропустить лишнюю чарку. Именно так, наверное, случилось сейчас. Дух, по всей видимости, не смог отказать настойчивому хозяину, и вот результат — перепутал иероглифы! Впрочем, почему бы нам не спросить об этом у самого духа?

Отец и сын, склонившись в низком поклоне, обратились к духу с почтительной просьбой:

— Слова «десять кубков» както не вяжутся со смыслом происходящего. Может быть, случилась ошибка? О, великий дух, найди ее, исправь!

Винный Дурень поднял кисть, и на бумаге появилось четыре стихотворных строки:

Десять кубков — вовсе не
ошибка,
Нечего таить в душе сомненье.

Ждать недолго — скоро ясным
станет
Вам хмельного духа откровенье.

— В стихе таится глубокий смысл, который не под силу разгадать простому смертному,— промолвил кто-то.

— Поздравляем! Поздравляем! — послышались возгласы, сопровождавшиеся низкими поклонами в сторону Яо и его отца.— Видимо, молодому господину, кроме главной супруги, положено иметь еще девять наложниц. Поэтому он должен десять раз поднять брачную чару. Вот почему появилось такое странное название «Башня Десяти кубков». Это великая радость. Нет сомнения, молодой господин получит высокую должность, а его родитель — титул «почтенный старец». Великолепное предсказание!

Откровенно говоря, отец Яо, да и он сам, давно мечтали о высоких постах и почетных титулах, но никогда не говорили об этом, то ли из-за некоторой робости, то ли из-за излишней скромности. Но каждый про себя думал: «Вещие сны непременно сбываются». В этот вечер гости выпили не одну чашу по случаю будущей свадьбы и разошлись по домам.

Но вот наступил счастливый день, когда молодая жена появилась в доме Яо. Муж откинул кисейное покрывало и увидел прелестную девушку. Без сомнения, она вполне заслуженно считалась первой красавицей Вэньчжоу. Ее воспели в стихах:

Дуга бровей — словно юный
месяц,
На нежных щечках рдеет заря,

Волосы — как благодатная
тучка,
А кожа — как первый снег
октября.

Гибок чудесный стан... Разве
можно
Не изумиться такой красоте?

Прелестная — образ ее так и
хочешь
Нарисовать на тончайшем
листе.

Легка и красива, свежа
и стыдлива,
Превыше она похвалы любой,

И строчки стихов о деве
прекрасной
В груди рождаются сами собой.

Опустишь глаза: две трубки
изящных
Увидишь для лучших писчих
кистей —

Так ножки стройны, а ступни
молодые
Лотосов двух золотых[7] нежней.

Чудесные ручки — как из
нефрита,
Настолько их кожа нежна
и светла,

А может, искуснейший мастер
их сделал
Из самого тонкого в мире
стекла?

Правда! Пройди по всей
Поднебесной —
Нигде не найдешь красоты
такой.

Точно! Святой эта дева
подобна,
Освобожденной от персти
земной.

Молодой Яо едва не помешался от счастья. Сейчас он мечтал лишь об одном: чтобы как можно скорее закончилось пиршество, и за расшитым пологом он предался бы любовным утехам с молодой женой. «Верно, и ее одолевает желание!» — думал он. Увы! Гости, как нарочно, шли нескончаемым потоком, и ему приходилось поднимать чару за чарой. Пиршество кончилось лишь после третьей стражи, и Яо поспешил в покои новобрачных. Едва переступив порог «узорных покоев», он повлек жену к ложу и, хотя говорил с нею ласково, при этом явил грубую силу обитателя лесов или нрав юного таланта, облаченного в зеленое платье[8]. Он снял с девы одежду, но в момент, когда птицы фэн и луань должны были опрокинуться навзничь, произошло непредвиденное. Радость новобрачного мгновенно сменилась ужасом. Вы спросите: что произошло? Прежде, чем ответить на ваш вопрос, мы приведем стих, написанный на мотив «Желтая иволга», дабы изобразить чувства героев в тот злополучный момент. Прочитайте, и вы сразу все поймете.

Дело дивное — самое сладкое
дело
В эту первую ночь новобрачных
ждет.

Храбрый путник в ущелье Ведьм
устремился,
Но никак не найдет, где туда
проход.

Ищет, ищет повсюду — увы,
понапрасну!
Не поймет, как ему к облакам
подойти.

Впереди — два утеса, меж ними
теснина,
Где ж нефритово русло? Никак
не найти...

Чтоб в него попасть, пять мужей
бы надо,
Не проникнуть туда жениху
одному:

Нет прохода в этих горах
чудесных —
В этом теле желанном...
Но почему?

Итак, охваченный любовным пылом молодой муж устремился к жене, но тут обнаружил, что дева неземной красоты все равно что бесчувственный камень. Иногда говорят: «Среди скал нет для путника врат, ни даже щели, куда он мог бы проникнуть». Муж пошарил рукой, но, увы, того, что искал, не нашел.

— Красавица, и с этаким изъяном! — воскликнул он в крайнем изумлении.

— Такой уж я уродилась! Сама не пойму, отчего!

Яо горестно вздохнул, отвернулся и надолго умолк.

— Я понимаю, как вы огорчены,— проговорила жена.— Такой молодой — и, на беду свою, взял в жены этакую уродину. Не иначе как это воздаяние за прошлые прегрешения! Встреча со мной — для вас роковая ошибка, но вам придется смириться. Об одном вас прошу, не выбрасывайте меня, будто негодную вещь, оставьте при себе, как собаку, которая сторожит дом. Возьмите себе другую жену или наложницу, которые принесут вам

детей. Но, умоляю, не гоните меня, дабы позор не пал на моих родителей и на вашу семью.

Яо повернулся к жене:

— Я думал, такая красавица... И вдруг — на тебе, ни на что не годится! Но прогонять тебя как-то неловко, да и жалко. Ладно, оставайся! Будешь как та лошадь, на которую можно только смотреть, а садиться нельзя. Но каково будет мне? Лакомый кусок, можно сказать, у самого рта, а отведать нельзя. Как такое стерпеть?

— Не только вам тяжело! Я ведь тоже вас полюбила. А какой от этого прок? Как говорится: видит еду, а в животе урчит. Счастье рядом, а не попользуешься. Так недолго и умереть от расстройства!

Жена всхлипнула.

Она говорила так искренне, что сердце мужа исполнилось жалости и любви. Он обнял молодую женщину и стал утешать. Как известно, всякое утешение обычно имеет свой путь, если не прямой, то окольный. Но для этого следует приоткрыть какие-нибудь врата и освободить место для гостя, хотя и не очень подходящее для светлой стихии ян. Ночь для Яо, конечно, прошла не так, как ему хотелось, но с кое-какой пользой.

Наутро Яо Цзыгу, не таясь, поведал обо всем родителям. Те не на шутку перепугались. Столь горестное событие могло пагубно сказаться на здоровье сына. Они посоветовали ему отправиться в горы с друзьями, немного развлечься, а сами позвали сватов, дабы строго взыскать с них за учиненный обман, и пригрозили судом.

Надобно сказать, что отец молодой жены был человеком мелким и лживым. Услышав о суде, он насмерть перепугался и не показывал носа из дома.

— У этого проходимца три дочери, — сказал отец Яо, — кроме нашей, злосчастной, есть еще две, к тому же незамужние. Скажите, чтобы прислал одну взамен этой, и дело с концом. А заупрямится, я в суд на него подам. Разорю, пущу его по миру!

Надо заметить, что мошенник Ту заранее предвидел такой оборот дела, но был уверен, что, поскольку пользуется большой властью в ямыне, никто не осмелится пойти против него. Поэтому обеих своих дочерей он спрятал дома и на всякий случай придумал план отступления. Если жених, прельщенный красотой дочки, от нее не откажется, значит, все в порядке. А поднимет шум, пускай забирает себе еще одну из оставшихся двух. Словом, когда явились сваты, он принял все их условия и даже предложил им выбрать любую из двух дочерей, главное, чтобы пришлась жениху по вкусу, тогда прекратятся всякие разговоры.

Отец юноши решил взять меньшую, старшая уже была перезрелой, а меньшая — на год моложе самой невесты. Как только заключили брачный договор, родитель, не дожидаясь возвращения сына, позвал молодую сноху и, отругав ее, велел возвращаться к родителям, загодя вызвав паланкин. Женщина, заливаясь слезами, сказала, что хотела бы дождаться мужа, чтобы с ним попрощаться, но родители Яо этому воспротивились, не разрешив ей остаться ни дня. Уезжай, мол, сей же час, и все тут. Ах, что за жалость! Прекрасная, как

цветок или яшма, красавица оказалась никому не нужной. В древности говорили: «Трижды изгнан из деревни [9], пятикратно удален из волости». А ведь женщина не нарушила ни одной из Семи заповедей! [10] Провинилась в одном, в сущей безделице: не имела какой-то мелочи под своими одеждами. Мужей, склонных наслаждаться ароматом и любоваться нефритом, тех, что стремятся поскорее удовлетворить свою страсть, увы, прельщает обычно лишь красота.

ГЛАВА ВТОРАЯ

САНДАЛОВЫЙ МУЖ [11],
ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ
И ПРЕКРАСНЫЙ,
ВДРУГ ЯВЛЯЕТ
ЖЕСТОКОСТЬ:
ИЗМУЧЕННАЯ
СТРАДАНИЯМИ
КАМЕННАЯ ДЕВА
ВДРУГ ЛИШАЕТСЯ
ПЕРВОЗДАННОЙ
ПРЕГРАДЫ.

Рассказывают, что от ворот дома Яо отъехал один паланкин, но вскоре появился другой. Сделано это было втайне, дабы сберечь честь обеих семей и всего рода. Меньшая сестра ничуть не походила на старшую, хотя обе рождены были от одной матери. Жена Яо была на редкость хороша собой, сестра же ее облик имела весьма безобразный и грубый. «Одно утешение,— думали родители Яо,— у нее хоть тело нормальное. Не может быть, чтобы в одной семье родились сразу два каменных идола!»

Яо Цзыгу вернулся домой под вечер. С дороги он крепко выпил и тут же уснул мертвым сном. Вторая жена, не зная, что делать, прилегла рядом, не снимая одежды. Посреди ночи муж проснулся. Он уже протрезвел немного и сейчас был готов на любой подвиг. Совлекши одежды с «каменной девы» — Яо нисколько не сомневался, что рядом лежит именно она,— он решил приласкать ее, как и в первый раз. Но когда жена повернулась к нему, рука его неожиданно нащупала то, что повергло его в изумление и вызвало радость. Ведь совсем недавно ничего не было, и вдруг появилось! Винные пары еще не совсем улетучились из головы Яо. Страсть полностью им овладела, и он не слишком задумывался над причиной происшедшего чуда, как некогда Чуский князь Сян-ван, который испытал безмерную радость от победы в ночной битве с врагом, толком не зная, наяву это было или пригрезилось. Но вот тучи рассеялись, дождь кончился, теперь он мог спокойно спросить подругу, каким образом в первозданном хаосе могла появиться прямая дорога. Жена объяснила причину. Значит, жену подменили! Интересно, какова собой его новая супруга? Но свечи погасли и разглядеть что-либо в кромешной тьме было невозможно. Он провел рукой по ее телу — кожа была грубой, шершавой. Забрезжил рассвет, и Яо разглядел новую жену. Ну и уродина! Даже смотреть противно.

— Твоя старшая сестра хоть и с изъяном, зато красивая,— проговорил Яо.— Пускай жила бы со

мной, я стал бы любоваться ее лицом, как прекрасной картиной. А детей другая нарожала бы. А что мне делать теперь? Красавицу прогнали, подсунули чудище. Нелепость какая-то вышла: там не попользовался, здесь не полюбовался. Экая досада!

Во всем он винил своих родителей и при случае устраивал им скандалы.

Через несколько дней муж почувствовал, что от молодой жены дурно пахнет. Оказалось, что она мочится во сне. Вероятно, этот изъян тоже был карой небес, как и изъян первой жены. Вначале вторая жена тщательно это скрывала, не жалея мускусных эссенций и благовоний. Но постепенно зловоние заполнило весь дом, и терпеть его стало невмоготу. Как-то среди ночи Яо Цзыгу почудилось, будто он находится на крохотном островке, а вокруг бушуют волны и подступают к самому ложу, поднимаясь все выше и выше, как при наводнении. Объятый страхом, молодой Яо вдруг ощутил резкий запах, понял, откуда он исходит, скатился с ложа и с воплем побежал к родителям.

— Немедленно гоните ее прочь!—вскричал он с обидой и болью.—Верните мне мою первую жену!

Едва рассвело, родители, вне себя от злости, позвали сватов.

— Надо было обговорить все заранее!—промолвил один из сватов.—Ту, что вы каменной зовете, многие хотели бы взять в жены, да только она была уже просватана в вашу семью. А что получилось? Через день-другой после свадьбы вы ее прогнали прочь. К слову говоря, старшая сестра похожа на вашу сноху как две капли воды, так нет же, вы предпочли меньшую, за молоденькой погнались! Право, не знаю, удастся ли нам что-нибудь сделать.

— Как же быть?—встревожился отец Яо.—Как говорится: «Ковырнул мотыгой раз, ковырнул другой, а там все равно земля!». Этот Ту опять совершил обман, значит, должен принять все мои условия! А станет юлить, я подам в суд! Или еще что-нибудь придумаю. Пусть тогда на себя пеняет!

Делать нечего, сваты снова отправились в дом Ту. Отец невесты заупрямился.

— Никаких обменов! Обменяют, а потом снова откажутся! Ни за что!

Сваты стали его урезонивать!

— Почему же откажутся? Ведь, как известно, любое дело решается с третьего раза!

После долгих уговоров Ту наконец согласился.

Родители Яо, зная, что сын их мечтает лишь о своей «каменной деве» и никого больше знать не хочет, не стали ему и говорить о третьей сестре, тем более что она была точной копией его первой жены. Когда сын догадается, что ее подменили, будет поздно. Впрочем, он вряд ли станет расстраиваться, скорее, обрадуется. И в самом деле. Все произошло так, как предполагали родители.

Яо Цзыгу, уверенный, что к нему вернулась первая жена, действительно обрадовался, да и жена вела себя с ним, как с давним другом. Словом, молодой Яо вначале ничего не заметил. Но вот настала пора расстегнуть пояс и освобо-

диться от одежд. Рука мужа устремилась туда, где расстилалась первозданная равнина, и опять наткнулась на неожиданность.

— Что с тобой произошло? — Изумление и страх звучали в голосе Яо.

Жена рассказала ему всю правду, и муж возликовал. Они прижались друг к другу, как птицы луань и фэн, и свершили то, что почитают высшим наслаждением в жизни. Надо вам знать, что третья жена, ласковая и нежная, обладала к тому же еще великолепным телом, ничуть не уступая в этом своей «каменной» сестре, зато в отличие от нее имела весьма ценное качество. Счастливые, лежали они в объятиях друг друга. Муж ощупал ее стан, гибкий и тонкий, словно ива. Новая жена была много лучше первой. А это великолепное лоно, обладателем которого он сейчас стал! Ничего общего с тем, что было у второй жены! Муж не испытывал ни малейших преград — он двигался с легкостью экипажа, который катится по проторенной дороге.

«С возрастом, — думал он, — все органы человеческого тела как бы раздаются вширь».

Бедняга! Он и не подозревал, что нынешняя его жена давно утратила свою девичью чистоту. Как говорится: «Бутон раскрылся до времени, заслон из диких трав упал». Уже миновало пять лун с того дня, как во чреве ее стал зреть плод ветротекучего легкомыслия, а когда перевалило на шестую луну, живот жены заметно округлился. Скрывать грех было невозможно.

Первым это увидел супруг, а вскоре и все остальные, в том числе и соседи в округе. Яо считались семейством весьма добропорядочным. Оставить греховодницу в доме? Тогда до самой смерти не оберешься сплетен! И вот Яо с отцом решили в третий раз отказать, но уже не тайно, а открыто, чтобы все знали. Только так можно было смыть позор с порядочной семьи! Составили бумагу с отказом, посадили третью девицу в паланкин и отправили в родительский дом, после чего снова стали думать о женитьбе.

Увы! Брачные дела у молодого Яо складывались на редкость несчастливо. Новая жена оказалась сущей негодницей — видно, была послана ему в наказание за прошлые грехи; следующую он взял на редкость зловредную; затем — уродину, после нее — строптивую и к тому же бестолковую. Одна из них сразу заболела и вскоре умерла. Те же, что были отмечены звездой долголетия, больше чем полгода в доме не задерживались. Можно было рассказывать об этом подробно, да стоит ли. Заметим лишь, что среди всех этих женщин только одна отличалась приятной наружностью и умом: наложница некоего богача, чья супруга, приревновав ее к мужу, всеми правдами и неправдами выжила ее из дома. В день свадьбы Яо, когда молодые, соединив брачные чарки, направились к ложу, к дому вдруг подъехал богач со сватами. Он требовал женщину обратно и даже предлагал выкуп. Оказалось, после того, как красавица покинула дом, богач разругался с женой. От тоски он не находил себе места. После настойчивых уговоров супруга его наконец разрешила наложнице вернуться, однако велела ей не попадаться

на глаза. Словом, богач пришел, чтобы забрать женщину с собой. Он пригрозил Яо, в случае если тот откажет, затеять судебную тяжбу и в жалобе написать, что Яо, используя свои связи в ямыне, захватил хитростью и обманом чужую жену. Пришлось Яо взять деньги и вернуть женщину богачу. Снова осечка! Супруг, как говорится, уже готов был расстегнуть пояс и предаться удовольствиям, но жену увели из-под самого носа. Пламя страсти сжигало его — хоть ложись и умирай!

Так получилось, что всего за три года наш герой девять раз побывал женихом, а мужем так и не стал. В чем же причина? Яо и его родители терялись в догадках. Наконец, пришли к выводу, что все дело в башне. Видимо, при строительстве кто-то спрятал в нее какую-то пакость. Они решили сломать башню и построить новую.

У молодого Яо был дядя по материнской линии, которого звали Го Тунгу, что значит Последователь Древности. Много лет служил он в одном ямыне вместе с отцом Яо, и тот решил посоветоваться с многоопытным родственником.

— Вы разве забыли, кто придумал название «Башня Десяти кубков»? Святой небожитель! А его слова рано или поздно сбываются. Из десяти кубков племянник испил только девять. Остался еще один! Молодой человек возьмет еще одну жену и с ней будет жить в полном согласии. Ничего плохого больше не случится!

Отец и сын Яо словно прозрели.

— На сей раз надо искать невесту в чужом уезде, в нашем, как оказалось, хорошей не найдешь,— промолвил отец.

— Скоро я должен ехать в другую провинцию по служебным делам,— произнес дядя.— Пусть племянник едет вместе со мной. Окрестности Сиху, как известно, славятся своими красавицами. Быть может, там он найдет себе женщину по душе.

— Увы! Ехать мне сейчас никак невозможно, на носу экзамены,— сказал молодой Яо.— Вот-вот прибудет экзаменатор. Дядюшка, вы сами справитесь с этой задачей. У вас наметанный глаз! Какая приглянется — привезете, и я охотно возьму ее в жены.

— Что же, можно и так! — согласился Го.

Отец и сын быстро приготовили свадебные дары — украшения и наряды — и отдали их Го.

Дядя уехал, а молодой человек стал с нетерпением ждать, когда тот привезет ему жену-красавицу. Правда, удрученный сплошным невезением, Яо не очень-то надеялся, что будущая супруга будет сочетать в себе красоту, таланты и добродетель. Он согласился бы сейчас на самую обычную женщину, лишь бы все у нее было на месте и чтобы не зрел в ее чреве плод неизвестного происхождения. И уж, конечно, чтобы она по ночам не увлажняла супружеского ложа. Хоть бы несколько лет прожить в покое и радости!

И вот от Го неожиданно пришло известие, что он наконец-то нашел для племянника жену. Редкостная красавица — второй такой не сыщешь во всей Поднебесной. Молодой человек едва не помешался от радости. Наступил день, когда лод-

ка с молодой небожительницей пристала к ближнему берегу. Молодые, как положено, совершили поклоны родителям, а потом, соединив брачные кубки, отправились в свои покои. Жених снял с жены кисейное покрывало. О чудо! Перед ним была его первая жена — «каменная дева»!

А случилось все так. Из-за страшного изъяна от девушки все отказывались. У нее сменилось чуть ли не два десятка мужей. В конце концов ей пришлось переехать в Ханчжоу, где ее и увидел Го. Очевидно, в день свадьбы почтенный родственник невесту не разглядел и сейчас, разумеется, не узнал. А поскольку она была настоящей красавицей, дядя и привез ее племяннику в жены. Ему и в голову не приходило, что у красавицы под одеждой. Не снохач же он какой-нибудь, чтобы «разгребать пепел» [12]!

Ну, а что было делать молодому Яо: ликовать или предаваться горю? С первой женой, конечно, они успели сродниться, и ему было приятно ее видеть, но радость встречи тотчас сменилась унынием, когда он вспомнил, какой у жены изъян. Одно лишь название — жена, а проку никакого!

Отец и сын Яо вместе с дядюшкой ломали голову над сложной задачей.

Ясно, что пьяный небожитель ошибся в расчетах. Его слова не сбылись! Десятой женой оказалась все та же увечная, и сыну придется искать одиннадцатую. Будет искать до седых волос, пока не найдет. Оказалось, что слова «десять кубков» ничего не значат, следовательно, придумал их не святой, а самый настоящий мошенник.

Судили-рядили, но так и не смогли ничего придумать. Ночью, превозмогая тоску, Яо все же зашел в опочивальню жены и заключил ее в объятия. С каждым днем страсть супругов друг к другу росла, и оба мучились от неутоленного желания. Особенно супруга. Ну что за жизнь! Уж лучше смерть. Но тут произошло неожиданное. Огонь, сжигавший женскую плоть изнутри, однажды собрался в одном месте, кровь сгустилась и кожа вздулась. Через несколько дней волдырь лопнул, и образовалась рана.

Однажды ночью супруг ненароком коснулся раны и — о, чудо! — испытал неземное блаженство. Жена решила, что лучше умереть от боли, чем от любовного томления, и уступила натиску мужа. Нефритовый пест был острым, как волшебное лезвие. Недавняя беда обратилась счастьем. Так оно и бывает, что в минуты страданий неожиданно рождается радость, от которой человек порой может потерять рассудок.

Боясь, что рано или поздно их радостям наступит конец, рана затянется и все будет, как прежде, великие силы инь и ян снова разъединятся, супруги непрестанно предавались любовным утехам, моля небо, чтобы рана подольше не заживала.

Небо, видно, услышало их мольбу, а может быть, судьба их была предопределена свыше. Рана так и не затянулась. Вы спросите, почему так случилось? А вот почему. На жизненном пути женщины стояли разные препоны и суждены ей были разные мучения. Всемогущий спрятал ее прелести под тяжелым покровом, не дав им

явиться наружу. Словом, все легкое он отправил внутрь, а плотное вывел наружу. Но нынче звезда злосчастия улетела прочь, отчего и появился волдырь. В один прекрасный момент человеческая плоть явила то, что в мире людей ценится дороже любой драгоценности. Ведь то, что достигается с трудом, ценнее во сто крат того, что приходит по первому желанию.

Кто знает, может быть, нашим героям суждено было соединиться лишь после многих испытаний. Вначале казалось, что их души сгорели и обратились в пепел, но, к счастью, их чувства не омертвели. Наверное, потому молодые люди и соединились.

Рассказанная история весьма поучительна. Из нее следует, что подобные события в Поднебесной должны происходить без всякой торопливости, лучше позднее, чем раньше. Счастья надо добиваться, а не получать его с легкостью. Пожалуй, именно поэтому в древности женились в тридцать лет, а замуж выходили лишь в двадцать. Происходило это не случайно. Тот, кому все легко достается, достоин жалости, ибо ничто не способно его обрадовать. Он не может ощутить прелести мелодий циня и сэ, воспринять их как подлинное счастье жизни, которое можно лишь уподобить парению в небесах!

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Мэн Гуан и Лян Хун — супруги, жившие во времена династии Хань. Когда Лян стал отшельником, его жена пошла вслед за ним в горы Балин.

2 Тао Чжугун (он же Фань Ли) — известный богач эпохи Весен и Осеней, вельможа при дворе юэского государя Гоуцзяня; какое-то время был мужем красавицы Сиши и подарил ее Гоуцзяню. Прославился тем, что неожиданно обрел богатство и так же неожиданно его потерял.

3 Цзян Тайгун (он же Цзян Цзыя) — персонаж фантастического романа «Посвящение в духи», советник при Чжоуском дворе. Согласно легендам, долгое время постигал в горах даосскую магию, а когда ему исполнилось 80 лет, пришел ко двору чжоуского Вэнь-вана и У-вана и помог им расправиться с деспотом Чжоу-ваном.

4 Прописи Чуньхуа.— Имеются в виду прописи, сделанные в годы Чуньхуа, во время правления сунского императора Тайцзуна (990—994 гг.).

5 «Сюй» — иероглиф «сюй» состоит из двух элементов: «девятка» и «день».

6 Небожитель Чжан Сюй — танский каллиграф. Согласно преданию, Чжан любил пить вино и, опьянев, принимался за свое искусство. Особенно славился своим стилем «травяного письма», то есть скорописью, за что и получил прозвание Травяной святой.

7 Золотые лотосы — образ спеленутых женских ножек.

8 Обитатель темных (зеленых) лесов.— Имеется в виду разбойник. Зеленое платье — намек на низкое происхождение человека. Здесь также намек на легкомысленный нрав и недостойное пове-

дение героя, охваченного страстью.

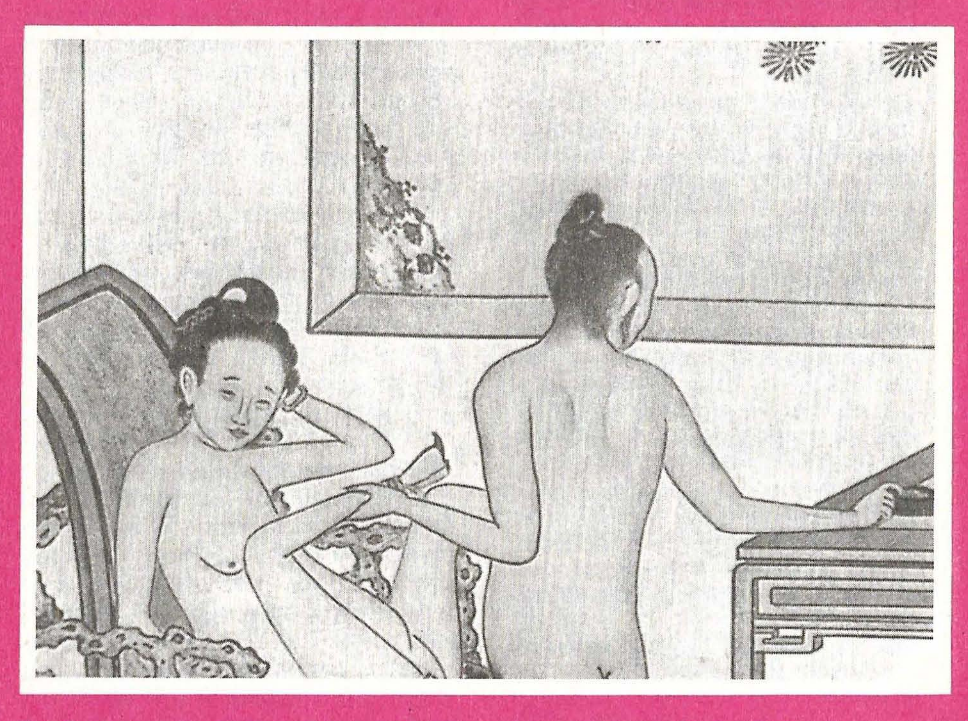
[9] Трижды изгнан из деревни...— намек на историю сановника Чжан Циня, которого за честность и прямоту трижды изгоняли с должности.

[10] Семь заповедей — правила поведения женщин. Их нарушения — бездетность, распутное поведение, непочтительность к родителям мужа, болтливость, воровство, завистливый и злобный нрав, дурная болезнь — влекли за собой расторжение брака.

[11] Сандаловый муж — так прозвали красавца древности Пань Юэ, который жил в эпоху Цзинь. Второе имя Таньну (букв. Сандаловый раб), отсюда и появилось прозвище Сандаловый муж. Нарицательное имя красивого мужчины, любимца женщин.

[12] Разгребать пепел — образ любовной связи свекра со снохой.

Перевод и примечания Д. Н. Воскресенского,
стихи в переводе С. Л. Северцева.

116. Приготовления к вхождению «нефритового стебля» в «лютневые струны».

Д. Н. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

СУДЬБА КИТАЙСКОГО ДОН ЖУАНА

ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ ЛИ ЮЯ «ПОДСТИЛКА ИЗ ПЛОТИ» И ЕГО ГЕРОЕ

117. В беседке.

В мировой литературе издавна заявила о себе тема поисков любовного идеала, обретение его через всякого рода жизненные соблазны и утехи и, прежде всего, соблазны плотские и утехи чувственные, поскольку изначальное стремление героев этих поисков обычно продиктовано жаждой физического обладания объектом своей любви. В рамках темы возник герой, вернее, герои, так как в длинный ряд искателей-сласто-

любцев вписывается не только Дон Жуан, ставший классическим образом западноевропейской литературы, но отчасти и другие литературные персонажи, такие, как беспутный Жиль Блаз или циничный Ловелас (Ловлас), и прочие, хотя каждый из них, разумеется, посвоему специфичен и отражает какие-то иные черты человеческого поведения. Сближает же всех этих героев всепоглощающая страсть к чувственным удовольствиям и наслаждениям. Герой, носитель этих черт, далеко не однозначен, поскольку сама тема достаточно широка и многозначна, а поэтому и подход того или иного автора к образу своего героя различен.

Когда проблема любовного искуса рассматривалась с точки зрения автора-моралиста, тем более религиозного моралиста (как, скажем, в средневековой литературе), то она обычно подавалась под знаком осуждения героя и его поступков. Если бы, например, во времена Данте жил Дон Жуан, то великий поэт, не колеблясь, осудил его, поместил бы его, как и других героев-сластолюбцев, в один из кругов своего зловещего вместилища грешников, где мечутся и страдают те (Елена и Клеопатра, Парис и Тристан), кто «предал разум власти вожделений». Осужденные религиозной моралью за свое влечение к наслаждениям, они не знают ни приюта, ни утешения, поэтому вынуждены вечно скитаться в неуютной Вселенной: «Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роем; им нет надежды на смягченье мук или на миг, овеянный покоем».

Средневековая мораль относилась к греху сластолюбия и блудодейства столь сурово и безжалостно не только на Западе, но и на Востоке, о чем, в частности, свидетельствуют постулаты буддийского учения, которое составляло одну из важнейших этических основ жизни и поведения людей на Востоке (в Китае, Японии и других странах) в эпоху средневековья. Так, например, среди восьми заповедей буддизма (или восьми запретов, кои нельзя преступать) уже на третьем месте после заповедей «не убий» и «не кради» стоит заповедь «не блудодействуй» («бу се инь» — «не твори зло блуда»). Эта заповедь часто образно раскрывалась в многочисленных литературных сюжетах, которые составляли содержание рассказов о людях, подверженных порочной страсти. Религиозная мораль, как и на Западе, была здесь беспощадна. И если необходимо было показать героя-сластолюбца, то он изображался безмерно похотливым, а его поступки возводились в ранг проступков и пороков, они приравнивались к помыслам греховным и сатанинским. В то время существовала твердая вера людей в идею «предестинации», то есть «воздействие нечистой силы на человека и невозможность от нее избавиться. Она везде, вокруг человека» [1].

Разные литературные памятники давали в этом отношении многочисленные и яркие примеры. Герой известной русской повести Савва Грудцын, склонный к греху любодейства, в какой-то миг своей жизни поддается искусу и встает на путь плотских утех, и сразу же его ждут тяжелые испытания. Все поступки героя изображаются русским автором под знаком замыслов нечестивых и лукавых: «Ненавидяй

118. Любовные игры в «саду цветов».

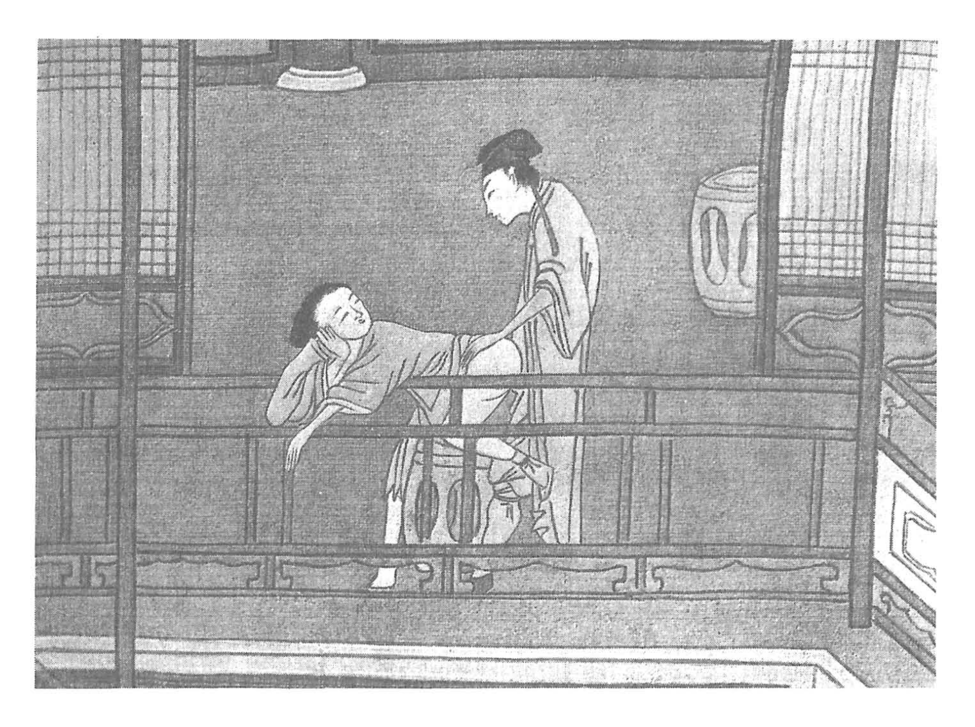
же добра роду человечю супостат диавол, видя мужа того добродетельное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы к падению блудному[2]...» Автор в яростном негодовании восклицает, что герой «всегда бо в кале блуда яко свиния валяющеся...» Не менее многозначительна сентенция китайского автора, который так квалифицирует любовное влечение человека: «Сеть любовной страсти опасна для любого возраста, и кто запутался в ней, уподобляется дикому зверю. Он готов залезть на стену, проползти в самую узкую щелку, он отдает свою душу демону. Ради мимолетного наслаждения он становится зверем и преступником[3]». Как видим, оценка одного

явления в том и другом случае (у авторов примерно одной эпохи) схожая, называется даже один и тот же источник искушения: «дьявол» и «демон».

Однако палитра оценок поведения сластолюбцев все время менялась. Едва литературе удается хоть немного освободиться от жесткой скорлупы религиозной идеологичности, как подход к явлению также изменяется вместе с изменением самого героя. Байроновский Дон Жуан, к примеру, наделен и многими положительными качествами. Поэтому он скорее воспринимается как жертва Судьбы и обстоятельств, нежели как преступный обольститель. Поэт, как бы по-дружески журя героя, случайно сделавшего промашку, иронически замечает: «Всему виной луна, я убежден, весь грех от полнолуний[4]...» Герой Байрона не испорчен и не развратен, он часто даже бывает по-детски наивен и целомудрен, так как старается (другое дело, искренне ли) оставаться верным объекту своей любви. Жажда физических наслаждений уходит у него куда-то на второй план, а на первый выступает романтическая мечта о некоей духовной близости с женщиной-идеалом. Автор замечает: «Мое желание проще и нежнее: Поцеловать (наивная мечта!) весь женский род в одни уста...»

Герой-сластолюбец порой приобретает множество положительных черт, как, например, Дон Жуан у Гофмана (новелла с тем же названием), где он не раб темной страсти, а некий борец с судьбою — жестокой и темной силой, способной низвергнуть и раздавить человека. Гофмановский Дон Жуан, родившийся «победителем и властелином», вольнолюбив, он пытается даже вступить в борьбу с Роком (фактически — с самим Небом) во имя своего счастья. Он надеется, что «через любовь, через наслаждение женщиной уже здесь, на земле, может сбыться то, что живет в нашей душе как предвкушение неземного блаженства[5]...» Правда, эту еретическую мысль герою внушает также «лукавый» (как и Савве), но позитивный заряд в поступках гофмановского героя несомненен...

Небольшой разговор о «разных Дон Жуанах» подвел нас к аналогичной теме в китайской литературе и к ее центральному образу — аналогу западного Дон Жуана, который так же многозначим, как и западный герой. Он очень похож на европейских собратьев, но во многом не схож с ними. Речь пойдет о Вэйяне — герое китайского романа XVII века Ли Юя, имеющем броское название «Подстилка из плоти» («Жоу путуань»). У китайского героя есть своя предыстория и свои прототипы, что само по себе интересно, но требует особого разбора. Сейчас мы отметим другое важное обстоятельство — ту духовную атмосферу, в которой получили развитие тема и герой. В эпоху XVI—XVII вв. (а речь идет прежде всего именно об этой эпохе — своего рода перевале китайской истории) китайское общество и его духовная жизнь переживали интенсивный и бурный период своего развития. Среди многих специфических черт этого времени можно, в частности, отметить широкую демократизацию жизни в связи с бурным развитием города, ростом городского сословия (своего рода

119. Любовные игры в «саду цветов».

третьего сословия), которому были свойственны свои привычки и вкусы, свои пристрастия и эстетические требования, что не могло не сказаться и на литературе. Поэтому не случайны, к примеру, в литературе известная «заземленность» сюжетов, относительная простота языка повествования, травелогизация образов, натурализм изображения людей и жизни и многое другое. В этом сказалось стремление авторов отразить вкусы и настроения общества, приблизить поэтику литературы к эстетическим запросам широких общественных слоев. Одной из характерных черт литературы этого времени (в особенности прозы), в частности, являются нотки гедонизма и чувственности, откровенной эротики, кото-

рые в эту пору получают особо мощное звучание. Данная особенность изображения людей и явлений жизни характерна для многих жанров, но прежде всего для повествовательной прозы: романа и повести. Натуралистическое изображение быта и нравов стало если не общей, то весьма распространенной чертой многих произведений литературы. Появились литературные образы, в которых тема плотских наслаждений, а отсюда и ярко выраженный гедонизм персонажей играли в поэтике произведений огромную роль. В эту эпоху известны, например, такие крупные произведения, как «Повесть о Глупой старухе», «Жизнеописание господина Желанного» (или «Повествование о господине для удовольствий»), и многие другие (заметим, кстати, что вышеназванные произведения читают герои нашего романа). Откровенный эротизм можно видеть во многих повестях из знаменитых коллекций Фэн Мэнлуна («Троесловие») и Лин Мэнчу («Рассказы совершенно удивительные. Выпуск первый и второй»). К числу подобных образцов, конечно же, относится и самое крупное произведение нравоописательного жанра «Цзинь, Пин, Мэй» с его знаменитым героем-распутником Симэнь Цином, а также появившийся спустя несколько десятилетий роман Ли Юя «Жоу путуань», в котором «донжуановская тема», а точнее, тема чувственных наслаждений, звучит весьма громко и со своими специфическими нюансами.

Сюжет романа Ли Юя довольно прост. Он развивается как своеобразная авантюрная история, наполненная приключениями блудливого книжника-сюцая Вэйяна (своего рода китайского Дон Жуана), поставившего перед собой цель познать вкус жизни через прелести любви и сладость плотских удовольствий. Это произведение можно также назвать и своего рода романом нравов с элементами авантюрности и любовной интриги. Но это, так сказать, лишь внешние черты произведения. Роман Ли Юя более глубок, потому что затрагивает многие важные проблемы, волновавшие современников. У него своя концепция, которая создает определенный философский подтекст, настрой. Через многокрасочную оболочку любовных авантюр проступают очертания важной темы человеческой судьбы и самого существования человека. В романе затрагиваются непростые этические и философские (религиозные) проблемы, которые волновали и западноевропейских авторов примерно той же поры. В связи с этим эротизм и «донжуанство» в романе приобретают особый смысл. Поэтому и саму его тему никак нельзя сводить лишь к изображению плотских удовольствий.

Итак, молодой сюцай ставит перед собой цель — найти женщину, которая соответствовала бы его идеалам. О своем намерении он откровенно говорит монаху по имени Одинокий Утес, который пытается образумить сластолюбца и наставить его на путь истинный. Но призывы монаха остаются без ответа. Молодой повеса не желает изменять своих планов, хотя не исключает, что когда-то, может быть, и последует советам святого инока, но лишь после того, как добьется исполнения своих планов. Читатель видит, что герой не лишен многих

привлекательных и даже симпатичных черт: он умен, образован, обаятелен, искренен. Его эгоистические порывы и цинизм вскрываются лишь спустя какое-то время. Поначалу незаметна и греховность его замыслов, напротив, они кажутся, возможно, несколько легкомысленными, но вполне благонамеренными. Ведь он всего-навсего хочет найти человека (жену или подружку), близкого себе по духу, дабы объект его любви соответствовал бы его представлениям о женском идеале. Чего же здесь плохого? Его замыслы не лишены некоего романтического налета. Кстати, в китайской литературе подобные идеи нашли отражение в сентиментальной литературе о «талантливых юношах и красавицах-девах» (не только не запретной, в отличие от романов типа «Цзинь, Пин, Мэй», но весьма распространенной), в произведениях которой герои занимаются поисками своего жизненного идеала. Поиски «дамы сердца» — лишь одна из сторон его устремлений. Другая — намерение познать жизнь в ее радостях и удовольствиях, прочувствовать земное бытие во всем богатстве красок и многообразии удовольствий. Увидев таким образом жизнь, герой намерен познать и природу человека, а тем самым познать самого себя. Это — серьезная концепция автора, важная для понимания смысла произведения. Но в намерениях героя таятся зерна будущих несчастий.

Беседа с монахом превращается в своеобразный философский диспут о смысле жизни. Монах, исходя из своего учения, говорит герою о том, что путь познания жизни и человека на самом деле лежит через постижение религиозной истины (здесь — истины чань-буддизма), а дорога утех чревата бедами, ибо нет предела наслаждениям. В конце концов человека ждет расплата. Герой утверждает обратное: смысл бытия состоит в постижении человеком всех радостей жизни, в том числе и радостей плотских. И кажется, что автор стоит на стороне героя, потому что монах терпит поражение — ему так и не удается переубедить героя. Таким образом, чувственная сторона жизни как бы побеждает религиозно-этическую схему монаха. Но победа героя, как скоро выясняется, призрачна. Такое противоборство идей — важная черта философской концепции романа.

Перед китайским Дон Жуаном открывается жизнь такой, о какой он мечтал: бесконечная цепь утех и удовольствий от бесчисленных любовных связей. Но оказывается (прав был монах!), что нет предела удовольствиям. За одним непременно возникают другие, еще более изощренные, и человек так и не в состоянии исчерпать их до конца. Наш герой входит во вкус: за одной женщиной (первой жертвой становится его жена Юйсян) следует другая, за ней новые и новые. Вэйяна уже не могут удовлетворить обычные наслаждения, ему нужно нечто необыкновенное. Автор живописует сцену, как Вэйян услаждает себя и жену рассматриванием альбомов с нескромными «весенними картинками», за которыми следуют фривольные книги, вроде «Жизнеописания господина Желанного»; в доме появляются афродизиастические снадобья и возбуждающие средства (от них, заме-

тим, в свое время отправился на тот свет предшественник Вэйяна — Симэнь Цин). Пресыщенность обычными удовольствиями порождает еще большую необузданность его страстей. Стремление довести наслаждения до высшего предела в конце концов приводит сластолюбца к мысли о необходимости преобразовать самого себя, свою плоть, путем хирургической операции. Изменение физиологических возможностей умножает его плотские радости, но одновременно низводит его до животного состояния. Вэйян уже больше не в состоянии остановиться в своих любовных терзаниях, а плотским утехам нет числа. Так сбываются слова святого монаха. В последующих картинах все яснее проглядывает темная тень его зловещей судьбы и звучат лейтмотивом слова о кратковременности и призрачности телесного счастья и близости расплаты.

В одной из глав (конец седьмой главы) автор, в частности, пишет: «Это значит, что никто в Поднебесной не должен алчно стремиться овладеть «спальным искусством», ибо оно способно полностью разрушить учение об «укреплении души». Так не бывает, чтобы «искусство любви», к коему человек устремлен всей душою, дабы доставить удовольствие и себе, и женам своим, не вело бы к распутству». В этих словах звучит предостережение тем, кто в «искусстве любви» («домашнем искусстве», как его тогда называли) ищет цель бытия, ибо за наслаждением неизбежно грядет возмездие. В романе оно раскрывается, прежде всего, в судьбе самого Вэйяна. Он, казалось бы, добился всего, чего хотел: обрел красавиц, которых искал, постиг все жизненные удовольствия, к которым стремился. Но удовлетворения не испытал. Напротив, почувствовал он великое разочарование из-за крушения изначальных своих планов. Он понял, что его устремления иллюзорны и пусты, поэтому они и обернулись бедами. Страх перед более жестокими наказаниями судьбы заставляет героя пойти на страшный поступок — самооскопление. Это и есть то возмездие, которое подстерегало его в жизни.

Разные виды расплаты поджидают всех, кто был связан с Вэйяном судьбами. Его первая жена Юйсян, дочь истового конфуцианца, поначалу добропорядочная и целомудренная дева, под воздействием «гедонистического учения» супруга тоже становится на порочный путь. Вступив в связь с дворовым — Простаком (в прошлом торговцем, жена которого, спутавшись с Вэйяном, убежала к любовнику), вместе с ним покидает родительский дом. Скоро судьба бросает ее в публичное заведение, куда продает ее Простак, желая от нее отделаться. Не случайно, что она оказывается именно в публичном доме, так как автору важно подчеркнуть мысль о нескончаемой череде наслаждений самого героя, судьба которого связана с нею. Иначе говоря, героиня из-за своего мужа вынуждена пережить такую же длинную череду «удовольствий», на самом деле позорных и горьких. Финал ее жизни трагичен: однажды встретив в заведении своего бывшего мужа, который случайно пришел сюда провести с гетерами время, она накладывает на себя руки. Похожие судьбы и у других

героев, жизнь которых в той или иной мере вплетается в судьбу главного героя. Все эти люди проходят через тяжкие испытания или погибают, так как их, словно мрачная тень, коснулась судьба Вэйяна. Автор-моралист хочет еще раз напомнить, что порочна сама идея, которая питает подобную жизненную философию.

В западной литературе, прежде всего в литературе средневековья, как было отчасти сказано выше, стремление к наслаждениям и телесным удовольствиям, которым подвержен человек, также обычно осуждается, а герой — наказуется. Он не уходит от расплаты, как бы автор к нему изначально ни относился. Автор просто не может оставить этот проступок без соответствующего наказания. И неудивительно, ведь сластолюбие все опутано узами бесовства. Даже гофмановский Дон Жуан (продукт поздней эпохи), которому автор симпатизирует, исполнен сатанинства: не кто иной, как «враг рода человеческого» внушил герою греховодные мысли о блуде. Вызов героя небесам — это в конце концов вопль самого сатаны. Поэтому участь его так злосчастна. В китайском романе любовная алчность Вэйяна также проявление чего-то нечистого, тлетворного. Его любовные терзания и вожделения — от лукавого, хотя прямо об этом и не говорится, но это, безусловно, чувствуется или подразумевается. Недаром оппонентом героя во всех его поступках является инок Одинокий Утес, носитель святости и религиозной аскезы.

В китайском герое (героях) реализуется буддийская идея «инь-го» («причины и следствия»), аналогичная западной религиозной идее расплаты за греховность поступков. Буддийский закон «инь-го» всесилен и вечен, как вечен могущественный закон кармы, с которым он связан внутренней связью, поэтому герой обречен. Другими словами, «следствие» — «го» как непременный элемент религиозного двучлена обретает особый смысл в судьбе человека. Это та конечная застава на пути человеческой жизни, за которой расстилается таинственное пространство будущего существования, характер которого определяется всей предшествующей жизнью, составляющей причину — инь. Путь человека может разветвляться на тысячу тропок, а действия его беспредельны, однако в конечном своем результате они предсказуемы. В жизни Вэйяна все любовные авантюры в конце концов приводят его к злосчастному финалу. Вэйян теряет жен, любовниц, силу, здоровье. Это и есть та неумолимая расплата за свою страсть. Это и есть его «го».

И все же, оказывается, удары судьбы можно ослабить, от нее можно ловко увернуться. В какой-то момент Вэйян сумел «повернуть голову» (то есть образумиться), поэтому в отличие от своего предшественника Симэня, погибшего от похотливых страстей, он смог «прозреть», правда, заплатив за это слишком высокую цену. Один анонимный комментатор, внимательно и дотошно прочитавший этот роман и снабдивший его интересными замечаниями, писал, что герой, подобный Вэйяну, должен вовремя «сменить свою колею», ибо «даже очень дурной человек, если он вовремя одумается и оглянется назад, способен увидеть брег спасения».

Свой «брег спасения» наш герой увидел, пройдя значительную часть своего жизненного пути, разочаровавшись в своих жизненных целях, осознав их ничтожность и призрачность.

Грехопадение и прозрение героя отражены в двух названиях романа. Первое из них («Подстилка из плоти») намекает, с одной стороны, на путь плотских утех, по которому следовал герой, а с другой — на откровение, снизошедшее к нему в конце этого пути, своего рода — самопознание. Ведь подстилка (путуань) — это метафорический образ созерцательной, очистительной деятельности, постижения Истины (в романе — это истина учения чань). Праведник (святой инок, аскет), восседая на путуань, постигает смысл бытия и все тайны жизни. Роман имеет еще одно название «Просветление, пришедшее с прозрением». В китайском тексте понятия «просветление» и «прозрение» выражены, соответственно, иероглифами «чань» (буддийское просветление, прозрение) и «цзюэ» — «прочувствование, осознание». Иначе говоря, второе название подразумевает «осознанное прозрение», которое приходит к человеку как некое веление судьбы. «Самопрозрение» и «самопогибель» — две разные и конечные точки воздаяния. Они венчают путь, одинаково, западных и восточных героев.

Но если изначальный финал пути героя сластолюбца, в общем, предопределен (его поступки дурны и безнравственны, а потому требуют осуждения), почему же столь прельстительно изображены картины его порочной жизни? Почему автор (Ли Юй или другой автор) так образно и ярко изображает картины порока, с таким удовольствием и даже с упоением живописует картины шокирующей чувственности? Порой кажется, что эротизм романов типа «Цзинь, Пин, Мэй» или «Жоу путуань» и других словно самодовлеет в поэтике этих произведений, заслоняет собой обычное описание жизни и нравов, даже оттесняет на второй план религиозную концепцию конечного воздаяния (заметим, кстати, что эротический характер сцен в произведениях аналогичного типа не чужд и западноевропейской литературе, включая произведения религиозного содержания — об этом интересно пишет А. Я. Гуревич в цитированной книге о средневековой народной культуре). В китайском романе Ли Юя в одной из начальных глав соблазнительно изображается сцена обучения Юйсян правилам и искусству любви. Герой объясняет их на примере «весенних картинок», содержание которых немедленно претворяется героями в жизнь. Откровенным эротизмом наполнены сцены встречи Вэйяна с двумя молоденькими сестрами, а потом с тремя родственницами. Весьма натуралистически изображена сцена хирургического преображения героя и т. д. Таких эпизодов немало в других произведениях. Подобной особенности можно дать несколько объяснений, каждая из которых посвоему раскрывает внутренние побуждения китайских авторов писать именно так, а не иначе и объясняет содержание самих произведений.

Первое — это стремление через подчеркнутую эротику сцен показать омерзительный характер са-

мого порока — сластолюбия. Иначе говоря, речь здесь идет о назидательной, этико-религиозной идее автора. В памятниках западноевропейской и восточной (в том числе китайской) литературы даже жизнь праведников наполнена «мерзостями блудодейства», дабы читатель наглядно убедился в отвратительных свойствах этого греха, а главное, понял бы неизбежность расплаты. Этот назидательный характер своего произведения стремился подчеркнуть и автор китайского романа. В конце первой главы Ли Юй «...надеется, что читатель увидит в его сочинении слова напутствия, которые будто лечебной иглой кольнут его, и он сразу же задумается над прочитанным. Он увидит в книге описание любовных связей — «радостей за спальным пологом», словом, картины, которые близки к изображению деяний непристойных. Однако, увидев перед собой все это, читатель поймет, к чему ведут подобные поступки. Они послужат ему предостережением в жизни». Одна из целей написания книги совершенно ясна, а отсюда становится более понятной одна из сторон ее «специфики». Но после вышеприведенных слов Ли Юй делает такую многозначительную ремарку: «Если бы автор написал эту книгу как-то иначе, ее никто не стал бы читать, и она, наподобие оливы, оставила бы во рту горький привкус. Я же все изобразил иначе, чтобы читатель проглотил ту оливу, но спрятанную в сладком финике. Теперь олива уже не оставит неприятного привкуса». В этих словах, намекающих на характер изображения действительности, сказано нечто важное, к чему мы вернемся немного позднее.

Вторая особенность подобного изображения в произведениях этого типа объясняется одной специфической чертой культуры той поры. Читатель романа, конечно, обращает внимание на то, что в нем часто говорится о «пестовании жизни» («ян-шэн»), о «пестовании сердца» («ян-синь») и т. п., то есть о понятиях, связанных с психофизиологическими и гигиеническими учениями того времени. В основе их, как правило, лежат даосские представления о связи и взаимоотношениях человека и природы, о роли первостихий и первоэлементов в организме человека, об их отражении в человеческом поведении, о взаимоотношении полов и характере регуляции человеческих связей и т. д. Суть «ян-шэн» и «ян-синь» как важных частей или сторон саморегуляционной деятельности человека (а Ли Юй посвятил ей многие страницы специального эссе-исторического труда: «Случайное пристанище для праздных дум») состоит в умении человека поддержать свой «дух» (или «изначальный дух») как первооснову своей жизни и его долголетия. «Сохранение первозданного духа» и «укрепление корней» — одно из главных условий нормального развития человеческого организма, о чем неоднократно говорится в романе и в его комментариях. В рамках этого учения очень важно установить гармонию между человеком и окружением во всех его видах, добиться равновесия всех первоэлементов в организме, создать гармоническое единство его наиглавнейших сил и, прежде всего, первостихий — инь и ян

(темного и светлого начал). Кстати, именно поэтому автор так настороженно, если не сказать больше, относится ко всякого рода отклонениям от гармонического развития человека. Не случайно, к примеру, что автор с сарказмом говорит о евнухах, «рано состарившихся и немощных», так как они являют собой пример отклонения от жизненной нормы.

Среди всех этих проблем важнейшую роль играет взаимоотношение полов, включая половую практику (виды сексуальной практики, необходимые снадобья, призванные установить гармонию между стихиями инь и ян и т. д.). Уже в первой главе автор, сетуя на то, что медицинские книги не уделяют должного внимания проблеме интимных отношений между мужчиной и женщиной (всего, что с нею связано), пишет: «Словом, мнения на сей счет, как мы видим, бытуют самые разные. Одни говорят, что утехи полезны, так как укрепляют здоровье; другие твердят, что оные несут один лишь вред. Если прибегнуть к сравнению (не забыв, понятно, жизненный опыт), то можно сказать так: любовные утехи весьма и весьма полезны для человеческого организма, ибо играют роль своеобразных целебных снадобий вроде женьшеня и растения аконит, которые, как вам известно, используются при соитии. Не следует забывать и о том, что аконит и женьшень, как и другие подобные лекарства, являющиеся укрепляющим средством, приносят пользу лишь тогда, когда их употребляют немного и длительное время». И далее автор прибегает к чисто медицинскому совету: «Помните, что они все-таки зелья, а не обычная пища. Если вы станете пожирать их без меры или не вовремя, они принесут огромный вред организму. Такой же вредоносной может оказаться и телесная связь с женщиной. Однако, если прибегать к ней длительное время и пользоваться ею равномерно, она непременно явит свои достоинства, ибо стихии инь и ян в этом случае как бы взаимно дополняют друг друга». И еще одно признание литератора: «Вот почему людям следует твердо усвоить, что к плотским утехам надо относиться как к лечебному снадобью, то есть употреблять его не слишком часто, но и не слишком редко, не гнушаться им, но и не пресыщаться. Еще до соития надобно помнить, что соитие есть лекарство, а вовсе не яд... Если все люди будут помнить об этом и сообразно поступать, то стихии инь и ян не понесут никакого ущерба!» Мы привели эти несколько пассажей, чтобы подчеркнуть, что проблема секса в Китае имела философский и медицинский подтекст, охватывая гигиену половой жизни. И эту особенность нельзя сбрасывать со счетов, ибо она занимала в культурной и духовной жизни человека не менее важное место, чем, скажем, дыхательная гимнастика или боевое искусство (ушу) — отнюдь не только виды физкультуры, но и формы духовного бытия.

Можно сказать и о третьей черте эротического изображения в произведениях литературы — черте чисто житейской, объясняющейся особенностями самого бытия, нравом того времени (о чем мы

отчасти немного сказали). Китайский автор прибегал к эротическому изображению картин действительности, так как хотел сказать, что чувственность, эротика в литературном произведении имеют такое же право на существование, как, скажем, целомудрие или аскеза, ибо они существуют в самой жизни, являются продуктами бытия и составной его частью. Поэтому появление соответствующих сцен в памятниках литературы объясняется вовсе не порочными наклонностями автора (как это любили писать конфуцианские ригористы или блюстители религиозных догм), а тем, что таковы человеческие нравы. В высоких сферах общества подобные произведения были запрещены (чисто номинально, однако существует множество исторических свидетельств о том, что представители даже чиновной и ученой элиты от руки переписывали подобные произведения или платили за рукописи и ксилографы бешеные деньги), но зато среди городских слоев они пользовались огромной популярностью и вовсе не из-за их чувственного содержания, а потому, что характер изображения (включая эротику) был понятен широким слоям. Эти произведения пользовались огромным коммерческим спросом. Вспомним слова Ли Юя об оливе и финике — ведь они говорят именно об этой специфике данной литературы. Оливу вкладывают в сладкий финик для того, чтобы человек с удовольствием съел и то, и другое, однако «вкус» читателя все-таки ориентирован больше на сладкий финик. Автор в своем романе отразил эту особенность читательского, общественного вкуса и, конечно, общественных привычек и морали.

Наш краткий очерк о китайском Дон Жуане, сластолюбце Вэйяне, герое романа «Подстилка из плоти» мы закончим словами о его издателе Ли Юе (1611—1679 гг. или 1680 г.) — талантливом драматурге и теоретике театра, известном прозаике и эссеисте, своеобразном философе, правда, не сумевшем создать самостоятельную философскую систему. Надо заметить, что авторство романа — это одна из загадок творчества выдающегося литератора, которая до сих пор полностью не разрешена, так как нет документальных подтверждений принадлежности данного произведения перу Ли Юя. И все же существует множество косвенных свидетельств (это — тема для особого разговора), которые говорят о причастности к нему Ли Юя. Отпрыск обеспеченных родителей, но потерявший почти все в годы гибели империи Мин (в середине XVII в.); всегда стремившийся к ученой и чиновной карьере, но успевший сдать экзамены лишь на первую ученую степень сюцая; страстно искавший литературного признания, но подвергшийся поношениям со стороны ортодоксов; хотевший добиться общественной славы, но вынужденный довольствоваться нереспектабельной профессией полудраматурга, полуактера, полуписателя — таков был Ли Юй, в жизни которого отразились метания и колебания многих его современников и противоречия самой жизни. Все это по-своему нашло отражение в его творчестве, о чем намекает и судьба его героев — сумбурная, чувственная, на-

сыщенная взлетами и падениями. Тема донжуанства, а точнее, поисков любовного идеала через реализацию гедонистических устремлений и плотских влечений, познания жизни и самого себя через достижение гармонии чувств и упокоение страстей составила важную черту его своеобразного учения о жизни и человеке, по-своему проявившись и в его романе о сластолюбце Вэйяне.

* * *

В настоящей книге представлены два отрывка (две законченные главы III и VI) из романа Ли Юя «Жоу путуань» («Подстилка из плоти»), в которых достаточно наглядно демонстрируется идея «сэ» — китайского эроса. В главе III герой Вэйян-Полуночник, женившись на Юйсян — дочери книжника Тефэя по прозванию Железная Дверь, старается преподать молодой жене секреты «спального искусства» (фан шу), показывая ей «весенние картинки» — своеобразное наглядное пособие по любви. Через некоторое время, однако, жена ему наскучила, и он принимает решение покинуть дом, дабы в чужих краях изведать прелести любовных встреч с другими женщинами. В пути он встречает мошенника и ловкача Сай Куньлуня (Превзошедшего Куньлуня), который раскрывает Вэйяну незнакомые молодому сюцаю тайны интимной жизни, одновременно пытаясь узнать любовные возможности Полуночника. Посрамленный Куньлунем Полуночник испытывает неизъяснимый стыд и отчаяние оттого, что его представления о своих физических возможностях оказались сильно им переоцененными.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры.— М., 1981. С. 291.
2. Изборник.— М., 1969. С. 610.
3. Проделки Праздного Дракона.— М., 1989. С. 526.
4. Байрон Д. Г. Паломничество Чайлд Гарольда. Дон Жуан.— М., 1972. С. 323.
5. Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мура. Повести и рассказы.— М., 1967. С. 394.

ЛИ ЮЙ

ПОДСТИЛКА ИЗ ПЛОТИ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТЫЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ДАО-ПУТИ
СОВЕРШИЛ ОПЛОШНОСТЬ,
ВЗЯВ В ДОМ БЛУДЛИВОГО ЗЯТЯ.
ДОСТОЙНАЯ ДЕВА ОТ ВСТРЕЧИ
С МОЛОДЫМ ПОВЕСОЙ ПРИШЛА
В БОЛЬШОЕ ВОЛНЕНИЕ.

Рассказывают, что студент Вэйян, простившись с Одиноким Утесом, отправился своей дорогой, недовольно ворча себе под нос.

— До чего же бестолковый монах! — В его голосе слышались горечь и обида. — Мне едва исполнилось двадцать, и сейчас я похожу на цветок, который только-только успел распуститься. А он хочет, чтобы я в свои юные годы обрил голову и добровольно принял на себя тяжкие муки. Бездушный старец! Я пришел к нему только потому, что много слышал о нем и надеялся, что он раскроет мне нечто новое или по крайней мере помо-

жет своим вероучением укрепить мои успехи на литературной стезе. Вместо этого пришлось терпеть от него одни унижения! А его дурацкая заповедь, которую он мне изрек! Какой в ней прок?! Экий он дурень!.. Такой талантливый и выдающийся человек, как я, заняв чиновный пост, сможет управлять не сотнями, а тысячами людей Поднебесной! Так неужели я не в силах справиться со своей собственной женой? Нет уж, если я встречу на своем пути красотку, ни за что не пропущу ее мимо себя, пускай даже прослыву злодеем-любодеем. Женскую половину дома (когда я женюсь) я буду держать в большой строгости, и вряд ли в мире найдется враг-соперник, кому мне пришлось бы выплачивать долг! К тому же и моя собственная супруга, имея такого красавца мужа, как я, навряд ли прельстится чужим мужчиной, если тот попытается ее соблазнить. Нет, никак не могу представить, чтобы она рискнула совершить подобный безнравственный поступок, просто непостижимо!.. Ах да, этот бумажный листок, который всучил мне монах — его надо просто разорвать и вышвырнуть прочь! А может, стоит пока оставить его у себя? При следующей встрече суну бумажку ему под нос и скажу, что его пророчества нисколько не подтвердились. Интересно, что он на это ответит?! Покается или нет?

Приняв такое решение, студент сложил бумажку с написанным заклятием и спрятал ее за пояс.

Вернувшись домой, он попросил приятелей найти сваху, которая смогла бы подыскать для него самую красивую деву в Поднебесной. Надо вам заметить, что с Вэйяном не прочь были породниться многие знатные семьи. В самом деле, плохо ли заполучить в дом такого видного зятя? Молодой человек отменно умен и красив, происходит из знатного рода. Какая дева не согласится выйти замуж за этакого красавца! Словом, едва ли не каждый день к сюцаю приходили сразу несколько свах с предложениями о свадьбе. Девиц из семей малознатных или бедных они приводили с собой, чтобы Полуночник мог бы их сам внимательно разглядеть и оценить по достоинствам. Что до женщин из богатых домов, где, как известно, приличия блюдутся очень строго, то свахи устраивали с ними «случайную» встречу в каком-нибудь храме или в безлюдном месте. Но поскольку Вэйян не имел серьезных намерений и беспокоил свах о подобных встречах лишь для вида, из его «смотрин» ничего путного не получилось. Ни одна из дев, что он увидел, ему не приглянулась. Между тем молодые женщины, вернувшись домой, потеряли покой от любовного волнения.

Одна из свах как-то ему сказала:

— Как я вижу, сударь, никто из здешних красавиц вас не устраивает... Осталась только одна девица, которая, возможно, вам подойдет: дочь ученого книжника по имени Тефэй Железная Дверь. Ее зовут Юйсян Яшмовый Аромат. Отец ее, к слову сказать, истинный почитатель Дао-Пути, человек с большими причудами. К примеру, он никому не дозволяет встречаться со своей дочкой. Если бы вы даже очень захотели увидеть девицу, у вас из этого ничего не получилось.

— А почему так странно его зовут: Железная Дверь? — полюбопытствовал юноша. — Отчего он не разрешает никому встречаться с дочерью?.. Действительно ли она так красива, как вы говорите?

— Этот человек весьма богат и, понятно, ни от кого не зависит. У него есть все: земля, пашни, поля... А известен он тем, что поразительно замкнут. За всю свою жизнь у него, кажется, не было ни одного близкого друга. Целыми днями он сидит дома, читая книги. Попробуй-ка приди к нему и стукни в дверь. Кто бы ты ни был, ни за что не откроет. Рассказывают, как-то к нему заехал один знатный муж, который много слышал об известности Тефэя. Как ни стучал он в дверь, как ни колотил во всю мочь, дверь так и не открылась. Хозяин не только слова не сказал, даже звука не издал... И вот тогда гость, разозлившись на него, сочинил стих, который написал прямо на двери. В стихе, между прочим, были и такие строки:

Думал, что возвышенный муж живет
В этой хижине тростниковой.
Право, не знал, что прячется он
В доме за железной дверью!

Хозяину настолько понравились эти стихи, что он даже взял из них два слова для своего прозвища... У книжника Тефэя сына нет, с ним живет одна лишь дочь, к слову замечу, писаная красавица, похожая на цветок или яшму. Она знает грамоту и прочитала множество книг, которые обычно ей дает сам отец. Девушка пишет стихи, слагает песни, а держит она себя строго и с большим достоинством. Правда, на богомолье она не ходит, свечи в храмах на зажигает и ни на каких празднествах не появляется. Ей уже шестнадцать годков, а она еще нигде не показывалась, даже голову из дома не высовывала. Свахи (как их называют: «три тетки, шесть бабок» [1]) в доме у них еще не появлялись. Только мне одной повезло. Прохожу я намедни возле их дома, вижу, стоит сам хозяин Железная Дверь. Увидел меня и говорит:

— Ты вроде как сваха?

— Точно так! — отвечаю. — Сваха и есть!

И вот тогда он ведет меня в дом прямо к дочери.

— Вот моя дочь! — говорит он мне и показывает на девицу. — Я хочу найти для нее подходящего мужа, а для себя достойного зятя и сына, который ухаживал бы за мной в старости. Запомни мои слова и найди такого хорошего человека!

Понятно, я сразу же подумала о вас, господин Вэйян, и тут же рассказала ему.

— Да, я слышал, что у молодого человека, кажется, есть кое-какой талант, — сказал он. — Однако мне неизвестно, достойно ли он себя ведет в жизни.

Я, само собой, ему объяснила:

— Господин сянгун еще молод годами, однако зрелый в деяниях. У него нет ни малейшего изъяна... Правда, с ним может быть одна трудность. Он желает увидеть свою избранницу собственными глазами. Лишь только при таком условии он согласен на женитьбу.

Услышав мой ответ, старик сразу же насупился.

— Какие глупости! — отрезал он. — Так осматривают чахлых лошадей из Ханчжоу [2]. Где это видано,

чтобы девушку из порядочного дома разглядывал чужой мужчина?!

Когда он это сказал, я сразу поняла, что дальнейшего разговора у нас с ним не получится, и тотчас ушла. Поэтому говорю вам прямо: из этой свадьбы вряд ли что выйдет!

Вэйян подумал: «Живу я один, нет у меня ни родителей, ни братьев с сестрами. Если я женюсь и возьму жену в дом, мне придется сторожить ее самому и держать взаперти. И тогда, возможно, из своего собственного дома мне не удастся показать даже носа. Если же я приведу в дом этого замшелого книжника, то беспокоиться о жене мне уже не придется: он сам будет сторожить свою дочь. Значит, я смогу свободно уезжать, куда мне заблагорассудится, не зная особых преград... Жаль, конечно, что я не смогу заранее взглянуть на девицу. Впрочем, на сваху, кажется, можно вполне положиться». Вслух он сказал так:

— Судя по твоим словам, дело это вполне доступное и стоящее. Коли так, будет у меня к тебе еще одно поручение. Придумай что-нибудь, чтобы я на нее взглянул хотя бы разок. Как бы не было у нее какого-нибудь изъяна. Если с ней все в порядке, тогда пусть будет все так, как мы с тобой решили!

— О свидании даже не мечтайте! — воскликнула сваха.— А если не верите мне, обратитесь к гадателям, спросите у духов. Что они изрекут, так и делайте!

— Пожалуй, ты права!.. Есть у меня на примете один знакомый ворожей; большой, скажу тебе, мастер в своем искусстве. Что ни скажет, все сбывается точно! Надо его, пожалуй, позвать! Потом расскажу тебе о нашем разговоре. Посмотрим, что он мне скажет. Договорились?

Сваха согласно кивнула головой и тут же исчезла. На следующий день Вэйян, совершив омовение и в меру поговев, позвал к себе ворожея, умевшего общаться с духами. Хозяин возжег курительные палочки и, склонивши голову в почтительном поклоне, тихо проговорил:

— Младший брат имеет к вам просьбу, учитель... У некоего книжника Тефэя есть дочь Юйсян, по слухам писаная красавица. Я решил взять ее в жены. Но дело в том, что я ее никогда не видел, даже глазом на нее не взглянул. Как же я могу на ней жениться? Прошу вас, почтенный, спросите у всезнающих небожителей, действительно ли она столь хороша, что ее трудно, просто невозможно ставить в один ряд с другими девами. Если это так, я без промедления женюсь на ней, если не так — откажусь! Склоняю колена перед великими духами и почтительно жду их ясного ответа. Мне очень не хочется совершить ошибку!

Он четырежды поклонился ворожею и, поднявшись с колен, взял палочку из дерева луань[3], дабы посредством ее узнать решение небожителей. Палочка пришла в движение и стала выводить знаки. Перед юношей появился такой стих:

К духам не питай сомнений,
В демонах не сомневайся!

Все они глаголят правду.
Дева та красивей всех.

«Вот как! Значит, она и впрямь необыкновенно хороша!» — подумал Вэйян. Перед ним появилась вторая половина стиха:

Но бойся женской красоты,
Она ведет к распутству.

У заставы, что добро от зла
отделяет,
Спроси, где тот брод, что ведет
в грядущее!

«Вот те на! В стихе говорится, что красота непременно влечет к разврату. Неужели девица порченая? А что если тыква, как говорится, расколота? Не может быть! Это лишь начало стихотворения». Действительно, палочка из дерева луань снова пришла в движение, потом остановилась. Новый стих гласил:

Видно сразу, кто сия дева,
Целомудренная она иль беспутная.

Что до мужа, он должен
Беречь свой семейный союз.

Если дверь плотно закрыть,
В щель не влетит даже муха.

Как она проберется внутрь,
Как испоганит прекрасную яшму?!

Под вторым стихом Вэйян прочитал: «Сочинил Праведник, вставший на Путь Истины».

Слово «Праведник» заставило юношу вспомнить святого Люй Чуньяна, имевшего такое прозвание. «Наш святой неплохо разбирается в вине и женщинах! — подумал Вэйян. — Если он нынче высказал добрые пожелания, значит, они непременно исполнятся. В последних строках дух словно намекает, что мои сомнения совершенно беспочвенны. Но тут же он как бы предупреждает меня, чтобы я проявлял осторожность. Только кажется мне, что при таком тесте, как этот дремучий ортодокс Тефэй, мне нечего беспокоиться, он лучше меня проследит за дочерью. В последних строках стиха об этом говорится совершенно определенно. Через «железную дверь» не проберется не то чтобы человек, не проскользнет даже муха. А потому прочь сомнения!»

Юноша отвесил глубокий поклон, выражая свое почтение ворожею и благодарность божеству Люй Чуньяну[4].

Закончив гадание, он велел слуге привести к нему сваху.

— Стих, который начертал дух, имеет доброе предзнаменование, а потому я от смотрин отказываюсь, — сказал он. — Отправляйся к книжнику и устраивай свадьбу!

Обрадованная сваха тотчас поспешила к Тефэю и доложила о согласии молодого ученого на брак с дочерью.

— Но он хотел жениться лишь после того, как увидит невесту. Из этого я сделал вывод, что его прельщает не добродетель души, но лишь телесная красота, — заметил книгочей. — По всей видимости, он пустой и легкомысленный человек! А я ищу зятя порядочного, вовсе не какого-нибудь вертопраха!

Женщина испугалась: глядишь, деньги, что она получила за сватовство, уплывут из ее рук. Сваха пошла на хитрость.

— Он желал заранее ее увидеть вовсе не потому, что его влечет внешняя красота, просто молодой человек опасается, как бы его невеста не оказалась ветреной особой. Если нет в ней знака благодати, она не станет ему доброй супругой. В последнее время он, одна-

ко, узнал, что в вашем доме царят строгие нравы, а ваша дочка служит образцом девичьей целомудренности. Тогда он сразу успокоился и послал меня к вам, чтобы просить разрешения на брак.

Тефэй поверил свахе и наконец дал свое согласие. Заодно они определили и тот счастливый день, когда должно было произойти радостное событие.

Услышав новость, Вэйян еще больше уверовал во всесилие слов, начертанных духами. И все же его по-прежнему точили сомнения: какова его избранница, которую ему так и не удалось заранее увидеть?

Наступил день свадьбы. Поздно вечером, совершив положенные поклоны родителям, жених с невестой удалились в нарядно украшенную комнату, где наш студент увидел свою юную избранницу. Наконец-то он ее может рассмотреть со всех сторон! О, радость! Молодая жена была просто прелестна. Ее красоту лучше всего описать стихами, поэтому мы сейчас приведем один из наиболее подходящих стихов, написанных на мотив «Воспоминание о красавице из Цинь» [5].

Она поразительно красива.

Стан ее и весь ее облик
Исполнены тончайшего
очарования.

Да, да исполнены они
очарования.
Когда находится в печали дева,

Хочется пожалеть ее и
приласкать.
Как только она нахмурит брови,

Ее не сравнишь ни с кем.
Но стоит ли ей впадать
в печаль?

Ведь нынче она невеста.
О, как тонок стан ее —

Даже страшно его обнять.
О, как нежно тело ее —

Оно как бы лишено костей.
К нему и прикоснуться
страшно.

Молодожены были столь счастливы, что их радость можно выразить лишь стихами, для чего мы здесь и приведем один стих цы [6] на мотив «Весна в нефритовой башне».

Очи сияют как звезды
Из-под полусмеженных ресниц.

Цвет персика, упавший
на подушку,
Готов раскрыть свои лепестки.

Уста уже давно приоткрыты,
Источают они тонкий аромат.

Они готовы широко раскрыться,
Как только их коснется язычок.

Слабые стоны в минуты покоя,
Но чувства велики —
беспредельны.

На нежной груди выступают
Капельки влаги любовной.

Очи широко раскрыты,
Смотрят влюбленные друг
на друга.

Сердца их пылают в груди,
Словно раскаленные угли
в печи.

Надо вам знать, что девица Юйсян при всей своей несравненной красоте имела один большой недостаток — ей не хватало любовных чувств, что, понятно, никак не устраивало любвеобильного супруга. Сей изъян возник у нее оттого, что родители держали девушку

в большой строгости, поминутно читая ей суровые наставления. Как говорится в подобных случаях: «Ее ухо не слышало развратных звуков, а ее очи не замечали дурные цвета». Читала она только серьезные книги, вроде «Повествования о женщинах-героинях»[7] или «Канона о дочерней почтительности»[8]. Одним словом, почти все, о чем говорила эта молодая девица, нисколько не совпадало с повадками и намерениями молодого мужа. Всем своим поведением она поразительно походила на своего родителя Тефэя. Молодой супруг прозвал ее в шутку «Праведницей». Сказав это, он добавил еще что-то не вполне приличное, отчего чело молодой жены сразу же зарделось, и она отошла от мужа в крайнем смущении.

Вэйян не прочь был заняться любовными утехами даже днем, ибо вид сокрытых прелестей супруги разжигал его сластолюбие. Он приставал к ней, требуя, чтобы она сняла одежды, но женщина тотчас поднимала крик, будто над ней собирались учинить насилие. Пришлось Вэйяну отказаться от дневных домоганий и ограничить себя лишь ночными утехами, что он, заметим, принял с некоторой неохотой. В супружеской жизни молодая жена предпочитала путь Золотой середины[9], то есть давно проторенный, упорно отвергая все новые и тем более неожиданные тропинки. На просьбу мужа «добыть огонь за рекой» она заявляла, что поворачиваться к мужу спиной ей-де неприлично. Когда он заводил разговор об «увлажнении влагой горящей свечи», она ему говорила, что супругу, мол, так будет не слишком удобно. Если Вэйян предлагал ей закинуть ножку повыше к плечам, она уверяла, что это требует от нее больших усилий. Когда приходила минута блаженства, Юйсян никогда не стонала от счастья, как обычно это делают другие женщины («Ох, смерть моя наступила!»), этим самым помогая мужу в ратном деле и укрепляя силы его духа. Юйсян не издавала ни единого звука, будто была немая. Видя, что ее ничем не проймешь, молодой муж весьма огорчился и даже впал в отчаяние. «Придется добыть кое-какое средство! — подумал он. — Только так ее можно будет пронять! Завтра же отправлюсь в книжную лавку и куплю альбом с картинками «весеннего дворца». Люди утверждают, что эти рисунки принадлежат кисти самого Чжао Цзыана[10]. В альбоме всего тридцать шесть картин, и каждая сопровождается танским стихом[11] на «весеннюю тему». Покажу все эти рисунки Юйсян, впрочем, лучше мы полистаем альбом вместе. Из этих картин она сразу поймет, что искусство любви придумал вовсе не я, оно существовало еще в давние времена, подтверждением чего является сие сочинение». В лавке, однако, оказался совсем другой альбом — с рисунками Чэн Вэньмо.

Нисколько не догадываясь о содержании альбома, Юйсян открыла первую страницу. На ней она увидела четыре крупных иероглифа: «Отблески ханьского дворца». Женщина подумала: «Во дворцах эпохи Хань[12] жило немало чистых и мудрых дев — наложниц ханьского государя. Как видно, в альбоме помещены их портреты. Любопытно, как выглядели эти девы?» Она пе-

ревернула страницу. Что это? На картинке были нарисованы мужчина и женщина. Совершенно нагие, они возлежали на искусственной горке и занимались любовью. Лицо Юйсян запылало ярким румянцем. «Откуда попала сюда эта мерзкая книжка? Она оскверняет чистоту женских покоев! Она несет беду!» Молодая женщина позвала служанку и приказала немедля сжечь альбом.

— Что ты делаешь! Это очень старая и ценная вещь! — воскликнул Вэйян. — Знаешь, сколько стоит этот альбом? Целую сотню лянов! [13] Я взял его на время у одного приятеля, решил сам посмотреть его, полистать. Если ты его сожжешь, нам придется уплатить ему огромную сумму серебром! Ты способна пойти на подобную жертву? Если нет, тогда лучше положи книжку на место. Пусть полежит у нас день-другой, потом я верну ее хозяину.

— Не понимаю, как можно просматривать все эти непристойности?! — воскликнула жена.

— Если бы это была только одна непристойность, художник не стал бы рисовать эти картинки, а мой друг, собиратель книг, не стал бы тратить громадные деньги на приобретение книги. Нет, моя дорогая, с тех пор, как существуют Небо и Земля, подобные деяния, изображенные в альбоме, считались вполне обычными и пристойными. Вот почему литераторы пишут о них, а живописцы их изображают на таких вот цветных картинках, а потом даже наклеивают на дорогой шелк. Подобные рисунки испокон веков продавались в книжных лавках или павильонах художников, хранились у крупных ученых — собирателей редкостей, чтобы потомки узнали все то полезное, что можно в них почерпнуть. Без такого познания стихии инь и ян могут разрушиться. Мужья отвергнут своих жен, а жены отвернутся от мужей. И тогда путь жизни прервется, ибо люди, не ощущая горения в своей груди, остановятся в своем развитии. Я принес эту книгу не только, чтобы посмотреть самому, но и показать тебе. Постигнув мудрость жизни, ты в радости зачнешь дитя и подаришь мне сына или дочь. Правда, ты, быть может, потеряешь былую праведность, что так почитает твой родитель, но ведь с его понятием жизни мы можем вовсе остаться без потомства. Поэтому, моя дорогая, кипятиться не стоит!

— Ни за что не поверю, что подобные дела можно назвать приличными! — воскликнула жена. — Если бы это было так, как ты сказал, тогда мудрецы древности, установившие правила человеческой жизни, ясно бы объяснили, что такими делами люди могут заниматься белым днем, а не творить их тайно, глубокой ночью, как воры, которые совершают какой-нибудь подлый поступок! Нет, нет! Занятие это непристойное!

Вэйян улыбнулся.

— В том, что ты мне только что сказала, вина, конечно, не твоя, а родителя, который замкнулся в четырех стенах, лишая дочь возможности общаться с другими женщинами, сведущими в любовных делах. Они-то могли бы тебе рассказать немало весьма презабавных историй. Живя в уединении, ты мало что видела и не имела ни

малейшего представления о людских нравах. К примеру, ты уверовала, что любовью можно заниматься лишь по ночам, а не днем, потому что это занятие неприличное, о нем не положено даже упоминать. Тогда объясни, откуда знал обо всем этом живописец, который создал эти рисунки. Как смог он так живо и вдохновенно все изобразить?

— Мои родители никогда не занимались любовью днем! — заметила Юйсян.

— Откуда тебе это известно? — воскликнул Вэйян.

— Если бы они занимались любовью днем, я непременно их за этим занятием застала! Однако же я ни разу ничего подобного не видела, хотя мне уже шестнадцать. Я не слышала даже подозрительных звуков.

— Ах ты глупая! — рассмеялся Вэйян.— Дети, как правило, ни о чем не догадываются. А вот служанки и горничные не только подслушивали, но и подглядывали. Наверняка! Просто твои родители занимались любовью втайне, при закрытых дверях, чтобы ты их не увидела за подобным занятием. Они боятся, что подобные сцены способны вызвать в твоей душе «весенние чувства». Ты сразу же станешь мечтать о мужчине, и в конце концов от этих дум тебя одолеет недуг. Поняла?

— И верно, днем они часто запирают свои двери,— промолвила раздумчиво Юйсян.— Мне они говорят, что пошли отдохнуть, а сами, как видно, на самом деле занимаются любовью. Так оно и есть... И все же это занятие постыдное. Вот так смотреть друг на друга! На что это похоже?!

— Не скажи! Дневная любовь во сто крат слаще ночной,— возразил Вэйян.— Ее прелесть как раз в том, что один смотрит на другого, благодаря чему рождается любовное желание... В жизни можно назвать лишь два случая, когда дневные утехи противопоказаны супругам. Кроме них, день — самое лучшее время для любви.

— Ты сказал о двух случаях,— поинтересовалась жена.— Что ты имеешь в виду?

— Ну, скажем, когда муж — урод, а жена красавица,— объяснил Вэйян.— Или, наоборот, жена — страшилище, а муж писаный красавец!

— Отчего же таким супругам противопоказано любить друг друга в дневное время?

— Оттого, что между супругами должна существовать взаимная любовь и радость, а эти чувства рождаются лишь тогда, когда дух и тело двух любящих существ, как и все токи крови, находятся в полном согласии. Если жена походит на чудесную яшму, а ее тело прекрасно и нежно, кожа бела, как снег, муж, освободив ее от лишних одежд и заключив в свои объятия, получает от созерцания ее красоты безмерное наслаждение. Вся его мужская природа приобретает крепость и твердость и будто раздается в своих размерах. А теперь представь, что муж похож на черта с темной и грубой кожей. Когда на нем надето платье, его телесные пороки не слишком заметны. Но едва он снял свои одежды, как все его безобразие (ведь сейчас его уже ничем не прикроешь!) тотчас

вылезло наружу. Рядом с прекрасным белоснежным телом женщины его мерзкая плоть выглядит особенно гадко. Понятно, что жена тотчас проникнется к нему глубоким отвращением. Ей захочется видеть перед собой совсем другого человека. Муж, конечно, это понимает. Твердость и крепость его плоти заметно слабеет, и то, что недавно казалось могучим, представляется совсем ничтожным. Вместо удовольствия супруги чувствуют одно разочарование. И тогда мужу, возможно, приходит мысль: «Пусть все свершается ночью, когда мое уродство не столь заметно!» Это — первый случай. А вот второй — когда супруг красив, а жена страшилище. Урон в любви здесь столь же велик, как и в первом примере, так что вряд ли необходимо это объяснять... Теперь представь, что мы оба спрячем под покровом ночи молодые нежные тела, цветом белоснежные иль розовые, и станем робко ощупывать их в темноте, вместо того чтобы любоваться ими в минуты радости, когда светло. Разве не похожи мы на супругов, о которых я тебе только что рассказал? Так мы можем погубить всю свою жизнь! Если ты мне не веришь, давай проверим: какая любовь слаще, дневная или ночная.

Слова мужа как будто немного тронули Юйсян. Правда, она делала вид, что противится, но в душе она уже согласилась. На ее щеках заиграл легкий румянец, на лице появилось игривое выражение.

«Кажется, ее все-таки проняло! Надо спешить! — подумал Вэйян, но тут же осадил себя. — Нет! Ее чувства только-только проснулись, однако подлинной страсти в ее груди еще нет. Она сейчас напоминает того голодающего, который, не разжевывая, проглотил кусок, не почувствовав от пищи никакого вкуса. Сначала я свою жену, как говорится, «подогрею», а потом уже «поднимусь на сцену».

Он придвинул к себе кресло, удобно в нем расположился и, заключив Юйсян в объятия, открыл альбом. Они принялись внимательно рассматривать рисунки. Надо вам знать, что альбом не походил на другие книги подобного рода. Каждая страница была разделена на две половины. В верхней изображена картина дворца, а в нижней давалось его описание. Часть текста объясняла содержание рисунка, вторая заключала похвалу художнику. Вэйян велел жене хорошенько запомнить рисунки, чтобы потом можно было воспроизвести их содержание. Он стал читать текст, объясняя фразу за фразой.

Рисунок первый сопровождался таким названием: «Шальной мотылек ищет аромат». В объяснении говорилось: «Влюбленные сидят на искусственной горке. Ноги женщины раскинуты, и нефритовый пест устремлен в недра инь, чтобы найти там сердечко цветка. Влюбленные только начали игру и не успели достигнуть блаженных сфер, а потому их очи открыты, а лик обычен» (илл. 68).

Рисунок второй: «Пчела собирает мед». Объяснение гласило: «Дева с лицом, обращенным кверху, как бы взлетает над парчовой постелью, упершись в нее руками. Она приподняла ножки, чтобы удобнее встретить нефритовый пест, а тот стремится отыскать тропинку, ведущую к сердечку цветка. Вид девы

таков, будто она томима голодом или жаждой. На лице ее друга видна растерянность, которая приводит смотрящего сей рисунок в состояние тревоги. Рисунок сделан мастерски» (илл. 90).

Рисунок третий: «Заблудшая птаха возвращается в лес». «Дева возлежит на расшитой постели, она будто о чем-то задумалась. Ее ножки приподняты, а своими ручками она крепко держит своего друга. Оба уже вступили в сферы блаженства и сейчас боятся, как бы им в них не заблудиться. Влюбленные вступили в битву, а потому их дух находится на взлете. Этот рисунок исполнен просто великолепно, как говорится: «Летающей кистью, танцующей тушью».

Рисунок четвертый: «Голодный иноходец рвется к кормушке». «Дева, возлегши на ложе, крепко обнимает возлюбленного, будто хочет привязать его к себе невидимой вервью. Он же, приняв на плечи ее ножки, устремляет нефритовый пест в глубины инь, нисколько не отклоняясь от намеченного пути. Влюбленные уже приблизились к вершине блаженства. Полузакрытые очи устремлены друг на друга, и ловят возлюбленные один другого устами, будто намерены проглотить язычок. Мастерство художника в рисунке проявилось просто бесподобно!»

Рисунок пятый: «Два дракона утомились в битве». «Дева опустила главу на подушку. С бессильно вытянутыми руками она лежит вся обмякшая, ее тело будто из ваты. Возлюбленный, положив голову ей на плечо, находится в такой же расслабленной позе. Они оба только что переступили пороги блаженства, поэтому их души витают где-то далеко. Оба погрузились в сладкие грезы и ждут, когда после бурных деяний, они обретут покой. На первый взгляд, кажется, что они умерли, но все же в их телах заметны признаки жизни. Рисунок позволяет читателю представить те высшие радости, которые ожидают влюбленных».

Этот рисунок вызвал в груди молодой жены волнение. Между тем Вэйян уже перевернул новую страницу. Внезапно Юйсян оттолкнула альбом рукой и, стремительно поднявшись, воскликнула:

— Отвратительная книжонка!.. Читай ее сам, а я пошла спать! Мне от нее стало невмоготу!

— Дальше ты увидишь самое интересное! Давай досмотрим до конца, а потом отправимся спать!

— Но почему непременно сегодня? Можно досмотреть и завтра!

Вэйян догадался, что жена по всей видимости пришла в возбуждение. Он ее обнял и запечатлел на ее устах поцелуй. Надо вам знать, что прежде, когда муж ее целовал, губы жены всегда были плотно сжаты. Как муж ни старался их разомкнуть языком, у него ничего не получалось. Сейчас ее алые губы сами раскрылись, обнажив белоснежные зубы, и он увидел меж ними пунцовый язычок. Это случилось впервые за целый месяц их супружеской жизни.

— Душа моя! — воскликнул Вэйян.— Не будем медлить! Сделаем все, как на первом рисунке, только вместо искусственной горки используем кресло. Ты согласна?

— Но это же не по-людски! — Юйсян как будто рассердилась, но только для вида.

— Вполне возможно, но зато это хорошо согласуется с деяниями небожителей, коим мы на короткое время уподобимся! — проговорил Вэйян и принялся распускать у нее пояс. Юйсян сделала вид, что противится, а сама прижалась к его плечу и позволила без особых усилий снять верхние штаны. Его руки почувствовали горячую испарину ее тела. «Как видно, «весенние картинки» [14] дали о себе знать!» — подумал муж. Он быстро разделся. Нефритовый пест был готов устремиться в недра стихии инь, но тут он подумал: «Надо прежде совлечь с нее кофту!»

Рассказчик, объясни, почему Вэйян снял кофту позже, чем штаны. Надо вам знать, любезный мой читатель, что Вэйян был великим мастером своего дела. Он прекрасно понимал, что, сними он сначала кофту, жена непременно бы застыдилась, хотя она сейчас и пребывала в любовном волнении, и ему пришлось бы потратить немало усилий, чтобы добиться успеха. Вот почему хитрец начал с самого главного в одежде, поскольку остальное освободить не представляло сейчас большого труда. В военном деле сей маневр называется «Послать солдат для захвата главаря в его собственном логове».

Юйсян лежала в его объятиях совершенно нагая, но ступни ее маленьких ножек были прикрыты особым футляром. Интересно знать, почему? Потому что такой футляр скрывает пальчики спеленутых ног, которые, как вам, наверное, известно, со временем искривляются, что, разумеется, не вполне красиво. Женщина к своим ножкам относится весьма ревниво. Маленькая ножка (всего в три цуня), закрытая таким футляром, становится изящной, похожей на «золотой лотос» [15]. Без подобного футляра женская ступня напоминала бы цветок, с которого опали лепестки. Ясно, что своим видом он никого прельстить не может. Вэйяну, разумеется, были известны все эти секреты. Освободив жену от одежд и раздевшись сам, он, как говорится, привел в порядок боевые знамена, а также подготовил все свое оружие и устремился в битву, стараясь отыскать путь к сердцевине нежного цветка. Он действовал точно так, как было изображено на первом рисунке. Юйсян, опершись на подлокотники кресла, встретила мужа достойно, сразу же подчинившись натиску его оружия. Влево-вправо, вправо-влево летало копье воина, но повсюду его ожидала достойная встреча. Вдруг Юйсян показалось, что изнутри ее точно обожгло кислотою. Странное ощущение: трудно выдержать, но еще труднее прервать.

— Прошу тебя, прекрати! — проговорила она. — Если будешь так тыкать в разные стороны, ты в конце концов меня покалечишь!

Как видно, копье бойца достигло цели. Вэйян подчинился приказу. Но через некоторое время он бросил войско в новую атаку. Много десятков и даже сотен раз он бросался вперед, пытаясь прорваться в глубь обороны.

Юйсян обвила руками мужа, крепко к нему прижалась и притянула к себе. Ее ножки оказались на уровне его плечей. Вэйян обнял ее тонкий стан. Именно так было нарисовано на второй картинке.

Оружие воина, раздавшееся в размерах и сильно окрепшее, казалось, заполнило все вместилище стихии инь. Воин нанес еще много сотен ударов, пока не заметил, что глаза Юйсян, дотоле сиявшие как звезды, вдруг затуманились, будто прикрылись пеленой. Казалось, она собралась погрузиться в сон. Ее прическа пришла в полный беспорядок.

— Душа моя! — Вэйян легонько толкнул жену рукой.— Ты, как я вижу, близка к блаженству. Сойдем с кресла и направимся к ложу. Здесь неудобно, дело наше лучше закончим там.

Но Юйсян, смежив веки, покачала головой.

— Нет!

Ей казалось, что она уже находится в состоянии высшего блаженства, и потому боялась, что миг ее счастья может вдруг прерваться. Ее руки обмякли, ноги замлели. Она не могла ими даже двинуть. А он еще требует, чтобы я шла к ложу!

— Душа моя! Ты будто бы не можешь даже подняться!

Юйсян молча кивнула.

— Тогда я тебя отнесу сам! — И Вэйян, не ослабляя объятий, поднял жену на руки и понес к ложу. Юйсян крепко обняла мужа и приникла устами к его губам. Вэйян прильнул к ней еще плотнее, продолжая свое движение к ложу. Как говорит поговорка: «И на скачущей лошади можно любоваться цветами». Вэйян положил жену на циновку, и любовная битва разгорелась с новой силой. Вдруг Юйсян, крепко сжав мужа в объятиях, прошептала:

— Ах, душа моя, мне плохо! — Из ее уст вырвались звуки, похожие на стон тяжелобольного, который вот-вот испустит дух.

Вэйян понял, что внутри у нее родилась энергия инь. Наступило мгновение для новой атаки. И он устремился к самой сердцевине цветка. Его мощный порыв словно говорил, что муж готов погибнуть подле любимой супруги. Они крепко сжали друг друга в объятиях и замерли, словно уснули в одно мгновенье. Через какое-то время Юйсян, пробудившись от дремы, сказала:

— Мне показалось, что я будто бы сейчас умирала. А ты это почувствовал?

— Подобное ощущение мне, конечно, известно, но только такое состояние называется не «смертью», а «истечением жизненной силы».

— Жизненной силы? — удивилась жена.

— Вот именно!.. Послушай, что я тебе скажу. Мужчина, как известно, относится в стихии ян, а женщина — к инь. Каждому соответствует своя природная сила, которая рождается в те мгновенья, когда радость любви достигает верхнего пика. В это время тело человека будто сразу же слабеет. Порой кажется, что кости размягчаются, голова начинает кружиться и становится тяжелой, ты словно погружаешься в тяжкий сон. В такие минуты природные силы вырываются наружу, что называется «истечением» — «дю». Вспомни пятый рисунок из альбома!

— Ты говоришь, что такое состояние не кончина, не предел жизни?

— Разумеется, нет! Это обычное состояние мужчины и женщи-

ны в минуты их любовного соития. Однако бывает так, что силы инь развиваются слишком быстро, поэтому истечение их у женщины происходит многократно, а у ее друга лишь раз. Такое состояние называется «куайхо» — «блаженство».

— Значит, в подобном блаженном состоянии можно находиться ежедневно, днем и ночью?

Вэйян рассмеялся.

— Кажется, я был прав, что посоветовал тебе полистать альбом с изображением «весенних дворцов»! Не правда ли, ценная книга?

— И верно, настоящая драгоценность! — улыбнулась Юйсян. — Неплохо ее купить! Тогда можно было бы ее листать чуть ли не каждый день... Впрочем, твой друг, по-видимому, потребует ее назад!

— Я тебя обманул!.. На самом деле — книга моя! Я ее купил!

Слова мужа привели Юйсян в восторг. Супруги, одевшись, поговорили о том и о сем и снова принялись листать альбом. Рисунки снова возбудили в них любовное желание, и они снова предались удовольствиям. С этого времени они прониклись друг к другу чувством еще большей любви и привязанности. Случалось, что Юйсян листала альбом и одна, без мужа, а потому сейчас ее никак нельзя было назвать праведницей, ей больше пристало прозвание «фэнлю» — «ветротекучей». По ночам в минуты любовных утех она больше уже не вспоминала о «золотой середине» — «чжунъюн», но предпочитала пути неизведанные и даже диковинные. К примеру, полюбила она «Пути обратного увлажнения свечи» или «Добывание огня за горой». В минуты любовных игр она впадала в состояние какого-то неистовства и даже безумия. Она оглашала воздух стонами страсти, которые, казалось, порождали в ней новые силы. Чтобы пробудить в жене еще больший интерес к любви, муж купил в лавке много новых книг (не меньше двух десятков), в которых рассказывались истории о «ветре и луне». Среди них: «Вольная история о расшитом ложе», «Жизнеописание господина Желанного», «Повествование о глупой старухе» [16]. Все эти книжки он разложил на столе так, чтобы Юйсян в любой момент могла их почитать, а старые, связав в один тюк, убрал подальше. Надо вам знать, что Юйсян так пристрастилась к «спальным удовольствиям», что теперь супругам не хватило бы даже самого большого альбома — с тремястами шестьюдесятью рисунками «царских дворцов». Вот уж поистине: «Звуки циня и сэ [17] не способны выразить полного согласия; ни гром барабана, ни звонкий колокол не смогут передать их радости». Словом, прекрасная пара, казалось, достигла вершин блаженства.

Однако же, несмотря на согласие, царившее между супругами, в их жизни не все было в порядке. Между Вэйяном и тестем пошли нелады. Вы спросите: почему это произошло? А потому, что книжник Тефэй, как известно, был приверженцем старых правил, к тому же человеком страшно упрямым. К примеру, он совершенно не терпел пышность и предпочитал ей суровую простоту. Он запрещал всякие разговоры о «ветротекучих», но с огромным удовольствием

разглагольствовал о Пути. Когда Вэйян переступил порог его дома и стал его зятем, книжник тут же заметил, что юноша одет излишне нарядно, а его поведение слишком свободно. Старик огорчился и со вздохом промолвил:

— В нем нет сердцевины, все ушло в пустоцвет! Ничего путного из него не получится. Увы, моя дочь не найдет в нем крепкой опоры!

Однако что-либо изменить было уже невозможно, поскольку их семья приняла дары жениха, а дом украсился для свадебного торжества. И все же, если совершилась ошибка, ее надо как-то исправлять. Сразу после свадьбы он со всей строгостью примется за воспитание молодого зятя — обрубит и обточит его со всех сторон и тем самым сделает из него порядочного человека. Малейшая оплошность Вэйяна, небольшой проступок или опрометчивая фраза вызывали порицание со стороны тестя, которое сопровождалось суровым поучением. Стоило Вэйяну сесть не так, как надо, или лечь не как положено, тесть немедленно обрушивал на него поток обидных слов и наставлений. Человек молодой и довольно несдержанный, к тому же выросший без отца и без матери, Вэйян через силу терпел все эти муки, исходившие от нового родителя. Он не привык к подобным путам. Много раз он собирался дать тестю достойный отпор, но всякий раз его останавливала мысль о жене, которая, конечно, сильно огорчится, и меж ними, как говорится, может «нарушиться мелодия циня и сэ». Делать нечего! Придется и впредь терпеть все издевательства тестя. И все же наступил момент, когда сдерживаться ему стало невмоготу и он подумал: «Я пришел в этот дом из-за Юйсян, которую полюбил с первого взгляда, и остался у них. А сейчас этот протухший книжник, используя свое положение родителя, решил придавить меня, словно он действительно гора Тайшань [18]. Он хочет, видите ли, меня исправить! Но ведь и я, между прочим, мог бы то же сделать с ним! Однако исправлять его я вовсе не намерен. Мог бы и сам сообразить, дурень!.. Не понимает дуралей, что такой талант, как я, свободный как ветер или поток воды, способен совершить разные и многочисленные подвиги. Я готов в любой момент, как говорится, «скрасть яшму и умыкнуть аромат» [19], и подобные деяния украсят меня среди всех живущих ныне людей. Он, видно, думает, что весь свой век я буду сидеть возле его чада, отказавшись от славных дел, которые меня ждут впереди. Видите ли, решил меня опекать! Сделал я лишний шаг — не положено; сказал слово — неприлично! Ну, а если я и в самом деле совершу нечто необычное, выходящее за привычные рамки! Тогда, наверное, он вынесет мне смертный приговор! И спорить с ним совершенно бесполезно. Однако же терпеть все его издевательства я больше не намерен! Значит, остается лишь один выход: оставить жену на попечение родителя, а самому побыстрее бежать отсюда. Скажу, что еду на учение — мне, мол, предстоит сдавать экзамены.

Вэйяну казалось, что такой план выглядит вполне убедительно. Но тут же он подумал: «Сейчас я женат на первой красавице Под-

небесной, но вполне возможно, что я встречу еще одну, такую же красотку. Ясно, что второй раз мне жениться уже не придется, и все же, возможно, я испытаю короткое счастье!» Сначала он решил поговорить с женой, а уж после просить разрешение у тестя. Но тут ему в голову пришла такая мысль: «Юйсян привыкла к утехам и поэтому может сильно огорчиться. Возможно, что она даже ударится в слезы и примется меня отговаривать». Предвидя печальный исход подобной сцены, он решил изменить свой первоначальный план и сначала поговорить с тестем.

— Уважаемый тесть!—сказал он Тефэю.— Ваш ничтожный зять испытывает некоторое неудобство от одиночества в нашем захудалом горном городишке, совершенно оторванном от мира. Мало видевший доселе свет, я, ничтожный, чувствую неистребимую потребность встречи с почтенными людьми и высокодостойными наставниками. Я понапрасну растрачиваю здесь время, нисколько не продвигаясь в своем учении. Вот почему я осмелился просить вас, уважаемый тесть, отпустить меня в путешествие. Я хочу побывать в больших городах, посетить другие места, дабы расширить свой кругозор. Моя мечта—найти такое место, где бы я смог увидеть просвещенных учителей, мужей, по-настоящему ученых, с которыми я завязал бы узы дружбы. Когда придет пора осенних экзаменов, я поеду в провинциальный город, где попытаюсь проявить свои таланты на ученой стезе. Возможно, мне улыбнется счастье, и я займу первое, на худой конец—второе место. Я докажу, что достоин войти в столь почтенную семью, как ваша. Что скажете мне, уважаемый тесть? Каков будет ваш ответ? Даете ли вы мне свое согласие?

Тефэя сильно удивили слова зятя.

— Первые умные слова, которые я слышал от тебя за все эти полгода!—расчувствовался Тефэй.— Прекрасно, что собираешься ехать на учебу! Могу ли я тебя не пустить?!

— Какая радость, что вы согласились, почтенный тесть! Есть, однако, одна сложность. Ваша дочь и моя жена может на меня обидеться и осудит меня за бессердечие. Только-только поженились, а он, мол, уже уезжает в дальние края! Хорошо, если бы вы, почтенный родитель, сказали ей об этом сами. Будто предложение исходит не от меня, а от вас. Тогда она не станет перечить, и я, ваш недостойный зять, смогу спокойно отправиться в путь!

— Верно! Я непременно так и сделаю!

Тефэй тотчас позвал дочь и, когда она пришла, принялся уговаривать Вэйяна ехать на учение. Молодой муж делал вид, что ему очень не хочется покидать молодую жену. Тогда тесть строго его отчитал, и зять для вида с ним согласился. Ах, несчастная Юйсян! Ведь она только вошла во вкус супружеской жизни, и вот ей уже приходится расставаться с мужем. Новость явилась для нее тяжелым ударом. Она походила сейчас на младенца, которого только что оторвали от материнской груди. Какое горе! В конце концов она, разумеется, смирилась, но потребовала от

мужа заранее оплатить все будущие долги, которые накопятся за долгую разлуку. Вэйян пошел ей навстречу. В самом деле, неизвестно, когда на его долгом и унылом пути ему встретится прекрасная дама. Молодые супруги погрузились в пучину наслаждений, ну ровно как тот любитель застолий, который, выставив все напитки для гостей, решил прежде испробовать их сам. Несколько ночей кряду они не разлучались друг с другом, словно были связаны единой нитью. Что делали они — то никому неизвестно. Об этом знали лишь они одни.

Но вот наступил день расставания. Вэйян простился с женой, поклонился тестю и в сопровождении двух мальчиков-слуг тронулся в путь. В последующем с ним случилось еще немало приключений, о коих вы со временем узнаете. А пока выслушайте такое поучение: «Когда глаголят Истину ради вразумления людей, слушающий внемлет с трепетом, а волосы у него стоят торчком. Когда говорят о страстях, будящих людские чувства, душа внемлющего приходит в волнение. Человек невежественный полагает, что в подобной несогласованности таится главный недуг автора. Ан нет! Ему невдомек, что вызвать волнение души окольными и сторонними способами как раз и означает по-настоящему убедить человека. Вспомним Юйсян. Как добродетельна она была до того, пока ей не попались под руку картинки «весенних дворцов»! И как буйно вспыхнуло в ее груди сладострастие, когда она их рассматривала и читала к ним объяснения! Отсюда следует, что целомудренность и блудливость ярко проявляют себя именно в подобные короткие мгновения. Точно так же являют себя благородство и низость человека. Не скроем, вина мужчины здесь большая, ибо именно он подвел женщину к блуду. Вот почему мужья должны всегда проявлять особую бдительность и осторожность!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СВОЙ ЖАЛКИЙ ТАЛАНТ
ПРИУКРАСИВ, ОН КИЧИЛСЯ
ВЫСОКИМ ИСКУССТВОМ;
ЯВИВ НИЧТОЖНОСТЬ СВОЮ,
ОН ЛИШЬ ВЫЗВАЛ
ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ ХОХОТ.

В стихах говорится:

Коль не имеешь матерьял
добротный
Для спальных утех,
Не показывай жалкое свое
мастерство,
Дабы не вызвать злую усмешку.

В темноте навряд ли увидят
Лик красавца Пань Аня [1],
А в битве едва ль разглядят
Таланты Цзыцзяня [2].

Коль заблудшие души
Возвращаются в Чуское
царство [3],
Спрошу вас, сударь:
отчего же
Вы взошли на открытый
балкон?

Вы хотели иметь сызначала
Инструмент легкомысленной
страсти.
Но, увы, пришлось в миг
один
Его усеченью придать.

— Брат мой! Имел ли ты за это время какую-то интересную встречу?—спросил Соперник Куньлуня.

Вэйян без внимания оставил вопрос, опасаясь, что приятель перестанет ему помогать и в свою очередь поспешил спросить, удалось ли тому отыскать подходящую даму. Само собой, поинтересовался, хороша ли она собой, сколько ей лет и где проживает.

— Да, да! Я нашел и даже не одну, а сразу трех. Из них ты можешь выбрать любую, какую душа пожелает. Но не жадничай и не гонись за всеми сразу.

«Вот так штука! Как любопытно! Я приметил тоже трех. Неужели он тоже имеет в виду тех трех женщин, коих я встретил в храме?— Вэйян пребывал в сомнении.— Если это действительно они, тогда сейчас я пока познакомлюсь лишь с одной. Остальные рано или поздно сами попадут мне в руки! И его помощь, возможно, мне больше уже не понадобится!»

— Я вовсе не жадный!—вскричал он.— Мне вполне хватит и одной.

— Похвально!—одобрительно промолвил Соперник Куньлуня.— А теперь ответь: кто больше тебе по душе, полные или худые?

— В тех и других есть своя прелесть!—ответил Полуночник.— Важно другое: если женщина слишком пышная, ее телеса все ж не должны выпирать из-под одежды, а если она тощая, ей надобно скрыть свою худобу. Одним словом, во всем нужна мера!

— В таком случае, мне кажется, эти три дамы тебе вполне подойдут... А теперь вот что скажи, кто больше тебе нравится: скромницы или нравом «ветротекучие»— «фэнлю»?

— Я предпочитаю вторых. От скромниц мало радости на ложе, лучше уж ночь коротать в одиночестве!

— Тогда мои красавицы тебе вряд ли подойдут,— покачал головой Соперник Куньлуня.

— Неужели они такие скромницы?.. Откуда тебе известно?

— Я знаю лишь одно, что все они из одной семьи... Слов нет, красавицы они несравненные, но вот по части «фэнлю», боюсь, что они не слишком большие мастерицы!

— Не беда!—воскликнул Вэйян.— Любовные чувства в них можно разжечь... Не стану скрывать, моя супруга тоже поначалу проявляла неуместную скромность, однако уже через несколько дней (само собой, после моих поучений) она совершенно переменилась— растаяла, будто воск. Ты даже не представляешь, какую она проявляет страсть сейчас!.. Я полагаю, главное в женщине—красота, что до ее целомудренности, то ее можно переделать—дело поправимое!

— Может быть и так!.. Еще спрошу тебя: желаешь ли ты иметь деву сразу, как только увидишь, или тебе надобно к ней присмотреться несколько месяцев?

— Не стану таиться, Куньлунь, страсть меня сжигает, будто пламень. Так со мною бывает почти всегда. Если у меня нет женщины дня два или три, она начинает мне сниться каждую ночь. Ну, а сейчас моя душа вся трепещет от нетерпения—ведь я покинул дом уже давно. Какое-то время я еще мог подождать, перетерпеть, пока не встречу красавицу, которую ищу. Но если

я ее уже встретил... Нет, терпеть я больше уже не в состоянии.

— Ну ладно! Тогда двух из них мы отставляем в сторону, к тому же обе они — дочери богатого и знатного человека, а это значит, что заполучить их тебе будет довольно трудно. А вот третья... с ней, я так думаю, трудностей никаких не будет. Она — жена одного бедолаги... Должен сказать, что все это время я держал в памяти твое поручение — оно прямо застряло в моей башке. Поэтому, когда встретил красоток, я присмотрелся к ним весьма внимательно... А было дело так. Иду я как-то по улице и вдруг вижу: за дверью одного дома, задернутой бамбуковым занавесом, виднеется женская фигура. Понятно, занавеска мешала рассмотреть женщину внимательно, и все же я заметил, что дама — просто прелесть: этакие пунцовые щечки, белоснежная кожа. Одним словом, драгоценная жемчужина — вся так и сияет! И красавица такая, которых обычно рисуют только на картинах. Но тут она будто была нарисована на бамбуковом занавесе, который трепетал под дуновением самого легкого ветерка. Я прошел мимо ее дома и остановился напротив. Вижу, из дома вышел мужчина, обликом грубый, в порванной одежде, с тюком шелка на спине. Как видно, пошел на рынок продавать товар. Я спросил у соседей, кто, мол, он, и мне ответили, что он — торговец шелком Цюань, который за свою прямодушность и честность получил прозвище Простак. А женщина — это его жена. Я удалился, а через несколько дней снова явился к этому дому. В тот раз я смотрел на женщину через занавес, поэтому разглядел ее не слишком хорошо. Сейчас вижу, женщина сидит возле самых дверей. И тут у меня в голове мелькнула мысль. Я откинул занавес и прямо к ней. Говорю, мне нужен, мол, ее муж, Простак, хочу купить у него шелк. Она отвечает, что муж вышел по делам, а если я намерен купить товар, то она сама принесет его и покажет. Ушла на короткое время и снова явилась. Понятно, я вперился в нее обоими глазами. Ножки крохотные — пожалуй, нет и трех цуней[4], а пальчики — ну прямо ростки лотоса. В общем, ручки и ножки мне удалось разглядеть внимательно, а вот какова она телом, белокожа или смугла,— сказать точно не могу. Сам понимаешь, проверить трудно. Тут я вижу, на полке лежит тюк шелка.

— Эти куски мне что-то не нравятся,— говорю я ей.— Сними-ка вон тот, что на полке, дай взглянуть!

Она охотно исполнила просьбу... Погода нынче, как известно, жаркая. На женщине одна легкая кофта. Подняла она ручки вверх, и оба рукава упали до самых плечей. Под кофтой сразу резко выперли груди. Должен сказать, что кожа у нее белейшая — прямо чистый снег и блестящая, как зеркало. Такую белую кожу я, кажется, вижу впервые!.. В тот день пробыл я в лавке довольно долго. Уходить с пустыми руками мне было как-то неудобно, поэтому пришлось купить штуку шелка... Так вот, спрашиваю тебя: подойдет тебе эта красотка или нет?

— Ясно, подойдет! Ты так ярко расписал все ее прелести!.. Только

где мне ее увидеть, как заполучить в свои руки?

— Думаю, сделать это совсем нетрудно! Мы отправимся к ней вместе, но только захвати с собой деньги. Едва ее муженек выйдет из дома, мы сразу же в лавку, словно хотим у них купить шелку. Ты с первого взгляда поймешь, подходит она тебе или нет... Мне кажется, что ее муженек, этот Простак, порядочный чурбан и сильно ей надоел. Этакий простофиля, ну какой в нем прок! Поэтому едва хозяйка лавки тебя увидит, она мигом затрепещет! Ты, понятно, с ней полюбезничай, и если она сразу на тебя не осерчает, значит, все пойдет как по маслу. Через какое-то время я зайду к ней снова и договорюсь о твоем свидании. Ручаюсь, что за три дня лавочница окажется в твоих руках. Может, тебе даже удастся взять ее в жены... В общем, во всем положись на меня!

— Если бы все получилось так, как ты сказал! Но как мне тебя отблагодарить? — воскликнул Полуночник. — Только одно мне не совсем понятно: ты мне говорил, что для тебя будто бы не существует никаких трудностей. Ты, мол, «появляешься и исчезаешь, как дух; летаешь над крышами и лазаешь по стенам». Одним словом, тебе как будто все под силу. Тогда почему же ты сейчас ведешь речь лишь об одной, а о тех двух вроде как бы замолчал? Неужели потому, что они из богатого дома и ты боишься с ними связываться, а эта женщина из простой семьи, а значит, ее будет проще обвести вокруг пальца?

— Это верно, что бедняков обычно обмануть несколько проще, а с богачами лучше не связываться. Все именно так, как ты говоришь! Но так обычно происходит в чем другом, только не в делах любовных. Когда затрагивается женская честь (я говорю сейчас как раз о любовных делах), то проще всего обмануть как раз богачей. Что до простолюдинов, то их лучше в этом случае не задевать.

— Непонятно, почему? — спросил Вэйян.

— Богач, как тебе известно, может иметь «три жены и четыре наложницы»[5]. Когда он проводит время с одной, другие коротают ночь в тоскливом одиночестве. Но еще в древности говорили: «В сытости и тепле рождаются блудливые мысли». Словом, жены богача, имея в достатке одежду и пищу, изнывают от скуки, понятно, что мысли у них в голове вокруг любодеяния. И вот в тот момент, когда женщина изнывает от своих любовных дум и страстей, возле появляется мужчина, который, нимало не раздумывая, лезет к ней под одеяло. Она, понятно, умоляет его уйти (впрочем, без особой охоты), однако ее призывы, как вы понимаете, остаются без ответа. И тут, как на грех, является муж. При виде столь непристойной картины он должен, понятно, первым делом схватить полюбовников и немедля тащить их в суд. Однако супруг не решается это сделать — глядишь, замараешь свое знатное имя. А может, порешить их на месте? Жаль красавицы жены! Удавить любовника? Нет, тоже не выход! И тогда супруг, стерпев унижение, оставляет блудников в живых, а мужчине позволяет уйти ненаказанным.

У простолюдина, как известно, всего одна жена, только с ней

одной он и проводит ночи. Поскольку женщина живет в голоде и холоде, блудливые мысли ее обычно не посещают. Если женщина спуталась с посторонним мужчиной, то муж ее не станет смотреть на приличия: он без промедления прикончит любовников или стащит их в суд. Вот почему я утверждаю, что простолюдинов лучше не задевать. Что до богатеев, то провести их не составляет большого труда.

— Тогда почему ты нынче предлагаешь другое, совсем не то, что сейчас сказал?—спросил Вэйян.

— Верно! Может показаться, что мои слова расходятся с делом, но это только на первый взгляд... На самом деле вовсе не так. Просто положение у этих трех дам несколько иное, можно сказать, обратное тому, о чем я тебе только что говорил. С женою торговца как раз можно что-то придумать, а вот с теми двумя—довольно трудно.

— Я уже тебе обещал, что останавливаюсь пока на одной. Но все ж интересно, если бы ты рассказал мне и о тех двух дамах. Мне хочется лишний раз убедиться в твоем добром отношении ко мне!

— Изволь!—согласился Соперник Куньлуня.—Они—родные сестры. Одной немногим более двадцати, другой—около семнадцати. Обе вышли замуж за родных братьев и таким образом между собой породнились еще раз. Мужья их происходят из знатного чиновного рода, но сами они—обыкновенные сюцаи. Старший брат (его прозвали Воюньшэном—Студентом, Лежащим на облаке) вот уже лет эдак пять женат на старшей из сестер. Младший (его прозывают Июньшэном—Студентом, Прислонившимся к облаку) обручился с младшей из сестер всего три месяца назад. Обе девы необычайно красивы и ничем не уступят той, о ком я только что рассказывал. Только они уж больно простодушны и скромны. К любовным играм, как мне показалось, они совершенно равнодушны. На постели лежат, будто неживые, даже рта не раскрывают—молчат, и все тут! Заполучить их довольно трудно, так как мужья проводят с ними каждую ночь (кстати, других жен и наложниц у мужчин нет), к тому же сами женщины к греховным связям не расположены. Одним словом, чтобы пробудить в них любовную страсть, надобно приложить особые усилия, к тому же немалые. В общем, придется ждать, пока их мужья не отлучатся из дома... Вот почему, я думаю, что времени на них уйдет несколько месяцев—не меньше... Ну, а жену этого Простака заполучить гораздо проще—ведь торговец часто уезжает из дома.

Судя по описанию приятеля, женщины походили на тех трех дам, которых Вэйян встретил в храме. Лишиться их было бы не только досадно, но и неразумно. Полуночнику очень этого не хотелось.

— Все, что ты мне рассказал, наверное, так и есть! Только одного ты не учел... Вот, скажем, ты рассуждал, что две молодые дамы большие скромницы и совершенно не проявляют интереса к любовным делам. По всей видимости, на то есть свои причины. Не потому ли, что мужское богатство их супругов слишком жалкое, а жизненных сил у мужчин не хватает? Может, они просто не доставляют своим женам радости! Вот отчего

их жены недовольны! А стоит им увидеть меня, и вся их сдержанность мигом улетучится!

— Мне показалось, что в силах у мужей полный достаток, да и богатство у них пресолидное, хотя, быть может, и уступает гигантам... Кстати, а каково твое достояние, как с твоими силенками? На сколько времени их хватает? Мне надобно знать и о твоем мастерстве, насколько оно у тебя изощренное. Расскажи мне об этом да поподробней, дабы я имел представление о том, в чем тебе помогаю.

— О! Об этом ты не беспокойся! — вдохновился Вэйян. — Сил у меня — хоть отбавляй! Хватит на любую! Как в поговорке: «Отошел от стола, чувствуя довольство и сытость». Я вовсе не похож на того скупердяя, который пригласил гостей в свой дом и умудрился сытых оставить голодными, а пьяных заставил отрезветь!

— Похвально! — одобрительно кивнул головой Соперник Куньлуня. — И все ж, ответь без утайки: сколько раз ты способен поднять оружие, прежде чем силы твои иссякнут?

— Меры в сраженьях не знаю, никаких правил в любовных делах не имею, а счета не веду.

— Счет вести, конечно, необязательно, а вот помнить о времени поединка не мешает. Так, все-таки на сколько времени тебя хватает?

Полуночник обычно сражался не больше часа. Боясь, что такой срок покажется приятелю слишком коротким и тот ненароком откажет ему в помощи, Вэйян прибавил еще один час.

— Сил у меня в избытке, продержаться могу долго! — похвастался он.

— Увы, твои возможности никак нельзя назвать выдающимися, они довольно посредственные, хотя для семейной жизни их, быть может, вполне достаточно. Но если ты собрался «лезть к соседу через стенку и проникать во вражеский стан», этих сил недостаточно.

— Пускай это тебя не тревожит, брат! — воскликнул молодой любодей. — В свое время я приобрел весьма чудное средство под названием «весеннее зелье», но, к моему огорчению, оно уже давно лежит у меня без дела... Сейчас я наверное похожу на воина, который не знает, где ему применить свое оружие. Однако едва начнется настоящее сражение, я тут же пущу свой меч в ход. Потру и подмажу, где надо, чтобы биться целую вечность!

— Никакое зелье не способно увеличить мощь оружия, хотя и помогает продлить схватку, — заметил Соперник Куньлуня. — К примеру, живет некий муж, чье естество обладает грубой мощью. Съевши подходящее снадобье, он стал походить на талантливого студента, который перед испытаниями наелся трепангов или каких-то других укрепляющих средств. Его дух и силы окрепли многократно, поэтому свое сочинение он пишет сейчас совершенно свободно. А теперь представим другого человека, чье богатство ничтожно. Перед экзаменами он целыми цзинями[6] глотает «весеннее зелье», трепанги и прочие укрепляющие средства, однако пользы от них никакой! На испытаниях он все равно не напишет ничего путного. Вот почему мне важно

знать, как велики твои возможности, скажем, если их считать хотя бы в цунях.

— Вдаваться в подобные подробности мне как-то неловко... скажу лишь, что они немалые! — Полуночник уклонился от прямого ответа, но приятель не отступал и велел ему снять одеяние, даже потянул его за штаны, но сюцай наотрез отказался.

— В таком случае, я вряд ли смогу тебе чем-то помочь! Посуди сам, если во время любовных утех ты чем-то не потрафишь избраннице или, наоборот, причинишь ей боль, она, глядишь, еще поднимет вопль и обвинит тебя в насильстве. Возникнет скандал! Что тогда делать? Выходит, подвел тебя не кто иной, как я!

Поняв причину беспокойства друга, Вэйян улыбнулся.

— Мое богатство, разумеется, увидеть можно, но только не днем. На свету хвастаться им как-то негоже. Впрочем, если у тебя есть на сей счет какие-то сомнения, я могу рискнуть и показать. — С этими словами он принялся расстегивать штаны. — Вот мой жалкий капиталец! Взгляни! — Он сделал жест, как это обычно делает торговец, взвешивая рукой серебро.

Соперник Куньлуня подошел ближе и со вниманием посмотрел. И вот что он увидел:

Яшмово-бело тело,
Ало-красна макушка.

У основания вьется нежная
поросль.
Под кожей едва видны —
Тончайшие нити — сосуды.

Если измерить предмет,
Длиною — не больше двух
цуней.

Если взвесить его — потянет
Три, этак, цяня [7] —
не меньше.

Преотличная забава
Для отроковицы
тринадцатилетней

Или для юного отрока
Годков, этак, четырнадцати.

Перед битвой он крепок,
Словно выкован из железа.

Или похож на моллюск,
Скрытый в створках
раковины.

Но вот кончился бой,
И он походит на согнутый
лук

Иль на креветку,
Покрытую грубым нарядом.

Соперник Куньлуня закончил строгий осмотр. Он не издал ни единого звука, чем привел молодого сюцая в полное замешательство. Повеса был очень высокого мнения о своих могучих достоинствах.

— Воин, понятно, сейчас несколько обмякший, как это бывает после сражения, надо видеть его в деле...

— Боюсь, и в деле такому воину похвастаться нечем! Можешь убирать! — бросил приятель и добавил со смехом: — Ты сильно переоценил свои возможности! Другие обладают богатством в три раза большим. Забавно, чем же ты собирался прельстить чужих жен? Неужели и впрямь вот этим своим капитальцем? Я-то думал, что ты ищешь дев, потому что владеешь каким-то особенным чудом, коим

возможно не только удивить, но и испугать человека. Поэтому я поначалу не хотел заставлять тебя раскрывать твои секреты. А оказалось, у тебя не оружие, а жалкий скребок, который годится лишь на то, чтобы почесывать кожу. Для настоящего дела он совершенно не годится!

— Это только по-твоему мое оружие невзрачно и в нем будто нет ни величия, ни мощи. Однако у многих оно вызывает одобрение!.. И уж никак нельзя его назвать бесполезным!

— Любопытно, кто им мог восторгаться? Не иначе только «неразломанные тыквы» или, быть может, зеленые отроки, которые ни в чем ровным счетом не смыслят. Эти, возможно, действительно способны вздыхать от восхищения! Что до людей бывалых, то вряд ли кто-то из них выразит свои восторги!

— По-твоему выходит, у других оружие гораздо солидней?

— Скажу тебе откровенно, на своем веку мне довелось видеть разное, однако столь деликатные проявления, как я узрел у тебя,— это я вижу впервые!

— Меня нисколько не интересуют другие мужчины, ты лучше расскажи о мужьях тех трех красавиц. Мощны ли они в своих чреслах по сравнению со мной?

— Их богатство посолидней раза в два или три и во столько же раз длинней!

— Ты шутишь!—рассмеялся Вэйян.—Ты все это выдумал, чтобы под этим предлогом отказать мне в помощи! Поэтому ты меня и испытывал... Возможно, у тех двоих ты и вправду побывал ночью в гостях и кое-что успел подсмотреть. А как же с торговцем шелком Простаком и его женой? Ты же сам сказал, что видел ее только днем, к тому же всего один раз, а с мужем—так вообще не встречался. Как же ты сравниваешь меня с ним?

— Обоих сюцаев я видел собственными глазами, а о торговце я кое-что слышал. Я расспрашивал о нем у соседей, и те немного сообщили о нем—что он из себя представляет. «Странно, что этакая красотка вышла за него замуж!—удивился я.—Интересно, как живут они вместе?» И вот что соседи мне рассказали. Торговец, хотя и безобразен обличьем, однако же обладает солидными достоинствами, которые окупают все его недостатки. Поэтому супруги живут довольно мирно и ссорятся редко. Понятно, что я проявил к его достоинствам большой интерес. Велики ли они? «Мы не мерили!—отвечали соседи.—Но как-то летним днем он скинул с себя верхнюю одежду, и мы через прореху в штанах узрели здоровенную скалку, которая болталась из стороны в сторону. Вот почему мы тебе и сказали, что орудие у него отменное!..» Теперь тебе ясно, почему я пытал тебя? Иначе какой мне интерес разглядывать чужие богатства?!

— Женщины и мужчины соединяются вместе вовсе не только из-за страсти, но и потому, что ценят друг в друге наружность, таланты. Когда же нет ни того, ни другого, ценится сила, которую проявляют в любви. Твой недостойный брат имеет некоторые способности, и облик у него вполне приличный. Возможно, за это мне и прощают

какие-то мои недостатки. Кто знает?.. В общем, из-за отдельных моих упущений не хули напрочь другие мои весьма приличные достоинства. И еще: не забудь, что ты все же дал слово мне помочь!

— Красивая внешность мужчины и его таланты — это, понятно, весьма важные качества, способные увлечь сердце красавицы. Их можно сравнить с имбирем или фиником, которые добавляют к лекарственным зельям, чтобы легче отправить их в чрево. Но когда лекарство находится внутри, ни имбирь, ни финик уже не нужны. Словом, если кто-то пожелает умыкнуть красотку, не имея при этом красивой внешности и ума, он, как говорится, «к вратам не подберется». Однако ж если человек к ним уже приблизился, ему надобно иметь другие качества и умение, ибо, как известно, в такие минуты обычно стихи не слагают, а прелестный облик под одеялом увидеть трудно. Поэтому при ничтожных богатствах и бедности жизненных сил никакая красивая внешность или талант не помогут. И коли во время любовной игры ты чем-то не потрафил подружке, она от тебя немедленно отвернется. Вот почему, если какой-то мужчина твердо решил, несмотря на опасность, установить тайную связь в женщиной, ему надобно найти непременно такую, с которой у него было бы полное согласие, и они смогли бы прожить друг с другом в ладу многие годы. Другое дело, если ты решил просто раз-другой поразвлечься. Для этого вовсе не обязательно тратить душевные силы и всем на каждом перекрестке твердить, что этой любовной связи ты готов посвятить целую вечность... К тому же ты, как видно, забываешь и о самой женщине, которая вступила в связь с любовником, обманув своего мужа. Ты представляешь, какие она испытывает волнения и страхи, какие препятствия ей приходится преодолевать, чтобы добиться своего. Ведь она рискует и своим именем, и положением. Теперь вообрази: эта женщина мечтала о радостях, а вместо них не получила ничего взамен! Она оказалась в положении той курицы, на которую насел петух: он свое дело сделал, а она ничего не успела сообразить... Не обижайся, брат, но скажу тебе откровенно: с твоими богатствами тебе лучше сидеть возле своей супруги и никуда от нее не отходить. В общем, не старайся искать обходных путей или кривых тропинок. Выбрось из своей головы сумасбродные и глупые мысли, забудь о чужих женах, с коими ты решил согрешить... Твое счастье, что рядом с тобой нахожусь я. Как добрый мастер-портной, я помогу тебе подогнать одежду точно по телу. Как тебе известно, в портновском искусстве надо доподлинно знать и высоту, и толщину, и все прочее. Если же ты начал кроить одежду, но заранее ничего не обдумал, ты изгадишь не только покрой платья, но и загубишь добрую ткань. Одним словом, твоя избранница может остаться тобой весьма недовольна. Впрочем, все это мелочи!.. Меня беспокоит другое. Ты на меня можешь обидеться, что я не проявил должного рвения, подсунул тебе дурной, неподходящий товар... Ты прости меня, возможно, я сказал что-то не так! Не обижайся!

Соперник Куньлуня говорил столь искренне и убедительно, что

у Вэйяна не нашлось слов ему возразить. Он понял одно: все его надежды рухнули. Приятель, как мог, старался успокоить расстроенного сюцая и поднялся, собираясь его покинуть. Юноша проводил его до двери. О том, что в недалеком будущем сотворил сюцай, мы узнаем в следующей главе, а пока послушаем такое заключение.

В рассуждениях на различные темы всегда существуют удачные сравнения, которые доставляют человеку большие удовольствия. Скажем, «весеннее зелье» нередко сравнивается с укрепляющим средством, которое нередко употребляют перед испытаниями; красивую внешность и талант — с имбирем и фиником, которые добавляют к лекарству для вкуса. Подобным сравнениям несть числа. Понятно, что некоторые из них носят шутливый смысл, однако в каждой шутке таится большая правда. Я поначалу не понимал намерений автора, но сейчас тысячи и тысячи каналов моих чувств разом раскрылись, и все стало прозрачно-ясным!

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ III И VI РОМАНА «ЖОУ ПУТУАНЬ»

Глава III

1 Три тетки, шесть бабок — обобщенный образ женщин, занимающихся брачными делами (сводни), гаданием, повитух и т. д.

2 Ханчжоу — город в центральном Китае, известный культурный и торговый центр на озере Сиху, славящийся своими прекрасными пейзажами.

3 Дерево Луань — мыльное дерево (Koelreu teria paniculata Laxm.).

4 Люй Чуньян (он же Люй Дунбинь) — один из восьми даосских святых.

5 Красавица из Цинь — здесь Цинь — название древнего царства.

6 Стих Цы — стихотворная форма, связанная с музыкой. Стихи цы писались на опеределенный мотив.

7 Повествование о женщинах-героинях («Ле-нюй чжуань») — средневековое повествование о прославленных в истории героических женщинах.

8 «Канон о дочерней почтительности» («Нюй сяо цзин») — средневековая книга о достойных девах и их подвигах.

9 Путь золотой середины. «Золотая середина» («Чжун юн») — одна из центральных доктрин конфуцианского учения о человеке и обществе, изложенная, в частности, в трактате того же названия. Суть ее состояла в необходимости следовать идеи равноудаленности от крайностей.

10 Чжао Цзыан — известный художник средневековья.

11 Танский стих. Династия Тан (618—960 гг.) — одна из вершин культурного развития Китая. Эта эпоха, в частности, знаменита расцветом поэзии.

12 Эпоха Хань — период правления династий Восточной и Западной Хань (III в. до н. э.— III в. н. э.).

13 Лян — мера веса, в разные эпохи — разная (обычно около 40 г). В настоящее время — 50 г.

14 «Весенние картинки» — картинки эротического содержания.

15 «Золотой Лотос» — образ спеленутой женской ступни.

16 «Вольная история о расшитом ложе» («Сю-та е-ши»), «Повествование о глупой старухе» («Чи-по-цзы чжуань»), «Жизнеописание

господина Желанного» («Жу-и цзюнь чжуань»)—названия популярных средневековых романов эротического содержания.

[17] Звуки циня и сэ. Цинь и сэ—названия щипковых музыкальных инструментов.

[18] Гора Тайшань—знаменитая гора в провинции Шаньдун. В переносном смысле: тесть.

[19] Скрасть яшму...—образ запретной любовной связи, свидания.

Глава VI

[1] Пань Ань—известный красавец древности, нарицательный образ мужской красоты.

[2] Цзыцзянь—имеется в виду талантливый поэт Цао Чжи (192—232 гг.)—сын известного полководца и литератора Цао Цао. Его ум и начитанность впоследствии нередко воспевались в литературе.

[3] Чуское царство—древнее царство (княжество) в центральном Китае, сыгравшее большую роль в истории страны.

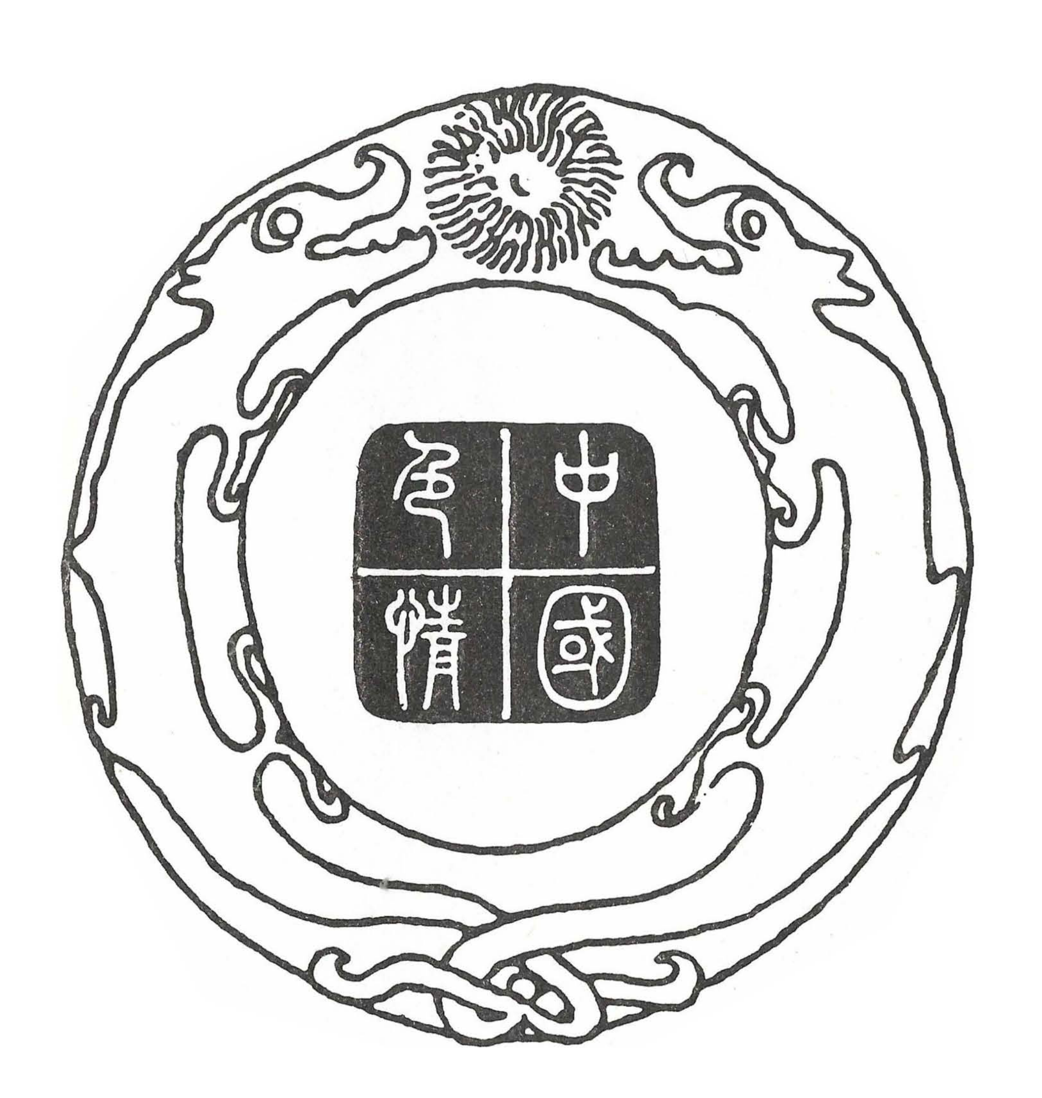
[4] Цунь—китайский вершок—3,3 см.

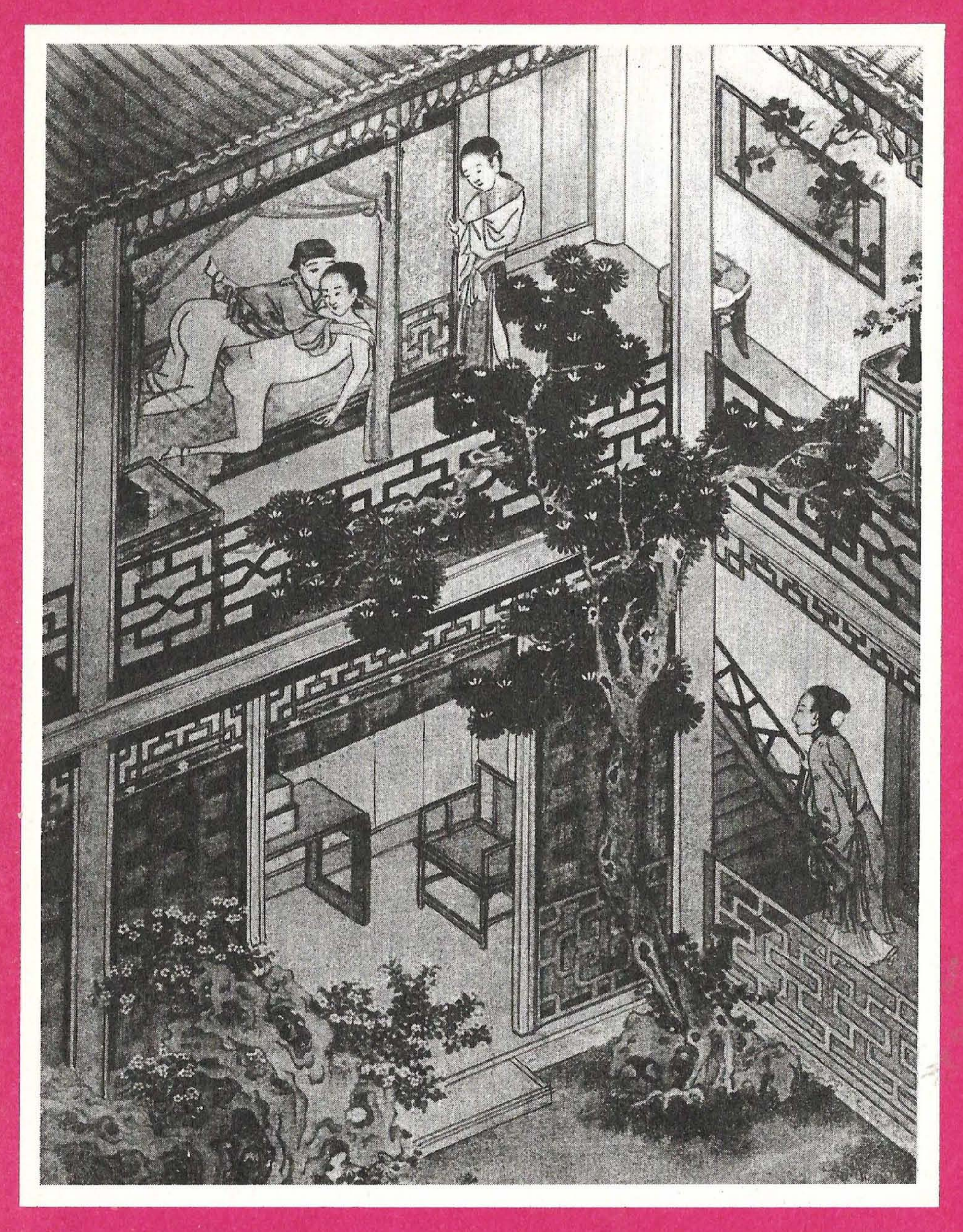
[5] Три жены... По старым обычаям богатый человек имел право брать себе несколько жен и наложниц.

[6] Цзинь—мера веса, китайский фунт (около 0,5 кг).

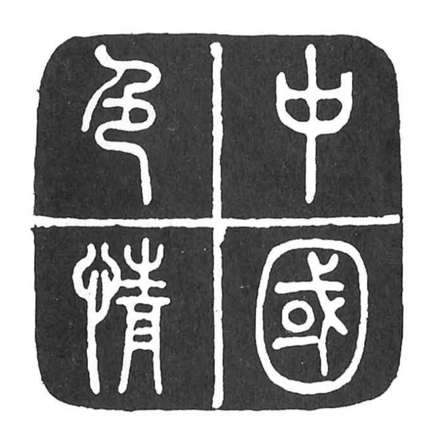
[7] Цянь—мелкая мера веса, равная 3,1 г.

Перевод и примечания Д. Н. Воскресенского.

中國風情

120. «У Юэнян оповещена о прелюбодеянии».

А. Д. ДИКАРЕВ

ЭРОТИКА В РОМАНЕ «ЦЗИНЬ, ПИН, МЭЙ»

121. «Ин Боцзюэ в гроте насмехается над весенним баловством».

Современники автора, скрывшегося под псевдонимом «Ланьлинский насмешник», считали его творение «неофициальной классикой»; известный писатель и историк литературы Чжэн Чжэньдо (1898—1958 гг.) уверял, что вряд ли найдется какое-либо другое произведение, столь полно отражающее самые различные стороны китайской действительности; современный японский исследователь Оно Синобу называет этот роман «эпохальным», а голландец ван Гулик — «великим» (см. /12, сс., 78, 83, 87; 9, с. 289/).

Пожалуй, пора остановиться, ибо читателю уже ясно, что речь пойдет о творении совершенно исключительных достоинств. Подтве-

рждением тому — и судьба русского перевода знаменитого романа XVI—XVII вв. «Цзинь, Пин, Мэй», или «Цветы сливы в золотой вазе» /7/, как первое, так и второе издание которого мгновенно стали библиографической редкостью.

Оставим на долю литературоведов споры об исторических и литературных истоках этого шедевра. Нам не столь уж важно пока, в чем главные его особенности. Пусть это будет «новая традиция нравоописания» /1, с. 259/ или «открытие жанра бытового, сатирического романа» /2, с. 73/. Мы согласны с Л. Д. Позднеевой в том, что это «произведение, наиболее насыщенное просветительскими идеями» /5, с. 233/, не смеем возражать Б. Л. Рифтину, характеризующему его как «зеркало эпохи кризиса феодального общества» /6, с. 5/, и почтительно умолкаем перед авторитетом Лу Синя, увидевшим в романе «не уничижительный рассказ о низшем обществе, но осуждение всего правящего класса» /12, с. 87/.

Мы обратим здесь внимание лишь на одну из его характерных черт, но, по-видимому, весьма важную, поскольку с момента появления на свет роман периодически приобретает репутацию «неприличной книги». Короче говоря, «Цзинь, Пин, Мэй» — один из классических образцов китайской эротической литературы позднего средневековья, и можно с уверенностью утверждать, что нашего широкого читателя привлекла в романе не просто очередная порция неизменно модной «китайской старины» в добротном художественном оформлении. Виртуозно выполненные В. С. Манухиным эвфемистические описания любовных сражений героев романа и многозначительные многоточия способны распалить воображение эротически настроенного любителя Востока, представляющего себе, сколько же еще скрывается любопытного в «многочисленных повторениях», исключенных при подготовке русского издания /6, с. 21/. В нынешней обстановке сексуальной революции и прогрессирующей гласности трудно уже согласиться с Д. Н. Воскресенским, утверждавшим, что сокращенный русский перевод «вполне удовлетворяет запросы читателя» /1, с. 260/.

Некоторые китайские литературные критики сетуют, что в «Цзинь, Пин, Мэй» «содержится слишком много сексуальных и непристойных описаний, которые могут оказать неблагоприятное воздействие на читателя» /12, с. 88/. Тревога блюстителей «высокой морали» понятна. Действительно, иной способен излишне возбудиться от чтения не только «Декамерона» и Мопассана, но и учебника анатомии для 7-го класса. Не знаешь даже, что тут и возразить. Но на выручку к нам уже спешит сам автор романа со своей дидактичностью: «Дни того, кто в распутстве погряз, сочтены. Выгорит масло — светильник угаснет, плоть истощится — умрет человек» /7, т. 2, с. 303/,— предупреждает он, сурово осуждая своего главного героя — богатого кутилу и распутника Симэнь Цина, обладателя большой аптечной лавки, шести жен и многочисленных любовниц. В общем, можно считать, что изображение эротики в романе дается «не ради

смакования интимных подробностей, а в целях назидания и предостережения людям, не знающим меры в чувственных наслаждениях» /6, с. 12/, хотя это объяснение будет далеко не полным.

Несмотря на все авторские оговорки и «идейные соображения» специалистов, разъясняющих, что «натуралистичность для той эпохи не представляется недостатком» /5, с. 233/, эротический аспект романа вполне может шокировать не слишком еще искушенного нашего современника. Взятые вместе соответствующие фрагменты составят, как принято считать, «маленькую антологию китайского эротизма» /8, с. 83/, к краткому конспекту которой мы и приступим, памятуя, что страсти человечества, по словам А. Платонова, «господствуют над временами, пространствами, климатами и экономикой».

122. Иллюстрация к роману «Цзинь, Пин, Мэй» из серии XVI —XVII вв.

В ПОИСКАХ ЧУВСТВЕННОГО НАСЛАЖДЕНИЯ

В «Цзинь, Пин, Мэй» в точной и живой манере обрисованы интимные отношения персонажей. Это поистине кладезь сведений о сексуальности и манерах общения городских жителей средневекового Китая. Прочие источники подтверждают, что это не выдумка автора; роман действительно может считаться «зеркалом нравов». Свободный от всякого влияния христианства с его понятиями о «противоестественности», Китай XVI—XVIII вв. являет пример оригинального сексуального и общественного поведе-

ния. Его нравы многим исследователям напоминают древний Рим.

Описания выполнены как в прозаической, так и в стихотворной форме. Важно отметить, что терминология этих фрагментов выдержана в рамках жаргона того времени, а выражения из древних пособий по искусству любви не используются. Пусть герой вступает в половые сношения со своими и чужими женами, вдовами, певичками и служанками, но нигде в романе нет и намека на то, что эти многочисленные связи укрепляют его жизненную энергию или продлевают ему жизнь[1]. Все обстоит как раз наоборот, в основе сюжета — принцип «антагонистической любви» /11, с. 235/ с ее смертельной развязкой.

Таким образом, из книги явствует, что «древние даосские эротические приемы были высвобождены из магического или метафизического контекста, а их цель — достижение бессмертия — была забыта» /8, с. 83/. Теперь они используются только как средство наслаждения.

Читая роман, следует иметь в виду, что все его герои — малокультурные люди, не испытывающие ни малейшего интереса к какой-либо интеллектуальной деятельности. Не случайно поэтому, изображая их половые отношения, автор ограничивается картинами сравнительно молчаливой, чисто плотской любви. Ван Гулик пишет: «Хотя Симэнь Цин и испытывает нечто вроде радостной привязанности к своим женщинам, но сцены глубокой страсти, не говоря уже о страсти, сопровождаемой возвышенным чувством, были бы чужеродными в романе» /9, с. 291/.

123. Качели. Акварель XIX в. по мотивам романа «Цзинь, Пин, Мэй».

Сексуальные радости автор изображает искренне, просто и искусно. В результате мы имеем блестящую иллюстрацию того, что обычно называют «искусством любви», в котором не бывает мелочей.

Здесь важно все: вкусная еда, подкрепляющая силы, и возжигание благовоний; умело подобранная одежда женщины и ее пышная прическа, напоминающая «черное облако», не говоря уже о «золотых лотосах» — крохотных ножках, ставших своеобразным символом китайской эротики. Несмотря на всю дидактичность, роман возвеличивает самоценность интимной близости, столь привычную для традиционной восточной культуры, но, судя по всему, гораздо хуже известную в то время на Западе, где с настоящим сексом чаще имели дело теоретически. Восток же искал прежде всего изысканности и глубины половых удовольствий.

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ И МЕХАНИЧЕСКИЕ СТИМУЛЯТОРЫ

«Искусство любви» проявляется, во-первых, в использовании специальных утонченных приспособлений и афродизиаков всех видов, позволяющих как мужчине, так и женщине увеличить удовольствие от сношения. Симэнь Цин постоянно оснащен целым арсеналом соответствующих средств. На своем «сокровище» он носит «умащенное особыми составами серебряное кольцо», а в кармане — коробочку с особым ароматным чаем и душистой маслиной /7, т. 1, с. 75/, «шарик-возбудитель», который выделывают в Бирме специально, чтобы «класть в горнило» /7, т. 1, с. 208/. Он просит у индийского монаха, гостящего в его доме, снадобье, помогающее в любовных утехах /7, т. 2, с. 110/, и тот дарит ему пилюли, которые «готовил сам Лао-цзы по рецепту Си-ван-му» — намек на то, что даже в «Тайных предписаниях для нефритовых покоев» вряд ли можно отыскать подобный рецепт. Сама семантика выражения «инь ци» («снасти для похоти») весьма многозначительна. Тем не менее важно отметить, что все эти средства применялись не только с целью «разврата», каковым может считаться сексуальная активность Симэнь Цина. Второй муж Пинъэр, лекарь Цзян Чжушань также принимает им самим составленные веселящие составы, желая понравиться молодой жене /7, т. 1, с. 244/.

Описание набора «сексуальных приспособлений» главного героя является одним из первых подробных эротических фрагментов в романе (глава 38); впоследствии этот «заветный узелок со снастями» фигурирует постоянно, а после смерти Симэнь Цина он переходит во владение его вдовы Цзиньлянь, отличающейся особым сладострастием. В указанной же главе Симэнь Цин, готовясь заняться любовью с женой одного из своих приказчиков Ван Шестой, достает из своего узелка:

1. Серебряную застежку (инь то цзы) для полового члена.

2. Подпругу томящегося от любви (сян сы тао) — чехол типа презерватива, но предназначенного не для гигиены или контрацепции, а для возбуждения женщины (и,

возможно, для понижения чувствительности кожи мужчины).

3. Серное кольцо (лю хуан цюань) — по-видимому, для создания эффекта контакта серы с кожей, что повышает чувствительность женщины.

4. Вываренную в лекарственном составе белую шелковую ленту (яо чжу ды бай лин дай цзы), очевидно, служившую целям, о которых говорилось еще в медицинском трактате «И синь фан», где приводится совет, как добиться особой твердости полового члена: «Приступая к половому сношению, мужчина должен прежде всего взять шелковую ленту и крепко обвязать ее вокруг основания нефритового стебля» /9, с. 281/.

5. Подвешиваемое нефритовое кольцо (сюань юй хуань). Как явствует из цветной гравюры того времени, это было кольцо из яшмы, которое надевалось на эрегированный пенис и удерживалось на месте при помощи шелковой ленты, пропущенной между ног и закрепленной на поясе мужчины /9, с. 281/, (титул).

6. Мазь для стягивания пупка (фэн ци гао), которая наносилась на соответствующее место с тем, чтобы усилить воздействие мужской энергии ян; возможно, это средство мыслилось как предотвращающее выход жизненной энергии (ци) через пупок /11, с. 242/.

7. Бирманский бубенчик (мянь лин), т. е. род дильдо, который мог быть использован в том числе и для женской мастурбации. Судя по названию, пришел в Китай с «варварских» окраин[2]. В главе 83 в аналогичном перечне вслед за «мянь лин» упоминается также «чань шэн цяо» («брелок дрожащих звуков») — видимо, такой же «звучащий шарик» /9, с. 166/.

«ДЕВИАЦИИ»

Во-вторых, искусство любви выражается в разнообразии способов половых сношений. Здесь я имею в виду не столько позы, сколько так называемую «парафилию», то есть «достижение полового удовлетворения с помощью необычных или культурно неприемлемых стимулов» /3, с. 325/. Это понятие иногда используют как синоним половых отклонений (девиаций), но важно отметить, что в нашем случае речь идет, как правило, не о патологии, а об определенных нормах, которые можно считать скорее изощрениями, нежели извращениями. Знаменательно, что ван Гулик, постоянно употребляя слово «извращения» для характеристики действий Симэнь Цина, обращает вместе с тем внимание на практически полное отсутствие в романе патологических явлений в сфере секса, к разряду которых он, очевидно, относит лишь случаи грубого насилия одного партнера над другими: «Много здесь игривых извращений, раблезианского юмора и грубых шуток, но вызвано все это скорее стремлением к разнообразию, нежели испорченными инстинктами... Отсутствие патологических черт тем более замечательно, что человек, обладающий богатством и положением Симэнь Цина, вполне мог быть описан как безнаказанно предающийся садистским излишествам, что не нанесло бы ущерба реализму или

правдоподобию романа. Но подобные картины не приходили автору в голову, очевидно, потому, что он не наблюдал их в то время в своем окружении» /9, с. 289/. Аналогичные соображения высказывают и другие авторы: «Сексуальные отклонения, насколько можно судить по литературе, редко встречались в Китае. Не было необходимости прибегать к запрещенным приемам, поскольку секс был не табуирован, а любая практика открыта» /13, с. 44/.

Некоторые из девиаций полностью отсутствуют в «Цзинь, Пин, Мэй». Так, например, в романе не зафиксировано ни одного случая скотоложства, что, конечно, неудивительно, если принять во внимание социальную среду, в которой разворачивается действие. В деревне же, по многочисленным свидетельствам современников, зоофилия была относительно распространена «в низших классах рабочих, имеющих общую трудовую долю с животными», как писал врач русской духовной миссии в Пекине /4, с. 140/; об этом говорит и присутствие животных на некоторых эротических изображениях.

Более любопытно отсутствие случаев онанизма в одиночку и куннилингуса. Разумеется, это не свидетельство отсутствия таковых вообще в ту эпоху. Несколько случаев куннилингуса (к нему прибегали главным образом в даосских кругах) и женской мастурбации описаны в романе Ли Юя «Подстилка из плоти» («Жоу путуань»). Отсутствие же интереса к «обычному» онанизму можно объяснить лишь если вспомнить, что пособия по «искусству любви» запрещали мужской онанизм как безусловно ведущий к бессмысленной растрате жизненной энергии и преждевременной смерти. На Западе распространение онанизма отмечали как следствие запрета на проституцию, всякого рода регламентаций отношений между полами. В Китае же ничего подобного не наблюдалось. Как бы то ни было, автор «Цзинь, Пин, Мэй» по каким-то своим соображениям избежал хорошего «даосского» способа ускорить движение своего героя к гибели.

Наиболее часто встречающиеся в романе изощрения — это фелляция и содомия. Первая из них называется «игрой на свирели», которой занимаются практически все партнерши Симэнь Цина вне зависимости от их ранга в его семье и общественного положения. Христианство и ислам осуждали фелляцию наряду со скотоложством, онанизмом (и прелюбодеянием, разумеется). Даже в Риме, терпевшем содомию, фелляция считалась позорным актом. В Китае же этот способ полового удовлетворения никогда не осуждался.

Подобное положение дел требует хоть какого-то объяснения. Для характеристики сексуальных отношений в позднеримской империи П. Вэйном была предложена оппозиция «активный — пассивный» /14/. Свободный мужчина там обязан был быть активным, а женщина — пассивной. Подобное противопоставление не имело места в Китае[3], где отношения инь-ян теоретически полагались отношениями строгого равенства, а в пособиях по интимным отношениям подразумевалось сексуальное превосходство женщины. Частые случаи «игры на свирели» в романе отражают активность

женщин, символизируя вместе с тем «высасывание» жизненной энергии из Симэнь Цина.

Гетеросексуальная содомия считалась западными богословами противоестественной, как и вообще всякий «грех содомский». В китайском романе она встречается довольно регулярно, хотя и не столь часто, как фелляция.

Этот способ сношения можно увидеть и на гравюрах того времени. В эротической поэзии и прозе часто воспеваются женские ягодицы, которые обычно сравнивают с полной луной (мин юэ). В эротических фрагментах доцинских текстов изображается, как «цветущая ветвь» или «нефритовое дерево» приближаются к полной луне. В цинское время сопутствующий этим выражениям смысл был забыт, но такие сочетания, как «хоу тин хуа» («цветы с заднего двора») или «хань линь фэн» («стиль ученых»), по-прежнему были понятны и употребительны /9, с. 290/.

Симэнь Цин очень ценит этот способ. С восторгом он пробует его с Ван Шестой. Она, впрочем, изображена как женщина с причудами: «Гостям, к примеру, было положено входить лишь с заднего крыльца. Даже мужу приходилось пробираться через засаженный цветами дворик. Лишь раз или другой за целый месяц его пускали с парадного хода» /7, т. 2, с. 23/. Несколько подобных случаев было у Симэнь Цина и во время встреч с другими женщинами, но всегда несколько извращенными и занимающими низкое положение. Одно из описаний заставляет-таки предполагать, что данный способ полового сношения не должен все же считаться обычным и естественным для того времени. Цзиньлянь — единственная из жен Симэнь Цина, которую он пробует склонить к содомии. И эта развязная женщина соглашается на подобную сексуальную жертву («метать стрелы не в яшмовую вазу, а в медный таз») только после долгих уговоров своего мужа /7, т. 2, с. 126/.

Предпочтение, оказываемое этому способу полового сношения, объясняется в специальной литературе как особенность, присущая жителям жаркого климата, где вагинальные рефлексы, как правило, ослаблены, вследствие чего обычные совокупления менее предпочтительны для мужчин. Однако ван Гулик обращает внимание на то, что об этом способе не упоминается ни в санскритской, ни в классической греческой литературе. Римляне (Сенека, Марциал) ссылаются на него как на средство временно уберечь невесту от болезненности при дефлорации. В семитском мире анальный секс был широко известен, о нем часто говорится и в арабских пособиях по искусству любви /9, с. 290/. В общем, данная проблема в сексологии еще не решена.

Нет сомнения, что гомосексуальные связи между мужчинами в то время не только терпели, но и рассматривали как нормальное явление, что подтверждается законодательством эпохи Мин. Отношения мужчин описаны в романе с той же простотой и естественностью, что и гетеросексуальные связи: «Симэнь в порыве страсти обнял юношу, и они слились в жарком поцелуе. Затем Симэнь расстегнул

ему халат, обхватил обеими руками пониже талии и сказал:

— Поменьше пей! Всю красоту свою испортишь!

— Не буду больше, господин,— прошептал Шутун (слуга Симэнь Цина.—**А. Д.**)» /7, т. 1, с. 405/.

В то же время в «Цинь, Пин, Мэй» нет ни одного описания лесбийской любви, по другим данным—весьма распространенной.

Групповой секс в китайской художественной литературе—это, как правило, один мужчина с двумя и более женщинами. Привилегированное положение «единственного мужчины» глубоко укоренилось в китайской традиции /11, с. 260/ [4]. На многочисленных средневековых гравюрах и в самом романе «лишние» женщины—это чаще всего служанки, помогающие мужчине получить максимум удовольствия от «основной» партнерши.

Причинение мужчиной женщине боли (даже легкой, типа покусывания) ни разу не упоминается в древних пособиях, сцены такого рода крайне редки и в художественной литературе. Так, в «Цзинь, Пин, Мэй» Симэнь развлекается тем, что кладет между грудей, на живот и на лобок женщины три кусочка благовония и поджигает их. Эту процедуру он проделывает на протяжении романа три раза и всегда с женщинами сомнительного поведения. Эти действия можно квалифицировать как проявление садизма с той лишь существенной оговоркой, что партнерши Симэнь Цина соглашаются на этот опыт добровольно, а из текста явствует, что их наслаждение также увеличивается. Источники XVII века, где рассказывается о нравах увеселительных заведений, свидетельствуют, что практика такого рода была весьма распространенной и считалась среди куртизанок хорошим средством, чтобы удержать понравившихся клиентов /10, с. 661/.

Два раза в романе женщина пытается компенсировать сексуальную неудовлетворенность дурным обращением с другими женщинами. В обоих случаях это все та же пресловутая Цзиньлянь.

И наконец, в «Цзинь, Пин, Мэй» есть два копрологических пассажа на одну и ту же тему: Симэнь Цин мочится в рот не блещущим особо приличными нравами женщинам: Цзиньлянь и кормилице Жуи. Но важно отметить, что в первом случае это происходит по инициативе «главной соперницы» Симэнь Цина во время последней серии ее встреч с мужем и символизирует растущее желание Цзиньлянь реализовать наконец свое сексуальное преимущество, т. е. как бы поглотить мужчину целиком, вобрать к себе в самое «нутро» («бао хуа во») его жизненную силу, чего она и добивается во время их последнего свидания (глава 79), когда пенис Симэнь Цина «исторгает семя, затем сочится кровью и, наконец, испускает дух» /11, с. 241/.

ЛЮБОВЬ, РАЗМНОЖЕНИЕ, СМЕРТЬ

Во всех перечисленных выше случаях речь идет о сексуальных отношениях без цели зачатия. Хотя Симэнь Цин, приступая к поискам новых жен, упоминает порой о необходимости рождения наследни-

ка, сводницы чаще апеллируют к его сладострастию /7, т. 1, с. 99/. Почти все герои романа мечтают иметь детей, но в интимных сценах речь, несомненно, идет только об «искусстве любви», которое кажется несовместимым с зачатием. Не случайно Юэнян и Цзиньлянь, стремящиеся заиметь ребенка от Симэня, просят у буддийского шарлатана чудодейственную микстуру. Таким образом, поиски удовольствия и размножение — два не связываемых друг с другом понятия. Более того, самые распутные женщины в романе вообще, как правило, неспособны иметь детей. Сладострастие как бы препятствует размножению.

Раз удовольствие и размножение разъединены, то поиски наслаждения неизбежно связываются со смертью. Как отмечали многие исследователи, «Цзинь, Пин, Мэй» в равной мере может считаться как романом о сексуальных радостях, так и романом о смерти. Это история постоянной борьбы человеческих существ, желающих поисками чувственной радости бросить вызов смерти. Все персонажи романа умирают, и причиной тому — любовные излишества. Только первой супруге Симэнь Цина, добродетельной, лишенной похоти Юэнян удается избежать преждевременной гибели.

«Цзинь, Пин, Мэй» — это история вожделения, удовлетворяемого, но постоянно возрождающегося, подобно фениксу из пепла. «Буддийский идеал уничтожения всех желаний отрицается самой жизнью, и только смерть от излишеств способна положить конец повторяющимся сценам интимных отношений, придавая элемент условности эротической теме» /8, с. 84/. Как говорится в главе 79, «есть предел человеческим силам, только плоть ненасытна» /7, т. 2, с. 303/ [5].

Мы предлагаем вашему вниманию полный перевод двух глав романа «Цзинь, Пин, Мэй». Сравнив его с имеющимся переводом В. С. Манухина /7, т. 2, сс. 117—132/, дотошный читатель сможет самостоятельно рассудить, действительно ли при сокращении текста издатели двухтомника упустили нечто существенное.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ван Гулик считает это обстоятельство явным свидетельством в пользу того, что к концу династии Мин древние пособия по искусству любви и даосской сексуальной алхимии были мало известны среди писателей и ученых /9, с. 288/. Вместе с тем очевидно, что роман насыщен художественными образами и натурфилософскими идеями этих старинных трактатов.

[2] Ученый цинского времени так описывает это приспособление: «В Бирме живет похотливая птица, семя которой используется как половой возбудитель. Люди собирают семя, которое падает на камни, и помещают его в маленький медный предмет конической формы, который называют «бирманский бубенчик». Взяв его в руку, обнаруживаешь, что, чуть согревшись, он начинает сам по себе двигаться и издавать тоненький звук. Положишь его на стол — он прекращает звучать. Удивительно!» /9, с. 165/.

[3] Неудивительно, что во время полового акта женщина часто занимала «активную позицию». Подтверждением этого может служить хотя бы подсчет изображений на эротических гравюрах эпохи Мин, проведенный ван Гуликом. 20% случаев — это позиция «женщина сверху», «нормальная» позиция представлена всего лишь на 25% изображений /9, с. 330/. На Западе же позиция «женщина сверху» считалась в то время «противной естеству».

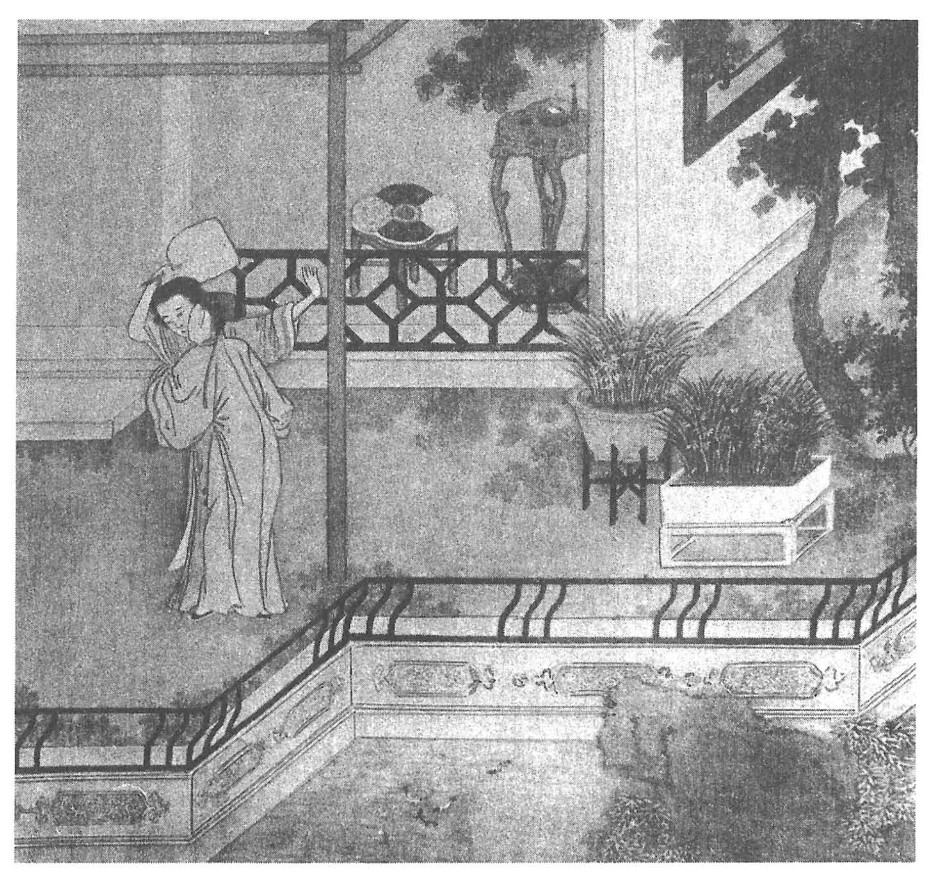
[4] Как исключение можно рассматривать сцену в романе, когда Ин Боцзюэ, застав своего приятеля Симэнь Цина в объятиях певички Ли Гуйцзе, принимается насмехаться над ним.

[5] «И цзи цзин шэнь ю сянь, тянь ся сэ юй у цюн», что в более буквальном переводе означает: «Семя и дух человека ограничены, /но/ страсти и желания Поднебесной неисчерпаемы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Воскресенский Д. Н. Мир китайского средневековья //Иностранная литература.— 1978.— № 10.
2. Зайцев В. В. «Цветы сливы в золотой вазе», или «Цзинь, Пин, Мэй» // Вестник МГУ.— Сер. 13. «Востоковедение».— 1979.— № 2.
3. Кон И. С. Введение в сексологию.— М., 1989.
4. Корсаков В. В. Пять лет в Пекине.— СПб., 1902.
5. Литература востока в средние века. Часть I.— М., 1970.
6. Рифтин Б. Л. Ланьлинский насмешник и его роман «Цзинь, Пин, Мэй» // «Цветы сливы в золотой вазе», или «Цзинь, Пин, Мэй».— Т. I.— М., 1977.
7. «Цветы сливы в золотой вазе», или «Цзинь, Пин, Мэй» / Перевод с китайского В. С. Манухина.— М., 1977.— тт. 1, 2.
8. The Clouds and the Rain. The Art of Love in China.— Frib & L, 1969.
9. van Gulik R. H. Sexual Life in Ancient China.— Leiden, 1961.
10. Leung A. K. Sexualite et sociabilite dans le Jin Ping Mei, roman erotique chinois de la XVI-eme siecle // Information sur les sciences sociales.— 1984.— Vol. 23.— N 4-5.
11. Mc Mahon K. Eroticism in Late Ming, Early Qing Fiction: the Beauteous Realm and the Sexual Battlefield // T'oung Pao.— Leiden, 1987.— Vol. 73.— N 4-5.
12. Ono Shinobu. Chin P'ing Mei: A Critical Study // Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture.— Tokyo, 1963, N 5.
13. Valensin G. La vie sexuelle en Chine communiste.— Paris, 1977.
14. Veyne P. La famille et l'amour sous le Haut-Empire romain // Annales E. S. C., 1978, I—II.

中國民情

124. «В развлечениях поникшая невинность, смеясь, негодует в ответ».

О. М. ГОРОДЕЦКАЯ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ К РОМАНУ «ЦЗИНЬ, ПИН, МЭЙ»

В традиционной китайской культуре подчас трудно бывает отделить прозу от поэзии, поэзию от живописи или каллиграфии, каллиграфию от религии и философии, философию от бытового утилитаризма и все это вместе — от музыки. В такой нерасчлененной до конца синкретичности отчасти и кроется загадка неповторимости и богатства языка китайской художественности, а также его удивительной стойкости ко всем внешним напластованиям.

Китайские классические романы и в первую очередь, конечно,

такие излюбленные, как «Сон в красном тереме» или «Цзинь, Пин, Мэй», написаны образно, ярко и поэтически витиевато. Тексты, в частности, в «Цзинь, Пин, Мэй», перемежаются — гладкие и рифмованные — так, что это даже не совсем роман в нашем понимании, а, скорее, роман-поэма.

Основное свойство китайской литературы заключается в том, что многие фразы являются сами по себе законченными и отшлифованными формами, задающими определенно направленную систему аллегорий и образов, конкретных и зримых, которые, в свою очередь, способны легко перевоплощаться в образы изобразительного искусства.

Живопись с древнейших времен была тесно связана с литературой. Поэты, начиная с Цюй Юаня (IV—III вв. до н. э.), рассуждали в своих стихах о виденных ими картинах. Живописцы, начиная с Гу Кайчжи (III—IV вв. н. э.), создавали свитки по мотивам поэм или небольших стихотворений. Впрочем, у Гу Кайчжи, конечно, были предшественники, но более ранняя живопись почти не сохранилась. Ведь и сам он известен нам не в оригиналах, а в копиях, в основном, X—XII вв.

Однако изобразимость словесных образов китайской литературы — это лишь один, наиболее внешний фактор, сближавший ее с живописью или графикой. Другой, наиболее глубинный, связан с самой природой литературного языка и языка изобразительного, которые не были в культуре столь уж различны, ибо слова, т. е. язык литературы, воплощались в иероглифах и заключали в себе помимо общего смыслового ряда еще и некий знаково-изобразительный.

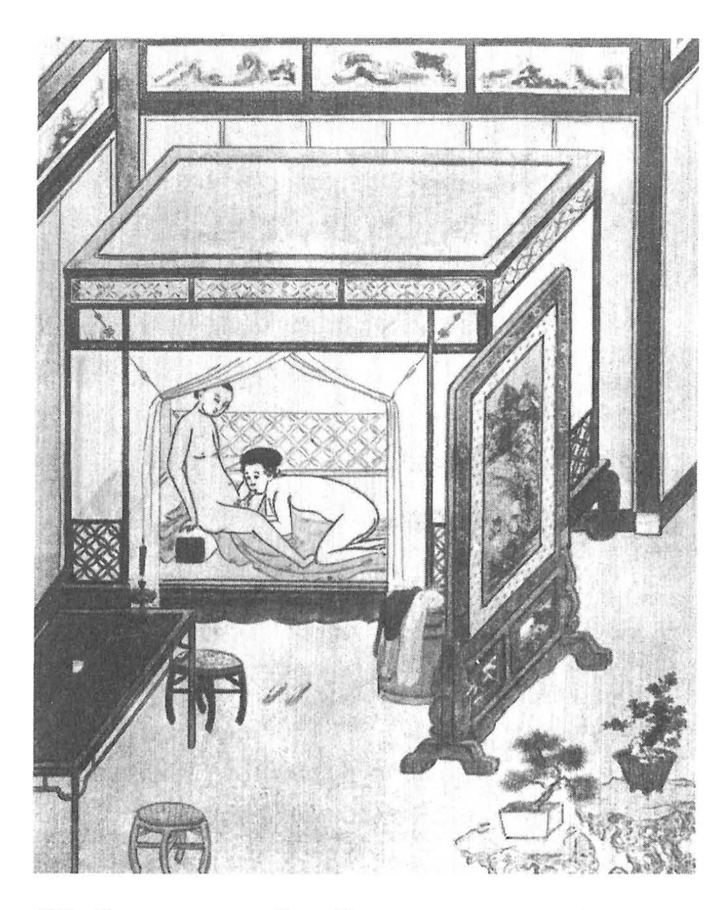
Китайская поэзия, в отличие от европейской, с точки зрения формы никогда не была только мелосом, но всегда еще и графикой. Даже в нашей алфавитной языковой системе некоторые поэты XX века, в первую очередь, конечно, Хлебников, пришли к необходимости подробно, в нюансах воплощать звуковой ритм стихов в графическом изображении, в расположении слов, букв и в характере шрифтов. Для иероглифической же системы Китая эта идея была очевидной во все времена.

Иероглиф — это все: суть и цель, исходное и предельное.

Иероглиф как слово, смысл которого складывается из веера возможных оттенков значений.

Иероглиф как синтез нескольких базовых понятий, так называемых ключей. Мы бы имели некое подобие китайского языка, если бы употребляли почти исключительно двухкоренные и многокоренные слова. В этом смысле немецкий язык должен быть гораздо «ближе» китайцам, нежели какой-нибудь другой из европейских.

Затем иероглиф как некая идеальная гармония линий, гармония высших начал, ибо линия есть начало высшее, она играла одну из заглавных ролей в различных аспектах китайской культуры. С одной стороны, она почиталась одним из воплощений пути Вселенной дао, с другой стороны, как явленное соотносилась с началом ян. Многое, конечно, зависело от характера, типа линии и т. д. На этот счет существовала целая богато

125. «Ударившая котёнка Цзиньлянь дегустирует нефрит».

разработанная теория в сочетании с художественно-каллиграфической практикой.

Вне зависимости от того, написан иероглиф рукой искусного каллиграфа или школяром, едва держащим перо, в любом случае в нем, вернее в его ключах, сохраняется знаково-изобразительное начало. Исходя из этого, любой текст является своеобразным изобразительным кодом, который к тому же имеет простой рациональный смысл и может быть еще

и озвучен в четырех тонах китайской речи.

Будучи таким синкретом всех искусств, иероглиф становится прекрасным стимулятором для всех взаимотрансформаций и взаимосочетаний литературы с изобразительным искусством. Создавая свитки на сюжеты каких-либо стихов, китайские художники включали эти стихи, исполненные в искусной каллиграфии, в ритмическую структуру живописного произведения. Случалось, что сам художник являлся автором стихотворения, или это были произведения его друзей, а чаще — шедевры классиков. Каллиграфию также порой исполнял сам живописец, порой — некий иной мастер письма. То есть создателей свитка могло быть трое, двое, а мог быть один, выступающий одновременно во всех трех ипостасях.

На свитках и альбомных листах текстовые иероглифы гармонично сочетаются с живописью не только по причине «рисуночности» их письма, но также еще и потому, что сама живописная среда в своем построении подчиняется тем же ритмическим законам линий и пустот, что и текст.

Если даже станковые настенные живописные произведения использовали литературные сюжеты, то, естественно, с появлением книжной продукции начала бурно развиваться книжная графика.

Все крупные поэмы, романы иллюстрированы. Часто избранные иллюстрации к знаменитым произведениям выпускались отдельными изданиями, иногда в качестве дополнения к тексту. При этом гравюрные листы могли брошюроваться отдельно, могли перемежаться с текстом. Иногда иллюстрации шли сплошной лентой через всю книгу, образуя ее целое, состоящее из графики и каллиграфии.

Художники не раз обращались к сюжетам популярнейшего китайского романа «Цзинь, Пин, Мэй». Создавали как отдельные листы, так и целостные серии.

Хранящиеся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР четыре тома текста романа и пять томов иллюстраций являются копией с одного из наиболее репрезентабельных изданий XVIII в. (?), бывшего собственностью китайского императора.

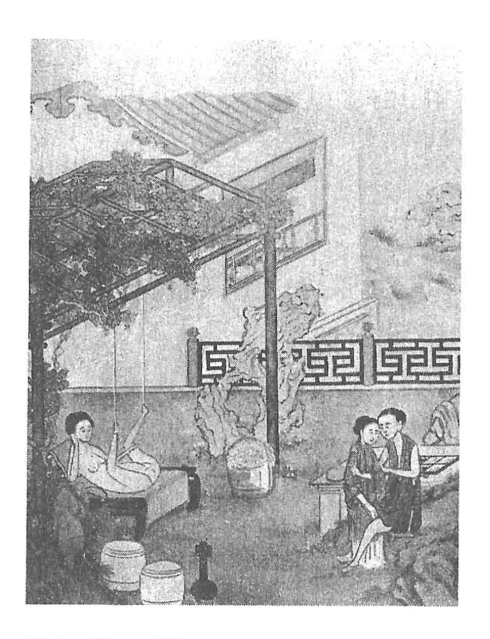
К сожалению, в отличие от оригинала, эрмитажные гравюры не раскрашены, тем не менее они представляют немалый интерес. В конечном итоге цвет не был столь уж неотъемлемой частью китайской изобразительной культуры, которая во все века стремилась к монохромности как к высшему идеалу, очищенному от всего избыточного и преходящего, хотя, с другой стороны, чувственная эротическая живопись, как правило, была цветной — цвет в ней использовался в качестве дополнительного эмоционального возбудителя, зрительного «эликсира сладострастия».

К публикуемым в настоящем издании 51-й и 52-й главам «Цзинь, Пин, Мэй» относятся графические листы:

«Ударившая котенка Цзиньлянь дегустирует нефрит», (илл. 125).

«Ин Боцзюэ в гроте насмехается над весенним баловством»,

«Пань Цзиньлянь в саду уступает любви зятя» (илл. 128).

126. «Пань Цзиньлянь, опьяневшая, мается на перекладине для винограда».

Лист «Ударившая котенка Цзиньлянь дегустирует нефрит» есть изображение длительной сцены минета из 51-й главы.

Нефрит (он же яшма) — юй — в Китае считался одним из основных мировых составляющих, наряду с такими, как земля, воздух, вода, дерево, золото, бамбук, и т. д. В своей твердости юй принадлежит стихии ян и, кроме того, юй или «юй цзин» (нефритовый стебель) — это наиболее часто употребляемый термин, обозначающий мужской половой член.

Интересна игра слов, содержащаяся в надписи данной гравюры: «дегустирует нефрит» может быть также прочитана, как «играет на нефрите, как на свирели». В Китае музыка вообще мыслилась как начало всех начал, некий высший ритм, управляющий всеми жизненными процессами. Но, пожалуй, особенно сильны музыкальные ассоциации были именно в эротике. С пипа (подобием лютни) сравнивали женские органы. «Струны пипа» — малые половые губы; «пещера пипа» — женственные глубины. «Проникновение в струны» — первоначальное поверхностное введение полового члена в вульву; «пир в «лютневой пещере» — бурные сексуальные наслаждения.

Другой инструмент — дудочка, свирель, флейта — прямая палка (разумеется, нефритовая) да еще и с отверстием, согласно китайскому видению, — это явный пенис. Игра на свирели — минет, который, собственно, и творится в указанной сцене.

Другой лист — «Ин Боцзюэ в гроте насмехается над весенним

баловством» иллюстрирует эпизод 52-й главы.

«Весеннее баловство в гроте», т. е. баловство в «иньской пещере», иными словами, внутри женщины. Секс в Китае по причине социального неравенства между мужчиной — хозяином — и его гаремными послушницами почти всегда рассматривался с позиций хозяина, т. е. с мужских. Поэтому коитус понимался не только и, может быть, даже не столько как процесс единения инь и ян, сколько как приобщение ян к инь с целью восприятия иньских энергий, посещение пещеры инь («нефритовой пещеры», «лютневой пещеры»), весенние игры в ее сладостных глубинах.

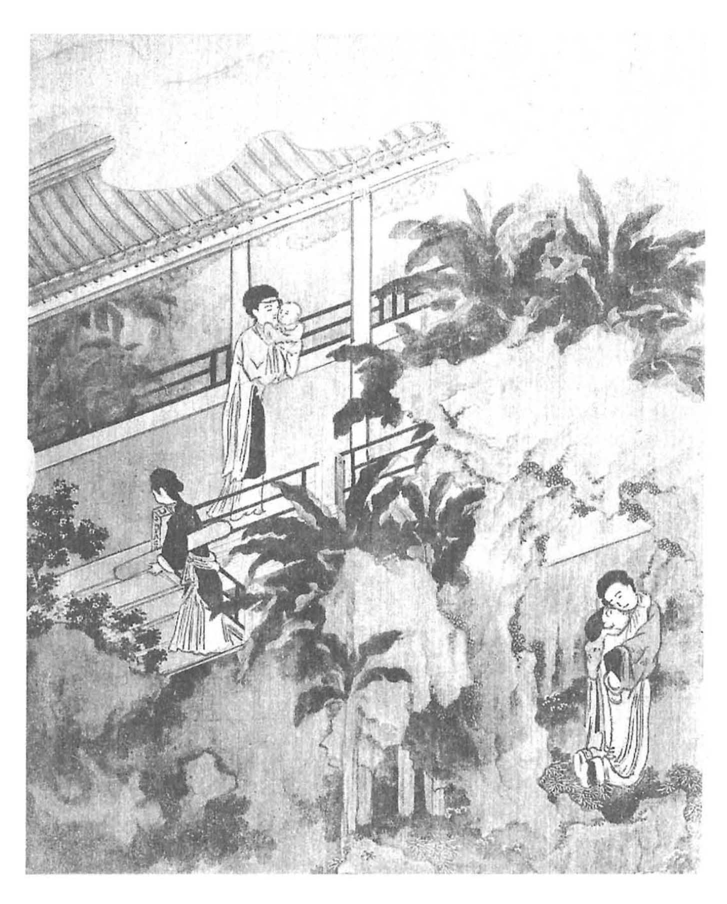
На данной гравюре изображены как бы сразу две пещеры — внешняя, называемая «гротом весны» (метафора соития), и внутренняя по имени Ли Гуйцзе.

«Внешний» грот на картинке передан условно при помощи неких каменистых образований. Сквозь причудливые, извилистые, как бы изъеденные, формы прорастает мощная ветвистая сосна. Подобные образы часто встречаются в китайской живописи. Сосна (или иногда бамбук) и дырявые камни являются природной эротической парой. Их присутствие на «весенней картинке» не случайно. Оно очередной раз фиксирует китайскую идею о том, что, любя, человек следует природе, приобщается к ней, сливается.

Забавы в «гроте весны» (эротические игры) — не вполне предназначены для посторонних глаз: это все же грот, а не дворец. Однако в данной гравюре за коитусом с удовольствием наблюдает

127. «Возлюбленный брат улучает момент для тайной любви».

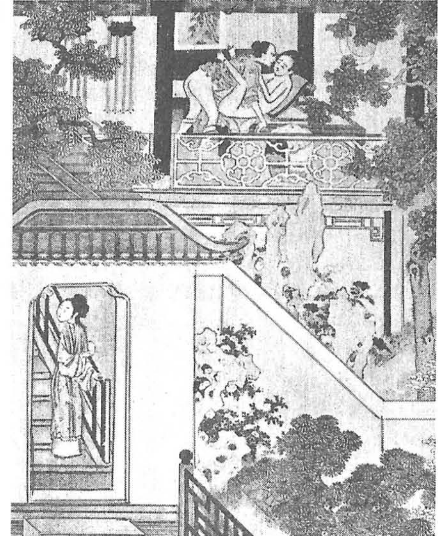
128. «Пань Цзиньлянь в саду уступает любви зятя».

посторонний. Третий, но не совсем лишний — тема эта обычна для китайской эротической живописи.

В конце 52-й главы романа рассказывается о молодой женщине, которая ловит в саду бабочек. Сюжет этот не случаен, и возникает он в романе не однажды. Женская ловля бабочек, мотыльков, пчел в китайском понимании имеет вполне конкретный подтекст. Любое насекомое-опылитель — это знак мужской сексуальной энергии. Мотылек — любитель и возлюбленный цветов, в том числе и красных, то

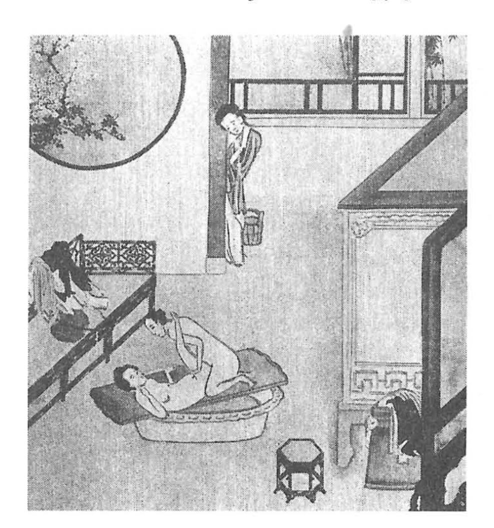

129. «Утолив жажду ядом насильственных радостей, оказался под угрозой гибели».

131. «Пань Цзиньлянь в ароматной ванне принимает утренний бой».

130. «Чэнь Цзинцзи забавляется с одной, но в итоге получается с двумя».

132. «Оплаченное любовью «с заднего дворика» осуществляется посредничество».

есть тех, что в китайской традиции ассоциировались с вульвой.

Согласно тексту романа, Цзиньлянь удалось достичь желаемого. Она поймала мотылька по имени Цзинцзи.

Дальнейшее развитие событий представлено на листе «Пань Цзиньлянь в саду уступает любви зятя».

Кстати, надпись этой гравюры тоже содержит музыкальные реминисценции, ибо она может быть прочитана как «Садовая мелодия любви Пань Цзиньлянь к зятю».

И то, что мелодия «садовая»,— это тоже не случайно. Китайцы любили, следуя природе, сливаясь с природой, предаваться любви на свежем воздухе. Это к тому же во многом соотносилось с различными даосскими идеями.

Согласно развитию фабулы Цзинцзи зазвал молодую женщину в грот (опять грот) посмотреть на выросший там гриб. Образ грота не вызывает особых сомнений. Это классический знак вульвы. Осталось понять, что из себя представляет возросший в нем гриб.

Грибы, как известно, бывают разными. Но в данной конкретной ситуации логичнее, видимо, вспомнить о так называемом «черном грибе» с плотно прилегающей шляпкой, по форме напоминающем пенис. Он, собственно, и использовался в таком качестве (илл. 33).

Лист «Пань Цзиньлянь в саду уступает любви зятя» не является абсолютно точной иллюстрацией эпизода. Его изобразительный ряд более емок. В нем соотнесены три существования, три женщины, иероглифы чьих имен стоят в заглавии романа: очаровательная блудница Цзиньлянь, вечно неприкаянная в своих страстях; ее служанка и наперсница Чуньмэй и Пинъэр, создавшая себе ненадолго свой хрупкий микромир, достигшая истинной женской законченности, но, увы, иллюзорной и кратковременной.

ЛАНЬЛИНСКИЙ НАСМЕШНИК

ЦЗИНЬ, ПИН, МЭЙ, ИЛИ ЦВЕТЫ СЛИВЫ В ЗОЛОТОЙ ВАЗЕ

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Юэнян слушает чтение из «Алмазной сутры»[1].

Гуйцзе прячется в доме Симэня.

В зеркало глядеться не хочу,
румянец исчезает,
Рукой подбородок подперши,
сижу, желанья нет спать.

Исхудала тонкая талия,
бирюзовый поясок повис,
Слезы, по щекам стекая,
искрятся на подвесках.

На равнодушного я негодую,
тоска меня грызет,
В смятении душа, мукам
нет конца.

Когда же благодатный ветер
повеет наконец?
Когда он милого мне к ложу
принесет?

Итак, узнав, что Симэнь с узелком[2] остался у Пинъэр, ревнивая Цзиньлянь глаз не сомкнула всю ночь. На другой же день утром, когда Симэнь отбыл в управу, а Пинъэр причесывалась у себя в спальне, Цзиньлянь пошла прямо в задние покои.

— Знала бы ты, сестрица,— обратилась она к Юэнян,— какие сплетни про тебя пускает Ли Пинъэр![3] Ты, говорит, хозяйку из себя строишь, зазнаешься, когда у других день рожденья, ты лезешь распоряжаться. Муж, говорит, пьяный ко мне пошел в мое отсутствие, а она — это ты-то, сестрица,— ее перед всеми конфузишь, стыдишь ни за что ни про что. Она, говорит, меня из себя вывела. Я, говорит, мужу велела из моей спальни уйти, а он, говорит, опять все-таки ко мне пришел. Они всю ночь напролет прошушукались. Он ей целиком, со всеми потрохами, отдался.

Так и вспыхнула разгневанная Юэнян.

— Вот вы вчера тут были,— говорила она, обращаясь к тетушке У Старшей и Мэн Юйлоу[4].— Скажите, что я о ней такого говорила? Слуга принес фонарь, я только и спросила: почему, мол, батюшка не пришел? А он мне: к матушке Шестой[5], говорит, пошел. Нет, говорю, у человека никакого понятия и приличия. Сестрица Вторая[6] рождение справляет, а он даже прийти не хочет. Ну чем, скажите, я ее задела, а? С чего она взяла, будто

я хозяйку из себя строю, зазнаюсь, я такая, я сякая?! А я еще порядочной женщиной ее считала. Правда, говорят, внешний вид обманчив. В душу не залезешь. Как есть шип в цветах, колючка в теле. Представляю себе, что она наедине с мужем наговаривает! Так вот почему она так всполошилась, к себе побежала. Глупая! Неужели думаешь, дрогнет мое сердце, если ты захватишь мужа, а? Да берите его себе совсем! Пожалуйста! Вам ведь в одиночестве жить не под силу! А как же я терпела, когда в дом пришла! Он, насильник, тогда мне на глаза совсем не показывался.

— Полно, сударыня! — успокаивала ее тетушка У. — Не забывайте, у нее наследник! Так исстари повелось: у кого власть, тому все дозволено. А вы — хозяйка дома, что лохань помойная. Все надобно терпеть.

— А я с ней все-таки как-нибудь поговорю, — не унималась Юэнян. — Хозяйку, видите ли, строю, зазнаюсь. Узнаю, откуда она это взяла.

— Уж простите ее, сестрица! — твердила перехватившая в своих наветах через край Цзиньлянь. — Говорят, благородный ничтожного за промахи не осуждает. Кто не без греха! Она там мужу наговаривает, а мы страдай! Я вот через стенку от нее живу. А будь такой же, как она, мне б и с места не сойти. Это она из-за сына храбрится. Вот погодите, говорит, сын подрастет, всем воздаст по заслугам. Такого не слыхали? Всем нам с голоду помирать!

— Не может быть, чтобы она такое говорила, — не поверила тетушка У.

Юэнян ничего не сказала.

Когда начинает сгущаться мгла, ищут свечу или лучину. Дочь Симэня жила в большой дружбе с Ли Пинъэр. Бывало, не окажется у нее ниток или шелку на туфельки, Пинъэр дает ей и лучшего шелку, и атласу, то подарит два или три платка, а то и серебра сунет незаметно, чтобы никто не видал. И вот, услыхав такой разговор, она решила довести его до сведения Пинъэр.

Приближался праздник Дракона[7], и Пинъэр была занята работой. Она шила ребенку бархатные амулеты, мастерила из шелка миниатюрные кулечки, напоминавшие формой праздничные пирожки, и плела из полыни тигрят для отпугивания злых духов, когда к ней в комнату вошла падчерица. Пинъэр усадила ее рядом и велела Инчунь[8] подать чай.

— Вас давеча на чай приглашала, что ж вы не пришли? — спросила падчерица.

— Я батюшку проводила, — говорила Пинъэр, — и пока прохладно села вот сыну кое-что к празднику смастерить.

— Мне с вами поговорить надо бы, — начала падчерица. — Не подумайте, что я сплетни пришла сводить. Скажите, вы говорили, что матушка Старшая, дескать, хозяйку из себя строит, а? Может, вы с матушкой Пятой ссорились? А то она у матушки Старшей на все лады вас судила да рядила. Матушка Старшая собирается с вами объясниться. Только не говорите, что я сказала, а то и мне достанется. А вы, матушка, с мыслями соберитесь, подумайте, как ей ответить.

Не услышь такого Пинъэр, все бы шло своим чередом, а тут у нее

даже иголка выпала, руки опустились. Долго она была не в силах слова вымолвить.

— Дочка! — наконец со слезами на глазах заговорила Пинъэр.— Ни слова лишнего я не говорила. Вчера только я услыхала от слуги, что батюшка ко мне направился, я к себе поспешила и стала уговаривать его пойти к матушке Старшей, только и всего. Матушка Старшая так обо мне заботится! Да как я буду отзываться дурно о человеке, когда он делает мне столько добра! Но кому же, хотела бы я знать, я такое говорила?! Зачем зря клеветать!

— А матушка Пятая как услыхала, что Старшая собирается с вами потолковать, так вся и вспыхнула,— объяснила падчерица.— По-моему, этого так оставлять нельзя. Надо ей очную ставку устроить, вот что.

— Да разве ее перекричишь? — махнула рукой Пинъэр.— Уж буду на Небо уповать. Она ведь и днем, и ночью под меня подкапывается и не успокоится, пока не покончит либо со мной, либо с сыном.

Пинъэр заплакала, падчерица успокаивала ее. Появилась Сяоюй[9] и пригласила их к обеду. Пинъэр отложила работу и направилась с падчерицей в покои хозяйки дома, но, даже не коснувшись еды, вернулась к себе, легла в постель и тотчас же уснула.

Вернулся из управы Симэнь и, найдя Пинъэр спящей, стал расспрашивать Инчунь.

— Матушка целый день крошки в рот не брала,— сказала служанка.

Симэнь бросился к постели Пинъэр.

— Что с тобой, скажи! — спрашивал он.— Почему ты не ешь? — Когда он обратил внимание на ее заплаканные глаза, он не раз повторил один и тот же вопрос: — Как ты себя чувствуешь?

Пинъэр поспешно поднялась и стала тереть глаза.

— Ничего страшного,— говорила она.— Так, с глазами что-то и аппетиту нет.

Она ни словом не обмолвилась о происшедшем.

Да,

Терзает грудь обида,
Да не поделишься ни с кем.

Тому свидетельством и стихи:

Кто говорит, красавица всегда
глупа?
Что проку умной быть и сметливой
во всем?
Все горести на свете придется
испытать,
И будет грусть всегда на сердце
давить.

Дочь Симэня вернулась в задние покои.

— Я ее спросила,— обратилась она к Юэнян.— Она со слезами на глазах клялась мне, что никогда ничего подобного не говорила. Матушка, говорит, так обо мне заботится. Как же я, говорит, могу о ней такое говорить.

— Да я с самого начала не поверила,— вставила тетушка У.— Сестрица Ли — прекрасная женщина. Не могла она сказать такой вздор.

— Небось, между собой поругались,— заключила Юэнян.— Мужа

не поделили. Вот Цзиньлянь и пришла на соперницу наговаривать. Я одна-одинешенька, с собственной тенью время коротаю, а мне все косточки перемоют.

— А ты, дорогая, понапрасну человека не вини,— увещевала хозяйку тетушка У.— Я прямо скажу: сотня таких, как Пань Цзиньлянь, не стоит и одной сестрицы Ли Пинъэр. Прекрасной она души человек! Вот уж года три, как в дом вошла, а что плохого о ней скажешь?!

Во время этого разговора в комнату вошел Циньтун [10] с большим синим узлом за спиной.

— Что это у тебя?— спросила Юэнян.

— Лицензии на продажу тридцати тысяч иней [11] соли,— отвечал слуга.— Приказчик Хань с Цуй Бэнем их только что в акцизе зарегистрировали. Батюшка просил накормить обоих и выдать серебра. Они послезавтра, двадцатого, в счастливый день, отправляются в Янчжоу.

— Хозяин, наверно, сейчас придет,— проговорила тетушка У.— Мы уж с наставницами к матушке Второй пройдем.

Не успела она сказать, как отдернулась дверная занавеска, и явился сам Симэнь. Тетушка У и монахини заторопились к Ли Цзяоэр, но их заметил хозяин.

— А эту жирную потаскуху Сюэ [12] зачем сюда занесло?— спросил он Юэнян.

— Что ты язык-то свой распускаешь?— одернула его хозяйка.— Мать-наставница в гости пришла, а ты набрасываешься. Что она тебе дорогу, что ли, перешла? И откуда ты ее знаешь?

— Ты еще не знаешь, что вытворяет эта плешивая разбойница? [13] — продолжал Симэнь.— Она пятнадцатого в седьмой луне завлекла в монастырь Дицзана дочь советника Чэня и одного малого по имени Жуань Третий, подбила их на прелюбодеяние да еще и три ляна серебра выманила. А Жуань Третий в объятиях девицы дух испустил. Дело получило огласку, и сводню ко мне доставили. Я ее велел раздеть и двадцать палок всыпать. А по какому, собственно, праву она до сих пор в монахинях ходит, а? Ей же было предписано бросить монастырь и найти мужа. Может, захотела еще раз управу навестить, тисков отведать?

— Ну, разошелся!— укоряла его Юэнян.— Давай, громи святых, поноси Будду! С чего ж это ей в мир возвращаться, когда она посвятила себя служению Будде и, стало быть, являет добродетель? Ты не представляешь себе, каким подвижничеством отмечены дни ее жизни!

— Да, подвижничеством!— усмехнулся Симэнь.— Спроси лучше, по скольку мужиков она принимает за ночь.

— Ну, довольно пошлости! Я бы тебе тоже сказала!— оборвала его Юэнян и перевела разговор на другую тему:— Так когда ты отправляешь людей в Янчжоу?

— Лайбао только что послан к свату Цяо,— говорил Симэнь.— Он даст пятьсот лянов и я пятьсот. Двадцатого, в счастливый день, и отправлю.

— А шелковую лавку кому передашь?

— Пусть Бэнь Дичуань пока поторгует.

Юэнян открыла сундук и достала серебро. Его перевешали и передали отъезжающим [14]. Вьюки паковали в крытой аллее. Каждый получил по пять лянов и пошел домой собираться в путь, но не о том пойдет речь.

В крытой аллее появился Ин Боцзюэ.

— Далеко собираешься, брат? — спросил он.

Симэнь рассказал ему о предстоящей поездке Лайбао и Хань Даого в Янчжоу за солью.

— Желаю тебе, брат, всяческой удачи! — подняв руки, воскликнул Боцзюэ.— Барыши будут немалые, а?! Это уж наверняка!

Симэнь предложил ему присаживаться и велел подать чай.

— Ну, а как насчет Ли Чжи с Хуан Нином? — спросил Симэнь.— Скоро у них деньги появятся?

— Да, думаю, не позднее этого месяца,— отвечал Боцзюэ.— Они мне вчера вот что сказали: Дунпинское управление заключает контракт на поставку двадцати тысяч коробок благовоний. Просят еще ссудить их пятьюстами лянами, пособить в срочном деле. А как только они выручат деньги, сразу же все, до медяка, вернут.

— Но ты же видишь,— отвечал Симэнь,— я людей в Янчжоу собираю. У меня у самого денег нет. У свата Цяо пятьсот лянов в долг брать пришлось.

— Они меня очень просили с тобой потолковать,— продолжал Боцзюэ.— Ведь с кем дело начал, с тем и до конца доводить надо. Ты отказываешься, к кому же они пойдут?

— К востоку за городскими воротами лавочника Сюя Четвертого знаешь? — спросил Симэнь.— Вот он мне должен. Пусть пятьсот лянов у него и возьмут.

— Ну вот и прекрасно! — обрадовался Ин.

Пока они говорили, слуга Пинъань подал визитную карточку.

— Ся Шоу от господина Ся передал,— объяснил Пинъань.— Вас, батюшка, завтра к себе приглашают.

Симэнь развернул карточку и стал читать.

— Я ведь пришел еще кое-что тебе сказать,— заговорил опять Ин Боцзюэ.— Про Гуйцзе ничего не слыхал? Она у тебя давно не была?

— Понятия не имею! — сказал Симэнь.— Она у меня с первой луны не появлялась.

— Так вот, ты знаешь Ван Цая, третьего сына полководца Вана? — начал свой рассказ Ин Боцзюэ.— Дело в том, что женат он на племяннице главнокомандующего Лу Хуана из Восточной столицы. Когда молодые поехали поздравить дядюшку с Новым годом, он отвалил им в подарок целую тысячу лянов серебра. А эта самая племянница Лу Хуана, представь себе, красавица-картинка. Передай художник хоть частицу ее красоты, от портрета глаз бы не оторвать. Пока ты дома сидишь, старик Сунь, Рябой Чжу и Чжан Сянь Младший целыми днями с Ван Цаем у певиц околачиваются. Ван Цай соблазнил одну молоденькую, зовут Ци Сян, из дома Ци во Втором переулке. Навещал он и Ли Гуйцзе, а когда заложил головные украшения жены, она, обнаружив пропажу, чуть руки на себя не наложила. А тут вскоре наступил день рождения ее столичного дядюшки. Она отправилась в столицу и все ему рассказала.

Разгневанный Лу Хуан передал имена дружков главнокомандующему императорской гвардией Чжу Мяню, а тот дал распоряжение в Дунпин арестовать всю компанию. Так что вчера у Ли Гуйцзе забрали старика Суня, Рябого Чжу и Чжан Сяня. Сама Гуйцзе спряталась в соседнем доме, у Чжу Волосатого, а нынче говорила, что к тебе пойдет, будет просить заступиться.

— Да они и в первой луне там дневали и ночевали,— говорил Симэнь.— Деньгами, вижу, так и сорят. Спросил, откуда, а Чжу Рябой только смешками отделывается.

— Ну я пошел,— сказал Боцзюэ.— А то Гуйцзе пожалует. Сам с ней говори. А то скажет, я в чужие дела нос сую.

— Да погоди!— не пускал его Симэнь.— Я тебе вот что скажу: Ли Чжи ничего не обещай, слышишь? Я сам долг получу, тогда мы с тобой потолкуем.

— Понятно!— отозвался Боцзюэ и раскланялся.

Только он вышел за ворота, у дома Симэня остановился паланкин. Из него вышла Гуйцзе.

Симэнь велел Чэнь Цзинцзи взять осла и отправиться за серебром к Сюю Четвертому.

В крытой аллее появился Циньтун и передал хозяину приглашение от Юэнян.

— Вас матушка просит,— сказал Циньтун.— Барышня Гуйцзе пожаловала.

Симэнь направился к Юэнян. Гуйцзе была в коричневом платье, без белил и румян. Повязанная белым платком, из-под которого торчали волосы, побледневшая певица отвесила хозяину земной поклон и зарыдала.

— Что же теперь делать, батюшка?— шептала она.— В беду попали! Верно говорят, запрешь ворота, так беда с неба грянет. Появился тут молодой барич Ван. Мы его и знать-то не знали. Рябой Чжу и Сунь Молчун его зачем-то к моей сестрице привели, а ее дома как раз не было. Не привечайте вы его, говорю, к чему это, а мамаша у нас чем старее, тем глупее. А случилось это в тот самый день, когда у тетушки рождение справляли. Сяду, думаю себе, в паланкин и к вам отправлюсь. А Рябой Чжу, знай свое, крутится, на колени опустился, упрашивает: не уходи, мол, сестрица, прошу тебя, угости, говорит, его чаем, а потом к батюшке пойдешь. Даже дверь запереть не дали. Вдруг врываются в комнату люди, хватают всех троих и, ни слова не говоря, уводят. Ван Цай сумел вырваться и убежал, а я у соседей скрылась. Потом уж меня слуга проводил. Прихожу домой, гляжу: у мамаши от страха чуть душа с телом не рассталась. Того и гляди отойдет. А сегодня полицейские с ордером приходили, целое утро допрос учиняли. И меня записали. В Восточную столицу, грозятся, отправим для разбирательства. Сжальтесь надо мною, батюшка, умоляю, спасите меня. Что мне делать, а? Матушка! Прошу вас, замолвите и вы за меня словцо!

— Встань!— Симэнь засмеялся.— А кто да кто обвиняется?

— Еще Ци Сян упоминается,— отвечала Гуйцзе,— но ей и поделом. Ее Ван Цай лишил невинности, у нее деньгами швырял. Но пусть у меня глаза вырвут, если

я грош от него имела. Пусть все мое тело покроется гнойничками, если я хоть раз к нему приблизилась!

— Хватит! Зачем все эти клятвы! — обращаясь к Симэню, сказала Юэнян.— Заступись за нее.

— А Ци Сян уже взяли? — спросил Симэнь.

— Она у императорских родственников Ванов пока скрывается,— отвечала певица.

— Ну, а ты побудь пока в моем доме,— предложил Симэнь.— А начнутся розыски, я в управу посыльного пошлю, чтобы поговорил с кем надо.

Он крикнул слугу Шутуна.

— Напиши письмо в управу господину Ли,— наказал он.— Гуйцзе, мол, часто у меня бывает, потому прошу вычеркнуть ее имя из списка обвиняемых.

— Есть! — ответил слуга и, одевшись в темное платье, без задержки понес письмо уездному правителю Ли.

— Господин Ли велел вам кланяться, батюшка,— говорил Шутун, вернувшись.— Он готов исполнить любое ваше указание, но в данном случае он получил приказ от начальства из столицы. Все уже арестованы. Могу, говорит, в знак уважения к батюшке отложить на несколько дней арест. Если, говорит, вы хотите что-то сделать, придется самим в столицу ехать и улаживать.

Симэнь призадумался.

— Лайбао по делам собирается ехать,— вслух размышлял он.— Кого же мне в столицу послать?

— В чем же дело! — воскликнула Юэнян.— Пусть двое едут в Янчжоу, а Лайбао отправь в столицу по делу Гуйцзе. Он потом успеет к ним присоединиться. Погляди, до чего она напугана!

Гуйцзе поспешно отвесила земные поклоны Юэнян и Симэню. Симэнь послал слугу за Лайбао.

— Ты с ними в Янчжоу не поедешь,— сказал он.— Тебе завтра придется отправляться в Восточную столицу. Надо будет Гуйцзе вот помочь. Повидаешься с дворецким Чжаем и попросишь, чтобы посодействовал.

Гуйцзе поклоном благодарила Лайбао.

— Я поеду немедленно,— проговорил он, кланяясь и отступая на несколько шагов назад.

Симэнь велел Шутуну составить письмо дворецкому Чжао, сердечно поблагодарить его за услуги в связи с докладом цензора Цзэна, потом запечатал в пакет двадцать лянов и вместе с письмом вручил Лайбао. Обрадованная Гуйцзе протянула Лайбао пять лянов серебром на дорожные расходы.

— А вернешься, брат,— сказала она,— мамаша щедро тебя наградит.

Симэнь велел Гуйцзе сейчас же спрятать свое серебро и распорядился, чтобы Юэнян выдала Лайбао пять лянов на дорогу. Гуйцзе запротестовала.

— Где же это видано, чтобы об одолжении просили и даже дорожных расходов не возмещали!

— Ты что, смеешься надо мной?! — оборвал ее Симэнь.— Думаешь, у меня пяти лянов не найдется? У тебя пойду занимать?

Гуйцзе спрятала свое серебро и еще раз поклонилась Лайбао.

— Прости, брат, хлопот я тебе доставляю,— говорила она.— Ты

уж завтра, будь добр, поезжай, не опоздать бы.

— Завтра в пятую стражу отправляюсь,— сказал он и, захватив письмо, направился на Львиную к Хань Даого.

Ван Шестая шила мужу куртку. Увидев в окно Лайбао, она поспешила к нему.

— В чем дело? — спросила она.— Заходи, присаживайся. Сам у портного. Сейчас придет.— Ван позвала Цзиньэр: — Ступай, сбегай к портному Сюю, хозяина позови. Скажи, дядя Бао ждет.

— Я пришел сказать, что не придется мне с ними ехать,— заговорил Лайбао.— Тут еще дело подоспело. Меня хозяин в Восточную столицу посылает. Ли Гуйцзе надо пособить, кое-кому подарки вручить. Поглядели бы, как она батюшку упрашивала, матушке в ноги кланялась. Вот мне и приходится дело улаживать. А брат Хань с Цуй Бэнем в Янчжоу поедут. Я за ними вслед поеду, как вернусь. Завтра рано утром отбываю и письмо уже получил. А ты, сестрица, чем занимаешься?

— Да вот, мужу куртку шью.

— Скажи, чтобы полегче одевался,— посоветовал Лайбао.— Ведь на родину шелков, атласа и парчи едет. Там этого добра сколько хочешь.

Подоспел и Хань Даого. Они обменялись приветствиями, Лайбао сказал о поездке в столицу и добавил:

— Я потом вас в Янчжоу разыщу.

— Батюшка посоветовал нам остановиться неподалеку от пристани,— говорил Хань,— на постоялом дворе Ван Божу. Мой покойный родитель, говорит, с его отцом дружбу водил. У него, говорит, и остановиться есть где, и торговых людей всегда много, а главное — и товары, и серебро будут в целости и сохранности. Так что, как приедешь, прямо к Ван Божу иди.— Лайбао обернулся в сторону Ван Шестой и продолжал: — Сестрица! Я ведь в столицу еду. Может дочке подарочек какой пошлешь?

— Да нет ничего, брат, под руками-то,— отвечала она.— Разве вот пару шпилек, что отец ей заказывал, да туфельки. Передай, будь добр, если тебя не затруднит.

Она завязала подарки в платок и, передавая узелок Лайбао, велела Чуньсян подать закуски и подогреть вина, а сама бросила шитье и стала накрывать на стол.

— Не хлопочи, сестрица! — благодарил Лайбао.— Мне домой пора, собраться еще надо. Вставать рано.

— Раз зашел, не обижай хозяев,— Ван засмеялась.— Разве так можно! Если приказчик проводы устраивает, чарочку пропустить полагается.— Она обернулась к мужу: — А ты чего сидишь, будто тебя не касается, а? Зови к столу, ухаживай за гостем. Хватит бездельничать.

Подали закуски, наполнили чарку и поднесли Лайбао. Ван Шестая тоже села с ними за компанию.

— Ну, мне домой пора,— сказал Лайбао, осушив не одну чарку.— А то еще ворота запрут.

— Лошадь нанял? — спросил Хань Даого.

— Завтра утром успею,— отвечал Лайбао.— А ключи от лавки и счета ты Бэнь Дичуаню передай, чтобы тебе ночью не караулить. До-

ма отоспись перед дорогой-то.
— А ты прав, брат,— согласился Хань.— Завтра же передам.

Ван снова наполнила чарки.

— Ну, выпей, брат, вот эту чарку, больше не буду задерживать,— сказала она.

— Тогда, будь добра, подогрей немножко,— попросил Лайбао.

Ван поспешно вылила вино в кувшин и наказала Цзиньэр подогреть, потом наполнила чарку и обеими руками поднесла Лайбао.— Жаль, нечем тебя угостить, брат,— говорила она.

— Что ты, сестрица,— отозвался тот.— Будет скромничать!

Он взял чарку, и они выпили залпом с Ван Шестой. Он встал, и хозяйка передала ему подарки для дочери.

— Прости, что причиняю тебе беспокойство,— сказала она.— Узнай, пожалуйста, как она там живет, как себя чувствует. Мне, матери, на душе легче станет.

Ван поклонилась и вместе с мужем вышла за ворота проводить Лайбао. Не будем рассказывать, как он собирался в дорогу, а перейдем к Юэнян.

Угостила она чаем Ли Гуйцзе. Рядом сидели тетушка У Старшая, тетка Ян и обе монахини.

Появился шурин У Старший, брат Юэнян.

— Из Дунпина поступил приказ,— обратился он к Симэню.— Тысяцким, хранителям печати обоих отделений нашей управы, вменяется в обязанность надзор за постройкой хлебных амбаров. Высочайшее повеление гласит: завершившие работы в полгода получат повышение на один ранг, все просрочившие заносятся в обвинительный доклад цензора. Прошу тебя, зятюшка, если есть у тебя серебро, одолжи несколько лянов. Верну сполна, как только мне оплатят расходы по постройке.

— В чем же дело, шурин! — воскликнул Симэнь.— Сколько тебе нужно?

— Будь добр, зятюшка, ссуди двадцатью лянами.

Они прошли в хозяйкины покои. Симэнь переговорил с Юэнян и велел ей отвесить двадцать лянов. После чаю шурин вышел, так как у сестры были гостьи. Юэнян предложила мужу угостить брата в приемной зале. Во время пира явился Чэнь Цзинцзи.

— Лавочник Сюй Четвертый просит батюшку отсрочить уплату долга,— сказал Чэнь.— Он на днях вернет.

— Это что еще за вздор! — возмутился Симэнь.— Мне деньги нужны, сукин он сын! Никаких отсрочек! Чтобы у меня точно в срок вернул!

— Слушаюсь! — отвечал Цзинцзи.

У Старший пригласил Цзинцзи к столу. Тот поклонился и сел сбоку. Циньтун тотчас же принес ему чарку и палочки. Пир продолжался.

Между тем тетушка У Старшая, тетка Ян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, Ли Пинъэр и дочь Симэня пировали с Ли Гуйцзе в комнате Юэнян. Барышня Юй спела несколько арий из сцены прогулки студента Чжана у Драгоценной пагоды. Когда она отложила пипа, Юйлоу подала ей вина и закусок.

— Вот уж не по духу мне, когда тянут, как слепые,— говорила Юйлоу.— А еще хочешь, чтобы я тебя любила.

Цзиньлянь поддела палочками свинину и стала ради шутки вертеть ею перед самым носом певицы.

— Юйсяо! — кликнула Гуйцзе.— Подай-ка мне пипа, пожалуйста. Я матушкам спою.

— Да ты же расстроена, Гуйцзе! — удивилась Юэнян.

— Ничего, спою,— отвечала певица.— Я уж успокоилась. Ведь батюшка с матушкой за меня решили заступиться.

— Вот что значит из веселого дома! — воскликнула Юйлоу.— Гуйцзе, ты ведь вот только переживала, брови хмурила, даже от чаю отказывалась, а тут и разговорилась, и смех появился, будто счастливее тебя и нет никого. Как у тебя все быстро делается!

Гуйцзе взяла инструмент, нежными, как нефрит, пальчиками коснулась струн и запела.

Пока она пела, вошел с посудой Циньтун.

— Дядя У ушел? — спросила Юэнян.

— Только что отбыли,— ответил слуга.

— Зятюшка, должно быть, вот-вот придет,— заметила У Старшая.

— Нет, они к матушке Пятой пошли,— успокоил ее Циньтун.

Цзиньлянь не сиделось на месте, хотелось встать и бежать ему навстречу, но она сдерживалась, неловко было перед всеми.

— Он же к тебе пошел, слышишь? — говорила Юэнян, не поворачивая головы.— Ступай! Нечего сидеть как на иголках.

Цзиньлянь как будто нехотя поднялась, но ноги стремительно понесли ее к Симэню. Когда она вошла к себе в спальню, он уже успел принять чужеземное снадобье. Чуньмэй[15] помогла ему раздеться, и он залез на кровать под пологом.

— Вот теперь ты умненький у меня, сынок! — шутила Цзиньлянь.— Мама позвать не успела, а ты уж в постельке. А мы в задних покоях с тетушкой У и теткой Ян пировали. Ли Гуйцзе пела, мне все подливали. В темноте сама не знаю, какими судьбами добралась.— Она позвала Чуньмэй: — Принеси чаю. Пить хочу.

Чуньмэй заварила чай, Цзиньлянь села за стол и подмигнула наперснице. Та сразу смекнула, в чем дело, и пошла греть воду. Цзиньлянь надушила воду сандаловым ароматом, добавила квасцов и после омовения распустила волосы, которые держались одной-единственной шпилькой, и села перед зеркалом под лампой. Она подкрасила губы, положила за щеку ароматного чаю и вошла в спальню. Чуньмэй помогла ей обуть ночные туфельки и вышла, заперев за собою дверь.

Цзиньлянь подвинула к постели светильник, опустила газовый полог, скинула красные штаны и обнажила свой белый, как нефрит, стан. Симэнь сел на подушку. У него на том самом висела пара подпруг, и, выйдя наружу, тот предстал взору вставшим в полный рост. Цзиньлянь, увидев это, даже подпрыгнула и всплеснула руками. Высился пурпурный пик и грохотало, будто сошлись два тигра. Бросив страстный взгляд на Симэня, Цзиньлянь сказала:

— Догадываюсь, что у тебя одно на уме. Не иначе как снадобье

монаха подействовало[16]. То-то грозный вид! Хочешь меня доканать? Отборное другим, а моя уж такая доля — с подбитым маяться. С кем сражался, говори! Где это тебя так подбили? Когда чуть жив, ко мне приходишь? Конечно, где мне с другими равняться! А еще говоришь, будто ко всем одинаков. А в тот день меня дома не было, так ты узелок стащил и, как вор, к ней улизнул. Это после нее, что ли, едва маячишь? А она нам голову морочит, скромницей прикидывается. Где тебя, негодник, носило, а? Тряпка — вот ты кто! Весь бы век тебя презирала за это!

— Ах ты, потаскушка! — засмеялся Симэнь.— А ну, поди сюда! Посмотрим, хватит ли у тебя храбрости? Одолеешь, лян серебра в награду получишь.

— Вот пакостник! — заругалась Цзиньлянь.— Напихал утробу какой-то гадостью. Я не испугаюсь!

С этими словами она наискось легла на спальную циновку, обеими руками крепко обхватила тот самый предмет и погрузила его в алые уста, проговорив: — Большой негодяй, хочешь своей толкотней даже рту причинить боль.— Сказав это, она, тяжело дыша, стала сосать взятый в рот причиндал, то заглатывая, то выпуская, то играла с ним кончиком языка, то полягушачьи лизала его, то держала внутри, перекатывая в разные стороны, то вынимала и приникала к нему своим напудренным личиком, в общем, забавлялась с ним всевозможными способами. Тот самый предмет становился все более крепким и твердым, высоко поднялся, вздернул голову, его впалый глаз стал круглым и вытаращился, волосы в светившейся бороде выпрямились и затвердели. Опустив голову, Симэнь Цинь поглядывал на ароматное тело женщины, прятавшееся под шелковым пологом. Нежные ручки крепко держали заросший волосами предмет и либо вставляли его в рот, либо вынимали оттуда. При свете лампы женщина копошилась, двигалась то туда, то сюда (илл. 125).

С ними рядом примостился, оказывается, белый кот Тигренок. Следя за игрою, он вдруг выпустил когти и бросился было прямо на Симэня. Тот схватил крапленный золотом черный веер и давай его поддразнивать. Цзиньлянь выхватила веер и с силой ударила им кота, так что он бросился из-под полога.

— Вот несносный! — заругалась она, глядя Симэню прямо в глаза.— Меня заставляет вон чем заниматься, а сам еще с котом возится. Он ведь, чего доброго, и в глаза вцепиться может, что тогда? Нет, хватит с меня, больше не буду.

— Вот потаскушка! — заругался Симэнь.— Долго я тебя ждать буду?!

— Ты бы Ли Пинъэр лучше заставил этим заниматься,— говорила Цзиньлянь,— а то на меня все сваливаешь. И чего ты только наглотался! Из сил выбилась, а все впустую.

Симэнь наклонился к завернутой в платок серебряной шкатулке, поддел на костяную палочку немного розоватой мази, умастил ею внутри «лошадиную пасть» и лег навзничь, а Цзиньлянь оседлала его, сказав: — Погоди, я пристрою его, а тогда и запустишь.

Однако черепашья головка была слишком велика, и только после долгого проталкивания внутрь вошел лишь самый кончик. Находившаяся сверху женщина, раскачиваясь вправо и влево, терлась и, как будто не имея сил скрывать свои чувства, бормотала: — Дорогой, войди поглубже внутрь, ведь тебе это совсем не трудно. — Одновременно она мяла его руками. При свете лампы она уставилась на его веник, который принялась вставлять в свою прореху; сначала тот вошел наполовину, а потом, подпираемый с двух сторон, заполнил все до отказа, после чего прекратились движения взад и вперед. Цзиньлянь с обеих сторон помазала слюной свою прореху, которая от этого немного расширилась и стала скользкой. Затем они энергично возобновили встречные движения, один поднимался, другая опускалась, и постепенно погрузили по самый корень.

— При употреблении звонкоголосой чаровницы[17] по всему телу разливается приятное тепло, — шептала она, — а вот от этого снадобья почему-то холод подступает к самому сердцу. Я так обессилела, что и пошевельнуться не в силах. Кажется, скоро дух испущу в твоих объятиях. Не могу я больше!

— Хочешь, анекдот расскажу? — засмеялся Симэнь. — От брата Ина слыхал. Умер один, и владыка преисподней натянул на него ослиную шкуру. «Ослом, — говорит, — будешь». Заглянул тогда загробный судья в книгу судеб. Видит: человек этот целых тринадцать лет на белом свете не дожил и отпустил его. Оглядела его жена: муж как муж, все, как у людей, только янский предмет, как у осла. «Пойду, — говорит муж, — свой возьму». Жена испугалась. «Что ты, дорогой мой! — уговаривает. — А вдруг не отпустят, что тогда делать?! Лучше так уж живи, а я как-нибудь свыкнусь».

Цзиньлянь ударила Симэня рукояткой веера.

— Это попрошайкиной бабе, видать, к ослиным не привыкать, — заметила она, улыбаясь, — а я от твоего света белого не вижу.

Они сражались уже целую стражу[18], а семя у Симэня все еще не изверглось. Лежа снизу, он закрыл глаза и позволил женщине сидеть сверху на корточках, а его черепашья головка, со всей силой вставлявшаяся и вынимавшаяся, от трения издавала удивительные звуки. Симэнь долго предавался этому занятию, пока жена не повернулась к нему. Тогда он своими ступнями поднял ее ноги, высоко задрал их и стал резко двигаться взад и вперед. Хотя Симэнь своим телом касался тела Цзиньлянь, а его глаза все видели, он чувствовал себя, словно в пустоте.

Прошло много времени, страсть Цзиньлянь дошла до предела, она повернулась, руками обхватила Симэня за шею и повалилась на него, погрузив кончик языка в его рот. Тот самый предмет у Симэня сразу же проник в лоно жены, которая вся отдалась трению-катанию и безостановочно бормотала: — Дорогой, хватит, я уже умерла. — Вскоре она впала в забытье, а язык у нее стал холодным как лед. Когда изверглось семя, Симэнь ощутил в ее лоне струю горячей пневмы, которая проникла в его кино-

варное поле, что родило в сердце неописуемую радость. Вытекшее семя Цзиньлянь вытерла платком. Они обнимались, сплетали шеи и ноги, сосали языки друг у друга, но тот самый предмет больше не вздыбливался.

Они заснули. Но не прошло и часу, как возбужденная Цзиньлянь сама взобралась на Симэня. Сражение разгорелось снова. После двукратной радости за один раз она лежала совершенно изможденная. Симэнь же был бодр, как ни в чем не бывало, и мысленно поражался чудодейственной силе заморского снадобья.

Запели петухи, на востоке занимался рассвет.

— Душа моя! — говорила Цзиньлянь.— Ты не доволен, да? Приходи вечером, и я буду тебя ублажать до утра.

— Меня этим не удовлетворишь,— отвечал он.— Мне только одно даст удовлетворение.

— Что же? — спросила она.— Скажи.

— Секрет! Вечером скажу.

Наступило утро. Он встал, умылся и причесался. Чуньмэй подала ему одежду.

Хань Даого и Цуй Бэнь уже дожидались его. Он вышел к ним, возжег жертвенные деньги и вручил отъезжающим письма.

— Это — на пристань,— объяснял он.— Передадите хозяину постоялого двора Ван Божу, а это — проживающему в городе Мяо Цину. Разузнайте, чем кончилось его дело. Да не задерживайтесь там. А не хватит денег, с Лайбао перешлю.

— А его сиятельству Цаю будет письмо? — спросил Цуй Бэнь.

— Пока не написали,— отвечал Симэнь.— Тоже с Лайбао отправлю.

Слуги простились и вскочили на коней, но не о том пойдет речь.

Симэнь облачился в парадные одежды и отбыл в управу, где, встретившись с Ся Лунси, поблагодарил его за приглашение.

— Был бы весьма польщен вашим присутствием,— сказал Ся Лунси.— Больше никого не будет.

После заседания они разъехались по домам.

Между тем Юэнян накрыла стол и пригласила Симэня к завтраку. Тут к воротам неожиданно примчался гонец в темном платье верхом на скакуне. Под мышкой у него торчал узел, с лица катился пот.

— Здесь живет надзиратель господин Симэнь? — обратился он к Пиньаню.

— А ты кто такой? — спросил в свою очередь тот.

Всадник поспешно соскочил с коня и поклонился.

— Я гонец его сиятельства Аня, управляющего перевозками императорского строевого леса,— отчеканил он.— Прибыл с подарками господину Симэню. Мой господин с его сиятельством Хуаном, смотрителем гончарен, пирует сейчас у его сиятельства Ху в Дунпине и намеревается заехать по пути с визитом к господину Симэню.

— Визитная карточка есть? — спросил Пиньань.

— Гонец достал из узла карточку с перечнем подарков и протянул ее привратнику. Тот удалился и вручил ее Симэню. На визитной карточке значилось: «Чжэнцзянского шелка два куска, хучжоуской

ваты четыре цзиня, пояс и старинное зеркало».

— Дай гонцу пять цяней [19] серебра и мою визитную карточку,— наказывал Симэнь.— Скажи, хозяин, мол, почтет за великую честь принять высоких гостей.

Всадник умчался, а Симэнь дал распоряжение накрывать столы.

В полдень к воротам прибыли два роскошных паланкина, сопровождаемые целой свитой слуг. Гонцы вручили визитные карточки прибывших. На одной значилось: «От Ань Чэня с поклоном», на другой — «От Хуан Баогуана с поклоном». Из паланкинов вышли сановники в черных креповых шапках и черных туфлях. Парадные одежды их украшали наперсники с изображением летящих в облаках серебристых фазанов [20]. Они обменялись поклонами и, уступая друг другу дорогу, приблизились к воротам, где их встретил Симэнь и проводил в залу. Там после взаимных приветствий и излияний дружеских чувств все сели. Смотритель гончарен Хуан расположился слева, управляющий Ань — справа. Симэнь занял место хозяина.

— Давно жаждал с вами познакомиться, милостивый сударь,— подняв руку, начал Хуан.— Широко известны ваши добродетели, повсюду о вас гремит слава. Мне приходится глубоко сожалеть, что до сих пор не имел чести засвидетельствовать вам свое почтение.

— Что вы, ваше сиятельство! — воскликнул Симэнь.— Это меня мучит совесть, что до сего дня не выразил вам всю мою признательность и заставил вас утруждать себя этим посещением, коего я никак не достоин. Позвольте узнать ваше почтенное прозвание.

— Брат Хуан,— сказал Ань,— прозывается Тайюем, что значит «Умиротворитель Вселенной», из выражения «ступил на твердь умиротворенную, и излучили свет небеса» [21].

— А мне будет позволено узнать ваше почтенное прозвание? — спросил Хуан.

— Мое скромное прозвание Сыцюань,— отвечал Симэнь.— Происходит от четырех колодцев у меня в поместье.

— Мне довелось встретиться с братом Цаем,— заговорил Ань Чэнь.— Он рассказал мне, как они с Сун Суньюанем причинили вам хлопоты своим визитом.

— Да, но так пожелал Юньфэн,— отвечал Симэнь.— А помимо того, его сиятельство является цензором в наших краях, и долг обязывал меня устроить прием. Слуга, вернувшись из столицы, говорил мне, что вы, ваше сиятельство, удостоились высокого поста. Позвольте поздравить вас с назначением. Давно из родительского дома?

— После расставания с вами здесь в минувшем году,— говорил Ань Чэнь,— я по прибытии домой взял себе вторую жену, встретил Новый год и в первой же луне отбыл в столицу, где получил назначение в Ведомство работ. Там меня и направили инспектировать перевозки императорского леса. Направляясь в Цзинчжоу через ваши края, я, конечно, не мог не выразить вам моего искреннего почтения.

— О, я до глубины души тронут вашим вниманием,— поблагодарил его Симэнь и предложил гостям

снять парадные одежды, а слугам наказал внести столы.

Смотритель Хуан собрался было откланяться.

— Скажу вам по правде,— пояснил Ань Чэнь.— Мы с братом Хуаном должны еще поспеть в Дунпин к господину правителю Ху. Там нас тоже ждет прием. Мы ведь к вам проездом заглянули, отдать долг вежливости. Если позволите, мы побеспокоим вас как-нибудь в другой раз.

— Но, господа, Дунпин ведь очень далеко! — воскликнул Симэнь.— И если не голодны вы, то как быть вашим сопровождающим? Я не посмею вас долго задерживать, господа. Только легкая закуска, никаких особых приготовлений. И подкрепленье слугам.

Первым делом вынесли блюда носильщикам паланкинов. В зале на столе тотчас же появились в изобилии отборные яства и редкие дорогие кушанья, какие только можно было достать в это время года, всевозможные супы и сладости. Они осушили всего по три маленьких золотых чарки вина. Потом стали угощать доверенных слуг и писцов. Немного погодя оба гостя встали и начали прощаться.

— Завтра мы пришлем вам приглашение,— обратился к хозяину Ань Чэнь.— Будем просить вас, досточтимый сударь, пожаловать на скромное угощение. Оно будет в поместье придворного смотрителя его сиятельства Лю, сослуживца брата Хуана. Были бы счастливы видеть вас на приеме. Смеем надеяться, вы прибудете.

— Не смею отказаться от столь любезного приглашения,— заверил их Симэнь и проводил за ворота.

Не успели отбыть их паланкины, как принесли приглашение от Ся Лунси.

— Сейчас иду! — сказал посыльному Симэнь, распорядился седлать коня, а сам пошел в задние покои переодеваться.

Симэня сопровождали Дайань и Циньтун, а также солдаты, отгонявшие с дороги зевак. Особые лица обмахивали его черным опахалом.

Достигши дома Ся Лунси, Симэнь проследовал прямо в залу, где гость и хозяин обменялись взаимными приветствиями.

— У меня только что были управляющий перевозками императорского леса его сиятельство Ань и смотритель гончарен Хуан,— объяснял Симэнь.— Если б не они, я бы пораньше приехал.

Он снял парадный халат и пояс, и Дайань велел солдату завернуть их в узел.

В зале были накрыты два стола. Симэню предложили занять место слева. Рядом с ним сел домашний учитель сюцай[22] Ни. Они разговорились.

— Позвольте узнать ваше почтенное прозвание, учитель? — обратился к нему Симэнь.

— Меня зовут Ни Пэн,— ответил сюцай.— Другое имя Шиюань, а прозвание Гуйянь. Я состою на службе в областном училище. А теперь вот проживаю у почтенного покровителя моего господина Ся. Готовлю к экзаменам молодого барина. Мне прямо-таки неловко общаться со столь знатными особами, друзьями моего покровителя.

Пока они говорили, вышли двое певцов и отвесили земные поклоны. После супа опять стали подавать

кушанья, и Симэнь велел Дайаню наградить поваров.

— Принеси мне головную повязку,— наказал он слуге,— а парадные одежды вези домой. Вечером за мной приедешь.

— Есть! — отвечал Дайань и, полакомившись сладостями, умчался верхом домой, но не о том пойдет речь.

А пока расскажем о Цзиньлянь. Проводив утром Симэня, она проспала до самого обеда, а проснувшись, долго нежилась в постели. Ей не хотелось даже сделать прическу. Когда Юэнян позвала ее обедать, она во избежание толков сослалась на дурное самочувствие и осталась у себя. Когда она появилась наконец в покоях Юэнян, обед давно кончился, и хозяйка, пользуясь отсутствием Симэня, решила попросить наставницу Сюэ возвестить слово Будды и послушать акафисты из «Алмазной сутры».

В светлой комнате стоял алтарь и курились благовония. Одна против другой сидели мать Сюэ и мать Ван. Рядом с ними сбоку стояли послушницы Мяоцюй и Мяофэн. Они должны были возглашать имя Будды. Вокруг разместились тетушка У Старшая, золовка Ян, У Юэнян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, Ли Пинъэр, Сунь Сюээ[23] и Ли Гуйцзе. Все были в сборе.

Начала монахиня Сюэ:

— Молния, блеск угасают мгновенно; камень, огонь уничтожить нельзя. Опавшие цветы на дерево обратно не вернутся. Утекшая вода назад не возвратится к роднику. Были палаты расписные и резные хоромы, но жизнь оборвалась, и вечной пустоты на всем легла печать. Высокие были посты и почетные ранги, но разжаловали однажды, и показалось все прежнее сном. Золото с нефритом — источник бедствий; румяна с шелками — напрасная трата усилий. Семейным радостям век не продолжаться; на том свете придется тысячи тяжких мук перетерпеть. Час смертный на ложе застанет, к желтым истокам[24] уйдешь, и только анналы тленные славу пустую возвестят. Прах в землю зароют сырую, передерутся дети из-за полей и садов. Владей кладовыми шелков и парчи, после кончины клочка не возьмешь. Едва расцвел, как весною цветок, серебрит седина уж виски. Только отгремели заздравные тосты, за ними плакальщики потянулись в дом. О, как все это тяжело, как тяжко! Дыхание по ветру разнесет, зароют в землю прах. Нет конца превращеньям. Все живое меняет и внешность, и вид беспрестанно.

Слава Будде, Его учению и Его послушникам, кои проникают Вселенную, утверждают Учение в былом и грядущем!

Слово всевышнее, глубочайшее,
дивное!
Такое появляется лишь раз
в миллионы лет!
Услыхал я Слово и храню его,
Ученье Татхагаты[25] жажду постичь.

Монахиня Ван продолжала:

— Шакьямуни-будда — Патриарх всех будд и нашей религии Творец. Послушайте, как покинул Он мир.

Монахиня Сюэ начала петь на мотив «Пяти жертв:»

«Шакьямуни-будда
Принцем в Индии жил.

Княжество бросил, в Снежные
горы ушел.
Свою плоть Он ястребам бросал,

Кормил сорок, сидевших
в гнездах.
Девять драконов Его омывали
слюной,

И тело Его стало золотым.
Шакьямуни-будда,
Учитель просветленный,
слава Тебе!»

Монахиня Ван продолжала:

— Шакьямуни-будда, внемли молитве! Услышь о подвижничестве бодхисатвы Гуаньинь[25] во время оно, как только после тысяч перерождений были обретены величие и вся сила Учения. Услышь!

Монахиня Сюэ запела:

«У великого царя Чжуан Яня
Принцессой Высшего милосердия
звалась.

Из царского дворца ушла,
В Благоуханных горах
поселилась.

Небожителям жертвы принеся,
Созерцанью предавалась,
бодхисатвою садясь.

Пройдя через пятьдесят три
превращенья,
Стала Гуаньинь, спасающей
от горя и бед.
Слава Тебе!»

Монахиня Ван продолжала:

— Услышь проповедь, бодхисатва Гуаньинь! Появился в старину Шестой Апостол Созерцания. Он Западный край просветил и на Восток передал светильник Учения Будды. Велик Его подвиг! Слушайте!

Монахиня Сюэ запела:

«Наставник Ученья
Лу, Шестой Патриарх,
Девять лет к стене
Лицо обратив, нес тяжкий
подвиг.
Камыш пророс ему через
колени.
Переносил он стужу, зной
и дождь,
Пока камыш не порубили,
избавили от мук.
О, милосерднейший,
благожеланный
Вайрочана-будда!
Слава Тебе!»

Монахиня Ван продолжала:

— Услышала о подвиге Шестого Патриарха, Учения светоч пронесшем. Теперь послушайте о преподобном Пане[27]. Он бросил дом и в нищенской ладье отчалил в открытое море, дабы достичь истинного прозрения.

Монахиня Сюэ запела:

«Преподобный Пан,
Прекрасной души человек.

Любому бедняку
Щедро деньгами помогал,

А на ночлег в конюшню шел.
Жену с детьми оставил
и в ладье отчалил.

Ученье дивное постиг,
Стал Духом Охранителем
монастырей»

Юэнян вся обратилась в слух, когда в залу вбежал запыхавшийся Пиньань.

— Его сиятельство цензор Сун прислал двух гонцов и слугу с подарками,— выпалил он.

Юэнян переполошилась.

— Батюшка пирует у господина Ся,— говорила она.— Кто же примет подарки?

Пока они суетились, вошел слуга Дайань с узлом под мышкой.

— Не волнуйтесь! — успокаивал он хозяйку.— Я возьму визитную карточку и сейчас же отвезу батюшке. А зятюшка пусть угостит пока слугу.

Дайань оставил узел, взял визитную карточку и вихрем помчался прямо к надзирателю Ся.

— Его сиятельство цензор Сун прислал подарки,— докладывал он Симэню.

Симэнь взял визитную карточку. На ней значилось: «Свиная туша, два кувшина пива, четыре пачки писчей бумаги и собрание сочинений. От Сун Цяоняня с поклоном».

— Ступай домой,— распорядился хозяин.— Скажи Шутуну[28], чтобы выписал на визитной карточке мое звание и чин, все как полагается. Слуге дайте три ляна серебром и два платка, а принесшим подарки по пять цяней каждому.

Дайань поскакал домой. Где он только ни искал Шутуна, того и след простыл. Слуга бегал взадвперед. Чэнь Цзинцзи тоже не показывался. Дайань велел приказчику Фу угощать слугу, а сам бросился в задние покои за серебром и платками. Пришлось ему самому запечатывать на прилавке подношения. Приказчик Фу надписал все три конверта.

— Не знаешь, куда девался Шутун? — спросил Дайань привратника.

— Пока зять Чэнь был дома, и он тут ходил,— отвечал Пиньань.— А как зять за деньгами отправился, так и он исчез куда-то.

— А, дело ясное! — махнул рукой Дайань.— Наверняка за девками увивается.

Во время этой горячки верхом на осле подъехали Чэнь Цзинцзи и Шутун. Дайань обрушился на последнего с бранью:

— Человек ждет, деревенщина ты проклятый! Давай, пиши скорей визитную карточку! Только и норовит из дома улизнуть! Раз батюшки нет, значит, тебе можно по девкам бегать, да? Кто тебя с зятем посылал?! Самовольно убежал! Погоди, я про тебя батюшке все скажу!

— Ну и говори! — отозвался Шутун.— Я тебя не боюсь! А не скажешь, стало быть, сам меня испугался. Так и знай!

— Ишь ты, сукин сын! — заругался Дайань.— Еще зудит, щенок!

Дайань бросился на Шутуна, и завязалась свалка. Дайань плюнул Шутуну прямо в лицо и отошел.

— Мне за батюшкой пора, а вернусь, я с тобой, потаскуха, разделаюсь! — сказал он и вскочил на коня.

Юэнян между тем угостила монахинь чаем и продолжала слушать их буддийские песнопения и жития. Цзиньлянь не сиделось на месте. Она потянула было за рукав Юйлоу, но та сидела как ни в чем не бывало. Потом обернулась к Пинъэр, но та тоже опасалась замечания хозяйки.

— Сестрица Ли! — не выдержала наконец Юэнян.— Видишь, она зовет тебя. Ступайте! А то она себе места не находит.

Пинъэр с Цзиньлянь ушли.

— Ну вот, убрали репу, и сразу просторнее стало,— глядя вслед Цзиньлянь, говорила Юэнян.— Хорошо, что ушла, а то сидит, как на шпильках. Не ей Учению внимать!

Цзиньлянь повела Пинъэр прямо к внутренним воротам.

— До чего же наша Старшая любит эти вещи! — говорила она.— Покойника вроде в доме пока нет, так к чему монахинь звать?! Не понимаю! Надоели мне их песни. Затянут одно и то же! Пойдем лучше посмотрим, чем наша падчерица занимается.

Они миновали парадную залу. Во флигеле горел свет. Дочь Симэня бранила Цзинцзи [29] из-за какого-то серебра. Цзиньлянь пробралась под окно и стукнула.

— Там буддийские проповеди читают, а они глотку дерут,— сказала она.

Вышел Чэнь Цзинцзи.

— А, это вы! — завидев женщин, протянул он.— Чуть было не обругал под горячую-то руку. Заходите, прошу вас!

— Ишь, какой храбрый! — оборвала его Цзиньлянь.— А ну, попробуй!

Они вошли в комнату. Падчерица сидела у лампы и мастерила туфельки.

— Туфли шьет в такую духоту! — говорила Цзиньлянь.— Бросай, поздно уж! Чего это вы тут раскричались, а?

— Да как же! — начал Цзинцзи.— Меня батюшка за город послал, долг вытребовать. А она три цяня дала. Крапленный золотом платок, говорит, мне купишь. Сунулся я в рукав — нет серебра. Так без платка и воротился. Тут она и напустилась. На девок, говорит, истратил. Давай ругаться. Никакие мои клятвы слушать не хочет. И что же? Служанка стала подметать пол и нашла серебро. Так она серебро спрятала, а меня заставляет завтра платок привезти. Вот и посудите, матушки, кто же виноват.

— Замолчи ты, арестантское отродье! — заругалась на него жена.— К девкам шлялся! Зачем же Шутуна брал, разбойник? Небось, слыхал, как его Дайань ругал? Сговорились вы к потаскухам идти, вот до сих пор и пропадали. За серебром, говоришь, ездил? А ну, покажи, где оно.

— Ты свои деньги нашла? — спросила Цзиньлянь.

— Служанка на полу нашла,— отвечала падчерица.— Мне передала.

— Ну и хватит ссориться! — успокаивала их Цзиньлянь.— Я тебе тоже денег дам. И мне купишь пару крапленых платков.

— Зятюшка, тогда и мне купи,— сказала Пинъэр.

— В Платочном переулке за городом,— объяснял Цзинцзи,— торгует знаменитый Ван. Каких только у него нет платков! Сколько нужно, столько и бери! И крапленные золотом, и отделанные бирюзой. Вам, матушка, какого цвета, с каким узором? Я ведь завтра бы и привез.

— Мне хочется оранжевый, крапленный золотом и бирюзой,— говорила Пинъэр.— С фениксом в цветах.

— Матушка, оранжевый цвет с золотом не идет,— заметил Цзинцзи.

— Это мое дело! — перебила его Пинъэр.— Мне нужно также серебристо-красный шелковый с волнистым узором, отделанный восемью драгоценностями. А я еще хотела бы с отливом, украшенный цветами сезама и золотым креплением.

— А вам какие, матушка Пятая? — спросил Цзинцзи.

— У меня денег нет,— отвечала Цзиньлянь.— Мне и пары хватит. Один бледно-кремовый, крапленный золотом, с тесьмой.

— Вы же не старуха! — перебил ее Цзинцзи.— К чему вам белый?

— А тебе какое дело? — возразила Цзиньлянь.— Может, на случай траура припасаю.

— А еще какой?

— А другой — нежно-лиловый, из сычуаньского сатина, крапленный золотом и отделанный бирюзой. На узорном поле чтобы были изображены слитые сердца, орнамент из сцепленных квадратиков и союз любящих, а по кромке с обеих сторон чтобы зависали жемчужины и восемь драгоценностей.

— Вот это да! — воскликнул Цзинцзи.— Вы, матушка, как торговец тыквенными семечками. Все продал, корзину открыл да как чихнет — сразу всех шелухой обсыпет.

— Что тебе, жить надоело? — заругалась Цзиньлянь.— Кто платит, тот и товар по душе выбирает. Кому что нравится. И не тебе разбирать!

Ли Пинъэр достала из узелка слиток серебра и подала Цзинцзи.

— Отсюда и за матушку Пятую возьмешь,— сказала она.

Цзиньлянь покачала головой.

— Нет, нет, я сама дам,— сказала она.

— Да не все ли равно, сестрица? — говорила Пинъэр.— Зятюшка заодно покупать будет.

— Этого слитка на все ваши платки хватит и еще останется,— сказал Цзинцзи и прикинул серебро на безмене.

Потянуло лян и девять цяней.

— А останется, жене купишь, — сказала Пинъэр.

Падчерица поблагодарила ее поклоном.

— Раз матушка Шестая и тебе покупает,— обратилась к падчерице Цзиньлянь,— вытаскивай свои три цяня. И давайте-ка с мужем тяните жребий: кому угощать, посмотрим. А не хватит денег, матушку Шестую попросите добавить немножко. Завтра, как батюшка уйдет, купите утку, белого вина... и попируем.

— Давай серебро, раз матушка велит,— сказал жене Цзинцзи.

Она протянула серебро Цзиньлянь, а та передала его Пинъэр. Достали карты, и муж с женой начали игру. Цзиньлянь подсказывала падчерице, и та выиграла у мужа три партии.

Послышался стук в дверь. Прибыл Симэнь. Цзиньлянь и Пинъэр поспешили к себе, а Цзинцзи вышел навстречу хозяину.

— Сюй Четвертый обещал послезавтра вернуть двести пятьдесят лянов,— докладывал Цзинцзи,— а остальные в следующем месяце.

Симэнь был пьян и, выругавшись, направился к Цзиньлянь.

Да,

Когда милого всем сердцем
ждешь,
Никакие пересуды тебя
не испугают.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Ин Боцзюэ подсмеивается в гроте над юною красоткой.
Пань Цзиньлянь рассматривает в саду грибы.

Дождем омыло яблони во дворике,
Резвятся бабочки над тропкою
в безветренной тиши.

Прелестью манят гвоздики,
букеты их кругом,
Нежно шелестят листочки
задремавших ив,

Из свежих персиков напиток
тонок, розоват.
Озябших трав густеет зелень.

Под пологом жемчужным тишина.
Ласточка в гнездо вернулась.
Заплакал козодой, и весенняя
тоска охватила.

Итак, Симэнь Цин пировал у Ся Лунси, когда от цензора Суна принесли подарки. Это польстило Симэню, а Ся Лунси проникся к сослуживцу еще большим уважением. Он запер дверь и неустанно потчевал гостя вплоть до второй ночной стражи.

Цзиньлянь давно сняла головные украшения и распустила напомаженные волосы, а Чуньмэй наказала стелить чистую постель и прохладную циновку. После омовения ароматной водой Цзиньлянь стала поджидать мужа. Он вернулся навеселе. Пока она помогала ему раздеться, Чуньмэй заваривала чай.

Симэнь лег. Рядом с ним на краю кровати сидела, понурив голову, обнаженная Цзиньлянь. Его взор привлекли ее белые пышные бедра, забинтованные ножки размером всего в три вершка, не больше, обутые в ярко-красные ночные туфельки без каблуков. У Симэня вспыхнуло желание; веник, вздыбившись, радостно подскочил.

— Давай узелок! — сказал Симэнь.

Цзиньлянь достала из-под постели заветный узелок и протянула ему. Приладив пару подпруг, Симэнь заключил Цзиньлянь в свои объятия.

— Дорогая! — шептал он.— Дашь мне сегодня поиграть с цветком с заднего дворика, а?

— Вот бесстыдник! — поглядев на него, заругалась Цзиньлянь.— Что тебе, или с Шутуном мало? Ступай с ним играй!

— Брось, болтушка! — засмеялся Симэнь.— Зачем мне Шутун, если ты позволишь? Знаешь, как мне это по душе! Только доберусь до цветка, и брошу, а?

Цзиньлянь препиралась.

— С тобой не справишься,— сказала она наконец.— Только кольцо сними сперва, потом попробуй.

Симэнь снял серное кольцо, а серебряную подпругу оставил у корня [1]. Он велел жене стать на кровати на четвереньки и повыше задрать зад, а сам слюной смочил черепашью головку и принялся туда-сюда толкать увлажненную маковку. Черепашья головка бодро топорщилась, так что через немалое время удалось погрузить лишь самый кончик. Лежавшая внизу Цзиньлянь, хмуря брови, сдерживалась и, закусив платок, терпела.

— Потише, дорогой! — воскликнула она.— Это ведь совсем не то, что прежде. У меня все нутро обжигает. Больно!

— Душа моя! — говорил он.— Что, сплоховала? Ладно, я тебе куплю шелковое платье с узорами.

— Платье у меня есть,— говорила она.— Я на Ли Гуйцзе пеструю шелковую юбку видела, с бахромой и пухом. Очень красиво! В городе, говорит, купила. Все носят, а у меня нет. Не знаю, сколько стоит. Купи мне такую, а?

— Не волнуйся! — уговаривал ее Симэнь.— Завтра же куплю.

Говоря это, находившийся сверху Симэнь усиленно вправлял и выдергивал и беспокоился только о том, чтобы засадить до упора, а потому, слегка вынимая, опять устремлялся вглубь, и так без конца. Повернув к нему голову и глядя поплывшим взором, жена закричала:

— Дорогой, ты слишком сильно давишь, мне нестерпимо больно. Как тебе пришло в голову такое? Умоляю тебя, что бы ни было, кончай скорее.

Однако Симэнь не слушал, а, держа ее за ноги, продолжал вставлять и вынимать. При этом он гаркнул: — Пань Пятая, маленькая потаскушка, любишь напрасно поднимать шум! Вопишь: «дорогой», а лучше кричала бы: «дорогой, спускай молофью!»

У Цзиньлянь, находившейся внизу, затуманились подобные звездам глаза; стих ее, как у иволги, щебет; одеревенела гибкая, как ива, талия; ароматное тело будто распалось; с уст срывались только любовные, нежные слова. Однако все это трудно описать. Прошло довольно много времени, и Симэнь, ощутив грядущее семяизвержение, обеими руками задрал ее ноги и с такой силой стал заправлять ей, что звуки от шлепков по ногам слышались непрерывно, а стоны лежавшей внизу жены сливались в одно громогласье, от которого она не могла удержаться. Когда наступил последний миг, Симэнь хлопнул жену по заду, погрузил свой веник по самый корень и достиг последней глубины, что ни с чем нельзя было сравнить. Симэнь радостно почувствовал это, и из него ручьем потекло. Цзиньлянь, получившая семя, тесно прижалась к мужу, и два тела долго лежали в таком положении. Когда веник был вынут, они увидели, что его рукоять окрашена чем-то багряно-красным, а из лягушачьего рта капает слюна. Жена платком вытерла ее, после чего они улеглись спать.

На другой день утром, когда Симэнь вернулся из управы, от управляющего Аня и смотрителя Хуана прибыли посыльные с приглашениями на пир, который устраивался двадцать второго в поместье придворного смотрителя Лю. Симэнь отпустил посыльных и пошел завтракать в покои Юэнян. После завтрака у парадной залы ему повстречался цирюльник Чжоу. Парень упал на колени и, отвесив земной поклон, встал в сторону.

— Вот и хорошо, что пришел! — сказал Симэнь.— А я только хотел за тобой посылать. Волосы надо будет в порядок привести.

Они прошли через Малахитовую веранду в крытую аллею, где Симэнь разместился в летнем кресле, снял головную повязку и обнажил голову. Сзади него за столиком расположился цирюльник. Он вынул расчески с гребнями и принялся расчесывать Симэню воло-

сы, удаляя при этом перхоть и грязь, а также и пробивающиеся седые волосы.

— Вам, сударь,— обратился он к хозяину, встав на колени в ожидании вознаграждения,— предстоят в этом году большие перемены. Судя по вашим волосам, вас ожидает взлет.

Симэнь очень обрадовался и велел цирюльнику прочистить уши и помассажировать тело. Чжоу вооружился своими инструментами и начал массажировать все тело, включая и телодвижения, сообщившие всем членам бодрость и силу. Симэнь наградил Чжоу пятью цянями серебра и велел накормить.

— Потом с сыном займешься,— сказал он, а сам, расположившись на мраморном ложе, тотчас же заснул.

Откланялась тетка Ян. Стали собираться домой монахини Ван и Сюэ. Юэнян положила им в коробки всяких лакомств, сладостей и чаю и дала каждой по пять цяней серебра, а послушницам — два куска холста и проводила их за ворота.

— Не забудьте, в день жэньцзы[2] примите,— наказывала мать Сюэ.— Будет счастье, поверьте мне.

— В восьмой луне мой день рождения, мать наставница,— говорила Юэнян.— Обязательно приходите. Ждать буду.

Мать Сюэ поблагодарила ее поклоном и сложенными на груди руками.

— Мы и так побеспокоили вас, бодхисатва,— говорила она.— Приду, непременно приду.

Монахини отбыли. Их провожали все женщины. Юэнян с тетушкой У Старшей вернулась к себе в задние покои, а Юйлоу, Цзиньлянь, Пинъэр, их падчерица с Гуаньгэ[3] на руках пошли гулять в сад. На Гуйцзе была серебристо-белая шелковая кофта, бледно-желтая с бахромою юбка и ярко-красные туфельки. Прическу ее украшали серебряная сетка, отделанная бирюзою и узорами в виде облаков, золотые шпильки и аметистовые серьги.

— Гуйцзе, давай я возьму малыша,— сказала Пинъэр.

— Ничего, матушка, мне хочется Гуаньгэ поносить,— отвечала певица.

— Гуйцзе, а ты батюшкин новый кабинет видала? — спросила Юйлоу.

Цзиньлянь приблизилась к пышному кусту алых роз, сорвала два цветка и приколола к волосам Гуйцзе. Они вошли в сосновую аллею и приблизились к Малахитовой веранде. На ней стояла кровать с пологом, ширмы и столики. Кругом висели картины, музыкальные инструменты, лежали шашки. Кабинет был убран с большим вкусом. Ложе украшал шелковый полог на серебряном крючке. Прохладная бамбуковая циновка покрывала коралловое изголовье, на котором крепко спал Симэнь. Рядом из золотой курильницы струился аромат «слюна дракона». На окнах были отдернуты занавески, и солнечные лучи проникали в кабинет сквозь листья банана. Цзиньлянь вертела в руках коробку благовоний, а Юйлоу и Пинъэр уселись в кресла. Симэнь повернулся и открыл глаза.

— А вы что тут делаете? — спросил он.

— Гуйцзе твой кабинет поглядеть захотелось,— сказала Цзиньлянь,— вот мы ее и привели.

Симэнь принялся играть с Гуаньгэ, которого держала Гуйцзе.

— Дядя Ин пришел,— сказал появившийся на пороге слуга Хуатун.

Женщины поспешили уйти в покои Пинъэр. Ин Боцзюэ повстречался в сосновой аллее с Гуйцзе, на руках у которой сидел Гуаньгэ.

— А, Гуйцзе! — протянул он.— И ты здесь? Давно пришла? — не без ехидства спросил он.

— Хватит! — оборвала его певица, не останавливаясь.— Какое твое дело, Попрошайка? Чего выпытываешь?

— Ах ты, потаскушка эдакая! — не унимался Ин Боцзюэ.— Не мое, говоришь, дело, да? А ну, поцелуй меня.

Он обнял Гуйцзе и хотел было поцеловать, но она отстранила его рукой.

— Вот разбойник надоедный! — заругалась она.— Лезет с ножом к горлу. Боюсь, ребенка испугаешь, а то б я тебе дала веером.

Вышел Симэнь. Заметив Ин Боцзюэ, он отвел Гуйцзе в сторону.

— Сукин сын! — крикнул он.— Гляди, ребенка не испугай! — Симэнь кликнул Шутуна: — Отнеси младенца к матери.

Шутун взял Гуаньгэ. Кормилица Жуи ждала его у поворота сосновой аллеи.

Боцзюэ между тем стоял рядом с Гуйцзе.

— Ну, как твои дела? — спросил он.

— Батюшке надо спасибо говорить, сжалился. Лайбао в столицу отправил.

— Ну и хорошо! Значит, можешь быть спокойна.

Гуйцзе пошла.

— Поди-ка сюда, потаскушка! — задержал ее Боцзюэ.— Поди, я тебе что скажу.

— Потом скажешь! — она направилась к Пинъэр.

Ин Боцзюэ и Симэнь обменялись приветствиями и сели на веранде.

— Вчера, когда я был на пиру у Ся Лунси,— начал Симэнь,— цензор Сун прислал мне подарки. Между прочим и свиную тушу, совсем свежую. Я уж сегодня велел повару разделать, а то испортится. Голова с перцем и специями будет, так что не уходи. Надо будет и Се Цзычуня позвать. В двойную шестерку сыграем и полакомимся.

— Симэнь кликнул Циньтуна: — Ступай дядю Се пригласи. Дядя Ин, скажи, уже пришел.

— Есть! — ответил Циньтун и ушел.

— Ну как? — спросил Боцзюэ.— Вернул Сюй серебро?

— Ох уж этот негодяй, собачья кость! — заругался Симэнь.— Вот только что двести пятьдесят лянов вернул. Скажи им, пусть послезавтра приходят.

— Ну и прекрасно! — воскликнул Боцзюэ.— Мне кажется, брат, они тебе сегодня подарки принесут.

— Ну к чему им тратиться? — возразил Симэнь.— Да! Ну, а как Сунь и Рябой Чжу?

— Как их у Гуйцзе забрали, они ночь в уездной тюрьме пробыли,— рассказывал Боцзюэ,— а на другой день их заковали в одну цепь и препроводили в столицу. А оттуда, известно, так просто не выпустят. Ну скажи! Целыми днями

пили-ели да гуляли, и на тебе, такую пилюлю проглотить, а?! Достанется им теперь. В такую-то жару да в цепях, в кармане ни гроша... И за что?

— Чудной ты, сукин сын! — засмеялся Симэнь.— Если каторги испугались, не надо было бы им с лоботрясом Ваном шататься. Чего искали, то и нашли!

— А ты прав, брат,— поддержал его тут же Боцзюэ.— Будь яйцо целое, никакая муха не залезет, это верно. Почему они со мной, скажем, или с Се Цзычунем не дружили, а? Свояк свояка видит издалека, вся муть на дно оседает.

Появился Се Сида и после приветствий уселся, усиленно обмахиваясь веером.

— Что это ты весь в поту? — спросил Симэнь.

— И не говори, брат! — воскликнул Се.— Даже к тебе опоздал. То меня дома не было, а только я из ворот, как ее принесло. Ни с того, ни с сего наскочила, из себя вывела.

— Это ты о ком же, брат? — спросил Боцзюэ.

— Да о старой Сунь,— объяснил Се.— Как же, с раннего утра пожаловала. Из-за тебя, говорит, моего мужа угнали. И откуда она это взяла, глупая баба? Твой же старик целыми днями гуляет, пьет да ест, деньгами швыряет, говорю. Что, спрашиваю, ты с того света, что ли, явилась? Ты, говорю, сама с вышибалы зарабатывала. Чего же теперь возмущаешься? Отчитал я ее, ушла. Тут меня слуга твой позвал.

— А я о чем говорю! — вставил Боцзюэ.— Вот взять хотя бы вино. Если оно чистое, так чистое и есть, а муть, так вся на дно оседает. Сколько я их предупреждал! Не доведут, говорю, вас до добра пирушки с этим Ваном. Вот и попали в ловушку. Некого теперь винить!

— Да что он из себя представляет, этот Ван? — говорил Симэнь.

— Так, молокосос! Усы не отросли, а уж тоже мне, за девками ухаживает. Разве ему с нами равняться! Небось, не знает, что к чему. Стыд и смех!

— Да что он знает? — поддержал Боцзюэ.— Где ему, брат, с тобой равняться! Ему про тебя сказать, так он умрет со страху.

Слуга подал чай.

— Вы пока в двойную шестерку поиграйте,— предложил Симэнь,— а я пойду скажу, чтобы лапшу подавали. У нас сегодня лапшу делали.

Вскоре появился Циньтун и накрыл стол. Хуатун принес на квадратном подносе четыре блюда закусок, а к ним ароматный соус из баклажанов, сою, подливки из душистого перца и сладкого чеснока, а также три блюдца чесночного соуса. Когда все расставили на столе, подали большое блюдо солонины с серебряным половником и три пары палочек из слоновой кости.

Появился Симэнь и сел рядом с друзьями.

Потом подали три тарелки лапши, и все принялись за солонину, подливая к ней чесночный соус и специи. Ин Боцзюэ и Се Сида, вооружившись палочками, вмиг опорожнили по чашке лапши, а немного погодя уплели по семи чашек, тогда как Симэнь доедал вторую.

— Ну и глотка же у вас, дети мои! — воскликнул он.

— Скажи, брат, какая сестрица готовила лапшу, а? — спросил Боцзюэ.— Вот мастерица! Пальчики оближешь!

— А соусы с подливками чем плохи?! — подхватил Се Сида.— Жаль, я только что дома пообедал, а то бы еще с удовольствием чашку пропустил.

Оба раскраснелись и сняли халаты, повесив их на спинки своих стульев. Циньтун убирал пустую посуду.

— Принеси-ка воды,— попросил Боцзюэ.— Рот прополоскать не мешает.

— А можно и чаю,— уточнил Сида.— Горячий чай чесночный запах отбивает.

Немного погодя Хуатун подал чай. После чаю они вышли на сосновую аллею и прошлись до цветочных клумб. Тем временем Хуан Нин прислал четыре коробки с подарками. Их внес Пиньань и показал Симэню. В одной коробке были водяные орехи, в другой — каштаны, в третьей — четыре крупных мороженых пузанка и в четвертой — мушмула.

— Какая прелесть! — воскликнул Боцзюэ, заглядывая в коробки.— И где только такие редкости откопали? Дай-ка хоть орешек попробовать.

Боцзюэ загреб целую пригоршню каштанов и протянул несколько штук Се Сида.

— Другой ведь до седых волос доживет, а то и на тот свет уйдет, да так и не отведает таких вот яств,— говорил он.

— Будде, сукин сын, не поднес, а уж сам хватаешь,— заметил Симэнь.

— А к чему Будде-то, когда они мне по вкусу? — возразил Боцзюэ.

Симэнь распорядился отнести подарки в задние покои.

— Попроси матушку выдать три цяня,— наказал он слуге.

— А кто же принес-то, Ли Чжи или Хуан Нин? — спросил Боцзюэ.

— Хуан Нин,— ответил Пиньань.

— Повезло сукину сыну,— заметил Боцзюэ.— Еще и три цяня получит.

Но не будем говорить, как Симэнь наблюдал за игрою Боцзюэ и Се Сида. Перейдем пока в покои Юэнян.

После обеда она с Гуйцзе, Цзяоэр, Юйлоу, Цзиньлянь, Пинъэр и падчерицей вышла из залы. Они сидели в галерее, когда из-за ширмы показалась голова цирюльника Чжоу.

— А, Чжоу! — воскликнула Пинъэр.— Кстати явился. Заходи. У малыша волосы отросли. Постричь надо.

Чжоу поспешно отвесил земной поклон.

— Мне и батюшка наказывал постричь наследника,— сказал он.

— Сестрица! — обратилась к Пинъэр хозяйка.— Принеси календарь. Погляди, подходящий ли нынче день.

— Сяоюй! — крикнула Цзиньлянь.— Ступай, принеси календарь.

Цзиньлянь раскрыла календарь и сказала:

— Сегодня у нас двадцать первое число четвертой луны. День под знаками гэн-сюй. Металл водворился в созвездии Лоу. Сторожит металлический пес[4]. День молитв, служебных выездов, шитья, купания, стрижки и закладки постройки.

Наиболее благоприятное время — полдень.

— Раз счастливый день,— заключила Юэнян,— пусть нагревают воду. Надо будет потом ему голову вымыть.— Юэнян обернулась к цирюльнику: — А ты стриги потихоньку да забавляй его пока чем-нибудь.

Сяоюй встала рядом с платком, куда собирала волосы. Не успел цирюльник начать стрижку, как Гуаньгэ разразился громким плачем. Чжоу спешил стричь, а младенец тем временем так закатился, что и голоса лишился. Личико его налилось кровью. Перепуганная Пинъэр не знала, что и делать.

— Брось! — крикнула она.— Хватит!

Цирюльник с испугу бросил инструменты и опрометью выбежал наружу.

— Я же говорила: ребенок слабый,— заметила Юэнян.— Самим надо стричь, а не звать кого-то... Одно беспокойство.

На счастье, Гуаньгэ наконец успокоился, и у Пинъэр будто камень от сердца отвалило. Она обняла сына.

— Ишь какой нехороший Чжоу! — приговаривала она.— Ворвался и давай стричь мальчика. Только обкорнал головку да сыночка моего напугал. Вот мы ему зададим!

Она с Гуаньгэ на руках подошла к Юэнян.

— Эх ты, пугливый ты мой! — говорила Юэнян.— Тебя постричь хотели, а ты вон как расплакался. Обкорнали тебя, на арестанта теперь похож.

Она немного поиграла с малышом, и Пинъэр передала его кормилице.

— Грудь пока не давай,— наказывала ей хозяйка.— Пусть пока успокоится и поспит.

Жуи[5] унесла младенца в покои Пинъэр.

Прибыл Лайань и стал собирать инструменты цирюльника Чжоу.— Чжоу от страха побледнел, у ворот стоит,— сказал он.

— А покормили его? — спросила Юэнян.

— Покормили,— отвечал Лайань.— Батюшка ему пять цяней дал.

— Ступай, налей ему чарочку вина,— распорядилась хозяйка.— Напугали человека. Нелегко ему деньги достаются.

Сяоюй быстро подогрела вина и вынесла с блюдом копченой свинины. Лайань накормил цирюльника, и тот ушел.

— Загляни, пожалуйста, в календарь,— попросила хозяйка Цзиньлянь.— Скажи, когда будет день жэнь-цзы.

— Двадцать третьего, в преддверии дня Колошения хлебов,— глядя в календарь, сказала Цзиньлянь.— А зачем это тебе понадобилось, сестрица?

— Да так просто,— отвечала Юэнян.

Календарь взяла Гуйцзе.

— Двадцать четвертого у нашей матушки день рождения,— говорила она,— как жаль, я не смогу быть дома.

— Десятого в прошлом месяце у твоей сестры день рождения справляли,— заметила Юэнян,— а тут уж и мамашин подоспел. Вам в веселых домах день-деньской приходится голову ломать, как деньги

заработать, а по ночам — как чужого мужа заполучить. Утром у вас мамашин день рождения, в обед — сестрин, а к вечеру — свой собственный. Одни рождения, когда их по три на день, изведут. А какого захожего оберете, всем заодно рождение можно справлять.

Гуйцзе ничего не сказала, только засмеялась. Тут вошел Хуатун и позвал ее к хозяину. Она поспешила в спальню Юэнян, поправила наряды, попудрилась и, пройдя через сад, направилась к крытой аллее, где за ширмами и занавесками стоял квадратный стол, ломившийся от яств. Были тут два больших блюда жареного мяса, два блюда жареной утятины, два блюда вареных пузанков, четыре тарелки печенья-розочек, две тарелки жареной курятины с ростками бамбука под белым соусом и две тарелки жареных голубят.

Потом подали четыре тарелки потрохов, вареную кровь, свиной рубец и прочие кушанья.

Все принялись за еду, а Гуйцзе стала обносить вином.

— Я тебе и при батюшке вот что скажу,— обратился к ней Ин Боцзюэ.— Не подумай только, будто я чего-то требую, нет. Батюшка насчет тебя в управе разговаривал и все уладил. За тобой теперь никто не придет. А кого ты благодарить должна, а? Мне должна спасибо говорить. Это я батюшку насилу уговорил. Думаешь, стал бы он ни за что, ни про что хлопотать? Так что спой, что тебе по душе, а я выпью чарку. Этим ты и меня за старание отблагодаришь.

— Вот, Попрошайка, вымогатель! — заругалась в шутку Гуйцзе.— Сам-то блоха, а гонору хоть отбавляй! Так батюшка тебя и послушался!

— Ах ты, потаскушка проклятая! — закричал Боцзюэ.— Молитву не сотворила, а уж на монаха с кулаками лезешь? Не плюй в колодец — пригодится напиться. Не смейся над монахом, что он тещей не обзавелся. Да будь я один, я бы с тобой расправился. Брось надо мной смеяться, потаскушка! Ты на меня не гляди, у меня еще силы хватит.

Гуйцзе что было мочи хлопнула его веером по плечу.

— Сукин ты сын! — ругался шутя Симэнь.— Чтоб сыновья твои в разбойники пошли, а дочери — в певички! Да и этого мало будет за все твои проделки.

Симэнь рассмеялся, а за ним и все остальные.

Гуйцзе взяла не спеша в руки пипа, положила ее на колени, приоткрыла алые уста, в обрамлении которых показались белые, как жемчужины, зубы, и запела на мотив «Три террасы в Ичжоу»:

Какой же ты неверный!
Прежние клятвы забыл.

Повстречал красавицу,
утренний цветок
И бросил меня в самую
весеннюю пору.

Я в тоске одинокой
У перил стою.

Гадаю, почему же и весточки
не шлешь,
Когда ко мне вернешься?
Должно быть, жребий мне
несчастный выпал.

На мотив «Иволги желтый птенец»:

Разве думала я...

Ин Боцзюэ вставляет:

— ...что в спокойной речушке лодку перевернет. Да такого и за десятки лет не услышишь.

Гуйцзе продолжает:

...что так исхудаю,
Поблекну в тоске и увяну?

Боцзюэ:

— А твой милый, дорогой, тю-тю, уж под водой.

Гуйцзе:

Зеркальце стоит в пыли
И протереть мне нет охоты.
Не хочу ни пудры, ни румян,
Нет мочи приколоть цветок,
Лишь брови хмурю я в тоске...

Боцзюэ:

— Не зря говорят: посетит тысяча, а любовь отдашь одному. Сидишь, наверно, перед зеркалом, вздыхаешь тяжко. И страдаешь, и упрекаешь его. А ведь когда-то любили так пылко. Что ж, нечего роптать! Теперь и пострадай.

Гуйцзе:

— Чтоб тебе провалиться! Не болтай чепухи!

Но не в силах снести...

Боцзюэ:

— Ты не в силах, а как же другие сносят?

Гуйцзе:

На вышке городской рожок играет,
Его напев мне сердце разрывает.

Боцзюэ:

— Ничего! Пока не разорвало. Скажи, меж вами связь порвалась.

Гуйцзе что было сил ударила Боцзюэ и заругалась:

— Ты, видать, совсем уж из ума выжил, негодник! Хватит приставать! Сгинь совсем, разбойник!

Она запела на мотив: «Встреча мудрых гостей»:

Яркий месяц освещает тихое
окно,
К ширме припала в тоске
одинокой.

Там, за башней, дикого гуся
раздался вдруг крик,
Печаль неизбывную во мне
он разбудил,

Стражи тянутся, нет им
конца.
Не заметила, как светильник
потух
И ароматные свечи сгорели,
а я очей не сомкнула.
Где спит он так безмятежно
и сладко?

Ин Боцзюэ:

— Вот глупая-то! А кто же ему мешает спать спокойным сном? Его никто забирать не собирается. Он спит себе спокойно. Это ты в чужом доме скрываешься и дрожишь день-деньской, как свечка. Вот уж из столицы привезут вести, тогда и успокоишься.

Гуйцзе не выдержала и обратилась к Симэню:

— Батюшка, ну что он ко мне пристал, Попрошайка? Покою не дает.

— Что? Батюшку пришлось вспомнить? — издевался Боцзюэ.

Гуйцзе, не обращая на него внимания, опять заиграла на пипа и запела парные строфы:

Как вспомнится он,
Как вспомнится он,
Так сердце мое защемит...

Боцзюэ:

— Заденешь тебя за живое, так хочешь или нет — защемит.

Гуйцзе:

Когда наедине останусь,
Когда наедине останусь,
Так жемчужинами слезы
потекут...

Боцзюэ:

— Один во сне мочился. Умирает у него матушка. Он, как полагается, постилает постель и ложится у ее гроба. Во сне и на этот раз случился с ним грех. Пришел народ. Глядит: подстилка мокрая, хоть выжимай. «Это отчего?» — спрашивают. Он не растерялся. «Всю ночь,— говорит,— проплакал. Слезы желудком и вышли». Так вот и ты. Пред ним ломалась, а теперь втихомолку слезы проливаешь.

Гуйцзе:

— А ты знаешь? Ты видал? Эх ты, юнец бесстыжий, чтоб тебе провалиться на этом месте.

Его во всем виню,
Его во всем виню,
О нем всего не скажешь...

Боцзюэ:

— Что ж не винишь судьбу? Скажи откровенно: много у него серебра выманила, а? Да, а теперь вот скрываться приходится, заработки упускать. «О нем всего не скажешь». Ты уж духов небесных обманывай. Они ведь все равно ничего не соображают.

Гуйцзе:

Кто б знал, он меня первый
бросил...

Боцзюэ:

— Вот я и говорю: поймала да из рук и выпустила.

Гуйцзе:

Теперь себя ругаю я.
Зачем ему так верила
тогда?

Боцзюэ:

— Глупышка! В наше время юнца желторотого не проведешь, а ты захотела посетителя своего надуть. Была, говоришь, ему верна? Постой! Послушай, что в «Южной ветке» говорится. Как раз о твоих похождениях идет речь:

Не узнать, кто честен,
кто фальшив.
Ловчить мастак в наш век
любой.

Все внешне искренни,
правдивы,
А про себя готовы человека
загубить.

Старуха-сводня мошну старается
набить,
Прославиться стремится юная
красотка.

Ей тяжко — хоть в омут
головой.
Чашу горькую испить —
ее удел.

Легче спину гнуть, как лошадь
иль осел,
Нежели жизнь такую влачить!

Гуйцзе расплакалась. Симэнь ударил Боцзюэ веером по голове.

— Чтоб тебе, сукин сын, подавиться! — засмеялся Симэнь.— Поедом ест. Эдак и человека погубить можно.— Он обернулся к Гуйцзе:

— А ты пой, не обращай на него внимания.

— Брат Ин, ты сегодня уж совсем разошелся,— заговорил Се

Сида.— Зачем мою дочку обижаешь, а? Типун тебе на язык!

Гуйцзе немного погодя опять взяла пипа и запела на мотив «Бамбуковой рощи»:

Кругом толкуют: честен он...

Ин Боцзюэ хотел что-то вставить, но Се Сида вовремя закрыл ему рот.

— Пой, Гуйцзе! — говорил Сида.— Не гляди на него.

Гуйцзе продолжала:

А он меня увлек обманом,
Глаза его горели.
Говорил одно, желанья были
другие...

Только Сида отнял руку, Боцзюэ опять стал перебивать:

— Если бы ты говорила то, о чем думаешь, ничего бы с тобой не случилось. Только в пасти тигра ты откровенничаешь, да и то больше намеками.

— Откуда ж ты знаешь, красные твои глаза? — спросила Гуйцзе.

— Да как же мне не знать! — отвечал Боцзюэ.— В «Звездах радости» бывать приходилось.

Все вместе с Симэнем рассмеялись.

Гуйцзе:

Клялся, уверял в любви,
А сам обманывал.

Из-за него чуть было
Не заболела от тоски...

Боцзюэ:

— Тоже мне! Ты других опутывать горазда, а себя в обиду не дашь. Таких, как ты, тоска не иссушит!

Гуйцзе:

Обманщик!
Как ты притворялся!

Грядущее расписывал
все мне.

Боцзюэ:

— Да, насчет грядущего трудно загадывать. Впрочем, он на днях, может, и полководцем станет.

Гуйцзе запела на мотив «Янтарной кошечки»:

С каждым днем мы дальше друг
от друга,
Когда ж теперь настанет
встречи час?
Зачем меня заставляет томиться
и ждать?

Боцзюэ:

— Обожди денек-другой. Небось, не опоздаешь. Вот в столице уладят, и вернешься к себе в кромешный ад.

Гуйцзе:

На Уской горе свиданью
не бывать!
Обрек на страданья, изменник!

Феникс бросил подругу свою,
Бросил феникс подругу.

Заключительная ария:

Какой неверный ты!
Заставляешь страдать одинокую.
Любовь и ласки — все прошло,
Остались одни воспоминанья.

— Чудесно! — воскликнул Се Сида и позвал Хуатуна: — Возьми пипа, а я поднесу чарочку Гуйцзе.

— А я закусочками ее попотчую,— подхватил Боцзюэ.— Не в моем это, правда, обыкновении,

ну да ладно уж! За твое усердие потружусь.

— Убирайся, Попрошайка! — крикнула Гуйцзе. — Не нуждаюсь я в твоем внимании! Сначала изобьет, потом синяки разглаживать начинает.

Сида поднес Гуйцзе три чарки подряд.

— Нам еще партию в двойную шестерку доигрывать надо, — сказал он Боцзюэ.

Они сели за игру, а Симэнь, подмигнув Гуйцзе, вышел.

— Брат! — крикнул Боцзюэ. — Принеси ароматного чайку. А то после чесноку изо рта больно несет.

— Откуда я тебе ароматного чаю возьму?! — воскликнул Симэнь.

— Меня, брат, не обманешь! — не унимался Боцзюэ. — Тебе ж экзаменатор Лю из Ханчжоу вон сколько прислал. Хочешь один наслаждаться? Нехорошо так, брат.

Симэнь засмеялся и пошел в задние покои. За ним последовала и Гуйцзе. Она нарочно остановилась у причудливого камня, делая вид, будто срывает цветок, и исчезла.

Между тем Боцзюэ и Сида сыграли три партии, но Симэнь все не возвращался.

— Что там батюшка в задних покоях делает? — спрашивали они Хуатуна.

— Сейчас придет, — отвечал слуга.

— Придет? А где он все-таки? — не унимался Боцзюэ и обратился к Сида: — Ты здесь побудь, а я пойду поищу.

Сида с Хуатуном сели играть в шашки. Надобно сказать, что Симэнь зашел на короткое время к Пинъэр, а когда вышел, у аллеи вьющихся роз заметил Гуйцзе и повел ее прямо в Грот весны. Они закрыли дверь и, усевшись на постель, принялись весело болтать. Надобно сказать, что Симэнь заходил к Пинъэр принять снадобье. Он обнял Гуйцзе и показал свои доспехи.

— Это от чего? — спросила она, устрашенная.

Он рассказал о снадобье чужеземного монаха и попросил ее наклонить голову и поиграть на свирели. Потом осторожно взял то, что любят тысячи, чем наслаждаются десятки тысяч, — ее маленькие, как раз в полшпильки, в три вершка золотые лотосы-ножки, остроносые, как шило или нежные ростки лотоса, ступающие по ароматной пыльце и танцующие на рассыпанной бирюзе...

Она была обута в ярко-красные атласные туфельки на толстой белой подошве. Повыше виднелись подвязанные шелковым шнурком узорные штаны с золотою бахромой. Симэнь посадил Гуйцзе на стул, и они принялись за дело.

Тем временем Ин Боцзюэ обыскал все беседки и павильоны, но Симэня нигде не было видно. Миновав небольшой грот в бирюзовой горе, он вошел в аллею вьющихся роз, а когда обогнул виноградную беседку, очутился в густых зарослях бамбука, укрывших грот весны. Откуда-то доносились едва уловимые смех и шепот. Боцзюэ подкрался ближе, отдернул занавес, скрывавший дверь в грот, и стал прислушиваться (илл. 121).

Из грота слышался дрожащий голос Гуйцзе, во всем потрафлявшей Симэню.

— Дорогой мой! — шептала она.— Кончай быстрей, а то еще увидят.

Тут Боцзюэ с оглушительным криком распахнул дверь и предстал перед любовниками.

— А-а-а!..— кричал он.— Воды скорее! Сцепились, водой не разольешь!

— У, ворвался, как разбойник! — заругалась Гуйцзе.— До чего же напугал!

— Быстрее, говоришь, кончай, да? — начал Боцзюэ.— Легко сказать, да нелегко сделать. Боишься, значит, как бы не увидали? — А я вот и увидел. Ладно, кончайте. Я подожду. Я с тобой потом займусь.

— Убирайся сейчас же, сукин сын! — крикнул Симэнь.— Брось дурачиться! Еще слуги увидят.

— Уйду, если потаскушка попросит, как полагается,— заявил Боцзюэ.— А то так заору, что и хозяйки знать будут. Они ж тебя как дочь приняли, приют дали, а ты с хозяином путаешься. Тебе это так не пройдет!

— Ступай, Попрошайка! — крикнула Гуйцзе.

— Уйду. Поцелую тебя и уйду.

Он привлек к себе певицу, поцеловал и вышел.

— Вот сукин сын! — крикнул ему вслед Симэнь.— И дверь не закрыл.

Боцзюэ вернулся.

— Делай свое дело, сын мой! — приговаривал он, закрывая дверь.— На меня внимания не обращай.

Боцзюэ вышел было в сосновую аллею, но вернулся опять к двери.

— Ты ж мне ароматного чаю обещал,— сказал он.

— Вот сучье отродье! — не выдержал Симэнь.— Да погоди же! Выйду и дам. Отстань!

Боцзюэ расхохотался и ушел.

— Вот противный! Какой нахал! — говорила Гуйцзе.

Симэнь с Гуйцзе наслаждались в гроте, должно быть, целую стражу, лакомились красными финиками, прежде чем настал конец утехам.

Тому свидетельством стихи:

Передаст художник,
Как иволги на яблоне порхают,
Как щебечут ласточки под сенью
бамбука.
Лишь юную красотку не в силах
он писать.

Вскоре они поправили одежду и вышли из грота. Гуйцзе залезла к Симэню в рукав, достала целую пригоршню ароматного чая и сунула его себе в рукав. Покрытый испариной Симэнь, тяжело дыша, пошел по нужде к клумбе. Гуйцзе достала из-за пояса зеркальце, поставила его на окно и принялась поправлять волосы, после чего пошла в задние покои. Симэнь направился к Пинъэр мыть руки.

— Где же ароматный чай? — опять спросил Боцзюэ.

— Ну что ты пристаешь, Попрошайка негодный? — одернул его Симэнь.— Чтоб тебе подавиться!

Симэнь дал ему щепотку чаю.

— Это всего? — не удовлетворился Боцзюэ.— Ну ладно уж. Погоди, я у Ли-потаскушки еще выпрошу.

Пока шел разговор, появился Ли Мин и отвесил земной поклон.

— А, Ли Жисинь! — протянул Боцзюэ.— Откуда пожаловал? Не

с новостями ли пришел? Как поживаешь?

— Батюшку благодарить надо,— начал певец.— Никто эти дни нас по делу Гуйцзе не беспокоил. Ждем из столицы известий.

— А потаскуха Ци Чан появилась?— спросил Боцзюэ.

— Все у Ванов скрывается,— отвечал Ли Мин.— А Гуйцзе у батюшки спокойно. Кто сюда за ней придет!

— То-то и оно!— поддакивал Боцзюэ.— Нам с дядей Се спасибо должна говорить. Знаешь, сколько нам батюшку пришлось уговаривать. Без наших хлопот где бы ей голову приклонить?!

— Что и говорить!— вторил ему певец.— Без батюшки горя бы хлебнула. На что у нас мамаша, и та ничего бы не сделала.

— Да, у вашей хозяйки, кажется, скоро день рождения?— подхватил Боцзюэ.— Я батюшку подговорю, мы вместе придем ее поздравить.

— Не извольте беспокоиться!— говорил певец.— Как дело уладится, мамаша с Гуйцзе всех вас пригласят.

— Одно другому не мешает. Поздравить и лишний раз стоит,— продолжал свое Боцзюэ и подозвал Ли Мина:— На, выпей за меня чарочку. Я нынче целый день пил, больше не могу.

Ли Мин взял чарку и, встав на колени, выпил до дна. Се Сида велел Циньтуну поднести ему еще.

— Ты, может, есть хочешь? — спросил Боцзюэ.— Вон на столе сладости остались.

Се Сида подал ему блюдо жареной свинины и утку. Певец взял блюда и пошел закусывать. Боцзюэ подхватил палочками полпузанка и сунул ему со словами:

— Сдается мне, ты таких кушаний в этом году и не едал. На, попробуй.

— Ну дай же ему все, что есть,— вмешался Симэнь.— К чему на столе оставлять?

— Ишь какой!— возразил Боцзюэ.— После вина проголодаюсь, сам еще съем. Ведь рыба-то южная. В наших краях в год раз и бывает. В зубах застрянет, потом попробуй понюхай— благоуханье! Отдай— легко сказать. Да такую и при дворе вряд ли пробуют. Только у брата и доводится лакомиться.

В это время Хуатун внес четыре блюдца— с водяными орехами, каштанами, белыми корнями лотоса и мушмулой. Не успел Симэнь к ним притронуться, как Боцзюэ опрокинул блюдце себе в рукав.

— Мне-то хоть немножко оставь,— сказал Се Сида и высыпал в рукав водяные орехи.

Только корни лотоса остались на столе. Симэнь взял корешок в рот, а остальное отдал Ли Мину. Он наказал Хуатуну принести певцу еще мушмулы, Ли Мин спрятал ее в рукав, чтобы угостить дома мамашу. Полакомившись сладостями, он взял гусли и заиграл.

— Спой «Там, за перилами, цветы и радость»,— заказал Боцзюэ.

Ли Мин настроил струны и запел:

У пруда на свежей травке
По перилам нервно я стучу,

Кому сердечные муки поведать?
Молчат цветы

И мотыльки безмолвны.
Разлука мне душу терзает.

Дух Весны, почему милого не
задержал?
Мне тяжело: опадают цветы,
летит ивовый пух,

Нежно льнут к цветам мотыльки.
Все как и прежде кругом,

Жизнь ликует, как и всегда.
Какая тишина! Был бы милый
рядом!

Помню: в начале весны мы
расстались.
Яблони только начинали цвести,

Едва-едва раскрывались бутоны.
Неожиданно разнеслось гранатов
благоуханье,

Погрузился красный лотос
в глубину пруда.
Пришла жара. Без веера
ни шагу,

А вот и ветер налетел на
золотые хризантемы,
Сорвал листья, оголил платаны.

Зимние сливы уже зацвели,
падают снежинки.
В теплых дворцах благовонья
струят аромат.

Сколько за год дум! Сердце
гложет досада.
Где мой милый, узнать бы,

Страдает один-одинешенек,
Где томится в тоске?

Радость первой встречи,
потом тяжкие вздохи.
Упускают молодые юные годы
любви.

Пока весна, мы все безмятежны,
Но страшит нас сумерек приход.

Нас посещает в сумерки досада.
Тосковать несчастной мне одной,

Благовония курить,
С кем ложе мне делить?

Ночь бесконечно длинна,
А постель холодна, холодна.

Я, как и ты, почиваю одна.
Надеюсь на свиданье лишь
во сне.

На мотив «Коробейника»:

Сбудется когда-нибудь жизни
мечта,
Мы, Небу благодарные, свадьбу
сыграем.

В этой жизни нам обоим
Союз счастливый предначертан,

А пока мы в одиночестве
тоскуем,
Печалью жжет наши сердца.

Заключительная ария на мотив «Сладостной мечтой упоена»:

За прошлые грехи страдаю,
Терзает душу мне тоска.

Помню, клялся горячо под
звездою
Юноша пылкий, бросивший меня.

Когда в любви сольемся
однажды,
Устроим счастья пышный пир.

Не расстанемся навек мы
тогда.
Под пологом рядом забьются
сердца.

Не забудь же, как страдала я!

В тот день пропировали до самых фонарей. Боцзюэ и Сида дождались, когда им подали горошек с рисом, стали собираться.

— Ты завтра занят, брат? — спросил Боцзюэ.

— Да, с утра еду на пир в поместье смотрителя гончарен Лю,— отвечал Симэнь.— Их сиятельства Ань и Хуан вчера приглашали.

— Тогда Ли Чжи и Хуан Пин пусть послезавтра придут,— говорил Боцзюэ.

Симэнь кивнул головой в знак согласия.— Только пусть после обеда приходят,— добавил он.

Боцзюэ и Сида ушли. Симэнь велел Шутуну убрать посуду, а сам направился к Юйлоу, но не о том пойдет речь.

Симэнь встал рано, позавтракал и, нарядившись в парадное платье, с золотым веером в руке верхом отбыл не в управу, а на пир к смотрителю гончарен Лю, который жил в поместье в тридцати ли от города. Хозяина сопровождали Шутун и Дайань, но не о том пойдет речь.

Воспользовавшись отсутствием Симэня, Цзиньлянь договорилась с Пинъэр, чтобы та добавила к трем цяням, полученным от Цзинцзи, своих семь цяней. Они велели Лайсину купить жареную утку, пару кур, на один цянь закусок, а также жбан цзиньхуаского вина, кувшин белого вина, на один цянь пирожков с фруктовой начинкой и сладостей, а его жене приказали готовить стол.

— Сестрица! — обратилась Цзиньлянь к Юэнян.— Тут как-то падчерица выиграла у зятя три цяня. Сестрица Ли семь добавила. Вот мы и решили угощение устроить. Сестрица, приглашаем тебя в сад.

Сначала Юэнян, Юйлоу, Цзяоэр, Сюээ, падчерица и Гуйцзе пировали в крытой аллее. Потом вино и закуски перенесли в самую высокую в саду беседку спящих облаков, где одни играли в шашки, другие метали стрелы в вазу. Юйлоу с Цзяоэр, падчерицей и Сюээ поднялись в терем любования цветами и, опершись на перила, смотрели вниз. Их взору предстали цветник из пионов, клумбы гортензий, яблоневая веранда, беседка алых роз, беседка вьющихся роз и розарий. Словом, тут всегда благоухали цветы, круглый год ликовала весна.

Когда они вышли из терема в беседке спящих облаков, Сяоюй с Инчунь продолжали угощать Юэнян.

— Что ж мы зятюшку-то не позвали?— вдруг вспомнила она.

— Его батюшка за город отправил,— пояснила падчерица.— К Сюю за деньгами поехал. Скоро, наверно, воротится.

Немного погодя появился Чэнь Цзинцзи. Одет он был в легкий халат из темного шелка, обут в прохладные туфли, над которыми виднелись светлые чулки, на голове красовались четырехугольная шапка с кистью и золотая шпилька. Поклонившись Юэнян и остальным хозяйкам, он сел рядом с женой.

— Я от Сюя серебро привез,— докладывал он хозяйке. —Две с половиной сотни лянов в пяти слитках. Юйсяо убрала.

Налили чарки. Вино обошло несколько кругов. Царило веселое настроение. Юэнян с Цзяоэр и Гуйцзе сели за шашки. Юйлоу, Пинъэр, Сюээ и Цзинцзи с женой пошли любоваться цветами. Лишь Цзиньлянь, укрывшись за горкой в банановой чаще, с белым круглым веером развлекалась ловлей бабочек. Неожиданно сзади нее очутился Цзинцзи.

— Вы ловить не умеете, матушка,— вдруг сказал он.— Давайте я вам поймаю. У бабочек ведь тот

же нрав, что и у вас. Тоже мечутся вверх-вниз, покоя не знают.

Цзиньлянь обернулась и косо поглядела на Цзинцзи.

— Ах ты, разбойник! — заругалась она, шутя. — Что тебе, жить надоело? Кто тебя просит учить? А кто увидит, что тогда будешь делать? Знаю, тебе сейчас и смерть нипочем. Напился, вот и храбришься. Ну, платки купил?

Цзинцзи засмеялся.

— Вот тут твои платки, матушка, — говорил он, шаря в рукаве. — Как благодарить меня будешь, а?

Он прильнул лицом к Цзиньлянь, но она его отпихнула. Тут из сосновой аллеи показалась Пинъэр с Гуаньгэ на руках. За ней следовала кормилица Жуи. Пинъэр заметила Цзиньлянь, когда та взмахнула белым веером. Она и не подозревала, что рядом с ней был и Цзинцзи.

— А, тут мама бабочек ловит, — говорила Пинъэр. — Поймай для Гуаньгэ, а!

Цзинцзи, опустив глаза, бросился за горку.

— Тебе зятюшка отдал платки? — нарочно спросила Цзиньлянь, думая, что Пинъэр заметила и его.

— Нет еще, — отвечала Пинъэр.

— Он их с собой принес, — говорила Цзиньлянь. — Только при жене давать не хотел. Мне незаметно сунул.

Они сели на террасу среди цветов и разделили меж собою обновки. Гуаньгэ лакомился сливой. На нем красовался белый с бахромою платок.

— Это твой? — спросила Цзиньлянь.

— Да, ему матушка Старшая повязала, — пояснила Пинъэр. — Чтобы он соком не обкапался.

От солнца их укрывали банановые листья.

— Как тут прохладно! — заметила Пинъэр. — Давай посидим, а? — Она позвала Жуи: — Ступай, скажи Инчунь, пусть принесет детскую подушку с тюфячком да нам домино незаметно захватит. Мы тут с матушкой поиграем, а ты дома оставайся.

Жуи ушла. Немного погодя Инчунь принесла все, что просили. Пинъэр уложила Гуаньгэ на тюфячок с подушкой, а сама пристроилась с Цзиньлянь рядом и стала играть в домино. Инчунь пошла заваривать чай.

Тут из терема сияющих облаков вышла Юйлоу и поманила Пинъэр рукой.

— Тебя матушка Старшая зовет, — крикнула Юйлоу.

— Я сейчас приду, — сказала Пинъэр и попросила Цзиньлянь поглядеть за ребенком.

Но Цзиньлянь было не до Гуаньгэ. Цзинцзи скрылся в гроте, и она бросилась туда.

— Выходи! — крикнула она. — Все ушли.

— Иди сюда! — позвал ее Цзинцзи. — Полюбуйся, какой тут огромный гриб вырос.

Обманутая Цзиньлянь вошла в грот. Цзинцзи встал перед ней на колени и умолял позволить насладиться ее прелестями. Они слились в поцелуе, и само Небо, казалось, покровительствовало им (илл. 128).

Пинъэр поднялась в терем.

— Сестрица Мэн проиграла Гуйцзе, — обратилась к ней Юэнян. — А

ну-ка ты попробуй метни стрелу в вазу.

— У меня ребенок без присмотра остался,— заметила Пинъэр.

— Ничего страшного не случится! — заверяла ее Юйлоу.— Сестрица Пань поглядит.

— Сестрица Мэн, ступай пригляди пока за ребенком,— посоветовала Юэнян.

— Принеси его сюда, будь добра, если не трудно,— попросила ее Пинъэр и обернулась к Сяоюй: — А ты забери тюфячок с подушкой.

Сяоюй с Юйлоу пошли под тенистый банан. Гуаньгэ корчился на тюфячке и сильно плакал. Цзиньлянь рядом не было. Невдалеке стоял огромный черный кот. Заметив приближающихся, он бросился прочь.

— А где же сестрица Пань? — удивилась Юйлоу.— Ой-ой-ой! Бросила ребенка, а его кот напугал.

Из грота выбежала Цзиньлянь.

— Как бросила?! — говорила она.— Я все время тут была. Только руки обмыть ходила. Какой еще кот напугал? Что вы глаза-то вытаращили?

Юйлоу взяла Гуаньгэ на руки и успокаивала, как могла. Они понесли его в терем спящих облаков. Сяоюй шла сзади с тюфячком и подушкой. Опасаясь разговоров, Цзиньлянь тоже последовала в терем.

— Что случилось? — спросила Юэнян.— Почему ребенок так плачет?

— Его большой черный кот напугал,— объяснила Юйлоу.— Подхожу я, гляжу: сидит прямо рядом с Гуаньгэ.

Так я и знала! — воскликнула хозяйка.

— За ребенком ведь сестрица Пань присматривала,— вставила Пинъэр.

— Сестрица только в грот помыть руки отошла,— пояснила Юйлоу.

— Чего ты болтаешь, Юйлоу! — выступив вперед, заговорила Цзиньлянь.— При чем тут кот? Проголодался ребенок, вот и плачет. Нечего на других сваливать.

Инчунь внесла чай, и Пинъэр послала ее за кормилицей Жуи.— Ребенка покормить надо,— сказала она.

Цзинцзи, убедившись, что никого нет, вынырнул из грота и, осторожно пробираясь вдоль сосновой аллеи, обогнул крытую аллею и поспешно вышел из сада через калитку.

Да,

Он меж жизнью и смертью
дорогу выбирал,
И все же удалось ему вылезть
сухим из воды.

Ребенок плакал и не брал грудь.

— Унеси его домой,— посоветовала Юэнян.— Уложи и пусть поспит как следует.

Пир на том и кончился. Все разошлись.

Цзинцзи так и не пришлось разделить утехи с Цзиньлянь. Они пощебетали, как иволги. Мотылек едва лишь коснулся цветка. Удрученный неудачей, Цзинцзи направился к себе во флигель.

Да,

Делать нечего! Цветы увяли.
Согласье получил, да ласточка
скрылась в гнезде.

Тому свидетельством романс на мотив «Срываю ветку корицы»:

Ее прическу украшали цветы,
Ветку она, улыбаясь, крутила.

На алых губах
Помады не было ни следа,

Но будто помады слой.
А день бежит за днем.

Кажется, она меня любила,
Не вижу я любви ее.

Желал встреч,
Но так и не встречались.

Как будто отвергла,
Но не отвергала никогда.

Когда будет свиданье?
Когда настанет встреча?

Пока не видимся,
Страдает.

А встретимся,
Страдаю я.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе 51

1 «Алмазная сутра» (кит. «Цзинь ган цзин») — один из классических и наиболее популярных буддийских текстов.
2 Имеется в виду узелок с набором сексуальных приспособлений.
3 У Юэнян, Пань Цзиньлянь, Ли Пинъэр — жены Симэня, первая из которых являлась старшей, а две остальные, соответственно, — пятой и шестой.
4 Мэн Юйлоу — третья жена Симэня.
5 Имеется в виду Ли Пинъэр.
6 Имеется в виду вторая жена Симэня — Ли Цзяоэр.
7 То есть праздник лодок-драконов, один из трех самых больших праздников старого Китая, справлявшийся в разгар лета, пятого числа пятого месяца по лунному календарю (июнь — июль), в основном на воде. Символизировал он апогей развития мужской силы ян, после которого должно неминуемо наступить торжество женской силы инь, что сопровождается трагическими пертурбациями. Поэтому, в частности, и происхождение праздника связывается с самоубийством бросившегося в реку величайшего древнекитайского поэта Цюй Юаня (IV—III вв. до н. э.).
8 Инчунь — служанка Пинъэр, находившаяся в интимной связи с Симэнем.
9 Сяоюй — служанка Юэнян.
10 Циньтун — слуга, вошедший в дом Симэня вместе с Пинъэр.
11 Инь — мера емкости для сыпучих тел, в описываемую эпоху (начало XII в.) — равнявшаяся примерно 266 л.
12 Сюэ — одна из монахинь, пришедших на день рождения Ли Цзяоэр.
13 Монахини, как и монахи, брили головы.
14 В старом Китае из серебра не отливали монеты, а использовали его в качестве слитков, которые, естественно, приходилось взвешивать.
15 Чуньмэй — служанка, сначала Юэнян, а затем Цзиньлянь, любовница Симэня.
16 Имеется в виду снадобье для любовных утех (афродизиак), данное Симэню индийским монахом. Оно состояло из желтых, напоминающих куриное яйцо, пилюль и розоватой мази. По словам монаха, это снадобье готовил сам основатель даосизма Лао-цзы по рецепту Си-ван-му.
17 «Звонкоголосая чаровница», или

снасть с вибрирующим звуком,— одно из сексуальных приспособлений Симэня.

18 Стража — одна двенадцатая часть суток, т. е. два часа.

19 Цянь и цзинь — меры веса, в описываемое время примерно равны 4 и 400 г соответственно.

20 Серебристый фазан — отличительный знак чиновника пятого ранга.

21 Неточная цитата из главы 23 основополагающего даосского трактата «Чжуан-цзы».

22 Сюцай — низшая из трех ученых степеней.

23 Сунь Сюээ — четвертая жена Симэня.

24 Желтые истоки — метафорическое обозначение того света.

25 Татхагата (санскр.) — одно из наименований Будды.

26 Гуаньинь — женское благоподающее божество, китайская ипостась индийского бодхисатвы («стремящегося к просветлению», т. е. к состоянию будды). Авалокитешвары, мужского божества, олицетворяющего сострадание.

27 Преподобный Пан — Пан Юнь (IX в.), прославившийся тем, что добровольно утопил свои сокровища.

28 Шутун — слуга и любовник Симэня.

29 Чэнь Цзинцзи — зять Симэня, муж его дочери, ставший затем любовником его жены Цзиньлянь.

К главе 52

1 Серное кольцо и серебряная подпруга — два предмета из набора сексуальных приспособлений Симэня. Конструкция второго предмета, по-видимому, представляющего собой нечто вроде подпирающего кронштейна или подносика, не вполне ясна. Напротив, функции и конструкция пенисного кольца (см. изображения на обложке и внутри настоящего издания) хорошо известны. Сдавливая половой орган, оно увеличивает эрекцию и, кроме того, производит дополнительную стимуляцию вульвы. В нем может иметься дырочка для привязывания к телу и полусферический (жемчугоподобный) выступ для давления на клитор. Проблему же составляет эпитет «серное». Сера тут предназначена или для раздражения кожи и повышения ее чувствительности, или для сужения «нефритовых врат» женщины (ср. соответствующие рецепты в эротологических трактатах второй части данной книги), или для того и для другого.

2 День жэнь-цзы — сорок девятый ($49=7\times7$) в шестидесятеричном цикле отсчета дней, накладывающемся на их помесячный отсчет.

3 Гуаньгэ — сын Симэня и Пинъэр, вскоре умерший.

4 День гэн-сюй — сорок седьмой в шестидесятеричном цикле. В универсальной систематике китайского мироописания ему соответствует металл (из пяти элементов) и собака, или пес (из двенадцати зодиакальных животных). Лоу («Оковы») — шестнадцатое (из двадцати восьми) зодиакальное созвездие, входящее в «западный дворец» (сектор) неба и тождественное трем звездам (Альфе, Бете, Гамме) Овна.

5 Жуи — кормилица детей Симэня и его любовница.

Перевод В. С. Манухина при участии А. И. Кобзева и В. С. Таскина; примечания А. И. Кобзева.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Обложка и титул: Традиционное китайское кольцо из слоновой кости для продления эрекции. Прорисовка. В центре кольца надпись «китайский эрос», выполненная в древнем стиле иероглифического письма «сяо чжуань».

Форзац: Чжоу Фан (приписывается). Придворные дамы с цветами. Свиток конца VIII — начала IX в. Шелк, краски. Пекин, Музей Гугун. Репр. по: Chinese painting & calligraphy.— Beijing, 1984.

1. Благопожелательные жезлы жу-и XVIII в. Металл, эмаль; дерево, красный лак; дерево. Ленинград, ГЭ, №№ ЛМ-543; ЛН-1024; ЛН-1026.
2. Омовение. XIX в. Шелк, сл. кость. Ленинград, ГЭ, б/н.
3. Япония, Утамаро, Цветная гравюра, XVIII в. Вашингтон.— Фонд культурных исследований Гичнера. Репр. по: B. Smith. The Erotic Arts of the Masters. The 18, 19 and 20 century.— N. J., s. d.

4—8. Складень с эротическими сценами. XIX в. Стекло, краски, деревянная рама. Ленинград, ГЭ, Список № 1, №№ НРЖ-106; НРЖ-106/3 (787); НРЖ-106(785); НРЖ-106; б/н.

9. Западная женщина и осел. Свиток XIX в. Шелк, бумага, краски. Ленинград, ГЭ, № НРЖ-85/3.

10—12. Иллюстрации к роману «Сон в красном тереме». Репр. по: «Хун лоу мэн бань-хуа цзи» (Собрание гравюр к роману «Сон в красном тереме»).— Шанхай. 1955.

13. Дама поклоняется треножнику. Гравюра XVIII в. Пекин, Национальная библиотека. Репр. по: Ph. Rawson, L. Legeza. Tao.— L., 1973.
14. Вспоминая возлюбленного осла. Акварель XIX в. Москва, частн. кол.
15. Сцена с торговцем мастурбаторами. Альбомный лист XIX в., Бумага, краски. Индиана, библиотека университета. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.
16. Под сенью спелого винограда. Свиток XIX в. Шелк, бумага, краски. Ленинград, ГЭ, № НРЖ-85/2.
17. Юнь Шоупин. Пион. Альбомный лист XVII в. Шелк, тушь, краски. Москва, ГМИНВ, № 1558-1.

18. Фарфоровая ваза императора Юнчжэна (1723—1735 гг.). Частн. кол. Репр. по: Ph. Rawson, L. Legeza. Tao.— L., 1973.
19. Фарфоровое блюдо розового семейства середины XVIII в. Лондон, Музей Виктория и Альберт. Репр. по: Ph. Rawson, L. Legeza. Tao.— L., 1973.
20. Ма Синцзу (приписывается). Птица на лотосе. Альбомный лист XII в. Шелк, краски, тушь. Пекин, Музей Гугун. Репр. по: Н. А. Виноградова. Искусство Китая. М., 1988.
21, 22. Иллюстрации к роману «Сон в красном тереме». Акварель, пер. Цин (XVIII—XIX вв.). Репр. по: «Хун лоу мэн...».
23. Семейная сцена. Свиток XIX в. Шелк, бумага, краски. Ленинград, ГЭ, № НРЖ-85/1.
24. Картина «весеннего дворца». Акварель XIX в. Была вклеена в качестве иллюстрации в эротический учебник XVI в. Будапешт. Частн. кол. Репр. по: P. Miklos. Das Drachemauge.— Budapest, 1982.
25. Юная леди с обнаженной грудью. Акварельная картинка, вставленная в паспарту. Начало XIX в. Париж, кол. М. Бердли. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.
26. Любовная сцена за шелковым пологом. Акварель XVIII в. Париж, кол. Ж.-М. Бердли. Репр. по: M., Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.
27. Сексуальный союз на воде. Альбомный лист XIX в. Бумага, тушь, краски. Париж, кол. Пейрефитт. Репр. по: Ph. Rawson, L. Legeza. Tao.— L., 1973.
28. Япония. Кёнэгэ. (1752—1815 гг.). Цв. гравюра, 1785. Репр. по: R. Illing. Japanese Erotic Art and the Life of the Courtesan.— L., 1978.
29. Япония. Корусай. Цв. гравюра, 1770. Репр. по: R. Illing. Japanese Erotic Art and the Life of the Courtesan.— L., 1978.
30. Сцена мастурбации. Альбомный лист XIX в. Бумага, краски. Париж, кол. Пейрефитт. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.
31. Кошки. Акварель XIX в. Париж, частн. кол. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain., L., 1969.
32. Япония. Утамаро. Любовная пара в спальне со свечой. Цветная гравюра XVIII в. (фрагмент). Репр. по: Perlen der Morgenzote. Schonheiten und Liebe in japanischen Holgschnitten.— B., 1988.
33. Япония. Утамаро. Две лесбиянки. Цв. гравюра XVIII в. Вашингтон, Фонд культурных исследований Гичнера. Репр. по: B. Smith. The Erotic Arts of the Masters. The 18, 19 and 20 century.— N. J., s. d.
34—38. Из частной жизни почтенного Ни. Серия из пяти свитков, XIX в. Шелк, бумага, краски. Ленинград, ГЭ, №№ НРЖ-84/3; НРЖ-84/1; НРЖ-84/5; НРЖ-84/4; НРЖ-84/2.
39, 40, 42, 43. Анатомические схемы из пособия по внутренней алхимии. Париж, Национальная библиотека. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.
41. Фарфоровая группа, середина XVIII в. Дархэм, Галерея Гульбекяна. Репр. по: Ph. Rawson, L. Legeza. Tao.— L., 1973.
44. Япония. Харунобу. Цв. гравюра XVIII в. Репр. по: Ch. Grosbois. Shunga. Geneva — Paris, 1969.
45. Япония. Утамаро. Трое любящих. Цв. гравюры XVIII в. (фрагмент) Репр. по: Perlen der

Morgenzote. Schonheiten und Liebe in japanischen Holgschnitten.— B., 1988.

46, 53, 54, 55, 58, 59. Гравюры серии «Су Во Пянь». Около 1610 г. Индиана, библиотека университета. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

47—49. Бронзовые монетовиды с эротическими сценами. Ленинград, ГЭ, №№ 6302, 6301, 6300.

50—52. Чашечка с тремя эротическими позами. XVIII—XIX вв. (?). Ленинград, ГЭ, № ЛН-177.

56, 57. Альбомная живопись XIX в. Париж, кол. Пэйрефитт. Репр. по: Ph. Rawson, L. Legeza. Tao.— L., 1973.

60—62. Две табакерки и чашечка пер. Канси (1662—1722 гг.). Фарфор. Париж, кол. С.-Т. Ло. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain,— L., 1969.

63. Ночная ваза периода Цяньлун (1736—1796 гг.). Фарфор. Гонконг, част. кол. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

64, 65. Шелковая вышивка XIX в. Ленинград, ГЭ, № НРЖ-85/4 (2418).

66. Актеры в коридоре. Акварель XVIII в. Индиана, библиотека университета. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

67. Стоящая под окном. Свиток XVII в. (фрагмент). Лондон, Британский музей. Репр. по: Ch. Humana, Wang Wu. The Jin-Yang. The Chinese Way of Love.— L.— N. Y., 1971.

68, 69. Два листа из альбома периода Канси (1662—1722 гг.). Шелк, краски. Париж, кол. С.-Т. Ло. Репр. по: Ph. Rawson, L. Legeza. Tao.— L., 1969.

70. Резная панель XVIII в. Песчаник, сл. кость. Частн. кол. Репр. по: B. Smith. The Erotic Arts of the Masters. The 18, 19 and 20 century.— N. J., s. d.

71—76. Серия картинок в технике слоновая кость на шелку 1850—1880 гг. Репр. по: P. Webb. The Erotic Arts.— L., 1975.

77. Любезная служанка. Гуашь начала XIX в. Париж, кол. Ф. Дюго. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

78. Юная дама будит своего возлюбленного, уснувшего в садовом павильоне. Альбомный лист XVIII в. Бумага, тушь, краски. Париж, кол. Пейрефитт. Репр. по: Ph. Rawson, L. Legeza. Tao.— L., 1973.

79. Мужчина, желанный для трех сестер. Альбомный лист XIX в. Бумага, тушь, краски. Париж, кол. Пейрефитт. Репр. по: Ph. Rawson, L. Legeza. Tao.— L., 1973.

80. Гармоничное трио. Акварель XIX в. Париж, кол. Пейрефитт. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

81. Япония. Корусай. Монахиня с любовником. Цв. гравюра второй половины XVIII в. Частн. кол. Репр. по: B. Smith. The Erotic Arts of the Masters. The 18, 19 and 20 century.— N. J., s. d.

82. Бегущий. Акварель XIX в. Вашингтон. Фонд культурных исследований Гичнера. Репр. по: B. Smith. The Erotic Arts of the Masters. The 18, 19 and 20 century.— N. J., s. d.

83, 84. Сцены в публичном доме. Фрагменты гравюр из ксилографа эпохи Мин (XV—XVII вв.) «Ле-нюй чжуань». Париж, кол. Р. ван Гулик. Репр. по: R. H. van Gulik. Sexual Life in Ancient China.— Leiden, 1961.

85. Сцена в публичном доме. Гравюра из ксилографа эпохи Мин

(XV—XVII вв.) «Фэн-юэ чжэнци». Париж, кол. Р. ван Гулик. Репр. по: R. H. van Gulik. Sexual Life in Ancient China.— Leiden, 1961.

86. После. Фрагмент свитка эпохи Мин (XV—XVII вв.). Шелк, краски. Париж, кол. Р. ван Гулик. Репр. по: R. H. van Gulik. Sexual Life in Ancient China.— Leiden, 1961.

87. Групповые удовольствия. Акварель XIX в. Вашингтон, Фонд культурных исследований Гичнера. Репр. по: B. Smith. The Erotic Arts of the Masters. The 18, 19 and 20 century.— N. J., s. d.

88, 89. Фрагменты благожелательной картинки нянь XIX в. Бумага, краски. Москва, частн. кол.

90, 91. Фрагменты благожелательной картинки нянь. XIX в. Бумага, краски. Москва, частн. кол.

92. Два актера. Акварель XVIII в. Индиана, библиотека университета. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

93, 94. Северный Китай. Два листа из эротической книжки конца XIX в. Бумага, краски. Частн. кол. Репр. по: B. Smith. The Erotic Arts of the Masters. The 18, 19 and 20 century.— N. J., s. d.

95, 96. Фрагменты благожелательной картинки нянь XIX в. Бумага, краски. Москва, частн. кол.

97. Сцена омовения. Акварель XIX в. Вашингтон. Фонд культурных исследований Гичнера. Репр. по: B. Smith. The Erotic Arts of the Masters. 18, 19 and 20 century.— N. J., s. d.

98—109. Северный Китай. (Монголы). Сцена на лошадях. Альбом XVIII—XIX вв. Бумага, краски. Ленинград, ГЭ, список № 14, альбом № 2.

110—114. Северный Китай. (Монголы). Сцены на лошадях. Свиток XVIII в. Шелк, краски. Вашингтон, Фонд культурных исследований Гичнера. Репр. по: B. Smith. The Erotic Arts of the Masters. 18, 19 and 20 century.— N. J., s. d.

115. Япония. Харунобу. Путешествующие любовники. Цв. гравюра XVIII века.

116. Подготовления к вхождению «нефритового стебля» в «лютневые струны». Акварель XIX в. Париж, кол. Ж.-М. Бердли. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

117. В беседке. Акварель начала XIX в. Индиана, библиотека университета. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

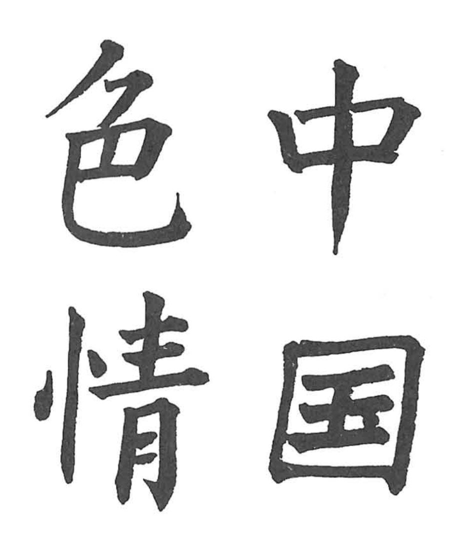
118—119. Цю Ин. Любовные игры в «саду цветов». Фрагменты свитка начала XVI в. Париж, кол. Л. Батэль. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

120, 121, 124—132. Иллюстрация к роману «Цзинь, Пин, Мэй». Колотипии с цветных гравюр XVIII в. (?). Ленинград, ЛО ИВАН, отдел китайских ксилографов.

122. Иллюстрация к роману «Цзинь, Пин, Мэй» из серии XVI—XVII вв. Репр. по: M. Beurdeley et al. The Clouds and the Rain.— L., 1969.

123. Качели. Акварель XIX в. по мотивам романа «Цзинь, Пин, Мэй». Лондон, кол. В. Лоунз. Репр. по: P. Webb. The Erotic Arts.— L., 1975.

№№ 2, 4—8; 9; 14; 16; 23; 34—38; 47—49; 50—52; 64—65; 88—89; 90—91; 95—96; 98—108 публикуются впервые.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙСКИЙ ЭРОС

Автор-составитель А. И. Кобзев

Редактор *А. Д. Дикарев*

Художники *В. А. Осипян*
В. В. Попков
Э. В. Таланов

Технический редактор
Т. Н. Ильина

Корректор *Л. Б. Липихина*

Совместное российско-германское предприятие «КВАДРАТ».
111024, Москва Е-24, СП «КВАДРАТ».

Сдано в набор 21.11.1990. Подписано в печать 16.07.1991
Формат $60 \times 90\, ^1/_{16}$. Гарнитура гельветика.
Печать офсет. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 32.
Тираж 50 000 экз. Зак № 1809. «С» 034.

Отпечатано на бумаге Сыктывкарского ЛПК.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии «Первая Образцовая типография» Министерства печати и информации Российской Федерации.
113054, Москва, Валовая, 28

中國風情